ИСТОРІЯ

ПЕДАГОГИКИ

КАРЛА ШМИДТА

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРІЯ
ПЕДАГОГИКИ

КАРЛА ШМИДТА,

ИЗЛОЖЕННАЯ

ВО

ВСЕМІРНО-ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ И ВЪ ОРГАНИЧЕСКОЙ СВЯЗИ СЪ КУЛЬТУРНОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

ВИХАРДОМЪ ЛАНГЕ.

ПЕРЕВОДЪ

ЭДУАРДА ЦИММЕРМАНА.

ИЗДАНІЕ К. Т СОЛДАТЕНКОВА.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ИСТОРІЯ ПЕДАГОГИКИ ОТЪ І. ХРИСТА ДО РЕФОРМАЦІИ.

МОСКВА.
Типографія Мартынова и К°. (быв Грачева и К°.), Тверская ул., д. Хомяковыхъ.
1879.

СОДЕРЖАНІЕ.

II.

ПОСЛѢ І. ХРИСТА.

Міровая эпоха гуманнаго воспитанія.

А. ОТЪ І. ХРИСТА ДО РЕФОРМАЦІИ.

Основы христіанства и періодъ разсудочнаго воспитанія.

(Стр. 1—463).

Стран.

ДО РЕФОРМАЦІИ.

Періодъ сверхчувственнаго воспитанія.

(Стр. 65—463).

1. Монашеское воспитаніе Восточной церкви и воспитаніе магометанства.

(Стр. 80—114).

2. Духовно-схоластическое воспитаніе Западной церкви.

(Стр. 115—232).

Стран.

Стран.

3. Міряне и ихъ воспитаніе.

(Стр. 232—463).

А. Рыцарство и его воспитаніе.

(Стр. 239—278).

Стран.

В. Среднее сословіе и его воспитаніе.

(Стр. 278—463).

Стран.

Стран.

ВЗГЛЯДЪ

ИСТОЧНИКИ.

Abulfedae Annales Muslemici arabice et latine; opera etc. ete. F. Reiskii Hafniae, 1789.

n halt. Die Universitäten. Jena, 1846.

Aschbach. Roswitha und Conrad Celtes. Wien, 1867.

Baebler. Die Schule zu Brugg im 16. Jahrhundert. (Neues Schweizerisches Museum. Vierter Jahrgang 2. Heft). 1864.

Baur. Der Apostel Paulus. Stuttgart, 1845.

— Kirchengeschichte der ersten drei Jahrhunderte und des Mittelalters. Tübingen, 1863.

Bernhardi. Grundriß der griechischen Literatur. Halle, 1852.

Böhringer. Die Kirche Christi und ihre Zeugen 1. Bd. 1842—1845.

Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen. Leipzig, 1823.

Conde. Geschichte der Herrschaft der Mauren in Spanien. Uebers. von Rutschmann. Carlsruhe, 1824.

Delprat. Die Brüder des gemeinsamen Lebens. Aus dem Holländischen übersetzt von Mohnike. Leipzig, 1840.

Diez. Buch des Kabus. Berlin, 1811.

Ebn Tophail. Der Naturmensch. Uebers. von Eichhorn. Berlin, 1782.

Erhard. Geschichte des Wiederaufblühens wissenschaftlicher Bildung, vornehmlich in Deutschland. Magdeburg, 1827.

Das Erziehungswesen der christlichen Zeit. (Der Schulfreund von Schmitz 11. Jahrgang.) Trier, 1855.

Falke. Die ritterliche Gesellschaft im Zeitalter des Frauencultus. Berlin, 1862.

Fechter. Thomas Platter's Selbstbiographie. Basel, 1840.

Geschichte des Gelehrtenschulwesens (Schmid's Encyklopädie). 1860.

Gesenius. Arabische Literatur. (Encyklopädie von Ersch und Gruber).

Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. 1860.

Gfrörer. Papst Gregorius VII. und sein Zeitalter. Schaffhausen, 1859.

Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Stuttgart, 1859.

Grohmann. Annalen der Universität Wittenberg.

Guerike. De schola, quae Alixandriae floruit, catechetica, 1824.

Hagen. Deutschlands literarisches und religiöses Verhalten im Reformationszeitalter. Erlangen, 1841—44.

Hahn. Geschichte des Unterrichtswesens in Frankreich. Breslau, 1748

— Das geistliche Schauspiel. Leipzig, 1858.

Hammer. Beobachtung über den Orient.

Hase, K. Kirchengeschichte.

Hautz. Geschichte der Universität Heidelberg. Mannheim, 1854.
Heeren Geschichte des Studiums der classischen Literatur mit dem Wiederaufleben der Wissenschaften. Göttingen, 1797 und 1801.
Helfenstein. Die Entwickelung des Schulwesens in seiner culturhistorischen Bedeutung. Frankfurt a/M., 1857.
Heliot. Ausführliche Geschichte der geistlichen und weltlichen Kloster- und Ritterorden: daraus ein Auszug in der Encyklopädie von Ersch und Gruber.
Huart. Prüfung der Köpfe zu den Wissenschaften. Aus dem Spanischen übersetzt von G. E. Lessing. 2te Aufl. von J. J. Ebert. Wittenberg und Zerbst, 1785.
Huber. Die englischen Universitäten. Cassel, 1839 und 1840.
— Die Philosophie der Kirchenväter. München, 1859.
Jahn. De fatis scholarum gentis christianae. 1792.
Jahresbericht des Benedictinerstiftes Maria Einsiedeln von 1856—1857.
Justi. Annalen der deutschen Universitäten.
Keil. Geschichte des jenaischen Studentenwesens. Leipzig, 1858.
Keuffel. Historia originis ac progressus scholarum inter Chrictianos. 1743.
Kellner. Skizzen und Bilder aus der Erziehungsgeschichte. Essen. 1862.
Klemm. Allgemeine Culturgeschichte der Menschheit. Leipzig, 1851.
Klüpfel. Geschichte und Beschreibung der Universität Tübingen. Tübingen, 1849.
Kosegarten. Geschichte der Universität Greifswald. Greifswald, 1857.
Kraußler. Geschichte der Universität Leipzig.
Kühner. Einladungsschrift zu den öffentlichen Prüfungen der Musterschule zu Frankfurt a/M. 1858.
Lange, A. Erasmus (Schmid's Encyklopädie 2ter Band).
Lauckhard Pädagogisches Skizzenbuch. Breslau, 1864.
Launoji De scholis celebrioribus seu a Carolo M. seu post eundem Carolum per Occidentem instauratis liber. Par., 1672.
Leo. Lehrbuch der Geschicht des Mittelalters. Leipzig, 1830.
Löher. Hrotsvitha und ihre Zeit. (Wissenschaftliche Vorträge, 1858 zu München gehalten).
Lorentz. Das Leben Alcuins. Halle, 1829.
Mayerhoff. Johann Reuchlin und seine Zeit. Berlin, 1830.
Meiners. Historische Vergleichung der Sitten &c. des Mittelalters mit denen unseres Jahrhunderts. Hannover, 1793.
— Lebensbeschreibung berühmter Männer aus den Zeiten der Wiederherstellung der Wissenschaften. Zürich, 1795.
— Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen. Göttingen, 1802—1805.
Morus, Th. De optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia. Glasg., 1750.
Müller, A. Leben des Erasmus von Rotterdam. Hamburg, 1828.
Neander. Geschichte der Pflegung und Leitung der christlichen Kirche durch die Apostel. Hamburg, 1841.
— Allgem. Geschichte der christlichen Kirche und Religion.
Niemeyer's Werke.
Oelsner. Muhamed. Frankfurt, 1810.
Palmer. Pädagogik der Kirchenväter. (Südd. Schulbote. 18ter Jahrg.). 1854.
— Die Pädagogik des neuen Testaments. (Südd. Schulbote). Stuttgart, 1854.

Raumer, K. v. Geschichte der Pädagogik. Erster Theil. Stuttgart, 1843.
— Die Hohenstaufen. Berlin. 1858.
Ritter, H. Geschichte der christlichen Philosophie. Hamburg, 1841.
Röhrich. Die Schule zu Schlettstadt, eine Vorläuferin der Kirchenverbesserung. (Illgers Zeitschrift für historische Theologie. 4. Band). 1834.
Rosenkranz. Ueber die Weltstellung des Islan, in dessen „Studien“ I.
Rückert. Lehrbuch der Weltgeschichte. Leipzig, 1859.
Ruhkopf. Geschichte des Schul- und Erziehungswesens in Deutschland. Bremen, 1794.
Saint Palaye, Mémoires sur l'ancienne chevalerie, übersetzt von Klüber. Nürnberg, 1781—1791.
Savigny. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. 1834.
Scherr. Deutsche Cultur- und Sittengeschichte. Leipzig, 1859.
Schlosser. Vincenz von Beauvais. Frankfurt, 1819.
— Ueber Dante. Heidelberg, 1824.
Schnidler. Geschichtliche Derstellung der Entstehung der Hochschulen und des deutschen Universitätslebens ins besondere. (Deutscher Universitäts-Almanach für 1859).
Schwarz's Werke.
Strauß, D. Ullrich von Hutten. Leipzig, 1858.
Tobler. Castiglione und sein „Hofmann“. (Neues Schweizer Museum. VI. Jahrg 1tes, 2tes Heft). 1864.
Die Bücher des Neuen Testaments.
Theiner. Geschichte der geistlichen Bildungsanstalten. Mainz und Wien, 1835.
Ulmann. Reformatoren vor der Reformation. Hamburg, 1842.
Ustari. Entwickelung des paulinischen Lehrbegriffs. Zürich, 1824.
Vegius. De liberorum educatione et claris eorum moribus. Paris, 1511.
Vergerius. De ingenuis moribus ac liberalibus studiis. Ven. 1490.
Vischer. Geschichte der Universität Basel. Basel, 1860.
Vittorino v. Feltre, bearbeitet von K. v. Orelli. Zürich, 1812.
Veesenmeyer. Adelige Erziehung. (Schmid's Encyklopädie).
Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859.
Wachsmuth. Allgemeine Culturgeschichte. Leipzig, 1861.
— Geschichte der deutschen Nationalität. Braunschweig, 1860.
Wagemann. Benedictiner und ihre Verdienste um das Unterrichtswesen. (Encyklopädie von Schmid. I. Band). 1859.
Weinhold. Die deutschen Frauen im Mittelalter. Wien, 1851.
Winter. Bibl. Wörterbuch. Art. „Apostel.“
Wüstenfeld. Die Akademien der Araber. Göttingen, 1837.
Zarncke. Die deutschen Universitäten im Mittelalter. Leipzig, 1857.

ПОСЛѢ І. ХРИСТА.

МІРОВАЯ ЭПОХА ГУМАННАГО ВОСПИТАНІЯ.

1.

СУЩНОСТЬ ХРИСТІАНСТВА И МОМЕНТЫ ЕГО РАЗВИТІЯ.

Съ пришествіемъ Христа человѣчество вступаетъ въ свой зрѣлый возрастъ. Организмъ человѣчества, этотъ макроантропъ, по пути къ своей конечной цѣли, къ водворенію въ Бога, достигъ того возраста, въ которомъ онъ имѣетъ сознательно осуществить вѣчное евангеліе гуманности. Съ Христомъ начинается міровая эпоха свободнаго человѣческаго мышленія и свободнаго человѣческаго дѣла— эпоха, когда вошла въ сознаніе мысль, что божественное и человѣческое въ сущности тожественны, что божественное проявляется въ человѣкѣ разумомъ, красотою и нравственностью, и человѣкъ отражаетъ въ себѣ подобіе Божіе тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ подчиняется господству этихъ идеальныхъ силъ. Съ наступленіемъ христіанства стало ясно, что Богъ—первопричина и сущность всѣхъ вещей, что все въ Богѣ и Богъ во всемъ. Міръ является органическою жизнецѣльностью, носимою, движимою и управляемою Божьимъ духомъ, а человѣкъ—почкою на вѣчномъ и безконечномъ жизненномъ деревѣ, которая должна распуститься въ божественное бытіе и божественную жизнь и развиваться все болѣе пышнымъ цвѣтомъ. Постепенное разумное и законообразное развитіе этого цвѣта представляетъ исторія. Она показываетъ, что Богъ присущъ всюду и что Онъ существенная основа и источникъ силы особей и народовъ, во взаимной борьбѣ которыхъ совершается это развитіе, а съ другой стороны, осуществляя всеобщій планъ міра только при посредствѣ слагающихся и дѣйствующихъ независимо другъ отъ друга особей и народовъ, она съ несомнѣнною достовѣрностью указуетъ на премудрый промыслъ, такъ что, выражаясь словами В. Гумбольдта, міровая исторія кажется непонятною безъ міроправленія.

Христіанство это религія человѣкоподобнаго Бога и богоподобнаго человѣка,—это религія примиренія человѣчества съ божествомъ, конечнаго съ

безконечнымъ духомъ. Что во всемъ античномъ мірѣ осталось неразрѣшимою задачею,—то выразило христіанство, возвѣстивъ принципъ единства божескаго и человѣческаго существа. Съ познаніемъ этой истины сущность Бога была сознана какъ сущность человѣка. Лишь тогда, когда единство божеской и человѣческой природы, явленіе Бога во плоти, признается за истину, начинается истинное міро-и само-сознаніе. И лишь тогда, когда существуетъ правдивое и истинное понятіе о человѣкѣ, о его достоинствѣ и назначеніи, можетъ быть постигнутъ принципъ истиннаго воспитанія. Въ язычествѣ человѣкъ считался только средствомъ для чего-то другаго, для цѣлей государства и пр., и ему придавалось значеніе лишь постольку, поскольку онъ трудился для государства, для отечества и пр. Съ мыслью о богочеловѣчности человѣкъ самъ въ себѣ обрѣлъ безконечно высокое значеніе, ибо Богъ присущъ въ немъ, и онъ, какъ Богомъ уставленная, богоподобная личность не имѣетъ передъ собою иной задачи, какъ сознать общность своей жизни и своего существа съ Богомъ, т. е. прямо сдѣлаться чадомъ Божіимъ. Объединиться съ Богомъ, именно въ силу того, что божественное составляетъ истинную сущность человѣка: вотъ назначеніе его, которое основатель христіанства предъявилъ въ своемъ лицѣ и которое онъ поставилъ требованіемъ для каждаго. „Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный". Что Христосъ совершилъ въ своей жизни и въ своемъ сознаніи—единеніе съ Богомъ и примиреніе съ Нимъ, то каждый человѣкъ долженъ вновь развить въ своемъ сознаніи и въ своей жизни: — онъ долженъ сдѣлаться Христомъ.

Этими основными истинами христіанства выражено какъ безконечно великое значеніе и право единичной личности, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существенное равенство и взаимное родство всѣхъ людей. Съ этой поры человѣкъ уважается какъ человѣкъ; ибо каждая особь признается существомъ управомоченнымъ отъ Бога,—все человѣчество постигается какъ нравственный организмъ, члены котораго имѣютъ развить въ себѣ съ одной стороны индивидуальную самостоятельность и характерную законченность, а съ другой—то магнетическое влеченіе любви и преданности, что связываетъ ихъ другъ съ другомъ и единичное съ цѣлымъ. Національность является особенностью всеобще человѣческаго строя, а послѣдній выступаетъ на первый планъ какъ существенное и опредѣляющее начало. Передъ Богомъ, передъ Отцомъ всѣ люди—дѣти, всѣ равны: этимъ устраняется противоположность между господиномъ и рабомъ, мужемъ и женой и пр.; естественныя разности не оказываютъ болѣе никакого правомѣрнаго вліянія на оцѣнку человѣка.

Жизнь, а вмѣстѣ съ жизнью и воспитаніе также глубже постигаются благодаря христіанскому нача-

лу и преобразуются соотвѣтственно истинной ихъ сущности. У всѣхъ дохристіанскихъ народовъ задача воспитанія обусловливалась національностью; христіанское же воспитаніе стало общечеловѣческимъ, какъ и само христіанство. Цѣль, поставляемая христіанскою педагогикою,—подражаніе и слѣдованіе Христу — одна и та же для всѣхъ націй, для всѣхъ сословій, для обоихъ половъ. Христіанство — это всеобщій принципъ жизни, способный въ своей всеобщности примѣняться во всякихъ условіяхъ и усвоивающій себѣ всѣ истинныя духовныя стремленія въ искусствѣ, наукѣ и пр.; христіанство—это самый глубокій продуктъ человѣческаго духа, выработанный изъ самыхъ нѣдръ человѣческой природы, это—дитя высшихъ человѣческихъ духовныхъ дѣятельностей: христіанская педагогика ставитъ себѣ задачею довести до развитія и расцвѣта истинную сущность человѣка, т. е. божественное въ природѣ его, сдѣлать его такимъ образомъ нравственно свободнымъ и подобнымъ Творцу его; она смотритъ на человѣка какъ на звено всесовокупнаго бытія и домогается поэтому съ одной стороны характерной самостоятельности, отвѣчающей его индувидуальному складу, а съ другой—развитія любви, преданности и самоотверженной дѣятельности для блага цѣлаго; она добивается гармоническаго развитія всѣхъ силъ единичнаго человѣка, доставляя ему съ одной стороны всѣ образовательныя средства, какія даются искусствомъ, наукою, міромъ и жизнью; а съ другой — понуждая его по мѣрѣ пріобрѣтеннаго имъ разумѣнія выражать и воспроизводить, такъ что онъ становится творческимъ существомъ, а слѣдовательно также и съ этой стороны сродственнымъ своему Творцу; она стремится присоединить его къ сонму поборниковъ осуществленія царства Божія, того царства, въ которомъ господствуютъ разумъ, красота и нравственность въ тѣсномъ союзѣ другъ съ другомъ.

Постигнувъ конечный духъ въ общемъ сродствѣ его съ безконечнымъ, христіанство признало духовность и внутреннюю жизнь какъ истину и сущность естественности и внѣшности. Но сперва надлежало познать міръ въ его ничтожествѣ, и тогда лишь стало возможнымъ познать истину его, Бога въ немъ; естественному человѣку надлежало сперва сознать себя въ своей грѣховности, и тогда лишь истинный человѣкъ могъ вознестись къ Богу. Оттого христіанство сперва враждебно противостало міру, дабы въ истинѣ и истиною преодолѣть и проникнуть его. Въ этомъ и состоитъ сущность *дореформаціоннаго христіанства*, послѣдователи котораго отрицаютъ міръ. отчуждаясь отъ него

и предаваясь аскетизму, и спасаются въ разукрашенное образами ихъ фантазіи небо, въ область сверхумвственнаго, дабы это небо въ видѣ Церкви вновь низвести на землю и такимъ образомъ, вопреки отвлеченной внутренней жизни, всегда витать въ отвлеченной внѣшности, въ небесныхъ высяхъ какъ здѣсь, такъ и за гробомъ, но никогда и нигдѣ не жить ни у себя, ни въ себѣ самомъ. Существенное содержаніе въ дореформаціонное христіанство извнѣ прививается единичному лицу, дается ему отъ Церкви. Эта Церковь съ ея постановленіями и правилами обнимаетъ физическую и психическую жизнь и обусловливаетъ собой поэтому какъ науку, такъ и воспитаніе. Наука, точно такъ же какъ и сама Церковь, въ состояніи вращаться лишь въ отвлеченныхъ противоположностяхъ разсудка, — она не что иное какъ схоластика. Какъ преподаваніе, такъ и воспитаніе подчинены формуламъ витающаго въ этихъ противоположностяхъ смысла и служенію Церкви навсегда.

Духъ исторіи возстаетъ наконецъ противъ внѣшности и на мѣсто святости ставитъ нравственность, на мѣсто господства духовенства — господство духа. Въ этомъ — *основная мысль реформаціи*, и съ нею начинается господство разума, который отражается и проявляется во всѣхъ сферахъ жизни и общества, въ наукѣ и воспитаніи. Богъ движетъ съ этихъ поръ міромъ въ самой глубинѣ его, вселенная стала однимъ великимъ органическимъ всебытіемъ, единичный человѣкъ однимъ живымъ звеномъ въ совокупности бытія, и въ немъ проявляется вся суть этого цѣлаго. Пореформаціонное воспитаніе, это — воспитаніе органическое.

ОСНОВЫ ХРИСТІАНСТВА И ЕГО ВОСПИТАНІЯ.

ОСНОВЫ ХРИСТІАНСТВА И ЕГО ВОСПИТАНІЯ.

1. ЗАКЛАДКА ХРИСТІАНСТВА.

2.

Іисусъ Христосъ, учитель и воспитатель человѣчества.

Всеобщій разумъ, откровенное въ мірѣ божественное слово и существо, которое въ языческомъ человѣчествѣ распалось на исключающія другъ друга народныя особенности, а въ іудейскомъ народѣ было лишь предметомъ надежды, сталъ во Христѣ плотію и живымъ существомъ, дѣйствительностью, лицомъ. Итакъ Христосъ не что иное какъ воплощенное сознаніе человѣка о тождествѣ его чистаго существа съ Божескимъ,—и притомъ это сознаніе проявилось не въ философіи или искусствѣ, и не подъ видомъ какого-либо символа или образа, но какъ дѣйствительный человѣкъ. Христосъ, это—Богъ, ставшій человѣкомъ, и человѣкъ, который есть Богъ. Онъ Богъ въ той мѣрѣ и постольку, поскольку Богъ можетъ обнаружиться въ человѣкѣ. Онъ человѣкъ,—истинный, настоящій, отвѣчающій своему понятію и назначенію, онъ живой, олицетворенный идеалъ человѣка, который своею личностью осуществилъ лежащія въ основѣ человѣчества божественность и богоподобіе и такимъ образомъ олицетворилъ собою тождество и единство человѣка съ Богомъ.

Идею богочеловѣчности, которая жива была во Христѣ и которую онъ выразилъ въ видѣ исполняющаго всего человѣка одушевленія, присвоилъ онъ однако не исключительно себѣ одному. Всѣхъ людей по существу и призванію ихъ онъ призналъ дѣтьми Божьими и назвалъ братьями учениковъ своихъ, т. е. всѣхъ, кто состоитъ въ единеніи съ бытіемъ и существомъ его и кто воспріялъ божество въ свою волю, такъ что оно гласитъ его устами.

Онъ по этому былъ безусловною религіозной личностью, которая тождество человѣческаго существа съ Божьимъ и тождество человѣка съ человѣкомъ безъ различія какихъ бы то ни было національностей и особленій возвела въ непосредственную правду и очевидность. которая въ силу своей божественности возвѣстила царство Божіе, своимъ по-

явленіемъ возбудила въ человѣкѣ сознаніе богочеловѣчности, утвердивъ такимъ образомъ вѣру въ единое человѣчество и единаго Бога, какъ общаго отца всѣхъ народовъ и людей,—создавъ притомъ черезъ начало любви истинную нравственность: Онъ—Спаситель, который, явивъ въ своемъ лицѣ первообразъ человѣческой природы, божеское подобіе въ человѣкѣ, примирилъ тѣмъ самымъ божественное съ человѣческимъ; Онъ, чистѣйшій между сильными, сильнѣйшій между чистыми,—какъ выражается Ж. Поль, —своею изъязвленною рукой расшаталъ основы царствъ земныхъ, вывелъ потокъ вѣковъ изъ русла его и все еще господствуетъ надъ вѣкомъ.

Относительно іудейства и язычества онъ былъ камнемъ преткновенія, революціонеромъ и атеистомъ,—во всемірной же исторіи онъ представляетъ чистѣйшее выраженіе божественнаго въ человѣкѣ, личность, которую восемнадцати вѣковою исторіею мы вынуждены поставить во главѣ этого развитія, не будь у насъ даже никакихъ историческихъ преданій. Его жизнь и его личность сливались воедино съ его сознаніемъ божества. Любовь, которая всѣмъ жертвуетъ, всецѣло отдается, мыслитъ и чувствуетъ лишь то, что угодно Богу, которая любитъ всѣхъ, въ чьихъ очахъ сіяетъ образъ божества, которая уничтожаетъ преграды между Іудеями, Греками и варварами, всѣ различности сословій и званій и, несмотря на различные религіозные уставы и мнѣнія, всѣхъ признаетъ дѣтьми Божьими: этою любовью онъ жилъ въ теченіе всей своей жизни и пожертвовалъ ей своимъ земнымъ бытіемъ, дабы въ любви проявить Бога, въ которомъ пребудетъ всякъ пребывающій въ любви, и дабы обнаружить Его какъ духъ, передъ которымъ умолкаютъ всякое себялюбіе и всякая обособленность, который хочетъ быть почтенъ въ духѣ и истинѣ, т. е. въ развитіи вѣчнаго и безсмертнаго начала въ человѣкѣ путемъ борьбы и стремленія къ истинѣ. Исходя отъ такого сознанія, онъ въ своей великой программѣ, въ проповѣди на горѣ, ублажаетъ всѣхъ кроткихъ и милосердыхъ, всѣхъ алчущихъ правды и полной святости, помогающихъ ближнимъ въ нуждѣ, чистыхъ сердцемъ, обрѣтшихъ миръ съ Богомъ, а потому жаждущихъ мира и съ людьми, выдерживавшихъ среди гоненій и поношеній искусъ своей жизни въ любви и въ Богѣ. И программа эта всегда была неизмѣнною тэмою рѣчей и дѣлъ его. Блаженство, ощущаемое имъ самимъ въ любви Божьей, хотѣлъ онъ разлить по возможности на многихъ и по возможности многимъ возвѣстить евангеліе, что Богъ есть духъ, который все во всемъ и все исполняетъ и который говоритъ человѣку: ты духъ отъ духа моего! — Въ силу этого онъ, создавъ царство Божіе въ своей груди, естественно презрѣлъ какъ букву, такъ и всякое наружное и лицемѣрное дѣло. Пламенѣя святымъ рвеніемъ пророка, онъ

возбудилъ противъ эгоизма своей эпохи гнѣвъ карающей любви, и обладая мощною энергіей и державнымъ величіемъ законодателя, пришелъ въ міръ съ царственной увѣренностью и свободой, дабы всею своею силою и всею любовью своего духа сокрушить царство себялюбія и упрочить господство за истиной и любовью.

Христосъ своимъ ученіемъ и подвигомъ, всею своею жизнью и въ ней самой—учитель и воспитатель человѣчества. Съ этой поры нѣтъ мудрости выше откровенной Христомъ, что Богъ есть духъ, и что поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ,—нѣтъ мудрости выше той, что Богъ присущъ въ человѣкѣ, что Онъ истинное божественное бытіе его,—нѣтъ задачи божественнѣе этой: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя". Такова безусловная истина, таково ученіе для всѣхъ вѣковъ, въ усвоеніи и осуществленіи котораго состоитъ задача человѣчества, тогда какъ въ лицѣ самого Христа показанъ безусловный примѣръ того, куда ведетъ эта истина, что творитъ она, какъ, принявъ образъ, она проявляется.

Этотъ законченный идеалъ для воспитанія какъ человѣчества, такъ и единичнаго человѣка, служитъ въ то же время идеаломъ для развитія подростающаго человѣка, для воспитанія дѣтства. Іисусъ Христосъ въ лицѣ своемъ переживалъ истинное, богоугодное развитіе дитяти. Кто истинно чтитъ Бога, тотъ истинно чтитъ также родителей, ибо онъ поступился своей волею и служитъ всеобщей, нравственной волѣ: вотъ та великая истина, какая заявлена его дѣтствомъ. Отрокомъ уже онъ направилъ стопы свои къ святынѣ; уже въ отрокѣ жило сознаніе, что царство Божіе выше даже нежели семья: „Или вы не знали, что Мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?" Но его свободный уже духъ добровольно подчинялся и родительскому увѣту: онъ пошелъ съ родителями, когда они позвали его съ собою изъ храма, указавъ въ то же время своимъ пребываніемъ въ немъ на главныя черты всякаго воспитанія: онъ пошелъ въ храмъ,—вотъ обученіе религіи; онъ сидѣлъ среди учителей—вотъ уваженіе къ наукѣ; онъ повиновался своимъ родителямъ,—вотъ любовь къ порядку и повиновенію; онъ сперва слушалъ, потомъ спрашивалъ,—вотъ путь, какимъ могутъ и должны быть усвоиваемы дѣтствомъ духовныя и божественныя истины. Такъ „преуспѣвалъ онъ въ премудрости и возрастѣ, и въ любви у Бога и человѣковъ":—духовно и тѣлесно; тѣлесное и духовное развитіе шли у него вровень одно другому. До какой бы высоты развитія ни дошелъ онъ, — но никогда не забывалъ той, на чьемъ лонѣ

покоился: среди ада безпомощной муки на крестѣ онъ то, что любилъ болѣе всего, мать свою, поручилъ ученику любви.

Идеалъ дѣтскаго міра идеалъ также и учительскаго. Іисусъ Христосъ— образцовый учитель мудрости и любви, вѣры и знанія, совѣтомъ и дѣломъ. Самую глубокую мудрость онъ выразилъ въ самой ясной и притомъ совершенной формѣ. Его поученія привлекательны, очаровательны, вразумительны, понятны, ясны, убѣдительны: оттого что они излагаютъ не что иное какъ сущность человѣка,—таковы же и доказательства его, оттого что онъ черпалъ ихъ изъ природы, этого зеркала вѣчности и родственныхъ человѣку веществъ, таковы же и доводы его, оттого что они взяты отъ законовъ и требованій человѣческаго разума. Притчами одушевляетъ онъ сердца и черезъ сердца овладѣваетъ волею. Онъ заимствуетъ у жизни свои проповѣди; оттого-то онъ и захватываетъ ими за живое. Каждое слово его—духъ и жизнь; оно стремится пробудить дремлющія силы души и сдѣлать средоточіемъ ихъ нравственно-религіозныя духовныя дѣятельности. Но лишь воспріимчивымъ душамъ обнаруживаетъ онъ свою душу(—неимущимъ онъ проповѣдуетъ евангеліе царства небеснаго—), и лишь тогда, когда видитъ смиреніе и самоотверженную любовь, открываетъ тайны религіи. И передаетъ онъ все не одинакимъ образомъ и не въ одинакой всѣмъ формѣ: народу говоритъ притчами, а въ тѣсномъ кружкѣ своихъ учениковъ большею частью короткими изреченіями и мыслями. И самимъ ученикамъ даже сообщаетъ онъ не все разомъ; но всякій разъ лишь столько, сколько умъ ихъ способенъ усвоить себѣ: отходя, онъ еще многое имѣетъ сказать имъ, но они теперь не могутъ вмѣстить: потому-то онъ указуетъ имъ на Духъ,—Онъ наставитъ ихъ на всякую истину.

Этотъ законченный учитель какъ своимъ подвигомъ, такъ и въ поученіяхъ своихъ далъ вѣчныя основы педагогики. Поставивъ себѣ задачею не нарушеніе закона, но совершенное исполненіе его, онъ сохранилъ также самую основу нравственной жизни и воспитанія, бракъ, освободивъ его лишь отъ чистой внѣшности, дабы основать на задушевной любви: „Я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ". „Оставитъ человѣкъ отца и мать, и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одно плотію". Относительно дѣтскаго міра онъ требуетъ высокаго уваженія и признанія личнаго достоинства дѣтей. „Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя; тотъ не войдетъ въ него". „И обнявъ ихъ, возложилъ руки на нихъ, и благословилъ ихъ". И сказалъ: „Кто приметъ одно такое дитя во имя Мое; тотъ Меня принимаетъ; а кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣру-

ющихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской“ „Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ; ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго“. Дѣти въ смиреніи и скромности ихъ, въ ихъ непритязательной простотѣ и невинности, въ ихъ простодушіи и любви, въ ихъ искренности, прямотѣ и воспріимчивости къ божественному, служатъ въ его глазахъ образцами высшаго совершенства, къ которому человѣкъ долженъ стремиться въ сознаніи своемъ, такъ чтобы быть и сдѣлаться сознательно такимъ, какими они являются безсознательно. Оттого-то онъ и увѣщевалъ учениковъ своихъ, дабы они обратились и были какъ дѣти; оттого-то препиравшимся о суетѣ и честолюбіи ученикамъ представилъ дитя съ увѣтомъ уподобиться ему; оттого-то на вопросъ, кто больше въ царствѣ небесномъ, отвѣтилъ: „Кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ“ Онъ завѣщалъ родителямъ преданную воспитательную любовь къ дѣтямъ и велѣлъ даже отцу радушно принять въ свои объятія возвратившагося блуднаго сына, тогда какъ возставая противъ ложной любви къ дѣтямъ, забывающей высшія цѣли человѣка, онъ сказалъ: „Кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня.“—Онъ настаиваетъ на тѣлесномъ и духовномъ воспитаніи дѣтей; но въ глазахъ Его духовная жизнь, а вмѣстѣ съ нею и духовное воспитаніе выше тѣла и его развитія. Ибо „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ „Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища на небѣ, гдѣ ни моль ни ржа не истребляетъ; и гдѣ воры не подкапываютъ и не крадутъ. Ибо гдѣ сокровище ваше: тамъ будетъ и сердце ваше“. „Ищите же прежде царства Божія и правды Его, и это все приложится вамъ“. — Какъ достигается это царство? „Царствіе Божіе не пища и питье, но праведность и миръ и радость во святомъ Духѣ“.

„Есть свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ міръ“. Также и въ дѣлѣ воспитанія. Іисусъ Христосъ установилъ вѣчное и истинное значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ основы и цѣль воспитанія. Богъ ставшій человѣкомъ, человѣкъ вознесенный до Бога: таковъ образовательный идеалъ христіанскаго воспитанія. Воспитать человѣка значитъ изъ низости и ничтожества чисто естественнаго, преходящаго бытія вознести его въ область духовности свободной нравственности и богоподобія дѣйст-

віемъ истины и красоты. Эта Христомъ поставленная задача воспитанія для всѣхъ націй, для обоихъ половъ, для всякаго званія—одна и та же: этотъ принципъ, совпадая съ борьбою человѣческаго духа за свою свободу и сущность, не только составляетъ конечный выводъ всякой теоріи, но оправдывается также и на практикѣ; и точно, въ силу своей всеобщности онъ примѣнимъ ко всѣмъ условіямъ и не исключаетъ никакихъ душевныхъ стремленій ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, будучи лишь врагомъ всего, что вредно нравственной свободѣ духа.

2. ПЕРВОБЫТНОЕ ХРИСТІАНСТВО.

а. Педагогика Новаго Завѣта.

3.

Когда Христосъ разлучился съ своими учениками, то ясный образъ его составлялъ содержаніе ихъ вѣры, которая, помимо всѣхъ доводовъ и доказательствъ, обрѣла непосредственную истинность спасенія въ возродившемся внутри ихъ Христѣ. Христосъ, этотъ посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, былъ средоточіемъ первобытнаго ученія и первобытной вѣры. Личность Христа, при жизни Господа различно понимаемая каждымъ изъ учениковъ, смотря по различію ихъ индивидуальностей, и представляемая поэтому въ различномъ видѣ, должна была также различно по отходѣ его возродиться въ нихъ духовно. И этотъ различно сложившійся образъ Христа въ умѣ каждаго изъ апостоловъ и учениковъ долженъ былъ въ ихъ изложеніяхъ придать также разные оттѣнки ученію и жизни Христа, смотря по тому, склонялись ли они сами болѣе къ раціональному или къ мистическому направленію и перешли ли къ христіанскому воззрѣнію отъ воззрѣнія іудейства или язычества. Синоптическія евангелія въ сущности представляютъ и изображаютъ во Христѣ идеальную нравственную личность, тогда какъ Іоанново евангеліе съ самаго начала видитъ въ Немъ предвѣчное Слово, логосъ, человѣка, въ которомъ Богъ явился во плоти, и представляетъ этого Бога, Ему же присуща полная благодати и истины слава Отца, какъ путь, истину и жизнь.

Начертавъ этотъ обликъ Іисуса, Новый Завѣтъ переходитъ къ исторіи перваго христіанства и развитію христіанскаго воззрѣнія. Старѣйшая христіанская община была лишь новою сектою іудейства, строго соблюдавшею Моисеевъ законъ, даже церковный уставъ, и отличавшеюся отъ правовѣрна-

го іудейства одною лишь вѣрою въ то, будто Христосъ былъ обѣтованнымъ Мессіей Іудеевъ, возвратъ котораго предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ. Эта община еще не пришла къ сознанію противоположности христіанства съ ея собственной исходнойточкою. Такое сознаніе возбуждено было въ христіанствѣ только Павломъ, этимъ мощнымъ, глубокомысленнымъ Апостоломъ язычниковъ, который, владѣя проницательною и искусною фарисейскою діалектикою, изучивъ формализмъ греческой логики, освоившись съ греческимъ языкомъ, пользуясь правами римскаго гражданства, а слѣдовательно всемірностью своего гражданскаго положенія и своего греческаго образованія, возвѣстилъ всемірность вѣры въ Мессію, въ противность іудейскому партикуляризму, доказавъ теоретически и оправдавъ практически мысль, что Христосъ умеръ для всѣхъ людей. Выразивъ мысль о всеобщей необходимости ниспосланной свыше благодати, мысль, основанную имъ на всеобщей грѣховности Іудеевъ и язычниковъ, заявивъ несостоятельность Моисеева закона съ христіанской точки зрѣнія, онъ отрѣшилъ христіанство отъ іудейства и возвелъ первое во всеобщую міровую религію. Исходя отъ этой мысли, онъ предложилъ вопросъ, какимъ путемъ человѣкъ доходитъ до чувства примиренія съ Богомъ, и отвѣчаетъ на это: единственно черезъ Христа. Единственно вѣрою въ Него, въ этотъ образъ Божій, который вмѣстѣ первенецъ творенія, глава церкви и начало воскресенія, можемъ мы достичь оправданія передъ Богомъ: вѣра, т. е. самоотданіе себя Христу, жизнь, смерть и воскресеніе въ немъ и съ нимъ, вотъ субъективное условіе, посредствомъ котораго человѣкъ вступаетъ въ истинное и чистое отношеніе къ Богу, т. е. достигаетъ праведности; —объективное же условіе примиренія есть благодать Божія, предавшая за насъ смерти праведника, дабы мы умерли для закона тѣломъ Христовымъ, но и воскресли съ нимъ же и жили божественною жизнью любви, въ которой мы дѣйствительно и реально будемъ всѣ едино въ Богѣ. Но этимъ блаженствомъ оправданія пользуется лишь призванный къ тому по опредѣленію Божію: помилованіе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога, который милуетъ кого хочетъ, и кого хочетъ ожесточаетъ, дабы показать Свой гнѣвъ, и явить Свое долготерпѣніе и Свою любовь, которою Онъ въ концѣ концевъ всѣхъ къ Себѣ возноситъ. такъ что призваніе и отлученіе суть только разныя ступени, по которымъ восходятъ въ царство благодати.— Человѣкъ, по ученію Павла, поставленъ въ средоточіе промысла Божія. Онъ сотворенъ по образу Бога и какъ микрокосмъ стоитъ на челѣ природы. Образованный изъ земли и Духа Божьяго онъ душа живая: душа эта нутрь тѣла, а духъ нутрь души. Съ самаго развитія зародыша человѣкъ есть совокупность тѣла и духа, связанныхъ при по-

средствѣ изъ духа исшедшей души. Душа, это связь между духомъ и матеріей въ человѣкѣ и двигательная сила жизни: она въ крови, и потому-то кровь— всеобъемлющій источникъ физической жизни, тогда какъ духовная жизнь души коренится въ сердцѣ, а вершина ея въ челѣ. Богоподобіе человѣка въ сущности обнаруживается въ духѣ, дѣятельность котораго проявляется въ мышленіи, хотѣніи и чувствованіи. Въ естественномъ быту онъ отклонился отъ любви Божіей. Но въ исполненной вѣрою богочеловѣческой жизни напротивъ того онъ чувствуетъ себя среди божества, постигаетъ его глубины, существенное единство всего живущаго, и живетъ любовью, связующею вмѣстѣ все разрозненное и побуждающею къ жизнеобщенію. И тутъ конечно различны дары и благодати, смотря по установленной Богомъ индивидуальности. Всѣ единое тѣло во Христѣ, но каждый составляетъ особый членъ, а порознь одинъ для другого члены. Потому не долженъ говорить одинъ: я Павловъ; а другой я Аполлосовъ. „Дары различны, но Духъ одинъ и тотъ же; и служенія различны, а Господь одинъ и тотъ же; и дѣйствія различны, а Богъ одинъ и тотъ же, производящій все во всѣхъ".

На этой ѳеологіи евангелистовъ и на этой сотереологіи [1]) и антропологіи Павла созидается *новозавѣтная педагогика*.

Писателями Новаго Завѣта бракъ понимается какъ слѣпокъ того отношенія, въ какомъ Христосъ состоитъ къ своей Церкви. Законъ единобрачія освященъ. Предписано, женѣ не разводиться съ мужемъ, и мужу не оставлять жены своей. Мужъ долженъ быть не властелиномъ, а блюстителемъ и попечителемъ своихъ, а жена должна быть не рабою, но подругою и спутницею мужа. „Жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, какъ Господу. Какъ Церковь повинуется Христу, такъ и жены своимъ мужьямъ во всемъ". „Жены, повинуйтесь мужьямъ своимъ, прилично въ Господѣ". „Мужья, любите своихъ женъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь, и предалъ Себя за нее".

Отношеніе родителей къ дѣтямъ есть и должно быть слѣпкомъ отношенія Бога къ людямъ. Потому любовь должна быть соединяющею ихъ связью. Одною лишь любовью родителей къ дѣтямъ, которыя суть даръ Божій и слѣдовательно собственность Его, можетъ возгорѣться любовь дѣтей къ Богу, видимые представители котораго—родители. Лишь въ силу преданной любви родители остерегутся раздражать дѣтей своихъ; они будутъ напротивъ взирать на нихъ, какъ на порученныя имъ отъ Бога души и вмѣстѣ съ духовнымъ благосостояніемъ ихъ заботиться также о тѣлесномъ. Они не будутъ наказывать ихъ по своему произволу; образцомъ имъ служитъ мудрость

---

[1]) Сотереологія значитъ ученіе о спасеніи людей Богомъ.

Божія, которая въ своихъ увѣтахъ и наказаніяхъ сегодня та же что и завтра, сегодня не черезъ чуръ скора, а завтра не черезъ чуръ мѣшкатна. Дитя даже въ самихъ наказаніяхъ должно вѣрить въ любовь отца: потому кара не должна подлежать произволу, увѣщаніе должно обращаться къ сердцу ребенка. Воспитаніе должно пріучать къ добру и внушать его какъ богоугодное дѣло. Увѣты должны вести къ тому, чтобы добро не обратилось въ наружный навыкъ, но чтобы оно само собой возникало изъ сокровищницы добраго сердца. Поученіе и увѣщаніе безъ любви закрываютъ родителямъ доступъ къ душѣ дитяти; поученіе и увѣщаніе въ любви и съ любовью открываютъ родителямъ двери къ сердцу ихъ дѣтей. „Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ". „Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, дабы они не унывали".—Общая цѣль, къ которой должны вести воспитаніе и наставленіе, та же самая, какая ставится всякому человѣку въ его жизни и вмѣстѣ съ нею. Цѣль жизни и стремленія въ томъ, чтобы Христосъ обрѣлъ свой образъ въ христіанинѣ, чтобы христіанинъ во всѣхъ помыслахъ и поступкахъ заявилъ себя ученикомъ Христа, и чтобы онъ, подобно Христу, съ чувствомъ собственнаго достоинства требовалъ уваженія къ своей индивидуальности, но служилъ бы также великому цѣлому всѣми ему дарованными духовными способностями, не щадя и живота своего. Вести дитя ко Христу: вотъ цѣль воспитанія и наставленія. Къ Нему надлежитъ направлять не только словами, но еще болѣе примѣромъ, ибо поступки родителей служатъ для дѣтей книгами, по которымъ они учатся, и если корень святъ, то и вѣтви. Какъ христіане своимъ собратьямъ, такъ и родители своимъ дѣтямъ должны служить образцомъ словомъ и дѣломъ, въ любви, вѣрѣ и цѣломудріи, — Матѳ. 23, 10: „Одинъ у васъ наставникъ, Христосъ!" — Вопреки этой совмѣстной цѣли, къ которой всѣхъ надлежитъ вести, христіанство не желаетъ единообразія христіанъ. Правда, сказано къ Гал. 3, 28: „Всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ";—но при всемъ томъ I. къ Коринѳ. 12: „Дары различны". Всѣ люди созданы по подобію Божію; но каждый человѣкъ все-таки представляетъ своеобразную смѣсь наклонностей, въ которыхъ обнаруживается это подобіе.

Дѣти должны быть исполнены повиновенія и уваженія къ своимъ родителямъ; этимъ они угодятъ Богу. Побужденіемъ къ такой жизни должны быть не страхъ передъ наказаніемъ, и не расчетъ, а страхъ Божій, любовь къ Господу. „Дѣти повинуйтесь своимъ родителямъ въ Господѣ; ибо сего требуетъ справедливость. Почитай отца твоего и мать; это первая заповѣдь съ обѣтованіемъ: да будетъ тебѣ благо, и будешь долголѣтенъ на землѣ". „Дѣти,

будьте послушны родителямъ своимъ во всемъ; пбо сіе благоугодно Господу". „Если же какая вдовица имѣетъ дѣтей, или внучатъ; то они прежде пусть учатся почитать свою семью, и воздавать должное родителямъ: ибо сіе угодно Богу".

Воспитатель и наставникъ есть избранникъ Господень. И къ нему также относится требованье: „Паси агнцевъ Моихъ!" и наставникамъ также сказано: „Не вы будете говорить, но Духъ Отца вашего будетъ говорить въ васъ". Кто внимаетъ наставнику, тотъ внимаетъ Господу; кто презираетъ его, презираетъ Господа. Потому требованье повиновенія относится какъ къ учителямъ Церкви, такъ равно и къ школамъ: „Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны: ибо они неусыпно пекутся о душахъ вашихъ". Но учитель тогда только бываетъ истиннымъ наставникомъ, когда онъ подчиняется истинному пастырю и епископу душъ — когда подобно Іоанну Крестителю пріуготовляетъ путь Господу. Потому-то онъ прежде всего долженъ воспитать самого себя и блюсти правду и ея ученіе, если хочетъ быть истиннымъ наставникомъ и воспитателемъ. Я же—говоритъ Павелъ—не хочу благовѣствовать другимъ, когда самъ недостоинъ. „Какъ же ты, уча другаго, не учишь себя самого? Проповѣдуя не красть, крадешь?" и т. д. Съ неуклонною преданностью и добросовѣстно долженъ подвизаться учитель пока длится день, помня слова: „Имѣешь ли служеніе, пребывай въ служеніи; учитель ли,—въ ученіи". Съ самоотверженною любовью долженъ онъ искать и питать слабое и сильное,—мудро испытывать умы и съ каждымъ ребенкомъ обращаться, сообразно роду и потребности его, — слабому давать лишь молоко, твердому болѣе твердую пищу, для Іудеевъ быть Іудеемъ, для немощныхъ немощнымъ, чтобы вездѣ спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ. Сколько бы затѣмъ ни совершилъ онъ, трудяся, но въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ такому сознанію: „Я болѣе всѣхъ ихъ потрудился: не я впрочемъ, а благодать Божія, которая со мною". Наставникъ долженъ быть служителемъ Христовымъ и домостроителемъ таинъ Божіихъ. 1, Кор. 4, 1. Отъ Іоанна 10, 7: „Я дверь овцамъ". Образцомъ воспитателя является пастырь добрый, полагающій жизнь свою за овецъ. Дѣятельность воспитателя уподобляется дѣятельности сѣятеля. Послѣдній долженъ обладать точнымъ знаніемъ почвы и ея обработки, а первый пониманіемъ сущности дѣтской природы и законовъ обращенія съ нею и ухода за ней: сердца дѣтей будутъ открыты передъ нимъ и любовью къ юности, какая жива была въ Іисусѣ, повелѣвая его ученикамъ не препятствовать дѣтямъ, но пустить ихъ къ Нему. (Отъ Марка 10, 14). Руководящимъ началомъ учителя по 2. Кор. 6, 4 должно быть: „Во всемъ да являемъ себя, какъ служители Божіи, въ великомъ

терпѣніи". — Настоящій образъ преподаванія характеризуется Кол. 4, 6 такъ: „Слово ваше да будетъ всегда съ благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, какъ отвѣчать каждому". Для достиженія полезной дѣятельности учитель долженъ обладать дѣтскимъ нравомъ. Отъ Матѳ. 18, 4. „Итакъ кто умалится, какъ это дитя; тотъ и больше въ царствѣ небесномъ". Учитель не долженъ предаваться ни застою, ни покою, но постоянно идти впередъ въ своемъ образованіи. Филипп. 3, 12: „Стремлюсь, не достигну ли и я, какъ достигъ меня Іисусъ Христосъ." Онъ обязанъ освятить себя для юности; ибо онъ — Матѳ. 5, 13 — „соль земли" и отъ него, какъ отъ соли, должна исходить крѣпительная, питательная, отъ гніенія предохраняющая, приправляющая, придающая лучшій вкусъ сила. Цѣлью воспитанія поставляется: 2. Тимоѳ. 3, 17: „Да будетъ совершенъ Божій человѣкъ, ко всякому доброму дѣлу приготовленъ". Христосъ даетъ образецъ нагляднаго обученія, облекая въ притчи самыя высокія правила и дѣлая ихъ такимъ образомъ вразумительными для всѣхъ. Приводятся нѣкоторые случаи, когда онъ весьма искуснымъ и убѣдительнымъ образомъ пользуется формою вопроса.

Апостолы пытались осуществить поставленный ими идеалъ воспитанія, воспитывая человѣчество для христіанства, въ силу даннаго Христомъ порученія — „идите по всему міру, и учите всѣ народы" — проповѣдуя божественное ученіе алчущей блаженства толпѣ, разсѣвая сѣмя по городамъ и селамъ, дабы оно дало плодъ. Подобно древнимъ пророкамъ и по примѣру Христа, они въ то же время собирали вокругъ себя болѣе тѣсный кружокъ даровитыхъ юношей и мужей въ качествѣ учениковъ, дабы образовать изъ нихъ учителей церкви и назначать ихъ затѣмъ наставниками въ мѣстахъ, гдѣ находилось большое число приверженцевъ, или же посылать ихъ далѣе для обращенія Іудеевъ и язычниковъ. Такихъ наставниковъ обучали не только устно, но и письменно: письменное наставленіе находится въ посланіи къ Тимоѳею, ученику Павла, который устнымъ и письменнымъ преподаваніемъ тщился образовать перваго въ наставника христіанства.

Вмѣстѣ съ ученіемъ апостолы связывали строгое, но на любви основанное воспитаніе. Объ этой соединенной съ отчей строгостью любви свидѣтельствуетъ сказаніе объ Іоаннѣ у Евсевія: „Возвращаясь изъ Патмоса, Іоаннъ подъ Ефесомъ увидѣлъ юношу прекрасной наружности, глаза котораго сверкали благороднымъ огнемъ. Іоаннъ позвалъ его къ себѣ и передалъ его епископу, который принялъ его въ свой домъ, обучилъ христіанству и крестилъ его. Впослѣдствіи же юноша, брошенный епископомъ попалъ, подобно благородному, но необузданому, покинувшему стезю свою коню, въ распутное общество и съ отчаянья сдѣлался разбойникомъ, а наконецъ и атаманомъ. Іоаннъ, узнавъ объ этомъ,

сѣлъ на коня, отправился въ станъ разбойниковъ, отдался имъ въ плѣнъ и велѣлъ повести себя къ атаману. Послѣдній, узнавъ благороднаго старца, явившаго ему отеческую любовь, хотѣлъ бѣжать. Но Іоаннъ воскликнулъ вслѣдъ за нимъ: „Ты бѣжишь отъ твоего стараго отца? Сжалься надо мною, сынъ мой!“ Тогда юноша воротился и заплакалъ. Іоаннъ же привелъ назадъ заблудшаго“.

В. СЕМЬЯ ВЪ ПЕРВОБЫТНОМЪ ХРИСТІАНСТВѢ.

4.

Евангеліе распятаго, говоритъ Газе, утреннимъ привѣтомъ новаго времени пронеслось надъ землею; и слово Гамаліила:—„Если сіе предпріятіе отъ Бога, то никто не можетъ разрушить его“ — исполнилось. Подъ исходъ перваго столѣтія уже въ городахъ западнаго побережья Азіи, въ Греціи, Италіи, на островахъ Средиземнаго моря и на сѣверномъ берегу Африки находились исповѣдующіе христіанскую вѣру;—а лѣтъ 200 спустя послѣ того многочисленныя христіанскія общины во всѣхъ провинціяхъ Римской имперіи;—по прошествіи же 300 лѣтъ христіанство распространилось до того, что его исповѣдали половина населенія Римской имперіи и тысячи людей въ пограничныхъ съ нею странахъ. Когда въ Греціи человѣкъ возвысился надъ природою, то онъ перенесъ на небо человѣческую природу съ ея свѣтлыми и темными сторонами. Плодомъ этого мимолетнаго примиренія было проявленіе красоты, единственной въ своемъ родѣ. Мірской смыслъ и физическая энергія Римлянъ разрушили эту достигнутую гармонію. Міръ опять выступилъ на первый планъ во всей своей нагой реальности. Римъ покорилъ себѣ міръ и, совершивъ это исполинское дѣло, онъ самъ былъ покоренъ міромъ. Въ чувственномъ упоеніи и наслажденіи заключилось наконецъ все содержаніе человѣческой жизни; „а такъ какъ прахъ не въ состояніи утолить голодъ души“, то въ груди человѣческой возникли пресыщеніе и отвращенье, и тоска по спасеніи овладѣла всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Тогда-то въ христіанствѣ открылся новый внутренній міръ, и жизнь въ немъ была настоящею человѣческою жизнью. Духъ явился истеченіемъ Духа Божія. Величіе земное исчезло передъ блескомъ незримаго міра, въ которомъ пріобрѣтается гражданство черезъ вѣру въ Того, кто познalъ единство божескаго и чисто человѣческаго начала и осуществилъ его своею жизнью. Пресытившись всѣми прелестями земнаго бытія, люди стали жить

загробною жизнью и ввѣрились Господу, который есть Духъ, да руководитъ Онъ ихъ во всякой истинѣ. Христіанская вѣра была побѣдою, одолѣвшею блазнь міра. Кровью исповѣдниковъ запечатлѣлась вѣра, одолѣвающая міръ; и Церковь сомкнулась въ символѣ: Вѣрую во единаго истиннаго Бога, всемогущаго Отца, и въ Его единороднаго Сына, Іисуса Христа, Господа и Спасителя нашего; и во святаго, животворящаго Духа. Передъ этимъ символомъ вѣры, передъ духомъ истины должно было пасть все, что сопротивлялось ему: — іудейская іерархія и римская державная власть неминуемо должны были погибнуть въ борьбѣ противъ христіанства, оттого что онѣ—какъ выражается Ласо—высшему всемірно историческому праву могли противопоставить одно лишь римское государственное право, противъ внутренней духовной мощи онѣ вели борьбу лишь внѣшними матеріяльными орудіями.

И надо сказать, чудная жизнь возникла въ первой христіанской церкви. Въ ней и около нея мирнымъ путемъ сложилась соціальная революція, причемъ „сдѣлана была вполнѣ безотчетная попытка, провести вездѣ на практикѣ заповѣдь общечеловѣческой любви или братскаго равенства всѣхъ людей". Хотя и не обошлось при этомъ безъ гордыни пріобрѣтеннымъ правомъ гражданства въ царствѣ Божіемъ, безъ злорадства и пристрастія; но надъ этимъ эгоизмомъ все-таки возсіяло пылкое одушевленіе, съ какимъ мужи и жены словомъ и дѣломъ ратовали за вѣчныя истины христіанства. Нововѣрцы постоянно пребывали въ ученіи и сообществѣ апостоловъ, въ преломленіи хлѣба и молитвѣ. Они составляли одно сердце, одну душу; никто даже не говорилъ о своемъ имуществѣ, что оно его: все у нихъ было общее; и хотя они большею частью принадлежали къ бѣднѣйшему классу народа, но никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды, ибо зажиточные продавали свои дома и поля и составляли изъ денежныхъ средствъ своихъ общественную кассу, чѣмъ и поддерживались нуждавшіеся. Впервые во всемірной исторіи выступилъ тутъ величаво и послѣдовательно принципъ солидарности, пытаясь проложить себѣ путь; основное начало розни замѣнено было началомъ гармоничнаго единенія. Мысль: всѣ для одного и одинъ для всѣхъ! проводилась на практикѣ въ кругу вѣрующихъ (—ибо прежде всего и преимущественно этимъ кругомъ ограничивалась и обусловливалась заповѣдь общечеловѣческой любви—): въ обыденныхъ условіяхъ жизни каждый былъ связанъ круговою порукою съ благосостояніемъ всѣхъ, точно также каждый обязанъ былъ споспѣшествовать другимъ нравственно и духовно, даже взять на себя отвѣтственность за души всѣхъ другихъ людей. Изъ обоихъ противоположныхъ другъ другу стремленій человѣческаго нрава, эгоистичнаго побуда и любви, послѣдняя проявилась въ полномъ

своемъ блескѣ; возникновеніе этой новой жизни повело даже къ неспособной утвердиться надолго односторонности, ибо отрицалось право у свободной личности на собственность и на имущество. Названія „братъ“ и „сестра“, какими привѣтствовали другъ друга первые христіане, были не бездушными словами, и братскій поцѣлуй, который получалъ новый членъ христіанской церкви и которымъ каждый христіанинъ привѣтствовалъ другаго, хотя бы впервые видѣлъ его, были не пустою формальностью. То было выраженіемъ задушевнаго чувства, проявленіемъ того отношенія, въ какомъ смотрѣли другъ на друга христіане, какъ члены одной главы. Тутъ не было никакого различія имущества, гражданскаго положенія, національностей, никакого столкновенія интересовъ, то былъ одинъ народъ братьевъ, и каждый изъ нихъ въ случаѣ нужды помогалъ всѣмъ остальнымъ и все это по одному чистому сердечному влеченію. Деньги, тѣло и душа принадлежали каждому изъ братьевъ, и бѣдные и угнетенные относительно почестей равны были самымъ богатымъ и знатнымъ въ церкви. Рабы и господа признавали себя братьями во Христѣ, членами одного тѣла, напоенными однимъ духомъ, преемниками однихъ и тѣхъ же небесныхъ благъ: рабство отмѣнилось само собою изнутри, ибо хотя рабы въ обыденномъ мірѣ и занимали все то же положеніе, въ какомъ находились прежде, но въ христіанской церкви они пользовались равнымъ удѣломъ во всемъ, что принадлежало всѣмъ братьямъ, и дѣлались такимъ образомъ внутренно свободными, вслѣдствіе чего необходимо расторглись и внѣшнія узы, такъ что христіанству не пришлось отрѣшать ихъ внѣшними переворотами. Іустинъ мученикъ, сопоставляя между собою эту противоположность въ жизни новаго и стараго человѣчества, говоритъ: „Мы, служившіе прежде сладострастію, находимъ теперь отраду въ одной лишь нравственной чистотѣ; мы, занимавшіеся прежде чародѣйствами, посвятили себя вѣчному благому Богу; страстные прежде пуще всего къ наживѣ денегъ, мы отдаемъ теперь все что имѣемъ на всеобщее потребленіе и надѣляемъ всѣхъ нуждающихся; ненавидѣвшіе и избивавшіе прежде другъ друга, не хотѣвшіе раздѣлять общій очагъ съ чужеземцами вслѣдствіе различія нравовъ, мы теперь, по пришествіи Христа, живемъ съ ними вмѣстѣ; мы молимся за нашихъ враговъ, мы тщимся убѣдить тѣхъ, которые несправедливо ненавидятъ насъ, чтобы они устроили свою жизнь по превосходному ученію Христа и обрѣли бы радостное упованіе, что получатъ за одно съ нами такія же блага отъ Бога, сущаго надо всѣмъ Господа“.

Величіе христіанства всего сильнѣе обнаружилось въ семьѣ. Домашняя жизнь преобразилась въ храмъ Божій. Совмѣстное духовное пѣніе и совмѣстное чтеніе Свя-

щеннаго Писанія служили здѣсь повседневнымъ назиданіемъ. Сознаніе сообщества членовъ подъ однимъ Главою на небеси поставило жену въ уровень съ мужемъ и придало сообщности между мужемъ и женою значеніе сообщности высшей жизни. „Было время—говоритъ Златоустъ — что жены стояли наравнѣ съ мужчинами. Теперь же наоборотъ. Посмотрите, что совершило пришествіе Христа на землю! Женщины превосходятъ насъ въ благородныхъ нравахъ, христіанскомъ жарѣ и благочестіи, въ любви ко Христу, снявшему проклятіе съ женскаго пола". Также и Тертулліанъ: „Какая связь между двумя вѣрующими, у которыхъ сообща одна надежда, одно желаніе, одинъ урядъ жизни, одно служеніе Господу? Для обоихъ, какъ для брата и сестры, нѣтъ розни между духомъ и плотью, тутъ подлинно двое въ одной плоти; они собща преклоняютъ колѣна, они сообща молятся и постятся, они взаимно учатъ, увѣщеваютъ, поддерживаютъ другъ друга; они вмѣстѣ во храмѣ Божьемъ, вмѣстѣ у причастія; они дѣлятся другъ съ другомъ бѣдствіями, напастями, радостями; никто изъ нихъ не утаиваетъ ничего отъ другаго, никто не избѣгаетъ другаго; добровольно посѣщается больной, поддерживается нуждающійся; въ средѣ ихъ раздаются псалмы и гимны, и они соревнуютъ между собой, кто лучше пропоетъ своему Богу". „Христіанская женщина выходитъ со двора, чтобы навѣстить больнаго брата, приступить къ святому причастію или послушать слова Божія. Главное ея занятіе навѣщать заключенныхъ за вѣру въ тюрьму, ходить за больными братьями, будь то и въ самыхъ бѣдныхъ хижинахъ, принимать въ домъ и угощать странныхъ братьевъ". Христіанство надѣлило женщину энергіей и бодростью, и такимъ чуствомъ сострадательной любви и терпѣнія, что даже языческій преподаватель краснорѣчія въ Антіохіи, Ливаній, невольно воскликнулъ: „Что за жены у христіанъ!"

Какъ женщина, такъ точно и дитя въ христіанской семьѣ вступило въ свои естественныя, Богомъ данныя права. Отношеніе родителей къ дѣтямъ освящалось мыслью, что послѣднія суть дары Божьи, за которыя родители обязаны нѣкогда отдать отчетъ. О Христовомъ царствѣ любви сокрушились бездушное подкидываніе, своекорыстная продажа, холодное жестокосердое убійство дѣтей, и даже сироты и покинутыя находили пріютъ для охраны своей жизни, убѣжище для тѣлеснаго и духовнаго развитія: соборы обязывали епископовъ, діаконовъ и церковныхъ старостъ печься о сиротахъ или подкидышахъ и отдавать ихъ въ семьи, добровольно желавшія принять ихъ вмѣсто собственныхъ дѣтей, или же поручать на иждивеніи церкви инымъ воспитателямъ; впослѣдствіи открыли особыя заведенія для сиротъ и найденышей; въ четвертомъ столѣтіи существовалъ уже первый сиротскій домъ въ Константинополѣ, а въ восьмомъ

первый воспитательный въ Миланѣ. Христіанское дитя было отъ природы равноправнымъ членомъ семьи: въ ребенкѣ чтили человѣчество, образъ Божій.

Въ семьѣ первобытнаго христіанства христіанскій духъ впервые расправилъ свои крылья. Тутъ— какъ выражается Климентъ Александрійскій—мать составляла славу дѣтей, жена славу мужа, и тѣ и другой составляли славу жены, Богъ же—славу всѣхъ вмѣстѣ, въ совокупности

Такая жизнь семьи должна была глубоко врѣзаться въ нѣжныя души дѣтей. Дѣла, говоритъ Кипріанъ, также обладаютъ языкомъ, и они даже краснорѣчивѣе, нежели уста; потому-то дѣти ваши всегда будутъ обращать гораздо болѣе вниманія на дѣла, нежели на рѣчи ваши. Также и Златоустъ: „Нѣтъ ничего холоднѣе учителя мудраго на однихъ только словахъ, ибо это дѣло не учителя, а актера: потому-то апостолы учили сперва примѣрами, а потомъ словами; они даже вовсе не нуждались въ словахъ, ибо дѣла ихъ громко говорили за себя“.—Отецъ христіанскаго семейства, бывшій священникомъ семьи,—мать христіанскаго семейства, хранившая вѣру въ душѣ,—религіозное чувство во всѣхъ членахъ семьи: все это служило для образованія юношества. Въ семьѣ дѣти пріучались къ страху Божьему, любви къ Господу, твердости въ вѣрѣ, честности, вѣрности и цѣломудрію. Эти добродѣтели глубоко вкоренялись въ душахъ ихъ примѣрами не только родителей, но также и мучениковъ; даже христіанскіе слуги и служанки были въ этомъ отношеніи наставниками дѣтей въ домѣ. Но мать всѣхъ сильнѣе вліяла на воспитаніе дѣтей. Вмѣстѣ съ матерью христіанство принялось за свое великое дѣло нравственнаго возрожденія. Материнская любовь была первымъ плодомъ христіанскаго посѣва. Материнское чувство еще никогда не ощущалось такъ глубоко, такъ задушевно и нѣжно, какъ въ христіанствѣ. Это чувство обрѣло въ дитятѣ любимца Спасителя — ангела хранителя, дарованнаго Богомъ: Марія съ младенцемъ Іисусомъ сдѣлалась и была идеаломъ материнскаго чувства, внушавшимъ каждой женской душѣ достоинство и красоту для женскаго и особенно для материнскаго призванія, одушевлявшимъ ее на жизнь и смерть для своего дѣтища, и показавшимъ ей, что вся жизнь матери посвящена смерти ради ребенка. Не мертвая вѣра въ букву, но простое благочестіе процвѣтало въ сердцѣ христіанской матери, и въ этомъ благочестіи воспитала она также и дѣтей своихъ. Исполненная того же благочестиваго духа Нонна, которая и прежде уже при посредствѣ заявленной и оправданной въ жизни религіи обратила къ евангелію своего, къ нехристіанской сектѣ принадлежавшаго мужа, отнесла въ храмъ желаннаго сына, превосходнаго впослѣдствіи учителя церкви, Григорія Назіанзина, положила тамъ рученки дитяти на

библію и посвятила его Господу. Анѳуса въ Антіохіи, лишась мужа двадцати лѣтъ отъ роду, пребыла вдовою, дабы посвятить себя вполнѣ воспитанію своего сына: изъ благочестиваго и ревностнаго воспитанія этого вышелъ великій учитель церкви, Іоаннъ Златоустъ. Моника укрощала своею любвеобильною душою нравъ пылкаго страстнаго мужа и, много претерпѣвъ отъ него, заложила основы христіанства въ дѣтскую душу своего сына, Августина, до такой степени несокрушимыя, что онѣ, хотя и заглушались на короткій срокъ, но никогда не могли быть уничтожены, даже среди самыхъ страшныхъ бурь жизни. Впрочемъ не однѣ только эти, по исторіи своихъ сыновей извѣстныя матери ставили задачею своей жизни обратить въ христіанство свои семьи, воспитать своихъ дѣтей. Ознакомить по возможности ранѣе дѣтей своихъ съ Священнымъ Писаніемъ, возвести ихъ путемъ христіанской жизни къ Предвѣчному: таково было стремленіе, такова была задача жизни всѣхъ христіанскихъ матерей въ первобытномъ христіанствѣ.

Христіанская мать кормила свое дитя собственною грудью. Когда дѣти лишались матери вслѣдствіе мученической смерти ея, то объ нихъ пеклась христіанская община, которой они принадлежали, или же ихъ принималъ къ себѣ кто-либо изъ вѣрующихъ, особенно христіанскія дѣвы. Пища и одежда ребенка были простыя. Болѣе всего обращалось вниманіе на то, чтобы дѣти тогда только придавали цѣну наружному, когда оно служило внутреннему. Дѣвочки учились у матери прясть, ткать, шить и пр., а сыновья ремеслу отца. Духовно же они пріучались къ простотѣ, благонравію и человѣколюбію, къ самоотверженію и преданности Богу, ко всеобщему человѣколюбію, также къ чистой и крѣпкой привязанности къ семьѣ и отчизнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ твердости и самообладанію. Для того чтобы вмѣстѣ съ жизнью въ этихъ добродѣтеляхъ они слышали также увѣщанія въ нихъ, родители брали ихъ съ собою на богослужебныя собранія. Вмѣстѣ съ родителями также они посѣщали больныхъ. Въ родительскомъ воспитаніи строгость сочеталась съ любовью. При увѣтахъ и наставленіяхъ, при обѣщаніяхъ наградъ и угрозахъ наказаніемъ указывалось на Бога и на загробную жизнь. Въ крайнемъ случаѣ воспитаніе не обходилось однако безъ розогъ.

Семейнымъ воспитаніемъ положенъ починъ какъ воспитанію человѣчества вообще, такъ равно и первому воспитанію въ христіанствѣ. Семейное воспитаніе составляетъ настоящую сущность христіанства и въ немъ оно достигло своего расцвѣта: по началамъ христіанства родители не только обязаны воспитать свое дитя въ любви; но въ силу того, что они видятъ въ немъ дитя Божіе, любовь ихъ къ нему освящается Божіей любовью.

С. ШКОЛА ПЕРВЫХЪ ВѢКОВЪ ХРИСТІАНСТВА И ПЕДАГОГИКА ОТЦОВЪ ЦЕРКВИ.

5.

Первая христіанская народная школа. Іоаннъ Златоустъ и Василій Великій.

Старѣйшее устройство христіанской церкви было демократико-монархическое. Будучи демократичнымъ въ основѣ, ибо въ церковной общинѣ каждый христіанинъ принималъ равное участіе во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ, оно было монархическое въ томъ отношеніи, что избираемыя общиною должностныя лица, учредители общинъ и пр. имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе послѣднихъ. У апостоловъ и учениковъ ихъ никто не оспоривалъ авторитета въ церкви. Но и впослѣдствіи также назначаемые по свободному выбору старшины пользовались авторитетомъ въ общинѣ, и между ними вскорѣ появились епископы въ такомъ же точно отношеніи, въ какомъ были наибольшіе между должностными лицами вообще. Мало по малу привыкли придавать самой должности такой же или даже еще бо́льшій авторитетъ, нежели какимъ пользовались прежде лишь единичныя личности: таковы основныя черты церковной іерархіи, бывшей представительницею науки и образованія и взявшей въ свои руки управленіе церковнымъ имуществомъ, попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ, устройство и порядокъ христіанской жизни. Эта іерархія служила также представительницею церкви вовнѣ: главы ея, епископы, приняли на себя общія христіанскія дѣла и на синодахъ своихъ издавали законы для совокупности христіанскихъ общинъ, для церкви. Въ теченіе третьяго столѣтія епископскій урядъ, въ которомъ епископы политической и церковной метрополіи составили средоточіе, сложился уже настолько, что считался не случайнымъ, а необходимымъ институтомъ. Вскорѣ затѣмъ отношеніе единичнаго лица къ Христу отошло на задній планъ передъ властью все болѣе усиливавшихся и освящавшихся формъ церкви: пока наконецъ не былъ обнародованъ догматъ, что безъ вѣры въ душеспасительную силу этого учрежденія невозможно достичь никакого общенія съ Христомъ, ни слѣдовательно блаженства. Форма возъимѣла власть надъ духомъ, и іерархія пустила первые корни свои. Впрочемъ такая законченность формы была необходима въ виду борьбы со внѣшними и внутренними врагами, и чѣмъ сильнѣе христіанство проявлялось въ этой формѣ, тѣмъ болѣе также надлежало печься о вкорененіи ея и особенно извѣстныхъ ея ученій, т. е. о школахъ.

Апостолы и первые проповѣдники сначала ограничивались болѣе благовѣствованіемъ евангелія взрослымъ, причемъ они пользовались отчасти іудейскими синагогами и аудиторіями языческихъ народовъ. На юношество они могли и хотѣли дѣйствовать лишь посредственно, черезъ родителей. Но такъ какъ крещенію предшествовало обученіе каждаго крещаемаго лица, а обученіе состояло въ чтеніи Священнаго Писанія, то въ начальной церкви вскорѣ образовалось нѣчто въ родѣ христіанской синагоги, въ которой не разобщались еще назиданіе, воспитаніе и обученіе. Возникло учрежденіе *катехумината*, назначенное первоначально не для дѣтей, но для лицъ всѣхъ возрастовъ, національностей, характеровъ и степеней образованія и не только обнимавшее преподаваніе, но имѣвшее цѣлью подготовить къ новой жизненной средѣ, къ христіанско-аскетическому строю жизни. Катехумены (оглашенные), т. е обучавшіеся сущности христіанской вѣры въ Отца, Сына и Святаго Духа и пріобыкавшіе исподволь къ христіанской жизни, въ первое время дѣлились на два, а потомъ на четыре класса. Классы обозначали ступени ученія и испытанія, какія надлежало пройти прежде чѣмъ удостоиться крещенія. Смотря по степени ихъ христіанскаго развитія и ихъ знаній, они исключались отъ участія въ христіанскомъ назиданіи, или были слушателями, причемъ въ церковныхъ собраніяхъ могли присутствовать при чтеніи Священнаго Писанія и проповѣди, но отпускались при началѣ церковныхъ молитвъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ отдѣленіи, колѣнопреклоненныхъ, они присутствовали, при извѣстныхъ церковныхъ молитвахъ, а именно при читаемыхъ за нихъ, но стоя на колѣняхъ, послѣ чего ихъ, какъ настоящихъ уже кандидатовъ Св. Крещенія окончательно руконаложеніемъ принимали въ общину взрослыхъ. При этой подготовкѣ къ христіанству, однимъ изъ существенныхъ моментовъ было преподаваніе, имѣвшее цѣлью знаніе существенныхъ отличительныхъ ученій христіанства, которыя затверживались наизусть и выспрашивались. Итакъ это преподаваніе было обученіемъ христіанству, и вскорѣ оно стало сообщаться также дѣтямъ вѣроятно съ семилѣтняго уже возраста.

Катехетика (обученіе оглашенныхъ) была первоначально единственнымъ христіанскимъ преподаваніемъ: иныхъ христіанскихъ школъ въ начальную христіанскую эпоху не существовало. Если поэтому родители не могли сами обучать своихъ дѣтей чтенію, письму и счету, или держать для нихъ частнаго учителя, то отдавали ихъ въ общественныя языческія школы. Христіанскіе юноши въ первое столѣтіе посѣщали также высшія учебныя заведенія язычества и изучали языческихъ классиковъ; многіе старались даже основа-

тельно усвоить себѣ формальную изворотливость и языкознаніе Грековъ и Римлянъ. Сами духовныя лица даже, каковы Григорій и Василій, состояли въ дружескихъ сношеніяхъ съ софистами.

Когда прекратились гоненія на христіанъ, и они достигли у себя спокойствія и внутренняго развитія, а христіанская религія сдѣлалась притомъ господствующею въ Римской имперіи, то нѣкоторые знатные мужи и христіанскія общества отсовѣтывали обучать дѣтей у язычниковъ и требовали расширенія христіанскаго преподаванія во всемъ объемѣ. Это послужило первымъ толчкомъ для основанія христіанскихъ учебныхъ заведеній въ полномъ составѣ. Подъ исходъ втораго столѣтія уже Протогенъ въ Эдессѣ, занимаясь высшимъ преподаваніемъ, благотворно дѣйствовалъ также въ качествѣ наставника дѣтей. Чтеніе, письмо, заучиванье и сказыванье наизустъ, также пѣніе псалмовъ, были предметами обученія въ этихъ первыхъ христіанскихъ народныхъ школахъ.

Для христіанскаго обученія вообще и для христіанскаго образованія юношества во всемъ объемѣ составились такъ называемыя *заповѣди апостольскія*, которыя, возникши частью въ концѣ третьяго, а частью въ началѣ четвертаго столѣтія въ сирійской церкви, содержатъ въ себѣ древнѣйшія учрежденія и постановленія церкви Восточной. Въ нихъ сказано: „Отцы, воспитывайте дѣтей вашихъ въ Господѣ, возрощая ихъ въ страхѣ и назиданіи Господнемъ; поучайте ихъ спасительнымъ и слову Божію — логосу — отвѣчающимъ искусствамъ, дабы они не уклонялись отъ добра, не увлекались шалостью, оставаясь притомъ ненаказанными со стороны родителей и предаваясь слишкомъ рано своевольству. Кто небрежетъ увѣщевать и вразумлять своего сына, тотъ ненавидитъ свое собственное дитя. Поучайте же вашихъ дѣтей слову Божію, внушайте имъ ревность даже побоями, дабы они были послушны; заставляйте ихъ съ малолѣтства изучать Священное Писаніе; не допускайте, чтобы они вынуждали у васъ что либо вопреки вашей воли; не терпите, чтобы они собирались съ сверстниками на пирушки. Ибо если равнодушіе родителей попуститъ дѣтямъ обращаться съ необузданными людьми, то покараются не одни только согрѣшившія дѣти, но за нихъ къ суду привлекутся и родители. Потому-то озаботьтесь сочетать ихъ бракомъ во время, дабы въ зрѣломъ возрастѣ поведеніе ихъ не унизилось до прелюбодѣйства: за это въ день суда вамъ придется дать отвѣтъ Господу Богу“.

Однимъ изъ величайшихъ представителей христіанскаго воспитанія юношества былъ Іоаннъ, прозванный впослѣдствіи за его краснорѣчіе Златоустомъ (— ср. Неандера, жизнь св. Іоанна Златоуста—). Родившись въ 347-мъ г. въ Антіохіи и воспитанный своею матерью Анѳусою въ хри-

стіанскомъ духѣ, онъ былъ притомъ образованъ въ наукахъ и могъ избрать путь жизни по своему свободному влеченію. Въ школѣ Ливанія онъ рано отличился своими ораторскими способностями. Его не ослѣпило однако реторически разукрашенное язычество, напротивъ, подъ руководствомъ своей матери онъ старался ближе ознакомиться съ Священнымъ Писаніемъ, вслѣдствіе чего сложились основныя черты его характера, состоявшія, какъ говоритъ Неандеръ, въ воодушевленіи ко всему святому и въ высокой нравственной силѣ, въ строгой трезвости и пламенной любви, въ отвращеніи отъ ложнаго блеска, всюду господствовавшаго тогда въ жизни, въ безпощадномъ рвеніи къ истинѣ и праву, одушевленномъ пылкою, непоколебимою вѣрою. Вступивъ сначала въ адвокатскую должность, но наскучивъ вскорѣ тревожною дѣятельностью и пошлыми продѣлками этого званія, онъ, обученный и крещенный епископомъ Мелетіемъ, по смерти своей матери постригся въ монахи, съ тѣмъ чтобы всецѣло отдаться изученію Священнаго Писанія, молитвѣ и спокойному созерцанію Божьихъ дѣлъ; но въ 380-мъ г. онъ возвратился въ Антіохію, поступилъ здѣсь на церковную службу, сдѣлался первымъ епископомъ восточной церкви въ Константинополѣ и умеръ въ 408-мъ г. съ завѣтнымъ изреченіемъ своей жизни: „Богу слава за все!"

Въ своихъ „Бесѣдахъ" и въ сочиненіяхъ „о монашествѣ" (священствѣ) І. Златоустъ изложилъ свои мысли о воспитаніи. Руководствомъ для всякаго воспитанія, по мнѣнію его, должно служить то божественное воспитаніе человѣка, всилу котораго Богъ снисходитъ къ человѣку, дабы вознести его къ себѣ. „Потому истинное искусство воспитанія сперва снисходитъ, а потомъ возноситъ. Отъ снисхожденія оказывается великая польза во всѣхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ мы изучили искусства, обучаясь у нашихъ учителей не всему разомъ; не дивись, если этотъ предметъ имѣетъ такую великую силу въ дѣлахъ жизни, ибо даже въ духовныхъ дѣлахъ можно видѣть, какъ много въ состояніи совершить такая мудрость. Такъ Іудеи могли лишь мало по малу образоваться, мало по малу освободиться отъ идолопоклонства. Такъ, по пришествіи Христа, когда настало время для болѣе высокихъ ученій, апостолы тѣмъ же путемъ привлекали всѣхъ, преподавая сначала не высокіе предметы". „Христосъ не сразу обнаружилъ свое божество, а напротивъ, сперва его считали лишь пророкомъ или святымъ человѣкомъ; потомъ своими дѣлами и словами обнаружилъ Онъ себя тѣмъ, что Онъ былъ". „Посмотри, какъ Христосъ вездѣ не тотчасъ же все обнажаетъ, но сперва приводитъ слушателя въ недоумѣніе, дабы онъ началъ искать смысла сказаннаго, и дабы потомъ, чувствуя, что ему не справиться, тщетно напрягая усилія, онъ съ тѣмъ бóльшимъ рвеніемъ воспринялъ то, чего ищетъ,

когда оно является ему, такъ что слушатель поневолѣ становится болѣе внимательнымъ". Въ противность безнравственности свѣта, христіанскіе родители должны воспитать дѣтей своихъ въ христіанскомъ духѣ и бытѣ. „Богъ печется о воспитаніи дѣтей. Потому то Онъ вселилъ въ человѣческую природу столь сильную любовь къ дѣтямъ, дабы неодолимою мощью побуждать родителей печься о нихъ. Родителямъ, имѣющимъ постоянно дѣтей при себѣ, и пользующимся полною властью надъ ними, легка забота о воспитаніи. Лишь порывистая страсть къ земному бываетъ причиною порчи дѣтей. Если родители выше всего ставятъ земныя блага, то они необходимо пренебрегаютъ своими дѣтьми такъ же, какъ своею собственною душою. Такихъ отцовъ я считаю зловреднѣе дѣтоубійцъ, ибо послѣдніе могутъ лишь отдѣлить тѣло отъ души, а первые ввергаютъ въ адъ душу." „Теперь мы только и слышимъ, какъ отцы, увѣщевая сыновей своихъ ревностно заняться краснорѣчіемъ, говорятъ имъ: Вотъ такой-то низкаго происхожденія человѣкъ, благодаря краснорѣчію, достигъ высшихъ служебныхъ степеней, пріобрѣлъ большія богатства и пр. О небесныхъ же дѣлахъ никто не говоритъ, и если иной осмѣлится упомянуть о нихъ, то его ссылаютъ какъ нарушителя общественныхъ условій. Итакъ, если вы съ самаго начала внушаете такія вещи вашимъ дѣтямъ, то поучаете ихъ лишь тому, что составляетъ источникъ всякаго зла, ибо вселяете въ нихъ двѣ страсти, а именно корыстолюбіе и стремленіе къ суетнымъ, пустымъ почестямъ, — а если и то и другое охватятъ нѣжную душу юноши, то погибнетъ всякій зародышъ добра. Но ужасно то, что вы не только побуждаете ихъ ко всему противному ученію Христа, но вы дурное облекаете даже прекраснымъ именемъ. Возлежать постоянно на ристалищахъ и въ театрахъ называете вы свѣтскимъ тономъ, гоньбу за наживой—стремленіемъ къ независимой жизни, честолюбіе—высокимъ чувствомъ, заносчивость—прямодушіемъ. Добродѣтели облекаете вы въ противоположныя имена; порядокъ и обычай вы обзываете мужичествомъ, скромность трусостью, отсутствіе пышности чѣмъ-то рабскимъ, терпѣніе слабостью". „Дѣти обладаютъ величайшимъ сокровищемъ, если успѣютъ осилить всѣ похоти. Потому тщательно должно наблюдать за тѣмъ, куда они выходятъ и куда входятъ и замѣчать, съ кѣмъ обращаются они и каковы друзья у нихъ. Когда упустимъ это, то вышній судія спроситъ насъ: „Не поручилъ ли я тебѣ дитя? Я передалъ его тебѣ, когда оно еще было нѣжно, дабы ты образовалъ его и просвѣтилъ его душу. Что же ты сможешь отвѣтить на это? Что его трудно укротить и что оно буйно? Это ты долженъ былъ предвидѣть съ самаго начала, и когда можно было обуздать его въ молодости, тогда и слѣдовало укротить его, побуждать къ исполненію

долга, наставлять и стараться преодолѣть его душевные порывы. Пока еще легко было работать въ полѣ, тогда тебѣ и надлежало бы вырывать шипы". „Итакъ не будемъ нерадивы въ этомъ отношеніи, ибо мы знаемъ, если дѣти наши будутъ блюсти долгъ свой къ Богу, то и въ настоящей земной жизни изъ нихъ выйдутъ люди хорошіе. Твой сынъ не только заслужитъ удивленіе постороннихъ, но будетъ милѣе и тебѣ, отцу его; ибо помимо того, что дано ему отъ природы, онъ обладаетъ еще способностью возбуждать любовь, а именно своею добродѣтелью". Потому напоминай своему ребенку объ ошибкахъ его. Но мало лишь говорить объ этомъ; слѣдуетъ сверхъ того держать юношество въ страхѣ, дабы такимъ образомъ искоренить лѣнь. „Мы должны обращаться съ дѣтьми своими такъ же осторожно какъ съ огнемъ! Служанкамъ, зажигающимъ наши свѣчи, мы то и дѣло твердимъ, чтобы онѣ не ходили съ ними въ мѣста, гдѣ лежитъ много сѣна или иного горючаго матеріяла, дабы туда не попала искра и оттого не загорѣлся домъ. Не станемъ же обращать взоры дѣтей туда, гдѣ распутныя женщины и блудницы могли бы зажечь огонь и въ нихъ! Станемъ беречь зрѣніе и слухъ нашихъ дѣтей особенно слухъ, дабы не слышали они никакихъ вредныхъ пѣсней и не отравилась бы ими душа ихъ. Не будемъ водить своихъ юношей ни на зрѣлища, ни въ питейные дома, ни на пирушки, но станемъ охранять ихъ, съ такою же заботливостью, какъ дочерей нашихъ, которыхъ мы вовсе не выпускаемъ изъ дому."—Дитя надлежитъ рано ознакомить съ Священнымъ Писаніемъ. „Изъ него твой сынъ прежде всего узнаетъ: Чти отца твоего и мать твою. Итакъ оно послужитъ въ твою же собственную пользу. Ты долженъ сдѣлать дитя свое христіаниномъ, а потому и слѣдуетъ ознакомить его съ Священнымъ Писаніемъ". „Знакомство съ Священнымъ Писаніемъ служитъ противоядіемъ противъ сильной власти безразсудныхъ наклонностей въ этомъ возрастѣ, которая усиливается еще вслѣдствіе занятія языческими сочиненіями, причемъ дѣтямъ приходится слушать, какъ надъ прославленными героями властвуютъ страсти". „Поученія библіи подобны источнику, орошающему душу. По возможности ранѣе передавай мальчикамъ особенно тѣ исполненные мудрости псалмы, гдѣ говорится напр. о нравственной чистотѣ, или вѣрнѣе о необходимости прекратить сношенія съ нечестивыми въ первомъ псалмѣ и пр. Ты найдешь въ псалмахъ много тому подобныхъ предметовъ противъ невоздержности и алчности, о томъ, что деньги и почести ничего не значатъ. Обучая его такимъ образомъ съ малолѣтства, ты возведешь его исподволь и къ болѣе высокому. Отъ псалмовъ онъ перейдетъ дальше къ гимнамъ, ибо они уже нѣчто болѣе божественное: небесные духи поютъ не псалмы, а одни лишь гимны.

Этимъ путемъ тщися освятить свое дитя въ образъ Божій. И этимъ путемъ руководи его тотчасъ же съ самаго рожденія. Дай ему и имя съ христіанскимъ значеніемъ.“ „Древніе не даромъ называли дѣтей по отцу или дѣду; они нарочно давали своимъ потомкамъ такія имена, которыя подстрекали бы къ добродѣтели не только носившихъ эти имена, но служили бы также всѣмъ другимъ людямъ и будущимъ поколѣніямъ руководителями ко всякой мудрости. Потому не называйте дѣтей своихъ, какъ вамъ вздумается, не чествуйте ихъ также именами дѣдовъ и прадѣдовъ, и людей отличавшихся происхожденіемъ своимъ: но называйте ихъ именами святыхъ мужей, блиставшихъ праведностью и крѣпко уповавшихъ на Бога“. „Когда родилось дитя, то послѣдуй примѣру Анны; она отнесла своего сына тотчасъ же во храмъ. Кому изъ матерей не хотѣлось бы, чтобы сынъ ея сдѣлался скорѣе Самуиломъ, нежели владыкой всей римской имперіи. Ты спросишь: какъ можетъ это случиться? Отчего же бы и нѣтъ? Оттого развѣ, что ты предашь его не Тому, Кто могъ бы сдѣлать его такимъ. Кто же можетъ сдѣлать его Самуиломъ? конечно Богъ, кому Анна отдала своего сына: Илій вѣдь не былъ способенъ образовать его, ибо не могъ образовать даже и своихъ собственныхъ сыновей; все это сдѣлали вѣра и горячее желаніе женщины. Единственною заботой ея было, какъ бы съ самаго начала освятить душу своего сына въ образъ Божій. Да будетъ это также твоей заботою. Не пытайся образовать изъ твоего сына оратора, но воспитай его для христіанской мудрости. Все зависитъ отъ характера, а не отъ словъ; онъ одинъ укрѣпляетъ его для царства Божія и доставляетъ ему истинныя блага. Не упражняй его языка, но очищай его душу. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить тебѣ дать сыну литературное образованіе, но хочу воспрепятствовать лишь тому, чтобы всѣ заботы направлены были къ одному этому. Отнюдь не думай, будто лишь монахъ долженъ изучать Писаніе, ибо предназначенные для мірскихъ дѣлъ отроки болѣе всего нуждаются въ такомъ воспитаніи. Подобно тому какъ въ рулѣ и въ искусствѣ управлять имъ нуждается не только тотъ, кто постоянно стоитъ въ гавани, но еще болѣе тотъ, кто то и дѣло носится по морю, точно такое же отношеніе и монаха къ мірянину. Первый находится какъ бы въ свободной отъ бурь пристани; послѣднему же приходится бороться съ бурями и волнами, и если онъ самъ не подвергается опасности, то все-таки долженъ быть наготовѣ при помощи Писанія заставить умолкнуть другихъ. Неразумно поэтому думать, будто дѣтей не слѣдуетъ еще обучать религіи. Этотъ возрастъ особенно нуждается въ такомъ преподаваніи. Онъ легко усвоиваетъ себѣ то, что слышитъ, и на юныхъ душахъ это отпечатлѣвается какъ на воскѣ печать. Жизнь дѣтей впервые съ той поры начинаетъ уже скло-

няться къ добру или къ злу. Если поэтому ихъ съ самаго порога жизни предохранимъ отъ дурнаго и направимъ къ лучшему; то добро сдѣлается ихъ присущимъ свойствомъ и какъ бы второю натурою; они добровольно не перейдутъ уже къ дурному, стремясь по привычкѣ къ исполненію добра". „Всякая злоба дѣтей происходитъ отъ нашего нерадѣнія —оттого что мы ихъ съ самаго начала не пріучали къ страху Божію. Мы не препятствуемъ имъ посѣщать зрѣлища, но не побуждаемъ ихъ ходить въ церковь, и если мальчикъ иногда завернетъ въ нее, то приходитъ туда безъ цѣли и безъ пользы, какъ бы для препровожденія времени. Слѣдовало бы измѣнить это. Вѣдь спрашиваемъ же мы, чему научились они въ школѣ: слѣдовало бы дѣлать то же самое, когда посылаемъ ихъ въ церковь, или еще лучше, когда ихъ сами отводимъ туда. Намъ слѣдовало бы не поручать ихъ другимъ, но брать ихъ съ собою и потомъ выспрашивать, удержали ли они то, что слышали тамъ и чему научились. Такимъ образомъ намъ легко и удобно было бы исправлять нашихъ дѣтей. Еслибъ они дома слышали отъ насъ постоянно добрыя рѣчи и спрашивали насъ, что имъ дѣлать; если бъ къ тому, что они слышатъ тамъ, присовокупляли то, что слышатъ здѣсь: то они скоро представили бы намъ богатую и дивную жатву съ такого прекраснаго посѣва. Но мы ничего этого не дѣлаемъ; самыя необходимыя обязанности мы считаемъ посторроннимъ дѣломъ. Если бъ кто вздумалъ упрекнуть насъ за это, мы посмѣялись надъ нимъ; что же удивительнаго, если все идетъ на выворотъ, и такъ какъ родители не караютъ, то приходится карать начальству"?

Важнѣшіе воспитатели для ребенка — женщины. Мужья вѣдь часто отвлекаются отъ воспитанія путешествіями, дѣлами форума и общественными занятіями, тогда какъ жена, свободная отъ всѣхъ этихъ заботъ, тѣмъ лучше можетъ заняться дѣтьми. „Мужъ, шатаясь по рынкамъ и судамъ, перекидывается волнами внѣшней, безпокойной жизни. Жена, сидя дома, всегда можетъ собраться съ мыслями, заняться чтеніемъ молитвы и Священнаго Писанія. Наслаждаясь покоемъ, она можетъ принять къ себѣ многотревожнаго въ душѣ мужа, образовать его, обрѣзать дикія наросты его души и опять отослать его въ свѣтъ, очищеннаго отъ дурнаго и съ запасомъ добра, извѣданнаго имъ въ лонѣ семьи; ибо никто не можетъ такъ образовать мужа и настроить по своему желанію его душу, какъ благочестивая и разумная жена". — Помимо матери важнѣйшія убѣжища христіанскаго образованія—монастыри, ибо въ нихъ мальчики удалены отъ порчи свѣта, рано знакомятся съ Священнымъ Писаніемъ и привыкаютъ къ христіанской жизни. „Привычка нѣчто неодолимое; а добродѣтель трудна. Для того-то Богъ и повелъ Евреевъ въ пустыню, чтобы

они тамъ, точно какъ въ монастырѣ, вновь отвыкли отъ усвоенныхъ ими въ Египтѣ и привычкою укоренившихся пороковъ. Онъ испытывалъ всякаго рода лекарства, они все-таки не могли избавиться окончательно отъ дурныхъ привычекъ, и то и дѣло тосковали по наполненнымъ мясомъ котламъ въ Египтѣ. А ты воображаешь, что сынъ твой среди Египта, даже среди стана сатанинскаго, гдѣ онъ не слышитъ ни одного благотворнаго поученія, гдѣ сами родители совращаютъ его къ пороку, сможетъ избѣгнуть сатанинскихъ путъ?" „Въ монастыряхъ же, напротивъ того, ведутъ жизнь, достойную небесъ; тамъ всѣ живутъ подобно ангеламъ въ равномъ мірѣ, въ равномъ покоѣ, въ равной радости. Тамъ и помина нѣтъ что мое, что твое. Все принадлежитъ всѣмъ всеобще." „Какъ высоко въ сравненіи съ языческими школами стоятъ монастыри съ ихъ преподаваніемъ и обученіемъ! Требуютъ, правда, чтобы дѣти сперва обучались наукамъ, а потомъ аскетическому образу жизни. Кто же можетъ знать, доживутъ ли они еще до зрѣлаго возраста? И что пользы посылать ихъ къ такимъ учителямъ, у которыхъ они научаются скорѣе порокамъ нежели наукамъ, и гдѣ, въ погонѣ за низшимъ, утрачиваютъ высшее?"—„Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ уничтожить всѣ ученыя школы? Я не говорю этого. Я требую только чтобы не уничтожали зданія добродѣтели. Если душа добродѣтельна, то ей не повредитъ невѣдѣнье науки. Если же она испорчена, то ей не миновать бѣды вопреки даже самому велерѣчивому языку. Когда напередъ обезпечено самое необходимое, то пускай ихъ вслѣдъ за тѣмъ обучаются и наукамъ".

Эти мысли Златоуста о воспитаніи развиты далѣе *Василіемъ Великимъ*, именно въ томъ отношеніи, что аскетическое и педагогическое начала, неразрывно связанныя у Златоуста, здѣсь въ нѣкоторой мѣрѣ отдѣляются одно отъ другаго. Василій (ум. 378), митрополитъ Кесарійскій, помимо отеческаго наставленія пользовался основательнымъ классическимъ образованіемъ въ Кесаріи, что въ Каппадокіи, въ Константинополѣ и Аѳинахъ, гдѣ слушалъ знатнѣйшихъ въ то время учителей и философовъ; потому между всѣми Отцами церкви онъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ языческихъ писателей, особенно греческой литературы, и равно воодушевлялся какъ для науки такъ и для монашества. Въ своей рѣчи „къ христіанскимъ юношамъ" о надлежащемъ употребленіи классическихъ писателей древности, „произнесенной имъ въ старости и послѣ жизни богатой опытомъ и превратностями", онъ обнаруживаетъ не только знакомство съ Платономъ, Плутархомъ, Гомеромъ, Гезіодомъ, Солономъ, Ѳеогнидомъ, Ксенофонтомъ, но также обильное знаніе греческой исторіи и греческой жизни вообще. Онъ требуетъ отъ юношества такой же любви къ Грекамъ. „Не дивитесь, — съ такими

словами обратился онъ къ нимъ — если скажу, хотя вы ежедневно посѣщаете учителей и сообщаетесь съ лучшими древними мужами при посредствѣ оставленныхъ ими сочиненій, — что я самъ отъ себя нашелъ для васъ нѣчто болѣе полезное. И я пришелъ сюда, дабы передать вамъ это; а именно, чтобы вы не предоставили тѣмъ мужамъ разъ навсегда управлять вашею душою какъ кораблемъ, и не слѣдовали за ними всюду, куда бы они ни повели васъ; напротивъ, извлекая изъ нихъ все, что вамъ полезно, вы должны знать также, чего надлежитъ избѣгать въ нихъ. Христіанинъ долженъ домогаться благъ будущей жизни. Но къ этой жизни ведетъ Священное Писаніе, наставляющее насъ путемъ тайнъ. Пока мы еще слишкомъ молоды для того, чтобы постичь его глубокій смыслъ, то изощряемъ свою способность умственнаго зрѣнія на другихъ болѣе или менѣе подобныхъ ему сочиненіяхъ, какъ бы на тѣняхъ и на зеркалѣ, и подражаемъ тѣмъ, которые обучаются въ военной школѣ и, научившись ловко дѣйствовать руками и прыгать, пользуются въ битвахъ плодами этого упражненія. И намъ также, какъ полагать надо, предстоитъ величайшая изъ всѣхъ битвъ; для нея-то мы должны все сдѣлать, къ ней приготовиться всѣми силами и средствами и ради нея обращаться съ поэтами, лѣтописцами, ораторами и со всякими людьми, способными внести какую либо полезную лепту для блага души. Ибо подобно тому какъ красильщики сперва тщательно подготовляютъ все, что приходится красить, а потомъ уже наносятъ блестящій багрецъ или иную краску; такъ и мы, если хотимъ, чтобы величіе добродѣтели навсегда неизгладимо впечатлѣлось въ душѣ нашей, сперва углубимся въ эти внѣшнія ученія язычниковъ, съ тѣмъ чтобы ознакомиться потомъ со святыми и таинственными ученіями, и лишь тогда, когда привыкнемъ смотрѣть на отраженіе солнца въ водѣ, мы будемъ въ состояніи возвести наши взоры и къ самому свѣту. Мнѣ пришлось слышать отъ мужа, глубоко вникавшаго въ смыслъ поэта, что вся поэзія Гомера не что иное какъ хвалебная пѣснь добродѣтели, и у него все къ ней направлено за исключеніемъ развѣ посторонних предметовъ. Итакъ, если ученія имѣютъ какое-либо сродство другъ съ другомъ то знаніе ихъ будетъ для насъ очень полезно; если же нѣтъ, то уразумѣніе разницы между ними, достигаемое чрезъ сравненіе ихъ между собою, можетъ содѣйствовать по крайней мѣрѣ тому, чтобы утвердить въ насъ лучшее ученіе. Такъ и Моисей, этотъ великій мужъ, высоко уважаемый всѣми людьми за мудрость его, изощрялъ свой умъ на наукахъ Египтянъ и дошелъ такимъ образомъ до созерцанія истинно Сущаго. Точно также впослѣдствіи и Даніилъ

изучалъ мудрость Халдеянъ въ Вавилонѣ, а потомъ уже занялся священнымъ ученіемъ.— Полагаю, я достаточно доказалъ, что чуждыя знанія не безполезны для души; но надо бы опредѣлить еще, какое участіе слѣдуетъ вамъ принять въ нихъ. Вопервыхъ, что касается поэтовъ, то отнюдь не слѣдуетъ обращать равное вниманіе на все, что они повѣствуютъ, ибо они говорятъ различное; если они повѣствуютъ о подвигахъ и рѣчахъ благочестивыхъ мужей, то слѣдуетъ любить ихъ и подражать имъ, и стараться всѣми силами—сравняться съ ними; если же имъ случается говорить о дурныхъ людяхъ, то заткните ваши уши и опасайтесь подражать такимъ людямъ, подобно тому какъ Одиссей уклонился отъ соблазнительнаго пѣнія сиренъ. Привычка къ дурнымъ рѣчамъ пролагаетъ въ извѣстной мѣрѣ путь къ дурнымъ поступкамъ. Потому намъ ревностно слѣдуетъ охранять душу, дабы мы вмѣстѣ съ пріятными словами не приняли въ нее невзначай чего-либо дурного, подобно тѣмъ, кто принимаетъ ядъ, примѣшанный къ меду. Хотя изложенныя въ языческихъ сочиненіяхъ истины мы находимъ болѣе совершенными въ священныхъ писаніяхъ; но можемъ по крайней мѣрѣ набросать себѣ очеркъ добродѣтели, какъ бы оттѣнокъ ея по языческимъ ученіямъ. Ибо тотъ, кто тщательно собираетъ полезное изъ всякаго предмета, получаетъ обыкновенно приращеніе со всѣхъ сторонъ, подобно большой рѣкѣ. Все, чѣмъ пользуются какъ слѣдуетъ, можетъ служить запасомъ по пути къ вѣчности; но постыдно губить настоящее время, а потомъ взывать опять къ прошлому, котораго къ прискорбію нашему ничѣмъ уже не воротишь“.

Для монаховъ Василій начерталъ *Правило*, въ которомъ между прочимъ вмѣняется имъ въ особенную обязанность воспитаніе юношества. Онъ предписываетъ въ немъ: „Осиротѣвшихъ дѣтей слѣдуетъ принимать безъ дальнихъ справокъ, а тѣхъ, у кого есть родители, тогда, когда они предлагаются въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей. Они, какъ общія, братьямъ принадлежащія дѣти, должны пользоваться благочестивымъ воспитаніемъ. Для этого слѣдуетъ назначить особые дома; притомъ установить особый, ихъ возрасту вполнѣ отвѣчающій образъ жизни; надзоръ надъ ихъ воспитаніемъ слѣдуетъ поручить пожилому, опытному, въ терпѣніи испытанному мужу, который обращался бы съ ними отечески кротко“. Дисциплинарныя средства должны пріучать ихъ къ покорности, къ безстрастному самообладанію. „Каждый проступокъ долженъ быть наказуемъ такъ, чтобы наказаніе пріучало въ то же время къ терпѣнію и душевному спокойствію. Если воспитанникъ пустословилъ, если онъ обругалъ другаго, если онъ солгалъ или сказалъ что-либо непозволительное: то надлежитъ покарать его постомъ и молчаніемъ.

Если воспитанникъ озлобленъ на другаго, то надо понудить его не только примириться съ послѣднимъ, но по мѣрѣ обиды оказать ему дружескую услугу. Если мальчикъ позволилъ себѣ съѣсть что-либо не во время, то слѣдуетъ лишить его большей половины обыденной пищи. Если онъ неблагопристойно поглощаетъ яства, то пусть его во время отдыха смотритъ, самъ постясь, какъ другіе вкушаютъ благопристойно". „Жилище какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ должно стоять особнякомъ отъ жилья монаховъ, дабы держать ихъ въ надлежащемъ почтеніи; ибо, если они увидятъ, что старшіе грѣшатъ, то ихъ соблазнитъ легкость грѣха, или же въ нихъ возникнетъ суетное самодовольство, будто они лучше тѣхъ".—Учебной книгой служитъ Священное Писаніе. „Вмѣсто миѳовъ слѣдуетъ учить наизусть сказанія о чудесахъ, вмѣсто гномовъ—мѣста изъ Притчей Соломоновыхъ и выдавать награды за сохраненіе ихъ въ памяти. Награды должны служить къ тому, чтобы облегчить ученіе; вниманіе же поддержать не трудно, всякому уклоненію мыслей легко противопоставить преграду: стоитъ лишь учителю почаще спрашивать дѣтей, на что направлены ихъ мысли, о чемъ они про себя думаютъ. Пока душа еще богата и податлива какъ воскъ, до тѣхъ поръ слѣдуетъ съ самаго начала побуждать ее къ упражненію во всякомъ добрѣ; впослѣдствіи, когда разовьются разумъ и способность распознавать, и когда ходъ жизни предопредѣлится заложенными такимъ образомъ основами и извѣстными формами благочестія, такъ что благодаря преобладанію разума надъ полезностью, правильное поведеніе станетъ уже привычнымъ: тогда лишь наступитъ время рѣшиться на монашеское званіе". —„Въ извѣстные часы общей молитвы взрослые должны сходиться съ дѣтьми: молодые должны учиться молитвамъ у стариковъ, а старшіе въ свою очередь не мало также будутъ поддержаны молитвами дѣтей". — „Такъ какъ нѣкоторымъ ремесламъ необходимо обучаться смолоду, то мальчики въ такихъ случаяхъ могутъ проводить день у ремесленниковъ, но спать и бесѣдовать съ остальными".

Таковы были первыя основы для монастырской жизни и монастырскаго воспитанія. Впрочемъ въ первые христіанскіе вѣка вообще правила воспитанія еще не установились и обученіе юношества было предоставлено случаю. Учителями молодежи были не только пресвитеры и епископы, но также и міряне. — Всякое наставленіе, гдѣ бы то ни было, было религіозное и духовное, всякое воспитаніе и преподаваніе относилось къ христіанской вѣрѣ. Дохристіанская эпоха средоточіемъ своей педагогики ставила усвоеніе знаній и развитіе способностей для земли, такъ что цѣлью ея было наслажденіе настоящимъ и дѣятельное на него воздѣйствіе: христіанское же воспитаніе напротивъ того стремилось со-

бирать сокровища для неба; потому средоточіемъ его и было обученіе религіи, которое въ язычествѣ совершенно пренебрегалось, и потому также въ христіанскомъ воспитаніи всякое тѣлесное и духовное образованіе имѣло цѣну лишь постольку, поскольку оно служило для развитія души и для религіи. Воспитаніе было вполнѣ сверхчувственное. Въ древности воспитывали для земли, теперь же для неба.

Для этого воспитанія Златоустъ и Василій начертали первыя основныя положенія — въ то же самое время, какъ изливавшаяся въ пѣснопѣніяхъ христіанская душа впервые подчинилась извѣстному правилу. Первыя пѣсни христіанства возникли въ низкихъ хижинахъ и потаенныхъ пещерахъ — то было простое безъискусственное и неправильное пѣніе, однозвучное, безтактное, заимствовавшее движеніе лишь отъ долготы и краткости слоговъ въ текстѣ. Когда же въ 4-мъ столѣтіи христіанство жило уже епархіями, и представителями его явились научно образованные люди, то они старались также урядить и утвердить пѣніе. *Амвросій* (род. 333), епископъ Медіоланскій былъ представителемъ этихъ урядителей. Онъ ввелъ типъ или чинъ церковнаго пѣнія, избравъ для того четыре ряда тоновъ и придавъ имъ, по устраненіи греческихъ именъ, названія перваго, втораго, третьяго и четвертаго тона. Эти четыре ряда тоновъ суть defgahcd — efgahcde — fgahcdef — gahcdefg. Онъ урядилъ затѣмъ мелодіи, образовавшіяся въ богослужебныхъ сборищахъ первыхъ христіанъ, и восхитилъ и удивилъ этимъ религіозныя души до того, что Августинъ, услышавъ эти пѣснопѣнія въ церкви въ Миланѣ, воскликнулъ: „Звуки переливались въ мое ухо, истина по каплямъ струилась въ мое сердце, и чувство благоговѣнія изливалось сладкими слезами радости“.

Такимъ образомъ положены были основы христіанскаго народнаго просвѣщенія: обученіе религіи и церковному пѣнію.

6.

Первая христіанская ученая школа. Катехетическая школа. Климентъ Александрійскій и Оригенъ.

Какъ просвѣщеніе вообще, такъ особенно и высшее образованіе, въ первые христіанскіе вѣка все еще пріобрѣталось отчасти въ языческихъ школахъ. Должностнымъ лицамъ въ государствѣ служили основанныя при Антонинѣ императорскія школы, которыя даже при христіанскихъ императорахъ замѣщались языческими учителями. Мно-

гія изъ этихъ императорскихъ школъ—высшихъ образовательныхъ заведеній, носившихъ вообще имена своихъ основателей—противустояли первымъ бурямъ, долженствовавшимъ погрузить во мракъ Римскую имперію, и удержались большею частью до 5-го столѣтія. Въ эпоху Отцовъ церкви существовали еще философскія, риторическія и юридическія школы въ Римѣ, Константинополѣ, Аѳинахъ, Александріи;—въ Медіоланѣ и Тицинѣ въ Италіи, въ Оскѣ, Карѳагенѣ, Тагастѣ, Мадаврѣ по африканскому побережью;—въ передней Азіи преимущественно въ качествѣ школъ правовѣдѣнія: въ Беритѣ, Митиленѣ и Родосѣ; — особенно въ Галліи: въ Массиліи, Вьеннѣ, Нарбонѣ, Толозѣ, Бурдегалѣ, Агиннѣ, Августодунумѣ, Лугдунумѣ, Кобиллонумѣ, Везонціо, Лутеціи, Паризіорумѣ, Лавдунумѣ, Каталаунѣ, Туллѣ, Реми, Медіоматрикѣ, Леодіумѣ и др.; — въ Бельгіи: въ Траектѣ; — въ Германіи: въ городѣ Тревировъ, Могуніакѣ, Ратисбонѣ, Ювавіи; — въ Британіи: въ Кантабригіи, Оксоніи, Дуровернѣ, Эборакѣ и пр. Эти образовательныя заведенія посѣщались даже многими, желавшими посвятить себя служенію церкви, напр. Василіемъ, учившимся сперва въ Кесаріи, потомъ въ Константинополѣ, и наконецъ въ Аѳинахъ, если только они не предпочитали обучаться наукамъ у особенныхъ языческихъ риторовъ и софистовъ, какъ напр. Іоаннъ Златоустъ и Евсевій Эмесскій. Христіанскіе грамматики и риторы были рѣдки, и немногіе, о которыхъ упоминаетъ исторія,—Леонидъ, отецъ Оригена, Проэресій, Фабій Марій Викторинъ и др. — удерживали не только унаслѣдованный отъ язычниковъ матеріалъ, но также и методъ ихъ. — Для наставленія въ христіанскомъ ученіи Отцы церкви собирали около себя кругъ юношей и образовывали ихъ къ будущему званію бесѣдами и примѣромъ. Такъ дѣйствовали Іоаннъ и Поликарпъ въ Малой Азіи, Евсевій Верцельскій и др. — Языческое и христіанское образованіе въ первые вѣка христіанства шли обокъ другъ съ другомъ.

Вскорѣ однако обнаружилось стремленіе слить вмѣстѣ и органически связать оба образовательные фактора. Такимъ связующимъ звеномъ служила катехетическая школа въ Александріи. Самымъ удобнымъ мѣстомъ для соединенія греческой науки съ христіанствомъ — была Александрія, это складочное мѣсто древней науки и учености, гдѣ Филонъ уже пытался согласовать между собою Моисея съ Платономъ, и гдѣ язычники и Іудеи, философы и профаны бокъ о бокъ стремились проникнуть въ глубь наукъ. Тамошняя катехетическая школа старалась достигнуть той же цѣли. Первоначально она была устроена для взрослыхъ язычниковъ, желавшихъ перейти въ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе ознакомиться съ нимъ. Мало по малу въ ней начали читать ученыя лекціи о христіанствѣ, на-

конецъ соединили съ этимъ полное преподаваніе общихъ философскихъ наукъ и признали цѣлью ея не только обучать христіанскихъ юношей, но привлекать также ученыхъ язычниковъ, обращать ихъ въ христіанство и подготовлять къ нему. Такимъ образомъ катехетическая школа сдѣлалась собственно теологическимъ образовательнымъ заведеніемъ, школою для ученаго толкованія Священнаго Писанія. Она обнимала собой всѣ цѣли преподаванія, воспитаніе, назиданіе и знаніе въ гармоническомъ взаимодѣйствіи — христіанство въ связи съ изученіемъ всего пригоднаго изъ языческой литературы: классическою филологіею и тогдашнею эклектическою или неоплатоническою философіею пользовались какъ для защиты христіанства противъ язычества, такъ и для критическаго соблюденія источниковъ христіанства и для экзегетическаго толкованія; на этотъ конецъ и дѣлали выборъ между языческими классиками, помѣстивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ первый, а другихъ во второй разрядъ. Мірскія науки — говоритъ Василій — подобны листьямъ, служащимъ для украшенія дерева христіанскаго познанія, для охраны его плодовъ. Катехетическая школа въ Александріи своимъ главнымъ предметомъ преподаванія считала поэтому толкованіе Священнаго Писанія; въ ней преподавались сверхъ того еще философія, геометрія, грамматика и риторика. Учителя при катехетическихъ школахъ не получали въ своемъ званіи никакой особой церковной должности и никакого оклада кромѣ выдаваемаго имъ пособія отъ слушателей; они могли покидать свое мѣсто по желанію или назначать себѣ помощниковъ; вслѣдствіе состоявшаго изъ вопросовъ и отвѣтовъ обученія юношества ихъ называли „катехетами", самыя школы по этой методѣ „катехетическими", а науку „катехетикой",— т. е. искусствомъ христіанскаго преподаванія для назиданія общины по образцу безъискусственнаго преподаванія „бесѣдъ". Если поэтому сначала подъ катехетикой (κατηχεῖν=обучать, преподавать) разумѣли только науку сообщать катехуменамъ цѣлесообразное наставленіе въ основныхъ началахъ христіанской религіи и подготовлять ихъ для вступленія въ христіанство, причемъ такая подготовка завершалась крещеніемъ: то здѣсь понятіе катехетики принималось уже въ такомъ обширномъ смыслѣ, что обнимало какъ научныя, такъ и практическія занятія. Учителя катехетовъ добивались философскаго образованія мірянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли цѣлью подготовить будущихъ законоучителей для ихъ званія, причемъ философское образованіе цѣнилось ими тѣмъ выше, чѣмъ болѣе они сознавали, что одна только философія можетъ вести къ истинной оцѣнкѣ и основательному познанію христіанства.

Основателемъ катехетической школы въ Александріи былъ

Пантенъ (около 181-го г. по Р. Х.), — по Евсевію — мужъ высокаго ума и обширной учености, изучившій не только священныя писанія, но также и мірскую литературу. „Онъ по старому обычаю основалъ въ Александріи школу священныхъ ученій, существовавшую начиная съ евангелиста Марка и до нашихъ дней, (около 325-го г.) которая, какъ мы слышали, много посѣщалась людьми, сильными въ наукахъ и въ рвеніи къ божественнымъ ученіямъ. Онъ принадлежалъ къ школѣ стоиковъ. Но когда ознакомился съ божественнымъ ученіемъ Священнаго Писанія, то горячая любовь къ евангелію увлекла его далеко, до Индусовъ. Наконецъ за отличныя качества онъ поставленъ былъ главою школы въ Александріи, гдѣ не только живымъ словомъ, но также и въ сочиненіяхъ передавалъ сокровища своего знанія“.

Однимъ изъ многихъ его слушателей и учениковъ былъ Климентъ Александрійскій, который, самъ прежде язычникъ, не находя въ своемъ литературно-философскомъ образованіи никакого удовлетворенія для своей души и своего сердца, искалъ въ христіанствѣ того, чего не могла ему дать языческая наука, и предпринялъ дальнія путешествія на Востокъ и на Западъ, съ тѣмъ чтобы изслѣдовать нравы язычниковъ, іудеевъ и христіанъ и ознакомиться съ чистымъ ученіемъ и преданіемъ у такихъ мужей, память которыхъ восходила до временъ апостольскихъ учениковъ. Около 189-го года онъ сдѣлался преемникомъ Пантена при катехетической школѣ въ Александріи. Здѣсь въ его учительствѣ наука служила ему формою для содержанія откровенной вѣры. Первымъ условіемъ для науки считалъ онъ вѣру: она необходима для познанія такъ же, какъ дыханіе необходимо для жизни; она составляетъ первый наклонъ къ добру, краеугольный камень познанія. Вѣра по немъ была не что иное, какъ разумное согласіе свободной души, добровольное воспринятіе лежащей въ душѣ истины, — согласіе быть благочестивымъ: въ этой вѣрѣ заключается начало всякой науки, ибо всеобщее и простое, сущее безъ матеріи, подлежитъ вѣдь только вѣрованію. Напротивъ того, вѣра, зависящая лишь отъ мнѣній, была по немъ ненадежна; потому что она не слѣдуетъ настоящему разуму, и довѣрявшіеся этой голой вѣрѣ, казались ему подобными тѣмъ, которые хотятъ собирать виноградъ, не ухаживая за лозою. На міръ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія божественнаго воспитанія. Дѣти, это мы; наставникъ, это логосъ, слово, ставшее плотью, Сынъ Божій: отъ этихъ двухъ положеній исходитъ все развитіе. Божеская педагогика есть направленіе истины къ созерцанію Бога и предначертаніе святыхъ поступковъ навѣки нерушимое. Подобно тому какъ полководецъ ведетъ войско, заботливо соблюдая благо солдатъ, и какъ кормчій управляетъ рулемъ, заботясь о томъ,

чтобы хорошо было спутникамъ: такъ точно и педагогъ ведетъ питомцевъ къ спасительному образу жизни, радѣя о нашемъ собственномъ благѣ. Вообще, если будемъ надлежащимъ образомъ молить Бога, то оно дастся намъ, лишь бы мы подчинялись руководству педагога. Какъ кормчій не всегда слѣдуетъ по вѣтру, но направляетъ носъ корабля также противъ него и противоборствуетъ всякимъ бурямъ: точно такъ же и педагогъ никогда не подчиняется законамъ, какіе повѣятъ на него въ этомъ мірѣ и не предоставляетъ имъ своего питомца, дабы они не погубили послѣдняго животноподобнымъ и распутнымъ образомъ жизни, подобно тому какъ разбивается челнъ: напротивъ, отдаваясь духу истины какъ благодатному вѣтру, онъ въ твердой рукѣ крѣпко держитъ кормило, т. е. слухъ питомца, пока не введетъ его благополучно въ небесную пристань. Воспитатель человѣчества, божественный логосъ нашъ, прибѣгая ко всякимъ средствамъ мудрости, всѣми силами настаиваетъ, дабы несовершеннолѣтнихъ вести ко благу путемъ увѣщанія, порицанія, убѣжденія, угрозы, исцѣленія, посуловъ, благодѣянія; онъ же обуздываетъ надлежащими браздами безразсудныя похоти человѣчества. Но всѣ эти воспитательныя средства служатъ лишь подготовкою къ болѣе совершенному воспитанію, начинающемуся воплощеніемъ Слова Божія: „Богъ сталъ человѣкомъ, да научишься ты, какъ человѣку стать Богомъ.“

Таковъ взглядъ на откровеніе Божіе какъ на подобіе воспитанія. Теперь же, вотъ взглядъ на воспитаніе какъ на подобіе откровенія Божія. Методъ Климента состоялъ въ томъ, чтобы показать своимъ ученикамъ все хорошее въ философіи и затѣмъ вести ихъ постепенно къ христіанству. „Лучшимъ средствомъ для успѣшной борьбы съ заблужденіями, происходящими лишь отъ ложно направленныхъ основъ человѣческой природы, всегда будетъ признаніе за послѣдней правъ ея и естественное удовлетвореніе ея требованіямъ.“ Поэтому онъ сперва приводилъ въ сознаніе своихъ учениковъ все истинное, что было въ ихъ прежнихъ воззрѣніяхъ и въ философіи, дабы къ тому уже примкнуть христіанство. „Какъ земледѣльцы, оросивъ сперва почву, разбрасываютъ по ней сѣмя, такъ и мы орошаемъ доброй влагой философіи почву нашихъ учениковъ, дабы они тѣмъ скорѣе были въ состояніи воспринять въ себя разбрасываемое духовное сѣмя, доставить отъ него ростокъ и плодъ.“ Моисеевъ законъ и языческая философія не стоятъ между собою ровно ни въ какомъ противорѣчіи; напротивъ, они относятся другъ къ другу какъ части единой истины, какъ части рознятаго цѣлаго, какъ сѣмена логоса. Они, хотя и различными путями, оба вѣдь подготовляли къ христіанству.“ „Единый Богъ насадилъ почву человѣче-

ской земли, съ начала міра разбросавъ свыше питательное сѣмя, и постоянно какъ дождемъ орошалъ его логосомъ. Лишь времена и мѣста, воспринимавшія сѣмя, составляли разницу". „Это все тотъ же Богъ, признаваемый Греками и Іудеями, первыми язычески, послѣдними іудейски, а нами въ новомъ и духовномъ видѣ. Тотъ же Богъ, даровавшій оба завѣта, надѣлилъ Грековъ философіею, которой онъ прославился у нихъ. И какъ Богъ, спасая Іудеевъ, посылалъ къ нимъ пророковъ, такъ и у Грековъ возбуждалъ онъ лучшихъ мужей и вознесъ ихъ надъ толпою, дабы они служили ему пророками среди своихъ племенъ на родномъ языкѣ своемъ."—Такимъ-то образомъ Климентъ смотрѣлъ на греческую философію и іудейскій законъ, какъ на ступени всемірно-историческаго развитія, какъ на подготовительные моменты для откровенія, получившаго истину въ вѣчномъ свѣтѣ, озаряющемъ все при восходѣ своемъ. Созерцать первобытное единство въ разрозненномъ возможно лишь во Христѣ, который есть сама истина. Христіанство есть пополненіе закона и философіи и завершеніе ихъ. „Съ той поры, какъ само Слово низошло съ неба, намъ нѣтъ болѣе надобности посѣщать людскія школы, отправляться ради науки въ Аѳины, Грецію, и Іонію. Ибо если учитель нашъ тотъ, кто все наполняетъ святою силою, спасеніемъ, благодатію и ученіемъ, то мы всему научены, благодаря Ему, т. е. Слову. Теперь все стало Аѳинами, все Греціею." Итакъ, что̀ совершалось въ цѣломъ составѣ человѣчества, то должно также развиваться и въ единичномъ. Философія и теперь все та же пропедевтика и должна вознести вѣру къ высшей наукѣ. Какъ до пришествія Господа она необходима была Грекамъ для справедливости, такъ и теперь еще она полезна для благочестія тѣмъ, которые хотятъ, чтобъ вѣра способствовала наукѣ.—Существеннѣйшій и непосредственнѣйшій органъ для воспринятія христіанскаго откровенія—Вѣра: со стороны человѣка это свободное усвоеніе откровенной истины и тутъ же полное съ ней согласіе; со стороны Бога это заложенное въ душу, свыше внушенное человѣку добро, состоящее въ томъ, что вѣрующій, не доискиваясь даже Бога путемъ изслѣдованія, исповѣдуетъ бытіе Его и прославляетъ какъ Вѣчно сущаго. Слѣдуетъ исходить отъ вѣры дабы развить ее до науки: вѣра, это основа и мѣрило знанія; наука слѣдуетъ за вѣрою и опосредствываетъ ее.

Съ такими-то воззрѣніями Климентъ Александрійскій принялъ науку въ христіанство. Это было существеннымъ успѣхомъ въ средѣ христіанства, совершившимся благодаря Клименту и еще болѣе Оригену.

Оригенъ, родившись въ 185-мъ г. послѣ Р. Х. въ Александріи, отъ христіанскихъ родителей, обучался въ молодости у своего отца Леонида греческой наукѣ, математи-

кѣ, грамматикѣ, логикѣ и педагогикѣ, и былъ въ то же время посвященъ въ религіозныя истины, такъ что не проходило дня безъ того, чтобы дитя не читало и не заучивало наизусть лучшія мѣста изъ Священнаго Писанія. Вслѣдствіе этого вскорѣ самымъ большимъ наслажденіемъ для мальчика стало размышлять о глубокихъ, богатыхъ содержаніемъ мѣстахъ Священнаго Писанія. Подготовленный такимъ образомъ онъ поступилъ въ катехетическую школу Климента, и здѣсь—благодаря высокимъ дарованіямъ—занялъ въ 203-мъ г. освободившееся тогда мѣсто учителя. Первымъ основнымъ правиломъ въ новомъ положеніи его жизни было: не преподавать своимъ ученикамъ никакого ученія, которое онъ не стремился бы осуществить въ своей собственной жизни, дабы наставлять учениковъ столько же собственнымъ примѣромъ, сколько поученіемъ. Способъ преподаванія его былъ частью акроаматическій (неразрывно-связный), частью діалогическій. За преподаваніе закона Божія онъ никогда не бралъ вознагражденія, сколько бы ни предлагалось ему учениками; онъ продалъ собраніе имъ самимъ прекрасно написанныхъ классиковъ за пожизненную плату по 4 обола (17 крейцеровъ) въ сутки, взимаемую въ теченіе многихъ лѣтъ, и, такимъ образомъ, достигъ обезпеченнаго состоянія и независимости. Вообще жизнь его и особенно первый учительскій періодъ отличались строгимъ аскетизмомъ: онъ часто постился; сну предавался лишь на короткое время и спалъ притомъ на голой землѣ; онъ не пилъ вовсе вина и рѣдко ѣлъ мясо. Однако не погрузился вполнѣ въ аскетство. Онъ посѣщалъ школу Аммонія Сакки, глубоко вникалъ тамъ въ философію и обогатилъ притомъ свои теологическія познанія. Это дальнѣйшее развитіе его въ наукѣ повліяло также на преподаваніе, которымъ онъ занимался и которое Григорій чудотворецъ въ своемъ похвальномъ словѣ учителю изображаетъ такимъ образомъ: прежде чѣмъ приступить къ настоящему преподаванію, Оригенъ испытывалъ ученика особыми вопросами и старался исправить замѣченныя въ немъ ошибки. Такимъ образомъ онъ приспособлялъ и подготовлялъ послѣдняго къ воспринятію словъ истины; и затѣмъ уже засѣвалъ обильно и въ надлежащій срокъ хорошо воздѣланную и рыхлую почву, способную воздать врученное ей сѣмя. Потомъ преподавалъ онъ ученику діалектику, дабы развить его разсудокъ; но не діалектику обыкновенныхъ учителей, а ту, которая необходима для всѣхъ, для Грековъ и варваровъ, для образованныхъ и необразованныхъ, короче для всѣхъ людей, какой бы родъ жизни они ни избрали. Съ діалектикой соединялъ онъ естествознаніе въ такомъ видѣ, что выяснялъ, разбиралъ и удобопонятнымъ изложеніемъ сводилъ къ первоначаламъ каждое единичное суще-

ство и разсматривалъ свойства, какъ всѣхъ частей вообще, такъ и каждой изъ нихъ въ особенности, а равно различные перевороты и измѣненія вещей: онъ дѣлалъ это, дабы яснымъ ученіемъ и доводами разума внушить ученику не безразсудное, но разумное удивленіе ко вселенной и къ чудно совершенной природѣ. Далѣе преподавались имъ: геометрія, какъ самая надежная и неопровержимая основа всего остальнаго, и астрономія, созерцающая горнее и ведущая насъ къ возвышенному и небесному. Послѣ всѣхъ этихъ приготовительныхъ наукъ ученикъ знакомился съ нравоученіемъ, причемъ Оригенъ представлялъ собой блестящій образецъ добродѣтели и благочестія. Особенно наставлялъ онъ ученика сосредоточивать духъ въ самомъ себѣ, печься объ немъ болѣе всего и радѣть о благочестіи. Затѣмъ читалъ онъ съ нимъ сочиненія древнихъ философовъ и поэтовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые отрицаютъ Бога и Провидѣніе, потому что ихъ не слѣдуетъ читать, дабы не запятнать ими душу. Сверхъ того онъ хотѣлъ, чтобы ученики его ознакомились со всѣми философскими воззрѣніями. Имъ разрѣшалось изслѣдовать все вполнѣ свободно, дабы они все извѣдали и обильно пользовались духовными благами. Онъ самъ повсюду умственно сопровождалъ и руководилъ ихъ, какъ въ путешествіи, если имъ встрѣчалось что-либо сбивчивое и сомнительное или ложное; или какъ опытный знатокъ, для котораго, по долгомъ занятіи философіей, нѣтъ ничего чрезвычайнаго или неизвѣстнаго, который самъ находится въ безопасности и, протягивая другимъ руки, вытаскиваетъ и спасаетъ ихъ, какъ утопающихъ. Преподаваніе заканчивалось толкованіемъ священныхъ писаній, къ которымъ присоединялась христіанская гноза. При этомъ Оригенъ исходилъ отъ божественности священныхъ книгъ, признавая за ними характеръ сплошной истины и божественнаго достоинства, и смотрѣлъ на все Священное Писаніе какъ на совершенный, гармоническій органъ Божій, котораго различныя части звучатъ въ ладъ, подобно струнамъ Давидовой псалтири. Если впрочемъ неучу не въ каждомъ мѣстѣ Писанія бросается въ глаза сверхчеловѣческое значеніе мыслей, то нечего удивляться этому; вѣдь и въ дѣйствіяхъ міробъемлющаго Провидѣнія нѣкоторыя самымъ очевиднымъ образомъ являются дѣлами самого Провидѣнія, другія же остаются сокровенными до того, что какъ будто даютъ мѣсто невѣрію въ Бога, все уряжающаго съ невыразимымъ искусствомъ и могуществомъ. Но у тѣхъ, кто разъ навсегда твердо убѣдился въ существованіи Промысла онъ нисколько не теряетъ оттого, что они чего либо не понимаютъ; такъ точно и божественность Писанія, всецѣло проникнутаго ею, отнюдь не претерпѣваетъ ущерба оттого, что немощь наша не въ силахъ при каждомъ

выраженіи слѣдить за сокровеннымъ величіемъ ученія, облеченнаго въ простыя и неказистыя выраженія. Претткновенія, соблазны и противорѣчія, встрѣчающіеся въ Писаніи, вплетены въ него божественнымъ Логосомъ для того, чтобы мы помимо буквальнаго смысла допытывались въ немъ болѣе глубокаго. Для изслѣдователя Писанія обнаруживается троякій смыслъ: буквальный, нравственный и сверхчувственный, по аналогіи съ тѣломъ, душою и духомъ; буквальный смыслъ, это—тѣло, нравственный—душа, пневматическій, это—духъ. На первомъ, въ своемъ родѣ полезномъ толкованіи слова также можно поучаться; доказательствомъ тому служитъ большинство простыхъ, но всетаки истинно вѣрующихъ людей. Нравственный смыслъ скрытъ въ словѣ и относится къ образованію человѣка; пневматическій же, духовный или мистическій, занимается идеями, вложеными въ оболочку буквы. Каждое мѣсто Писанія содержитъ въ себѣ пневматическій, но не каждое—буквальный смыслъ: во многихъ случаяхъ буква и исторія сами по себѣ лишены правды и значенія, онѣ лишь носители идеальнаго смысла. Вездѣ однако надлежитъ отыскивать божественный смыслъ, и потому все, кажущееся съ виду невозможнымъ, безсмысленнымъ, ложнымъ, безполезнымъ, слѣдуетъ понимать аллегорически.

Цѣль человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитанія, по мнѣнію Оригена, богоподобіе. Онъ принимаетъ существованіе души прежде тѣла. Люди состоятъ изъ тѣла, души и духа. Первоначально они жили чистою духовною жизнью въ общеніи съ Богомъ. Вслѣдствіе грѣхопаденія духовная жизнь ихъ ниспала до душевной; возникло ограниченное, человѣческое сознаніе, за которымъ однако осталось еще свободное самоопредѣленіе, дабы при помощи его люди могли очиститься отъ вторгнувшагося грѣха, поднимаясь съ одной ступени нравственнаго міроваго строя на другую и достигая въ постепенномъ переходѣ опять того же первоначальнаго совершенства, общенія и единенія съ Богомъ.

Оригенъ съ самобытною силою духа связалъ въ одно органическое цѣлое мудрость Александріи и христіанства. Это былъ цѣльный человѣкъ какъ по мысли, такъ и по дѣлу,—пневматическая (духовная) натура, кроткій и нѣжный въ жизни, ясный и проницательный въ мышленіи, со всеобъемлющимъ глубокомысліемъ, воплощенный Грекъ въ образѣ христіанина, основатель научнаго христіанства.

Катехетическая школа въ Александріи достигла при Оригенѣ своего высшаго расцвѣта. По выходѣ его она мало по малу утратила свою славу и свое значеніе, пока не померкла почти окончательно во второй половинѣ 4-го вѣка. Послѣдній вѣнчанный славою учитель ея былъ Дидимъ (335—395), который, лишась зрѣнія съ малолѣтства, при помощи мѣд-

ныхъ буквъ и фигуръ, научился читать, считать, геометріи и пр. и отличался какъ своими знаніями въ діалектикѣ, грамматикѣ, реторикѣ, поэзіи, астрономіи и музыкѣ, такъ и своимъ благочестіемъ. Въ эпоху ея паденія нѣкоторые изъ ученыхъ пресвитеровъ (Дороѳей, Лукіанъ) подъ исходъ 3-го столѣтія заложили основаніе подобной школы въ Антіохіи; она сдѣлалась весьма важною для библейской герменевтики и экзегезы, такъ какъ въ ней занимались грамматикологическимъ толкованіемъ, обнаружившимъ различіе человѣческихъ особенностей въ изложеніи самихъ вдохновенныхъ писателей и разногласіе въ историческихъ повѣствованіяхъ по нѣкоторымъ предметамъ. Изъ этой школы вышли Іоаннъ Златоустъ и Ѳедоръ Мопсуэстскій. Она погибла вслѣдствіе несторіанскихъ распрей и пр.—Въ Антіохіи же образовался Ефремъ Сиринъ, основавшій въ 3-мъ столѣтіи подобное заведеніе въ Эдессѣ, уничтоженное въ 489-мъ г. несторіанскою сектою; послѣ этого Нарсесъ основалъ такую же школу въ Нисибисѣ въ Месопотаміи, обладавшую извѣстнымъ планомъ обученія и раздѣлявшуюся на нѣсколько классовъ; учителя и ученики ея пользовались особыми преимуществами въ Несторіанской церкви, и сѣвероафриканскій епископъ Юнилій въ половинѣ 6-го вѣка сказалъ объ этой школѣ, что въ ней оффиціально назначенными учителями толковалось Священное Писаніе такъ же, какъ грамматика и риторика у Римлянъ.

7.

Первое устройство христіанскаго воспитанія и образованія въ сознательной и исключительной противоположности къ язычевству: Тертулліанъ, Кипріанъ, Іеронимъ и Августинъ.

Чѣмъ болѣе христіанская церковь замыкалась сама въ себѣ какъ единый организмъ и присвоивала себѣ объективный авторитетъ, принадлежавшій прежде одному лишь Христу; чѣмъ болѣе епископы выступали преемниками Христа и апостола, правителями церкви и хранителями истиннаго ученія Христа, и чѣмъ менѣе церковно установленныя ученія служили средствомъ для субъективнаго пониманія абсолютнаго содержанія вѣры, но сами дѣлались абсолютною истиною; чѣмъ болѣе затѣмъ церковь приходила къ убѣжденію, что существованіе язычества не совмѣстимо съ принципами христіанства: тѣмъ менѣе мѣста оставалось въ христіанствѣ субъективизму и тѣмъ болѣе какъ языческая наука, такъ и язычество вообще признавались ничтожными; вслѣд-

ствіе чего языческія науки и искусства терпѣлись лишь тогда, когда онѣ подчинялись строгимъ требованіямъ церкви и церковной вѣры, и цѣнились лишь постольку, поскольку служили церковнымъ цѣлямъ. Гармонически образовавшаяся прекрасная индивидуальность древности принадлежала земному міру, древнеклассическій гуманизмъ былъ насквозь проникнутъ земнымъ обликомъ. Открытый христіанствомъ задушевный міръ и божественная, сверхестественная природа человѣка добивались себѣ развитія и признанія; а потому и самое учрежденіе, призванное удовлетворить этому требованію, т. е. христіанство, должно было немедля развиться и завершиться. Фанатизмъ односторонности и крайности былъ необходимъ для того, чтобы въ жизни и наукѣ доставить побѣду христіанству. Когда наружно достигли этой побѣды, то въ новое и новѣйшее время земной міръ вновь заявилъ свои права. Древніе признавали человѣка гражданиномъ земнаго царства, въ первоначальномъ христіанствѣ гражданиномъ царства небеснаго, а въ новѣйшее время, въ эпоху возстановленія классическаго знанія, надлежало признать человѣка гражданиномъ обоихъ міровъ. Такимъ образомъ въ наше время развился новый гуманизмъ, далеко превышающій древне-классическій. Наша эпоха сочетала образованіе прекрасной и характерной личности классической старины съ самоотверженною преданностью христіанства невидимому міру, земныя отрады съ стремленіемъ къ загробной жизни. Чувственность и сверхчувственность устраняются и примиряются въ идеѣ органической жизни.—Отрицая язычество въ первомъ порывѣ саморазвитія и поступательнаго движенія, христіанскій взглядъ, въ силу котораго исключены были конечно какъ языческое обученіе, такъ и преподаваніе языческой науки при воспитаніи дѣтей, заявилъ себя существенно въ отрѣшившемся отъ метафизики западномъ духѣ; Тертулліанъ, Кипріянъ, Іеронимъ и Августинъ являются въ этомъ случаѣ представителями требованій церкви и дальнѣйшаго развитія христіанства.

Т е р т у л л і а н ъ—всегда и вездѣ человѣкъ радикальный, пресыщается ли онъ пышностью великолѣпнаго Карѳагена, предается ли распутству Рима или выступаетъ въ избыткѣ силъ въ христіанствѣ противъ язычества. О н ъ п р о к л и н а е т ъ и о б ъ я в л я е т ъ г р ѣ х о м ъ в с е я з ы ч е с к о е, в с я к о е п р и с п о с о б л е н і е к ъ я з ы ч е с к и м ъ н р а в а м ъ и о б ы ч а я м ъ. Я з ы ч е с к а я ф и л о с о ф і я, ф и л о с о ф і я в о о б щ е п р е д с т а в л я е т с я е м у п о р ч е ю ч и с т о й ч е л о в ѣ ч е с к о й п р и р о д ы: это роскошь ума, уклоняющагося отъ простоты нравовъ и мышленія. Поэзія древнихъ достойна презрѣнія: ее легко замѣнить простыми пѣснопѣніями христіанъ. Языческая жизнь въ противность христіанской есть царство сатаны въ противность царству отрады и наслажденія. Ибо „что"

можетъ быть усладительнѣе очищенія въ Богѣ Отцѣ и Господѣ, откровенія истины, сознанія проступковъ, отпущенія столь многихъ содѣянныхъ грѣховъ? Какая услада можетъ быть выше презрѣнія къ той же самой усладѣ, выше отвращенія отъ всего тлѣннаго, выше истинной свободы, незапятнанной совѣсти, согласной съ вѣрою жизни, незнающей смертнаго страха? Подвергнуть своей власти боговъ язычества, изгонять демоновъ, исцѣлять больныхъ, молить объ откровеніяхъ, жить въ Богѣ: вотъ радости и утѣхи христіанина, святыя, постоянныя, невознаградимыя. Прельщаютъ ли тебя наука и литература: у насъ изобиліе стиховъ, изреченій, также пѣсней, да притомъ не басень, а истинъ, не искусственныхъ мелодій, а простоты. Жаждешь ли борьбы, у насъ она даже не въ скудной, а въ полной мѣрѣ. Смотри, какъ любодѣйство поборается цѣломудріемъ, безвѣріе поражается вѣрою, жестокость подавляется милосердіемъ, легкомысліе помрачается скромностью. Стремишься ли къ свободѣ? и свобода тутъ, безконечная свобода неба, ибо ты сталъ свободенъ во Христѣ, и хотя бы заключено было тѣло твое и въ плѣну была бы плоть твоя, но духу твоему все открыто. Подвизайся въ духѣ, не думая о тѣнистыхъ рощахъ и длиняныхъ колоннадахъ, но представляя себѣ тотъ путь, что ведетъ къ Богу, и ты не будешь въ тюрьмѣ: нога не чувствуетъ колодки, когда душа на небѣ. Добиваешься ли науки? Она при насъ, но только не изъ Аѳинъ? Что общаго у Аѳинъ съ Іерусалимомъ, у академіи съ церковью? Наше ученіе изъ храмины Соломона, по сказанію котораго Господа надо искать въ простотѣ сердца. Обрѣтши Іисуса Христа, намъ нечего мудрствовать далѣе; получивъ евангеліе, намъ нечего болѣе искать. Вѣруя, мы уже ни въ чемъ больше не нуждаемся, какъ въ одной вѣрѣ, ибо мы прежде всего вѣруемъ въ то, что нѣтъ далѣе ничего, во что бы намъ еще надлежало вѣровать. Всякія поиски, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтенія прекращаются съ вѣрою. Лучше не знать ничего, лишь бы не знать того, чего не слѣдуетъ знать, такъ какъ ты уже знаешь все, что нужно знать тебѣ. Любопытство да подчинится вѣрѣ, слава—спасенію. Кто разоблачитъ скрытое Богомъ? Надежнѣе всего отказаться отъ постиженія предметовъ, которыхъ Онъ не хочетъ обнаружить, и лучше по волѣ Божьей не знать того, чего онъ не открылъ, нежели стремиться знать путемъ человѣческой гордыни.“

„Потребуешь ли свидѣтельства для вѣры? Я призову новое свидѣтельство, чтò извѣстнѣе всякой литературы, ходячѣе всякой науки, распространеннѣе всѣхъ книгъ, больше даже всего человѣка, ибо то цѣльная сущность его: выступай впередъ душа!“ „Свидѣтельства души чѣмъ истиннѣе, тѣмъ проще; чѣмъ проще, тѣмъ ближе къ народу; чѣмъ ближе къ народу, тѣмъ общѣе; чѣмъ общѣе, тѣмъ естественнѣе; чѣмъ естественнѣе, тѣмъ божественнѣе.“

Опираясь на эти воззрѣнія, Тертулліанъ предостерегаетъ отъ обученія языческой литературѣ, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы учить языческой миѳологіи и участвовать въ языческихъ школьныхъ празднествахъ. На возраженіе, будто нельзя постичь божескія дѣла, не зная дѣлъ этого міра, онъ отвѣчаетъ, что хотя изучать эти дѣла дозволяется, но запрещается обучать имъ. Онъ не хотѣлъ даже имѣть общей одежды съ язычниками. Христіанское чувство должно удерживать насъ отъ всякаго промысла, состоящаго въ связи съ идолопоклонствомъ. Онъ охотнѣе соглашался, чтобы христіане трудились для роскоши и гордости, нежели для суевѣрія: онъ упрекалъ живописца Іеронима не только за его вторую женитьбу, но также и за живопись его. Даже въ рѣчахъ христіанъ запрещалъ онъ всякіе языческіе намеки, ибо божественное благочиніе подвергается опасности не только отъ дѣлъ, но также и отъ словъ. Помимо языческаго міра есть иной, внутренній міръ, міръ духа, обрѣтшаго покой во Христѣ. И тамъ надлежитъ искать и обрѣсти подобіе Божіе. Богъ создалъ человѣка; по образу и подобію своему, даже и съ плотской стороны. Душа сама въ себѣ и по себѣ еще не человѣкъ; слово человѣкъ есть какъ бы узище для двухъ сопряженныхъ сущностей, которыя только подъ этимъ именемъ и могутъ держатся вмѣстѣ. Душа создана и рождена и одарена тѣломъ. Во плоти и плотію душа совершаетъ то, что творится ею въ сердцѣ. Душа никогда не безъ плоти, пока она пребываетъ въ ней; она ничего не дѣлаетъ безъ плоти, да безъ нея и не существуетъ. Тѣло и душа всегда родятся одновременно; при зачатіи не бываетъ никакого промежуточнаго момента, которымъ обозначался бы переходъ отъ одной ступени къ другой; и въ томъ торжественномъ служеніи половъ, которое мужа съ женой смѣшиваетъ въ одно, дѣйствуютъ совокупно и душа и тѣло, душа — вожделѣніемъ, плоть — дѣломъ, душа—по побуду, а плоть по акту. По зачатіи тѣло и душа совершаютъ общее и равномѣрное развитіе. Совмѣстныя до рожденія, они и послѣ рожденія ростутъ вмѣстѣ, но всилу разныхъ причинъ, смотря по роду, свойству и потребностямъ ихъ, плоть растетъ по размѣру, душа по способностямъ, плоть по наружному виду, душа по ощущенію. Относительно духовной стороны человѣкъ одаренъ отъ Бога свободою воли и властью самоопредѣленія, и въ этомъ видѣ проявляется образъ Божій и подобіе Его. По сущности, полученной имъ отъ самого Бога, т. е. по душѣ, отвѣчающей существу Божію, онъ отличается свободною волею и способностью самоопредѣленія. Грѣхъ не могъ произойти отъ богоподобнаго начала души, но возникъ отъ приставшаго къ ней извнѣ, отъ злоупотребленія свободной волей, а послѣдняя слагаетъ вину не на Подателя, но на того, кто ненадлежащимъ образомъ воспользовался ею.

Вслѣдствіе грѣха человѣкъ утратилъ свою близость съ Богомъ: это и было неминуемо причиною того, что душа не въ ладу сама съ собою, что въ ней совмѣщаются добро и зло, и первобытная разумная природа находится въ борьбѣ съ неразумной. Божественное въ человѣкѣ не искореняется послѣднею, но лишь омрачается, и даже падшій человѣкъ признаетъ Бога Творцомъ своимъ. Къ этому-то зачатку божественнаго въ немъ, а также къ созерцанію твореній Божіихъ, должно примкнуть спасеніе человѣка, а иначе оно будетъ чѣмъ-то совершенно чуждымъ для него. Но, дабы вполнѣ познать Бога, человѣкъ нуждается въ божескомъ воспитаніи и наставленіи. Богъ познается отъ природы; но кто разъ забылъ Его, того надлежитъ путемъ обученія вновь довести до познанія Его. Заблужденіе, искаженіе первобытной истины могутъ быть устранены лишь божескимъ воспитаніемъ, орудіе котораго есть слово Божіе, а завершеніе котораго—Христосъ.

Тертулліанъ не касался воспитанія въ частности; но онъ заложилъ психологическія основы, на которыхъ можетъ развиться воспитаніе и на которыхъ оно съ другой существенной стороны должно развернуться какъ нѣчто своеобразное. Воспитатель по Тертулліану долженъ исключить изъ своего дѣла всякія языческія образовательныя средства и растворить свое знаніе въ вѣрѣ, въ священномъ писаніи. Съ другой же стороны онъ долженъ обратить полное вниманіе на тѣлесную жизнь и настойчиво налегать на этическій моментъ въ питомцѣ.

Какъ Тертулліанъ, такъ точно и Кипріанъ не вдается въ частности воспитанія. Но онъ возводитъ умственный міръ въ духовный и таким образомъ залагаетъ самый существенный краеугольный камень для католической церкви и — посредственно — также для духовнаго воспитанія среднихъ вѣковъ. Родившись подъ исходъ втораго или въ началѣ третьяго вѣка въ Кареагенѣ, переиспытавъ пышныя наслажденія свѣта, возведенный потомъ церковью въ епископы, онъ, одаренный болѣе духомъ внѣшности, внесъ эту внѣшность свою въ понятіе о церкви и такимъ образомъ пріуготовилъ торжество столь пагубнаго по своимъ послѣдствіямъ мнѣнія, будто церковь есть нѣчто существующее само по себѣ, внѣ человѣческаго міра. По утвержденіи этой неуловимой, сверхчувственной вещи, называемой церковью, ничто уже не мѣшало представителямъ и служителямъ ея отождествиться съ этою отвлеченностью; такимъ образомъ установилась власть іерархіи, которая временно была необходима и противодѣйствовала грубой силѣ, но впослѣдствіи преобразилась въ тормазъ естественнаго развитія человѣчества; даже въ настоящее время она съ изумительною энергіею и цѣпкостью противоборствуетъ духу со-

временности, стремясь затормозить колесо всеобщаго неудержимаго развитія и по возможности задержать его. Кипріанъ училъ: „Церковь одна, подобно тому какъ лучи солнца многочисленны, но свѣтъ ихъ все-таки одинъ, и какъ вѣтви дерева многочисленны, но стволъ его, исходя отъ одного корня, одинъ, и какъ множество ручьевъ, истекая изъ одного ключа, далеко распространяется обильными разливами, а единство все-таки сохраняется въ источникѣ. Отдѣли лучъ солнца отъ тѣла: единство свѣта неспособно дѣлиться на части. Отломи сукъ отъ дерева: отломленная вѣтвь не пуститъ ростка. Отдѣли ручей отъ источника: отдѣленный ручей изсякнетъ. Такъ точно и Церковь, исполненная свѣта Господа, распространяетъ лучи свои по всему міру; одинъ лишь свѣтъ разливается повсюду, и единство тѣла нераздѣльно,—одинъ ключъ, одинъ источникъ, одна мать, изобилующая благимъ плодородіемъ“.

Съ точки зрѣнія Тертулліана и Кипріана, въ воспитаніи не признается болѣе языческое образованіе. Іеронимъ и Августинъ рѣшительно заявляютъ такое же противодѣйствіе язычеству въ области воспитанія.

Іеронимъ (ум. 420 въ монастырѣ близъ Виѳлеема) пишетъ въ письмѣ къ Летѣ, супругѣ нѣкоего Токсоція, воспитывавшей свою дочь Павлу на служеніе Богу: „По просьбѣ твоей я намѣренъ научить тебя, какъ слѣдуетъ воспитать нашу Павлу, посвященную Христу еще до рожденія ея на свѣтъ, обреченную Ему тобою, еще до зачатія ея во чревѣ матери. Дочь, обязанная своимъ рожденіемъ обѣту, должна отъ своихъ родителей получить образованіе достойное происхожденія ея. Самуилъ воспитывался во храмѣ; Іоаннъ приготовлялся въ уединеніи. Подобно Самуилу и Іоанну надлежитъ наставить душу, назначенную быть храмомъ Божіимъ; она должна навыкнуть не слышать ничего, не говорить ничего помимо относящагося къ страху Божію. Она не должна понимать постыдныхъ словъ, не должна знать мірскихъ пѣсенъ. Въ нѣжномъ возрастѣ уже языкъ ея долженъ обладать искусствомъ сладкихъ псалмопѣній. Шалуновъ мальчиковъ слѣдуетъ удалять отъ нея; даже подругъ и служанокъ ея надлежитъ удерживать отъ мірскихъ сношеній, дабы онѣ, научась дурному, не поучали бы въ свою очередь еще худшему. Ребенку дай буквы изъ дерева или слоновой кости и называй ихъ по именамъ. Пускай играетъ ими, дабы и самая игра была поученіемъ. Не соблюдай постоянно порядка азбуки, дабы имена не залегли подобно пѣснѣ твердо въ памяти; напротивъ, почаще перемѣшивай ихъ, такъ чтобы дитя узнавало ихъ не только по звуку (съ голосу), но и по одному лишь виду. Въ награду можетъ оно составлять слоги; вообще надо поощрять его такими наградами,

какими прельщается этотъ возрастъ. При ученіи слѣдуетъ дать ему товарищей, съ которыми дитя соперничало бы, хвалою которыхъ оно подстрекалось бы. Если оно предается лѣни, то не слѣдуетъ бранить его, напротивъ, хвалою надо ободрять духъ его, такъ чтобы дитя само радовалось, когда восторжествуетъ надъ собою, точно также чтобы оно сѣтовало, когда поддастся лѣни. Пуще всего слѣдуетъ остерегаться, какъ бы не отбить у него охоты къ ученію; а иначе отвращеніе, укоренясь однажды въ дѣтствѣ, разростется въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Даже имена, какія пріучается оно составлять, сочетая между собою буквы, должны быть избираемы не случайно, но опредѣленно и съ умысломъ попреимуществу имена пророковъ и апостоловъ. Въ учителя надлежитъ избрать человѣка пожилыхъ лѣтъ, испытаннаго нрава и знанія; я не думаю, чтобы ученый мужъ постыдился занять при родственной ему и благородной дѣвицѣ ту же должность, какую занималъ Аристотель при сынѣ Филиппа, а именно самолично сообщать ему начальныя основанія всякаго знанія съ помощью переписчиковъ книгъ. Не слѣдуетъ пренебрегать тѣмъ малымъ, безъ котораго великое и важное невозможны. Даже звуки первыхъ буквъ и первое сообщеніе правилъ будутъ иные отъ образованнаго мужа, чѣмъ отъ необразованнаго. Потому наблюдай какъ за тѣмъ, чтобы твоя дочь не пріучалась нелѣпыми ласками нянекъ искажать въ произношеніи слова, такъ точно и за тѣмъ, чтобы она не играла ни золотомъ, ни багрянцемъ; первое вредитъ языку, послѣднее характеру: ей не слѣдуетъ въ нѣжномъ возврастѣ пріучаться къ тому, чему придется послѣ разучиваться. Краснорѣчіе Грековъ приписывается большею частью вліянію, какое съ дѣтства имѣла на нихъ рѣчь ихъ матери. Витійство Гортензія развилось на лонѣ его отца. Съ трудомъ лишь искореняется то, что внѣдрилось въ первобытныя еще души. Греческая исторія повѣствуетъ, что державный царь, Александръ, покоритель цѣлаго міра, не могъ избавиться, какъ въ поступкахъ своихъ, такъ и въ походкѣ, отъ недостатковъ своего воспитателя Леонида, усвоенныхъ имъ съ измала. Ибо злу охотно подражаютъ и, слѣдуя чьимъ-либо добродѣтелямъ, за одно подражаютъ также и ошибкамъ его. Самая одежда и наружная обстановка должны поучать дитя, кому оно посвящено. Не давай ему серегъ; не украшай посвященный Христу ликъ бѣлилами и румянами; не вѣшай на шею ни золота, ни жемчуга; не обременяй головы драгоцѣнными каменьями, не крась волосъ, дабы не приготовить ихъ для огня геены. Она обрѣтетъ иные жемчуги, за которые можетъ купить себѣ одну драгоцѣнную жемчужину.—Потомъ, когда подростетъ твоя дочь и начнетъ по примѣру Жениха своего прибывать въ мудрости, лѣтахъ и

милосердіи у Бога и людей, то она должна пойти въ храмъ своего истиннаго Отца вмѣстѣ съ родителями, но не возвращаться оттуда съ ними. Пусть они ищутъ ее въ странствіяхъ по свѣту среди толпы и тѣсноты народной, но они застанутъ ее всегда лишь въ святынѣ Писанія, спрашивающую пророковъ и апостоловъ о духовномъ бракѣ. Она никогда не должна ходить по улицѣ; она не должна также кушать открыто, т. е. даже ни на пиру въ родительскомъ домѣ, дабы не видѣть яствъ, которыхъ могла бы возжелать потомъ. Хотя нѣкоторые думаютъ, будто высшая добродѣтель въ томъ, чтобы презрѣть все видимое богатство, однако я скорѣе убѣжденъ, что мы будемъ гораздо болѣе увѣрены въ своей воздержности, если вовсе не будемъ знать предмета желанія. —До поры болѣе зрѣлаго развитія слишкомъ строгое воздержаніе опасно; до этого возраста она можетъ, если окажется потребность, не только пользоваться купаньемъ, но также пить въ надлежащей мѣрѣ вино ради желудка, точно также подкрѣплять себя мясною пищею, дабы ноги ея не ослабли, пока она не начала еще ходить. Я разумѣю это въ видѣ дозволенія, а не приказанія; оттого, что опасаюсь слабости, а не для того чтобы пріучать къ раздолью. Твоя дочь должна быть глуха для музыки; ей даже знать не надо, для чего сдѣланы флейта, лира и цитра. Пусть она каждый день скажетъ тебѣ урокъ, выбранный въ родѣ цвѣтка изъ Священнаго Писанія. — Она должна изучить греческую метрику; а вскорѣ затѣмъ пускай послѣдуетъ латинское преподаваніе: если съ самаго начала не образуются нѣжныя уста ея, то языкъ будетъ испорченъ чуждыми звуками и родную рѣчь исказятъ чужеземныя ошибки. — Ты сама будь ей наставницей; пусть неопытное дитя тебѣ удивляется. Оно ни въ тебѣ, ни въ отцѣ своемъ отнюдь не должно видѣть ничего грѣховнаго. Дочь твоя никогда не должна ходить безъ тебя по церквамъ и сборищамъ. Никогда молодой человѣкъ съ завитыми волосами не долженъ любезничать съ нею. Назначь ей пожилую дѣву испытанной вѣрности, честности и скромности, дабы она увѣщевала ее своимъ примѣромъ и пріучала вставать ночью для молитвы и псалмовъ, а по утрамъ пѣть хвалебныя пѣсни. Въ третьемъ, шестомъ и девятомъ часу она, какъ поборница Христа, должна находиться на своемъ поприщѣ и, когда засвѣтятъ лампаду, читать вечернюю молитву. Такъ да проходятъ дни ея, такъ да бодрствуй она по ночамъ. Пусть чтеніе смѣняется молитвою, а молитва чтеніемъ. Быстро пройдетъ для нея время, исполненное столь разнообразною дѣятельностью. Пускай ее учится шерстянымъ работамъ, вязать сѣти, плести корзинки, вертѣть веретеномъ и тянуть нити на пальцѣ. Она, должна, напротивъ того, презирать шелковыя

ткани, драгоцѣнные платки и шитье золотомъ. Пусть ее изготовляетъ себѣ такую одежду, которая согрѣваетъ тѣло, а не такую, что разоблачаетъ одѣтое. Пищею ей да служатъ овощи, въ исключительныхъ случаяхъ—рыба. Я отвергаю, особенно для юнаго возраста, продолжительный и чрезмѣрный постъ, когда на нѣсколько недѣль запрещается жиръ при пищѣ и плоды.—Вмѣсто драгоцѣнныхъ камней и шелковыхъ одеждъ да полюбитъ она божественныя грамоты. Пускай она сперва изучитъ Псалтирь; потомъ, отрѣшившись отъ этихъ пѣсней, да поучается для жизни на Притчахъ Соломоновыхъ. Да научитъ ее Экклезіастъ попирать ногами все, что принадлежитъ свѣту. Іовъ да послужитъ ей образцомъ добродѣтели и терпѣнія. Пусть потомъ перейдетъ она къ Евангеліямъ, которыя никогда не должна выпускать изъ рукъ: Дѣянія Апостоловъ и Посланія ей необходимо усвоить себѣ досконально. Наполнивъ сокровищницы своего сердца этими драгоцѣнностями, она должна запечатлѣть въ памяти своей Пророковъ, Пятикнижіе, книги Царствъ и Паралипоменонъ, потомъ также книги Эздры и Неэміи. Въ заключеніе она безъ вреда можетъ прочесть Пѣснь Пѣсней; прочти она ее вначалѣ, то не поняла бы духовно-брачной пѣсни, скрытой подъ плотскизвучащими словами и могла бы понести вредъ. Апокрифическихъ книгъ она вовсе не должна читать. Если же ей когда нибудь вздумается читать ихъ, не для укрѣпленія догматовъ вѣры, но изъ уваженія къ именамъ, которыми онѣ обозначены; то пусть ее узнаетъ, что эти книги составлены не тѣми, чьимъ именемъ онѣ озаглавлены, что къ нимъ примѣшано много ошибочнаго и что требуется много ума для того, чтобы изъ грязи выбрать золото. Творенія Кипріана должны у нея постоянно быть подъ рукою. Посланія Аѳанасія и творенія Иларія ей не возбраняются. Пусть наслаждается разсужденіями, духомъ тѣхъ, въ чьихъ книгахъ крѣпка святая вѣра. Остальныхъ она можетъ читать съ тѣмъ, чтобы изощрять на нихъ свой разсудокъ, но отнюдь не для подражанія. Воспитай ее въ монастырѣ; пусть она участвуетъ въ хорахъ дѣвицъ; клясться она не поваживайся; ложь должна казаться ей богохульствомъ; да не вѣдаетъ она ничего о свѣтѣ; она должна жить подобно ангеламъ; во плоти да будетъ она свободна отъ плоти и пускай думаетъ, что всѣ люди такіе же какъ и она".

Въ педагогическихъ правилахъ Іеронима два обыкновенно противоборствующихъ другъ другу воззрѣнія мирно стоятъ обокъ. Съ одной стороны закоснѣлый монашескій взглядъ на жизнь, отвергающій мірскую науку и потому считающій неизбѣжнымъ зломъ даже преподаваніе мальчикамъ науки языческой, которою они должны заниматься лишь до тѣхъ поръ, пока не освоятся съ языкомъ; тѣмъ не

менѣе, постыдно, если священники, вмѣсто того чтобы читать евангеліе, забавляются языческими комедіями, любовными пѣснями и пр., и занимаются по пристрастію тѣмъ, чѣмъ отрокамъ приходится заниматься поневолѣ ради своего образованія. Однажды во снѣ явился онъ на судъ Божій, и его спросили, кто онъ такой? На отвѣтъ его, что онъ христіанинъ, Судія воскликнулъ: „Ты лжешь; ты послѣдователь не Христа, а Цицерона; ибо гдѣ кладъ твой, тамъ и сердце твое“. Съ другой стороны даже въ самомъ монашескомъ характерѣ, какой у него уже принимаетъ христіанство, незаглушенъ еще чисто человѣческій элементъ, напротивъ, онъ возбужденъ и усиленъ, такъ что о воспитаніи Пакатулы, дочери одного изъ друзей своихъ, онъ писалъ и могъ писать: „Пусть ее обучается начальнымъ основамъ знанія, складываетъ слоги и слова и знакомится съ ихъ названіемъ; чтобы она заучивала ихъ громкимъ голосомъ, —въ видѣ сладкой награды давай ей пирожки; все, что вкусно, что благоухаетъ въ цвѣтахъ, что блеститъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ, съ чѣмъ можетъ понѣжничать въ родѣ куколъ, все это можно немедля предоставить ей. Пускай она притомъ попытаетъ прясть нѣжными пальчиками; пусть даже оборветъ иной разъ нитку, лишь бы она ужь никогда не обрывала ее въ свое время. Послѣ работы она можетъ порѣзвиться играючи, вѣшаться на шею матери, срывать у родныхъ поцѣлуи, пѣть псалмы и за то получать какую либо награду. Все, чему слѣдуетъ ей учиться, должно быть пріятно ей, чтобы ученіе было не рабскимъ трудомъ, а услажденіемъ, не неволей, а охотой“.

Послѣдствія изъ началъ Іеронимовой точки зрѣнія извлекаетъ Августинъ не только своею собственною жизнью, но также и своими взглядами. Онъ родился въ 353-мъ году въ Тагастѣ, что въ Нумидіи. Его отецъ, Патрицій,— язычникъ, крайне раздражительный, пылкій и чувственный, былъ обуздываемъ матерью его, терпѣливою, любвеобильною Моникою, которая также на сынѣ и на его воспитаніи пыталась доказать и истощить всю любовь женственнаго и особенно материнскаго сердца. Но — пылкій отъ природы, надѣленный быстро вспыхивающею чувственностью, безпокойный и воспріимчивый, подстрекаемый честолюбіемъ и плотскою похотью—Августинъ погружался сперва во всѣ пропасти человѣческаго существа, прежде чѣмъ въ состояніи былъ вознестись къ свѣтлымъ высямъ истиннаго христіанства. „Еще ребенкомъ — сознается онъ въ своихъ Исповѣдяхъ— (cofessionum libri X, новое изданіе К. Раумера, Штутгартъ 1856, нѣмецкій переводъ Раппа) — я крикомъ добивался вреднаго и надѣлялъ тычками всякаго, кто не удовлетворялъ моимъ требованіямъ. При этомъ одна лишь немощь дѣтскихъ членовъ помѣшала мнѣ совершить грѣхъ; но

дѣтская душа моя не была невинна. Я самъ однажды видѣлъ озлобленнаго младенца, который, не умѣя еще говорить, смотрѣлъ уже желчнымъ, враждебнымъ взоромъ на своего молочнаго брата. Матери и кормилицы говорятъ конечно, что это пройдетъ; не грѣшно развѣ, если ребенокъ не терпитъ соучастника у обильно льющагося источника питанія? Господи, Боже мой, Ты даровалъ жизнь младенцу, снабдилъ тѣло его чувствами, развилъ и прекрасно сложилъ члены его, для поддержки и охраны его Ты призвалъ всѣ усилія живущихъ, и Ты желаешь, чтобы я прославилъ за то святое имя Твое". „Я достигъ отроческаго возраста. Теперь я не былъ уже безсловеснымъ груднымъ младенцемъ; а сталъ болтливымъ отрокомъ. Я помню еще это; но какимъ образомъ я научился говорить, это наблюдалъ я уже послѣ. Старшіе люди учили меня этому не такъ, какъ обучали впослѣдствіи. Дарованною мнѣ Тобою силою я пытался вздохами и тому подобными звуками и жестами заявить о своемъ желаніи. Но такъ какъ не всегда и не у всѣхъ могъ добиться того, чего хотѣлъ, то старался припомнить слово, какимъ они называли извѣстный предметъ. Если они при этомъ обращались къ чему-либо, то я замѣчалъ, что это тотъ самый предметъ, который они разумѣли. Я пріучалъ свои уста къ этимъ знакамъ и выговаривалъ ихъ; такимъ образомъ я все болѣе входилъ въ многошумное общество человѣческой жизни, завися отъ родительской власти и отъ указаній взрослыхъ людей". „Господи, Боже мой, сколько бѣдъ извѣдалъ я, и сколько мукъ, когда отъ меня, отрока, требовали, чтобы я жилъ какъ слѣдуетъ, т. е. слушался бы увѣщателей, дабы возвыситься въ этомъ мірѣ и отличиться въ искусствѣ краснорѣчія, сулящаго намъ не только почести у людей, но также и мнимыя богатства". „Потомъ меня отдали въ школу, чтобы обучить наукамъ, пользу которыхъ я, несчастный, и не постигалъ, подвергаясь однако побоямъ, когда бывалъ лѣнивъ. Это дѣлалось съ одобренія родителей; и многіе, избравшіе до насъ такой образъ жизни, пріуготовили намъ этотъ многотрудный путь; намъ пришлось идти по немъ съ мученіемъ и трудомъ, увеличеннымъ еще для чадъ Адама. Но Ты, Господь, посылаешь намъ людей, поклоняющихся Тебѣ, и отъ нихъ научились мы, по мѣрѣ силъ нашихъ, чувствовать, что есть Богъ великій; и что Ты можешь услышать насъ и помочь намъ, хотя бы наши чувства и не постигли Тебя. Ибо отрокомъ уже началъ я взывать къ Тебѣ, помощи моей и убѣжищу моему, и тутъ-то я далъ волю своему языку; я, малое дитя, молилъ Тебя съ немалымъ усердіемъ о томъ, чтобы мнѣ въ школѣ не подвергаться болѣе побоямъ. А такъ какъ Ты не внялъ мнѣ, оттого что оно служило мнѣ въ умудреніе, то взрослые люди и даже мои родители, не желавшіе мнѣ никакого зла, смѣ-

ялись надъ моими страданіями, надъ столь великимъ и тяжкимъ для меня горемъ. Бываютъ люди, преданные Тебѣ съ искреннею любовью, необращающіе вниманія на разныя орудія пытки, объ отмѣнѣ которыхъ съ великимъ усердіемъ молятся во всѣхъ странахъ, такъ что эти люди даже смѣются надъ всѣми, приходящими отъ нихъ въ ужасъ; точно также и родители наши смѣялись надъ истязаніями, причиняемыми намъ мальчикамъ учителями. Ибо мы не мало боялись ихъ и просили о пощадѣ, и все таки грѣшили, написавъ, или прочитавъ не все что надлежало, или думая при ученіи менѣе чѣмъ требовалось. Ибо мы не были лишены ни памяти, ни ума, и тѣмъ и другимъ Ты, Господь, одарилъ насъ въ достаточной степени для нашего возраста; но насъ забавляла игра, и за это наказывали насъ люди, которые сами безпрепятственно дѣлали то же самое. Но забаву взрослыхъ называютъ дѣломъ; а если то же самое дѣлаютъ дѣти, то они наказываются первыми. Мнѣ приходилось терпѣть побои за то, что я любилъ играть въ мячъ, такъ какъ это мѣшало изученію знаній, которыми впослѣдствіи мнѣ предстояло играть еще болѣе гнуснымъ образомъ. А бившаго меня гораздо болѣе терзали зависть и желчь, когда какой нибудь ученый побѣждалъ его въ спорномъ вопросѣ, нежели злило меня, когда мои товарищи лучше играли въ мячъ". „И все таки я грѣшилъ, Господи Боже мой, Ты Урядитель и Творецъ всѣхъ вещей въ природѣ, но лишь не Урядитель грѣховъ! Господи, Боже мой, грѣшилъ я противъ заповѣди родителей и тѣхъ учителей. Ибо былъ непослушенъ, не потому что избралъ себѣ лучшее, а потому что любилъ игру, что въ игрѣ мнѣ нравилось торжество побѣды и что слуху моему пріятно было поражаться лживыми сказками; чѣмъ сильнѣе было влеченіе къ нимъ, тѣмъ болѣе влекло меня опасное любопытство къ зрѣлищамъ и забавамъ старшихъ. Часто, поддаваясь суетному желанію первенства, я въ играхъ обманомъ присвоивалъ себѣ побѣду: а если другіе поступали такъ же, и мнѣ удавалось изобличить ихъ въ томъ, что я дѣлалъ самъ, то я спорилъ съ ними и раздражался; если же напротивъ, изобличали меня, то я готовъ былъ скорѣе поссориться, лишь бы не уступать. Это ли дѣтская невинность? Нѣтъ, Господи, Боже мой! Это, напротивъ, то же самое, что отъ воспитателей и учителей, отъ орѣховъ, цыплятъ и воробушковъ переходитъ къ начальникамъ и властителямъ, къ золоту, добычѣ и рабамъ. Съ переходомъ къ позднѣйшему возрасту все это переходитъ къ нимъ, и за розгой точно также слѣдуютъ болѣе тяжкія наказанія". — „Въ школѣ любимцемъ моимъ былъ Виргилій. Я любилъ слѣдить за странствіями Энея, горючими слезами оплакивалъ я смерть Дидоны, лишившей себя жизни по любви. Моимъ изложеніямъ рукоплескали. Во мнѣ чаяли будущаго поэта. Учиться же гре-

ческому языку мнѣ не было никакой охоты. Какъ мнѣ любъ былъ Виргилій, такъ напротивъ горекъ Гомеръ. Я думаю, греческимъ мальчикамъ Виргилій долженъ казаться такимъ же, если они обязаны изучать его на тотъ ладъ, какъ я Гомера; ибо вообще трудность изучать чуждый языкъ окропляла желчью всѣ греческія прелести баснословныхъ сказокъ. Я не зналъ словъ, и меня страшными угрозами и наказаніями жестоко понуждали заучивать ихъ". „Столь же ненавистною пѣснью для меня были одинъ и одинъ—два, два и два—четыре".

Изъ этихъ признаній слѣдуетъ, что Августинъ былъ врагъ всего формальнаго—филологіи и математики. Его умъ былъ направленъ на живое содержаніе, на предметы для души и сердца. „Я сѣтую не на слова, ибо они какъ бы избранные и драгоцѣнные сосуды, но на вино заблужденія, которое предлагалось намъ въ нихъ упоенными учителями, а все-таки я охотно учился этому; я несчастный радовался этому, и меня за то называли мальчикомъ подающимъ надежды. По истинѣ, развѣ все это было не дымъ и не вѣтеръ? Развѣ не было ничего иного, чѣмъ бы можно было изощрять мой умъ и мой языкъ? Твоя слава, о Господи, Твоя слава въ Священномъ Писаніи могла бы вознести горѣ отпрыски моего сердца; позорно преданное мимолетяому прошлому, оно не должно бы было увлекаться суетными пустяками. Да, не въ одномъ лишь этомъ видѣ приносятъ жертву падшимъ ангеламъ!... Но горе тебѣ! Потокъ людскаго обычая, кто въ силахъ воспротивиться тебѣ? Долго ли ждать намъ пока ты не изсякнешь? Долго ли еще будешь ты высылать чадъ Евиныхъ въ великое, страшное море, по которому едва удается проплыть даже сѣвшимъ на кораблекъ счастія?... Воззри, Господи Боже, воззри съ долготерпѣніемъ, какъ тщательно смертные соблюдаютъ правила языка, и какъ они зато пренебрегаютъ правилами вѣчнаго спасенія. Да, доходитъ до того, что если ученикъ или учитель нарушаетъ грамматическія правила, то онъ соблазняется болѣе, нежели когда вопреки твоей заповѣди онъ, будучи самъ человѣкомъ, ненавидитъ человѣка„.

Съ лѣтами юности жизненнымъ влеченіемъ Августина стала любовная страсть. Молодость его утопала во мракѣ сластолюбія, котораго онъ не съумѣлъ отличить отъ ясной чистоты любви. Слабый возрастъ, увлекаемый въ бездну похотей, погрязъ въ тинѣ пороковъ. „И я дѣлался все болѣе порочнымъ, чтобы не навлечь себѣ укора со стороны, и если не представлялось мнѣ случая подражать развратнымъ, то я наговаривалъ на себя, будто учинилъ то, чего вовсе не дѣлалъ, лишь бы казаться тѣмъ болѣе презрѣннымъ, чѣмъ невиннѣе я былъ на самомъ дѣлѣ, и лишь бы считали меня тѣмъ болѣе низкимъ, чѣмъ чище я жилъ".

Благодаря Цицеронову Гортензію, Августинъ отъ сладострастной любви своей отвлеченъ былъ къ философіи и без-

смертію мудрости. Слова въ этомъ твореніи, которыми восхвалялись достоинство и возвышенность философіи, возбудили къ новой жизни дремавшія въ немъ чувства: истина и добро съ невыразимымъ порывомъ проникли въ его душу; душѣ его предстало высшее добро—единственно достойная цѣль человѣческихъ стремленій, въ противность чему все, доселѣ занимавшее и восхищавшее его, показалось ему ничтожнымъ. „Но въ этомъ сочиненіи я не встрѣчалъ имени Христа, а нѣжное сердце мое еще съ молокомъ матери всосало въ себѣ имя это". Онъ искалъ потомъ истины въ философіи, въ манихеизмѣ. „Девять лѣтъ вводили меня и вводилъ я другихъ въ заблужденіе, былъ то кичливъ, то суевѣренъ и ничтоженъ во всемъ. Я то добивался суетной славы отъ народа и гонялся даже за театральными рукоплесканіями, то вновь стремился очиститься отъ этой гадости, снабжая пищею тѣхъ, которыхъ прозывали избранными, дабы этимъ путемъ во внутренности ихъ чрева изготовить ангеловъ и боговъ, при помощи которыхъ я могъ бы обрѣсти спасеніе".

Наконецъ Августинъ отчаялся и въ манихеизмѣ, оттого что ему показалось, будто истины вовсе нельзя найти, и подъ бурей столпившихся мыслей перешелъ на сторону новыхъ академиковъ. Неоплатонизмъ воспламенилъ его чрезвычайнымъ огнемъ и повелъ его отъ скептицизма къ ясному сознанію объективной истины. Отдавшись своему платоническому идеализму, онъ могъ теперь перетолковать себѣ всѣ христіанскія ученія: онъ думалъ, что уразумѣлъ христіанство и говорилъ о немъ какъ увѣренный въ своемъ дѣлѣ знатокъ. Однако „во мнѣ не было еще того, что одно лишь въ состояніи дать истинное понятіе о христіанствѣ, безъ чего всякій изъ насъ обладаетъ лишь шелухой христіанства безъ ядра,—во мнѣ не было любви, вытекающей изъ основъ смиренномудрія". Правда, Платонова философія представляла ему идеалы, восхищавшіе духъ его, но неспособные придать ему силы побороть плоть. Она не освободила его отъ внутренняго разлада, которому то и дѣло подвергалась жизнь его. Въ этомъ состояніи посланія Павла разрѣшали ему многія загадки его бытія: его собственный внутренній опытъ повелъ его къ уразумѣнію христіанства. Онъ чувствовалъ силу его внутри себя. Исходя отъ задушевной жизни, онъ научился вѣрить въ христіанскія истины и понимать ихъ. Онъ зналъ, что намъ необходимо вжиться и влюбиться въ божескія дѣла, прежде чѣмъ мы въ состояніи понять ихъ. Исходя отъ вѣры, онъ дошелъ до сознанія что fides praecedit intellectum *). „Кого люблю я, любя Бога? Я спрашивалъ землю и она отвѣчала: Не меня; и все, что находится на ней, сознавалось въ томъ же. Я спра-

*) Вѣра предшествуетъ разумѣнію.

шивалъ море и бездны его и всѣхъ живущихъ существъ, и они отвѣчали: Мы не Богъ твой, ищи его надъ нами. Я спрашивалъ дующіе вѣтры, и воздушное пространство со всѣми его обитателями говорило: Анаксименъ заблуждается, я не Богъ. Я спрашивалъ небо, солнце, луну и звѣзды: Мы также, говорили они,—не твой Богъ, котораго ты ищешь. Тогда я всѣмъ представшимъ кругозору очей моихъ, сказалъ: Вы говорили мнѣ, что вы не мой Богъ; но что же вы можете мнѣ сказать о Немъ? И всѣ они громогласно воскликнули: Онъ создалъ насъ! Мой вопросъ былъ жаждою души моей, а ихъ отвѣтъ былъ ихъ бытіемъ и красотою".

Августинъ въ своихъ „Исповѣдяхъ" развилъ цѣлую психологію человѣческаго сердца, изъ которой педагогъ можетъ научиться болѣе, нежели изъ многихъ теорій о воспитаніи. Онѣ обнаруживаютъ мощь посѣянныхъ въ самой нѣжной юности религіозныхъ зародышей, и вмѣстѣ съ тѣмъ мощь матери надъ ребенкомъ: матерью насажденная вѣра въ истину и божественность христіанской религіи не покидала Августина даже въ самомъ манихеизмѣ; эта вѣра вывела его наконецъ изъ блужданій по духовному морю въ истинную родину, въ средоточіе Божьей жизни. Онѣ показываютъ какъ одно слово, одна мысль отъ мужей прошедшаго или настоящаго, благодаря встрѣчѣ съ дремлющими идеями въ душѣ человѣка, могутъ иногда пролагать совершенно новые пути, приводя въ ясное сознаніе высшія потребности духовной и нравственной природы и обнаруживая такимъ образомъ ничтожество всего, что до сихъ поръ считалось единственно желательнымъ. Онѣ показываютъ наконецъ, какъ жизнь человѣка изъ періода беззаботнаго, дѣтскаго бытія переходитъ на поприще разлада съ самимъ собою, внутренней борьбы, что душевныя силы бушуютъ тѣмъ неукротимѣе, чѣмъ шире стремящаяся натура, что въ этой борьбѣ легко истощается духовная жизнь, если бури не обуздываются и не уряжаются высшими, небесными силами, и что борьба тогда только закончится истиннымъ миромъ, когда человѣкъ, этотъ плаватель по житейскому морю, броситъ якорь въ основѣ всякаго бытія.

Исходя отъ собственной судьбы и собственнаго житейскаго опыта, Августинъ, этотъ Павелъ пятаго столѣтія, выяснилъ себѣ человѣческую природу. Съ тѣхъ поръ какъ Адамъ, человѣкъ, совмѣстившій въ себѣ весь родъ человѣческій, согрѣшилъ, грѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наказаніе за него перешли на всѣхъ людей. „Отъ дурнаго употребленія свободной воли начался рядъ бѣдствій, доводящихъ родъ человѣческій, испорченный въ зародышѣ и какъ бы въ корнѣ уже обреченный тлѣнію, изъ поколѣнія въ поколѣніе до гибели второй смерти, за исключеніемъ тѣхъ, которые будутъ спасены благодатію Божіей". Ибо „одна благодать предаетъ забвенію учиненное нами зло" и помогаетъ намъ

уклоняться отъ зла и творить добро. Она не только указуетъ человѣку, что ему дѣлать, но также вліяетъ на него и внушаетъ ему склонность дѣлать все то, что призналъ онъ долгомъ своимъ". И „благодать эта дается отъ Бога даромъ. Какъ же можно было бы назвать благодатью то, что давалось бы не даромъ, какъ назвать благодатью, что оплачивалось бы какъ долгъ?" „Всѣ тѣ, которые обрѣтутъ блаженство, обрѣтутъ его одною лишь волею Божіею. Кому не дарована благодать, тому она не дастся праведнымъ судомъ, а кто надѣленъ ею, тотъ надѣленъ по незаслуженной милости". „Какъ тѣлесное око, даже самое здоровое ничего не видитъ безъ дневнаго свѣта, такъ точно и человѣкъ не можетъ жить праведно безъ благодати свыше. Богъ не поддерживаетъ насъ во грѣхахъ, но дѣлать добро и исполнять законъ справедливости мы не можемъ, если не будемъ поддержаны Богомъ. Ибо какъ тѣлесное око не для того поддерживается свѣтомъ, чтобы оно, отвратившись и закрывшись, удалилось отъ того свѣта, но дабы оно видѣло, поддерживаясь имъ; и подобно тому какъ оно ничего не можетъ видѣть, не бывъ имъ поддержано; точно такъ и Богъ, сущій свѣтъ нашего внутренняго человѣка, помогаетъ нашему духовному зрѣнію, дабы мы творили добро не по нашей, но по Его справедливости".

Своимъ глубокимъ сознаніемъ грѣховности людей Августинъ стоитъ въ рѣшительной противоположности къ язычеству, и эту противоположность онъ послѣдовательно и энергично проводитъ по всѣмъ направленіямъ. Сурово и строго отклоняетъ онъ поэтому отъ воспитанія всякія языческія науки. „Тѣ безконечныя и безбожныя басни, которыми кишатъ стихотворенія суетныхъ поэтовъ, отнюдь не согласуются съ нашею свободою. Также точно напыщенная, отполированная ложь ораторовъ, ни словообильныя, наконецъ, хитросплетенія самихъ философовъ.... Боже упаси, чтобы эти ничтожества и измышленныя безумія, эти пустыя побасенки и вздутыя лжесказанія когда либо имѣли право назваться свободными и благородными науками!" „Въ одной лишь исторіи, составители которой въ повѣствованіяхъ своихъ попреимуществу заслуживаютъ вѣры, можетъ для свободныхъ людей заключаться кое-что достойное знанія, когда добро ли, зло ли, — но во всякомъ случаѣ правда,— повѣствуется о человѣкѣ". „Ибо у мірскихъ лѣтописцевъ существуетъ родъ сродства съ свободою, если только они сами намѣрены говорить правду".

Для воспитанія Августинъ весьма важенъ сверхъ того учрежденіемъ учебнаго заведенія въ своемъ епископскомъ зданіи въ Гиппонѣ, что въ сѣверной Африкѣ, гдѣ онъ проживалъ самъ вмѣстѣ съ причтомъ своей церкви. Это заведеніе должно было быть разсадникомъ духовенства, и Августинъ не посвящалъ въ духовное званіе никого,

кто не выросъ на глазахъ его въ этой семинаріи. „Клирикъ, — говоритъ онъ — не желающій подчиниться моему общинному образу жизни, можетъ быть увѣренъ, что я навсегда исключу его изъ списка клириковъ, хотя бы онъ возбудилъ противъ меня сто соборовъ и пошелъ бы куда ему угодно, съ тѣмъ чтобы обжаловать меня. Съ помощью Божьею онъ никогда не будетъ клирикомъ въ моемъ епископствѣ". Онъ предложилъ всѣмъ собратьямъ соединить свои причты въ подобныя заведенія, и ученики его, Поссидій, Эводій, Бененатъ, Северъ, Новатъ, Алипій и пр. ввели у себя такія же учрежденія.

О воспитаніи дѣтей въ частности Августинъ говоритъ въ своемъ сочиненіи „De catechizandis rudibus"[1]), въ которомъ онъ одному изъ діаконовъ даетъ руководство къ катехетическому преподаванію. Онъ требуетъ въ немъ существенно исторической основы преподаванія, и ему хотѣлось бы, чтобы оно производилось въ видѣ narrationis, повѣствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требуетъ наглядности въ преподаваніи и совѣтуетъ долѣе останавливаться на томъ, что болѣе всего способно интересовать катехуменовъ, и подвергать все это надлежащему разсмотрѣнію, такъ чтобы выходило не одно только цѣльное впечатлѣніе, но чтобы цѣлое разлагалось на свои составныя части, а потомъ уже обозрѣвалось вновь въ болѣе полномъ составѣ, тогда какъ остальное можно проходить быстрѣе. „У дѣтей нельзя ожидать полнаго пониманія, и нельзя добиваться его напередъ; напротивъ, имъ прежде всего объективное понужденіе, дисциплина, а субъективно—повиновеніе." Воспитанникъ лишь путемъ благонравнаго навыка доходитъ до пониманія. Учитель при воспитаніи долженъ стараться сохранить веселое настроеніе: „Лишь радушный датель угоденъ Богу."

Въ своемъ сочиненіи de catechizandis rudibus Августинъ далъ первую христіанскую катехетику. Притомъ онъ писалъ еще „de musica", разговоръ между учителемъ и ученикомъ (о музыкѣ), и „de magistro," разговоръ, разсуждающій о словахъ и о сущности и указующій на Христа какъ на внутренняго наставника.

Между тѣмъ какъ Александрійцы усвоили себѣ языческую науку и потому признали ее въ воспитаніи, а въ проповѣдяхъ отличались даже языческимъ краснорѣчіемъ, въ то же самое время Тертулліанъ и Августинъ считали языческія начала знанія несовмѣстными съ христіанскимъ воспитаніемъ. Впрочемъ и Александрійцы ограничивали уже чтеніе языческихъ классиковъ. Оригенъ передавалъ слушателямъ одни лишь избранныя мѣста изъ языческихъ писателей. Василій требовалъ затѣмъ выбора классиковъ

[1]) О катехизаціи необразованныхъ.

для юношества. Григорій Назіанзинъ порицалъ друга своего Григорія Нисскаго за чтеніе языческихъ сочиненій, а послѣдній хвалилъ свою благочестивую мать за то, что она воздержала сестру его, Макрину, отъ языческихъ поэтовъ и взамѣнъ того ознакомила ее съ Священнымъ Писаніемъ. Вскорѣ не стали обращать вниманія на то, знаетъ ли епископъ грамматику и діалектику, и Юліанъ, насмѣхаясь надъ христіанами, не даромъ воскликнулъ: „Намъ, поклоняющимся богамъ, подобаетъ эллинствовать (ἑλληνίζειν), вамъ же пригодны невѣжество и грубость, ибо вся мудрость ваша не идетъ далѣе принятія на вѣру (πιστεύειν).“ Монастыри сдѣлались разсадниками духовныхъ лицъ, и точно, здѣсь пріобрѣтали они богатую внутреннюю христіанскую опытность и близкое знакомство съ Священнымъ Писаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе односторонняго образованія,—ограниченность теологическаго духа и неумѣлость въ запутанныхъ обстоятельствахъ жизни. Толкованіе библіи, житія святыхъ, полемика, преданіе, церковный уставъ: вотъ предметы преподаванія, подготовлявшіе здѣсь священника къ его званію. Вмѣстѣ съ монастырями возникли вскорѣ особыя семинаріи для духовенства, настоящимъ основателемъ которыхъ былъ Августинъ; отъ его учебнаго заведенія распространились подобныя во всѣ епископскія церкви въ Африкѣ. Когда же вскорѣ послѣ того бурныя гоненія со стороны Вандаловъ и пр. сокрушили церковь вообще, и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожили эти учебныя заведенія въ Африкѣ, то изгнанные епископы основывали такія же учрежденія въ мѣстахъ, гдѣ находили себѣ убѣжище. Въ Римѣ они существовали уже при Львѣ Великомъ. Юноши собирались около причта благочестиваго и разумнаго епископа, сперва въ качествѣ церковныхъ чтецовъ, образуясь подъ его надзоромъ, по примѣру, совѣту и подъ руководствомъ его. Когда такое практическое образованіе духовныхъ лицъ давно уже распространилось по Италіи, то на соборѣ въ 529-мъ г. оно освящено было церковью; тамъ было постановлено, чтобы приходы въ городахъ и селахъ, также епископы и пресвитеры брали къ себѣ на домъ юношей и, въ качествѣ отцовъ, духовно питали ихъ, наставляя въ псалмахъ, въ толкованіи Священнаго Писанія и законѣ Божіемъ и образуя такимъ путемъ достойныхъ преемниковъ священнаго званія. Григорій Великій преобразилъ свой дворецъ въ обширную семинарію, гдѣ юноши тщились быть слугами алтаря, и посѣдѣвшіе уже въ церковной службѣ мужи собирались и вели общую научную и должностную жизнь. Отсюда вышли апостолы Англіи и основали въ ней такія же заведенія. Въ Галліи Мартинъ Турскій заложилъ учрежденіе для той же цѣли; въ Испаніи также не было недостатка въ семинаріяхъ для духовенства. Въ нихъ вездѣ однако не столько заботились о научной, какъ о практической подготовкѣ священ-

ника, который былъ собственно не духовное, а скорѣе отчужденное отъ міра, чистое и цѣломудренное лицо. Таково было направленіе эпохи, на что указываетъ между прочимъ сонъ Григорія Назіанзина. Ему снилось: „Двѣ прелестныя дѣвы одного возраста и одинакой красоты сошли къ нему. Обѣ одѣты были просто, безъ прикрасъ, въ длинныхъ бѣлыхъ облаченіяхъ до ногъ, плотно опоясанныхъ. Лицо ихъ закрыто было покрываломъ, не мѣшавшимъ впрочемъ видѣть опущенные взоры, краску стыдливости на ихъ ланитахъ и нѣжно сомкнутыя уста. Въ нихъ было что-то неземное, но онѣ привѣтливо и любовно подошли къ отроку. Когда онъ спросилъ объ ихъ именахъ, онѣ назвали себя невинностью и цѣломудріемъ (ἁγνεία и σωφροσύνη), сопутницами Іисуса Христа и подругами всѣхъ отрѣшившихся отъ всякихъ земныхъ связей, съ тѣмъ чтобы жить вполнѣ божескою жизнью. Онѣ увѣщевали отрока соединиться съ ними въ духѣ и вновь вознеслись къ небу.“ Безбрачіе и духовное званіе получили значеніе святости; но духовное утратилось въ священническомъ, а наука и искусства отдѣлились какъ отъ священническаго, такъ и отъ христіанскаго образованія вообще. Передъ единымъ существеннымъ, передъ религіей, вся остальная жизнь должна была исчезнуть, какъ нѣчто суетное и ничтожное. Искусство, изученіе эллинской древности, изящныя науки, наука сама въ себѣ и по себѣ, должны были погибнуть, когда преодолѣнное во Христѣ различіе между тѣломъ и духомъ переработалось въ сознательную противоположность и лишь сверхчувственное было признано существеннымъ, а чувственное, напротивъ того, чѣмъ-то ничтожнымъ. Вся природа, „лишенная какъ ядра, такъ и шелухи“, была тѣмъ не менѣе разложена на такую именно двойственность, и духовное воспитаніе лелѣялось, а всякое явленіе, все чувственное отвергалось какъ нѣчто нечистое и презрѣнное.

Къ внутреннему отвращенію христіанской церкви отъ язычества и къ духовному уничтоженію послѣдняго присоединилась еще наружная борьба противъ него на жизнь и смерть. Церковь, изъ гонимой сдѣлавшись гонительницей, стремилась, подъ предводительствомъ находившихся въ вѣдѣніи ея императоровъ, стереть съ лица земли язычество и языческое образованіе. Θеодосій I прежде всѣхъ счелъ себя призваннымъ къ гоненію язычества, и съ нимъ заодно Граціанъ велѣлъ куріи римскаго сената убрать алтарь Побѣды. Толпа, до фанатизма возбужденная монахами, разрушила языческихъ боговъ и языческія произведенія искусства. Сивиллины книги были сожжены. Философы были истерзаны; Гипатія, представительница неоплатонической школы въ Александріи, была умерщвлена ужаснымъ образомъ. Послѣдняя опора язычества порвалась съ уничтоженіемъ философской школы Юстиніаномъ I (529). Оракулы смолкли, хра-

мы распались, статуи боговъ были разбиты, а вмѣстѣ съ статуями умерли и сами боги. На Востокѣ уже въ первой половинѣ V-го столѣтія было уничтожено всякое идолопоклонство; а чего на Западѣ не удалось императорамъ,—вмѣстѣ съ храмами замкнуть отъ боговъ и сердца,—то довершило переселеніе народовъ. Съ четвертаго и до шестого вѣка варвары проникли во всѣ области Римской имперіи, и куда бы они ни вступали, вездѣ подавляли языческую культуру. Галлія опустѣла отчасти уже въ четвертомъ столѣтіи, а окончательно въ пятомъ. Въ Испаніи и Африкѣ распоряжались Свевы и Вандалы. Италія стонала подъ игомъ Алариха и Гензериха, съ тѣмъ чтобы еще разъ, и то лишь на короткій срокъ, подняться при Теодорихѣ и потомъ уже пасть до забвенія даже своихъ историческихъ воспоминаній. Сирія подвергалась постояннымъ нападеніямъ Персовъ. Греція не въ силахъ была спастись отъ Готовъ и Алариха. Внутри имперіи усобицы истерзали и безъ того уже хилую жизнь. Раздѣлы смѣнялись войнами между императорами и хищниками престола. Города, а вмѣстѣ съ ними и учебныя заведенія обратились въ прахъ. Гордый Римъ опустѣлъ: театры и Большой циркъ покрылись щебнемъ, поросли травой; „обширныя бани развалились, а прекрасныя скамьи въ нихъ изъ свѣтлаго и темнаго камня, великолѣпныя ванны изъ порфира и алебастра употреблены были священниками на епископскія кресла и на купели въ крещальняхъ; въ разукрашенныхъ палатахъ и тѣнистыхъ галлереяхъ проживали воры и убійцы, фальшивые монетчики и еретики.“ „Духовная жизнь окуклилась и,—какъ выразился Грегоровіусъ,—среди смолкнувшей исторіи слышались только паденіе развалинъ, непрестанное созиданіе церквей и монастырей, покаянныя пѣсни процессій восторженныхъ или напуганныхъ людей, и однозвучныя литаніи безчисленныхъ иноковъ и монахинь.“ Народъ окончательно погибалъ. Онъ изнывалъ подъ бременемъ податей, нужда, голодъ и чума, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неизвѣстность будущаго изгоняли всякую мысль о домашнемъ воспитаніи и общественныхъ училищахъ. Школы грамматистовъ, грамматиковъ и риторовъ закрылись навсегда. Въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ послѣ Христа клирики, лишенные всякаго высшаго и глубокаго научнаго образованія, находившіе свою цѣль въ одномъ лишь монашествѣ и аскетической жизни, были единственными носителями и представителями просвѣщенія. Однакожъ, несмотря на всеобщій упадокъ, съ этими клириками и съ образованіемъ ихъ все-таки сохранилось нѣчто высшее того, что смогли дать гречество и римство: а именно,—сознающее само себя христіанство, таившее въ себѣ зародыши и двигатели всякой науки и всякаго искусства для всѣхъ временъ. То была религіозная сфера, въ которой сосредоточилась вся рѣшительно духовная жизнь.

ДО РЕФОРМАЦІИ.

ПЕРІОДЪ СВЕРХЧУВСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

ДО РЕФОРМАЦІИ.

ПЕРІОДЪ СВЕРХЧУВСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

8.

Характеръ дореформаціонной эпохи и ея воспитанія. Синхронистическій обзоръ дореформаціоннаго образованія и воспитанія.

Идея христіанства безпредѣльна — она объемлетъ мышленіе и чувствованіе, хотѣніе и воленіе человѣка, преобразуя науку и искусство, домашнюю и общественную жизнь, церковь и государство. Вслѣдствіе безпредѣльнаго содержанія своего эта идея могла и можетъ лишь постепенно путемъ развитія быть усвоена человѣчествомъ. Но сперва ей надлежало приступить къ человѣку въ простѣйшемъ и все-таки въ безусловнѣйшемъ своемъ видѣ, въ формѣ религіи: изъ религіи исходятъ всѣ остальные существенные образы духовной жизни, и благодаря лишь религіи они получаютъ свое содержаніе и духовное правомочіе. Всякое духовное образованіе—(государство и искусство, наука и нравственный бытъ) — развивается изъ религіи, и опредѣленное свойство духовной культурной ступени, на которой стоитъ народъ, отпечатлѣвается прежде и сильнѣе всего въ его религіи. Такъ и въ христіанствѣ. На первой ступени его развитія, религія попреимуществу обнимала и поглащала собою всѣ остальныя стороны духа. Религіозный моментъ христіанства былъ до того могучъ и важенъ, что духъ человѣческій обрѣлъ полное удовлетвореніе какъ въ немъ самомъ, такъ равно въ усвоеніи его себѣ и дѣйствительномъ переживѣ. То было величавое самопогруженіе человѣка въ свой внутренній міръ, въ свою истую сокровенную самость, въ ту область бытія, которая связуетъ его съ божествомъ, принадлежитъ не преходящему, но вѣчному, не міру явленій, но безпредѣльному бытію, лежащему въ основѣ всякаго явленія. Выступаю-

щее за предѣлы міра явленій, сверхчувственное, съ мощною силою охватило тогда умы. Человѣкъ, въ качествѣ сына небесъ сталъ пришельцемъ на землѣ и считалъ великолѣпіе этого міра нестоящимъ тѣхъ благъ, какія сулило ему будущее. Прекрасный міръ былъ изотвѣданъ въ древности и не далъ человѣчеству того, чего оно ожидало отъ него, и что доставило бы человѣку прочное спокойствіе. Небо заняло теперь мѣсто его, и гражданинъ неба лишалъ правъ гражданина земли. Такое одностороннее пониманіе человѣка какъ существа неземнаго, такое полное господство сверхчувственнаго составляетъ главную черту дореформаціонной эпохи, въ которой христіанство проявляется міроотрицаніемъ. Въ одномъ лишь мірѣ религіи видится истина. Естественный міръ не имѣетъ никакой цѣны и бѣгство изъ него есть цѣль жизни. Отсюда отрицающая міръ аскеза, отсюда посты, добровольное убожество, безбрачіе. Свято и существенно только то, что подчинится освященію, блюдущей религію церкви. Государство какъ область чисто мірскихъ дѣлъ,—только мѣсяцъ въ отношеніи къ солнцу духовнаго царства. Наука утрачивается въ теологіи! Исторія замѣняется сказаніями о чудесахъ и о житіи святыхъ; мірскія науки и икусства нечестивы, если не служатъ непосредственно церковнымъ цѣлямъ; онѣ лишены всякаго самостоятельнаго значенія, онѣ лишь собираютъ и сохраняютъ; все что мы знаемъ, знаемъ лишь потому, что такъ намъ сказано. Авторитетъ царитъ надъ мірскою и церковною наукою, самосозерцаніе и самомышленіе воспрещены какъ той, такъ и другой. Въ природѣ, этомъ царствѣ демоновъ и вѣдьмъ, на мѣсто законности господствуетъ произволъ; надежная фактичность природы, нерушимая ея дѣйствительность не признается; силы естества лежатъ не въ самихъ вещахъ, оттого онѣ то и дѣло измѣняются и уничтожаются дѣйствіемъ ангеловъ или бѣсовъ, и вступивъ въ связь съ этими силами невидимаго духовнаго міра, человѣкъ также въ состояніи творить чудеса въ природѣ. Природа является чѣмъ-то несущественнымъ, подобно тому какъ въ освященныя молельни той эпохи свѣтъ проникалъ не сквозь чистую прозрачную среду, но, потускнѣвъ, сквозь пестро окрашенныя стекла, какъ будто чистый свѣтъ былъ чѣмъ-то отталкивающимъ и мѣшающимъ для благочестивой, отъ міра и природы къ Богу обратившейся общинѣ, какъ будто духъ лишь во мракѣ и накрывъ природу пеленой въ состояніи воспылать свѣтлымъ пламенемъ молитвы; такъ точно—говоритъ Фейербахъ—и тогда даже, когда духъ возбуждался къ мысли и обращалъ свой взоръ къ дѣйствительности, свѣтъ природы проникалъ къ человѣку, потускнѣвъ и преломившись сквозь среду Аристотелевой физики: человѣкъ какъ бы страшился открыть

собственные глаза и собственною рукою сорвать запретный плодъ съ древа познанія. Собственная естественная самость представлялась ничтожною: съ первороднымъ грѣхомъ человѣкъ былъ отнятъ у самого себя. Весь міръ подлежалъ отрицанію и отъ этого отрицанія бѣжалъ въ небо; разукрасить и населить это небо, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить противоположность его къ міру во всѣхъ отношеніяхъ: такова была задача фантастическаго и мечтающаго ума. Умъ, или точнѣе сказать — разсудочный смыслъ, противопоставляетъ другъ другу естественный и духовный міръ: противоположности между безконечнымъ и конечнымъ, божественнымъ и человѣческимъ, благодатью и свободою, церковью и міромъ распадаются врозь, и на одну сторону ставится жизнь, на другую смерть; а въ то же время крайне-мечтательная, за предѣлы дѣйствительнаго міра парящая сила воображенія разукрасила чудными образами загробный духовный міръ, точно такъ же какъ и земную представительницу его, церковь. Церковь, это видимое проявленіе божескаго міра — единственная форма, въ которой вѣчное присуще на землѣ,—это „сохранившійся на землѣ блескъ божественнаго начала, съ тѣхъ поръ какъ послѣ однократнаго появленія во Христѣ, оно опять отошло къ небу,"—это земной слѣпокъ будущаго величія, царства небеснаго,—единственное спасеніе для нечистаго, утратившаго божественное содержаніе человѣка, —это хранительница совершенной, всякое заблужденіе исключающей истины, изображающая въ своихъ святыхъ дѣйствіяхъ божественную суть для настоящаго и открывающая въ своихъ догматахъ божественныя, далеко превышающія разумъ, недоступныя для человѣческаго мышленія тайны. Такимъ образомъ то, чему должно бы быть самымъ внутреннимъ, сдѣлалось въ дѣйствительности самымъ наружнымъ. Вѣра, своя собственная, внутренняя, истинная духовная жизнь для вѣрующаго нѣчто чуждое, насильно ему навязанное, и предающее его проклятію и отлученію, когда онъ противится ей.

Итакъ дореформаціонный міръ разбитъ на два міра, изъ которыхъ земной не имѣетъ никакой цѣны, за исключеніемъ развѣ той, чтобы абстрактно подчиниться загробному и быть поглощену имъ. „Въ католицизмѣ—какъ мѣтко характеризуетъ Гегель—люди надѣлили небо обильнымъ богатствомъ мыслей и образовъ. Изъ всего сущаго имѣла значеніе одна только нить свѣта, которою все связывалось съ небомъ; по ней, вмѣсто того чтобы пребывать въ настоящемъ, взоръ скользилъ къ божественной сущности, къ загробному бытію. Духовное зрѣніе приходилось насильно обращать къ земному и на немъ удерживать; и много времени потребовалось на то, чтобы ясность, какою отличалось одно лишь надземное,

водворить въ ту мглу и неурядицу, въ какой обрѣталось земное чувство, и придать дѣйствительной жизни интересъ и значенiе какъ именно таковой". Но этотъ противомiрской религiозный духъ противорѣчилъ вѣчнымъ законамъ Бога, мiра и человѣчества, потому что шелъ наперекоръ сущности Бога и природы: оттого-то онъ въ осуществленiи своемъ извратился въ свою собственную противоположность, оттого-то убѣжища отреченiя стали притонами сладострастiя, и рабъ рабовъ сдѣлался властелиномъ надъ всѣми владыками; оттого-то духъ истины въ многоразличнѣйшихъ видахъ — (въ качествѣ естественныхъ наукъ, гуманизма, изобрѣтателя книгопечатанiя, открытеля Америки и пр.) — вступилъ въ борьбу противъ изолгавшейся неправды, и торжество этой борьбы не могло быть сомнительнымъ. Мiръ и природа лишь временно поступились своею мощью, право самостоятельной и свободной личности могло быть устраняемо только на срокъ. Духъ древности уже торжествовалъ свое воскресенiе, онъ изъ родины своей совершилъ походъ по цивилизованному мiру и сталъ сначала въ незамѣтную, а потомъ все рѣзче выступающую противоположность къ односторонности хистiанскаго мечтательства о небѣ, исподоволь преобразившагося въ свою противоположность и принявшаго характеръ пошлѣйшей внѣшности. Такъ подготовлялись новое воззрѣнiе и новая жизнь. Конечное постепенно проникало въ безконечное, земное сдѣлалось однимъ изъ моментовъ вѣчности, гражданинъ сего мiра, постигшiй сущность свою и жившiй согласно этому, считался гражданиномъ неба. Подготовлялось органическое мiросозерцанiе. Священническому посредничеству между Богомъ и человѣкомъ противоборствовало сознанiе свободной личности, чувствующей себя лучемъ Божiимъ, а потому болѣе важнымъ и вѣскимъ, нежели всякiя иныя учрежденiя, заявлявшiя свои притязанiя на господство надъ нею. Человѣкъ вновь вступилъ въ прямую, непосредственную связь съ своимъ Богомъ, и религiя, которая, въ видѣ церковнаго и священническаго устава, получила-было чисто наружный образъ, стала дѣломъ сердца и совѣсти единичнаго человѣка. Но прежде чѣмъ могъ наступить этотъ моментъ, необходимо было открыть внутреннiй мiръ, и стремленiе къ общенiю и слiянью съ Богомъ должно было дойти до преобладающаго, хотя бы и односторонняго, выраженiя. Въ противоположность дореформацiонной эпохѣ наконецъ было заявлено самозаконiе нравственнаго и разумнаго духа. Оно имѣло задачею путемъ чисто религiознаго образованiя воспитать и подготовить человѣчество, да научится оно очами разума смотрѣть на Бога, мiръ и собственный родъ свой.

Къ этой цѣли стремится и ведетъ дореформацiонное воспитанiе. Послѣднее таково же какъ мiръ, въ которомъ оно совершается. Преподаванiе расчитано на одно

лишь теологическое значеніе, а предметы въ остальныхъ областяхъ вѣдѣнія уряжаются согласно съ вѣрою церкви. Правда, древній міръ съ его наукою также проникаетъ въ школы среднихъ вѣковъ; однако церковь, единственное стремленіе которой въ противоположность міру состоитъ въ томъ, чтобы учредить на землѣ царство Божіе, не можетъ допустить, чтобы духъ съ любовью погружался въ такое прошлое, которое не ей принадлежитъ. Вотъ причина тому, что, вопреки всѣмъ занятіямъ единичныхъ личностей классическою литературою, все-таки не достигается благопріятнаго результата для всеобщаго образованія, и что мимолетный вспыхъ античной литературы при Карлѣ Великомъ и отголосокъ его въ эпоху Оттоновъ остались безъ послѣдствій для дальнѣйшаго развитія. „Не было,—какъ вѣрно замѣчаетъ Фойгтъ,—сплошнаго стремленія, не было совокупнаго дѣйствія стремящихся. Наука, предназначенная лишь на послугу, не можетъ возбуждать одушевленіе, а потому и не можетъ быть съ одушевленіемъ лелѣема. Латинскому языку учились по Донату и Присціану, потому что онъ былъ языкомъ церкви; читали одного изъ поэтовъ лии нѣкоторыя сочиненія Цицерона, съ тѣмъ чтобы подобрать примѣры для грамматическихъ правилъ. Но не вѣдали ни значенія, ни красоты классической древности. Въ монастыряхъ списывали и сохраняли классиковъ, но не участвуя при этомъ ни умомъ, ни сердцемъ: имъ оказывали гостепріимство, но права гражданства ихъ не удостоивали.“ Въ университетахъ они также не пользовались самостоятельною жизнью даже у первостатейныхъ умовъ: и здѣсь также они служили главнымъ факультетскимъ наукамъ. „Лишь тогда когда начало блѣднѣть солнце церкви, сталъ пробиваться лунный свѣтъ язычества.“ Пока она господствовала, до тѣхъ поръ на все знаніе и обученіе смотрѣли и вліяли съ точки зрѣнія теологіи. Даже теологическое преподаваніе это заглохло въ формализмѣ. — Дисциплина состояла въ наружномъ усвоеніи обрядовъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ внутреннему нравственному ядру.—А все-таки это обученіе и эта дисциплина способствовали въ свою очередь переобразованію человѣчества, такъ что даже дорефармаціонная исторія педагогики сквозь самый мракъ представляетъ побѣдоносное движеніе духа къ свѣту.

Въ періодъ дореформаціоннаго воспитанія расширяется область человѣческаго развитія. Азіатскія племена отступаютъ на задній планъ; изъ нихъ имѣютъ историческое значеніе одни лишь возбужденные и несомые магометанствомъ народы. Восточная имперія хранитъ, и то лишь какъ мертвый кладъ; остатки греческаго образованія, и въ своемъ туговатомъ, механически-формальномъ христіанствѣ не достигаетъ новой, рѣшитель-

но-энергичной жизни. На поприщѣ исторіи является новое племя, германское; воспринявъ и разработавъ постепенно съ свойственною ему особенностью остатки древней культуры, и сверхъ того, претворивъ въ себѣ при своей глубокой задушевности въ избыткѣ юныхъ силъ христіанство, оно, послѣ паденія классической древности, становится важнѣйшимъ носителемъ всемірной исторіи. Также точно и въ развитіи дореформаціонной педагогики. Восточная имперія и Восточная церковь служатъ представительницами *монашескаго*, а *Аравія* съ магометанской религіей—*абетрактноразсудочнаго воспитанія*. Германо-римскій міръ, напротивъ того, развивается въ *духовномъ воспитаніи Западной церкви* и *въ мірскомъ воспитаніи рыцарства и средняго сословія*.

Съ четвертаго и до восьмаго вѣка на Западѣ появляются лишь начатки педагогическаго развитія. Изъ италійскихъ епископовъ пріобрѣлъ извѣстность Амвросій Медіоланскій (+397), какъ сочинитель церковныхъ пѣсней и покровитель пѣнія; Григорій Великій—этотъ недругъ классическихъ писателей—сочинялъ гимны и основалъ школы пѣнія. Марціанъ Капелла въ 470-мъ г. издалъ въ Римѣ свою книгу о семи свободныхъ искусствахъ. Теодорихъ уважалъ романскихъ носителей науки, и при немъ Боэтій (около 500 г.) и Кассіодоръ спасли остатки классической и, патристической литературы въ Италіи.—Средоточіемъ образованія и воспитанія были монастырскія школы, которымъ на Востокѣ Василій Великій (род. въ 329 г.) а на Западѣ — Бенедиктъ Нурсійскій (род. въ 480 г.) даровали уставы. — Бенедиктинскій орденъ особенно распространился по Испаніи, Франкскому государству, Ирландіи, Англіи, Бельгіи, Швейцаріи и южной Германіи. Во Франціи дѣйствовалъ ученикъ Бенедикта, Ма́уръ, получившій отъ благороднаго Флара участокъ земли и пособіе для учрежденія аббатства Гланнафаліумъ (—St. Maure Glainfuit —) на Луарѣ, откуда бенедектинскіе монастыри распространились по всей Франціи, съ тѣмъ чтобы оттуда и перейти въ Ирландію, Шотландію и Англію, а потомъ водвориться также въ Германіи. Въ Ирландіи уже Патрикъ (ум. 465) на островѣ Гей устроилъ школы по образцу французскихъ. Бенедектинецъ Августинъ (586) основалъ въ Англіи школу въ монастырѣ Кантвара (Кантербури), съ которою вскорѣ стала соперничать школа, основанная епископомъ Эгбертомъ въ Эборакумѣ (Іоркѣ). Знатнѣйшимъ учителемъ Англіи былъ впрочемъ Беда Почтенный (род. въ 672 г.). Галлъ изъ Ирландіи заложилъ въ Швейцаріи въ 613 г. бенедектинское аббатство Санктъ-Галленъ. Рудбертъ (696) былъ основателемъ высшаго учебнаго заведенія въ Зальцбургѣ. Бонифацій—(род. въ 670 г.) учреждалъ въ Германіи монастыри и

епископства и сверхъ того столько же школъ и учебныхъ заведеній. Знаменитое аббатство въ Фульдѣ заложено въ 744 г. его воспитанникомъ Штурмомъ. — Вмѣстѣ съ монастырскими школами возникали, благодаря епископамъ, при главныхъ церквахъ заведенія для воспитанія священниковъ, возбужденныя къ новой и дѣятельной жизни Хродегангомъ изъ Меца (+ 766). — Пока такимъ образомъ на Западѣ всюду шевелилась духовная жизнь въ то же самое время Греческая имперія была обуреваема войнами съ Персами, Аварами, Арабами и пр., потряслась расколами, ересью,* иконоборствомъ и пр. А Магометъ между тѣмъ (отъ 571 до 632 г.) своею религіей соединилъ Арабскія племена въ одну нераздѣльную національность, съ неодолимымъ фанатизмомъ устремившуюся къ міровладычеству и вмѣстѣ съ тѣмъ вносившую всюду, въ отвоеванныхъ земляхъ, жизнь и торговое движеніе. Испанія также подчинилась Арабамъ, и при Омеядахъ, которые въ лицѣ Абдеррахмана (759 — 788), послѣдней отросли искорененнаго на Востокѣ рода, овладѣли престоломъ въ Кордовѣ, она достигла высокаго расцвѣта искусствъ и наукъ.

Въ девятомъ столѣтіи на Западѣ императоры, короли и соборы пеклись о наукѣ и воспитаніи. Бенедектинцы, обладая лучшими пособіями, захватили въ свои руки почти все преподаваніе. Во главѣ литературы стоялъ Карлъ Великій. Онъ поднялъ существовавшія уже школы, заложилъ народныя училища, велѣлъ образовать отличныхъ учителей. При немъ и съ нимъ дѣйствовали Алкуинъ, Рабанъ Мауръ, Петръ изъ Пизы, Павелъ Дьяконъ, Паулинъ изъ Аквилеи и Теодульфъ изъ Орлеана. Въ томъ же духѣ какъ Карлъ, дѣйствовали: въ Англіи Альфредъ Великій, —во Франціи Людовикъ Благочестивый и Карлъ Лысый,—въ Италіи Лотаръ и папы. Изъ *школъ* отличались: schola Palatina*), въ которой дѣйствовали Алкуинъ, Клеменсъ, Клавдій, Амаларій, Ѳома, Ремигій, Іоаннъ Скотъ; — школа въ Турѣ съ Алкуиномъ, Сигульфомъ и Беренгаріемъ;— въ Ліонѣ съ Лейдрадомъ и Антоніемъ; — въ Корби съ Ансгаріемъ, Вихманомъ, Пасхазіемъ Радбертомъ, Ратрамомъ; — въ Фульдѣ съ Штурмомъ и Рабаномъ Мауромъ. Сверхъ того находились школы въ Ахенѣ, Майнцѣ, Парижѣ, Мецѣ, Соассонѣ, Орлеанѣ, Реймсѣ, Флёри, Клермонѣ, С-тъ Альбанѣ близъ Майнца, Верденѣ, Лоршѣ, Ордруфѣ, Фрицларѣ, Римѣ, Павіи, Пизѣ, С-тъ Галленѣ, Вейсенбургѣ, Гиршау, Эйнзидельнѣ, Герсфельдѣ, Рейхенау, С-тъ Блазіэнѣ на Шварцвальдѣ, С-тъ Эммерау въ Регенсбургѣ, Зальцбургѣ, Магдебургѣ, Будецѣ въ Богеміи, Веллерадѣ въ Моравіи, Оснабрюкѣ, Бременѣ, Падерборнѣ, Лют-

*) Такъ называлась дворцовая школа Карла Великаго.

тихѣ, Утрехтѣ, Гильдесгеймѣ, Кордовѣ, Армагѣ, Клогарѣ, Оксфордѣ, Вестминстерѣ, Момзбёри, Іоркѣ, Кантербери, Шлезвигѣ и пр. — Въ Восточной имперіи, при вступившемъ съ Василіемъ (867) на престолъ Македонскомъ царственномъ домѣ настала блестящая эпоха ея литературы. — Въ Аравіи Аббассиды — Гарунъ-аль-Рашидъ — споспѣшествовали наукѣ, а въ Испаніи при эмирахъ въ Кордовѣ развивались искусство, наука и училища.

Съ десятаго до одиннадцатаго столѣтія основанныя и поддержанныя Карломъ Великимъ и пр. учебныя заведенія пали вслѣдствіе войнъ и раздоровъ германскихъ государей, вслѣдствіе опустошеній Норманновъ, Славянъ и Мадьяръ, сдѣлавшихся съ 880-го г. пагубными для Германіи. Когда впрочемъ Германія была обезпечена Генрихомъ I отъ нападеній сосѣднихъ народовъ, то при наслѣдникахъ его возстановили распадшіяся монастырскія и соборныя училища и основали новыя. Научный толчокъ Германія получила отъ сношеній съ Италіей и Греціей, а также и отъ цвѣтущихъ учебныхъ заведеній въ Испаніи: Гербертъ (впослѣдствіи папа Сильвестръ II, ум. 1003), Мейнверкъ, епископъ въ Падерборнѣ, и Бернвардъ, епископъ въ Гильдесгеймѣ, оказали большія услуги возобновленію культуры. Національный языкъ былъ въ пренебреженіи; вслѣдствіе вновь пробудившейся любви къ классической литературѣ, даже произведенія германскихъ сказаній составлялись на латинскомъ языкѣ (—„Бѣгство Вальтера изъ Аквитаніи" въ латинскихъ гекзаметрахъ Экегарда, монаха въ С-тъ Галленѣ, ум. 973). Во Франціи учебныя заведенія упали при позднѣйшихъ Каролингахъ: епископы занимались воинскими упражненіями и охотой, и многіе изъ священниковъ не умѣли даже читать. Король Вячеславъ въ Богеміи, Владиміръ въ Россіи и Эдгаръ въ Англіи любили и поддерживали науку. Италія истекала кровью отъ усобицъ дворянства: на папскомъ престолѣ господствовала порнократія, и преданные любодѣйству папы были креатурами то германскихъ императоровъ, если войска послѣднихъ находились въ Италіи, то римскихъ консуловъ или римской черни; въ городахъ впрочемъ процвѣтали духовныя учебныя заведенія при главныхъ церквахъ и монастыряхъ, и сверхъ того школы грамматиковъ. Въ Византійской имперіи престолъ все еще занимала Македонская династія: Константинъ Багрянородный (913—959) занимался книгами, музыкою и живописью, благоволилъ къ наукамъ и основывалъ школы. Въ Испаніи подъ покровительствомъ Арабовъ цвѣли медицина, философія и астрономія, наука и искусство вообще.

Школы находились въ Клюньи въ Бургундіи,—въ Монте Кассино, — Салерно,— С-тъ Маасѣ,— Бекѣ въ Нормандіи,— Эссѣ (Aix), — Сансѣ, — Жамблурѣ въ Бельгіи, — Руанѣ, —

Шалонѣ,—Кюрбе,—Мелёнѣ,—Аріано, — Фонтенелѣ, — Оссерѣ,—С-тъ Жерменѣ,—Ферьерѣ,—Монпелье,—Страсбургѣ,—Горзѣ въ Лотарингіи, — Кельнѣ, — Трирѣ, — Бабенбергѣ (Бамбергѣ),—Констанцѣ,—Прагѣ,—Шмогравѣ въ Силезіи,—Ашафенбургѣ, — Шпейерѣ, —Эйхштетѣ, — Гальберштатѣ,—Гамбургѣ,—Толедо,—Тулѣ,—Ремзѣ,—Кембриджѣ, — schola dolciensis С-го Матѳія близъ Трира,—въ Лейбусѣ,—Анжерѣ.

Въ одиннадцатомъ столѣтіи прозябало монастырское образованіе въ Германіи. Усобицы при Генрихѣ IV оттѣснили всякія научныя стремленія за монастырскія стѣны; въ самихъ монастыряхъ даже пренебрегались классики, и латинская поэзія умолкла; за то развивался національный языкъ въ рукахъ духовенства (—„Переводъ и толкованіе пѣсни пѣсней Виллирама“ въ Баваріи—), а подъ вліяніемъ великихъ событій эпохи пробудилась лѣтопись. Во Франціи царствовали Капетинги: страна была полна распрей; введенъ былъ миръ Божій; трубадуры воспѣвали любовь, весну и оружіе; школы вновь поднялись, въ южной Франціи попреимуществу развились науки, особенно врачебныя, и Евреи отъ Толедо до Меца имѣли цвѣтущія высшія учебныя заведенія. Въ Англіи, по волѣ Вильгельма Норманскаго (1066—1087), введенъ былъ французскій языкъ не только у дворянства и знати, но также и въ школахъ, вслѣдствіе чего національный языкъ исподоволь преобразился въ нарѣчіе, занимающее середину между романскимъ и германскимъ. Школы бардовъ, состоявшія прежде вмѣстѣ съ ихъ орденомъ подъ охраною державцевъ, а впослѣдствіи, по введеніи христіанства, подвергнутыя критикѣ, причемъ Патрикъ велѣлъ сжечь 300 столбцовъ гальскихъ языческихъ стихотвореній, были вновь возстановлены. Въ Италіи города подъ вліяніемъ борьбы между церковью и государствомъ добились самостоятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ благосостоянія и образованія. Въ самый разгаръ растлѣнія духовенства и въ эпоху кулачнаго права Григорій VII создалъ всемірную духовную монархію. Образованіе вмѣстѣ съ христіанствомъ перенесено было въ Данію Канутомъ, въ Швецію Олафомъ, въ Венгрію Стефаномъ, въ Польшу Болеславомъ; въ Богеміи Вратиславъ покровительствовалъ наукѣ. Въ Испаніи въ 1038-мъ г. вымерла династія Омеядовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увялъ цвѣтъ искусства и науки. Въ Византійской имперіи Комнены достигли власти въ 1056 г., и при нихъ расширилась филологія и преобразовалась въ энциклопедическую науку.

Школы: Болонья; — Салерно; — Равенна; — Ланъ; — Нантъ;—Сенъ-Дени;—С-аго Креста въ Орлеанѣ;—Лозанна;—Шартръ;—Мюри;—Минденъ;—Фюнфркирхенъ (Печь);—Гётвигъ въ Австріи;—Мейсенъ;—Гнѣзно и Позиань; — Пассау и Бамбергъ;—Сазава въ Богеміи; — Ольмюцъ; — Цейцъ; — Вексіё въ Швеціи; — Рёшильдъ; — Мерзебургъ; — Поббіо подъ Ремонтомъ.

Отъ одиннадцатаго до двѣнадцатаго вѣка: духовная и свѣтская власть вели взаимную борьбу, вассалы возставали противъ государей, кулачное право господствовало, а крестовые походы, это осуществленіе поэзіи той эпохи, отодвинули науку на задній планъ. Рыцарство явилось во всемъ блескѣ воинской службы, жаждало приключеній и стекалось на турниры, тогда какъ мрачный монахъ чаялъ свое спасеніе въ жестокихъ бичеваніяхъ, а городское среднее сословіе въ мужественной борьбѣ добивалось свободы. Женщина, скромно сторонившаяся доселѣ, предстала въ жизни, и притомъ на первомъ планѣ ея, съ тѣмъ чтобы властвовать надъ мужчинами. Мейстерзенгеры вступали въ состязаніе въ царскихъ чертогахъ и рыцарскихъ за̀мкахъ. Созидались университеты, и схоластическая филологія занимала великіе умы. Гогенштауфены покровительствовали ученымъ и споспѣшествовали образованію. Людовикъ VI, Людовикъ VII и Филиппъ II во Франціи также были друзьями свободнаго средняго сословія, окружали города стѣнами и валомъ отъ набѣговъ рыцарей и, въ интересѣ государства, покровительствовали наукамъ. Во Франціи Абелардъ (1079—1142) воодушевлялъ своею философіею юношество и споспѣшествовалъ вмѣстѣ съ своею Элоизою, знавшею погречески, полатыни и поеврейски, какъ примѣромъ, такъ и преподаваніемъ, духовному образованію и наукѣ. Въ Англіи Генрихъ II, въ борьбѣ съ архіепископомъ Ѳомою Бекетомъ, стремился сдѣлать свѣтскую власть независимою отъ Рима. Онъ возстановилъ спокойствіе и порядокъ, разрушивъ хищническіе за̀мки и урядивъ судопроизводство. Въ Римѣ надъ умами, но также и для умовъ, господствовалъ Иннокентій III (1198—1216), равно знаменитый какъ теологъ и какъ юристъ. Въ Византійской имперіи Іоаннъ Зонара (1126) составилъ словарь и издалъ въ своей Лѣтописи лучшіе отрывки изъ древнихъ историческихъ сочиненій.

Школы находились въ Авиньіонѣ, Болоньѣ (университетъ съ 1158 г.), Парижѣ (университетъ съ 1180 г. зачастую съ 30,000 студентовъ), Монпелье (медицинская школа и училище правовѣдѣнія), Кёльнѣ (также цвѣтущая школа живописи), Оксфордѣ (теологія), Палермо, Барселонѣ, св. Виктора въ Парижѣ, въ Базелѣ, Фрейзингенѣ, Любекѣ, Винтертурѣ, Вюрцбургѣ, Энгельбергѣ, Готкомбѣ въ Савойѣ, Алтенцеллѣ въ Саксоніи, Готтау въ Баденѣ.

Въ тринадцатомъ вѣкѣ, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, обнаружились дѣятельная жизнь и стремленіе во всѣхъ отрасляхъ наукъ. Правда, въ первой половинѣ этого столѣтія происходили разнаго рода неурядицы, вслѣдствіе которыхъ рыцарское сословіе отвлеклось отъ своихъ идеальныхъ направленій и цвѣтъ поэзіи увялъ. Владѣтели и рыцари перестали любить поэзію и поэтовъ; при дворахъ заводились

шуты. Въ Провансѣ благосостояніе упало отъ войнъ Альбигойцевъ; въ одной лишь сѣверной Франціи поддерживалась поэзія пѣсень. Къ тому же инквизиція приступила къ своей свирѣпой должности палача. Но даровитость и духъ общенія слагались въ городахъ и соціальныя условія стремились къ единенію: такимъ образомъ возникли, или развились шире рыцарскіе ордена, цехи ремесленниковъ и художниковъ, городовые союзы и университеты ученыхъ. Готическое зодчество зацвѣло, и Эрвинъ фонъ-Штейнбахъ началъ въ 1277 г. постройку передняго фасада и колокольни собора въ Страсбургѣ. Изученіе Грековъ и Арабовъ, также и путешествія ученыхъ просвѣтили монастырскія кельи. Фридрихъ II вмѣсто искаженнаго Аристотеля ввелъ настоящаго, а Альфонсъ X оказалъ важныя услуги астрономіи и реальнымъ наукамъ. Альбертъ Кёльнскій или Великій (1200—1289) далъ аристотелевской философіи самое обширное приложеніе къ богословію и занимался естественною исторіей какъ любимой наукою. Ѳома Аквинскій училъ и собиралъ своихъ учениковъ въ разныхъ городахъ Италіи. Роджеръ Баконъ (1214—1294) настаивалъ на основательномъ изученіи языка, отъ умозрѣнія перешелъ къ наблюденію, исчисленію и измѣренію, и приготовлялъ увеличительныя и зрительныя стекла. Математическія, химическія и медицинскія знанія распространялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ также алхимія и астрологія. Вмѣстѣ съ преутонченнѣйшею схоластикою выступила мистика съ ея чувствомъ и Платономъ. Въ Кастиліи исторія заговорила народнымъ языкомъ, тогда какъ въ Германіи и Англіи все еще писали полатыни. Въ Восточной имперіи наконецъ съ воцареніемъ Палеологовъ проявилась любовь къ ученымъ и учености.

Университеты въ началѣ или въ теченіе этого столѣтія были основаны: въ Лиссабонѣ, Веспримѣ въ Венгріи, Саламанкѣ, Пизѣ, Виченцѣ, Неаполѣ, Падуѣ, Верчелли, Оксфордѣ, Тулузѣ, Кембриджѣ, Піаченцѣ, Ареццо, Моденѣ, Феррарѣ, Анжерѣ, Реджіо, Коимбрѣ, Монпелье и Толедо. Другія важныя школы находились въ Амстердамѣ, Цюрихѣ, Бреславлѣ (гдѣ въ 1267 г. основанъ Магдаленей, а въ 1293 Елисаветанъ), въ Лигницѣ, Дортрехтѣ, Карпантрасѣ, Вѣнѣ. Въ Сорбоннской коллегіи, основанной въ 1252 г. священникомъ Робертомъ Сорбонномъ, находились уже одиннадцать народныхъ учителей и одна учительница.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи началась борьба стараго съ новымъ: Германская имперія распадалась. Стремленія сословій обратились на самый мелкій интересъ. Никакого общиннаго духа, никакихъ великихъ событій, никакихъ возвышающихъ цѣлей не существовало. Высшія мірскія сословія и духовенство старались превзойти другъ дру-

га въ развратѣ. Города были слишкомъ заняты своими ближайшими интересами, такъ что не могли развить у себя высшую научную жизнь. Наука отличалась монашески-схоластическимъ пошибомъ, и одни лишь мистики возвышались надъ схоластицизмомъ, боролись противъ ослабленія религіозной жизни и противъ безнравственности эпохи, замѣнили латинскій языкъ народнымъ и разработали преимущественно прозу. Папы жили въ Вавилонскомъ плѣненіи (въ Авиньіонѣ) и проводили тамъ время въ веселомъ обществѣ и праздныхъ оргіяхъ. А между тѣмъ въ Италіи поднялись изящныя науки, и при каждомъ мелкомъ дворѣ, у каждаго вольнаго города были свои художники и ученые, которыми они гордились. Во Франціи восхищало Парижанъ Confrérie de la passion (Братство страстей Христовыхъ) въ одномъ изъ монастырскихъ зданій своими представленіями, заимствованными бóльшею частью изъ Священнаго Писанія и преданій церкви. Въ Англіи Джоффри Чосеръ (1328—1405) былъ первый англійскій поэтъ воспользовавшійся народнымъ языкомъ, а Виклифъ (1324—1384) выступилъ съ своимъ протестомъ противъ свѣтской власти папы и съ своимъ переводомъ Священнаго Писанія съ Вульгаты *) на англійское. Сверхъ того Александръ де Спина въ Пизѣ (до 1313 г.) сталъ изготовлять очки, Флавіо Джойа изъ Амальфи наблюдалъ свойство магнитной стрѣлки, Бертольдъ Шварцъ изобрѣлъ порохъ. Особенно науки и искусства развернули крылья на сѣверѣ и югѣ Европы. На югѣ во главѣ литературы находились Данте, Бокаччіо, Петрарка. На сѣверѣ „Нѣмецкій орденъ" создалъ духовную жизнь, а основанное Гертомъ Гроотe (ум. 1384) въ Девентерѣ общежительное братство, быстро распространившееся также по Рейнскимъ странамъ и сѣверной Германіи, всюду, куда ни проникало, открывало школы, куда впервые введено было также и классическое ученіе. Однако въ университетахъ и школахъ все еще господствовалъ монашески-схоластическій характеръ. Учителя и учащіеся вели отчасти странническую жизнь.

Университеты были основаны въ Прагѣ (1348), Вѣнѣ (1365), Гейдельбергѣ (1386), Кельнѣ (1388), Эрфуртѣ (1392). Кромѣ того университеты находились еще въ Римѣ, Авиньіонѣ, Орлеанѣ, Перуджіи, Леридѣ, Дублинѣ, Сіэнѣ, Валенсіи, Кагорѣ, Вальядолидѣ, Павіи, Казимиржѣ, Пештѣ, Женевѣ, Палермо и пр. Въ Прагѣ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ основанія университета считалось 30,000 студентовъ, а въ Болоньѣ было 125 профессоровъ. Другія важныя *школы* въ теченіе четырнадцатаго столѣтія были основаны въ Веронѣ, Мантуѣ, Венеціи, Гравезандѣ, Лейденѣ, Роттердамѣ, Схидамѣ, Девентерѣ, Кемпенѣ, Алькмарѣ, Шлетштатѣ,

*) Вульгата, латинскій переводъ Священнаго Писанія.

Дельфтѣ, Горнѣ, Гарлемѣ, Аудеватерѣ, Шонгафенѣ, Кульмѣ, Дурлахѣ, Вормсѣ, Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Нордгаузенѣ, Цвикау, Тріэнтѣ, Грюнталѣ.

Въ промежутокъ *отъ пятнадцатаго вѣка до первыхъ десятилѣтій шестнадцатаго* новое вступило въ открытую борьбу съ старымъ. Въ религіи Гуссъ водрузилъ хоругвь новаго духа. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія наука вышла изъ монастырскихъ келій въ жизнь, гдѣ содержаніе ея разрослось въ ширину и глубину. Открытіе новыхъ міровъ подстрекало къ изслѣдованью естественныхъ наукъ. Схоластика быстро клонилась къ упадку и подъ именемъ номинализма и реализма вела свою предсмертную борьбу. Послѣ паденія Константинополя ученые изъ Греціи перешли въ западную Европу, въ Италію, Германію, Францію и Англію, и съ ними соединилась школьная братья; въ ихъ школахъ особенно блистали филологи. Сначала ученые бѣглецы изъ Греціи — Эмануилъ Хрисолорасъ, Георгъ Гемистій Плеѳонъ, Виссаріонъ, Ѳеодоръ Газа, Эмануилъ Москопулъ, Іоаннъ Аргиропулъ, Константинъ и Іоаннъ Ласкарисъ, Димитрій Халкондила—нашли воспріимчивую почву въ Италіи. Тираны въ разныхъ городахъ этого края, а также и республиканскія правительства принимали равно великое участіе въ успѣхахъ образованія и науки; Висконти и Сфорцы въ Миланѣ, Медичи во Флоренціи, Эсте въ Феррарѣ, Альфонсъ въ Неаполѣ, семейство Гонзага въ Мантуѣ и пр. домогались чести споспѣшествовать знаніямъ древности и награждать ученыхъ. Въ короткій срокъ пріобрѣтены были знатныя силы для изученія классической древности: І. Ауриспа, Леонардо Бруни, Поджіо Браччолини, Францъ Филельфъ, Лоренцо делла Валле, Николо Перотто, Аньюоло Полиціано; Витторино изъ Фельтре казалось хотѣлъ даже учить греческому предпочтительно передъ латинскимъ, а Гварино былъ тотъ великій гимназическій учитель, который поставилъ преподаваніе греческаго и латинскаго языковъ средоточіемъ въ ученыхъ школахъ. Во Франціи классическія знанія поддерживали: Николай Клеманжисъ, Григорій Тиферна, Георгъ Іеронимъ, Филиппъ Бероальдъ, Іеронимъ Бальбъ, Іеронимъ Александръ: изъ ихъ школъ вышли знатнѣйшіе ученые, какъ Робертъ и Генрихъ Стефанусы (по французски—Этвены). Въ Англіи для классическихъ знаній трудились: Корнеліо增 Вителли, Вилльямъ Гросинъ, Джонъ Коллетъ, Ѳома Ліансеръ; а въ Шотландіи: Гари Дугласъ и Патрикъ Пантеръ. Въ Нидерландахъ выступили за классическую древность: Рудольфъ Ланге, графъ Морицъ фонъ Шпигельбергъ, Рудольфъ Агрикола, Александръ Гегій, Людвигъ Дрингенбергъ, Антоній Либеръ, — шестеро мужей, сдѣлавшіеся распространителями новаго образованія по всей Германіи. Въ Гер-

маніи сверхъ того дѣйствовали особенно Іоаннъ Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій. Въ частности въ Тюбингенѣ: Генрихъ Бебель, Іоаннъ Брассиканъ, Павелъ Вереандеръ, Филиппъ Меланхтонъ;—въ Вѣнѣ: Вадіанусъ, Куспіаніусъ и Николай Гербеліусъ;—во Фрейбургѣ: Ульрихъ Цазіусъ;—въ Ингольштатѣ Яковъ Лохеръ; — въ Страсбургѣ: Севастіанъ Брантъ, Яковъ Вимфелингъ и Іеронимъ Гебвейлеръ; — въ Базелѣ: Іоаннъ Эколампадій, Конрадъ Пеликанъ и Генрихъ Глареанусъ; — въ Майнцѣ: Николай Карбахъ;—въ Вюрцбургѣ: Іоаннъ Ресъ;—въ Фульдѣ: Іоаннъ Кротусъ; — въ Эрфуртѣ: Матернусъ Писторусъ, Петръ Эбербахъ, Эобанъ Гессе, Эврикій Кордъ, Георгъ Стурцій и Юстъ Іонасъ;—въ Виттенбергѣ: Іоаннъ фонъ Штаупицъ, Мартинъ Лютеръ, Іоаннъ Ланге, Венцеславъ Линкъ. Отто Бекманъ, Георгъ Сибутусъ и Генрихъ Штокманъ;—въ Лейпцигѣ: Георгъ Гельтъ, Рихардъ Крокусъ и Петръ Мозелланусъ, и пр.

Новые университеты возникли въ Гуэскѣ, Краковѣ, Пармѣ, Вюрцбургѣ, Лейпцигѣ, Ингольштадтѣ, Туринѣ, Кремонѣ, Ростокѣ, Лувенѣ, Канѣ (Caen), Флоренціи, Бордо, Трирѣ, Гласговѣ, Грейфсвальдѣ, Фрейбургѣ, что въ Брейсгау, Базелѣ, Офенѣ, Бургосѣ, Сарагоссѣ, Упсалѣ, Майнцѣ, Тюбингенѣ, Копенгагенѣ, Абердинѣ въ Шотландіи, Алкалѣ, Виттенбергѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ. Другія важныя школы находились въ Шлетштатѣ, Мюнстерѣ, Пресбургѣ, Ульмѣ, Мюнхенѣ, Брауншвейгѣ, Бранденбургѣ, Штеттинѣ, Байрейтѣ, Бокендорфѣ и Франкенбергѣ въ Гессенѣ, Поатьѣ, Неверѣ, Нейшателѣ, Люцернѣ, Пфорцгеймѣ, Дрезденѣ и пр.

---

1. МОНАШЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ И АБСТРАКТНО РАЗСУДОЧНОЕ ВОСПИТАНІЕ МАГОМЕТАНСТВА.

Монашеское воспитаніе восточной церкви.

9.

Восточная церковь въ своемъ человѣкѣ и въ своей сущности представляетъ гречество вымершее въ христіанствѣ. По теоріи она не что иное, какъ умозрѣніе, а по практикѣ—созерцаніе: она развиваетъ метафизику христіанства и представляетъ монашество во всей его послѣдовательности. Она такъ тѣсно сопрягается съ христіанскою метафизикою и монашествомъ, что уже въ Пелагіанскихъ спорахъ принимаетъ лишь наруж-

ное участіе, тогда какъ до тѣхъ поръ развитіе всѣхъ важныхъ догматовъ совершалось и проводилось восточною и западною церковью сообща. Она продолжаетъ прерванные западною церковью діалектическіе выводы догмата объ отношеніи Отца къ Сыну въ Святой Троицѣ,—и вслѣдствіе того подвергаетъ разбору отношеніе между божескимъ и человѣческимъ естествомъ въ Христѣ. Церковь вообще признавала, что въ Христѣ, богочеловѣкѣ, присуще какъ человѣческое такъ и божеское естество. Но касательно опредѣленія взаимнаго отношенія обѣихъ личностей Александрійская школа—монофизиты—оспоривала Антіохійскую—несторіанъ; притомъ Восточная церковь не порѣшила окончательно и съ постановленіемъ Халкидонскаго собора (451), въ силу котораго оба естества не смѣшиваясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нераздѣльно соединены въ одной личности Христа, чѣмъ удовольствовалась западная церковь, такъ какъ это вполнѣ удовлетворяло ея потребностямъ. Дѣло заключалось тутъ не въ разрѣшеніи сомнѣній, тревожащихъ алчущую спасенія душу, но въ выводахъ разсудка, которые не имѣютъ уже ничего общаго съ религіею и сердечными потребностями чувства, а напротивъ, отрѣшенные отъ чувства, противорѣчатъ духовнымъ требованіямъ человѣка и имѣютъ интересъ лишь какъ умственныя словопренія. Церковь распалась на монофизитскую и монофелитскую ереси, представлявшими неразрѣшимый въ этомъ отвлеченномъ видѣ вопросъ. Іоаннъ Дамаскинъ (ум. 754) урядилъ потомъ догматы съ ихъ опредѣленіями, какія имъ присвоены были въ древней церкви, и такимъ образомъ Восточная церковь, не получивъ самостоятельнаго существованія и независимой организаціи, но составляя съ своими учрежденіями всегда лишь часть государства, сошла съ поприща дальнѣйшаго животворнаго развитія. Она могла лишь терзаться въ иконоборствѣ. А не то—какъ напр. въ XIV-мъ вѣкѣ въ Константинополѣ при большомъ соучастіи двора и всей націи—спорить о вопросѣ: былъ ли свѣтъ на Ѳаворѣ сотворенный или несотворенный? и на вопросъ: въ словѣ или въ водѣ сущность крещенія? отвѣчать въ первомъ смыслѣ потому что иначе и рыбы могли бы жить въ крещеніи, а животное, испившее крещальной воды могло бы считаться крещенымъ христіаниномъ. Дворцовыя революціи, борьба между духовенствомъ и войскомъ, церковная рознь между Италіей и Греческой имперіей: таковы съ этихъ поръ главныя событія многихъ вѣковъ, пока наконецъ полумѣсяцъ не былъ водруженъ въ Константинополѣ, и Софійскій храмъ обращенъ въ мечеть.

Состояніе Восточной (Греческой, Византійской) имперіи, обнимавшей Грецію съ островами, Мизію, Ѳракію, Македонію, Египетъ, Ливію, и пр., было скорѣе прозябаніе, а не жизнь. Образъ правленія былъ деспотическій: дворъ пышенъ и расточителенъ. Толпа чинолюбивыхъ и притяза-

тельныхъ царедворцевъ, лукавыя, безнравственныя женщины, властолюбивые священники поддерживали жизнь и исторію въ Константинополѣ. Ничто на свѣтѣ не было такъ шатко, какъ обладаніе этимъ престоломъ. Кинжалъ, ядъ, насильственное ослѣпленіе, а въ болѣе благопріятныхъ случаяхъ отреченіе и монатырь—такова была судьба чуть ли не половины большею частью, конечно, неспособныхъ и недостойныхъ императоровъ, окружавшихъ себя тѣлохранителями, раздѣленными на три гетеріи и состоявшими изъ однихъ чужеземцевъ, особенно Германцевъ (Франковъ) и Норманновъ (Варяговъ); но императоры не были въ состояніи охранить свою собственную личность, точно такъ же какъ стоившими громадныхъ издержекъ флотами и войсками они не въ силахъ были спасти страну отъ Сарацынъ, Русскихъ, Болгаръ, Печенѣговъ и пр., проникавшихъ до самыхъ стѣнъ Константинополя. Расколы и преслѣдованія ересей, пустой формализмъ и нетерпимость въ религіи, въ связи съ деспотизмомъ, задушили всякія высшія стремленія въ нравѣ народномъ: любовь къ отечеству стала невѣдомою добродѣтелью. Занимались, правда, искусствами и науками, но такъ же какъ и всякими другими пышными предметами какъ наружною роскошью. Свѣтская литература (καλά γράμματα) была хранительницею греческаго языка и источникомъ образованія для дѣловой жизни. На литературу вообще вліяла страсть къ богословскимъ преніямъ: она была проникнута правилами и формами современныхъ придворныхъ теологовъ. Живопись, зодчество и поэзія находились на службѣ при дворѣ и связанной съ нимъ церкви. Они оттого и не жили самобытною жизнію. Всеобщій характеръ духовной дѣятельности отличался механическимъ трудомъ и муміеподобною косностью. Ни въ чемъ никакого творчества чистаго таланта, въ наукахъ и филологіи однѣ лишь компиляціи тружениковъ. Ни одинъ изъ византійскихъ авторовъ—говоритъ Бернгарди—не воспиталъ по себѣ преемника и не послужилъ образцемъ для молодежи; литературныя преданія и авторитеты не пролагали тамъ твердаго пути: напротивъ, каждый шелъ какъ бы своею собственною дорогой. Одну лишь услугу оказали византійскія ученія тѣмъ, что, собирая разсѣянныя и рѣдкія книги, они спасли остатки древней науки. Особенно же духовныя лица накопляли у себя сокровища мірскихъ и священныхъ книгъ. Они—говоритъ Бернгарди—какъ въ образованіи такъ и въ свѣдѣньяхъ служили представителями цвѣта всѣхъ вѣковъ, и изъ ихъ среды исходила большая часть авторовъ, тѣмъ болѣе что государственные и придворные мужи на закатѣ дней своихъ удалялись въ монастыри. Изъ искусствъ одно лишь зодчество создало нѣчто своеобразное. Византійскій архитектурный стиль стремился къ

разнообразному богатству въ отдѣлкѣ, распредѣленіи и украшеніи единичныхъ частей. Цѣлое состоитъ изъ восьмиугольника или продолговатаго четыреугольника, котораго продольное пространство пересѣкается, потомъ поперечнымъ равной высоты, такъ что обѣ главныя части вмѣстѣ образуютъ греческій крестъ. Крѣпкіе столпы свободно поднимаются къ верху и связываются великолѣпными сводами, а надъ ними высится куполъ: такая купольная постройка развилась изъ общеупотребительной у Римлянъ сводовой.

Теоріи Восточной церкви отвѣчала практика, отвлеченному умозрѣнію столь же отвлеченная этика, а именно убѣганіе міра, борьба съ плотью, *монашество*. Монашество прежде всего имѣло въ виду установить начало безбрачія во всей его строгости. Оно вообще имѣло задачею побороть плоть, подавить по возможности всѣ матеріальные побуды, жить въ самомъ строгомъ аскетизмѣ. Въ этой враждѣ съ плотью, въ этомъ разрывѣ съ матеріею и бѣгствѣ отъ матеріальной жизни проглядывала древняя язычески гностическая противоположность между духомъ и матеріей. Издавна уже въ христіанствѣ обнаруживалось мнѣніе, будто извѣстными заслугами мы можемъ возвыситься надъ другими людьми; а индѣ распространилось также воззрѣніе, будто существуетъ двоякая добродѣтель, высшая и низшая; благодаря этому аристократическое отличіе сословій древняго міра перешло также и въ нравственную область христіанства. Критеріума для оцѣнки нравственной жизни вскорѣ стали искать въ наружномъ быту. Образъ жизни монаховъ казался самымъ аристократичнымъ, оттого что онъ болѣе всего уклонялся отъ обычнаго и слѣдовательно болѣе всего бросался въ глаза. Съ распространеніемъ монашества неминуемо, рука объ руку, шло овнѣшненіе нравственныхъ понятій. Египетъ искони былъ самою воспріимчивою страной для аскетическаго воззрѣнія и быта; онъ же сталъ и колыбелью иноческой жизни. Но только гоненіе христіанъ дало наружный толчекъ для образованія христіанскаго монашества. Во время этихъ гоненій многіе спасались въ пустыни и потомъ до такой степени свыкались съ жизнью въ одиночествѣ, что воображали, будто въ ней только и можно вести истинно воздержную, отрѣшенную отъ міра жизнь. Такими пустынниками являются Антоній и Павелъ Ѳивскій; первый слыветъ настоящимъ основателемъ монашеской жизни. Около пустынниковъ вскорѣ собиралась болѣе или менѣе густая толпа единомыслящихъ. Начало сообщества этихъ людей выработано Пахоміемъ, основавшимъ въ 340-мъ г. на Нильскомъ островѣ Табеонѣ иноческое общежительство, κοινόβιον, и начертавшимъ первый очеркъ монастырскаго устава. Съ этихъ поръ иночество быстро распространилось даже за предѣлы Египта; такъ какъ въ немъ благочестіе и туне-

ядство сочетались въ столь прекрасной связи, то оно многихъ увлекало. Но самое тунеядство это и служило именно разлагающимъ и разрушающимъ началомъ, почему разумные ревнители иноческой жизни и обратили свое вниманіе на это больное мѣсто ея и пытались монашество вновь сдѣлать полезнымъ для практической жизни. Такъ именно Василій Великій имѣлъ въ виду низвергнуть, по возможности, преграду между иноческою и гражданскою жизнью, дабы каждая изъ нихъ могла благотворно вліять на другую. Благотворною монашескою дѣятельностью представилась ему прежде всего борьба противъ распространявшагося въ народѣ аріанизма; но онъ хотѣлъ также пріучить монаховъ къ труду и опредѣленной дѣятельности. На Востокѣ, гдѣ возникло иночество, оно съ самаго начала быстро проявилось въ самыхъ различныхъ формахъ и видахъ, но также быстро и исказилось. Самоистязанія доходили до ужасающихъ размѣровъ и не рѣдко оканчивались самоубійствомъ или сумасшествіемъ. Отъ подавленія естественныхъ побудовъ возникали противуестественныя страсти и пороки. Чѣмъ сильнѣе было отреченіе, тѣмъ больше росло высокомѣріе. Наконецъ монахи, или вовсе чуждые наукѣ, или служившіе лишь механически безжизненному знанію, легко дѣлались фанатиками въ угоду ортодоксіи и противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ уклоненій отъ нея и опаснымъ орудіемъ въ рукахъ неподвижной и закоченѣлой церкви. — Монашество — это слѣпокъ, наиболѣе отвѣчающій ей на Востокѣ. Въ иночествѣ христіанская свобода впервые проявилась въ отрицательной формѣ,—въ видѣ „отреченія“, какъ мѣтко выразился Розенкранцъ. И въ томъ же монашествѣ сосредоточилось образованіе Восточной церкви.

Какова церковь, наука и жизнь,—таковы и школы. На Востокѣ никогда, правда, не переставали приготовлять къ государственной службѣ гомерическими пѣснями, политическими стихами и пр. Правда, тамъ не только духовныя лица, но и міряне, императоры, государственные люди, даже женщины писали книги на греческомъ языкѣ,—въ монастыряхъ тамъ водворилась греческая философія, — въ монастырскихъ школахъ изобрѣли тамъ лиру Божію, органъ, — тамъ положили основаніе христіанскому искусству, особенно музыкѣ и иконописанію. Притомъ, тамъ не совсѣмъ исчезли и императорскія школы, сгибшія въ Западной Римской имперіи при великомъ переселеніи народовъ; напротивъ, отсюда вѣроятно, благодаря торговымъ потребностямъ крестовыхъ походовъ, перешелъ свѣточъ гражданскихъ правъ сперва въ Болонью, а потомъ въ остальные университеты, и поданъ поводъ къ первому собранію правъ духовенства. Вообще въ Восточной церкви, преемницѣ древнеклассическаго греческаго, сохранилась чистая, безкорыстная, объективная любовь къ наукѣ. Однако школы лишены были истиннаго, живого ядра,

оттого что онѣ не были продуктами внутренней потребности, а подымались и падали по прихоти своихъ императорскихъ покровителей, — оттого что онѣ не состояли во взаимнодѣйствіи съ жизнью, а ограничивались лишь единичными кружками и любителями, — оттого, наконецъ, что содержаніемъ ихъ была не эллинская жизнь, а одностороннее и пристрастное соблюденіе религіозныхъ догматовъ. Школы, которыя императоры снабжали учителями на жалованьи, и библіотеками, созидались на христіанскомъ образованіи и на греческихъ классикахъ. Но древность при этомъ была лишь муміей, а христіанство лишь одной формулой. Если можно допустить, — говоритъ Бернгарди—что учрежденія, существовавшія въ восьмомъ вѣкѣ, относятся къ болѣе ранней эпохѣ, то большое зданіе близь императорскаго казначейства и храма Софіи, снабженное богатою библіотекою, было сборнымъ мѣстомъ коллегіи или факультета 12-ти духовныхъ лицъ, какъ преподавателей всякой науки; во главѣ ихъ стоялъ императорскій директоръ, пользовавшійся вмѣстѣ съ своими сотрудниками рѣшающимъ голосомъ даже въ государственныхъ дѣлахъ. „Предметами чтенія и толкованія были грамматика, риторика, философія: грамматика, низведенная до самого простого, по возможности, извлеченія изъ этимологіи, для чего сокращали Геродіана и другія ученыя пособія и составляли подходящія руководства; реторика — не болѣе какъ сухое и полное отвлеченностей толкованіе Гермогена и Апѳонія; при этомъ упражненія изъ курса прогимназій, достигавшія скуднаго практическаго значенія и вліянія на слогъ; наконецъ философія, какъ слуга догматики и отчужденная отъ Платона, изучалась лишь на перифразахъ или толкованіяхъ Аристотеля". „Въ преподаваніи, а также и чтеніи у образованныхъ людей изъ классиковъ болѣе всего сохранились Гомеръ, Гезіодъ, Пиндаръ, въ отдѣльныхъ и потому тщательно переписанныхъ драмахъ трое трагиковъ и Аристофанъ, а нѣкоторое время также Менандръ и другіе комики, изъ Александрійцевъ Ѳеокритъ и даже Ликофронъ, а какъ руководство Діонисій Періегетъ; изъ прозаиковъ менѣе Геродотъ нежели Ѳукидидъ, политическія рѣчи Демосѳена и въ дополненіе къ нему Ливаній; уважались также біографіи Плутарха и Діонъ Кассій". Впрочемъ древность безъ разбора перемѣшивалась съ христіанскимъ и церковнымъ матерьяломъ. „Къ чтенію мірскихъ писателей присоединялась библія вмѣстѣ съ Отцами Церкви: отсюда истекаетъ навыкъ къ ея формамъ, выраженіямъ и словамъ и нѣкоторымъ образомъ двуязычный составъ византійскаго языка, въ которомъ восточный оттѣнокъ, а именно изъ ветхозавѣтнаго запаса, мало согласуется съ умѣреннымъ аттическимъ вкусомъ". Остальныя науки, кромѣ филологіи, представляли собою однѣ искаженія. Римская исторія излагалась въ видѣ сказки. Математика цѣнилась только съ практической сто-

роны. Медицина обработывалась одними лишь компиляторами, пренебрегавшими эмпиризмомъ.

Попеченіе о массѣ народа и объ его обученіи отступило на заднiй планъ передъ научными стремленіями пользовавшихся особымъ покровительствомъ. Дитя пріучалось къ воздержанію и умерщвленію плоти. Все преподаваніе относилось къ вѣрѣ. Вся жизнь цѣнилась лишь постольку, поскольку она служила небу. Монахи считали образа единственными „книгами малолѣтнихъ". Слова и предметы изъ Священнаго Писанія задавались для механическаго заучиванья.—Какова была жизнь народовъ въ Византійской имперіи, такова также и сущность воспитанія—закоченѣлость, чуть не смерть. — Христіанство не могло проявиться у нихъ въ новозиждительной силѣ. Они привязались лишь къ наружному явленію и потому не вникали во внутреннюю сущность. „Главнымъ заблужденіемъ всей этой эпохи — говоритъ Розенкранцъ — слѣдуетъ считать стремленіе не осуществить въ свободной индивидуализаціи идеалъ богочеловѣчества, а напротивъ, скопировать въ наружномъ воспроизведеніи историческое проявленіе его. Каждому человѣку особо предстоитъ принести въ жертву свою индивидуальность. Каждое жизнеописаніе имѣетъ свой Виѳлеемъ, свой Ѳаворъ и свою Галгоѳу".

Послѣ паденія римскаго владычества въ Италіи изъ древнихъ державъ осталась одна лишь Восточная Римская имперія. Она пережила бурю народныхъ переселеній и держалась, благодаря положенію своей почти неприступной столицы, своимъ твердымъ формамъ и нѣкоторымъ хорошимъ полководцамъ и властителямъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Юстиніанъ (527 — 565), стремившійся заодно съ своей Ѳеодорою, (которая долго была актрисой въ Константинополѣ и обратила на себя всеобщее вниманіе въ безнравственной столицѣ какъ своею красотою, такъ и распутною жизнью, а потомъ, покинутая своими любовниками, приняла на себя роль благочестивой, добродѣтельной женщины и тѣмъ увлекла императора)—укротить политическія и религіозныя партіи и поддержать единство и чистоту вѣры. Въ его царствованіе закрыты были неоплатоническія философскія школы въ Константинополѣ, и послѣдніе языческіе философы, въ томъ числѣ Симплицій, выселились въ Персію. Подъ наблюденіемъ и при содѣйствіи его министра Трибоніана появилось мало по малу собраніе постановленій прежнихъ императоровъ (Codex Justinianeus), руководство къ изученію права (institutiones), собраніе толкованій и изреченій прежнихъ правовѣдовъ (pandectae) и постановленіе Юстиніана (novellae): — такъ-называемый corpus juris, въ которомъ законы Римлянъ переданы потомству. Юстиніанъ поддерживалъ также искусства: въ одномъ Константинополѣ построилъ онъ 25 церквей, — а

сверхъ того нѣсколько мостовъ, водопроводовъ, крѣпостей и пр. Промышленность обогатилъ онъ шелководствомъ.

При слѣдующихъ затѣмъ императорахъ государству то и дѣло угрожали внѣшніе враги, а въ Константинополѣ между тѣмъ кровавыя дворцовыя революціи смѣняли одна другую. Но по мѣрѣ того какъ разрывалось государство, вымирала также свобода духовнаго творчества: литература стала цеховымъ занятіемъ въ рукахъ духовенства, отводившаго древности и мірскому образованію небольшое только мѣсто подлѣ церкви. При Львѣ Исаврянинѣ (717—741) началось иконоборство, длившееся болѣе ста лѣтъ съ величайшимъ ожесточеніемъ, и въ теченіе этого времени науки подверглись глубочайшему упадку, такъ что онѣ нашли себѣ прочное убѣжище только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ на островахъ Архипелага и на Аѳонской горѣ. Левъ закрылъ высшія школы, когда представители ихъ воспротивились его постановленіямъ противъ иконопоклонниковъ, а при Константинѣ Копронимѣ преслѣдовались науки. Со времени Вардаса (850) правительство однако вновь стало заботиться о наукѣ, и Константинополь, въ противность исламу и римскому образованію, сдѣлался средоточіемъ литературной дѣятельности. Онъ спасъ отъ забвенія погибшія науки и основалъ вольный университетъ, впервые получившій мірской уставъ, независимый отъ церкви и духовенства; тамъ трудились отличные преподаватели философіи, геометріи, астрономіи и высшей грамматики, и лекціи ихъ посѣщалъ самъ императоръ. Для каждой изъ наукъ онъ устроилъ особыя школы, назначалъ въ нихъ отличныхъ учителей, состоявшихъ на государственномъ жалованьи, и верховный надзоръ надъ организованною такимъ образомъ учебною системою поручилъ отличавшемуся прозорливостью, опытностью и знаніями философу Льву.

Съ Василіемъ въ 867 г. владычество въ Византійской имперіи перешло къ Македонской династіи. Македонская императорская фамилія ознаменовала блестящую точку византійской литературы, сущность которой впрочемъ и тутъ также по недостатку творчества состояла лишь въ компиляціи, а форма лишена была живаго чувства хорошихъ формъ языка, словообразованія и построенія рѣчи. Примѣчанія къ классикамъ, собранія глоссаріевъ и словарей —вотъ произведенія, созданныя этою литературой. Филологія, имѣвшая до первой половины седьмаго столѣтія свое средоточіе въ Александріи, избрала съ этихъ поръ Константинополь своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ и, развиваясь далѣе, сложилась въ энциклопедическую научность. Бернгарди говоритъ: „Одною изъ цѣлей изученія было сохранить древность въ дипломатической чистотѣ и сдѣлать ее популяр-

ною посредствомъ сокращеній; казалось, эти ученые преспокойно готовятся къ отступленію, торопясь только собрать и уложить свои пожитки". „Вслѣдствіе этого возникло множество энциклопедій и сборниковъ; тому же рвенію одолжены мы также нашими превосходными рукописями, появившимися въ исходѣ девятаго, а еще болѣе въ теченіе десятаго и въ началѣ одиннадцатаго столѣтій. Въ то же время открывались монастырскія библіотеки, а именно на Аѳонской Горѣ и на нѣкоторыхъ островахъ, пріобрѣтшія въ качествѣ хранилищъ важныхъ древнихъ рукописей историческую славу". Василій поддержалъ созданныя Вардасомъ учебныя учрежденія и поручилъ патріарху Фотію воспитать своего сына Льва въ покровители и ученые представители науки. Фотій отличался богатствомъ образованія, самостоятельнымъ умомъ и обширною начитанностью въ классикахъ. „Онъ былъ превосходный знатокъ греческой литературы, составитель церковнаго права и собиратель назначеннаго для мірскаго и духовнаго чтенія глоссарія". Своимъ „Миріовивлономъ" — извлеченіемъ изъ 270 сочиненій — онъ сохранилъ потомству многихъ христіанскихъ и языческихъ писателей. Онъ составилъ также изъ ораторовъ и лѣтописцевъ, отличающійся разумнымъ выборомъ и краткостью, словарь. Воспитанникъ его, Левъ Философъ, ревностно поощрялъ знанія и привелъ въ порядокъ самый обширный сводъ законовъ греческаго народа, доверщенный его сыномъ въ 60 книгахъ Василикъ. Сынъ Льва, Константинъ Порфирородный (913 — 959), слабый въ другихъ отношеніяхъ, отличался литературною дѣятельностью и велѣлъ изъ своего многочисленнаго книжнаго запаса составить энциклопедію въ 53 книгахъ, содержавшую въ себѣ извлеченія изъ греческихъ писателей. Онъ старался—говоритъ Бернгарди — привести въ систематическій порядокъ всѣ памятники человѣческаго генія и полимаѳіи, дабы въ удобномъ размѣрѣ приноровить для домашняго употребленія и для цѣлей двора многообъемлющія, тогда уже необозримыя массы знанія. Для четырехъ главныхъ наукъ онъ основалъ четыре особыя школы, философскую, реторическую, геометрическую и астрономическую, поставивъ надъ первою философа Константина, надъ второю ритора Александра Никейскаго, надъ третьею патриція Никифора, а надъ четвертою тайнаго секретаря Никиту. Отъ каждаго высшаго государственнаго сановника требовалъ онъ, по малой мѣрѣ, знанія философіи и реторики; онъ открывалъ библіотеки и состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ учеными. Наука процвѣтала,—но то была одна сухая ученость, эпоха грамматиковъ, сборниковъ правилъ и глоссаріевъ, толковыхъ и реальныхъ словарей. Во главѣ этой учености стоялъ Свида, „гигантскій лексикографъ, соединившій обширные томы глоссаріевъ, комментаторовъ,

литературныхъ реестровъ и Константиновскихъ выписокъ въ одинъ сборникъ для изученія классиковъ и библіи, для свѣтской и церковной исторіи", — къ этой же учености относился Etymologicum Magnum, „непосредственно изъ хорошихъ грамматическихъ источниковъ составленный сборникъ по части языковѣдѣнія и реальныхъ знаній древности." Поэтическіе труды напротивъ того лишены всякаго значенія и свидѣтельствуютъ лишь объ умѣньи владѣть языкомъ. Историки, пространные и отчетливые до мелочей, вовсе не обращаютъ вниманія на состояніе народа и на духъ времени, а касаются лишь наружныхъ проявленій государственной жизни, двора и церкви. Драгоцѣнна лѣтопись Іоанна Зонары, содержащая въ себѣ исторію отъ древнѣйшихъ временъ до 1118 года въ разумномъ подборѣ матеріала изъ древнихъ историковъ, особенно изъ Діона Кассія. Правовѣденіе развивалось до двѣнадцатаго вѣка, хотя запретъ Юстиніана, толковать его кодексы, отчасти и тормозилъ дѣло. Богословіе, наконецъ, хотя и было главною наукою, но окоченѣло въ буквѣ и въ завѣтной старинѣ, оттого что духовенство вполнѣ зависѣло отъ внѣшностей, отъ придворныхъ интригъ и отъ страсти партій: оно не создало ни одного замѣчательнаго произведенія.

Съ исходомъ одиннадцатаго столѣтія литература неудержимо клонилась къ упадку, хотя Комнины, частью непосредственно предшествовавшіе Крестовымъ походамъ, частью жившіе въ ихъ время, покровительствовали наукѣ и доказали любовь свою учрежденіями и даже авторскимъ соучастіемъ. Исаакъ Комнинъ упрочилъ связь науки съ своимъ домомъ, сообщивъ своей дочери Евдокіи всякаго рода образованіе души и сердца и выдавъ ее за высокообразованнаго Константина Дуку. Евдокія и Дука поддерживали школы и преподаваніе, и при преемникахъ ихъ ученіе постоянно основывалось на древнихъ классикахъ, такъ что учителя грамматики и реторики обращались къ древнимъ образцамъ, а философы придерживались Аристотеля и Платона. Однако наука состояла лишь въ мертвомъ знаніи и софистическомъ витійствѣ, которое, подобно президенту городового совѣта, Михаилу Пселлу, говорило и писало книги обо всемъ, но лишено было всякой опоры въ себѣ самомъ и потому зависѣло отъ расположенія покровителей и любителей. Содержанія въ немъ также не было; оно пыталось замѣнить его метафорами и внѣшнимъ блескомъ. Грамматики — говоритъ Бернгарди — ниспали до роли жалкихъ грамматистовъ, ограничившихся жалкими отрывками изъ древней науки, съ тѣмъ чтобы вышколивать на нихъ современниковъ. „Они проходили съ юношествомъ практическій курсъ; начиная съ случайныхъ или трудныхъ формъ какого либо текста, они посредствомъ синтетическаго способа, общепонятными вопросами и быстрыми скачками сообщали и

освѣжали въ памяти знанія важнѣйшихъ правилъ синтетической грамматики. Въ школахъ риторовъ собирались молодые люди, желавшіе упражняться въ прогимназическихъ задачахъ; мелочное сплетеніе подраздѣленій, опредѣленій и прославленной прежде казуистики предоставлено было немногимъ спеціалистамъ; то была чуждая всякой жизни бездушная многорѣчивость." Философія была только схоластическимъ перечнемъ изъ Аристотеля. Правительство воображало, что оно все исполняетъ, назначивъ учителей въ завѣтный квадривій.

Подъ бурями 1203 и 1204 гг. всѣ ученыя заведенія, библіотеки и школы въ Константинополѣ погибли: Латинская имперія молча похоронила образованіе Восточной церкви. При возстановителѣ Греческой имперіи Михаилѣ Палеологѣ (1261) и его преемникахъ, наука впрочемъ поднялась вновь, и еще разъ обнаружилась сильная наклонность къ учености и ученымъ. „Но эта почти наслѣдственная наклонность связана была съ болѣзненною болтливостью умиравшей Византіи, особенно съ непонятною для насъ страстью къ преніямъ по догматическимъ вопросамъ".

Этимъ завершился процесъ постепеннаго изсушенія, отчего Восточная церковь съ ея имперіею и пала подъ ударами варварства. Съ этой высохшею муміей, Восточною державой, всемірная исторія попыталась сохранить античный міръ, въ противоположность новымъ народамъ и новому духу. Восточная имперія сберегла античное образованіе въ непосредственной традиціи отъ послѣднихъ временъ классической древности, и притомъ въ тѣхъ же формахъ неизмѣнно. Она была памятью антично классическаго міра и имѣла задачею не только что избавить юные народы Запада отъ трудныхъ окольныхъ путей для достиженія этого образованія, но и въ случаѣ когда они забывали античные типы, напоминать объ нихъ по временамъ. Константинополь въ теченіе многихъ вѣковъ былъ всегда надежнымъ убѣжищемъ античной культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служилъ твердою оградою, которая въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія отражала азіатскихъ враговъ христіанства и европейской культуры, а съ другой стороны впервые вывела славянскіе народы изъ ихъ варварства и привила имъ христіанство. Послѣднее и составляетъ одинъ изъ величайшихъ подвиговъ его историческаго значенія. И точно, хотя сообщенная славянскимъ народамъ культура еще не развернулась въ нихъ живымъ цвѣтомъ, но это зависѣло не столько отъ учителей, сколько отъ учениковъ, оттого что послѣдніе не съумѣли усвоить ее душѣ своей, но лишь наружно прильнули къ переданной имъ формѣ. Принятіе христіанства Славянами—говоритъ Рюккертъ—было настолько же признаніемъ факта, что въ предѣлахъ Европы, или въ области искони связанныхъ между собою кровнымъ и духовнымъ родствомъ индогерманскихъ

народовъ Европы, не можетъ состоять никакая иная религіозная форма обокъ съ христіанскою, насколько также нѣкотораго рода протестомъ, заявленнымъ славянскимъ Востокомъ противъ германскаго Запада, дабы отстоять свою особенность противъ неудержимо напирающей западной культуры, тѣмъ болѣе, что на славянской почвѣ христіанство сначала лишено было того плодотворнаго вліянія, какое проявило оно въ средѣ западноевропейскихъ народовъ.

Абстрактно разсудочное воспитаніе магометанскихъ народовъ.

10.

Подобно тому какъ духъ античнаго классическаго міра еще разъ совокупился въ Восточной церкви и въ Византійской имперіи, не будучи впрочемъ вновь оживотворенъ христіанствомъ, такъ что классическая древность и христіанство механически шли тамъ обокъ другъ съ другомъ: точно также вся вообще восточная духовная жизнь проявилась какъ одно цѣлое, въ культурѣ Ислама

Культурный кругъ Ислама начался со вступленіемъ новаго народа и новой религіи въ сознательную область всемірной исторіи.

Новый этотъ народъ были Арабы. *Аравія*, страна ладана, великій полуостровъ между Чермнымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, соединенный на сѣверѣ съ материками Азіи и Африки, отвнѣ огражденный моремъ и горами, внутри и къ сѣверо-востоку полный сухихъ степей и жгучихъ пустынь, бѣдный водою и тяжко знойный, родина дикихъ коней, верблюдовъ, страусовъ, газелей и саранчи, — была мѣстопребываніемъ кочующихъ племенъ, подъ властью эмировъ, промышлявшихъ скотоводствомъ и грабежомъ, тогда какъ по прибрежью на юго-западѣ, въ такъ называемой Счастливой Аравіи, въ большихъ и богатыхъ городахъ обитали народы подъ властью князей и державцевъ. Въ этихъ племенахъ чудесно слились воедино геройство, поэтическій даръ, энергія и фантастическая мечтательность, отвлеченный умъ и пылкая чувственность, щедрость и женская любовь. Пылкій, гордый, вольнолюбивый, храбрый, гостепріимный—таковы характерныя особенности этихъ къ Семитамъ принадлежащихъ „дѣтей пустыни," религіей которыхъ искони было простое единобожіе Авраама, въ средѣ которыхъ однако сабеизмъ имѣлъ многихъ приверженцевъ и встрѣчались Іудеи и христіанскія секты, такъ что у нихъ соединились почти всѣ религіозныя воззрѣнія тогдашняго міра. Противоположность между райскими долинами Счастливой Аравіи и изсохшими пустынями наводила духъ на созерцаніе природы и на ас-

трономію, а труды и опасности кочующей жизни придали поэтически-рыцарскому духу мощный размахъ, такъ что онъ выражалъ свои чувства въ эротическихъ и бурныхъ боевыхъ пѣсняхъ, и на большихъ праздникахъ въ Меккѣ совершалъ поэтическія состязанія, съ тѣмъ чтобы удостоившіеся награды стихи торжественно повергнуть къ стѣнамъ Каабы (т. е. храма, гдѣ находился черный метеорный камень). Столь же поэтично и фантастично было самое воспитаніе прежняго домагометанскаго Араба, имѣвшее цѣлью отвагу и личное мужество. Оно стремилось возбудить и поддержать племенной и родовой интересъ. Старцы возлежали по вечерамъ на прохладѣ передъ своими палатками и разсказывали юношамъ про подвиги отцовъ, про ненависть, уничтожающую врага, про великодушіе, жертвующее собою для друга, и пѣсни славы, дружбы и любви, раздували притомъ искру народнаго одушевленія. Систематической передачи научныхъ знаній вовсе не существовало. Медицина лишена была научнаго характера; исторія состояла изъ одной лишь родословной; астрономія была только простою астрологіей.

При такихъ условіяхъ явился съ своею новою религіей *Мугамедъ* (571—632). Въ полной мужественной красотѣ, величавый станомъ, съ огненными, черными глазами, прекрасными чертами лица,—одаренный остроуміемъ и присутствіемъ духа, стойкостью, живымъ чувствомъ и дѣятельною фантазіею, плѣнительнымъ радушіемъ и благороднымъ краснорѣчіемъ онъ сдѣлался основателемъ религіи и законодателемъ Аравійскихъ племенъ. Онъ хотѣлъ освободить отъ ограниченности іудейство, измѣнившее своему первобытному простому богопониманію и отвердившее своего Бога въ Бога Израилева, а христіанство, развившее свое единобожіе въ понятіи о Троицѣ и принявшее своимъ опредѣленіемъ личности Христа антропоморфическій моментъ въ идею о Богѣ, повести къ религіозной формѣ, отвѣчающей сущности Востока, къ отвлеченному единобожію. „Есть только одинъ Богъ, живой и вѣчносущій, блаженный, самобытный, могучій, мудрый, а Мугамедъ Его пророкъ.“ Таково провозвѣстіе представленнаго въ чистой сверхчувственности божества, властвующаго въ абсолютномъ превосходствѣ надъ тлѣннымъ міромъ и не знающаго ни народа съ унаслѣдованными державными правами, подобно іудейству, ни созданнаго изъ божеской и человѣческой природы посредника, подобно христіанству, но требующаго отъ всѣхъ вообще людей безусловнаго подчиненія. Ѳеистическій фатализмъ, просто пассивное подчиненіе абсолютно высокой власти божескаго предопредѣленія, безправіе единичнаго лица и всего внѣшняго міра передъ Единымъ: вотъ въ чемъ состоитъ главная мысль ислама (т. е. покорности, подчиненія), не дающаго исключительнаго права ни одному народу, ни одному храму, никакимъ левитамъ, но вполнѣ

равняющаго всякаго вѣрующаго, какого-бы то ни было происхожденія со всѣми другими. Ученіе и предписанія его содержатся въ 114 сурахъ, (рядахъ, главахъ) корана (на нѣмецкое переведено Л. Ульманомъ), который у всѣхъ магометанскихъ народовъ почитается въ то же время гражданскимъ сводомъ законовъ и служитъ кодексомъ всѣхъ политическихъ учрежденій. Преданность, упованіе, благодарность къ Аллаху,—омовеніе, чтеніе молитвъ, постъ, пилигримство въ Мекку и пр.—обрѣзаніе, многоженство, но не болѣе четырехъ женъ и пр.—въ сношеніяхъ съ людьми правдивость, искренность, благодарность, вѣрность въ обѣщаніяхъ, благотворительность, справедливость, кротость, постоянство, терпѣніе и пр.—таковы были обязанности, возлагаемыя на мусульманина, тогда какъ, напротивъ, ему строго запрещались прелюбодѣйство, клятвопреступленіе, убійство, клевета, лжесвидѣтельство, ростовщичество, игра, пьянство и т. п., свинина и пр. Исполнивъ этотъ рядъ точно опредѣленныхъ предписаній для наружнаго и внутренняго обихода, онъ пріобрѣталъ вѣчное блаженство, нескончаемое упоеніе въ прекрасно-орошенныхъ, тѣнистыхъ садахъ, невыразимую усладу черноокихъ дѣвъ, если не окажется слишкомъ легкимъ на великихъ вѣсахъ страшнаго суда, или не обрушится съ тонкаго какъ волосъ моста аль-Сирата, по которому надлежитъ ему пройти послѣ смерти; тогда какъ сознающій за собою какую либо неискупленную имъ несправедливость или неумиротвореннаго передъ смертью врага и т. п., безнадежно низвергается въ бездну. Но высшая почесть и славнѣйшая и сладчайшая награда на томъ свѣтѣ ожидаетъ того, кто ратуетъ за славу Божію, кто обращаетъ и покоряетъ, а на землѣ, между тѣмъ, его тогда лишь настигнетъ опасность и смерть, когда Провидѣніемъ и безъ того уже предназначенъ предѣлъ его жизни.

Ученіе корана это крайне абстрактная разсудочная система дореформаціонной эпохи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самое законченное воззрѣніе восточнаго духа и самобытный продуктъ Аравійскаго народа. Оттого-то оно съ такою бурною мощью и овладѣло умами. Отсюда также и то отличительное его свойство, что вмѣстѣ съ народомъ распространялась религія, а съ религіей распространялся въ то же время и народъ. Оттого-то наконецъ процессъ живого развитія магометанства и долженъ былъ скоро ослабѣть, такъ какъ вслѣдствіе случайной утраты или задержки одного изъ моментовъ—религіи или народа—задерживался также и другой; потому магометанская религія, будучи произведеніемъ строго опредѣленной матеріальной племенной индивидуальности и слѣдовательно вопреки духовному характеру ея связана съ физичискими условіями существованія, не могла сдѣлаться всемірною религіею въ томъ смыслѣ, какъ христіанство. При всемъ томъ религія Мугамеда

оказала услугу, соединивъ различныя племена Арабовъ въ одинъ народъ и сдѣлавъ его господствующимъ на Востокѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вытѣснила идолопоклонство и распространила у многихъ народовъ вѣру въ Бога и безсмертіе, также въ нравственное назначеніе человѣка. Изъ состоянія самоуправства и кровомщенія Арабы возведены были ею къ признанію связующаго закона. Признаніе ислама для народовъ Востока было успѣхомъ: оттого такое всеобщее подчиненіе ему и такое множество приверженцевъ его даже въ настоящее время.

Оттого также по слѣдамъ Арабовъ шла постоянно жизнь. Они привели въ движеніе юные народы, а въ преуспѣвшихъ уже пробудили новыя стороны развитія. Господство ихъ быстро распространилось надъ тремя частями свѣта: — въ Азіи на востокъ до Инда и Ганга, въ Африкѣ до Феца и Марокко, къ сѣверу до Кавказа и Имауса, а въ Европѣ до Пиренеевъ. Съ господствомъ ихъ водворялись земледѣліе, торговля и промыслы. Месопотамія вновь возстала изъ праха, но въ преображенномъ видѣ: науки и искусство украшали жизнь, и Багдадъ, столица калифовъ, своими висячими садами, водопроводами, каналами и великолѣпными зданіями, своею цвѣтущею промышленностью и пышностью, напоминалъ о древнемъ Вавилонѣ. Мекка, святое мѣсто поклонниковъ пророка, была рынкомъ для произведеній трехъ частей свѣта; въ Іеменѣ находились знатныя мануфактуры; по внутренней Аравіи ходилъ корабль пустыни, верблюдъ, перенося на рынки самыя разнообразныя произведенія. Дамаскъ, столица Омеядовъ (661 — 750), разсылалъ издѣлія своего искусства и своей промышленности во всѣ страны свѣта. Тарсъ, Эмеса, Іерусалимъ, Тиръ и Сидонъ возстали въ прежнемъ могуществѣ и величіи. Долины Арменіи поставляли хлѣбъ, плоды, вино, лѣсъ и металлы. Плодоносныя равнины древней Мидіи и Персіи производили маслину, сахаръ и шафранъ, а ихъ обитатели— драгоцѣнныя шали, конскіе ковры и благовонныя масла. Въ Фарсистанѣ поэты воспѣвали въ нѣжныхъ, любовныхъ пѣсняхъ розы Шираса. Въ Алжирѣ, Тунисѣ и Триполи преуспѣвали скотоводство, сахарныя и хлопчатобумажныя плантаціи, а горы давали серебро, желѣзо и мѣдь. По плодоноснымъ побережьямъ Мавританіи, и по ея, промежъ высокихъ вершинъ Атласа, лежащимъ долинамъ возникли болѣе мягкіе нравы и высшая промышленность. Въ Египтѣ Арабы выказали свое искусство въ полеводствѣ, въ затѣйливыхъ водопроводахъ и каналахъ. Испанія подъ ихъ руками стала образцомъ преуспѣянія и избытка: сельское хозяйство и горное производство, промышленность и торговля процвѣтали, залагались великолѣпнѣйшія постройки, и въ одной Кордовѣ считалось, говорятъ, до 212,000 зданій и 600 мечетей, 70 большихъ библіотекъ и 17 университетовъ. Царство Ис-

лама далеко разливало жизнь и вслѣдствіе того широко раскинуло и власть свою: послы Гарунъ-аль-Рашида торжественно принимались при императорскихъ дворахъ на Рейнѣ и Гоанго, а Абдеррахманъ принималъ посольства отъ императора Оттона.

Съ благосостояніемъ и всеобщимъ образованіемъ въ странахъ Ислама поднялись также искусство и науки. Въ ту эпоху, когда одновременно съ Западной имперіей началось и неудержимое разложеніе ея культуры, когда переселенія народовъ, все губя и опустошая, разливались по Западу, когда христіанскіе священники составляли росписи еретиковъ, подлежащихъ казни, и вели истребительную войну противъ классической литературы, такъ что ей пришлось спасаться въ монастырѣ, когда машинально переписывались старыя рукописи,—въ эту пору духовнаго мрака искусство и наука, вызванныя исламомъ, сіяли какъ лучъ свѣта, которому суждено было и на Западѣ также вновь воспламенить духъ: любовная романтика Арабовъ черезъ Испанію слилась съ христіанскою поэзіею миннезенгеровъ, въ старѣйшихъ испанскихъ романсахъ состоялось дѣйствительное соединеніе арабскаго съ христіанскимъ;—Гербертъ и Гвидо Аретино заимствовали музыкальныя знанія свои изъ омейядской Испаніи;—изъ магометанской же Испаніи Европа получила первый толчокъ и первыя свои познанія въ естественныхъ наукахъ, особенно въ оптикѣ и въ астрономіи, также и въ зодчествѣ;— магометанская теологія сдѣлалась образцомъ для христіанской схоластики и т. д.

Наука Арабовъ началась съ Мугамеда. Время до него называютъ эпохою невѣжества. Начиная съ Мугамеда пробиваются зародыши науки. Уже Коранъ, эта основа религіи, права и науки, рано побуждалъ къ критическому изслѣдованію для установленія его текста. Къ этой критикѣ вскорѣ примкнули грамматическія разысканія, и уже въ первомъ столѣтіи геджры появились первые грамматики, а во второмъ, соперничая другъ съ другомъ, разныя грамматическія школы въ Басрѣ и Куфѣ. Тотчасъ же по смерти пророка положенъ починъ теологическимъ изслѣдованьямъ, результатомъ которыхъ была догматика, состоявшая въ то же время въ самой тѣсной связи съ правовѣденіемъ. Впрочемъ Мугамедъ и первые калифы уклонялись отъ всякаго дальнѣйшаго образованія. Въ отношеніи къ нимъ характеристично то, что калифу Омару приписывается уничтоженіе библіотеки въ Александріи (которая впрочемъ за долго до того еще была расхищена и разрушена), будто бы потому что находившіяся въ ней книги излишни, если согласуются съ кораномъ, если же противорѣчатъ ему, то онѣ вредны. За то слѣдующіе за ними калифы приняли науку и искусство подъ свое мощное покровительство, такъ что лежавшіе въ характерѣ Арабовъ и

Ислама духовные зародыши развернулись въ полный цвѣтъ, и Востокъ вмѣстѣ съ тѣмъ вторично сдѣлался мощнымъ образователемъ человѣчества. Омейяды и особенно Абассиды споспѣшествовали научному образованію.

При Омейядахъ арабская литература впервые оплодотворилась чуждыми элементами. Перенесши свою столицу въ Дамаскъ, въ этотъ главный городъ вполнѣ зараженной гречествомъ Сиріи, они вмѣстѣ съ тѣмъ приняли науку Византійской имперіи и поручили Грекамъ и Сиріянамъ размежевку земель, завѣдываніе постройками, врачебное дѣло и пр. Съ этихъ поръ грекосирійское образованіе возъимѣло значительное вліяніе на аравійское духовное развитіе, и хотя вліяніе это возбудило негодованіе многихъ правовѣрныхъ и послужило поводомъ къ расколу на шіитовъ и сунитовъ, однако оно все-таки было толчкомъ къ образованію магометано-схоластической теологіи и къ развитію смѣлаго скептицизма, такъ что омейядскій калифъ Сулейманъ (+ 717) считалъ коранъ лишь прекраснымъ поэтическимъ произведеніемъ, а исламъ простою народною вѣрою. При дворѣ образовалась вольная и необузданная поэзія насмѣшниковъ. И такое свободное развитіе достигло вершинной точки своей, когда Абассиды вмѣнили себѣ въ честь успѣхи наукъ. Тогда вмѣстѣ съ Греками христіанскіе ученые также сдѣлались учителями Арабовъ. Греческіе писатели (—посредниками при этомъ были Сиріяне, съ 5-го столѣтія уже обладавшіе переводами греческихъ твореній—) были переведены на арабское, и этимъ путемъ образовалась, особенно съ перенесеніемъ столицы въ Багдадъ, арабо-греческая наука, къ которой примкнули еще элементы изъ Персіи и Индіи. Греческая врачебная наука была введена прежде всего, Гиппократъ и Галенъ были переведены и такъ разработаны, что Арабы стали вскорѣ и считались потомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ первыми авторитетами въ медицинѣ. Затѣмъ послѣдовали греческіе математики: математикой и астрономіей въ магометанскихъ школахъ занимались съ величайшимъ рвеніемъ, Эвклидъ и Птоломей были переведены, и скоро магометане въ этомъ отношеніи также превзошли своихъ учителей. Они пытались математически опредѣлить величину земли и производили для этого измѣреніе градуса широты на Санджарской равнинѣ; изъ обсерваторіи въ Схемазіи близъ Багдада исходили наблюденія и таблицы движенія небесныхъ тѣлъ; оттуда же основались въ Сиріи и въ странахъ по верхнему Эвфрату многія обсерваторіи, а Альбатани и Альбатегній на антіохійской обсерваторіи впервые опредѣлили съ точностью наклоненіе эклиптики и довольно вѣрно вычислили мѣстонахожденіе солнца на небѣ въ разныя времена года. Такъ же ревностно изучали ботанику, а въ химіи трудился болѣе всѣхъ прославившійся Геберъ или Джаферъ около

765-го г. Но важнѣе всего для дальнѣйшаго духовнаго развитія Арабовъ былъ переводъ Аристотеля. Когда же сочиненія его сдѣлались извѣстными, то ихъ разработывали и разъясняли несмѣтное число разъ, (—въ 12-мъ вѣкѣ еще Аверроэсъ снова пытался изслѣдовать Аристотеля—) и развивали въ искусственную систему, которая, служа основою аравійской теологіи, перешла сперва въ Испанію къ Іудеямъ, а потомъ и въ западную Европу къ христіанамъ. Но Арабы съ ихъ философіей остановились на толкованіи Аристотеля, и даже для этого у нихъ не было почти никакихъ пособій, почерпаемыхъ изъ знанія языка, поэзіи, нравовъ и быта народа, такъ что многое само по себѣ ясное казалось имъ загадкою, которой они придавали фантастическій смыслъ.

Изъ Абассидовъ, какъ покровитель искусства и науки въ Аравіи, славился особенно Гарунъ-аль-Рашидъ (Справедливый) съ 787-го и до 809-го г.,—восточный властелинъ, жестокій и своевольный, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ высокаго ума, поддерживавшій съ большою щедростью ученыхъ и поэтовъ при дворѣ своемъ. Онъ основалъ въ Багдадѣ академію по образцу находившихся тамъ христіанскихъ и іудейскихъ училищъ, заложилъ подобныя же учебныя заведенія въ Бассорѣ, Куфѣ и Босхарѣ, основалъ библіотеки, набиралъ въ службу литераторовъ велѣлъ особо па такой конецъ учрежденному обществу перевести важнѣйшія греческія творенія на сирійскій языкъ, предлагалъ греческому императору Ѳеофилу большую сумму денегъ и вѣчный миръ, если послѣдній разрѣшитъ математику и философу Льву поступить на нѣкоторое время къ нему па службу, содержалъ при своемъ дворѣ астропомовъ и астрологовъ, отправилъ на свой счетъ 300 ученыхъ въ научныя путешествія, и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ своимъ визиремъ Джаферомъ, сдѣлался главнымъ предметомъ прославленія для поэтовъ и сказочниковъ (—въ сказкахъ въ самомъ поразительномъ видѣ сливаются страстная до чудесъ мечтательность, тонкое остроуміе и своеобразное лукавство семитскаго духа), прославившихъ въ „Тысячѣ и одной ночи“ мудрость и справедливость его.—Даже послѣ Гаруна еще, особенно съ 946-го и до 967-го г., науки и искусство пользовались покровительствомъ калифовъ въ Египтѣ и Азіи, пока наконецъ съ 1055-го г. Сельджуки не завладѣли передней Азіей, и арабское господство сохранилось лишь по одному имени.

Въ Персіи магометанство оказалось особенно плодотворнымъ и творческимъ. Здѣсь въ поэзіи и философіи перешли отъ закоченѣлаго деизма къ суфизму, который видѣлъ Бога свѣтящимъ во всѣхъ небесахъ, прозябающимъ во всѣхъ растеніяхъ и изъ среды котораго величайшій мистическій поэтъ Востока, Джелаледдинъ Руми (+1262) пѣлъ:

Пылинка я отъ солнца и солнечный я шаръ;
Скажу пылинкѣ: стой здѣсь! а солнцу: прокатись!

*
* *

Я свѣтлый блескъ денницы, вечерній я зефиръ,
Я рощи шелестъ тихій, морскихъ я волнъ прибой.

*
* *

Я мачта и кормило, и кормщикъ и корабль;
Причина я крушенья, коралловый я рифъ.

*
* *

Я птицеловъ, я птица и вмѣстѣ птичья сѣть,
Я зеркало и обликъ, и звукъ и отзвукъ я.

*
* *

И древо жизни я, и попугай на немъ;
Молчанье я и мысль, языкъ и голосъ я.

*
* *

Дыханіе я флейты и человѣка духъ,
Я искра въ этомъ камнѣ, въ металлѣ этомъ—блескъ.

*
* *

Я хмѣль и виноградъ, я сокъ и винодѣлъ,
Я бражникъ и шинокъ, и кубокъ я кристальный.

*
* *

Я свѣточъ, и на свѣточъ летящій мотылекъ,
Я роза и надъ розой поющій соловей.

*
* *

И врачъ я и болѣзнь, и ядъ и антидотъ,
Я сладость, горечь я, я медъ и вмѣстѣ желчь!

*
* *

Война и миръ все я, и битва и побѣда,
Я городъ, щитъ ему, и врагъ я, и стѣна.

*
* *

Я известь и черпакъ, я каменьщикъ и щель,
Основа я и сводъ, — домъ и развалинъ груда.

*
* *

Я лань и вмѣстѣ левъ, ягненокъ я и волкъ,
Я пастырь, всѣхъ и все въ хлѣвѣ одномъ держащій.

*
* *

Я цѣпь существъ, звено различныхъ я міровъ.
Я тварей лѣстница, и всѣхъ конецъ созданій.

*
* *

Я то, что есть, и то, чего и нѣтъ еще.
Джелаледдинъ, скажи жь, что я душа всего!

Этой душѣ всего долженъ отдаться также и человѣкъ;.

Хоть горе жизни смерть уноситъ,
Но передъ смертью жизнь дрожитъ.
Она за мрачною рукою
Не видитъ свѣтлой чаши въ ней.
Такъ сердце наше предъ любовью
Какъ передъ гибелью трепещетъ.
Вѣдь гдѣ любовь, тамъ умираетъ
Нашъ мрачный деспотъ, наше Я.
Пускай помретъ онъ въ мракѣ ночи,
А ты воскресни на зарѣ.

Въ Сиріи наука также расцвѣла прекраснымъ цвѣтомъ. Дамаскъ, Эмеса, Алеппо и пр. сдѣлались убѣжищами образованія, гдѣ ученые магометане, христіане и іудеи открыли свои каѳедры и куда изъ разныхъ странъ стекались любознательные ученики, слушавшіе такимъ образомъ учителей разныхъ религій и при выборѣ каждаго изъ нихъ руководясь единственно ихъ славою. Абу-Назри Мугамедъ ибнъ Тарханъ былъ Турокъ родомъ, воспитывался въ Абульфедѣ, выучился въ Багдадѣ арабскому языку и занимался тамъ философіею, потомъ отправился въ Гаранъ, съ тѣмъ чтобы прослушать философскія лекціи у одного изъ прославленныхъ христіанскихъ учителей; возвратясь въ Багдадъ, онъ поѣхалъ въ Каиръ, и наконецъ приглашенъ былъ въ учебныя заведенія въ Дамаскѣ, гдѣ отъ Сеифъ-эд-Даулы получалъ по четыре диргема въ сутки жалованья.

Магометанскія школы основаны въ самомъ началѣ вмѣстѣ со введеніемъ Ислама. Ради корана желательно было всеобщее распространеніе чтенія и письма. По преданію, самъ пророкъ внезапно усвоилъ себѣ, благодаря чудотворству архангела Гавріила, письмо. При каждой мечети устроена была школа, въ которой преподавали муллы и помощники ихъ. Это учрежденіе, равно какъ и составъ самыхъ школъ сохранились донынѣ въ томъ же видѣ. Мужескаго пола дѣти бѣдныхъ родителей посѣщали и посѣщаютъ эти элементарныя школы, начиная съ пяти и до восьмилѣтняго возраста; потомъ вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ обыкновенно оканчивается обязательное ихъ обученіе. Дѣти богатыхъ людей, желающіе пріобрѣсти также высшее образованіе, продолжаютъ посѣщать элементарныя школы до 14-ти или 15-ти лѣтняго возраста. Предметомъ низшаго элементарнаго обученія служитъ коранъ; имъ пользуются какъ книгою для чтенія и отчасти, а иногда и вполнѣ выучиваютъ его наизустъ; но прежде всего въ памяти запечатлѣваются предписанныя заповѣди. Въ настоящее время пишутъ на пергаментѣ, какъ стекло выполированномъ слоновою или простою костью, а для письма искони употреблялись камышевыя перья. Чернила по чернотѣ своей почти сходны съ нашими типографскими. Письменный приборъ, такой же, какой и нынѣ еще носятъ за поясомъ или въ боковомъ карманѣ писаря и ученые, съ виду похожъ на маленькій пистолетъ. Въ стволѣ торчатъ перья и перочинный слоновой кости ножикъ; въ болѣе широкой части помѣщается чернильница и воскъ для запечатыванья писемъ. Элементарныя школы въ Турціи называются метебами и находятся всегда при мечетяхъ второго разряда. Медрессе, т. е. коллегіи или высшія школы, соединены съ большими мечетями. Элементарныя школы всегда состояли подъ веденіемъ имамовъ, духовенства при мечетяхъ. Кромѣ этихъ школъ, частными лицами открывались

еще другія при кладбищахъ, колодцахъ и монастыряхъ дервишей. Помимо доброхотнаго подарка учителю никогда никакой платы за ученіе не полагалось.—При самомъ преподаваніи, а именно при обученіи правильному выговору и письму, также и при первоначальномъ преподаваніи грамматики рано уже, какъ кажется, прибѣгали къ методическимъ пріемамъ. Изъ 39-й макамы Харари—„Школьный учитель въ Гимсѣ,"—видно по крайней мѣрѣ, что различіе между мягкими и твердыми, и вообще между сходно звучащими буквами, представлялось наглядно не только при помощи отдѣльныхъ словъ, въ которыхъ за исключеніемъ упомянутыхъ буквъ всѣ остальныя одинаковы, какъ напр. лукъ и лугъ, онъ будетъ и онъ будитъ, и т. п. но для облегченія памяти старались также сопоставлять такія слова въ предложеніяхъ и замысловатыхъ стихахъ. Такъ напр. различіе между Д и Т:

Плодъ даютъ намъ яблоня и груша,
Плотъ же строится изъ сосенъ и березъ.

Подобнымъ образомъ поступали для выясненія различій между предлогами, которые могли быть смѣшаны одинъ съ другимъ, также съ глаголами, измѣняющими въ нѣкоторыхъ временахъ коренной слогъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старались развить въ молодыхъ людяхъ тонкій слухъ и соотвѣтственный выговоръ.

Изъ всего текста макамы видно сверхъ того, что ученики сами должны были составлять такія предложенія и стихи. „Учитель говорилъ: Такъ мой дуралей,—толку нѣтъ въ башкѣ твоей. Потомъ онъ восклицалъ: Ну скворецъ,—премудрости творецъ!—Ты многосильный!—Ты мозгообильный!—Возстань, не плошай—и глаголъ проспрягай!" и т. п.—Абу-Сеидъ, школьный учитель въ Гимсѣ, объявляетъ самъ себя, наконецъ, представителемъ формальнаго принципа: „Итакъ для тебя и друзей—разсыпалъ я перлы науки моей,—дабы вы въ ней просвѣтились,—чистой водою омылись,— и пыли и грязи незнанья лишились.—По мѣрѣ умѣнья и силъ—я вашъ умъ изощрилъ—и какъ мечи васъ точилъ,—и ко всѣмъ васъ дѣламъ пріучилъ.—Науки плоды вы срывали—цвѣтами познанья себя украшали;—помните жъ это и не забывайте меня никогда,—я также васъ помнить буду всегда,—и храните во всей чистотѣ—благодарность къ учителю въ вашей душѣ."—

Когда молодые люди отъ 14-ти до 15-ти лѣтняго возраста кончали такимъ образомъ ученіе въ элементарной школѣ, то для дальнѣйшаго образованія отъ 16-ти до 20-ти лѣтъ они предпринимали путешествія и посѣщали знатнѣйшихъ ученыхъ, читавшихъ публичныя лекціи. Къ такимъ лекціямъ относились высшая грамматика, уставы или основы богословія и законовѣдѣнья, догматика, толкованіе корана, преданія, фи-

лософія, логика, діалектика и пр. Учителя всѣ почти были частные ученые, либо имѣвшіе постоянное мѣсто пребыванія, либо проживавшіе болѣе или менѣе долго въ разныхъ мѣстахъ и открывавшіе въ послѣднихъ свои аудиторіи. Должность учителя не была связана ни съ какимъ особымъ званіемъ; всякій, чувствовавшій въ себѣ склонность и призваніе, открывалъ такого рода лекціи. Онѣ читались публично, иногда безплатно, а иногда ученики вносили доброхотный гонораръ. Должность учителей исправляли также приставленныя къ тому лица, въ родѣ чтецовъ и проповѣдниковъ при мечетяхъ, базарные старосты, секретари, судьи, даже купцы и ремесленники, все равно, занимались ли они какимъ нибудь промысломъ или нѣтъ. Эта особенность вполнѣ не выводилась даже тогда, когда калифы въ большихъ городахъ основали академіи, и учителя при нихъ состояли на казенномъ жалованьи. Знатнѣйшія высшія школы находились въ Багдадѣ, Басрѣ, Бухарѣ, Дамаскѣ и Самаркандѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній, по мѣрѣ того какъ требованья на нихъ возрастали, развились въ настоящія академіи. Въ Багдадѣ, Низабурѣ, Дамаскѣ, Кагирѣ появились великолѣпныя академическія зданія, называвшіяся обыкновенно по имени ихъ основателей. Въ академіяхъ преподавали богословіе, правовѣденіе, филологію и философію; для естественныхъ наукъ имѣлись особыя заведенія. Медицинѣ обучали въ больницахъ; но именно въ этой наукѣ не шли далѣе самыхъ скудныхъ первоначальныхъ основъ. И это по двумъ причинамъ. Вопервыхъ муллы опасались, что вслѣдствіе образованія врачей придется продавать менѣе амулетовъ и талисмановъ: поэтому процвѣтанію медицинской науки они противоставляли всевозможныя препятствія и были въ этомъ отношеніи заодно съ смотрителями княжескихъ гаремовъ, продававшими чудодѣйныя воды въ качествѣ всеисцѣляющихъ лѣкарствъ. Въ этой водѣ мыли плащъ пророка изъ верблюжьей шерсти, послѣ того какъ правовѣрные благоговѣйно приложатся къ нему, какъ къ святынѣ. Другое препятствіе противъ развитія медицины исходило отъ народа правовѣрныхъ, всегда считавшаго великимъ грѣхомъ вскрывать трупы.—Профессора и студенты жили вмѣстѣ въ одномъ и томъ же зданіи, и первые получали плату большею частью изъ вкладовъ, вносимыхъ въ заведеніе. Учителя назначались основателями, а по смерти ихъ правительствомъ. Всѣ они должны были быть люди, способные обучать всевозможнымъ предметамъ, такъ какъ въ каждой академіи было обыкновенно по одному старшему учителю. Нѣкоторые изъ учителей преподавали въ одно и то же время, или же послѣдовательно въ разныхъ академіяхъ какого нибудь города; другіе приглашались изъ одной академіи въ другую, или же добровольно покидали одно мѣсто, съ тѣмъ чтобы занять другое; многіе исполняли въ то же время должность кади. Иногда млад-

шій учитель и университетскій проповѣдникъ назначались репетиторами. Лекціи читались то вольно, то подъ диктовку, то по составленнымъ напередъ тетрадкамъ; ученики обыкновенно записывали точно такъ же какъ и у насъ. При каждой академіи была своя библіотека. Библіотеки часто обогащались вслѣдствіе того, что профессора отказывали имъ не только свои собственныя сочиненія, но также и свои частныя библіотеки. Ф. Вюстенфельдъ приводитъ 37 болѣе или менѣе значительныхъ академій, имена прославившихся учителей и заглавія ихъ сочиненій. Въ Багдадѣ значатся 2 академіи, въ Низабурѣ одна, въ Дамаскѣ 21, въ Іерусалимѣ опять одна, въ Каирѣ наконецъ 12 академій.—Впрочемъ, Бухара съ давнихъ временъ славилась какъ главное мѣсто и средоточіе магометанской учености. Старые и новые поэты воспѣваютъ множество ея медрессъ: Бухара называется „твердыней ислама". Въ Бухарѣ и Самаркандѣ въ прежнее время, кромѣ корана и многихъ его дополненій, предметами преподаванія были еще астрономія, исторія, медицина и алхимія. Въ настоящее время многолѣтній курсъ часто весьма пожилыхъ студентовъ ограничивается одною теологіею; медицинскія книги на арабскомъ языкѣ, начальныя основанія математики и отечественная исторія читаются и изучаются, правда, многими учителями и учениками, но не принадлежатъ къ предметамъ курса и не требуются и не поддерживаются правительствомъ. Ханыковъ полагаетъ во всемъ ханствѣ отъ 180 до 200 медрессъ и отъ 15 до 16 тысячъ студентовъ. Кромѣ высшихъ школъ, имѣется еще около 1800 до 2000 элементарныхъ, со 150 и до 160 тысячъ учениковъ. Сперва отецъ отдаетъ своего 6-ти до 10-ти лѣтняго сына въ маленькую элементарную школу, какая находится почти на каждой улицѣ и узнается потому, что двери завѣшанныя камышевыми плетенками обращены на улицу. Здѣсь ученикъ, у суфи или муллы одной изъ медрессъ, обучается чтенію и ежедневнымъ молитвамъ наизустъ. Если отецъ желаетъ посвятить сына духовному званію и сынъ надѣленъ надлежащими способностями, то онъ отдаетъ послѣдняго на 15 или 16 лѣтъ въ одну изъ медрессъ. Съ разрѣшенія старшаго муллы онъ получаетъ тамъ комнату и поступаетъ подъ надзоръ и руководство муллы, назначеннаго учителемъ при медрессе. Съ этихъ поръ молодой человѣкъ предоставляется самообученію, а старый мулла и подвинувшіеся далѣе студенты едва терпятъ его присутствіе. Ученіе состоитъ въ чтеніи и заучиваньи наизустъ корана и около 30 другихъ книгъ, содержащихъ въ себѣ либо дополненія къ корану, либо легенды и т. п. Если студентъ не вполнѣ окончилъ свой курсъ, то онъ получаетъ подчиненную должность въ родѣ пономаря (суфи) или учителя при маленькой мечети. Если же онъ прошелъ весь курсъ, то муллы, съ которыми онъ былъ въ сношеніи и которые обу-

чали и испытали его, выдаютъ ему дипломъ съ приложеніемъ своей печати. Послѣ того имя получившаго такимъ образомъ ученую степень вмѣстѣ съ краткимъ перечнемъ его знаній вносится въ особую книгу, вмѣщающую въ себѣ имена всѣхъ бухарскихъ муллъ и находящуюся у главнаго муллы государства. Только теперь новый мулла въ правѣ явиться за денежнымъ вознагражденіемъ, раздаваемымъ ежегодно визиремъ. Если студентъ хочетъ жениться, то онъ воленъ сдѣлать это, но въ такомъ случаѣ долженъ покинуть семинарію и лишиться связанныхъ съ пребываніемъ въ ней преимуществъ. Студенты бываютъ 30-ти лѣтъ и свыше; нѣкоторые изъ нихъ—отцы семействъ, а иные во время своего обученія ходятъ даже по дѣламъ торговли съ караванами въ Оренбургъ.

Высшаго своего расцвѣта исламъ достигъ въ Испаніи; а именно въ ту эпоху, когда тамъ возросла уже власть мелкихъ христіанскихъ королей, при Абдеррахманѣ III (912—961) и сынѣ его, Гакемѣ II (961—976), залагавшемъ по всей Испаніи коллегіи и библіотеки и обладавшемъ будто бы библіотекою изъ 600,000 книгъ, одинъ каталогъ которыхъ состоялъ изъ 44 томовъ. Никогда искусства и науки въ Испаніи не достигали такой высоты, какъ подъ владычествомъ этихъ калифовъ. Не только дворцы ихъ въ Кордовѣ блистали драгоцѣнными золотыми и серебряными украшеніями, и не только тѣлохранители ихъ изъ 1200 рыцарей сверкали въ пышныхъ доспѣхахъ, нося сабли съ золотыми рукоятками: но даже берега Гвадалквивира превратились въ рай, окрестъ котораго разсыпалось 12,000 селеній и какъ волшебствомъ возникли великолѣпные дворцы, виллы, мечети, мосты и пр., тогда какъ поэты въ нескончаемыхъ состязаніяхъ добивались награды за пѣсни. Кордова, Толедо, Сарагосса, Валенсія, Мурсія и Севилья цвѣли въ невѣроятной почти красотѣ. Въ Кордовѣ, тянувшейся на пять, а по другимъ на десять часовъ въ длину и раскинувшейся на три часа въ ширину, считалось 900 общественныхъ бань, 50 больницъ и 80 общественныхъ школъ. Тамъ находились даже высшія учебныя заведенія для женскаго пола: въ нихъ женщины преподавали своимъ ученицамъ предметы тогдашней науки, объясняли имъ въ особенности стихи, ибо поэзія была вообще въ такомъ ходу, что и женщины писали и сочиняли стихи. Въ высшихъ школахъ въ Кордовѣ, Толедо, Саламанкѣ и Севильѣ обучали почти всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, магометанской теологіи и законовѣдѣнью, математикѣ, астрономіи, исторіи и географіи, грамматикѣ и реторикѣ, медицинѣ и философіи. Въ нихъ совмѣстно, въ коллегіальномъ сотовариществѣ подвизались еврейскіе, магометанскіе и христіанскіе учителя. Студенты жили въ кол-

легіяхъ и по временамъ подвергались испытаніямъ. Учителя иногда предоставляли преподаваніе викаріямъ. Часто также ученики читали въ присутствіи учителя книги его. Въ низшихъ, большею частью съ мечетями связанныхъ школахъ, воспитанникамъ обыкновенно задаромъ выдавались одежда и содержаніе.—Научная слава Испаніи распространилась по всей христіанской Европѣ. Арабскія школы того края посѣщались христіанскими учеными какъ средоточія греко-арабской литературы и Аристотелевой философіи. Тамъ Гербертъ, впослѣдствіи папа Сильвестръ II, учился начиная съ 999 г. философіи и математикѣ. Туда же отправлялись Англичане, Аделардъ въ 11-мъ, Робертъ и Даніилъ Морли въ 12-мъ столѣтіи. Изъ арабскихъ, отчасти также изъ еврейскихъ съ нихъ переводовъ, схоластики заимствовали своего латинскаго Аристотеля. Христіанская Европа получила отъ арабской Испаніи первый толчекъ для развитія своей науки,—оттуда новыя цыфры, знакомство съ огнестрѣльнымъ порохомъ, тряпичная бумага и пр.—Но наука и искусство въ Испаніи лишь до конца десятаго столѣтія пользовались цвѣтущимъ состояніемъ: съ исходомъ этого вѣка начинается упадокъ, и когда въ 1038-мъ г. угасла династія Омейядовъ, то государство распалось на многія мелкія державы, разрушавшія жизнь свою во взаимныхъ усобицахъ и въ борьбѣ съ христіанскими государствами Испаніи. Когда же наконецъ Фердинандъ III соединилъ подъ своимъ скипетромъ христіанскія державы Испаніи, Кастиліи, Леонъ и Арагонію, и когда пала Кордова, то въ Испаніи окончательно погасъ живой арабскій духъ.

Культура Ислама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и арабское воспитаніе въ сущности занимаютъ ту же ступень, на которой находилось средневѣковое образованіе Востока. Она не что иное какъ абстрактное сочетаніе всей восточной духовной жизни. Въ одной только поэзіи, и особенно въ лирикѣ, магометане по природѣ своей были творцами: поэзія ихъ отличается выспренними мыслями, бойкими замѣчаніями и великолѣпіемъ фантастическихъ образовъ. Въ зодчествѣ соотвѣтственно высокому развитію техническаго производства въ восточномъ духѣ, они представили относительное совершенство—правильную прелесть и фантастическое обиліе. Теорію музыки заимствовали они у Грековъ: они причисляли ее къ математикѣ, но не могли внести дикость звуковъ въ правильную сѣть, т. е. не имѣли нотъ или письменныхъ знаковъ, въ которые можно бъ было уловить расплывающіеся тоны. Живописи и ваянія у нихъ не было, по недостатку конкретно духовной изобразительности. Естественныя науки и математика, заимствованныя ими сначала у Грековъ, отвѣчали ихъ нраву вслѣдствіе осязательнаго значенія для чувственной дѣйствительности, особенно же вслѣдствіе механической закон-

ности и понятія о роковой необходимости, которое господствовало надъ всѣмъ духовнымъ воззрѣніемъ ислама и подтверждалось этими науками. Но они не въ состояніи были развиться органически; они, говоритъ Рюкертъ, къ наличному запасу знанія только прибавили много новыхъ составныхъ частей и, оставаясь вѣрными внутренней сущности восточнаго духа, лишь механически расширили область знанія, не развивъ далѣе самой науки. Астрономія, главная естественная наука Арабовъ, которою изъ поконъ вѣка уже занимались пасшіе по ночамъ стада свои арабскіе кочевники, постоянно наблюдая ясное звѣздное небо, служила большею частью для астрологіи, а потомъ сроднилась съ кабалистическою и магическою премудростью: знаменитые астрономы предлагали даже свои услуги по части гороскоповъ, снотолкованія, предвѣщаній погоды и т. п. и писали руководства о томъ, когда слѣдуетъ пускать кровь, стричь волосы, вступать въ бракъ, и т. п., какъ открыть воровство и пр. Правда, въ химіи Арабы сдѣлали нѣкоторыя открытія (—въ книгѣ Абу Муссы Джафара аль Софи изъ Гаррана въ Месопотаміи, именуемаго обыкновенно Геберомъ, встрѣчаются нѣсколько способовъ добыванія ртути въ видѣ сулемы и краснаго осадка, крѣпкой и царской водки, азотнокислаго серебра и пр.—); но все-таки химія ихъ распускается въ алхимію. Даже въ философіи они представили только подробное изложеніе великихъ, Греками уже установленныхъ точекъ зрѣнія: философія была все такою же абстрактно-разсудочною, дуалистическою, какъ и магометанская религія, и лишь въ пантеистической мистикѣ могла она перехватить за свойственную ей противоположность. Даже научной этики не достигла культура ислама, потому уже, что лишена была обоихъ этическихъ основныхъ понятій (—свободы воли и личности—). Такъ какъ у нея не было этики, то не было также и народной педагогики.

Но полна высокаго интереса и практическаго духа, на наблюденіи и опытѣ основанная

Книга Кабуса,

которую Кьекьявъ (около 1060-го г.), повелитель обитавшихъ по южному побережью Каспійскаго моря Дилемитовъ, далъ въ видѣ наставленія своему сыну, Гилянъ-шаху. Онъ самъ, въ своемъ прежнемъ, изъ раздробленія калифата возникшемъ владѣніи подвергался превратностямъ судьбы и вѣрно погибъ бы еще до вступленія на престолъ, если бъ отецъ его въ дѣтствѣ не выучилъ плавать. Подобную услугу хотѣлъ онъ оказать и своему сыну, передавъ ему книгу, при помощи которой послѣдній могъ бы также спастись отъ не менѣе опаснаго крушенія отцовскаго государства. Первыя 43 главы

посвящены религіи, благоразумію, образу жизни, потребностямъ и отправленіямъ вседневнаго обихода, искусствамъ и наукамъ, сословіямъ, должностямъ и промысламъ, дабы указать, какія обязанности долженъ соблюдать человѣкъ во всякомъ дѣлѣ и какъ поступать во всѣхъ обстоятельствахъ, а 44-я глава разсуждаетъ о добродѣтели, дабы научить, какова должна она быть во всѣхъ званіяхъ и классахъ людей. „Знай— такъ начинается книга—знай, сынъ мой, что Вышній Богъ во всемъ, что сотворилъ Онъ, какъ въ явномъ, такъ и въ сокровенномъ, а именно на землѣ и на небеси, на этомъ и на томъ свѣтѣ, познавался всѣми разумными и проницательными людьми. Но сущность Его далеко превышаетъ все, что можетъ постигнуть разумъ. Однако, если ты хочешь познать Бога, то познай сперва самого себя и изучи свое собственное состояніе; ибо кто позналъ самого себя, тотъ познаетъ также и Бога. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что ты — познанное, а Онъ — познающее; это значитъ, ты образъ, а Онъ твой образователь. И такъ старайся лишь поразмыслить о твоемъ образѣ, дабы познать Его, но объ образовательномъ искусствѣ Его не помышляй“. „Превышній Богъ изобразилъ въ существѣ человѣка вырѣзанный на печати своего всемогущества слѣпокъ всѣхъ совершенствъ, дабы во всѣ времена каждый человѣкъ видѣлъ этотъ образъ и по немъ познавалъ и постигалъ образователя“. „Знай, сынъ мой, что Богъ, создавшій этотъ міръ, создалъ его по волѣ своей. Онъ не втуне создалъ его, но да познаютъ Его справедливость и превосходство, и по премудрости своей Онъ украсилъ его, ибо зналъ, конечно, что красота лучше безобразія, и богатство лучше бѣдности, что бытіе надлежитъ предпочесть небытію и обиліе недостатку“. Повинуйся Богу и служи Ему: такова поэтому первая заповѣдь, которую долженъ исполнить человѣкъ. Но при этомъ долженъ ты чтить родителей, ибо они орудіе, ставшее посреди, между тобою и создавшимъ тебя Богомъ. „Кто вознесъ родъ свой, тотъ вознесъ самого себя“. „Лишь тотъ разумный сынъ, который не предастъ самого себя презрѣнью, т. е. который не презираетъ отца своего и мать свою, дабы онъ самъ не былъ презрѣнъ“. „Сынъ дѣлаетъ лишь то, что видитъ у отца: какъ будешь поступать съ твоимъ отцомъ, такъ и съ тобою будетъ поступать сынъ твой“. Отъ кого бы ты впрочемъ ни происходилъ, знай, что лучше похваляться добродѣтелью, чѣмъ происхожденіемъ. „Честь основана на здравомъ умѣ и добромъ нравѣ, а не на рожденіи и происхожденьи. Итакъ, тщися умножить твои добродѣтели, ибо отъ человѣка безъ добродѣтелей никому нѣтъ пользы; онъ безполезенъ даже самому себѣ, какъ терновникъ, не дающій тѣни и потому не приносящій пользы самому себѣ, ни доставляющій другимъ отдыха въ тѣни своей“. А такъ какъ Богъ отличилъ человѣка въ десяти вещахъ—въ мыш-

леніи, ученіи, самопредставленіи, различеніи добра отъ зла, словѣ, слухѣ, зрѣніи, обоняніи, осязаніи, вкусѣ,—изъ этихъ же вещей самое важное есть слово, такъ какъ всѣ другія служатъ лишь какъ бы орудіемъ для рѣчи, то старайся украсить языкъ твой добродѣтелью слова и сокровищемъ краснорѣчія, и пріучайся говорить съ людьми привлекательною рѣчью, ибо у кого ласковъ языкъ, у того много братьевъ, или у кого ласковъ языкъ, у того много друзей. „Однако жь не говори, пока тебя не спросятъ; не произноси также ненужныхъ рѣчей; ибо такого рода напрасныя рѣчи нелѣпы, а ты пуще всего избѣгай нелѣпостей". „Говори всегда вѣжливо съ людьми, дабы отъ нихъ слышать вѣжливые отвѣты. Дуракамъ отвѣчай молчаніемъ." „Постоянно старайся умножать твои добродѣтели, такъ какъ человѣкъ можетъ вознестись надъ подобными себѣ не иначе, какъ лишь добродѣтелью и превосходствомъ. Добивайся поэтому, чтобы тебя хвалили одни умные; невѣжды не должны хвалить тебя; ибо умные люди благородны, а невѣжды—чернь. Какъ бы впрочемъ ни высоко было твое познаніе никогда не будь наглымъ въ обществѣ разумныхъ и мыслящихъ людей; отъ наглости утрачивается мудрость и рѣчи лишаются своей пріятности." „Потомъ остерегайся говорить ложь. Домогайся правдивостью рѣчей твоихъ достичь извѣстности и славы. Что бы ты ни говорилъ, говори всегда правду, не лги." „Хотя ты еще молодъ, сынъ мой, однако будь разсудителенъ и уменъ какъ старцы. Ни въ какихъ обстоятельствахъ не забывай Бога въ юности и всегда ожидай смерти, ибо смерть, настигая насъ, не разбираетъ ни юношей ни старцевъ. Ты знаешь, кто родился, тотъ долженъ и умереть, и кто явился на свѣтъ, тотъ долженъ опять его покинуть. Впрочемъ, пусть прожитая тобою жизнь будетъ проведена не въ безпорядкѣ, такъ чтобы ты всегда былъ благонравенъ и достоинъ уваженія друзей и враговъ. Итакъ наблюдай порядокъ во всѣхъ дѣйствіяхъ." Даже въ отношеніи ѣды и питья. „Насчетъ ѣды прежде всего совѣтую съ наступленіемъ дня поѣсть что-нибудь немного, лишь бы отвести желчь, а потомъ заниматься дѣлами чуть не до обѣда. Затѣмъ обѣдай насколько нужно, чтобы пища переварилась до полдника. Послѣ этого ужинай незадолго до наступленія вечера, чтобы пищеваренье совершилось до отхода ко сну. Но каждый разъ слѣдуетъ ѣсть сообразно свойству личности и пищеварительныхъ органовъ и остерегаться обремененія и неудобоваримости." „Пить вино безспорно возбраняется; если же ты его все-таки пьешь, то по крайней мѣрѣ не изгоняй раскаянья изъ твоего сердца и всегда питай сознаніе о совершонномъ тобою грѣхѣ. Притомъ не будь слишкомъ лакомъ до конфетъ: при винѣ конфеты тяжело ложатся на желудокъ. Наконецъ старайся при всемъ томъ не напиваться допьяна; хмѣльной человѣкъ

совсѣмъ сумасшедшій, или по малой мѣрѣ дуракъ, а отрезвясь, онъ обыкновенно боленъ, или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ здоровъ." „Насколько то зависитъ отъ тебя, сынъ мой, не влюбляйся. А если ужь паче чаянья влюбишься, то не слѣдуй по крайней мѣрѣ ни твоему сердцу, ни твоей похоти. А именно, если сердце твое скажетъ тебѣ: пошли меня къ ней въ воображеніи, мнѣ хочется пойти и повидаться съ милой: то не слушайся его и не пускай его по этому пути. Если предоставишь сердце похоти, то и самъ долженъ будешь слушаться его; это значитъ то же самое, что подчиниться любострастію, а подчиняться любострастію не дѣло разумнаго человѣка." „Верховая ѣзда и игра въ мячъ должны быть занятіемъ знатныхъ и князей, особенно въ лѣта юности. Но умные люди назначили предѣлъ и мѣру каждой вещи, дабы всякій все дѣлалъ въ мѣру, не предаваясь неумѣренности. Въ теченіе семи дней недѣли напр. ты долженъ посвятить на охоту лишь два дня и также изрѣдка лишь играть въ мячъ."

„Однимъ изъ твоихъ важнѣйшихъ дѣлъ должно быть воспитаніе твоего сына. Первымъ долгомъ твоимъ да будетъ при этомъ передать ему доброе достохвальное имя. А вторымъ долгомъ—поручить его умной и благонравной кормилицѣ, пока онъ не выучится ходить и не сможетъ одинъ ѣсть и пить. Когда онъ доростетъ до этого, ты по состоянію своему долженъ устроить праздникъ и велѣть обрѣзать малютку. Затѣмъ слѣдуетъ назначить ему учителя, который обучалъ бы его корану, пока онъ не прочтетъ всей книги и не выучитъ ея наизустъ. Когда онъ подростетъ еще болѣе: то поручи его учителю фехтованія, чтобы онъ изучилъ ратное искусство и умѣлъ обращаться со всякаго рода оружіемъ, т. е. стрѣлять изъ лука, колоть копьемъ, рубиться на сабляхъ и ѣздить верхомъ. Когда онъ изучитъ эти искусства вполнѣ и покончитъ съ ними, то пускай его учится еще плавать въ водѣ". „Буде учитель побьетъ твоего сына, ты не слишкомъ жалѣй его, пускай побьетъ; дѣти вѣдь изучаютъ науку, искусство и добрыя нравы только подъ розгой, т. е. все, чему они научаются, они учатся лишь изъ страха къ побоямъ и брани учителя, а отъ природы или по собственному побужденію они не учатся ничему. Когда предоставишь ихъ самимъ себѣ, они пристращаются лишь къ удовольствіямъ, прихотямъ и безполезной бѣготнѣ. Если же твой сынъ учинилъ возмутившую тебя непристойность, то не бей его самъ, но прикажи учителю побить и наказать его, дабы онъ потерпѣлъ не отъ тебя и не питалъ бы въ сердцѣ ненависти къ тебѣ лично. Однако ты долженъ казаться грознымъ твоему сыну, дабы онъ не презиралъ тебя, а напротивъ былъ бы всегда въ страхѣ передъ тобою. Золотыхъ и серебряныхъ денегъ, и всего, что онъ попроситъ у тебя, давай ему по своему состоянію и не от-

казывай ему въ этомъ, дабы онъ ради наслѣдства не пожелалъ твоей смерти. Подъ предлогомъ: мой сынъ не одаренъ способностями! не лишай его наставленія и строгаго воспитанія. Повѣрь, если будешь не кстати жалѣть и не захочешь вышколить его, то сама судьба вышколитъ, ибо сказано: кого не школили ни отецъ, ни мать, того вышколятъ и пріучатъ дни и ночи. Итакъ, прежде чѣмъ рокъ станетъ наказывать твоего сына разными бѣдствіями, старайся прошколить его вдосталь умѣренно, а иногда и строго. Хотя ему и придется жить по способностямъ, какія дарованы отъ Бога, изъ ничего его создавшаго: но ты все-таки обязанъ поступать такъ, чтобы исполнить долгъ отца. Ибо хотя всѣ рожденные людьми надѣлены отъ природы способностями и нравомъ; однако, будучи еще дѣтьми, они по немощи и слабости не въ состояніи обнаружить свои природныя способности и нравъ, и не знаютъ, что слѣдуетъ дѣлать. Лишь когда дѣти подросли на столько, что тѣло ихъ достигнетъ крѣпости, обнаруживаютъ они свои сокровенныя качества и проявляютъ добрыя и дурныя стороны ихъ. Если ты поэтому научился у отца твоего доброму нраву и пріобрѣлъ отъ него въ наслѣдіе искусство и способности, то передай ихъ въ наслѣдство также и сыну своему, дабы уплатить ему долгъ твой. Ибо люди бываютъ двоякаго рода: одни благородные, другіе простые. Благородные, умирая, не могутъ оставить своимъ дѣтямъ лучшаго наслѣдства, какъ добрые нравы и искусства. Для дѣтей простолюдовъ нѣтъ наслѣдства выше ремесла. Ремесло не дѣло дѣтей знатныхъ и богатыхъ, ихъ дѣло напротивъ добрые нравы и искусства. Однако, по моему мнѣнію, ремесло также великое искусство, а потому хорошо было бы, если бъ дѣти богатыхъ людей изучали какое нибудь хитрое ремесло, хотя бы никогда ничего имъ не заработывали. Ремесло предохраняетъ отъ бѣдности. По этой причинѣ въ Персіи одно время было въ ходу, чтобы дѣти всѣхъ знатныхъ знали какое либо мастерство, и они обыкновенно обучались ему. Когда твой сынъ возмужаетъ, то испытай его какъ слѣдуетъ, избралъ ли онъ настоящій путь, способенъ ли къ дѣламъ и усвоилъ ли себѣ средства быть искуснымъ и счастливымъ. Затѣмъ постарайся женить его и избери ему пригодную и благородную жену. Если же ты увидишь, что онъ не на истинномъ пути, для того чтобы вести домашнее хозяйство и сдѣлаться искуснымъ и счастливымъ, то отнюдь не повергай въ бѣдствіе ни одной дочери мусульманина, ибо они не проживутъ счастливо другъ съ другомъ и ничего не добьются, кромѣ развѣ обидъ и оскорбленій.“

„Если у тебя, сынъ мой, будетъ дочь, то передай и поручи ее цѣломудренной кормилицѣ, пока она не поумнѣетъ. Потомъ назначь ей учительницу, которая обучала бы ее корану и наставляла бы во всѣхъ правилахъ и обязанностяхъ

ислама, какія необходимо изучить для знанія молитвъ и постовъ, заповѣдей Божіихъ и постановленій. Но не позволяй учить ее письму, дабы не вздумалось ей собственноручно писать о своихъ, какихъ бы то ни было, пожеланіяхъ, ни сообщать ихъ кому либо. Когда же она выростетъ вполнѣ, то старайся скорѣе передать ее мужу и сочетать бракомъ. Пріютить дочерей либо въ лонѣ мужа, либо въ лонѣ земли, это одно изъ самыхъ почетныхъ дѣлъ. Пока однако твоя дочь при тебѣ и въ твоемъ домѣ, до тѣхъ поръ не отказывай ей ни въ любви, ни въ участіи, ни въ попеченіяхъ, ибо дочери въ нѣкоторомъ родѣ плѣнницы отца и матери. По мѣрѣ твоего состоянія и смотря по обстоятельствамъ, пекись о приданомъ и содержаніи твоей дочери и выдай ее замужъ за мусульманина, дабы избавиться отъ заботъ о ней".

„Такъ какъ для знатныхъ необходимо изучить каждую вещь до основанія, и ни отъ какого искусства нельзя извлечь пользы, пока не узнаешь тайны его; то выслушай сперва о высшей и превосходнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, о религіи. Религія это дерево, корни котораго вѣра въ единаго Бога, а вѣтви—законъ, и познаніе того и другого доставляетъ временную и вѣчную пользу. Потому, сынъ мой, усердно займись религіей, ибо она сердцевина дерева, а остальныя науки лишь вѣтви его. Для этого тебѣ надлежитъ идти по пути тѣхъ, кто постигъ эту науку, и у нихъ изучать ее. Притомъ не отставай въ этомъ ученіи. Старайся затвердить наизустъ то, что ты читалъ, и повторяй выученное. Пойми какъ слѣдуетъ и изучай каждое слово, которое услышишь; вникни, откуда происходитъ и къ чему ведетъ оно. Будь благодаренъ твоимъ учителямъ за добро, которое узналъ отъ нихъ. Въ книгахъ, бумагѣ, პеналѣ и чернильницѣ у тебя не должно быть недостатка. Старайся усвоить себѣ все, что услышишь; говори мало и изрѣдка; будь остроуменъ и разсудителенъ. Когда же ты, благодаря настойчивости, сдѣлаешься писателемъ: то будь крайне религіозенъ, читай много книгъ; будь твердъ въ богослуженіи, молитвѣ и постѣ и сохрани твое тѣло и твою одежду чистыми и незапятнанными."—„Если задумаешь быть проповѣдникомъ, то прежде всего долженъ выучить наизустъ коранъ. Когда тебѣ предстоитъ занять каѳедру и проповѣдывать, то не спорь и не препирайся съ сидящими подъ каѳедрой; это можетъ повредить твоему достоинству. А, занявъ каѳедру, говори все, что хочешь; но смотри, чтобы все это была правда, а не ложь. Говори красно и плавно, и не запинайся; напротивъ, говори по внушенію твоего сердца. Избѣгай высокомѣрія, лжи, сладострастной жизни. Знай, какія ты самъ совершишь добрыя дѣла, такія же совершитъ и народъ."—„Если бъ пришлось тебѣ сдѣлаться кади: то ты долженъ быть кротокъ, проницателенъ, понятливъ и разсуди-

теленъ. Ты долженъ знать, какъ лицевую такъ и оборотную сторону каждаго предмета; ты долженъ знать людей, быть грознымъ судіей и весьма опытнымъ знатокомъ религіи. Ты долженъ ознакомиться съ привычками всякаго рода людей, извѣдать и постичь ихъ лукавство. При каждой тяжбѣ изслѣдуй и соображай какъ можно строже, и убѣдясь наконецъ въ вѣрности рѣшенія, вырази его въ немногихъ словахъ, такъ чтобы не нужно было прибавлять ни единаго слова. Впрочемъ, судья долженъ быть добродѣтеленъ, а величайшія добродѣтели его состоятъ въ томъ, чтобы онъ былъ ученъ и воздержанъ и избѣгалъ запретныхъ вещей, безсовѣстности и нечестивства".—„Если ты хочешь быть врачемъ, то долженъ ознакомиться съ теоріей и практикой врачебной науки, изслѣдовать основныя вещества: огонь, воздухъ, воду и землю; изучить темпераменты: сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій съ свойственными имъ соками, кровью, желчью, черною желчью и слюною, и съ соотвѣтственными имъ главными членами,—языкомъ, мозгомъ, легкими и сердцемъ; и наконецъ обратить вниманіе на чувства: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе; на внутреннія способности: воображеніе, память и мышленіе; на животныя силы: движеніе и покой, на естественныя силы, на рождающую, развивающую и питающую силы. У больного же прикладывай руку къ пульсу, собери мочу его въ склянку и разсмотри цвѣтъ ея и пр." — „Захочешь ли быть звѣздочетомъ, то долженъ прежде всего изучить математику, а потомъ дѣлать астрономическія наблюденія. Задумаешь ли затѣмъ предсказать что-либо, касается ли то счастія или тайнъ рожденія: то долженъ преимущественно принять въ соображеніе свойства свѣтилъ, созвѣздія, правителей созвѣздій, знаки зодіака, градусы, луну и фазы луны, составъ всѣхъ небесныхъ знаковъ и т. д." — „Захочешь ли быть поэтомъ, то старайся, чтобы твои выраженія въ стихахъ были ясны и внятны, избѣгай темныхъ выраженій, не пиши стиховъ безъ образовъ, безъ вкуса, безъ искусства, говори метафорами и пр."—„Задумаешь ли изучить музыкальное искусство, ты долженъ быть добронравенъ и дружелюбенъ, отнюдь не дурно воспитанъ и не неучъ. Когда будешь въ обществѣ, то не играй все одни лишь легкіе напѣвы и мелодіи, или одни лишь суровые и трудные; ибо находящіяся въ собраніи личности не всѣ одинаковаго нрава, но разнятся другъ отъ друга, ибо люди вообще бываютъ не на одинъ нравъ. По этой причинѣ одному пріятно то, что другому непріятно. Итакъ, тебѣ надлежитъ изучать всякаго рода мелодіи и инструменты, дабы могли наслаждаться всѣхъ родовъ люди, находящіеся въ твоемъ обществѣ."—„Если ты назначенъ быть государемъ, то берегись всего запретнаго. Не простирай руки на чье либо добро и на чью либо жену. Во всякомъ дѣлѣ, за какое принимаешься, старайся сперва согласовать твое мнѣ-

ніе съ твоимъ разсудкомъ и потомъ уже приступай къ дѣлу. Ни въ какихъ дѣлахъ не будь опрометчивъ; если же наступило время дѣйствовать, то не откладывай дѣла въ дальній срокъ. Соблюдай во всемъ осмотрительность; государь долженъ быть прозорливъ и обдумывать послѣдствія. Щедрость и благодѣяніе должны сдѣлаться для тебя привычкою; однако во всякую пору являйся грознымъ передъ людьми. Беречься запретныхъ вещей, избѣгать опрометчивости и стараться облегчить всякое дѣло, наконецъ говорить правду—эти свойства поддерживаютъ достоинство государя, хотя бы онъ и охмѣлѣлъ отъ вина ослѣпительной лести.“ — „Но какими бы качествами ты одаренъ ни былъ и какимъ бы промысломъ и искусствомъ ни занимался: всегда старайся обдумать исходъ и начало, старайся познать вѣчность и пріобрѣсть славу добродѣтельнаго, такъ чтобы быть въ числѣ изъ лучшихъ людей.“

Въ арабской Испаніи теоретико-педагогическія основныя правила развились одновременно съ философіей. Ибнъ Бадже (ум. 1138) первый отличился тамъ въ философіи. Онъ училъ, что въ человѣческой душѣ находится троякая возможность знанія: прежде всего въ ребенкѣ существуетъ возможность воспринять въ себя чувственныя формы воображенія; чрезъ посредство этихъ формъ человѣкъ достигаетъ потомъ возможности познать формы смысла въ ихъ связи съ формами воображенія, а это служитъ наконецъ основою для познанія чистыхъ формъ (разума) и даетъ возможность пріобрѣтать ихъ.—Глубже всѣхъ вникаетъ въ педагогику Ибнъ Тофаиль, (умершій въ 1190 г. въ Севильѣ), въ своемъ философскомъ романѣ Hai Ebu Jokdhan—„естественный человѣкъ.“ Это сочиненіе,—принятое какъ мугамеданами, такъ и іудеями съ равнымъ удивленіемъ и истолкованное ими, переведенное на еврейскій, нѣсколько разъ на англійскій, а съ послѣдняго также на нѣмецкій языкъ съ гравюрами въ 1782-мъ г. Эйхгорномъ,— имѣетъ своимъ средоточіемъ ту мысль, что человѣкъ, выросшій безъ всякаго сообщества съ другими людьми, и слѣдовательно лишенный обученія положительной религіи, можетъ однако дойти до совершеннаго познанія Бога и природы. Ученія же положительной религіи слывутъ здѣсь лишь приспособленіемъ къ понятіямъ толпы. Ученія закона собственно не отличаются отъ истины но облекаются въ чувственные образы, и придерживаясь наружныхъ обычаевъ и поступковъ, угрожая карами и суля награды, относящіяся къ чувственнымъ и презрѣннымъ благамъ, они имѣютъ въ виду лишь дурныхъ людей, которыхъ невозможно обуздать иначе, оттого что ихъ не вразумишь голой истиной. —Основываясь на этой мысли Ибнъ Тофаиль предполагаетъ воспитать своего естественнаго человѣка. Такимъ представляетъ онъ мальчика, котораго въ чувственной любви родила сестра какого-то царя, заключеннаго въ башнѣ на островѣ

въ Индѣйскомъ Океанѣ. Тотчасъ по рожденіи ребенокъ положенъ былъ въ ящикъ и пущенъ въ морѣ, но волны выбросили его на необитаемый островъ, гдѣ младенца вскормила серна. Живя съ звѣрями и птицами, онъ, побуждаемый голодомъ, развился на столько, что семи лѣтъ съумѣлъ добыть себѣ одѣяніе, и съ этихъ поръ все болѣе развивалъ свои чувства и мысли, пока на трижды семилѣтнемъ возрастѣ путемъ наблюденія надъ организаціей растеній, животныхъ и камней не дошелъ до познанія высшаго существа, погрузившись въ созерцаніе его съ неоплатоническимъ увлеченіемъ.—Итакъ, онъ переходитъ по разнымъ ступенямъ жизни—исподволь, начиная съ низшей степени сознанія, къ высшимъ. Первичныя познанія его примыкаютъ къ чувствамъ: физика—первая развивающаяся въ умѣ его наука. Отъ наблюденія частностей онъ затѣмъ переходитъ къ общему. Форма предметовъ— первое, съ чѣмъ онъ знакомится въ духовномъ мірѣ, ибо формы предметовъ не что иное какъ сущія внутри ихъ силы, ихъ предрасположенія къ извѣстнымъ различнымъ родамъ дѣятельности. Всякое дѣйствіе исходитъ отъ формы, вещество лишь страдательно, и всякое различіе формъ должно быть сведено къ создателю, дѣйствующему во всѣхъ предметахъ. Вслѣдствіе такихъ мыслей для него ясны стали изреченія корана: „Я его слухъ, которымъ онъ слышитъ, и его зрѣніе, которымъ онъ видитъ; не вы ихъ убили, а Богъ; не ты повергъ ихъ долу, а Богъ.“ Однако онъ сомнѣвается еще, существуетъ ли только одинъ или нѣсколько формоздателей. При этомъ онъ размышляетъ о мірозданіи, о свѣтилахъ. Онъ увѣренъ, что чувственный міръ ограниченъ, оттого что ни одно тѣло не можетъ быть безпредѣльнымъ. Онъ размышляетъ о наружномъ видѣ этого міра и находитъ его сферическимъ; онъ обдумываетъ совокупность его и убѣждается, что въ немъ все связано вмѣстѣ. Онъ видитъ движеніе неба и не сомнѣвается, что міръ подобенъ животному. Результатъ всѣхъ его умозрѣній тотъ, что для объясненія единаго, въ тѣлесной формѣ сущаго міра необходимо предположить единаго создателя, который не связанъ съ тѣломъ, да и не отдѣленъ отъ него, который ни въ мірѣ, ни внѣ его, который пребываетъ единымъ, необходимымъ, свободнымъ отъ всякаго несовершенства и постоянно одинъ и тотъ же. И вотъ естественный человѣкъ вездѣ въ цѣлесообразности міра видитъ слѣды духа Божія. Сердце его, отвлеченное отъ низшаго чувственнаго міра, вполнѣ обращается къ высшему умственному. Съ этой поры онъ начинаетъ размышлять о своемъ собственномъ бытіи. Онъ приходитъ къ сознанію, что чувства его не были въ состояніи обнаружить сверхчувственную истину, ибо тѣлесное можетъ и постичь только одно тѣлесное. А воображеніе, способное лишь на то, чтобы представлять намъ чувственные образы, также не въ состояніи по-

знать безтѣлесное. Безъ помощи нашихъ чувственныхъ орудій должны мы, при посредствѣ существа нашего мыслящаго духа, проникнуть въ высшій безтѣлесный міръ, а отсюда слѣдуетъ заключить, что и самое существо это безтѣлесно, и все тѣлесное, что представляется въ насъ, не есть наше истинное существо. Вещество преходяще и ничтожно; освободиться отъ его переворотовъ, какъ освобождены отъ нихъ свѣтила, это самое высокое, чего хочетъ и можетъ достичь естественный человѣкъ: одно лишь тѣло причина различія и розни; но въ нашей простой безплотной постигающей способности — постиженіе, сила постиженія и постигаемое составляютъ одно; въ этомъ мы уподобляемся тѣмъ блаженнымъ свѣтиламъ. Съ этихъ поръ онъ одно лишь самое простое и самое необходимое уступаетъ требованіямъ тѣла. Чувственность и воображеніе въ немъ соуподобляются. Онъ пытается удалить сознаніе всего внѣшняго и достичь созерцанія своего внутренняго существа. Но затѣмъ онъ хочетъ также отрѣшиться самого себя, дабы мысль о совершеннѣйшемъ ничѣмъ не была уже возмущаема. Тутъ лишь внемлетъ онъ вопросу внутри себя: кому же подобаетъ господство? и получаетъ въ отвѣтъ: единому, всемогущему Богу. Погруженный въ это состояніе, онъ видитъ то, чего не зрѣлъ ни одинъ глазъ, не слышало ни одно ухо и что не проникало ни въ одно сердце человѣческое. Онъ не мнитъ уже быть существомъ отличнымъ отъ высшаго существа. Для него все разрѣшается въ Богѣ. Свѣтъ Божій разливается повсюду, онъ различно постигается различными людьми, смотря по ихъ воспріимчивости, но чище всего чистѣйшими; а всетаки это одинъ и тотъ же свѣтъ. Прежде всего онъ созерцаетъ образъ существа Божія, не отличающійся отъ Бога, но и не составляющій съ Нимъ одно; это духъ высшей небесной сферы, равный ему прелестью и красотою. Потомъ далѣе, сквозь всѣ небесныя сферы видитъ онъ размноженіе этого образа въ чистыхъ духахъ, прелестью и красотою равныхъ Богу, остающемуся безъ размноженія, и даже въ подлунной сферѣ въ душахъ людей предстоитъ то же самое явленіе Божіе въ чистыхъ и безсмертныхъ духахъ.—Ибнъ Тофаиль это арабскій Руссо, а его „естественный человѣкъ“ —арабскій „Эмиль.“

2. ДУХОВНО-СХОЛАСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

I. Сущность западной церкви и германскаго государства.

11.

а). Церковь романская.

Римляне, даже и принявъ господство надъ духовнымъ міромъ, сохранили за собою природою отпечатлѣнный въ нихъ характеръ; а именно, безотвѣтное исчезновеніе субъекта въ цѣлой общинѣ, полное подчиненіе единичнаго лица абстрактной государственной цѣли, подчиненіе всего самобытнаго и индивидуальнаго стоящему надо всѣми государству, — все это теперь перенесено лишь на церковь. Выступивъ у Романовъ какъ абстрактная всеобщность, какъ одно замкнутое цѣлое, какъ единая все нивеллирующая сила, церковь представляется единичному лицу абсолютною властью и авторитетомъ, которому всѣ должны покоряться и передъ которымъ всѣ должны умолкнуть. Въ самой церкви этой живъ тотъ же духъ римства: а именно дѣло, подвигъ, практика,—тѣ же принципы, съ которыми Римляне прежде уже подчинили себѣ весь древній міръ. Въ ней поэтому имѣетъ значеніе только то, что относится къ практической жизни и примѣнимо къ практическимъ цѣлямъ. Она отстаиваетъ практически-нравственный духъ и обсуждаетъ и разбираетъ въ этомъ духѣ самые догматы, развивающіеся въ церкви. Оттого-то она примирилась съ принятыми въ Халкидонѣ рѣшеніями касательно естества во Христѣ, такъ какъ они вполнѣ удовлетворяли ея требованьямъ. Оттого-то она въ теоретическихъ воззрѣніяхъ своихъ совершенно отклонилась отъ „теологіи" христіанства, дабы отстоять „антропологію" въ борьбѣ августиніанъ съ пелагіанами по вопросу, какъ относится милосердіе къ свободѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя теоретическія умозрѣнія ея о грѣхѣ, милосердіи и свободѣ свести къ совершенно конкретному предмету и ко вполнѣ конкретной цѣли, „къ воздѣйствію христіанскаго вѣроученія въ самомъ человѣкѣ." Въ ея изслѣдованьяхъ—говоритъ Рюкертъ — дѣло заключалось не въ удовлетвореніи научной потребности, хотя употребля-

лись всѣ средства для рѣшенія вопроса, но въ разрѣшеніи сомнѣній возникавшихъ въ чающей спасенія душѣ. Потому-то церковь и возстала противъ воззрѣній Пелагія, по которымъ человѣкъ сотворенъ съ свободною волею, и каждый, находясь при рожденій въ состояніи Адама, можетъ грѣшить или не грѣшить; напротивъ того, она согласилась съ положеніемъ Августина о совершенной испорченности человѣческаго рода и всемогущаго господства грѣха, такъ какъ пелагіанское заключеніе, что человѣкъ и внѣ церкви можетъ достичь блаженства, „слишкомъ противорѣчило какъ самосознанію церкви, такъ и самоотчужденію единичныхъ лицъ, не дерзавшихъ взять на самихъ себя отвѣтственность за свое спасеніе, и такъ какъ пелагіанскій взглядъ на первобытную доброту человѣческой природы въ эпоху распавшагося и растлѣннаго римства долженъ былъ казаться близорукимъ непониманіемъ истинныхъ состояній человѣчества. Чѣмъ болѣе однако церковь настаивала на августиновскомъ ученіи о несвободѣ воли и первородномъ грѣхѣ, тѣмъ менѣе соглашалась она съ ученіемъ о безусловномъ предопредѣленіи Божіемъ и предназначеніи къ блаженству и вѣчной мукѣ, такъ какъ не могла согласить этого съ своими требованьями. „Строгіе августинцы тщетно указывали на логическую непослѣдовательность такого ученія церкви и упрекали ее въ наклонности къ ереси Пелагія. Церковь для своей практики могла пользоваться лишь этою непослѣдовательностью и отринула ту послѣдовательность какъ гибельную.“ Вслѣдствіе того-же практическаго требованія церковь отступилась отъ науки и особенно отъ философіи, воспользовавшись ею напередъ для утвержденія догматовъ.

Христіанская нравственность въ западной церкви обнаружилась также въ возникавшемъ въ ней монашествѣ. У трезваго и практическаго Запада монашескій бытъ сложился своеобразно; здѣсь монашескому быту удалось придать организацію, какая требовалась въ интересѣ церкви. Но все, что съ разныхъ сторонъ было сдѣлано въ этомъ направленіи, не могло сравниться съ достопамятными заслугами Бенедикта Нурсійскаго. Монашескій уставъ — говоритъ Бауръ—начертанный имъ въ 529-мъ году для основаннаго въ Кампаніи на Монте Кассино аббатства, monasterium Cassinense, былъ сочиненъ такъ цѣлесообразно, что онъ самъ собою долженъ былъ сдѣлаться основою и нормою всякаго другого союза подобнаго рода. Главнымъ преимуществомъ этого устава было то, что вмѣстѣ съ духовными занятіями, съ часами, назначенными для lectio divina, (божественнаго чтенія) и для семи каноническихъ молитвъ, онъ, основываясь на правилѣ, что праздность смертельный врагъ души, вмѣнялъ въ обязанность трудныя полевыя работы. Это преимущество дало ордену возможность рѣшительно

повліять на возрожденіе общественной жизни и показать свѣту, какіе плоды достигаются вслѣдствіе порядка, трудолюбія, повиновенія и подчиненности. Извѣстно также, какія услуги Бенедиктинцы оказали культурѣ вообще, начиная съ низшей степени воздѣлки почвы и до высшей разработки наукъ. Пріучить монаховъ къ разработкѣ послѣднихъ составляетъ заслугу Кассіодора въ Италіи. Благодаря ему монашество, избравшее, какъ казалось, уже при первомъ основателѣ, своимъ девизомъ презрѣніе къ наукѣ, сдѣлалось тѣмъ сословіемъ, черезъ руки котораго важнѣйшія литературныя сокровища древняго міра перешли къ потомству.

Дальнѣйшее развитіе монашества таково, что ошибочно было бы смотрѣть на него исключительно съ аскетической точки зрѣнія, а не какъ на своеобразную форму соціальнаго быта. Учрежденіемъ обоихъ нищенствующихъ орденовъ монашество разбивается на два существенно различныхъ отдѣла. Какъ въ рыцарскихъ орденахъ, этомъ созданіи крестовыхъ походовъ, такъ и въ нищенствующихъ братствахъ проявляется романтика среднихъ вѣковъ въ ея прекраснѣйшемъ свѣтѣ. Въ рыцарскихъ орденахъ смиреніе монаха облеклось въ броню рыцаря; важное значеніе нищенствующихъ орденовъ заключалось въ своеобразности идеи, лежащей въ основѣ ихъ проявленія. А именно въ виду того блеска, которымъ окружило себя папство, въ болѣе глубокихъ и нравственныхъ душахъ пробудилось сознаніе противоположности, въ какой это земное величіе стояло къ первобытной идеѣ христіанства. Идея апостольскаго убожества извратилась совсѣмъ въ другую крайность. Смѣлые замыслы Арнольда Брешіянскаго и игумена Іоахима имѣли конечною цѣлью переворотъ въ церкви; однако они не достигли существенныхъ успѣховъ, такъ какъ эти замыслы созидались на основѣ того же принципа, на который опиралась сама церковь. —Основателями нищенствующихъ орденовъ были святой Францискъ и святой Доминикъ. Святой Францискъ призналъ слова Іисуса (отъ Матѳ. 10, 9.) за возложенное на него Господомъ призваніе. Евангеліе надлежало вновь возвѣстить міру; новые посланники должны были выйти, дабы проповѣдывать царство Божіе и призвать сердца людей къ искупительному покаянію болѣе внушительнымъ образомъ, нежели то дѣлалось духовенствомъ. Святой Францискъ имѣлъ въ виду обновленіе церкви. Убѣжденіе, что церковь нуждается въ новой апостольской дѣятельности, исходило изъ внутренняго порыва возбужденной души его, изъ обрѣтеннаго имъ въ убожествѣ безконечно-блаженнаго довольства,—этой царственной добродѣтели, „благодаря которой носимъ въ себѣ образъ ради насъ принявшаго убожество Сына Божія и убогой Матери Его.“ Совсѣмъ иное дѣло было у святого Доминика. Онъ хотѣлъ предотвратить опасность, грозившую церкви не только отъ вальденсовъ, но и отъ еще бо-

лѣе опасныхъ противниковъ, — каѳаровъ. Полная неудача всѣхъ папскихъ попытокъ обратить еретиковъ навела его на мысль объ орденѣ. Эти еретики укоряли противниковъ своихъ въ пышности, пристрастіи къ роскоши и въ дурныхъ нравахъ; поэтому смиреніе и простота апостольскаго званія должны были отнять у нихъ всякій благовидный предлогъ прикрыть свое жестокосердіе. Итакъ, оба нищенствующіе ордена поставили отреченіе и убожество, полное отчужденіе имущества и собственности первымъ основнымъ правиломъ истинныхъ учениковъ Христовыхъ, съ тѣмъ чтобы въ духѣ апостольскаго призванія дѣйствовать во благо другимъ и возбудить въ мірѣ истинное покаяніе. Но у кроткаго, чувствительнаго Франциска задача эта была дѣломъ задушевнымъ и искреннею заботою сердца, а у холоднаго, трезваго и строгаго Доминика то было выводомъ разсудочнаго умозрѣнія. Согласно съ этимъ францисканцы главную задачу свою видятъ въ практической цѣли воззванія къ покаянію, а доминиканцы—въ борьбѣ со всѣми иномыслящими, въ бдительной охранѣ чистоты ученія. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе ихъ строгаго, сдержаннаго и, вопреки всякому смиренію, даже гордаго обращенія они сдѣлались предтечами іезуитовъ. Успѣхъ обоихъ орденовъ на самомъ дѣлѣ оказался скуднымъ, такъ какъ они все-таки не отважились стать во враждебныя отношенія къ папѣ и іерархіи, а напротивъ, сами были увлечены властями и доведены по немногу до упадка. Въ теченіе времени они преобразились въ орудія, при посредствѣ которыхъ до крайности усилился тяготѣвшій надъ народами гнетъ папскаго владычества. Основная идея отреченія отъ имущества была извращена тѣмъ, что Григорій IX установилъ хитроумное различіе между пользованьемъ и владѣніемъ, и что Иннокентій IV въ 1245-мъ году право собственности на всѣ имущества францисканцевъ присвоилъ прямо папскому престолу. Мало того, самое ученіе, будто Христосъ и апостолы не имѣли ни частнаго, ни общаго имущества, осуждалось какъ противорѣчащее Священному Писанію, и слѣдовательно какъ ересь. Такимъ образомъ въ нравственномъ сознаніи монаховъ убожество и богатство стали вполнѣ индифферентными понятіями, абстрактное различеніе которыхъ не имѣло уже никакого значенія для жизни. Вслѣдствіе такой путаницы понятій вообще рушилась нравственная жизнь въ церкви, и исторія этихъ орденовъ, имѣвшихъ въ виду преобразовать церковь, есть въ то же время исторія паденія самой церкви. Впрочемъ, въ соціальномъ отношеніи ордена оказали значительную услугу. Между тѣмъ какъ съ одной стороны въ монашескихъ орденахъ корпоративный и сословный духъ среднихъ вѣковъ сложился въ новомъ видѣ, въ то же время, съ другой стороны, нищенствующіе ордена имѣли въ виду расширить и прорвать столь тѣсные еще предѣлы обще-

жительности той эпохи. Свободный доступъ, предоставляемый ими каждому, открылъ даже самому простому люду возможность возвыситься и добиться высокаго положенія; благодаря этому они многимъ даровитымъ личностямъ, которыя иначе никогда бы не были въ состояніи развить свои дремлющія силы, открыли поприще дѣятельности, возносившее ихъ даже на высшія ступени, и оказали такимъ образомъ мощное противодѣйствіе аристократическимъ понятіямъ и привилегіямъ. Они окончательно отрѣшились также отъ боязни соприкасаться съ міромъ и придали своимъ орденскимъ правиламъ возможно широкое растяженіе для всѣхъ, желающихъ вступить съ ними хотя бы лишь въ свободную только связь. Такимъ образомъ возникъ орденъ терціаріевъ, въ которомъ мірянинъ, насколько то было возможно для мірянина, уподоблялся монаху. Наконецъ отмѣнили даже обязательность присоединенія къ какому либо ордену, стоящему на существенной основѣ монашескаго обѣта, и такимъ путемъ возникли братства, послужившія переходнымъ звеномъ отъ неволи монашеской и монастырской жизни къ свободѣ мірского быта. Такимъ союзомъ представляется во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія— основанное Нидерландцемъ Герардомъ Грооте и ученикомъ его Флорентиномъ Радевиномъ братство общинной жизни, на заслуги котораго относительно обученія народа и юношества мы укажемъ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изложенія. Тотъ же практическій духъ создалъ уже для западнаго христіанства тѣло, *церковь* — теократію, имѣвшую своимъ средоточіемъ Римъ и управлявшую оттуда душами людей, такъ же какъ древній Римъ господствовалъ надъ тѣлами на земной поверхности,—подражая послѣднему въ пышности и блескѣ, церковь въ папѣ своемъ, въ императорѣ, консулѣ, верховномъ жрецѣ, гадателѣ и авгурѣ христіанства возстановила державную власть древняго Рима, но вмѣстѣ съ тѣмъ она, среди броженія народныхъ переселеній и сумятицъ среднихъ вѣковъ, вела грубыхъ князей и подданныхъ къ законности и порядку и, храня образованіе и воспитаніе, открыла имъ новые пути.

Западная церковь была представительницею дальнѣйшаго развитія въ христіанствѣ.

b). Германство.

Это дальнѣйшее развитіе совершилось въ сущности благодаря обновителямъ западнаго физическаго и психическаго міра, *Германцамъ*. Германство начало съ того, чѣмъ завершилась древняя римская жизнь и обо что сокрушилась она. Свобода особи, безусловное право личности были у Германцевъ самою внутреннею и наиболѣе имъ свойственною жизнью, плотью и кровью,—основанною на характерѣ, который опредѣлялся болѣе размышленіемъ и чувствомъ, нежели фантазіей, и въ основѣ котораго была ско-

рѣе устойчивость, нежели подвижность. Эти люди съ дикими голубыми глазами, рыжими волосами, рослымъ, стройнымъ и всегда готовымъ къ натиску тѣломъ, съ умнымъ и лукавымъ, но при всемъ томъ прямымъ открытымъ духомъ и съ гостепріимствомъ какъ къ сподвижникамъ, такъ и къ чужеземцамъ, въ своей стихійной независимости отстаивали сами себя и выражали и осуществляли свою личность въ обладаніи имуществомъ, въ семьѣ и въ воинскомъ дѣлѣ. Древнѣйшее нѣмецкое политическое устройство было демократико-монархическое. Сначала адалинги составляли привилегированное сословіе, владѣвшее аллодомъ т. е., по праву первородства наслѣдуемымъ имѣніемъ. Сословіе свободныхъ простолюдинъ развилось исподоволь изъ освобожденныхъ литовъ. Изъ адалинговъ образовалось впослѣдствіи высшее, изъ свободныхъ простолюдинъ низшее, а изъ дружинъ, собиравшихся вокругъ знаменитыхъ, храбрыхъ вождей, военное дворянство. Нѣсколько аллодъ въ добровольномъ соединеніи составляли марку или общину, а совмѣстность интересовъ сливала нѣсколько общинъ въ волость (Gau) общественныя дѣла которой разбирались и рѣшались подъ чистымъ небомъ въ собраніи свободныхъ (—причемъ также передовые люди избирались въ герцоги—). Въ общинѣ единичное лицо обладало чувствомъ своей самостоятельности и независимости, и за всякимъ самостоятельнымъ членомъ обезпечивалась та же свобода, цѣнимая такъ высоко, что не только свободный человѣкъ болѣе дорожилъ своею честью, нежели собственною жизнью, но даже и рабы пользовались хорошимъ обращеніемъ. Судилища находились подъ открытымъ небомъ близь освященныхъ деревъ или источника: одни только свободные люди могли быть обвинителями и свидѣтелями, судьи избирались также свободными изъ своей же среды; предсѣдалъ на судѣ графъ; производство совершалось открыто, передъ собравшимся тутъ народомъ; самымъ обиходнымъ доказательствомъ виновности или невиновности была присяга, даваемая на рукояти или на лезвеѣ меча, съ призывомъ имени какого нибудь бога. Въ организаціяхъ Германцевъ вездѣ проявлялась строптивая и гордая самостоятельность, но самостоятельность, умѣвшая также и обуздать себя. Въ дружинѣ знатнѣйшіе мужи, крупные землевладѣльцы въ качествѣ бароновъ, выборные сановники, судьи въ качествѣ графовъ, военачальники въ качествѣ герцоговъ приставали по собственному побужденію къ самому могущественному и доблестному изъ среды своей какъ къ королю: тутъ-то проявлялись преданность и задушевность нѣмецкаго нрава, и безусловное признаніе надъ собой другого служило къ собственному удовлетворенію признавшаго. Однако нельзя отрицать того, что германское стремленіе, осуществить право личности, изъ поконъ вѣка,

способствовало обособленію. Каждый любилъ жить особнякомъ отъ другихъ на своемъ участкѣ, какъ и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и первобытное населеніе Германіи не составляло совокупнаго государства. „Домашняя жизнь всегда оттѣсняла государственную на задній планъ, и лишь одному изъ сыновъ общей матери, Германіи, Англосаксонцу въ Англіи, суждено было развить въ совершенствѣ и ту и другую. Лишь въ наше время метрополія, какъ кажется, хочетъ пойти по стопамъ своей колоніи." Надъ собою Германецъ признавалъ высшее существо, означая его именемъ „Богъ," которому поклонялся онъ въ священномъ трепетѣ и имя котораго дерзалъ произносить лишь въ торжественныхъ случаяхъ; впрочемъ это существо съ его различными свойствами являлось ему въ самостоятельныхъ личностяхъ, такъ что Богъ его преобразился въ боговъ, которымъ поклонялись въ священныхъ дебряхъ и слуги которыхъ, жрецы, совершали жертвоприношенія, прорицали по ржанію, содержимыхъ обществомъ, бѣлыхъ коней и пр. Высшее мѣсто между богами занимаетъ Воданъ (Вуотанъ). Онъ всепроникающій міровой духъ, творческая, все образующая сила, онъ небо, объемлющее землю, солнце, освѣщающее и оплодотворяющее ее. Въ объятіяхъ съ Землею родилъ онъ мощнаго сына, Донара (сѣв. Торъ), громовержца, охраняющаго землю и воздѣлывателей ея и побороающаго враговъ Бога и людей. Фро (сѣв. Фрейръ),—блюститель мира и брака, представляетъ творческую плодящую любовь. Ціо (сѣв. Тиръ)—богъ войны, исполнительная десница отца своего Водана. Пальтаръ (сѣв. Бальдуръ)—мудрый, правдивый и велерѣчивый богъ; о бокъ съ нимъ, въ качествѣ подручника, возсѣдаетъ сынъ его Форазицо, примиритель, предсѣдатель судовъ. Аки (сѣв. Вегиръ)—богъ моря и Воль (сѣв. Уллъръ) богъ охоты. Всѣ эти боги были космическими и нравственными изліяніями всеобъемлющей сущности Водана. Съ развитіемъ многобожія появляются также и женскія божества; является притомъ средняя ступень между богами и людьми,—родъ богатырей. Наконецъ, падкая на вѣру народная поэзія въ естественныхъ силахъ всюду искала точки опоры для богоподобныхъ и духоподобныхъ образовъ. Это одухотвореніе природы придаетъ древнегерманской религіи рѣзко выдащійся пантеистическій пошибъ.—У себя дома каждый свободный Германецъ былъ своимъ собственнымъ жрецомъ, а мать семейства была жрицею. Правда, жена была несамостоятельна, ибо самостоятельнымъ и полноправнымъ членомъ общины могъ быть лишь тотъ, кто исполнялъ всѣ обязанности общинника, однако въ женѣ чтилось нѣчто святое и богоподобное (отсюда вѣщуньи, ворожеи, которыхъ считали святыми и которыхъ опрашивали въ важныхъ предпріятіяхъ), а цѣломудренное чувство народа было для нея залогомъ исконнаго права ея: многоженство не встрѣчалось, бракъ счи-

тался святымъ, прелюбодѣйство было величайшимъ позоромъ,— преступная жена, застигнутая съ любовникомъ на мѣстѣ преступленія безнаказанно убивалась, прелюбодѣйку раздѣвали до нага, лишали волосъ, выгоняли изъ дому и бичуя, прогоняли по всему селу. Отецъ располагалъ рукою своей дочери. Однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій считалось похищеніе женщины. Для вступленія въ бракъ требовалась полная зрѣлость тѣла и души: вообще до 20-ти лѣтняго возраста въ бракъ не вступали. Купля невѣсты, т. е. выкупъ ея изъ родовой опеки и условіе правомѣрнаго вступленія въ родъ и подъ охрану жениха, дѣлаетъ бракъ законнымъ союзомъ. Рогатый скотъ, взнузданный конь, щитъ, вмѣстѣ съ дротикомъ и мечемъ были дарами жениха. А невѣста, съ своей стороны, приносила съ собою приданое, которымъ впрочемъ мужъ не имѣлъ права распоряжаться и которое состояло въ неразрывной связи съ семействомъ жены. Вступивъ въ домъ жениха и сочетавшись бракомъ, жена принимала участіе въ радости и горѣ, въ правѣ и званіи мужа; а въ чемъ отказывалъ ей законъ, того, будучи скорѣе сильна и добродѣтельна, нежели прелестна и нѣжна, она добивалась любовью и благоразуміемъ. Вести хозяйство и распоряжаться въ кухнѣ было главною ея задачею: если при семьѣ имѣлась челядь—помимо свободныхъ были еще оброчные или обязанные слуги (люди, Liten) и лишенные всякихъ правъ рабы (Schalke—холопы),— то она обязана была воздѣлывать пашню, а хозяйкѣ оставалось только руководить. Отецъ семейства считалъ большое число дѣтей великимъ благословеніемъ. Ограничивать число дѣтей или убивать вновь родившихся считалось преступленіемъ, тѣмъ не менѣе однако уродливыхъ дѣтей топили въ болотѣ. Молодое поколѣніе поручалось особому призору матери. Она кормила дѣтей своею грудью, и съ молокомъ уже всасывали они тотъ крѣпкій нравъ, какимъ равно отличались и мальчики и дѣвочки. Дѣти господъ и рабовъ росли вмѣстѣ,—просто и неприхотливо, одѣваясь скудно, вовсе не заботясь даже объ опрятности. Мать имѣла сильное вліяніе особенно на дочерей. Въ трезвомъ, строгомъ и благочестивомъ нравѣ воспитывались онѣ для ихъ естественнаго призванія будущей супруги, домохозяйки и матери и обучались приличнымъ такому званію обязанностямъ и занятіямъ. Знаніе рунъ входило также въ составъ женскаго образованія; женщина вольна была усвоить себѣ таинственное искусство чтенія и письма, тогда какъ мужчинѣ научныя занятія казались бабьимъ дѣломъ: оттого-то наука и искусство и не имѣли почвы подъ собою; все приписывалось непосредственному вмѣшательству неба, и всякія представленія о зарожденіи и гибели видимаго міра были просто исторіею боговъ, а врачебное искусство не шло далѣе симпатій, и цѣлебныя свойства растеній приписывались заговорамъ, ка-

кими сопровождалось ихъ употребленіе. Знатные родители съ семилѣтняго возраста отдавали дѣтей своихъ на воспитаніе родственникамъ или друзьямъ: на сѣверѣ сыновей поручали обыкновенно братьямъ матерей ихъ. Какъ у Эллиновъ въ богатырскую эпоху, такъ и у древнихъ Германцевъ образовательными средствами служили гимнастика и музыка. Однако музоугодныя занятія отступали передъ гимнастическими на заднiй планъ и изъ двѣнадцати сыновей Ярла одинъ лишь младшій, Канръ знаетъ таинственныя науки.

Подросталъ
Ярлъ въ хоромахъ.
Онъ учился липовымъ щитомъ владѣть,
Тетивы налагать,
Лукъ натягивать,
Стрѣлы отачивать,
Изъ самопаловъ стрѣлять,
Копья метать
И коней объѣзжать;
Псовъ на слѣдъ наводить;
Биться на мечахъ;
Плавать.
Подростали
Сыновья Ярла:
Они укрощали коней,
Гнули щиты,
Точили оружіе
И метали копья.
Но младшій Канръ,
Тотъ разумѣлъ руны,
Вѣковѣчныя руны,
Искони завѣщанныя руны.
Потомъ умѣлъ онъ еще людямъ помогать,
Притуплять мечи острые,
Смирять бурное море.
Птичью пѣнію
Гораздъ онъ былъ,
Умѣлъ пламя тушить
И душу успокоивать,
Отъ заботъ избавлять;
Въ немъ была крѣпость и мощь
Осьми мужей.

Когда отрокъ выростетъ, то на народномъ сходѣ объявляли его способнымъ носить оружіе, т. е. совершеннолѣтнимъ. Съ этихъ поръ, въ теченіе всей жизни носилъ онъ при себѣ оружіе: дротикъ для нападенія, большой щитъ для обороны,—таковъ въ бою Германецъ, почти голый, большею частью пѣшій, но также иногда и конный; а въ тылу боеваго его строя собирались жены и дѣти, съ тѣмъ чтобы побуждать къ стойкости и воспламенять къ побѣдѣ. Война, охота, народная сходка и судъ—вотъ поприще, на которомъ подвизался мужъ; а если тамъ нечего было дѣлать, — онъ сидѣлъ

у очага въ своемъ домѣ изъ дерева и глины, ѣлъ плоды, сыръ, дичь, мясо отъ стадъ своихъ, хлѣбъ отъ полей, пилъ пиво, медъ и вино, часто безъ мѣры до глубокой ночи, или игралъ, и притомъ съ такою страстью, что проигрывалъ все имущество, и даже личную свободу. — Вотъ слѣдствіе до крайнихъ предѣловъ доведеннаго германскаго духа свободы,—утратить свободу только изъ-за свободной воли своей.—Съ перваго появленія своего германство пыталось осуществить въ исторіи принципъ свободнаго самоопредѣленія особи; установивъ и проводя этотъ принципъ въ его зародышѣ и въ первыхъ отпрыскахъ, древніе Германцы, хотя и варвары, занимали съ нимъ все таки высшую ступень въ совокупномъ развитіи человѣчества, нежели тѣ принципы, на которыхъ и по которымъ развивался античный міръ. Оттого-то, когда римскій народъ сошелъ съ поприща, эти первобытные люди, которыхъ Тацитъ называетъ „чистымъ, неиспорченнымъ, лишь на самого себя похожимъ племенемъ“ (propriam et sinceram et tantum sui similem gentem), призваны были сдѣлаться носителями всемірной исторіи.

Благодаря началу свободнаго самоопредѣленія, Германцы оказались не только способными принять христіанство, но также со временемъ проявить его и въ обновленномъ видѣ. Они оказались способными къ такому воспринятію особенно въ ту эпоху, когда дошли до противорѣчія съ самими собою, когда, вслѣдствіе борьбы съ Римлянами, рушилось прежнее племенное и родовое сознаніе, исчезъ простой складъ и бытъ семьи и, вмѣсто восхваляемой Тацитомъ добродѣтели, наступили коварство, измѣна и вѣроломство. Когда душами, лишенными самостоятельности прежней жизни, овладѣла внутренняя пустота, тогда въ принципѣ христіанства представился имъ ихъ собственный первобытный принципъ, но во всей его безусловности. Принципъ христіанства соотвѣтствовалъ германству: богоподобіе, мысль, что субъектъ содержитъ въ себѣ безконечное значеніе и сознаетъ и осуществляетъ вѣчное начало какъ свою собственную суть.

c). Іерархія и феодольная система.

Римская іерархія и германская феодальная система опредѣляютъ собой характеръ такъ называемаго средневѣковья.

Въ формѣ *іерархіи* осуществляется надземное содержаніе христіанской вѣры въ видѣ внѣшней всемірной власти и такого же авторитета надъ дѣйствіями особей и народовъ, которымъ предстояло еще воспитаться въ христіанствѣ. Іерархія — это великая школа, а папа — главный учитель въ средневѣковомъ мірѣ: это ея вѣчное значеніе въ ходѣ исторіи. Она представляла собою небесное на землѣ— расчлененное внутри своими отличіями (низшее духовенство, епископы и капитулы, архіепископы, папа), и образовала отдѣльную касту, которая, превышая всѣ остальныя

сословія, обладала исключительнымъ правомъ быть посредницей въ отношеніяхъ между Богомъ и человѣкомъ, объяснять и преподавать ученіе церкви и въ исповѣди привлекать къ своему суду всѣ поступки людей. Средоточіемъ этого духовнаго царства былъ Римъ, а въ немъ папа—іерархическимъ и въ дѣйствительности также духовнымъ главою всѣхъ христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка. Онъ имѣлъ—какъ то приписывалось ему исидоровыми декреталіями—исключительное судейское право надъ всѣми епископами и былъ высшимъ законодателемъ церкви, созывавшимъ сѵноды, назначавшимъ епископовъ и учреждавшимъ епископства. Онъ былъ представителемъ всеобщаго начала средневѣковья, —церкви, слугою которой былъ священникъ (точно также всеобщая личность), не прикрѣпленный къ землѣ, стоящій лишь въ связи съ Римомъ и всюду въ средоточіи церкви, не зависящій ни отъ какого ремесла или промысла и не связанный ни какою частною собственностью. А сверхъ того еще многочисленная, строго дисциплинованная, къ безусловному повиновенію обязанная армія монаховъ. Такимъ образомъ папа былъ сильнѣйшимъ властелиномъ въ средневѣковомъ мірѣ. „Эти старцы св. Петра, хотя слабые и безоружные подчиняли себѣ однако и смѣняли воинственныхъ царей, и въ гнѣвѣ своемъ заставляли ихъ стоять у себя передъ дверьми босыми и въ одеждѣ убогихъ грѣшниковъ, а въ благоволеніи своемъ позволяли имъ прислуживать себѣ за столомъ или держать стремя, когда садились на лошадь. Они возвышались изъ мрака низшаго званія, не какъ рожденные въ порфирѣ цари; напротивъ, многіе изъ нихъ родились въ убожествѣ и низкой долѣ, а все таки наслѣдственные государи цѣловали имъ ноги и назывались васаллами ихъ милости. Наканунѣ еще незнаемые и безъимянные, они заутра уже правили браздами всемірной исторіи и рѣшали движеніе народныхъ судебъ. Слово ихъ было міровымъ закономъ. Словомъ однимъ наводили они отчаянье и мертвую тишину на цѣлыя племена и распространяли по цѣлымъ краямъ. пустынность кладбища. Они вольны были объявлять войну и миръ, основывать и разрушать царства; они дарили земли и моря, даже вовсе не принадлежавшія имъ, и не обладая сами ничѣмъ, заготовь раздавали царямъ поморья, имѣющія открыться позже, какъ будто наша земля была ихъ собственностью. Они предписывали застой человѣческой мысли, или позволяли ей двигаться лишь настолько, насколько имъ самимъ заблагоразсудится. Они господствовали надъ душевнымъ строемъ міра. Власть ихъ заключалась лишь въ вѣрѣ и суевѣріи. Они въ царствѣ духовъ управляли волшебнымъ жезломъ воображенія. Все существо ихъ было какъ бы сагою, все царство ихъ, хотя дѣйствительное и могущественное, какимъ-то землю и небо сочетавшимъ вымысломъ.“

Въ этомъ царствѣ, основою которому служили самыя разнородныя племенныя индивидуальности, господствовалъ одинъ языкъ,—латинскій; онъ былъ „посредникомъ и всеобщимъ признакомъ вѣры, языкомъ церкви и потому выраженіемъ всего субъективнаго и всего задушевнаго, подобно тому какъ и прежде уже онъ былъ тѣмъ же для всего объективнаго и всего внѣшняго, для права и закона;" господство его было такъ тѣсно связано съ господствомъ церкви, что съ однимъ возвысилось и другое, съ однимъ пало вмѣстѣ и другое. Согласно съ этимъ предначертаны были также науки, долженствовавшія образовать средоточіе въ преподаваніи. Такимъ средоточіемъ были христіанская вѣра и латинскій языкъ, и между тѣмъ какъ усвоеніе первой, по крайней мѣрѣ въ общихъ формулахъ ея, требовалось ото всѣхъ называвшихся христіанами, въ то же время послѣдній должны были изучать вездѣ, и главнѣйше тѣ, которые покушались хотя бы даже сколько-нибудь подняться надъ народною толпою, тогда какъ ученое преподаваніе всецѣло сосредоточивалось въ немъ.—Этимъ преподаваніемъ какъ латинскаго языка, такъ и религіи руководила іерархія. Такимъ образомъ заявлялось, что индивидуальный человѣкъ, весь поглащаемый іерархіей не можетъ и не долженъ быть уважаемъ и терпимъ, и поэтому не могутъ быть признаваемы ни классическая литература древности, изучая которую особь собственнымъ усиліемъ погружается въ минувшую для нея эпоху, ни критика, въ которой субъектъ возстаетъ противъ насилующаго авторитета. Церковь была обладательницею наукъ и удѣляла учебнымъ заведеніямъ отъ своей духовной собственности что̀ и сколько ей заблагоразсудится. Когда же индивидуальность вступила въ свои права, и индивидуальная мощь стала подвизаться въ древнихъ классикахъ, то іерархія, а съ нею и монастырская премудрость, духовная дисциплина и цеховая университетская схоластика тотчасъ склонились къ упадку. Въ противность церкви и ея іерархіи, и въ то же время въ связи съ нею, сложились элементы германской духовной жизни въ феодальную систему, въ которой сокрушенъ былъ произволъ единичнаго лица и развилась истинная индивидуальная свобода благодаря тому, что индивидуальное своеволіе обуздалось повиновеніемъ, вѣрностью и службою общему благу. Феодализмъ создался на коренныхъ свойствахъ германскаго духа: въ немъ взаимно проникались честь и преданность, милость и вѣрность, служеніе и вольность. Въ феодализмѣ заявляли свои права частныя особенности, и всеобщее преуспѣвало, благодаря интересамъ и сочувствію отдѣльныхъ личностей. Феодальныя условія вытекли изъ различія германскихъ сословій. Всѣ державы послѣ переселенія народовъ возникли путемъ завоеваній, и завоеванныя земли дѣлились завоевателемъ между побѣдителями и побѣжденны-

ми: прежніе владѣльцы получали одну часть своего владѣнія за оброкъ и извѣстныя повинности, остальное же дѣлилось побѣдителемъ между его дружинниками (васаллами) въ качествѣ свободнаго надѣла (аллода), но не въ качествѣ собственности, а лишь какъ-бы ссуднаго имущества (лена, feudum), за что послѣдніе присягали въ вѣрности своему вождю. Итакъ, всякое владѣніе исходило отъ государя, и всѣ подданные были его ленниками. Однако, по праву завоеванія онъ удерживалъ за собою еще особенный удѣлъ, который и раздавалъ вѣрнымъ слугамъ въ пожизненное пользованіе, съ тѣмъ чтобы тѣснѣе привязать ихъ къ своему лицу; а крупные землевладѣльцы, въ свою очередь, передавали часть своего аллода или своего лена болѣе мелкимъ людямъ въ качествѣ подлена, такъ что образовался цѣлый кругъ ленныхъ владѣльцевъ и ленниковъ.—Феодализмъ былъ правомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіемъ однѣхъ единичныхъ личностей относительно къ другимъ, такимъ наборомъ частныхъ особенностей, который надо было пріурочить къ церкви, какъ единому всеобщему.

Это сліяніе въ одно, состоящее въ искорененіи германскаго произвола и въ превращеніи наружнаго, многообъемлющаго значенія церкви въ полномѣрную нравственную свободу единичнаго лица, достигалось въ борьбѣ императоровъ съ папами, въ развитіи всего средневѣковаго міра. Церковь и государство созидались другъ надъ другомъ и другъ въ другѣ: графство расчленялось на волости, епископства—на архидіаконаты; волость дѣлилась на сотни, а архидіаконатъ распредѣлялся на деканства; государство было римско-католическое, церковь вмѣстѣ съ ленною системою усвоила себѣ германскія учрежденія. Въ духовной жизни гимнастико-воинственный элементъ отступилъ на задній планъ, музоугодное, научное пріобрѣло болѣе высокое значеніе. Даже способы образованія Германцевъ, вслѣдствіе вліянія церкви, получили совсѣмъ другой видъ. Тайныя науки отвергались какъ безбожное колдовство. Одно лишь искусство пѣнія, какъ менѣе опасное, было заимствовано изъ области руническихъ знаній въ его первобытно-риѳмованномъ видѣ; но такъ какъ духовенство не очень-то благоволило къ нему, то въ Германіи оно долгое время не входило въ составъ образованія знати; и лишь позже, когда выработалось болѣе легкое силлабическое стихосложеніе, оно и тутъ также вновь удостоилось того вниманія, какимъ въ прежнее время пользовалось уже въ Испаніи и южной Франціи и котораго, съ извѣстныхъ поръ, лишилось у южно-германскихъ племенъ. Прежнія знанія замѣнены были такъ называемыми artes liberales, но не исключительно для знатныхъ, а преимущественно для духовенства. Впрочемъ все это образованіе, точно такъ же какъ и облеченныя въ романскую одежду перешедшія по преданію идеи христіанства остались чуждымъ

матеріаломъ для германскаго міра, пассивно господствовавшимъ надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не претворилъ тотъ матеріалъ въ свою собственную первобытную сущность; пока ему не удалось выработать послѣдній изъ глубины собственнаго чувства.

До тѣхъ поръ германскій міръ и не былъ еще самимъ собою. Неспособный еще постичь Бога въ своей собственной груди и низвести небо на землю,—не дозрѣвши еще до того, чтобы въ самомъ себѣ собственнымъ внутреннимъ подвигомъ добиться примиренія, онъ жилъ въ прошедшемъ и будущемъ: въ прошедшемъ, поражаясь и восторгаясь чудесами и тайнами его, а въ будущемъ, изукрашая царство небесное со всѣмъ пыломъ воображенія, какъ конечную цѣль своихъ желаній. Воспоминаніе и надежда овладѣли всѣми думами и чувствами человѣка и сообщили его духовнымъ произведеніямъ тотъ своеобразный характеръ, который означается именемъ романтизма, представшаго въ противоположность ясности, спокойствію и мѣрѣ у древнихъ Римлянъ и Грековъ, въ видѣ движенія, таинственнаго мистико-символическаго элемента и замѣнившаго чувственно-объективную жизнь, эту выдающуюся черту античнаго міра, духовною субъективностью, въ которой должно было осуществиться сверхчувственное. Средневѣковье было стремленіемъ къ сліянію романства и германства: но оно путемъ органическимъ не достигло этого слiянія, и отсюда все аллегорическое и символическое, обильное многообразіе вмѣсто античной величавой простоты:—отсюда романтизмъ, названный такъ потому, что противоположность къ классическому яснѣе всего проявляется въ романахъ и романсахъ. Самый романтизмъ распадается на два различные періода развитія, смотря по тому, преобладаетъ ли въ немъ романскій или германскій элементъ. Въ періодъ схоластико-духовнаго воспитанія романство преобладаетъ надъ германствомъ, всеобщее надъ единичнымъ и индивидуальнымъ: этотъ періодъ можно назвать Востокомъ христіанской исторіи. Характеръ этотъ обнаруживается во всѣхъ отросляхъ физической и психической жизни. Романское римско-германское духовное образованіе проявляется и въ искусствѣ. Поэзія избрала своимъ предметомъ исторію христіанства и разработывала ее. Въ зодчествѣ преобладалъ романскій стиль, первообразомъ котораго осталась римско-христіанская базилика, къ которой присоединился отличающійся своимъ пристрастіемъ къ формѣ купола византійскій элементъ, а сверхъ того замѣтны вліяніе магометанскаго стиля и намеки на позднѣйшую германскую архитектонику. Живопись также служила церкви: она обнаружилась болѣе всего въ видѣ миніатюрной живописи въ рукописяхъ, въ видѣ живописи на стѣнахъ, доскѣ и стеклѣ. Воспитаніе и преподаваніе также отличались преобладавшимъ романскимъ характеромъ. Воспитаніе состояло въ наружной дрессировкѣ и потому не могло предохранить

внутреннюю жизнь отъ распущенности; прелюбодѣйство и развратъ были дѣломъ обыденнымъ въ средѣ духовенства, и сношеніе съ женщиной отнюдь не вмѣнялось ему въ преступленіе, лишь бы все это ограничилось „однѣми ласками", и лишь бы духовенство, присягало епископу и папѣ въ слѣпомъ повиновеніи. Преподаваніе обнимало три культурныя начала: національное, романское (церковное) и античное. Но между тѣмъ какъ національное проявлялось въ однѣхъ лишь легендахъ, а церковное находилось въ рукахъ самой церкви, обучавшей дитя чтенію и дававшей ему для чтенія то, что ей заблагоразсудится,—Отче нашъ, сѵмволъ католической вѣры и псалмы,—въ то же время представителями классическаго начала были въ сущности монастырскія, соборныя и каноническія школы, при которыхъ находились также и книгохранилища—библіотеки, гдѣ книги, прикрѣпленныя часто цѣпями, лежали на пультахъ, подобныхъ нашимъ аналоямъ.

II. ДУХОВНО-СХОЛАСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНІЕ.

А. ПРЕПОДАВАНІЕ.

12.

Учебныя заведенія въ духовно-схоластическій періодъ воспитанія.

Школы, какія могли развиться на романтической почвѣ римской іерархіи и германскаго феодальнаго государства, были церковными учрежденіями,—школы монастырскія, такія же какъ соборныя и каноническія, но не лучше ихъ, а вмѣстѣ съ ними и приходскія.

1. Приходскія и общинныя школы лишены были истинной основы въ духовно-схоластическую эпоху. Въ народѣ еще не пробудилась охота къ знаніямъ. Папы впрочемъ уже рано при церквахъ установили также приходскія школы, и если въ нѣкоторыхъ приходахъ не доставало учителей науки, то, по четвертому постановленію Льва, нигдѣ по крайней мѣрѣ не должно быть недостатка въ учителяхъ Священнаго Писанія и въ наставникахъ церковной службы: ибо, сказалъ онъ, какъ же можетъ кто-либо съ пользою участвовать въ богослуженіи, если не подготовленъ къ тому надлежащимъ преподаваніемъ. Во Франціи епископъ Теодульфъ Орлеанскій приказалъ священникамъ со всѣмъ рвеніемъ обучать мальчиковъ безплатно. Карлъ Великій постановилъ, чтобы юношество обучали чтенію, пѣнію, счету,

немного грамматикѣ и письму. А Майнцскій соборъ въ первой половинѣ IX-го столѣтія опредѣлилъ, дабы дѣти поручаемы были либо монастырскимъ, либо приходскимъ школамъ, съ тѣмъ чтобы они заучили по малой мѣрѣ символъ вѣры и Отче нашъ на своемъ родномъ языкѣ. Однако послѣ Карла Великаго народныя школы, вслѣдствіе войнъ, варварскихъ набѣговъ и пр., не отличались особеннымъ развитіемъ и процвѣтаніемъ. Притомъ же центръ тяготѣнія эпохи находился ни въ народныхъ школахъ, ни въ образованіи народа, а въ воспитаніи духовенства, обучавшагося въ монастырскихъ и соборныхъ школахъ.

2. Монастырскія школы. Бенедиктъ Нурсійскій (480—543) создалъ братство анахоретовъ, въ видѣ небольшихъ товариществъ, разбросанныхъ „сперва островками въ уединеніи горъ, а потомъ также и замкнутыхъ городахъ. „Бенедикта—говоритъ Грегоровіусъ—воодушевляла мысль осуществить въ практическихъ школахъ христіанскія начала повиновенія нравственному закону, смиренія, самоотверженной любви, самосозерцанія, внутренней свободы и наконецъ общиннаго имущества. Такъ образовалась республика убогихъ и самоотверженныхъ людей, проводившихъ впрочемъ время не въ лѣнивомъ созерцаніи, обязанныхъ напротивъ трудиться по соціальному принципу раздѣленія труда и сдѣлавшихся поэтому, какъ уже упомянуто, учителями земледѣлія, ремеслъ и наукъ во многихъ странахъ Запада:—этотъ орденъ имѣлъ въ теченіе 15 столѣтій 4,000 епископовъ, 1,600 архіепископовъ, 200 кардиналовъ, 24 папы, 15,700 писателей и, передъ французской революціей, до 37,000 зданій. Христіанское братство и христіанская любовь хотѣли здѣсь открыть поприще дарованію и для того двери отворены были настежъ убожеству и богатству, дворянству и недворянству, свободѣ и рабству, ученымъ и неучамъ, духовнымъ и міррянамъ. Установленная закономъ педагогическая жизнь, постоянное заключеніе въ монастырѣ, совмѣстная жизнь безъ всякой личной собственности, отреченіе, убожество и цѣломудріе, безусловное повиновеніе начальникамъ, непрерывныя занятія, чередующіяся между молебствіемъ, полезнымъ рукодѣльемъ и чтеніемъ назидательныхъ книгъ: таковы были основы, на которыхъ созидался орденъ. Глава его, называемый аббатомъ или отцомъ, обязанъ былъ, какъ намѣстникъ Христа въ монастырѣ, словомъ и дѣломъ служить образцомъ для своихъ подчиненныхъ, которые должны были повиноваться его распоряженіямъ, хотя бы послѣднія даже и казались имъ неправильными, и которымъ своими долу опущенными взорами и наклоненною головою надлежало заявлять, какъ сильно подавлены они бременемъ своей грѣховности. Смиреніе было главнымъ условіемъ жизни: кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ; а кто унижаетъ себя, тотъ возвысится. Совмѣстная жизнь монаховъ была распредѣлена до мелочей. Еже-

дневно отъ 6 до 7 часовъ проводилось въ работѣ. Начиная со Святой и до Михайлова дня назначалось по два часа въ сутки для чтенія; сверхъ того дозволялось послѣ обѣда употреблять нѣкоторое время на чтеніе или спокойное созерцаніе; остальное время посвящалось ручной работѣ. Въ посты назначено было по три часа въ день на чтеніе: тогда книги изъ библіотеки перечитывались всѣ сплошь и рядомъ. Сверхъ того воскресные дни преимущественно посвящались изученію, „ибо кто хочетъ достичь высокой степени въ мудрости и добродѣтели, тотъ помимо Священнаго Писанія долженъ еще усвоить себѣ книги святыхъ каѳолическихъ отцовъ, а именно ихъ бесѣды и жизнеописанія, и особенно правила святаго Василія."

Дабы достичь предначертанной цѣли, pueri oblati или Богу посвященныя дѣти воспитывались въ отечески строгой дисциплинѣ. Уклоненія отъ точности и порядка, какъ напр. ошибки въ пѣніи и чтеніи, шалость, лѣнь, нерадѣніе наказывались розгами, а тяжкіе проступки бичеваньемъ; и такая дисциплина примѣнялась безразлично къ дѣтямъ какъ знатныхъ, такъ и бѣдныхъ родителей, начиная съ пяти или семилѣтняго (—въ эти лѣта они принимались—) и до пятнадцатилѣтняго возраста. Въ преподаваніи обращалось вниманіе на классическую, особенно на римскую древность, и вообще въ монастырѣ ее дѣятельно поощряли. Латынь была не только исключительно учебнымъ, но также почти единственнымъ разговорнымъ языкомъ; къ этому примыкало чтеніе классическихъ писателей и поэтовъ; чтеніе поэтовъ вело къ сочиненію стиховъ; обучались также реторикѣ и діалектикѣ; сверхъ того занимались еще ариѳметикой, геометріей и межеваніемъ, астрономіей, географіей, естествовѣдѣніемъ и медициной; съ особенною ревностью изучали исторію, и, благодаря своимъ лѣтописямъ и хроникамъ, біографіямъ и некрологіямъ, Бенедиктинцы сдѣлались отцами исторіи для христіанскаго Запада. Но такъ какъ въ цвѣтущую пору Бенедектинскаго ордена теологія была почти единственною наукою, то важнѣйшею книгою при обученіи было все-таки Священное Писаніе: изъ отдѣловъ его, вообще распѣваемыхъ каждую недѣлю, первое мѣсто занимали псалмы. Итакъ самыми общими и главными предметами обученія были: чтеніе, письмо и псалмопѣвство.

Воспитаніе святого Бенедикта первоначально имѣло въ виду однихъ лишь pueri oblati. Но такъ какъ въ то время крайне нуждались въ школахъ, такъ какъ Бенедектинскіе монастыри, уединяясь отъ свѣта, болѣе всего отвѣчали требованіямъ эпохи, отвлекать умы отъ внѣшняго и вести ихъ къ развитію внутренняго міра, и такъ какъ орденъ при всемъ своемъ отчужденіи отъ свѣта все-таки поддерживалъ съ нимъ связь,—то другіе Римляне знатнаго рода вскорѣ также стали поручать Бенедектинцамъ воспитаніе своихъ сыновей; кня-

жескія дѣти и сыновья дворянъ, свободные и дѣти крѣпостныхъ, свѣтскіе клирики и будущіе государственные люди поступали въ школы ордена; слава его возросла до того, что нашлись вынужденными для учениковъ, нежелавшихъ посвятить себя монашескому званію, устроить особые классы, вѣроятно также назначить особые учебные предметы (—scholae interiores и exteriores—).

Преподаваніемъ самыхъ элементарныхъ предметовъ въ Бенедиктинскихъ монастыряхъ руководилъ простой монахъ или схоластикъ; въ большихъ монастыряхъ и для высшихъ предметовъ назначались ученые монахи — magistri, подъ вѣдѣніемъ которыхъ въ свою очередь преподавали еще другіе—seniores. Часто издалека призывались учителя устроить школу или руководить ею; тогда какъ иные отправлялись изъ одного монастыря въ другой, съ цѣлью ознакомиться съ тамошними школьными учрежденіями.

Педагогическимъ идеаломъ Бенедиктинскаго ордена было воспитать къ богоугодной жизни. Бенедиктъ образовалъ школу повиновенія и добродѣтели, школу на служеніе Господу, въ которой слѣдовало отъ лѣни неповиновенія Богу обратиться къ дѣятельности повиновенія, пріучиться къ строжайшему подчиненію Божьимъ велѣньямъ, отречься отъ собственной воли и служить Христу. Благодаря трудолюбію монаховъ, монастырскимъ библіотекамъ, научнымъ занятіямъ, заведенію монастырскихъ школъ и т. д., орденъ сдѣлался институтомъ, значенія котораго основатель и не чаялъ даже сначала, — однимъ изъ важнѣйшихъ культурно-историческихъ факторовъ въ исторіи образованія европейскаго человѣчества; а Бенедиктинскіе монастыри явились „защитами противъ насилія и злодѣяній, пріютами для беззащитныхъ и гонимыхъ, мирными убѣжищами и образцовыми школами христіанскаго благочестія и добродѣтели, миссіонерскими жилищами и станціями при обращеніи народовъ, хранилищами наукъ, архивами литературы, школами для юношества, университетами для ученыхъ, канцеляріями для державцевъ, духовными семинаріями для церкви, образцовыми заведеніями для земледѣлія и ремеслъ, художественными училищами для пѣнія и музыки, для зодчества и ваянія“.

Въ женскихъ монастыряхъ святого Бенедикта вмѣстѣ съ молитвами и церковною службою также занимались, хотя и не съ такою правильностью какъ въ мужскихъ, обученіемъ, и въ особенности дѣвочекъ. Монастырь въ Бишофсгеймѣ, первый женскій монастырь во Франконіи, былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ учебныхъ заведеній въ этомъ родѣ и „настоящею семинаріею для образованія наставницъ.“ Мальчики также обучались въ женскихъ монастыряхъ и пріобрѣтали тамъ первыя начала элементарныхъ знаній,

такъ между прочимъ Руанскій архіепископъ Морицъ въ дѣтствѣ содержался, а вѣроятно сперва и обучался въ женскомъ монастырѣ въ Труа; точно также и Пасхазій Радбертъ сначала обучался и воспитывался въ монастырѣ Божьей Матери въ Соассонѣ. „Итакъ, женскіе монастыри исполняли обязанности элементарныхъ школъ и непосредственно примыкали къ домашнему воспитанію, которое предоставлялось попреимуществу матери; тогда какъ монашескія школы приготовляли обыкновенно вступившаго въ отроческій возрастъ мальчика для высшаго образованія; впрочемъ бывали примѣры, что малолѣтнія дѣти уже поручались мужскимъ монастырямъ.“

Съ наступленіемъ двѣнадцатаго столѣтія значеніе Бенедиктинскаго ордена утратилось. Принятая имъ на себя задача, передать древнія классическія и христіанскія учебныя сокровища новымъ христіанскимъ, романо-германскимъ народамъ, была исполнена. Орденъ палъ вслѣдствіе пышности, тщеславія и лѣни богатыхъ и аристократическихъ настоятелей, вслѣдствіе духа времени, новыхъ факторовъ въ искусствѣ и наукѣ, и вслѣдствіе также новыхъ орденовъ, возникшихъ по требованію и желанію обогатившихся и пообразовашихся въ крестовые походы городовъ имѣть проповѣди и школьное обученіе на народномъ языкѣ, вмѣсто латинскаго. *Доминиканцы* и *францисканцы* возникли въ XIII-мъ столѣтіи какъ отпрыски стараго корня, далеко превзошедшіе всѣ доселѣ бывшія явленія монашества; они широко раскинулись, основываясь на трехъ обѣтахъ монашества, безъ заботы о землевладѣніи; они создали великихъ преподавателей при университетахъ, церквахъ и школахъ, доставили сверхъ того—особенно францисканцы—бóльшую часть учебниковъ и руководствъ, также учителей въ города, гдѣ не было никакихъ фундушей, ни каѳедральныхъ соборовъ. Ихъ стремленія были направлены на массу народа: „они вращались большею частью въ сферѣ лишенныхъ образованія народныхъ представленій; въ ихъ учебной дѣятельности чувственная фантазія преобладала надъ мыслью.“ У нихъ были свои школы для воспитанниковъ ордена (scholae claustri) и потомъ scholae canonicae, доступныя для всѣхъ. Но въ своемъ преподаваніи они также не выходили изъ предѣловъ схоластико-духовнаго метода. Отче нашъ, символъ вѣры, молитвы, церковное пѣніе и латынь—были предметами обученія въ большей части ихъ школъ, и въ нѣкоторыхъ лишь мѣстахъ они помимо того передавали своимъ ученикамъ artes logicales и naturales, т. е. бывшую тогда въ ходу схоластическую философію. Форма преподаванія ихъ состояла въ упражненіи памяти. Они никогда не достигали такихъ многочисленныхъ и крупныхъ успѣховъ, какъ Бенедектинскія школы въ цвѣтущую ихъ пору; но такъ какъ они строили свои монастыри не въ-дали отъ городовъ, а обыкновенно посреди нихъ, и потому посѣщеніе ихъ школъ не

было сопряжено съ столь большими неудобствами и опасностями, — притомъ также вслѣдствіе ихъ новыхъ учебныхъ руководствъ (—учебникъ Александра изъ Долы—), излагавшихъ обычный доселѣ учебный матеріалъ въ лучшей и болѣе удобной формѣ,—ихъ все-таки предпочитали Бенедектинскимъ школамъ. Стремленіе ихъ шло болѣе въ ширь, нежели въ глубь. Изъ ихъ практики возникли также scholares vagantes и mendicantes [1]), бродячіе пѣвцы и пѣвческіе хоры со всею ихъ грубостью, система классовъ, инвеститура per ferulam et baculum [2]), монашеская латынь, правила, изложенныя въ стихахъ и пр. Они составляли постоянную армію папской іерархіи,—особенно доминиканцы были ревностными инквизиторами, и потому вездѣ, гдѣ господствовала болѣе свободная, научная жизнь, являлись они открытыми врагами философіи; францисканцы, напротивъ, подрывали зданіе іерархіи, обучая вездѣ и распространяя такимъ путемъ образованіе даже въ низшихъ слояхъ народа; какъ бы представители демократическаго принципа въ церкви, они посвятили себя всеобщимъ интересамъ ума и утвердили даже вопреки себѣ самимъ право отдѣльныхъ бытовыхъ кружковъ и особей.

3. *Соборныя и фундушевыя школы.* Между тѣмъ какъ въ половинѣ осьмого столѣтія регуляры или монахи Бенедиктинскаго ордена заслужили уваженіе за строгія свои правила; въ то же время приходскіе священники (parochi), въ качествѣ seculares или мірскихъ духовныхъ лицъ, ославили себя какъ грубостью и невѣжествомъ, такъ и безпутною жизнью (—они проводили досуги свои на охотѣ, въ пьянствѣ, игрѣ и любовныхъ похожденіяхъ—). Это побудило *Хродеганга*, епископа Метцскаго съ 742-го и до 766-го г., собрать принадлежавшихъ къ его каѳедральной или соборной церкви священниковъ для монастырской уединенной жизни и для обученія юношества по измѣненному Бенедиктову уставу (canon). Слѣдовавшіе этому общему уставу или канону священники (каноники) жили вмѣстѣ какъ въ монастырѣ, занимались сообща работами и оказывали другъ другу (—младшіе старшимъ—) строжайшее повиновеніе. Жизнь ихъ была подчинена строгимъ законамъ; занятія ихъ были въ точности распредѣлены; обученіе Священному Писанію и пѣнію занимало первое мѣсто. Отъ монаховъ они отличались тѣмъ, что имъ дозволялось имѣть собственное имущество. Они трапезовали за семью столами; во время трапезы читались въ слухъ мѣста изъ библіи, причемъ соблюдалось всеобщее молчаніе. Ихъ школы—*каѳедральныя* или соборныя—прежде всего имѣли цѣлью приготовлять желающихъ поступить на службу церкви при посредствѣ научна-

---

[1]) Странствующіе и нищенствующіе школьники.
[2]) При помощи розги и палки.

го преподаванія и благочестивыхъ занятій. Помимо этого онѣ служили еще для того, чтобы довести до извѣстной степени всѣхъ нуждающихся въ высшемъ духовномъ образованіи для мірской дѣятельности. Впрочемъ въ виду имѣлась все-таки болѣе жизнь, нежели ученіе, болѣе дисциплина, нежели преподаваніе. Хродегангъ особенно настаиваетъ, руководители церкви да радѣютъ о томъ, чтобы юношество, порученное ихъ братству, надлежащимъ образомъ обуздывалось церковною дисциплиною, чтобы такъ легко предающійся промахамъ и шалостямъ юношескій возрастъ не имѣлъ повода совращаться съ пути. На этотъ конецъ одному изъ членовъ братства (frater), человѣку надежнаго поведенія, поручалось имѣть особенный надзоръ надъ остальными и строго блюсти, дабы снабженные церковною ученостью и духовными орудіями юноши оказались въ послѣдствіи достойными возвыситься до почетныхъ ступеней церкви; ибо уже отцы Толедскаго собора (633) замѣтили, что всякій юный возрастъ склоненъ къ дурному, что поэтому надлежитъ отроковъ и юношей духовенства поручить вполнѣ надежному старшинѣ, который былъ бы для нихъ наставникомъ въ наукахъ и блюстителемъ ихъ жизни.—Жизнь въ соборныхъ и каѳедральныхъ школахъ была лишь видоизмѣненною монашескою жизнью. Впрочемъ, какъ бы сильно ни тяготѣли надъ ними монашественность и мрачность,—за ними всетаки остается та заслуга, что онѣ вывели науку и преподаваніе за предѣлы монастырскихъ стѣнъ и сдѣлали средоточіемъ христіанскаго образованія особенно большіе города, въ которыхъ онѣ водворились: помимо теологическихъ наукъ въ нихъ читались Гомеръ, Виргилій, Саллустій, Стацій, Теренцій, Цицеронъ, Сенека и пр., сочинялись латинскіе и греческіе стихи, обучались живописи и каллиграфическому чистописанію и пр. Прежде всего учили грамматикѣ, церковному пѣнію и счету. Второй курсъ вмѣстѣ съ грамматикою заключалъ въ себѣ тутъ же и чтеніе древнихъ классиковъ: въ Падерборнской соборной школѣ учили математикѣ, физикѣ, музыкѣ, реторикѣ, діалектикѣ, Гомеру, Виргилію и пр. Бруно читалъ въ Утрехтѣ Стація и ревностно занимался греческимъ.—Соборныя школы встрѣчены были всеобщимъ одобреніемъ, и уже въ 816-мъ г. въ Ахенѣ при Людвигѣ Благочестивомъ всѣ соборныя церкви каролинской державы по уставу снабжены были школами, распространившимися подъ папскою властью во всей западной церкви.—Часто ὀ бокъ съ соборною церковью при другихъ церквахъ, а также и въ маленькихъ городахъ, учреждались такъ называемые фундуши или коллегіальныя церкви, съ которыми связаны были учебныя заведенія, *фундушевыя школы*, имѣвшія подобное устройство и подлежавшія тѣмъ же уставамъ, какъ и соборныя. Въ мелкихъ городахъ школы эти приближались къ возникшимъ лишь послѣ крестовыхъ по-

ходовъ городскимъ училищамъ, ибо въ нихъ обучали не всѣмъ семи свободнымъ искусствамъ (Plenum), но одному лишь тривіуму, тогда какъ въ епископствахъ предметами обученія были тривіумъ и квадривіумъ ad plenum и къ этому присоединяли еще sacram paginam, такъ что эти школы сдѣлались церковными семинаріями, тяготѣвшими послѣ крестовыхъ походовъ монополіею надъ возникающими всюду новыми городскими училищами. Однако каноническіе институты все-таки быстро склонились къ своему упадку, когда съ половины одиннадцатаго столѣтія церковь разстроилась вслѣдствіе борьбы съ свѣтскою властью и когда развились университеты. Эти приходскія, каѳедральныя и соборныя школы отличались отъ монастырскихъ вообще тѣмъ, что въ монастыряхъ,—какъ выражается Крамеръ,—господствовалъ болѣе копотливый и мелочной трудъ, какъ напримѣръ въ списываньи и примѣненіи къ дѣлу философской критики, тогда какъ при соборахъ наукою занимались болѣе въ общихъ чертахъ

Учителя и ученики въ духовно-схоластическій періодъ воспитанія.

Учителя.

Высшее мѣсто въ монастырскихъ и каѳедральныхъ школахъ занималъ схоластикъ, шульмейстеръ, дидаскалъ, въ Италіи магнискола. Въ прежнее время схоластикъ былъ собственно учителемъ, и притомъ учителемъ юношей, такъ-называемыхъ домицелляровъ, которые, какъ ученики алумната, воспитывались въ немъ до поставленія ихъ въ священники, а потомъ поступали обыкновенно въ пребенды т. е. на службы фундуша. Схоластикъ обучалъ ихъ ученымъ знаніямъ, схоластическимъ наукамъ, философіи и теологіи, языку и литературѣ. Впослѣдствіи при большомъ наплывѣ учениковъ, онъ велъ надъ ними лишь главный надзоръ, составлялъ роспись урокамъ, испытывалъ и назначалъ подчиненныхъ ему учителей, распредѣлялъ предметы преподаванія, наблюдалъ надъ переписчиками, исправлялъ книги, посѣщалъ по субботамъ школу, читалъ назначенныя къ ранней обѣднѣ церковныя главы и слѣдилъ, чтобы при чтеніи строго соблюдались знаки препинанія. Схоластикъ пользовался значительными доходами, такъ что эта пребенда была одною изъ самыхъ доходныхъ, и ея домогались болѣе другихъ. Схоластикъ пользовался притомъ высокимъ почетомъ и большимъ уваженіемъ. Потому этого званія добивались люди изъ древнедворянскихъ семействъ. Схоластикъ былъ прелатомъ, именно третьимъ по чину; въ хорѣ онъ стоялъ рядомъ съ деканомъ и одѣвался подобно послѣднему въ

цвѣтное облаченіе. Доходы его состояли большею частью изъ окладовъ пребенды; деньги за личное присутствіе на службахъ получалъ онъ только тогда, когда былъ каноникомъ или членомъ капитула. Имущество схоластиковъ при храмѣ Божьей Матери во Франкфуртѣ на Майнѣ состояло въ 1383-мъ г. приблизительно въ полуторѣ гуфы [1]) пахотной земли и луговъ, которые отдавались въ аренду за 15 осьминъ зерна или взамѣнъ того за 100 гульденовъ. Жилище схоластика находилось въ одной изъ курій заведенія и пр., и обыкновенно въ одной изъ самыхъ обширныхъ и самыхъ значительныхъ.—Подчиненнымъ схоластику, а впослѣдствіи единственнымъ школьнымъ учителемъ былъ Ректоръ—rector scholarium, ludi rector, ludi magister, дѣтскій наставникъ, учитель, преподаватель. Схоластикъ назначалъ его, наблюдалъ за нимъ и выдавалъ ему жалованье. Ректоромъ назначался обыкновенно одинъ изъ викаріевъ; однако и міряне, женатые люди, также занимали эту должность. Онъ прежде всего обязанъ былъ сообщать ученикамъ первоначальныя знанія, чтеніе, письмо, счетъ и латинскую грамматику. Потомъ, когда схоластикъ сталъ все болѣе уклоняться отъ преподаванія въ школѣ, то и высшія ступени преподаванія поручались ректору. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же заставлялъ учениковъ посѣщать хоръ, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы они въ хорѣ, въ школѣ, на процессіяхъ, на улицѣ и т. д. говорили лишь на латинскомъ языкѣ, а въ торжественныхъ случаяхъ, особенно въ процессіяхъ онъ находился во главѣ ихъ.—За схоластикомъ и ректоромъ слѣдовалъ непосредственно канторъ; онъ руководилъ пѣніемъ, назначалъ главы для чтенія въ праздничные дни, составлялъ церковный календарь и по мѣрѣ своихъ способностей преподавалъ другіе отдѣльные предметы.—При учителяхъ для различныхъ отраслей преподаванія въ болѣе обширныхъ школахъ находились еще циркаторы или надзиратели, обязанные строго наблюдать за подчиненными имъ отроками какъ во время, такъ и внѣ учебныхъ уроковъ. При соборахъ, въ качествѣ помощника схоластику и кантору, состоялъ еще примикерій, который долженъ былъ наставлять діаконовъ и вообще духовенство низшаго разряда, особенно въ церковныхъ обрядахъ и хоровомъ пѣніи.

Учителя стояли на высокомъ счету. Каноники или регулярные члены общины пользовались правами духовнаго сената (составляли capitulum, капитулъ, т. е. малое главенство); они находились при епископѣ въ качествѣ совѣтниковъ, подобно тому какъ конвентуалы при своихъ настоятеляхъ. Всякій (—изъ каноииковъ, соборныхъ капитуляровъ—), бывшій

---

[1]) Гуфа—участокъ отъ 12 до 42 моргеновъ, смотря по мѣстностямъ, во всякомъ случаѣ достаточный для прокормленія цѣлой, болѣе или менѣе многочисленной семьи.

прежде хорошимъ схоластикомъ или канторомъ, все равно дворянскаго или мѣщанскаго происхожденія, могъ быть избранъ въ епископы. Уваженіе къ учителямъ отражалось также на школахъ, и наоборотъ. Когда поэтому, прежде всего въ Трирѣ въ 977-мъ г., каноники, наскучивъ правильнымъ домашнимъ затворничествомъ, задумали проживать свои церковные оклады (praebenda) на свободѣ, тамъ, гдѣ имъ понравится лѣсъ для охоты или мѣсто для житья, а каноники изъ дворянъ все-таки удерживали при этомъ за собою какъ наслѣдія своихъ предковъ прежнія мѣста свои съ ихъ рентами, въ родѣ церковныхъ ленныхъ имѣній и лично принадлежащаго имъ сана, предоставивъ труды по школѣ ректору, магистру и сукцентору (субкантору) мѣщанскаго происхожденія за скудную плату: то слава учителей, а вмѣстѣ съ ними и школъ естественно упала.

Методъ, употребляемый этими учителями въ школахъ, былъ чисто формальный и лишь формально образующій. Онъ заключался въ диктовкѣ, подсказываніи, повтореніи, чтеніи наизустъ, диспутахъ, заучиваньи на память,—вдавался во внѣшности, въ буквоѣдство, въ самыя утонченныя опредѣленія и хитроумныя толкованія. Вся школьная наука была разсѣивающимъ многознаніемъ, пустымъ безсодержательнымъ схематизмомъ. Преподаваніе начиналось съ грамматики по Донату. На болѣе высокой ступени занимались латинскими классиками, взамѣнъ которыхъ впрочемъ изучались обыкновенно жалкіе толкователи ихъ. Ученіе заканчивалось діалектикой, почти во всѣхъ школахъ читалась книга Боэтія de consolatione. Въ астрономіи заучивались 24 стиха Циціо-Януса; въ музыкѣ пѣлись псалмы, церковныя пѣсни и пр. Въ большей части школъ ученики оканчивали курсъ умѣніемъ говорить и сочинять стихи полатыни, немного читать, писать и считать.

Ученики.

Духовное сословіе было единственнымъ обладателемъ всѣхъ знаній. Для подавленнаго земледѣльца помимо церкви вообще не существовало никакого учебнаго заведенія; а феодальный господинъ почти вовсе не заботился о грамотности своихъ подвластныхъ. Правда, со временъ Карла Великаго въ монастыряхъ пеклись о народномъ образованіи. Но при этомъ все зависѣло отъ участія, какое епископъ принималъ въ дѣлѣ народнаго образованія, а это участіе вообще было до того скудно, что орлеанскій епископъ Ѳеодулфъ одинъ составлялъ въ этомъ отношеніи рѣдкое исключеніе. Для знатныхъ открыты были внѣшнія школы при монастыряхъ и соборахъ; но и тутъ дворяне и принцы обучались только тѣмъ знаніямъ, какія священникамъ заблаго-

разсудилось сообщать; эти знанія ограничивались нѣкоторо-ми понятіями о религіи, чтеніемъ, письмомъ, счетомъ, немны-гими грамматическими правилами и музыкой. Принцы сверхъ того занимались тѣлесными упражненіями и обучались зако-намъ; ихъ знакомству съ краемъ способствовала бродячая жизнь дворовъ, при которыхъ они въ то же время посвяща-лись въ науки. Знатные вообще изъ школы не выносили въ свѣтъ ничего, кромѣ умѣнья читать, выученныхъ наизустъ ладовъ пѣсень, начальныхъ основъ монашескаго христіанства и глубокаго уваженія къ духовному званію и главѣ его. Духо-венство было единственнымъ обладателемъ всякаго образова-нія и обученья. Коль скоро мальчикъ обнаруживалъ охоту и способность вступить въ духовное званіе, то монасты-ри и соборы принимали его безъ платы, если онъ былъ бѣ-денъ, и снабжали его ученіемъ, жилищемъ и содержаніемъ. Иннокентій III доставлялъ студентамъ даже стипендіи, да-ровалъ пребенды тѣмъ, которые отличались нравственностью и любознательностью, и возводилъ въ высшія церковныя должности именно такихъ, которые „долгое время потѣли въ школахъ" и много работали, дабы они „послѣ долгихъ, свободнымъ искусствамъ посвященныхъ трудовъ могли от-дохнуть въ церкви отъ своихъ усилій и по возможности успокоиться. Однако у духовенства преподаваніе также не было гармоническимъ развитіемъ духовныхъ силъ: оно состояло въ одностороннемъ развитіи разсудка, и имъ достига-лось не внутреннее животворное вѣдѣніе, а напротивъ, ли-шенное внутренней связи многознайство.

Знатная дѣвушка (—о бѣдныхъ умалчиваютъ памятники, впрочемъ дочери мѣщанъ и крестьянъ учились прясть, ткать и шить—) поручалась воспитательницѣ, надзиравшей въ то же время надъ всею женскою обстановкою дѣвицы. Ей вну-шали благочиніе и нравственность, она училась прясть и ткать, пользовалась преподаваніемъ у священника или мо-наха, нерѣдко даже въ монастырскихъ школахъ. Женскіе монастыри въ особенности сдѣлались обычными учебными заведеніями богатыхъ дѣвушекъ. Предметами преподаванія были знаніе легендъ, молитвъ и нѣкоторыхъ библейскихъ исторій, сверхъ того женскія болѣе утонченныя рукодѣлья. Въ составъ приданаго входила иногда какая нибудь священ-ная книга, а псалтирь была собственно настоящимъ досто-яніемъ женщинъ. Чтеніе и письмо вообще не были въ ходу; однако эти искусства все-таки чаще встрѣчались у женщинъ, нежели у мужчинъ: даже самъ Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ не зналъ грамоты, и Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ также долженъ былъ прибѣгать къ своему писцу, чтобы узнать содержаніе письма отъ возлюбленной. Въ VIII-мъ столѣтіи и въ женскихъ монастыряхъ также преподавали латинскій языкъ; дочь Карла Великаго обучалась у Павла Варнефрида не только латинскому, но при помощи евнуха также и

греческому. Дочь герцога Генриха I Баварскаго, Гедвига, училась въ С-тъ Галленѣ латинскому и понимала Горація и Виргилія. При Оттонахъ въ дѣвичьихъ монастыряхъ также занимались латинскимъ языкомъ, доказательствомъ чему служитъ монахиня въ Гандерсгеймѣ. Судя по роману о Карлѣ Лысомъ, французская дѣвица, Дорама, знала будто-бы французскій, латинскій, ломбардскій, романскій, бретанскій, вообще 14 языковъ. Войны, путешествія и продолжительное пребываніе въ чужихъ странахъ знакомили мужчинъ съ иностранными языками; съ этою цѣлью отроковъ и юношей отправляли путешествовать: вообще путешествіе считалось отличнымъ образовательнымъ средствомъ, и на скандинавскомъ сѣверѣ оно составляло существенную часть воспитанія. Женщины, правда, были лишены этого образовательнаго средства, оставаясь при ученьи на дому; впрочемъ иногда и онѣ также въ молодости отправлялись за границу. Вообще же духовно-схоластическій періодъ воспитанія ограничивался доставленіемъ женскому полу тѣлесныхъ способностей, знакомя ихъ притомъ съ правилами благопристойности. Нибелунги изображаютъ женъ еще въ занятіяхъ домашнимъ хозяйствомъ. Хозяйка, символомъ которой были веретено и связка ключей, имѣла надзоръ надъ прислугою и при помощи дочерей своихъ наблюдала за кладовою, кухнею и погребомъ, а также за одеждою всей семьи.

14.

Учебные предметы въ духовно-схоластическій періодъ воспитанія.

Учебные предметы въ школахъ западной церкви раздѣлялись на религіозные и нерелигіозные.

А. *Нетеологическіе прдметы преподаванія* обнимали семь свободныхъ искусствъ: грамматику, діалектику, риторику, музыку, ариѳметику, геометрію, астрономію.

Gramm (atica) loquitur; Dia (lectica) vera docet; Rhe (torica) verba colorat;

Mus (ica) canit; Ar (ithmetica) numerat; Geo (metria) ponderat; As (tronomia) colit astra. [1]).

Грамматика, діалектика и реторика имѣли предметомъ языкъ и правила языка, а именно части и формы рѣчи, разные способы выраженія и фигуры. Онѣ обнимаютъ ученія, ведущія къ краснорѣчію, ad eloquentiam. Имъ, особенно со

[1]) Грамматика говоритъ; діалектика учитъ истинѣ; реторика украшаетъ рѣчь; музыка поетъ и играетъ; ариѳметика считаетъ; геометрія измѣряетъ; астрономія наблюдаетъ звѣзды.

временъ императоровъ, обучался всякій древній Римлянинъ, имѣвшій хоть какое нибудь притязаніе на всеобщее образованіе, а такъ какъ въ Римѣ искони было въ обычаѣ обучать дѣтей первоначальнымъ предметамъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ сходились три или нѣсколько дорогъ и гдѣ учителя содержали свои лавки, мѣста же эти назывались trivia, (трехпутія, перекрестки) то обычный кругъ человѣческаго познанія и прозвали тривіальнымъ (трехпутнымъ) образованіемъ: въ средніе вѣка грамматика, реторика и діалектика составляли—тривіумъ; музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія обнимали знаніе пространственныхъ и временныхъ отношеній вообще, вмѣстѣ съ научнымъ художетвеннымъ примѣненіемъ ихъ,—т. е. ученія, ведущія къ мудрости, ad sapientiam. Порознь и въ порядкѣ изложилъ ихъ впервые Ямвлихъ (+ 333 по Р. Х.), знатнѣйшій философъ неоплатонической школы, связавшей классическое образованіе съ христіанскимъ: онъ указалъ на родственное отношеніе между ариѳметикой и геометріей, такъ какъ первая служитъ де основою музыки, а послѣдняя—сферики. Представленіе объ этомъ сродствѣ перешло отъ Востока къ Западу, который придалъ этому названіе квадривій (четырехпутіе). Въ сѣверной Африкѣ впервые встрѣтились и взаимно сопрониклись тривій съ квадривіемъ, и вмѣстѣ они составили семь свободныхъ искусствъ, которыя, опираясь на священное значеніе седмицы, составляли съ этихъ поръ совокупность человѣческихъ знаній и изъ Африки распространились по всему христіанскому міру. Учиться тривію считалось необходимымъ для всякаго, кто имѣлъ притязаніе на образованіе; квадривіемъ занимались тѣ, которые прошли тривій и добивались еще высшаго образованія. Впрочемъ въ тривіальныхъ школахъ, какъ кажется, не строго придерживались настоящаго тривія, такъ какъ во многихъ изъ нихъ встрѣчались еще другіе предметы преподаванія и вообще помимо латыни упражненія въ употребляемыхъ въ церквахъ мелодіяхъ и пѣсняхъ, а также счетъ, считались тамъ необходимѣе діалектики и реторики. Въ Аахенскомъ капитуларіи 789-го г. къ тривію причислялись грамматика, музыка и ариѳметика, которыя и назначались для преподаванія мальчикамъ, такъ что онѣ вмѣстѣ съ скудною латынью и были, какъ кажется, учебными предметами въ тривіальныхъ школахъ. За одно съ тривіемъ и квадривіемъ обучались также истинамъ религіи. Итакъ предметы преподаванія въ школахъ распредѣлялись почти въ томъ же учебномъ порядкѣ, какой встрѣчаемъ у Лонуа во Флерійской школѣ: „Рано утромъ Одонъ преподавалъ мальчикамъ грамматику по Присціану съ комментаріемъ Ремигія". „Часъ I. Террикъ обучалъ въ высшихъ классахъ діалектикѣ, а именно по Аристотелю съ комментаріемъ Порфирія и Аверроэса". „Часъ III. Вильгельмъ училъ реторикѣ по Цицерону и Квинтиліану". „Часъ

IV. Гислебертъ, магистръ, толковалъ теологамъ Священное Писаніе, причемъ онъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ говорилъ проповѣди на латинскомъ и галликанскомъ языкахъ, опровергая въ особенности Іудеевъ и обращая многихъ изъ нихъ къ вѣрѣ Христовой".

1. *Грамматика* заключалась въ преподаваніи латинскаго языка и изучалась по Присціану, Діомеду и Донату. Ученики изучали сперва чтеніе, потомъ количественность слоговъ, формы склоненій и спряженій. Затѣмъ приступали къ чтенію болѣе легкихъ латинскихъ писателей и наконецъ трудныхъ латинскихъ прозаиковъ и поэтовъ.—При этомъ разбирались удареніе, стопы словъ и стиховъ, метры, аналогія, этимологія, орѳографія, тропы, варваризмы и пр. При критическомъ толкованіи писателей каждый отдѣльный стихъ разбирался со всѣхъ сторонъ въ грамматическомъ, метрическомъ и историческомъ отношеніяхъ и подчасъ сильно искажался. Теренціанъ Мавръ въ своей книгѣ „de literis et syllabis carmen sotadicum" излагаетъ—стихами—положеніе рта при выговорѣ каждой изъ буквъ.

Греческимъ языкомъ, который во второмъ столѣтіи до Христа былъ распространенъ по всей Италіи и южной Франціи, но съ теченіемъ времени почти совсѣмъ былъ покинутъ въ Италіи, вновь занялся прежде всего Клавдіанъ Мамертъ, современникъ Боэтія. Потомъ за греческій языкъ взялся Цезарій, епископъ Арльскій (+ 552). Въ Баваріи Агилольфингскій герцогъ Теодонъ I въ 650-мъ г. предписалъ обучать греческому языку въ школахъ того края. Благодаря Африканскому игумену Адріану и Ѳеодору Тарсскому наконецъ греческій языкъ и греческая литература почти вездѣ распространились въ западной церкви и преподавались въ значительнѣйшихъ школахъ. Брунонъ Кёльнскій собиралъ около себя греческихъ учителей; императоры Оттонъ I и Оттонъ II знали погречески; въ Италіи, особенно во Флоренціи, объясняли Гомера.

Еврейскій языкъ рѣдко бывалъ предметомъ изученія. Лишь единичные ученые старались пріобрѣсти въ немъ нѣкоторыя познанія при помощи сношеній съ учеными Іудеями. Раймундъ Луллъ совѣтовалъ заняться восточными языками, но безуспѣшно; даже постановленіе Климента V касательно восточныхъ каѳедръ осталось безъ послѣдствій. Однако крещеный Іудей Николай де Лира прославился какъ толкователь библіи, а Петръ Нигеръ изучалъ въ 1467-мъ г. еврейскій языкъ съ цѣлью обращенія Іудеевъ.

Новѣйшіе языки также еще не были предметами преподаванія. Карлъ Великій первый приступилъ къ составленію нѣмецкой грамматики. На французскомъ языкѣ, образовавшемся прежде всего въ Бельгіи и Нормандіи и сдѣлавшемся книжнымъ языкомъ при Карлѣ Лысомъ, сказана была первая проповѣдь въ 1118-мъ г. въ вербное воскресенье.

2. *Діалектика*, съ которою связывали философію вообще, въ низшихъ школахъ состояла въ сборникѣ терминологій: заучивали категоріи изъ отца церкви, Августина, перечисляли виды и фигуры силлогизмовъ, составляли сентенціи и упражнялись въ хитроумныхъ опредѣленіяхъ и словопреньяхъ. Изъ древней философіи въ западную церковь перешелъ отъ Августина, Макробія и изъ перевода Платонова Тимея блѣдный очеркъ платонизма, господствовавшій до XIII-го столѣтія. Въ высшихъ школахъ, особенно съ десятаго и до двѣнадцатаго столѣтія, въ діалектику включили теологическую систему. Исидоръ, Беда и Алкуинъ были діалектики. Скотъ Эригена далъ діалектикѣ квадривій: divisoria, definitiva, demonstrativa, resolutoria. Начиная съ Эригены и до конца X-го столѣтія царитъ мертвая тишина. Въ концѣ X-го вѣка появился Гербертъ и написалъ свое сочиненіе о діалектикѣ. Въ XI-мъ столѣтіи въ лицѣ Константина и Аббона Флёрійскаго, Фульберта въ Шартрѣ, Өелона въ Магдебургѣ, Петра Даміани оказалось столько же защитниковъ вѣры противъ діалектики, сколько и друзей послѣдней. Беренгаръ Турскій (†1088) поставилъ даже разумъ выше всякаго авторитета, а благодаря Ланфранку изъ Павіи (†1080) діалектика сдѣлалась самымъ важнымъ орудіемъ теологіи.

3. *Риторикѣ* сначала обучали по Квинтиліану и Цицерону; впослѣдствіи ихъ замѣнили учебниками Капеллы, Беды и Алкуина; въ X-мъ вѣкѣ впрочемъ снова взяли руководителемъ Квинтиліана. Правила реторики примѣнялись къ церковнымъ проповѣдямъ, и Гисбертъ Ногентскій — (†1324) первый написалъ гомилетику. Преподаваніе состояло въ опредѣленіяхъ разнаго рода рѣчей, главныхъ частей ораторской рѣчи и важнѣйшихъ фигуръ.

4. *Музыку* преподавали съ особеннымъ стараніемъ. Вслѣдствіе обычая пѣть при агапахъ и св. причащеніи, церковное пѣніе особенно поощрялось Амвросіемъ Миланскимъ и Григоріемъ Великимъ. Карлъ Великій вызвалъ изъ Рима учителей пѣнія и въ своихъ школахъ постоянно настаивалъ на музыкальномъ образованіи. Рабанъ заявилъ, что безъ искусства пѣнія нельзя быть ни священникомъ, ни учителемъ. Во всѣхъ низшихъ школахъ поэтому обучали пѣнію и отчасти также инструментальной музыкѣ; однако лишь съ величайшимъ трудомъ могли вникнуть въ музыкальное искусство и требовалось не менѣе десяти лѣтъ, чтобы пройти хорошую пѣвческую школу. У Амвросія было четыре автентичныхъ (первоначальныхъ) тона, къ которымъ примкнули потомъ четыре плагальныхъ Григорія. Григоріанское церковное пѣніе производилось безъ ритма и такта: то было одноголосное хоровое пѣніе, причемъ прихожане участвовали развѣ только въ антифонѣ. Оно сдѣлалось нормою для соборовъ и монастырей. Преподаваніе придерживалось книгъ Боэтія „de

musica“. Ноты обозначались буквами алфавита, пока наконецъ Бенедиктъ изъ Помпозы и Гвидонъ изъ Ареццо (1030) не ввели линейной системы. Обозначеніе нотъ по ихъ протяженію и долготѣ введено Жаномъ де Мурсомъ въ XIV-мъ столѣтіи, тогда какъ прежде высокія и глубокія ноты обозначались восходящими и нисходящими линіями. Существовали антифоны и респонзоріи, и помимо хорового пѣнія было еще мелодическое съ декламаціей по нотамъ, а именно со временъ Іоанна Дамаскина (760), изобрѣтателя интерваловъ. Архіепископъ Дунстанъ Кантерберійскій изобрѣлъ затѣмъ —въ 988-мъ г.— четырехголосное пѣніе и концертную музыку. Оргàнъ, появившійся въ VIII-мъ столѣтіи въ Германіи, съ 9 до 11 клавишей, въ 1 локоть длиною и въ $1^1/_2$ шириною, ударялся кулаками на одинъ футъ внизъ: органистовъ поэтому въ Германіи очень долго называли „органобоями“ (Orgelschläger). — Помимо музыки предметами преподаванія, смотря по обстоятельствамъ, были: чистописаніе, зодтество, ваяніе и миніатюрная живопись. Строительныя братства были, правда, монашескаго происхожденія, но отъ монаховъ они вскорѣ перешли къ самостоятельнымъ товариществамъ и техническимъ подѣлкамъ въ рукахъ мірянъ. Тѣсно связанная съ зодчествомъ, скульптура обработывала церковные предметы и питала рѣшительную антипатію къ главному предмету своему,—человѣческому образу и лику. Ею занимались въ монастыряхъ въ видѣ рѣзьбы на деревѣ и пр., переплетныхъ украшеній, рѣзьбы на алтаряхъ, купеляхъ и пр. Живопись также служила церкви и до XIII-го столѣтія зависѣла отъ византійской типики и техники. Рабанъ Мавръ въ Фульдѣ, Саломонъ и Тутило изъ С-тъ Галлена покровительствовали ей, а съ развитіемъ Клюнійскаго ордена усилилось также и рвеніе монаховъ къ живописи. Однако ни живопись и пластика, ни даже національная поэзія не были всеобщимъ предметомъ обученія. Христіанское духовенство соблазнялось пѣснями языческой эпохи и ратовало противъ нихъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ германскихъ монастыряхъ монахи обнаруживали любовь къ отечественной поэзіи: явились Отфридъ; Нижненѣмецкій хеліандъ[1]);—монахъ иногда возносился даже до богатырской пѣсни—пѣснь о побѣдѣ при Виме въ 882-мъ г.;—но эпопеи большихъ размѣровъ не было у Нѣмцевъ до XII-го столѣтія. Романскія племена писали стихи съ риѳмами и ассонансомъ, а начиная съ XI-го столѣтія у Французовъ появились народныя пѣсни, у Кастильянцевъ богатырскіе романсы, но истинно народная поэзія въ Италіи зародилась лишь съ исходомъ XIII-го вѣка. Однако всѣ эти начатки національной жизни возникли не въ угоду, а наперекоръ западной церкви, и были не питомцами ея, а напротивъ, вызывали ея негодованіе.

[1]) Спаситель.

5. Послѣ музыки однимъ изъ главныхъ учебныхъ предметовъ была *ариѳметика*. Но преподаванiе ея состояло не столько въ наставленiи какъ обращаться съ числами, а скорѣе въ фантазiяхъ Никомаха о таинственныхъ и чудесныхъ свойствахъ каждаго числа. Для обозначенiя чиселъ прибѣгали къ помощи рукъ и ногъ: лѣвая рука на груди означала 10,000, сложенныя вмѣстѣ руки—100,000. Въ торговлѣ и домашнемъ хозяйствѣ употреблялись счеты, съ помощью которыхъ производились четыре ариѳметическiя дѣйствiя. Они состояли изъ таблицы, на которой проведены были параллельно вертикальныя линiи, обозначавшiя разряды единицъ, десятковъ, сотенъ и пр. На эти линiи клались для означенiя чиселъ камешки; если напр. хотѣли написать число 2413, то на первую линiю справа клали три, на вторую одинъ, на третью четыре, на четвертую два камешка. Когда требовалось умножить это число, то слѣдовало класть его столько разъ, сколько единицъ въ множителѣ. Только Гербертъ, впослѣдствiи папа Сильвестръ II, перенесъ изъ Кордовы, куда тайно отправился изъ своего монастыря Флёри, арабскiя цифры и болѣе легкiй методъ счисленiя. Алгебра также была заимствована у Арабовъ.—Изъ высшихъ школъ ариѳметика, а вмѣстѣ съ нею и таблица умноженiя перешли въ народныя школы.

6. Геометрiю преподавали въ высшихъ и низшихъ школахъ по скуднымъ отрывкамъ изъ Эвклида, объясняли, что такое линiи, фигуры и тѣла; приводили главные роды и тѣхъ и другихъ и т. п.: о настоящей наукѣ и рѣчи не было. Съ нею соединяли большею частiю краткую географiю. Въ VII-мъ столѣтiи уже монастырь Стъ-Галлена обладалъ географическою картою; а Карлъ Великiй, какъ говорятъ, имѣлъ изображенiе звѣзднаго неба и земли на серебряномъ столѣ, которое внукъ его Лотарь раздалъ солдатамъ. Ирландецъ Виргилiй утверждалъ, что существуютъ антиподы. Надъ географiей трудились большею частiю Арабы: Абу Ишакъ, Шерифъ Эдризи, Нассiонъ Эддинъ, Абульфеда, Улугъ Бегги. Единственные христiанскiе географы были Ирландецъ Диквиль въ 825-мъ г. и Гвидонъ Равенскiй около 900-го г. Адамъ Бременскiй († 1076) издалъ первое хорошее описанiе сѣвера. Сѣверъ вообще довольно долго возбуждалъ страсть къ географическимъ изслѣдованьямъ: морскiя плаванiя Ирландцевъ, открытiе Гренландiи и восточнаго побережья Сѣверной Америки, „Винланда", между Бостономъ и Нью-Iоркомъ, совершонное Лейфомъ въ 1000 г. и куда судоходство дальняго Сѣвера продолжалось до 1347-го г., поддерживали страсть къ землевѣденью. Благодаря Герберту, прослывшему съ своими геометрическими фигурами даже за чародѣя, поднялось изученiе геометрiи и географiи. Онъ съ своимъ учителемъ Аббономъ изготовлялъ водяные органы, небесные глобусы, колесные часы, зрительныя трубы безъ стеколъ и пр.

7. *Астрономія*, успѣхамъ которой уже въ древней Греціи содѣйствовали Ѳалесъ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Анаксагоръ, но болѣе всего Аристархъ Самосскій, Пиѳагоръ, Филолай, Никита, Эмпедоклъ, Эвдоксъ, Эратосѳенъ, Посидоній и пр., а потомъ Арабы, калифъ Альмансоръ, Гарунъ-Аль-Рашидъ, Аль-Мамунъ, Аль-Фраганъ, Ѳебитъ Бенъ Корра, Альбатеній и др., была предана забвенію въ западной церкви, пока наконецъ Карлъ Великій не вступилъ съ Рабаномъ въ переписку по поводу этой науки. Въ XIII-мъ столѣтіи, она поддерживалась Альфонсомъ X Кастильскимъ: отъ него происходятъ Альфонсовскія таблицы, стоившія ему 40,000 червонцевъ, появившіяся въ 1282-мъ г., имѣвшія основаніемъ Птоломееву систему міра и составленныя Евреемъ Исаакомъ Абенъ Сидомъ. Для школы служила особенно книга Англичанина І. Ф. Голируда о сферѣ „de sacro bosco". Но астрономія все еще стояла въ тѣсной связи съ *астрологіею*. Въ Болонскомъ университетѣ какъ для астрологіи, такъ и для астрономіи были особыя каѳедры. Метеоры, даже солнечныя затменія считались предзнаменованіями: первое сѣверное сіяніе замѣчено во Франціи въ 1080-мъ г. второе въ 1094-мъ считалось предзнаменованіемъ перваго Крестоваго похода; третье въ 1098-мъ г, служило предвѣстіемъ бѣдственнаго времени; большая комета въ 1066-мъ г, слыла знаменіемъ покоренія Нормандіи. Въ монастыряхъ астрологія преобразилась въ метопоскопію, хиромантію и пр.—Въ низшихъ школахъ преподаваніе астрономіи ограничивалось вычисленіемъ праздника Пасхи и вообще церковнаго календаря; въ высшихъ школахъ впрочемъ также не выходили изъ этихъ предѣловъ, несмотря на то, что Рабанъ Мавръ сильно настаивалъ на изученіи астрономіи. Употребляли состоящій изъ 24 латинскихъ стиховъ календарь Cisio Ianus, изобрѣтеніе десятаго и одиннадцатаго вѣковъ Въ немъ напр., къ январю относились два слѣдующихъ гексаметра:

Cisio—Ianus Epi. sibi vendicat Oc. Feli. Mar. An.
Prisca Fab. Ag. Vincenti Pau. Pol. Car. nobile lumen,

Тутъ искажены имена неподвижныхъ праздниковъ. Cisio, это circumcisio Christi [1]); Epi—Epiphania; Paulus—conversio Pauli [2]). Первые слоги въ названіи праздника указываютъ число мѣсяца, на которое выпадаетъ этотъ праздникъ; напр. въ Epi—E шестой слогъ означаетъ 6-е января; Pau—двадцать пятый слогъ въ двустишіи означаетъ 25-е января, праздникъ обращенія Павла. Остальные слоги означаютъ дни мѣсяца каждаго изъ праздниковъ и ближайшіе дни до или послѣ праздника; они часто встрѣчаются въ средневѣковыхъ грамотахъ вмѣсто чиселъ, напр. Fus—это 20-е іюля. Въ

---

1) Обрѣзаніе Господне.
2) Обращеніе Павла.

1470-мъ году Cisianus появился на нѣмецкомъ въ Нюрнбергѣ, на листѣ большого формата съ заглавіемъ: „Diess ist der Cisianus tzu teutsch, vnd ain yeglich Wort giebt ainen Tag".([1]—

Таковы были тривій и квадривій. Остальныя науки, сдѣлавшіяся впослѣдствіи предметами особыхъ факультетовъ, были пока еще смѣшаны съ другими знаніями. Исторія не принадлежала къ семи свободнымъ искусствамъ и потому исключалась изъ преподаванія. Беда пекся, правда, о преподаваніи ея при помощи своего историческаго сочиненія. Однако безуспѣшно; школы впрочемъ немного отъ этого потеряли. Критическій смыслъ для изслѣдованія и утвержденія исторической истины былъ чуждъ тому времени; церковная предубѣжденность выдавала за истину все, что воспринимала сама безъ провѣрки; легенды и чудеса занимали первое и высшее мѣсто въ бытописаніи. Духъ національности—говоритъ Ваксмутъ—рѣдко узнаваемъ подъ покровомъ общаго латинскаго языка; гораздо чаще виденъ духъ партій въ іерархическихъ и династическихъ распряхъ; изложеніе большею частью неправильно и неизящно; стремленіе украсить слогъ проявляется не только въ часто встрѣчающейся напыщенности, но также и въ употребленіи стиховъ для цѣлаго историческаго творенія или въ перемежку съ прозою.—Правовѣдѣніе перешло въ западную церковь отъ Римлянъ вмѣстѣ съ римскимъ языкомъ; но наука римскаго права сдѣлалась какимъ-то отрывочнымъ наборомъ. Тѣмъ не менѣе она служила для духовенства предметомъ ревностнаго изученія. Въ Іоркской школѣ правовѣдѣніе приводилось въ качествѣ особой отросли преподаванія: оно замѣняло тамъ діалектику и примѣнялось къ образованію способности судить. Особенно каноническое право собиралось Діонисіемъ Малымъ въ 527-мъ г., Исидоромъ Севильскимъ въ 630-мъ г., Регинономъ Прюмскимъ, Аббономъ Флерійскимъ, Буркардомъ Вормсскимъ (ум. 1026) и преподавалось въ епископскихъ школахъ. Какъ систематическому предмету высшихъ учебныхъ заведеній обучалъ правовѣдѣнію прежде всѣхъ Ирнерій въ Болоньи въ 1118-мъ г. Со временъ Александра III въ 1180-мъ г. монахи не смѣли болѣе заниматься имъ, такъ же какъ и физикою, оттого что они часто черезъ чуръ ревностно предавались изученію того и другой въ ущербъ теологіи.—Физикѣ въ изслѣдованіяхъ природы приходилось слишкомъ много бороться съ церковными воззрѣніями и грубымъ суевѣріемъ, такъ что она не выходила изъ предѣловъ всеобщихъ догадокъ. Но между тѣмъ какъ съ одной стороны вѣрили въ магію, бѣсовское искусство и пр., въ то же время съ другой стороны единичные монастырскіе священники пытались освободить народъ отъ суевѣрія. Рабанъ Мавръ въ одной изъ проповѣдей своихъ ратовалъ про-

[1]) Вотъ Цизіанусъ понѣмецки, и каждое слово означаетъ какой-либо день.

тивъ языческаго суевѣрія народа по поводу луннаго затменія, объясняя его астрономически; начиная съ девятаго столѣтія многіе учителя особенно въ Ирландіи, и между прочимъ Скотъ Эригена, стали глубже вникать въ ученіе физики. Однако вслѣдствіе подозрѣній въ колдовствѣ необходимо было скрывать отъ толпы эти знанія какъ таинственныя. Въ долгій періодъ схоластико-духовнаго воспитанія физика была породнена съ магіею. — А химія съ алхиміею. Главною задачею химіи были попытки дѣлать золото и изобрѣсти жизненный эликсиръ. Подозрѣніе церкви вообще тяготѣло не столько надъ химіею, сколько надъ физикою, и „философскій камень" не относился къ „бѣсовскимъ минераламъ". Химія перешла на Западъ отъ Арабовъ и отъ нихъ идутъ многія изъ употребительнѣйшихъ названій веществъ: алькоголь, сиропъ, нефть. камфора, кали, алкали пр. Произведеніемъ средневѣковой химической практики былъ огнестрѣльный порохъ. Водку, aqua vitae, зналъ уже Арнольдъ Бахуоне (Вилланговъ), профессоръ въ Барселонѣ, ум. въ 1313 г. Въ XIII-мъ вѣкѣ еще францисканскій монахъ, Раймундъ Луллъ, распространилъ химическія знанія Арабовъ: разсказываютъ, будто передъ Эдуардомъ I онъ превратилъ 50,000 фунтовъ ртути въ золото. — Медицина наравнѣ съ физикою и химіею не причислялась къ свободнымъ искусствамъ. Оттого нигдѣ и не существовало каѳедры медицины. До XI-го вѣка она состояла въ одной лишь практикѣ, которою занимались священники, особенно монахи и Евреи. Помимо того нѣкоторыя изъ династій одарены были чудодѣйственными силами: французскіе короли обладали способностью лѣчить зобы, англійскимъ державцамъ приписывалась цѣлебная сила противъ золотухи и пр. Амулеты и пр. также были тогда въ ходу. Впрочемъ когда въ медицинской школѣ въ Салерно началось изученіе арабскихъ переводовъ Гиппократа, Галена и Діоскорида, а также и самихъ арабскихъ писателей, то рвеніе къ врачебной наукѣ распространилось и въ другія мѣста. Монпелье сдѣлался тогда знаменитою школою медицины; Фридрихъ II предписалъ изучать анатомію; въ Болоньи и Монпелье велѣно было доставлять для анатоміи трупы преступниковъ.— До основанія этихъ школъ единственными убѣжищами для медицины, равно какъ и для химіи, были монастыри. Въ прежнее время, какъ кажется, даже малолѣтнимъ дѣтямъ преподавалась медицина (вѣроятно діэтетическія правила). По крайней мѣрѣ одно изъ постановленій Карла Великаго предписываетъ монастырямъ, преступившимъ вѣроятно мѣру медицинскаго преподаванія, „чтобы дѣтство было избавлено отъ медицины," а чтобы, напротивъ того, этою наукою занимались въ каѳедральныхъ училищахъ.—

В. Въ противень свободнымъ искусствамъ религія была вторымъ великимъ образовательнымъ средствомъ. Наука о

ней не называлась еще теологіею, а sacra pagina (священною страницей), и состояла въ знаніи церковныхъ чтеній (perikope), латинскаго перевода библіи (вульгаты), извлеченій изъ проповѣдей (post-illa sc. verba textus) отцовъ церкви и наконецъ литургіи Григорія по его служебнику (missale). Преподаваніе въ artibus (искусствахъ) было разсчитано лишь на образованіе священниковъ; artes поэтому изучались только ради теологіи. Рабанъ Мавръ въ смыслѣ духовно-схоластическаго періода говоритъ: „Грамматика научаетъ искусству изложенія древнихъ поэтовъ и историковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ искусству говорить и писать правильно. Безъ нея нельзя понять троповъ и особенныхъ выраженій Священнаго Писанія, а слѣдовательно нельзя уразумѣть истинный смыслъ слова Божія. Не слѣдуетъ пренебрегать также просодіею, потому что въ псалмахъ встрѣчается много разныхъ размѣровъ; поэтому надлежитъ ревностно заниматься чтеніемъ древнихъ языческихъ поэтовъ и постоянно упражняться въ поэзіи. Слѣдуетъ лишь тщательно очистить древнихъ поэтовъ, дабы въ нихъ не оставалось ничего, имѣющаго отношеніе къ любви и любовнымъ связямъ, и къ языческимъ богамъ. Реторика, предлагающая разные роды и главныя части рѣчей вмѣстѣ съ принадлежащими сюда правилами, важна лишь для такихъ юношей, которымъ не предстоитъ другихъ болѣе строгихъ занятій; она должна быть изучаема по святымъ отцамъ. Діалектика, напротивъ того, царица всѣхъ искусствъ и наукъ. Въ ней живетъ разумъ: онъ проявляется, онъ образуется въ ней. Одна лишь діалектика въ состояніи даровать знаніе и мудрость, она одна лишь указываетъ, что такое и откуда мы, она одна лишь научаетъ насъ постигать наше назначеніе, благодаря ей одной мы распознаемъ добро и зло и пр. А какъ необходима она для священника, чтобы состязаться съ еретикомъ и одолѣть его! Ариѳметика важна вслѣдствіе тайнъ, заключающихся въ числахъ; изученіе ея необходимо притомъ для Св. Писанія, такъ какъ въ немъ говорится о числахъ, мѣрѣ и пр. Геометрія необходима, оттого что въ Св. Писаніи, при описаніи постройки Ноева ковчега и Саломонова храма, встрѣчаются разнаго рода круги. Музыка и астрономія необходимы для богослуженія, которое безъ музыки не можетъ быть отправляемо съ достоинствомъ и благочиніемъ, а безъ астрономіи — въ установленные и опредѣленные дни.“ — Наука о самой религіи лишена была жизни и внутренней силы. Экзегетикѣ (толкованію Писанія) не доставало лингвистической свѣжести, такъ какъ у нея не было подлинныхъ текстовъ. Однимъ изъ первыхъ экзегетовъ въ западной церкви былъ Григорій Великій, но по недостатку языкознанія онъ вдался въ мистическую мораль. Потомъ библію пытались объяснять также Беда, Алкуинъ, свободномыслящій Клавдій Туринскій (ум. прежде 840-мъ г.), Рабанъ, Гаймонъ, Реми Оссерскій, Ноткеръ

Балбулусъ (+912), Брунонъ, епископъ Вюрцбурскій, Манегольдъ Мурбахскій и Брунонъ, основатель Картезіанскаго ордена. Но дѣятельность ихъ на экзегетическомъ поприщѣ не принесла особыхъ плодовъ. Духъ времени обнаружился при этомъ также въ крохоборствѣ, микрологіи, —въ той микрологіи, которая вычисляла, что въ библіи считается 3, 566, 480 словъ, что въ ней имя „Іеговы" повторяется 6855, союзъ „и" 42, 237 разъ и что псаломъ 117-й занимаетъ срединное мѣсто между главами библіи.—Чтеніе библіи затруднялось міря намъ и даже у духовенства оно не было въ общемъ ходу. Зато накоплялись назидательныя сочиненія, назначаемыя впрочемъ большею частію только для монастырей: въ большомъ ходу былъ Агонистиконъ Ратерія въ 974-мъ г.; много читалось житіе Іисуса, стразбургскаго картезіанца Луд. Саксона, ум. послѣ 1326-го г.; знамениты сочиненія Герсона; но болѣе всего славилась книжечка о подражаніи Христу Ѳомы Кемпійскаго (ум. 1471 г.) —Проповѣдь въ культѣ считалась менѣе существенною, нежели обѣдня. Павелъ сынъ Варнефрида, въ эпоху грубаго невѣжества духовенства, составилъ собраніе проповѣдей. Вскорѣ затѣмъ церковное краснорѣчіе развито было Ѳеодульфомъ, Рабаномъ, Гаймономъ, и Аббономъ; оно усилилось притомъ благодаря болѣе частому употребленію родного языка. Какъ ораторы весьма прославились проповѣдями Крестовыхъ походовъ Петръ Аміенскій, Святой Бернаръ, Фульконъ Нёллыйскій, а потомъ нищенствующіе монахи Антоній Падуанскій, Іоаннъ изъ Виченцы, кард. Бонавентура, Берхтольдъ изъ Регенсбурга (ум. 1272), І. Таулеръ (1294—1361) въ Стразбургѣ, также учитель его Экартъ и сотоварищъ Генрихъ Сузонъ (ум. 1365).

Предметами преподаванія въ религіи для духовныхъ были особенно толкованія Св. Писанія, знаніе церковныхъ законовъ и самыхъ необходимыхъ частей богослуженія, а сверхъ того патристическія и догматическія ученія, также церковное краснорѣчіе. Для дворянъ и принцевъ обученіе религіи состояло въ заучиваніи наизусть четырехъ членовъ катехизиса,—для народа же—въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ, имѣвшихъ отношеніе не къ истинамъ религіи, но къ тому, что подобало церкви: міряпинъ достигалъ цѣли своихъ религіозныхъ знаній, если затверживалъ наизусть Отче нашъ и символъ вѣры. Такое преподаваніе религіи не могло конечно освободить народы отъ ихъ застарѣлаго суевѣрія и отъ ихъ національныхъ предразсудковъ, тѣмъ болѣе, что многіе вмѣстѣ съ религіею, которой они обучались, лишились своей прежней свободы. Какое значеніе—мѣтко спрашиваетъ Рукопфъ—могла имѣть въ глазахъ Саксовъ религія, перенесенная къ нимъ Франками и связанная частью съ измѣненнымъ образомъ жизни, съ десятиною въ пользу священниковъ и пр.: живя все еще разбросанными дворами, они принуждены были теперь селиться ближе

другъ къ другу по воскресеньямъ, иногда быть можетъ въ прекрасный охотничій день, предаваться покою, отправляться на разстояніи нѣсколькихъ часовъ отъ дому къ обѣднѣ, слушать проповѣдника,—покинуть любимое свое конское мясо и привыкать къ предписанной діетѣ,—сочетаться бракомъ не такъ, какъ привыкли прежде,—хоронить въ землю своихъ покойниковъ, которыхъ прежде сжигали! Къ тому же сами священники были большею частью чужеземцы, вовсе незнакомые ни съ языкомъ, ни съ образомъ мыслей прихожанъ, и надѣленные до того ограниченными и скудными знаніями, что лишь въ немногихъ случаяхъ развѣ превосходили своихъ учениковъ. Предполагалось—говоритъ Рукопфъ,—что сельскій священникъ достаточно свѣдущъ, если понимаетъ латинскія формулы литургіи, таинствъ и пр., такъ что сумѣетъ приводить ихъ, смотря по обстоятельствамъ, то въ единственномъ, то во множественномъ числѣ, то въ мужскомъ, то въ женскомъ родѣ; если онъ въ состояніи при богослуженіи прочесть посланіе и евангеліе и постичь ихъ буквальный смыслъ; если онъ знаетъ наизустъ псалмы и усвоилъ себѣ сорокъ на нѣмецкое переведенныхъ гомилій святаго Григорія вмѣстѣ съ толкованіемъ апостольскаго сѵмвола вѣры, десяти заповѣдей и Отче нашъ. Полагали, что для сельскаго священника достаточно пріобрѣсти образованіе въ тривіальной школѣ монастыря; отъ него вовсе не требовалось, чтобы онъ посѣщалъ высшія школы.—Могли ли такіе священники принимать участіе въ образованіи и воспитаніи народа!—Міряне же до IX-го вѣка обучались религіи лишь полатыни, ибо нѣмецкіе переводы Отче нашъ, вмѣстѣ съ толкованіемъ членовъ вѣры, апостольскаго и аѳанасьевскаго сѵмвола и пѣсни „Gloria in excelsis“ назначались для однихъ только священниковъ.—

15.

Учебныя принадлежности и руководства при схоластико-духовномъ преподаваніи.

Такъ какъ главнымъ занятіемъ священниковъ и особенно монаховъ было чистописаніе, называвшееся оттого попреимуществу ars clericalis: то почти въ каждомъ монастырѣ находился залъ, музей, устроенный для переписчиковъ, по стѣнамъ котораго развѣшены были правила въ стихахъ, внушавшія не прибавлять никакихъ буквъ при списываніи, писать тихо, разставлять слова надлежащимъ образомъ и строго соблюдать знаки препинанія. Въ монастырѣ Гирсау на Шварцвальдѣ въ XI-мъ столѣтіи находилось двѣнадцать монаховъ въ качествѣ постоянныхъ писцовъ, съ тѣмъ чтобы изготовлять списки съ библіи и съ патристическихъ

сочиненій: —къ нимъ приставленъ былъ учитель чистописанія, распредѣлявшій работы, назначавшій книги для переписки и державшій корректуру. Писменныя принадлежности были поэтому самымъ важнымъ орудіемъ для ученаго и школъ въ духовно-схоластическій періодъ. Писменнымъ матерьяломъ вплоть до VI-го столѣтія служилъ въ Италіи папирусъ, а послѣ того на сѣверѣ большею частью пергаментъ, изготовленный изъ шкуръ дикихъ животныхъ. Но такъ какъ пергаментъ былъ до того дорогъ, что его принимали въ уплату взамѣнъ серебра и за одинъ служебникъ платили виноградниками, лугами и рощами, то вслѣдствіе этого часто пользовались древесною корою, тогда какъ восковыя таблицы употреблялись только для писанія вчернѣ и для счетовъ. Иногда соскабливали письмо на пергаментѣ, чтобы дать мѣсто чему-нибудь другому.—Съ измѣненіемъ писчаго матерьала измѣнялись также и письменныя принадлежности. При твердомъ писчемъ матерьялѣ употребляли грифель, сдѣланный изъ золота или иного металла, изъ стекла или дерева. На египетскомъ папирусѣ писали тростникомъ, очиненнымъ подобно нашимъ перьямъ, вѣроятно еще прежде писчей бумаги вошедшимъ въ употребленіе. Чернила приготовлялись сначала изъ сажи, потомъ изъ виннаго камня и угля, также изъ купороса. Чернильницы дѣлались изъ рога, были заострены книзу и вставлялись въ отверстіе конторки. Самый дорогой шрифтъ былъ золотой или серебряный: серебрянымъ шрифтомъ писали часто весь текстъ Священнаго Писанія или другихъ церковныхъ сочиненій, а золотымъ однѣ лишь начальныя буквы каждой главы. Латинское письмо преобладало предъ всѣми другими. Курсивомъ начали писать съ V-го вѣка. Знаки препинанія вошли въ употребленіе съ VIII-го столѣтія. Въ XI столѣтіи стали прибѣгать къ сокращеніямъ. — Если книги писались на древесной корѣ, а впослѣдствіи на бумагѣ, то ихъ смазывали обыкновенно кедровою камедью, дабы предохранить отъ гніенія и червей, потомъ онѣ прикрѣплялись къ скалкѣ снабженной на обоихъ концахъ головками, и навертывались на нее свиткомъ.

Важнѣйшими руководствами и учебниками въ схоластико-духовный періодъ были слѣдующія: 1) Первоначальный учебникъ и грамматики. Первымъ и главнымъ учебникомъ для младшихъ учениковъ былъ Катонъ: четыре книги двустишій нѣкоего Діонисія Катона,—извлеченіе изъ нравственнаго стихотворенія старшаго Катона, цензора—краткія, простыя изреченія о почитаніи Бога, родителей, родныхъ и учителей, объ обращеніи съ добрыми людьми, о чистотѣ и вѣжливости, трудолюбіи и повиновеніи начальству. —Между грамматиками первое мѣсто занималъ Элій Донатъ (около 320 г.) особенно съ его сочиненіемъ о восьми частяхъ рѣчи и варваризмѣ и съ его ars prima et secunda. На ряду съ Донатомъ стоялъ Прис-

ціанъ изъ Цезареи (около 527-го г. языкоучитель въ Константинополѣ): въ своихъ 18 книжкахъ грамматическихъ объясненій онъ собралъ всѣ правила грамматики. Діомедъ также часто употреблялся: его грамматика основана на четырехъ обязанностяхъ Варрона: officia grammatici constant lectione, enarratione, emendatione, judicio. [1]) Сверхъ того грамматики Алькуина и Беды. Къ греческому языку подготовляла грамматика Аристарха.

Изъ латинскихъ писателей читались большею частью одни лишь церковные; языческихъ классиковъ опасались; однако Виргилій, Овидій, Горацій, Цицеронъ, Саллюстій, Сенека, Луканъ, Теренцій, Плиній и пр. не совсѣмъ еще были вытѣснены изъ тиши монастырскихъ келій: ихъ читали, а рукописныя копіи съ нихъ свидѣтельствуютъ о дѣятельномъ интересѣ къ античной литературѣ. Притомъ же они были вплетены въ церковныя, схоластическія и историческія сочиненія, а благодаря много читаемымъ сборникамъ Боэтія, Марціана Капеллы и Исидора Севильскаго, нѣкоторыя знанія и замѣтки изъ классической древности были въ постоянномъ обращеніи, тогда какъ другія, хотя и въ искаженномъ видѣ, передавались преданіями, легендами и стихотвореніями — (въ сказкахъ о Троянской войнѣ, объ Александрѣ Великомъ и пр.). — Но скрашенный искусствомъ у древнихъ взглядъ на жизнь вообще казался враждебною христіанству силою, а эпоха гнуснаго ихъ процвѣтанія представлялась ночью, когда люди поклонялись демонамъ. Вслѣдствіе такого міровоззрѣнія изученіе классической древности всегда было лишь частнымъ дѣломъ единичныхъ лицъ и занятія послѣднихъ не могли быть плодотворными для общаго образованія. Наконецъ творенія древнихъ, гдѣ встрѣчались они, сокращались и распространялись произвольно, искажались и приноравливались къ христіанству, и воззрѣнія умовъ изъ разныхъ эпохъ вставлялись въ одну все уравнивающую машину: философская мораль Аристотеля отнюдь не должна была противорѣчить церковной; сочиненія Цицерона, Сенеки и Боэтія разсматривались наровнѣ другъ возлѣ друга; Флоръ и Эвтропій имѣли такое же значеніе, какъ Саллюстій и Ливій: наряду съ Виргиліемъ, Ювеналомъ, Персіемъ и пр. пользовались равнымъ значеніемъ какой-нибудь Аленъ Лильскій, Іоаннъ Салисбёрійскій и пр.

2) Марціанъ Феликсъ Капелла, рожденный въ Мадаврѣ въ Африкѣ, издалъ въ 470-мъ г. одинъ изъ лучшихъ учебниковъ, подъ заглавіемъ „Сатира" или Сатириконъ. Онъ состоитъ изъ 9 книгъ въ прозѣ и стихахъ; двѣ первыя изъ нихъ трактуютъ de nuptiis Philologiae et Mercurii [2]) а, семь

---

[1]) Обязанности Грамматика состоятъ въ чтеніи, разсказѣ, исправленіи и обсужденіи.

[2]) О бракѣ Филологіи съ Меркуріемъ.

слѣдующихъ de septem artibus liberalibus [1]) въ слѣдующемъ порядкѣ: grammatica, dialectica, rhetorica, geometria, arithmetica, astronomia, musica. Каждая изъ книгъ начинается введеніемъ; сочиненнымъ частью въ стихахъ; самая обработка предмета состоитъ болѣе въ размышленіяхъ, но мало способствуетъ поученію. Въ главѣ о грамматикѣ больше говорится о словахъ и слогахъ, нежели о самомъ языкѣ; въ ней находится также метрика, которая отчасти попадается опять въ реторикѣ и музыкѣ. Вмѣстѣ съ геометріей излагается также географія въ краткихъ главахъ: de divisione terrae; de monte Pyrenaeo; de Sicilia и пр. Ни одна подобная книга не пользовалась столь продолжительнымъ существованіемъ и такою извѣстностью. Она почти тысячу лѣтъ господствовала въ школахъ.

3) Вскорѣ послѣ Капеллы — около 500-го г. — Боэтій, vir consularis въ Римѣ, написалъ вмѣстѣ съ другими теологическими и философскими сочиненіями свою книгу „de consolatione philosophica“, которая много читалась въ школахъ, а въ 1501-мъ г. въ Страсбургѣ вышла съ политипажами. Эта книга въ теченіе цѣлыхъ столѣтій занимала мѣсто возлѣ библіи и своимъ идеализмомъ озаряла варварство и фанатизмъ мрачной эпохи. Это продуктъ неоплатонической школы, но поддерживаемый въ то же время древнимъ римскимъ духомъ, тѣмъ практическимъ смысломъ, который при каждомъ ученіи допытывается вліянія его на волю. Основное убѣжденіе этого труда въ томъ, что существуетъ всеблагій Богъ. Этотъ Богъ для управленія міромъ не нуждается ни въ какихъ внѣшнихъ Ему вспомогательныхъ средствахъ. Онъ всемогущъ, и для Него нѣтъ ничего невозможнаго. Одно зло для Него невозможно, а потому оно и есть ничто. Зло принижаетъ насъ и лишаетъ тѣхъ свойствъ, какія мы по природѣ должны имѣть; вслѣдствіе зла мы перестаемъ быть людьми. Потому, желающіе зрѣть свѣтъ неба и блага, должны устремить взоръ свой впередъ, а не вспять, не въ ночь тартара, дабы, узрѣвъ зло, не лишиться достоянія своей жизни. Если мы по доброй волѣ обращаемся къ добру, то возносимся надъ ударами рока. Богъ хранитъ добро, зло же отклоняетъ. Онъ господствуетъ надъ тѣлеснымъ и духовнымъ міромъ; даже судьба подчинена Его промыслу. Кто возносится къ Богу, тотъ избѣгаетъ отъ рока; и чѣмъ болѣе мы устремляемъ мысли свои къ познанію духа Божія, тѣмъ мы свободнѣе. — Сочиненіе Боэтія о трехъ artes: de arithmetica, двѣ книги, въ которыхъ впервые встрѣчаются названіе и болѣе глубокое опредѣленіе квадривія; de musica, пять книгъ, de geometria, двѣ книги, — богаче содержаніемъ, нежели книга Капеллы, и было въ большомъ ходу въ школахъ. Психологическая прозорливость и опытность видны изъ его

[1]) О семи свободныхъ искусствахъ.

поученій о физическомъ уходѣ за дѣтьми; о преподаваніи первоначальныхъ основъ, которое должно начаться съ седьмаго года; о повиновеніи учениковъ; о свойствахъ учителей, которые съ познаніями и умѣньемъ преподавать должны соединять кротость и достоинство; о четырехъ темпераментахъ и ихъ признакахъ въ молодежи, о различныхъ способностяхъ (тупости, посредственности, даровитости) учениковъ и о различномъ обращеніи съ ними.

4) Магнусъ Аврелій Кассіодоръ, vir consularis, впослѣдствіи монахъ въ монастырѣ Виварези, написалъ около 500-го г. свое сочиненіе „de septem disciplinis", которое, благодаря своей краткости и своимъ перечнямъ, но болѣе всего высокому духовному званію своего автора, назначалось въ учебное руководство. Въ немъ была сдѣлана попытка совмѣстить всю область тогдашней науки.

5) Исидоръ, архіепископъ Севильскій (ум.636 г.), написалъ пространную энциклопедію подъ заглавіемъ Originums. Etimologiarum libri XX (послѣдняя съ надписью de quatuor disciplinis mathematicis). Въ ней онъ излагаетъ не только тривій и квадривій, но говоритъ также о медицинѣ, о законахъ и временахъ, о церковныхъ службахъ, о Богѣ, ангелахъ и вѣрующихъ, о церкви и сектахъ, о языкахъ, обществахъ, родственникахъ (также vocabula alphabeti eorumque origines), о людяхъ и чудесахъ, о животныхъ, камняхъ и металлахъ, о сельскомъ хозяйствѣ, о войнѣ и объ играхъ, о корабляхъ, зданіяхъ и одеждахъ, о домашней утвари и объ орудіяхъ для поля и дома. Это — замѣчаетъ Шварцъ — совмѣщало въ себѣ все содержаніе тогдашней учености и совершенно полный учебный циклъ.

6) Беда (Достопочтеный), знатнѣйшій полигисторъ своего времени, составилъ около 700-го г. Энциклопедію содержавшую въ себѣ: 1) cunabula grammatices въ вопросахъ и отвѣтахъ; 2) de octo partibus orationis; 3) de arte metrica; 4) de orthographia; 5) нѣсколько книгъ, излагающихъ отдѣльныя части ариѳметики, напр. de indigitatione; 6) нѣсколько книгъ о музыкѣ; 7) нѣсколько книгъ астрономическаго содержанія.

7) Рабанъ Мавръ, рожденный въ 776-мъ г., энциклопедически изложилъ сущность всѣхъ важнѣйшихъ знаній для школъ въ своемъ сочиненіи de Universo, въ которомъ онъ въ 22 главахъ трактуетъ о Богѣ, о лицахъ Ветхаго и Новаго Завѣта, евангелистахъ, апостолахъ и мученикахъ, о Священномъ Писаніи, о библіотекахъ, о людяхъ и животныхъ, объ астрономіи, о землѣ и явленіяхъ природы, о металлахъ, о вѣсѣ и числѣ, о музыкѣ, медицинѣ, экономіи, военныхъ дѣйствіяхъ, ратныхъ играхъ и пр., сопровождая все это отрывками изъ библіи и теологическими замѣтками.

8) Подъ исходъ схоластико-духовнаго періода особенно пеклись объ облегченіи памяти и составляли для этого особые новые учебники. Эти книги, писанныя то на родномъ нарѣ-

чіи, то ученымъ языкомъ, но всегда стихами, имѣютъ большею частью одно общее заглавіе—„Доктриналы“—и вошли въ употребленіе особенно съ начала XIII-го столѣтія. Первый, изложившій грамматику въ стихахъ, былъ Эбергардъ изъ Бетюры. Книга его, вышедшая въ 1212-мъ г. и носившая заглавіе „Грецизмъ“, была растянута Конрадомъ де Муре до 10,560 стиховъ. Она впрочемъ была вытѣснена доктриналомъ Александра изъ Вильдье, прозываемаго также Александромъ Доленцемъ, оттого что онъ родился въ Доле. Она уже въ XIII-мъ вѣкѣ была введена въ большей части французскихъ школъ, а вскорѣ также и въ сосѣднихъ странахъ и оставалась въ употребленіи до начала XVI-го столѣтія, когда ее вытѣснила грамматика Депотера, сначала въ нидерландскихъ, а потомъ и во всѣхъ французскихъ школахъ. Трудъ Александра Доленца писанъ леонтинскими стихами и состоитъ изъ 12 главъ: первая трактуетъ о склоненіяхъ, вторая о правильныхъ и неправильныхъ склоненіяхъ, третья о степеняхъ сравненія, четвертая о родѣ, пятая о спряженіи, шестая объ аномальныхъ и неправильныхъ глаголахъ, седьмая о постоянно уклоняющихся глаголахъ, восьмая о словахъ, требующихъ особаго падежа, девятая о расположеніи словъ, десятая о стихосложеніи, одиннадцатая о произношеніи, двѣнадцатая о грамматическихъ фигурахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ Доленецъ въ 212 гекзаметрахъ изложилъ для употребленія въ школахъ все содержаніе Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. — Вслѣдъ за этими книгами, назначаемыми для ученыхъ, послѣдовало большое число подобныхъ же для народнаго употребленія, и особенно такихъ, которыя въ родѣ стараго Діонисія Катона излагали мораль въ краткихъ изреченіяхъ: таково между прочимъ было собраніе поговорокъ — на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Катонъ“; такое же собраніе—Доктриналъ Соважа; особенно же „Анти-Клавдіанъ“ Алена Лильскаго, гдѣ добродѣтельнымъ, небеснымъ мужемъ низведены на землю всѣ добродѣтели, — составленный сперва по латыни, но уже въ XIII-мъ столѣтіи переложенный во французскіе стихи.

В. ДИСЦИПЛИНА.

16.

Школьная и домашняя дисциплина въ схоластико-духовную эпоху.

Какъ школьная такъ и домашняя дисциплина была монастырски суровая,—серьёзная, твердая и строгая. Императорская хроника гласитъ:

«Великій царь сказалъ,
Моимъ словамъ внемлите:
Кто розги щадитъ на сыновнее тѣло,
Тотъ сыну вредитъ и ненавидитъ его.
Ему полезны и строгость и страхъ;
А кто иначе съ нимъ поступаетъ
И, балуя его, воспитываетъ,
Тотъ изъ него можетъ сдѣлать лѣнивца.
Когда онъ потомъ подростетъ
И всѣмъ завладѣетъ наслѣдствомъ,
То знать онъ мѣры не будетъ
Ни въ дѣлѣ, ни въ прихотяхъ страсти.

Отецъ мой говорилъ, бывало,
Что какъ сынъ, такъ точно и рабъ
Имѣютъ одни и тѣ же права.
Когда онъ въ возрастъ зрѣлый вступаетъ,
То и наслѣдство свое получаетъ.

Дѣтей моихъ надо пріучать
Какъ къ холоду, такъ и къ голоду,
И къ нуждамъ и къ труду;
Когда они дѣтство свое успѣшно одолѣютъ,
То мудростью ихъ прославится царство».

Въ книгѣ, подъ заглавіемъ Schachgabelbuch („О томъ, какъ императоръ Октавіанъ велѣлъ обучать своихъ дѣтей“) значится:

Онъ своихъ сыновей учить велѣлъ
Въ юности, обращать ихъ прилежаніе
Къ искусству, и передать имъ все,
Что подобаетъ веселымъ юношамъ и сильнымъ мужамъ;
Всякаго рода умѣнья—плавать, прыгать, бороться,
И все что прилично мужчинѣ.
Велѣлъ онъ и дочекъ учить—всему, что женщинѣ нужно.
Онѣ и шили и ткали—изъ шерсти и шелку.
Онѣ не гнушались
Женскихъ работъ по стыдливости женской,
За самопрялкой, за пяльцами.
Въ вязаньи и тонкомъ шитьѣ,
И во всякомъ рукодѣльи были искусны.
Поучаяся съ дѣтства всему,
Онѣ сохранятъ цѣломудренный нравъ;
Вѣдь юныхъ людей тунеядство,
Прискорбно имъ въ старости будетъ.

1) Школьная дисциплина была равно жестка, строга, монашески мрачна какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ. Розга была всеобщимъ орудіемъ кары. Посты и бичеванья принадлежали къ школьнымъ наказаніямъ. Въ С-тъ Галленѣ было же вѣдь за обычай привязывать къ столбу провинившагося противъ орденскаго устава монастырскаго священника и, снявъ съ него верхнее платье, бичевать его; а настоятель С-тъ Женевьевы заставилъ даже одного изъ братьевъ въ теченіе цѣлой недѣли ѣсть на землѣ вмѣстѣ съ собаками. Робертъ Сарбоннскій въ Парижѣ также строго предписываетъ примѣнять палку въ школѣ, какъ къ самимъ ученикамъ, такъ равно и къ младшимъ учителямъ (parvi magistri) въ низшихъ школахъ, когда настоятель (magnus magister), переспрашивая каждую субботу урокъ и заставляя учениковъ говорить наизустъ, найдетъ, что нѣкоторые изъ нихъ не знаютъ своего урока, оттого что младшіе учителя плохо обучали ихъ.— Несмотря на строгую дисциплину, все-таки не достигали настоящей цѣли. Ученики были все такими же буйными и грубыми. У старшихъ и даже у младшихъ учениковъ дѣло часто доходило до кровопролитія и убійства. Такъ между прочимъ при святомъ Ансгаріи, скончавшемся въ 865-мъ г., архіепископѣ Гамбургскомъ и миссіонерѣ Скандинавовъ, когда онъ былъ еще схоластикомъ въ С-тъ Питерѣ, маленькій мальчикъ, по имени Фульбертъ, былъ убитъ однимъ изъ своихъ сотоварищей аспидною доскою. А въ 937-мъ г., когда при строгомъ Ѳіэтонѣ нѣкоторые изъ учениковъ въ С-тъ Галленѣ, учинившіе какіе-то проступки въ праздникъ святаго Марка, приговорены были къ наказанію и одинъ изъ учениковъ старшаго класса посланъ былъ за розгами, то, желая спасти себя и своихъ товарищей, онъ поджегъ монастырь, вслѣдствіе чего послѣдній сгорѣлъ почти весь и со множествомъ книгъ.

Въ промежуткахъ этого мрачнаго времени жесткой дисциплины перепадали иногда опредѣленныя *дни веселья*. Тогда разрѣшались игры: игра въ кости, для чего имѣлись особые дома; бѣгъ къ предназначенной цѣли (бары), борьба вдвоемъ съ намазанными руками; игра въ палки, причемъ стоящіе съ противоположныхъ сторонъ мальчики, схватившись за палку, старались ее вырвать другъ у друга; метать камнемъ другъ въ друга, одѣвшись въ панцыри; игра въ карты и кости (пока и тѣ и другія для монаховъ и монахинь не были запрещены на сѵнодѣ въ Вюрцбургѣ въ XIV-мъ столѣтіи). Въ такихъ случаяхъ ученикамъ доставлялись вино, купанье и свѣчи, дабы продлить игры до ночи, причемъ ученики заявляли желаніе, чтобы ихъ надзиратели (circatores) были „нѣмы и слѣпы какъ кроты“, а учителя „блаженны до того, чтобы воображали себя перенесенными въ елисейскія“. Для младшихъ дѣтей были „гонка кубаря“ (doppen, toppen), „гонка обруча“, (pepen), „игра въ

жених и невѣсты“ (malen, malenspel), „прыганье“ или плясанье на одной ногѣ, „кувырканье“, „качанье“, „щелканье пальцами“ и пр.

Помимо игръ строгость дисциплины умѣрялась еще школьными празднествами. Къ нимъ принадлежали: 1) Праздникъ Рождества Христова. Когда наступалъ сочельникъ, то изображавшія Іисуса Христа маски въ бѣломъ одѣяніи подходили къ тѣмъ домамъ, гдѣ имѣлись дѣти. Родители, взявъ дѣтей за руки, привѣтствовали наряженныхъ куреньемъ ладона. Дѣти представлялись Іисусу Христу: они должны были молиться ему и потомъ получали отъ него подарки, большею частью платья, которыя и надѣвали въ праздникъ Рождества. Въ девять часовъ благовѣстили ко всенощной, потомъ отправлялись въ церковь, гдѣ мальчики съ факелами въ рукахъ пѣли пѣснь „Quem pastores etc.“, послѣ чего до полуночи попеременно то пѣли, то проповѣдывали. На утро Рождества Христова канторъ, совершая процессію по церкви, пѣлъ съ мальчиками рождественскія пѣсни, особенно „Puer natus in Bethlehem etc.“, послѣ чего начиналось богослуженіе. 2) День новаго года былъ также школьнымъ праздникомъ; въ этотъ день дѣти навѣщали своихъ крестныхъ съ поздравленіями и получали отъ нихъ подарки. 3) На масляницѣ дѣти разыгрывали въ комедіяхъ библейскія сцены и совершали торжественныя шествія. Крещеніе, срѣтенье, пасха, вознесеніе, троицынъ и духовъ день, равно и день святаго Михаила, также были дѣтскими и школьными праздниками. 4) Важнѣйшимъ дѣтскимъ и школьнымъ праздникомъ былъ празднуемый съ девятаго столѣтія въ память Григорія Великаго, покровителя школъ, Григорьевъ день, когда мальчики являлись въ шествіяхъ наряженные воинами, ремесленниками, крестьянами, семью свободными искусствами и пр., — въ то же самое число 12 марта, когда въ древнемъ Римѣ торжествовались квинкватріи Минервы, богини искусствъ и наукъ, и когда ученики подносили учителямъ подарки, мунераліи. Въ южной Германіи Николинъ день замѣнялъ собою Григорьевъ, собственно школьный дѣтскій праздникъ. Гриммъ описываетъ это празднество такимъ образомъ: „Одинъ изъ учениковъ избирается въ епископы, а двое другихъ въ священники. Всѣ трое наряжаются въ приличное званію платье, остальные же ученики остаются въ своихъ платьяхъ; только младшіе фантастично изукрашены султанами и лентами, и снабжены знаменами и шпагами, на которыя иногда насаживаются груши. Это шествіе въ сопровожденіи ординарныхъ учителей при торжественномъ звонѣ колоколовъ отправляется въ церковь. Тамъ епископъ и двое священниковъ садятся на трехъ стульяхъ передъ алтаремъ и то и дѣло производятъ странные и смѣшные жесты. Настоящій священникъ говоритъ проповѣдь; когда онъ кончитъ, то поютъ

пѣснь въ честь Григорія (Николая), а потомъ епископъ начинаетъ говорить или скорѣе представлять епископскую проповѣдь, составленную обыкновенно въ стихахъ. Затѣмъ онъ садится верхомъ на коня. Священники идутъ пѣшкомъ возлѣ него, и пѣніе разносится по всему городу. Старшіе ученики поютъ; а младшіе, наряженные въ апостоловъ, святыхъ, ангеловъ, царей, священниковъ, дворянъ, портныхъ, шутовъ и язычниковъ, собираютъ у всѣхъ дверей подарки. Передъ епископомъ несутъ двѣ березовыя вѣтви, сахарныя деревья и шесты съ кренделями и лентами. Учителя замыкаютъ шествіе".

Такія празднества сопровождались обыкновенно драматическими представленіями, состоявшими сначала изъ комедій Теренція и т. п. Въ одномъ саксонскомъ монастырѣ въ десятомъ столѣтіи уже читались и даже разыгрывались комедіи Теренція; а въ Италіи, гдѣ рано уже возникли мистеріи, представленія греческихъ и римскихъ театральныхъ піэсъ поддерживались друзьями и поклонниками классическаго образованія въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Такъ было, между прочимъ, позже при ученомъ, образованномъ и либеральномъ дворѣ герцога Феррарскаго, Альфонса перваго. Когда въ 1543-мъ г. папа Павелъ III посѣтилъ это убѣжище музъ, то младшіе члены семьи герцога, между ними три его дочери, вмѣстѣ съ шестнадцатилѣтнею Перегриною Моратой, классически образованною дочерью Фульвія Перегрино Морато, должны были разыграть латинскую комедію, Адельфы Теренція. Комедіи разыгрывались съ исключительною цѣлью упражняться въ устномъ употребленіи латинскаго языка, и даже безъ костюмовъ. Цвѣтущая пора школьной комедіи совпадаетъ съ эпохою гуманизма и новѣйшаго времени реформаціи. Теперь же школьныя комедіи не рѣдко служилипо прищемъ дореформаціонной борьбы, и вляніе ихъ простирается далеко за предѣлы самой школы.

Въ противень этимъ античнымъ комедіямъ Гротсвита, настроенная полугреческимъ образованіемъ саксонскаго императорскаго дома, сочинила шесть латинскихъ комедій: Gallicanus, Dulcitius Callimachus, Abraham Patnucius, Fides et Spes.

Сама она подписывалась: „Hrothsvith" иногда также „мощный гласъ или зычный кликъ изъ Гандерсгейма" (clamor validus Gandeshemenis). Въ XVII-мъ вѣкѣ какой-то литераторъ М. Ф. Зейдель переименовалъ ее—безъ всякаго основанія—въ „Елену фонъ Россовъ". Пока Конрадъ Цельтесъ въ XV-мъ столѣтіи не отрылъ запыленную рукопись ея сочиненій въ Регенсбургѣ, до тѣхъ поръ лучшіе историки въ теченіе 500 лѣтъ ничего не вѣдали о ней. Тотчасъ же по выходѣ въ свѣтъ рукописи она называется „Росвита;" а Готшедъ, знавшій ее лишь подъ этимъ именемъ, вздумалъ было перевести его въ

„Rosa blanca.“ [1])—Въ ея время драмы ея были единственными въ своемъ родѣ. Онѣ писаны риѳмическими стихами и аллитераціонною прозою. Онѣ свидѣтельствуютъ, что въ Германіи идея драматическихъ представленій была повидимому менѣе чужда X-му, нежели XII-му и XIII-му вѣкамъ, пока еще въ средѣ духовенства не созрѣли мистеріи и моралитеты и изъ народныхъ исторій и фарсовъ не развились правильныя карнавальныя представленія. Такъ какъ въ піэсахъ Гротсвиты встрѣчаются иногда соблазнительныя, грубыя выходки, то и считали невѣроятнымъ, чтобы онѣ когда либо представлялись въ монастырѣ. На это вмѣстѣ съ Лёэромъ можно отвѣтить: что написано монахинею, на то также и другія монахини могли смотрѣть, конечно, безъ ужаса; женское чувство стыдливости — качество новѣйшей эпохи. Въ сказанныхъ драмахъ монастырская нравственность обнаруживается въ своемъ настоящемъ видѣ. Такъ напр. святые отнюдь не гнушаются для достиженія своихъ святыхъ цѣлей соблазнять грѣшниковъ и мірскихъ чадъ обманчивыми обѣщаніями. Въ піэсѣ „Gallicanus“ императоръ Константинъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе, когда его первый полководецъ сватается за его дочь. Враги угрожаютъ его державѣ, а онъ опасается гнѣва и отпаденія послѣдняго, зная между тѣмъ, что принцесса стала христіанкою и вслѣдствіе того вполнѣ дала обѣтъ цѣломудрія. Однако Констанція не только благочестива, но будучи также и умна, съумѣла выйти изъ затрудненія. Сцена между отцомъ и дочерью служитъ хорошимъ образчикомъ стиля Гротсвиты.

Императоръ: Подойди ко мнѣ, дочь моя, я хочу сказать тебѣ пару словъ.

Констанція: Я здѣсь, отецъ мой! Что прикажешь.

Императоръ: Меня одолѣваетъ сердечная тоска и глубокая скорбь гнететъ меня.

Констанція: Когда вошелъ ты, я уже замѣтила твою скорбь. Не зная еще причины, я уже стала бояться и безпокоиться.

Императоръ: О тебѣ скорбь моя.

Констанція: Обо мнѣ?

Императоръ: Да, о тебѣ.

Констанція: Ты пугаешь меня. Что случилось отецъ?

Императоръ: Боюсь огорчить тебя, сказавши. Герцогъ Галликанъ, котораго цѣлый рядъ побѣдъ вознесъ на высшую ступень въ сонмѣ князей, и въ помощи котораго мы такъ часто нуждались для спасенія отечества—

Констанція: Что же сталось съ нимъ?

Императоръ: Онъ требуетъ твоей руки.

Констанція: Моей?

Императоръ: Твоей.

Констанція: Я скорѣе умру.

Императоръ: Я заранѣе зналъ это.

Констанція: Тебя не должно удивлять это; вѣдь я съ твоего же позволенія посвятила Богу дѣвственность свою.

---

[1]) Бѣлую розу.

Императоръ: Да, я знаю это.
Констанція: Никогда и смерть не понудитъ меня, нарушить мой обѣтъ.
Императоръ: Такъ и слѣдуетъ. Но тѣмъ болѣе тревожитъ меня это. Потому что, если я по отцовской обязанности своей позволю тебѣ исполнить твое намѣренье, то государство не мало пострадаетъ отъ этого. Если же я, отъ чего сохрани меня Богъ, возьму назадъ свое слово, то навлеку на себя кары вѣчныя.
Констанція: Если бъ я отчаялась въ помощи Божіей, то мнѣ болѣе чѣмъ кому-либо слѣдовало бы предаться скорби.
Императоръ: Конечно.
Констанція: Но въ моемъ сердцѣ, всецѣло преданномъ Богу, нѣтъ мѣста для печали.
Императоръ: Какъ прекрасно сказала ты, моя Констанція!
Констанція: Если хочешь послушаться моего совѣта, я предложу тебѣ средство избѣгнуть двойной опасности.
Императоръ: О, будь это возможно.
Констанція: Притворись, когда начнется походъ, что ты готовъ исполнить его желанія; а чтобы увѣрить его, будто и я согласна, скажи ему, что я въ залогъ любви, которая должна связать насъ, требую, чтобы онъ на время своего отсутствія оставилъ при мнѣ дочерей своихъ, Аттику и Артемію. Самъ же онъ пускай возьметъ съ собою въ спутники моихъ главныхъ царедворцевъ, Іоанна и Павла.
Императоръ: Что же потомъ, когда онъ вернется побѣдителемъ?
Констанція: Мы должны молить Творца всего сущаго, чтобы онъ тѣмъ временемъ измѣнилъ мысли Галликана.
Императоръ: О дочь моя! Сладостная кротость твоихъ словъ умѣрила горькую скорбь твоего отца. Теперь меня не мучаютъ уже болѣе тревоги по этому дѣлу.
Констанція: И незачѣмъ безпокоиться.
Императоръ: Пойду и задобрю Галликана радостнымъ обѣщаніемъ.
Констанція: Иди съ миромъ, отецъ мой!

Сцена изъ „Каллимаха“.

Каллимахъ: Къ тебѣ Друзіана, возлюбленная души моей, обращаю мои слова!
Друзіана: Я крайне удивляюсь, чего хочешь ты отъ меня, Каллимахъ, обращаясь ко мнѣ съ твоими словами?
Каллимахъ: Ты удивляешься?
Друзіана: Очень!
Каллимахъ: Дѣло прежде всего о любви.
Друзіана: Какъ, о любви?
Каллимахъ: А то, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ.
Друзіана: Какія узы кровнаго родства, какія законныя условія нашихъ отношеній побуждаютъ тебя любить меня такъ?
Каллимахъ: Твоя краса!
Друзіана: Моя краса?
Каллимахъ: Конечно!
Друзіана: Что она тебѣ?
Каллимахъ: Увы, до сихъ поръ она ничто для меня; но я надѣюсь, скоро она будетъ мнѣ поближе!
Друзіана: Отстань, отстань гнусный развратникъ! Мнѣ стыдно разговаривать съ тобою долѣе, я чуствую, ты полонъ дьявольской лжи!
Каллимахъ: Друзіана моя, не отталкивай любящаго тебя, привязаннаго къ тебѣ всею душою. Отвѣть лучше на любовь мою.
Друзіана: Прочь! твои льстивыя рѣчи не соблазнятъ меня; мнѣ противны твои похоти и сама я презираю тебя.
Каллимахъ: До сихъ поръ я сдерживалъ свой гнѣвъ. Ты, можетъ быть, стыдишься лишь признаться, что моя любовь и въ тебѣ возбуждаетъ то же чувство.
Друзіана: Никакого, развѣ одинъ гнѣвъ.

Каллимахъ: Я все еще надѣюсь, что чуства твои измѣнятся.
Друзіана: Я никогда, никогда не измѣнюсь.
Каллимахъ: А можетъ быть.
Друзіана: Сумасшедшій! Безумный! Зачѣмъ обманываешься? Зачѣмъ прельщаешься ложными надеждами? на какомъ основаніи, вслѣдствіе какого безумія мнѣ уступить твоей навязчивости, когда я уже отреклась отъ ложа законнаго мужа?
Каллимахъ: Клянусь богами и людьми, если ты не уступишь мнѣ добровольно, то не успокоюсь, не отстану, пока не опутаю тебя такъ что наконецъ будешь моею.

Въ первыхъ піэсахъ Гротсвиты постоянно повторяется одно и тоже содержаніе: неотступная любовь мужчины побѣждается цѣломудренною силою женской души: — это та центральная идея, вокругъ которой вращается ея эпоха, отражая въ чистотѣ женъ высшую мощь христіанства, а въ буести мужей языческое начало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ все это изобличаетъ также исторію души самой монахини, которая, какъ кажется, сама испытала отраду и горе любви, и своими „поэтичекими вымыслами объ отреченіи хотѣла избѣгнуть опасной похоти язычниковъ". Въ этихъ піэсахъ, отвѣчающихъ своей эпохѣ, все еще къ древнегерманской дюжей веселости примѣшиваются набожность и благочестіе: за всѣми пороками и шутками на заднемъ планѣ обнаруживается религіозное настроеніе, передъ величіемъ котораго исчезаетъ человѣческая дѣятельность. Въ трехъ первыхъ комедіяхъ являются христіанскія дѣвы, преслѣдуемыя языческими любовниками; христіанки остаются твердыми, и нѣкоторыя обрѣтаютъ мученическую смерть; язычники или обращаются, или подвергаются карѣ. Въ Авраамѣ и Пафнутіи дѣвы, предавшіяся распутной жизни, исправляются и доводятся до расканья отшельниками, которые явились къ нимъ, нарядившись любовниками. Въ „Fides et Spes" изображается мученичество трехъ сестеръ Fides, Spes, Charitas, (Вѣры, Надежды, Любви) дочерей Sapientia (Мудрости). Въ послѣднихъ драмахъ женщина-поэтъ избавилась отъ своей сердечной страсти, и на первый планъ выступаетъ мощная сила, какая дается сознаніемъ міровыхъ законовъ въ противоположность всѣмъ земнымъ страданіямъ и искушеньямъ. Послѣднія піэсы съ ихъ отрывками изъ философіи, съ ихъ мудрованіемъ о большомъ и маломъ свѣтѣ, о гармоніи сферъ и земной музыкѣ, о триединствѣ и т. п. свидѣтельствуютъ по крайней мѣрѣ о томъ, что наука той эпохи всюду проникала въ образованные круги.

Въ своемъ сочиненіи „Розвита и Конрадъ Цельтесъ" (Вѣна 1867) Ашбахъ сомнѣвается въ подлинности твореній нашей ученой инокини. Онъ говоритъ: Сочиненія Розвиты впервые открыты и изданы въ 1501-мъ г.; первое изданіе составилъ Конрадъ Цельтесъ. Этотъ знаменитый гуманистъ, увѣнчанный поэтъ и профессоръ при Вѣнскомъ университетѣ, открылъ, какъ самъ разсказываетъ въ предисловіи, въ Бенедиктинскомъ монастырѣ С-тъ Эммеранѣ,

что въ Регенсбургѣ, старую рукопись съ сочиненьями саксонской монахини Розвиты изъ Гандерсгейма. Но Ашбахъ того мнѣнія, что онъ нашелъ не сочиненія монахини въ томъ видѣ, какъ они теперь намъ извѣстны, а лишь легендарный сборникъ Розвиты. Цельтесъ ставилъ задачею своей жизни распространять гуманизмъ въ Германіи и соперничать съ Италіей въ музоугодныхъ предметахъ. Онъ хотѣлъ доказать высокомѣрнымъ италійскимъ гуманистамъ, что въ ту эпоху, когда умственная жизнь въ Италіи вообще находилась въ упадкѣ, у образованныхъ людей въ Саксонской землѣ, выдаваемой за совершенно варварскую, имѣлись уже наука и поэзія, и что въ этомъ краѣ даже женщина, монахиня, въ состояніи была сочинять поэтическія творенія на чистомъ латинскомъ языкѣ, обладая знаніемъ стихотворства и поэтическимъ размахомъ, утонченнымъ и философскимъ образованіемъ. Въ 1491-мъ г. Цельтесъ собралъ вокругъ себя ученое общество „Содалитетъ" (Товарищество), съ тѣмъ чтобы при помощи его споспѣшествовать классическимъ знаніямъ. Въ 1501-мъ г. Цельтесъ напечаталъ произведенія друзей своихъ и свои собственныя подъ заглавіемъ твореній Розвиты и предпослалъ имъ сказанное предисловіе, съ цѣлью противопоставить ихъ Итальянцамъ. Въ доказательство своей гипотезы Ашбахъ приводитъ слѣдующее: вопервыхъ, изящная латынь, способъ стихосложенія, множество грецизмовъ, появляющихся въ стихахъ, были рѣшительно чужды X-му столѣтію; напротивъ, языкъ въ этихъ стихахъ обладаетъ всѣми качествами гуманистической поэзіи XV-го вѣка; притомъ, именно Цельтесъ и Рейхлинъ всячески вѣдь поощряли сочиненія и представленія латинскихъ драмъ, которыя ими частью и писаны. Вовторыхъ, Ашбахъ изъ переписки Цельтеса доказываетъ, что послѣдній въ 1494-мъ г. вытребовалъ отъ настоятеля въ С-тъ Эммеранѣ свидѣтельство въ томъ, что онъ изъ монастыря получилъ рукописныя сочиненія монахини, но вмѣсто бывшаго на самомъ дѣлѣ сборника легендъ онъ возвратилъ назадъ пергаментную рукопись, содержавшую въ себѣ какъ его собственныя стихотворенія, такъ и труды Содалитета подъ именемъ Розвиты. Первоначальныя легенды были уничтожены, дабы предупредить открытіе подлога. Въ заключеніе своихъ изслѣдованій Ашбахъ указываетъ на то, что характеръ и научное направленіе Цельтеса вполнѣ соотвѣтствовали такого рода литературному подлогу. — Время покажетъ, можно ли отстоять за Розвитою приписываемое ей доселѣ значеніе.

Судя по аналогіи съ другуми націями, а также и по точнымъ свѣдѣніямъ объ актерахъ и мимикахъ, появлявшихся при Людовикѣ Благочестивомъ въ большія празднества для потѣхи народа (Теганъ, жизнь Людовика Благочестиваго), а потомъ еще о праздникахъ во время солнцестоянія, о заклинаніяхъ, отъ смерти, о переряда хъ и пр., которые навѣрное суще-

ствовали уже въ дохристіанскую эпоху, нельзя сомнѣваться, что у Нѣмцевъ также были свои народныя празднества, сопровождаемыя процессіями, мимическими представленіями и рѣчами. Христіанство, распространяясь, устранило, конечно, прежній языческій культъ; но торжественные обычаи и увеселенія, получившіе отъ послѣдняго свое начало, были для массы народа, видѣвшаго въ нихъ дошедшее отъ отцовъ драгоцѣнное наслѣдіе, такъ важны, что онъ не могъ добровольно поступиться ими. Потому Григорій Великій уже рѣшился на уступки, лишь бы не смущать недавно лишь обращенныхъ, крайне еще шаткихъ христіанъ. Не нарушая формъ старыхъ обычаевъ, придали имъ христіанское содержаніе: такъ возникли прежде всего святочныя, — а потомъ страстныя и пасхальныя представленія— Herodes sive magorum adoratio [1]) изъ IX-го вѣка, Ordo Rachelis (виѳлеемское дѣтоубійство) изъ XI-го столѣтія (Вейнгольдъ, святочныя представленія и пр. Грецъ 1853), Ludus scenicus de nativitate domini [2]), латинская рукопись XIII-го столѣтія, Ludus incunabile святочное представленіе XIII-го—XIV-го столѣтій, Ludus pascalis de adventu et interitu Antichristi, Ludus paschalis sive de passione Domini, in resurrectione Domini [3]), плачъ Маріи (понѣмецки), пасхальныя представленія въ С-тъ Флоріанѣ, все рукописи изъ XIII-го столѣтія. (Гёдике, очерки исторіи нѣмецкой поэзіи. Гаммъ 1859).—Почти въ то же время, или немного позже, другіе библейскіе предметы также передѣланы были въ драму, а не то просто въ діалогическую форму; піэсы Гротсвиты, которыя впрочемъ едва ли представлялись, потомъ Sacra comedia de Josepho vendito et exaltato [4]) Гересбургскихъ монаховъ въ 1264-мъ г., дѣтство Іисуса изъ XIV-го столѣтія у Вейнгольда, Ludus de decem virginibus [5]) съ 1322-го г. На этой почвѣ исподволь возросла строгая библейски-духовная драма, такъ-называемая мистерія, въ которой наконецъ изрѣдка лишь встрѣчалось что либо увеселительное, въ родѣ nimius cachinus [6]) въ бенедиктинскомъ Ludus scenicus de nativitate domini [7]); вслѣдствіе этого, а также и вслѣдствіе непонятнаго народу латинскаго языка, жадная до зрѣлищъ толпа обратилась вновь къ своимъ стародавнимъ обычаямъ. Дабы противодѣйствовать этому, вставляли въ латинскія піэсы отдѣльныя сцены свѣтскаго и увеселительнаго содержанія на нѣмецкомъ языкѣ, какъ напр. торгъ Магдалины и

---

1) Иродъ или поклоненіе волхвовъ.

2) Представленіе Рождества Христова.

3) Пришествіе и гибель Антихриста, Страсти Господни, Воскресеніе Господа.

4) Святая комедія о проданномъ и вознесенномъ Іосифѣ.

5) Представленіе десяти дѣвственницъ.

6) Черезчуръ веселаго смѣха.

7) Въ представленіи о рожденіи Господа.

ея служанокъ съ разнощикомъ красокъ въ Ludus paschalis sive de passione Domini, и наконецъ піэсы цѣликомъ писались на нѣмецкомъ языкѣ. — Сочиняемыя обыкновенно клириками, эти піэсы клириками же и разыгрывались. Впрочемъ, къ соучастію въ нихъ рано уже привлекались воспитанники монастырскихъ школъ, какъ напр. въ піэсѣ десяти дѣвственницъ, представленной въ Эйзенахѣ a clericis et a scholaribus [1]); также въ старомъ монастырѣ въ Берлинѣ монахи съ своими учениками ставили на сцену большія духовныя комедіи.

Сначала представленія совершались въ церквахъ; впослѣдствіи, отправлялись съ возвѣщавшими комедію бѣгунами или глашатаями впереди по улицамъ на рынокъ или на какую нибудь свободную площадь. Тамъ дѣйствующія лица собирались на сценѣ и размѣщались по указанію глашатая или руководителя піэсы; зрители стояли вокругъ сцены, или сидѣли на землѣ. Потомъ каждый изъ актеровъ вставалъ и выходилъ—смотря по ходу представленія—изъ кружка, говорилъ и дѣйствовалъ, поучалъ, трогалъ и увеселялъ, и въ заключеніе послѣднее дѣйствующее лицо въ піэсѣ, а не то самъ глашатай произносилъ смѣшную или скромную, благочестивую рѣчь. Къ этому присоединялись иногда въ промежуткахъ пѣсни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ хоровъ, сопровождаемыя даже пляскою, также еще заключительныя и начальныя пѣсни, причемъ толпа зрителей подтягивала. Упоминаемыя и описанныя Гельфенштейномъ представленія страстныхъ піэсъ въ 1498-мъ и 1506-мъ гг. во Франкфуртѣ даютъ вѣрное изображеніе подобныхъ зрѣлищъ. Сценою служило мѣсто передъ ратушей; дѣйствующихъ лицъ было 250; піэса тянулась два цѣлыхъ дня или въ теченіи четырехъ дней послѣ обѣда. Дѣйствующія лица сопровождались къ мѣсту представленія при звукѣ музыки и трубъ. Прибывъ на мѣсто, мальчики громкимъ голосомъ возглашали: „Молчите! молчите!“ Потомъ выходитъ глашатай, увѣщеваетъ еще разъ къ молчанію и вкратцѣ излагаетъ историческое содержаніе предлагаемой піэсы. Затѣмъ слѣдуетъ діалогъ Евреевъ въ родѣ ветхозавѣтнаго пролога, причемъ дѣло не обходится безъ колкихъ намековъ на Жидовъ, а въ заключеніе этого діалога всѣ поютъ антифонъ: „Puer Iesus proficiebat.“ Іисусъ встрѣчается съ Іоанномъ и съ діаволомъ. Въ сценѣ искушенія одна бочка изображаетъ крыло храма, а другая высокую гору; Іисусъ избираетъ учениковъ, исцѣляетъ слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, нѣмыхъ и разслабленныхъ; затѣмъ слѣдуетъ отсѣченіе головы Іоанна Крестителя и воскресеніе Лазаря. Шествіе въ Іерусалимъ ведетъ къ тайной вечери и къ восхожденію на гору Элеонскую. Плѣненіе Іисуса сопровождается отреченi-

[1]) Клириками и учениками.

емъ Петра, смертью Іуды, котораго in imagine (вѣроятно набитую куклу) влекутъ къ висѣлицѣ; судъ Пилатовъ и распятіе, причемъ приняты мѣры, чтобы раны Спасителя совершенно схоже были раскрашены на его тѣлѣ. Погребеніемъ Господа заканчивается первая часть піэсы, чтобы продолжительностью дѣйствія не утомить народъ и придать на слѣдующій день тѣмъ бóльшую торжественность воскресенію, а вѣроятно также, чтобы тѣмъ временемъ приготовить необходимыя измѣненія на сценѣ. Когда распорядители (rectores) порѣшили отложить піэсу, то глашатай вызываетъ публику явиться вновь на слѣдующій день. На другой день воскресшій Спаситель въ полномъ величіи, облеченный въ великолѣпную одежду, съ вѣнцомъ на головѣ, держа въ рукѣ крестъ со знаменемъ, нисходитъ къ преддверію ада; онъ ударяетъ во врата и поетъ: „Tollite portas paradisi," [1]) и по третьему „Tollite portas" врата преисподней отверзаются; Адамъ и другія благочестивыя души выходятъ, воспѣвая: „Advenisti desiderabilis," [2]) и слѣдуетъ за нимъ въ рай. Потомъ онъ опять нисходитъ въ гробъ, при раскатахъ грома, низвергающаго стражниковъ, онъ возстаетъ изъ гроба, сопровождаемый пѣснью: „Terra tremuit et guievit." [3]) Господь является благочестивымъ женамъ и ученикамъ и наконецъ возносится съ блаженными, спасенными душами къ небу. Въ рукѣ онъ опять держитъ крестъ и знамя, а спасенные слѣдуютъ за нимъ, облекшись въ длинныя бѣлыя одежды. Сцена представляетъ родъ подіума (предсценія) значительной высоты и достаточныхъ размѣровъ; тамъ во всемъ величіи возсѣдаетъ Богъ-Отецъ; Христосъ восходитъ по приспособленнымъ къ тому ступенямъ вмѣстѣ съ спасенными къ престолу Отца и поетъ: „Pacem meam do vobis," [4]) всѣ души вторятъ ему: „Ascendo ad patrem meum," [5]) затѣмъ ангелы вѣнчаютъ его; къ нему взираютъ апостолы, внимая ангеламъ, поющимъ: „Viri Galylei quid ammiramini!" [6]) Эпилогъ изображаетъ распространеніе христіанской церкви въ діалогѣ церкви съ синагогою, при чемъ нѣсколько Евреевъ принимаютъ крещеніе.—Эти представленія были грубы и неуклюжи; они служили однако образовательнымъ средствомъ для дѣйствующихъ лицъ и праздничнымъ развлеченіемъ—для толпы зрителей. Но въ послѣдніе вѣка передъ реформаціей онѣ большею частью были искажены, — исполнены не только ужасовъ и страховъ, но также и грубыхъ шутокъ. Самого Бога выводили на сцену въ каррикатурномъ видѣ, а діа-

---

[1]) «Отоприте врата рая.»
[2]) «Пришелъ вожделенный.»
[3]) «Земля дрогнула и успокоилась.»
[4]) «Да будетъ миръ съ вами.»
[5]) «Восхожу къ Отцу моему.»
[6]) «Чему дивитесь мужи Галилейскіе!»

волъ игралъ роль шута при Божьемъ дворѣ. Потому то, у исполненныхъ нравственнаго достоинства Іерониміянъ, вновь пошли въ ходъ и стали играться классическія драмы Грековъ и Римлянъ.

2. Уходъ и воспитаніе дома находились въ рукахъ матери. Мать въ средніе вѣка кормила дитя своею грудью; однако въ VI-мъ вѣкѣ уже у богатыхъ Англосаксонокъ встрѣчаются кормилицы, а въ XV-мъ столѣтіи у всей знати вошло въ обычай брать кормилицъ. Новорожденное дитя закутывалось въ платки и укладывалось въ колыбель—(въ XIII-мъ вѣкѣ были въ употребленіи колыбели изъ дерева, сходныя съ нашими).—Потомъ дитя подростало среди товарищей и игръ: кукла уже въ IX-мъ и X-мъ столѣтіяхъ была вообще игрушкою дѣвочки; сверхъ того дѣти играли еще въ домашнюю утварь, въ кости, въ бабки и пр. Число игръ было довольно значительное, а въ Провансѣ въ XIII-мъ вѣкѣ существовали, говорятъ, для игръ особыя учебныя заведенія. Строгость въ нравахъ, благочестіе въ жизни были высшею цѣлью семейнаго воспитанія, и этотъ скромный и благочестивый нравъ внушался не только примѣромъ женщинъ, но также и строгостью: если не помогали увѣщанія, то прибѣгали къ палкѣ. Мать была душою семьи и изъ лона ея расцвѣталъ богатый, задушевный міръ, источникъ нравственности, чести и характера.

Отецъ былъ представителемъ суроваго элемента. Мужъ былъ вспыльчивъ, не дорожилъ ни собственною, ни чужою жизнью, свыкался съ битвами и опасностями, презирая проявленія нѣжнаго чувства; онъ билъ свою жену, если она поступала не по мыслямъ его, часто даже вовсе не разбирая повода къ наказанію. Понятно, что воспитаніе дѣтей съ его стороны также не могло быть кроткимъ. Но когда, начиная съ XI-го столѣтія, взамѣнъ грубыхъ воиновъ появились отличавшіеся своимъ наружнымъ лоскомъ рыцари, надъ которыми гордо господствовали женщины, вращавшіяся съ этихъ поръ въ средоточіи жизни, тогда лишь воспитаніе дѣтей перешло въ изнѣженность, такъ что Берхтольдъ (въ XIII-мъ столѣтіи) въ своихъ проповѣдяхъ долженъ былъ напомнить о стародавней дисциплинѣ. „Итакъ, никто кромѣ васъ не виноватъ въ этомъ. Ибо если дитя сквернословитъ, то вамъ надлежитъ взяться за розгу, постоянно торчащую у потолка или въ стѣнѣ, и если оно вздумаетъ буянить или грубить, то вы должны отстегать его по голому. Но не бейте его просто по головѣ рукою, ибо такимъ образомъ вы можете сдѣлать его глупцомъ и забить до тупоумія“.

III. РАЗВИТІЕ ДУХОВНО-СХОЛАСТИЧЕСКАГО ВОСПИТАНІЯ.

17.

Закладка государствъ и духовно-схоластическаго воспитанія.

Переселеніе народовъ представляетъ новый творческій процессъ въ человѣчествѣ. Изъ хаотическихъ массъ слагаются новыя видообразованія; при этомъ Германцы составляютъ все уряжающій и образующій элементъ.

На Западѣ прежде всего поселяются Свевы и Вандалы въ Португаліи, но ихъ порабощаютъ и вытѣсняютъ Вестготы. Вандалы переходятъ въ Африку. Въ Испаніи, Португаліи и частью въ южной Франціи образуется Вестготское царство. Но въ 507-мъ г. Вестготы оттѣсняются къ Лангедоку Франками (въ 711-мъ они уступаютъ Арабамъ также и господство свое въ Испаніи), которые водворяются отъ Рейна до Сены и Луары, а также по Майну, и подъ предводительствомъ Хлодвига разрушаютъ остатки римскаго владычества въ Галліи, побѣждаютъ Алеманновъ у верхняго Рейна и основываютъ въ Парижѣ средоточіе Франкскаго государства. Въ Италіи Теодорихъ положилъ конецъ основанному Одоакромъ царству Геруловъ и Ругіевъ и, въ свою очередь, основалъ Остготское царство, которое впрочемъ вновь при Велисаріи было разрушено Византійцами, послѣ чего въ 670-мъ г. Лонгобарды вступили въ Италію, между тѣмъ какъ въ нижнюю Италію проникли Норманны, а Англы и Саксы покорили себѣ Британію, такъ что тамъ бокъ съ Бритами возникли англосаксонскія королевства. Во всѣхъ упомянутыхъ странахъ побѣдители смѣшались съ образованными жителями, и изъ этой смѣси возникли романскія племена. Несмѣшанными остались въ Германіи, между Рейномъ и Эльбою, Алеманны, Бойоаріи, Тюрингцы и Саксы. Точно также не смѣшиваясь, обитали на Сѣверѣ Скандинавы, совершавшіе свои воинскіе набѣги подъ именемъ Норманновъ, тогда какъ славянскія племена образовали царства на востокѣ Европы.

Такимъ образомъ положены были основы господствующихъ донынѣ въ христіанской исторіи племенъ — Романскихъ и Германскихъ. И тѣ и другія сливаются въ одно, когда дѣло идетъ о достиженіи высокихъ человѣческихъ цѣлей: они народы науки, изобрѣтеній и открытій. Отъ нихъ также исходитъ дальнѣйшее развитіе и распространеніе христіанскихъ идей. Никогда—говоритъ Ранке—славянскія племена

не оказывали самостоятельнаго вліянія на величавыя стремленія Запада; они являются въ исторіи культуры, то подчиняясь, то противоборствуя; въ нихъ замираютъ иногда волны всеобщихъ движеній. Этотъ единый, присущій Романамъ и Германцамъ духъ дальнѣйшаго развитія, обнаружился потомъ еще болѣе въ сходствѣ нравовъ, законовъ и умственнаго образованія, — въ сходствѣ, поддерживаемомъ одинаковымъ духовнымъ строемъ церкви; этотъ духъ въ дореформаціонную эпоху обнаруживается также въ однообразіи и сродствѣ воспитанія и обученія, такъ что почти все относящееся къ Французамъ примѣнимо также къ Нѣмцамъ и Англичанамъ.—Впослѣдствіи однако Романы и Германцы также усвоили себѣ отличительныя черты, отразившіяся во всей своеобразности на языкахъ ихъ. Германцы сохранили въ чистотѣ свой языкъ въ Германіи, Скандинавіи и Англіи. Болѣе полное и твердое верхненѣмецкое нарѣчіе принадлежало южно-германскимъ племенамъ, къ которымъ приближались Лонгобарды и Бургундцы; болѣе широкое и мягкое нижненемѣцкое водворилось въ сѣверной Германіи, и къ нему близко стояли Скандинавы, Англосаксы и Готы, тогда какъ середину между ними занимали нарѣчія Гессенцевъ и Тюрингцевъ. Напротивъ того, въ государствахъ, возникшихъ собственно на развалинахъ римскаго міровладычества, само римское народное нарѣчіе, lingua rustica, преобразилось подъ существеннымъ вліяніемъ языка побѣдителей, и результатомъ этого преобразовательнаго процесса были романскіе языки, провансальскій, испанскій, итальянскій и французскій. Каковы были языки, таково было и образованіе. Воспитаніе каждой изъ націй, несмотря на свое сходство, отличалось точно также своеобразными чертами.

Изъ возникшихъ, вслѣдствіе переселенія народовъ, государствъ на первый планъ исторіи выступаютъ державы въ Италіи, Англіи, Германіи и Франціи.

У *Вандаловъ* Африки поддерживаются, правда, даже при самомъ Гензерихѣ, науки, искусства и учебныя заведенія. А именно Карѳагенъ и при нихъ все еще славится своими учебными заведеніями и своими учителями. Помимо латинскаго языка здѣсь ревностно занимались греческимъ. Фульгенцій въ половинѣ V-го столѣтія учился въ Карѳагенѣ, сначала у матери своей, греческому языку; когда же онъ вытвердилъ наизустъ всего Гомера и прочелъ многое изъ твореній Менандра, то она отправила его въ школу къ латинскому учителю. При Тразамундѣ и Хильдерихѣ слагались даже латинскіе стихи африканскихъ Вандаловъ, которые слѣдовательно вопреки ихъ ненависти къ духовенству (—они, какъ говорятъ, избили въ Африкѣ 4976 клириковъ, и въ одномъ Карѳагенѣ болѣе 500 священниковъ—) вообще не были лишены образованія. Во время ихъ владычества Марціанъ

Кавелла былъ даже въ состоянiи собрать свободныя искусства въ энциклопедiю совокупныхъ человѣческихъ знанiй. Впрочемъ уже Юстинiанъ уничтожилъ вандальское владычество.

Вестготы въ свою очередь также на одинъ лишь историческiй мигъ появились на поприщѣ исторiи. Въ своемъ главномъ городѣ Толедо они ежегодно созывали соборы, не извлекая впрочемъ изъ рѣшенiй ихъ никакой пользы для образованiя. Они не выходили изъ скудныхъ предѣловъ духовныхъ наукъ и монастырской жизни. Тѣ изъ мальчиковъ, которые желали посвятить себя духовному званiю, поручались для обученiя духовенству: въ священники посвящались не ранѣе 25, а въ должность вступали 30 лѣтъ отъ роду. Дѣти, предназначенныя къ иночеству, принимались въ монастырь 10 лѣтъ. Для всѣхъ ученыхъ предметовъ употреблялся латинскiй языкъ. Изъ мужей науки отличается одинъ лишь Исидоръ, архiепископъ Севильскiй, изложившiй въ своихъ „Origines“ извлеченiе изъ отцовъ церкви и краткiй очеркъ духовныхъ и свѣтскихъ наукъ. Ревностно преданный вѣрѣ, онъ замкнулся отъ прелестей поэзiи, разжигающей однѣ лишь похоти, и избѣгалъ свѣтской науки, которая блещетъ лишь прекрасными словами и изобличаетъ свою гордыню. Слѣдуетъ любить не слова, а истину; свѣтскiя ученiя намъ ничего не помогутъ, если оскудѣемъ въ познанiи Божiемъ. — Вотъ образецъ и типъ высшей науки у Вестготовъ.

Изъ *Италiи* вышло образованiе среднихъ вѣковъ, и Остготское царство совершило переходъ отъ старой науки къ литературѣ схоластико-духовной эпохи. *Готы* были образованнѣйшимъ изъ германскихъ племенъ. У нихъ была богатая поэзiя, — богатырскiя пѣсни, которыя распѣвались подъ звуки арфъ: у нихъ пѣвцы-арфисты пользовались значенiемъ и славою, и сами цари занимались этимъ искусствомъ. Они до вторженiя своего въ римскiя земли приняли уже христiанство, и священники изъ среды ихъ отправляли богослуженiе на готскомъ языкѣ, на который около 370-го г. *Ульфила* перевелъ даже библiю, введя такимъ образомъ въ употребленiе письменный языкъ: это первая библiя на германскомъ нарѣчiи, первая германская проза, первая сохранившаяся донынѣ германская письменность. Въ Италiи Готы обособились при своихъ герцогахъ, графахъ и вождяхъ: ихъ призванiемъ была военная служба, Римлянамъ предоставлялась гражданская дѣятельность. Впрочемъ Остготы частью усвоили себѣ также образованiе и нравы Римлянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представленiе о божественномъ значенiи дурныхъ даже государей и iерархiю, сверхъ того понятiя о чинѣ и дворянствѣ, перешедшiя отсюда къ германскимъ племенамъ. *Теодорихъ*, говорившiй на четырехъ языкахъ и сравнивавшiй ихъ съ че-

тырьмя духами, которыхъ онъ вмѣщалъ въ себѣ, былъ мужемъ высокаго образованія, и будучи самъ Аріанцемъ, онъ никогда не вмѣшивался въ римскія церковныя дѣла и поставилъ даже католика Кассіодора во главѣ своего правленія. *Кассіодоръ* основалъ на Западѣ первую собственно теологическую школу, въ которой остатки древняго образованія сливались съ христіанскимъ богословіемъ: это было образцовое заведеніе для средневѣковыхъ духовныхъ школъ. Для монаховъ своего монастыря (—подъ конецъ жизни онъ удалился въ монастырь—) написалъ онъ наставленіе о томъ, какъ соединить вмѣстѣ скудное общее образованіе той эпохи съ аскетическою и созерцательною жизнью, а также съ полезнымъ тѣлеснымъ трудомъ. Онъ былъ того мнѣнія, что христіанство и монашество нуждаются по малой мѣрѣ въ нѣкоторой долѣ исчезающихъ античныхъ знаній; но такъ какъ теологія вытѣснила уже всякое другое знаніе, то въ своемъ сочиненіи онъ принужденъ былъ защитить себя и своихъ монаховъ отъ нареканія въ свѣтскости ихъ знаній. Онъ пытался доказать поэтому, что свѣтскія знанія полезны и необходимы христіанскому теологу. Въ толкованіи Священнаго Писанія многое останется де непонятнымъ, если этому не будетъ предшествовать предначертанное имъ преподаваніе; вѣдь и Моисей также поучался мудрости у Египтянъ. Онъ не намѣренъ обременять умъ, но даетъ лишь правила, какъ запечатлѣть знаніе въ памяти. Духовнымъ лицамъ болѣе всего надлежитъ печься о памяти, и сверхъ того о голосѣ и произношеніи: о памяти потому, что она необходима для усвоенія Священнаго Писанія; о голосѣ и произношеніи потому, что они необходимы для проповѣдей и псалмопѣнія. Предписанные и изложенные имъ учебные предметы были тривій и квадривій: это та святая седмица, на которой по воззрѣнію католической церкви опирается домъ Господень, имѣвшій семь столповъ: священниковъ, левитовъ (діаконовъ), поддіаконовъ, аколитовъ, экзорцистовъ, учителей и привратниковъ, съ краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ ихъ—епископомъ,—и которая притомъ управляетъ нравственною жизнью, гдѣ тривій представляли три теологическихъ, а квадривій четыре философскихъ добродѣтели. Затѣмъ *Боэтій* въ особыхъ трудахъ подробно изложилъ учебные предметы, перевелъ сверхъ того многія сочиненія Аристотеля на латинское (—этими переводами довольствовались до XII-го столѣтія, когда, благодаря Арабамъ, ознакомились также и съ остальными твореніями Аристотеля—) и своимъ сочиненіемъ объ утѣшеніяхъ философіи онъ вплоть до XVIII-го столѣтія ободрялъ и успокоивалъ тысячи людей. Кассіодоръ и Боэтій были основателями духовно-схоластической педагогики, потому что они начертали кругозоръ для духовной жизни. Благодаря ихъ поддержкѣ, Теодорихъ оказалъ несомнѣнныя услуги наукѣ, хотя послѣ, когда Амаласунта, вслѣдствіе своего рим-

скаго образованія, увлекалась болѣе Римлянами, такъ что государственное устройство и правленіе сдѣлались римскими, Готы и говорили о воспитаніи ея сына, что она воспитываетъ его не такъ какъ слѣдуетъ и какъ подобаетъ царю. „Храбрость не имѣетъ-де ничего общаго съ науками; Теодорихъ достигъ могущества, даже и неслыхавъ о нихъ; науки только вѣдь разслабляютъ; кто хоть разъ въ жизни убоялся бича, тотъ никогда безъ страха не можетъ взирать на вражескій мечъ или на копье; а потому слѣдуетъ дать отставку ученымъ и взамѣнъ того приставить къ сыну товарищей, съ которыми въ немъ пробудилась бы охота властвовать".— Во время господства Остготовъ въ Италіи *Бенедиктъ Нурсійскій* уничтожилъ въ 529-мъ г. посвященный Аполлону храмъ у горы Казино въ Калабріи и посвященную богамъ рощу, съ тѣмъ чтобы на ихъ мѣстѣ построить монастырь, котораго иноки должны были посвятить себя молитвѣ, а сверхъ того тѣлесному и духовному труду: онъ сталъ такимъ образомъ основателемъ *Бенедиктинскихъ монастырей*, этихъ крѣпкихъ и надежныхъ пріютовъ семи свободныхъ искусствъ, распространившихся благодаря покровительству папъ по Италіи и Сициліи, а чрезъ посредство ученика Бенедикта, Мавра, по Галліи и Испаніи, чрезъ посредство настоятеля Августина по Англіи и Британскимъ островамъ, а благодаря Бонифацію, Франкскимъ королямъ и Германскимъ императоромъ—по Германіи, и достигшихъ исключительнаго господства среди всѣхъ монастырей западной церкви. Такъ же далеко распространилась ихъ научная и педагогическая дѣятельность: изъ Монте Казино, этого сборнаго мѣста рукописей и историческихъ документовъ, вышли Павелъ Варнефридъ или Павелъ Діаконъ, историкъ, поэтъ и знатокъ греческаго языка, ум. 799, настоятель Берторій, прославившійся въ медицинѣ; въ Боббіо, въ монастырѣ, основанномъ Колумбаномъ, въ X-мъ вѣкѣ, благодаря ученому настоятелю Герберту, началась научная жизнь; въ Римѣ и Миланѣ Бенедиктинскія школы достигли цвѣтущаго состоянія; въ Англіи монастырь св. Петра въ Кантербери съ его школою, благодаря монаху Ѳеодору изъ Тарса и спутнику его Адріану, достигъ научной славы, точно такъ же и основанный въ 673-мъ г. Бенедиктомъ Бископомъ двойной монастырь Вермутъ и Ярроу, къ знаменитостямъ котораго принадлежалъ славный учитель Запада Беда Достопочтенный, ум. 735, потомъ еще Іоркъ, изъ школы котораго, доведенной Эгбертомъ и Адельбертомъ до цвѣтущаго состоянія, вышелъ Алкуинъ; во Франціи процвѣтали монастырскія школы въ Турѣ гдѣ дѣйствовалъ Алкуинъ, въ Корби въ Пикардіи, гдѣ, въ IX-мъ столѣтіи учили Пасхазій Радбертъ, Ратрамнъ и др., во Флёри, гдѣ при Аббонѣ, въ X-мъ вѣкѣ, считалось до 5000 юношей, въ Клермонѣ, въ Ферріерѣ, гдѣ въ IX-мъ вѣкѣ Серватъ Лупъ споспѣшествовалъ науч-

нымъ занятіямъ, въ Фонтенэ, Реймсѣ, Аніанѣ, Мармутье, въ Лоббъ подъ Люттихомъ и пр.; въ Германіи С-тъ Галленъ съ Изономъ, Марцелломъ, Ноткеромъ Заикой, Ратпертомъ, Регинбертомъ, Саломономъ, четырьмя Эккегардами, Ноткеромъ Врачемъ, Ноткеромъ Губастымъ и др;—Рейхенау въ IX-мъ, X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ съ Валафридомъ, Страбономъ и Германномъ Хромымъ, — гессенская Фульда при Рабанѣ Маврѣ, — Фритцларъ, Герцефельдъ, С-тъ Альбанъ въ Майнцѣ, Св. Матѳій и Св. Максиминъ въ Трирѣ, Прюмъ на Эйфелѣ, — въ южной Германіи Лоршъ, Вейссенбургъ въ Эльзасѣ съ Отфридомъ, Гиршау, С-тъ Эммеранъ въ Регенсбургѣ, С-тъ Петеръ въ Зальцбургѣ, — въ сѣверной Германіи Новый Корбей отпрыскъ старой Корби, откуда въ IX-мъ вѣкѣ благодаря Ансгару и др. исходило обращеніе въ христіанство сѣвера и школа котораго при Саксонскихъ короляхъ достигла высокаго значенія.—При Греческихъ императорахъ, управляемая экзархами въ Равеннѣ, пала Италія. Лонгобарды же много споспѣшествовали Римской церкви тѣмъ, что Тейделинда заодно съ Григоріемъ дѣйствовала въ пользу католической вѣры и въ своемъ второмъ супругѣ, Агилульфѣ, дала аріанскимъ Лонгобардамъ благовѣрнаго царя. Все стремленіе *Григорія Великаго* было попреимуществу направлено къ водворенію вездѣ папскаго авторитета: начиная съ него христіанство все болѣе поростало плевелами, и лишь въ единичныхъ поборникахъ вѣры является на первомъ планѣ святое значеніе религіи любви, тогда какъ уже въ миссіи Августина къ Англосаксамъ, и особенно въ посвященіи Винфрида въ папскіе миссіонеры средствомъ и цѣлью выступало іерархическое папство. Потомокъ сенаторскаго дома, Григорій превратилъ дворецъ своего отца въ монастырь и былъ призванъ наконецъ къ управленію церковью; въ качествѣ высшаго руководителя духовнаго царства онъ стремился образовать священническій чинъ, господство котораго основывалось бы на умственномъ преобладаніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ превратить всю науку и все образованіе въ христіанско-церковное. Онъ считалъ недостойнымъ втискивать слово Божіе въ правила Доната (т. е. латинской грамматики), и вслѣдствіе такого отвращенія отъ классической литературы древности, а также вслѣдствіе убѣжденія что новый духъ христіанства отнюдь не должно связывать узкими правилами существовавшей доселѣ рѣчи, онъ сталъ основателемъ варварской латыни въ средніе вѣка. Для римскаго богослуженія онъ создалъ таинственную пышность его. Для церковной музыки онъ открылъ учебное заведеніе. Его чинъ литургіи сдѣлался господствующимъ въ римской церкви. Для антифоновъ, которые въ греческой церкви распѣвались народомъ, онъ назначилъ хоровыхъ пѣвчихъ. Онъ

собралъ существовавшія мелодіи и улучшилъ и размножилъ ихъ. Въ своемъ антифонаріи онъ издалъ собраніе напѣвовъ, какъ неизмѣнную и обязательную норму для всѣхъ церквей вообще: этотъ пѣсенникъ, содержавшій въ себѣ частью уже наличныя церковныя мелодіи, а частью также антифоны, раздѣленные и расположенные по церковному времени, прикрѣпленъ былъ цѣпью къ алтарю Св. Петра, съ тѣмъ чтобы въ немъ отмѣчать по порядку всѣ позднѣйшія уклоненія. —Послѣ Григорія наука въ Римѣ умолкла, и папская курія въ слѣдующихъ затѣмъ вѣкахъ не въ состояніи указать ни на одного ученаго, который могъ бы помѣриться съ Бедой и Алкуиномъ. Литературныя школы погружены были въ глубокій мракъ. При богатомъ дворѣ въ Беневентѣ и Салерно среди тревожныхъ переворотовъ Италіи занимались искусствами реторики и исторіографіи, учили грамматикѣ, діалектикѣ и правовѣдѣнію въ школахъ; въ Римѣ, напротивъ того, мірская наука мало по малу вытѣснялась церковными потребностями; одна только музыка процвѣтала еще въ учрежденной нѣкогда Григоріемъ школѣ Латерана. Горделивый строй латинскаго языка рушился точно такъ же какъ Римъ съ его храмами и алтарями. „Когда читаешь документы VIII-го столѣтія, говоритъ Грегоровіусъ, то видишь передъ собою развалины языка Цицерона и Виргилія и замѣчаешь, какъ въ нихъ водворяется христіанско-романское нарѣчіе. Языкъ VIII-го вѣка представляетъ собою совершенный слѣпокъ города Рима, контрастовъ его архитектуры и бытовыхъ формъ, ибо всюду величественный обликъ древности возносился надъ новыми созданіями. Изъ такого противорѣчія между мертвымъ и живымъ вытекала грамматическая неумѣлость; ясные и логическіе законы языка древнихъ Римлянъ были нарушены, и вмѣстѣ съ паденіемъ языческой религіи и древняго политическаго общества древняя латынь, этотъ языкъ героевъ и государственниковъ, перестала течь живымъ потокомъ. Переходъ въ новое простонародное нарѣчіе совершился постепенно черезъ вялое искаженіе окончаній, черезъ отбросъ римскихъ конечныхъ согласныхъ, казавшихся уже обременительными для языка и слуха, черезъ смѣшеніе гласныхъ, смѣну согласныхъ, введеніе члена, такъ что невозможность удержать падежъ или форму рода въ VIII-мъ столѣтіи уже породила итальянски звучащія формы, получившія потомъ въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ полное господство.“

Остготы положили начало сліянію германскаго и римскаго элементовъ. Продолжателями ихъ были Лонгобарды, довершившіе, по крайней мѣрѣ, матеріальное обновленіе Италіи тѣмъ, что способствовали вторженію германской крови въ наибольшую часть страны. Однако внутри Италія не была ими германизована: „подъ вліяніемъ почвы и неба Италіи они сами подчинились болѣе нѣжнымъ впечатлѣні-

ямъ римскаго элемента, и, вслѣдствіе развившейся постепенно наклонности Лонгобардовъ къ католической церкви, послѣдній достигъ рѣшительнаго преобладанія.“ Самая удачная попытка рѣшить вопросъ о сліяніи германскаго и римскаго элементовъ сдѣлана *Франками*, которые, водворившись среди римскихъ земель, принятіемъ католицизма тотчасъ же устранили главную преграду между собою и Римлянами. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, принявъ въ себя мало по малу не только почти всѣ германскія царства на римской землѣ, но оказывая также свое вліяніе и на Германію, они содѣйствовали задачѣ сочетать между собою весь матеріалъ германскаго духа съ выработаннымъ дотолѣ культурнымъ достояніямъ человѣчества въ Европѣ.“

Бриты въ *Англіи* уже подъ римскимъ владычествомъ приняли христіанство. Оно у нихъ было и сохранилось, когда Англосаксы оттѣснили ихъ въ западные края: въ ихъ церкви господствовали здоровый духъ и рѣдкая ученость. Британскіе монахи воздѣлывали пустынныя и дикія страны, а монастыри ихъ были убѣжищами учености и просвѣщенія. Въ *Ирландіи* въ половинѣ V-го вѣка Патрикъ ввелъ христіанство, а ирландскіе монахи въ свою очередь распространили его въ *Шотландіи* и вмѣстѣ съ тѣмъ самый строгій монастырскій духъ. *Патрикъ* заложилъ школы на островѣ Гей, гдѣ обучали чтенію, письму и псалмопѣнію. У самихъ *Англосаксовъ*, наконецъ, лѣтъ полтораста спустя послѣ ихъ переселенія въ Англію, христіанство возвѣщено римскимъ аббатомъ Августиномъ, присланнымъ Григоріемъ Великимъ; несмотря на то учрежденная тамъ церковь не могла быть вполнѣ подчинена Риму; напротивъ, противоборствуя папѣ, она всегда оставалась національною, и молитвы и проповѣди на національномъ языкѣ проникали въ сердце народа. Августинъ вмѣстѣ съ христіанствомъ внесъ также лучшее письмо, механическія искусства и духовное образованіе. Въ заложенномъ имъ монастырѣ Кантвара (Кантербери) онъ открылъ также и школу. Прочное устройство придалъ англосаксонской церкви архіепископъ Кантерберійскій, *Θеодоръ изъ Тарса*. Онъ способствовалъ образованію священниковъ и помимо латыни распространилъ еще греческій языкъ и греческую литературу: въ его епископствѣ вмѣстѣ съ твореніями Златоуста читались также поэмы Гомера. Эти стремленія поддерживались королями: Освальдомъ, Зигбертомъ и Эдвиномъ. Епископъ *Эгбертъ* основалъ школу въ Эборакумѣ (Іоркѣ), сдѣлавшуюся вскорѣ соперницею учебнаго заведенія въ Кантербери; изъ нея вышелъ Алкуинъ. Впрочемъ высшимъ и важнѣйшимъ ученымъ Англосаксовъ былъ *Беда*, по прозванію *Достопочтенный*, монахъ въ монастырѣ Ярроу (677—734), скромный и простой, неутомимо дѣятельный и благочестивый сердцемъ, проводившій жизнь въ молитвѣ и многостороннихъ занятіяхъ,

оживотворившій и преобразовавшій почти все знаніе, какое ему предлагалось его вѣкомъ. Теологическія сочиненія его въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій читались и переписывались въ каждомъ изъ монастырей Европы; его знанія греческаго языка, метрики, астрономіи, ариѳметики и медицины возбуждали удивленіе современниковъ; его твореніе о шести возрастахъ міра сдѣлалось основою большей части средневѣковыхъ всемірныхъ лѣтописей (хронографовъ); его энциклопедія совмѣщала въ себѣ все содержаніе тогдашней учености и служила источникомъ, изъ котораго черпали почти всѣ педагогическіе писатели среднихъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ перевелъ на народный языкъ нѣкоторые отдѣлы Священнаго Писанія, сличилъ вульгату (латинскій переводъ) съ греческимъ, а семьдесять толковниковъ (греческій переводъ) съ еврейскимъ текстомъ, написалъ исторію церкви своего народа, и особенно житіе благочестивыхъ мужей, оказавшихъ услуги англійской церкви. Онъ въ кругъ своихъ занятій внесъ все достойное изученія. Свидѣтельствомъ тому служитъ его сочиненіе по ороографіи: лексикальныя и грамматическія замѣтки, расположенныя въ азбучномъ порядкѣ, разные обороты рѣчи и пр.—его сочиненіе de arte metrica: наставленіе касательно краткихъ и долгихъ слоговъ, стопъ и размѣра стиховъ,—его книга de schematis et tropis sacrae scripturae: реторика Священнаго Писанія,—его твореніе de natura rerum: о движеніи планетъ и луны, о солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, о воздухѣ, вѣтрахъ и пр.,—его сочиненіе de temporum ratione: объясненіе распредѣленія времени какъ въ хронологико-историческомъ, такъ и въ естественномъ смыслѣ. Онъ до конца жизни своей былъ учителемъ.

Въ *Галліи* Франки застали уже христіанство: она была раздѣлена на нѣсколько церковныхъ провинцій; во главѣ каждой изъ нихъ находился митрополитъ, пользовавшійся при несмѣтномъ числѣ священниковъ, въ благоустроенномъ порядкѣ, сильною властью. Римляне вмѣстѣ съ своимъ владычествомъ перенесли сюда любовь къ наукамъ, и съ четвертаго вѣка, когда христіанство достигло преобладанія надъ язычествомъ, эта любовь поощрялась и освящалась. Языческія школы тѣмъ временемъ рушились; но въ то же время положено было основаніе первымъ христіанскимъ учебнымъ заведеніямъ. Монастыри на югѣ Франціи возникли въ первую половину пятаго столѣтія; и вскорѣ по основаніи своемъ они сдѣлались философскими школами христіанства; отсюда исходила ересь; въ теченіе полувѣка въ нихъ развивались и поддерживались воззрѣнія Пелагія; въ аббатствахъ Св. Виктора и Леринскомъ съ необычайною ревностью разбирались великіе вопросы о свободной волѣ, о предопредѣленіи, милосердіи и первородномъ грѣхѣ. Около 410-го г. *Мартинъ Турскій* содержалъ уже въ своемъ монастырѣ школу, гдѣ находилось около 80 учениковъ. Вообще

12

французское духовенство въ наукѣ рано уже достигло высокой ступени. Когда король Гунтрамъ — какъ разсказываютъ — въ 540-мъ г. совершалъ свое вшествіе въ Орлеанъ, толпа юношей, занимавшихся подъ вѣдѣньемъ тамошняго епископа церковными ученіями, привѣтствовала его на латинскомъ, греческомъ, еврейскомъ и сирійскомъ языкахъ и тутъ же поднесла ему поздравительныя письма, составленныя на нихъ же. — Благодаря *Хлодвигу*, владѣвшіе Галліей Франки также были привлечены къ христіанству — т. е. къ сборнику догматовъ и наружныхъ обрядовъ, не касавшихся души. Хлодвигъ самъ остался такимъ же алчнымъ, жестокимъ и коварнымъ, каковъ былъ язычникомъ, и преобладавшими чертами характера его преемниковъ были жестокость и сладострастіе. Знать соперничала съ королевскимъ домомъ въ коварствѣ, клятвопреступленіи и убійствахъ, а священники позорили себя похотью и грубостью, насиліемъ и распутствомъ. Процессъ сліянія германскаго міра съ элементами христіанско-романскаго образованія, ставшій со временъ Хлодвига задачею Франкскаго государства, сопровождался, какъ всякое новое преобразованіе, волненіемъ и разрушеніемъ, и онъ лишь медленно и исподоволь достигалъ цѣли. Когда же потомъ сильная германская народность оплодотворилась сѣменами римскаго образованія и христіанства, то она дала обильные плоды въ области права и государственнаго устройства, а вмѣстѣ съ тѣмъ науки и искусства. Въ селеніяхъ, хотя конечно и не вездѣ, основывались духовенствомъ приготовительныя школы, съ тѣмъ чтобы молодыхъ людей, поступавшихъ потомъ обыкновенно въ клирики, обучать чтенію и образовать изъ нихъ прежде всего церковныхъ чтецовъ; соборъ въ Везонѣ настоятельно совѣтовалъ распространять такого рода сельскія школы. Но средоточіемъ ихъ были монастырскія и каѳедральныя школы. Одинъ изъ учениковъ Бенедикта, *Мавръ*, основалъ на Луарѣ аббатство Гланнафалій. *Хродегангъ Мецкій* примѣнилъ уставъ Бенедикта въ духѣ Григорія Великаго въ своихъ, болѣе къ дѣйствительной и свѣтской жизни подходящихъ школахъ. Онъ сдѣлался, такимъ образомъ, основателемъ соборныхъ, каѳедральныхъ и приходскихъ школъ; онѣ распространяли въ восточной и западной Франціи копіи классиковъ и латинскую поэзію, поддерживались особенно Карломъ Великимъ и Рабаномъ Мавромъ (de institutione clericorum), достигли цвѣтущаго состоянія въ эпоху Саксонскихъ королей и первыхъ Капетинговъ, даже въ сѣверной Германіи, въ Утрехтѣ, Гильдесгеймѣ, Падерборнѣ, и стали падать, только уже начиная съ половины XI-го столѣтія. Во Франціи до VIII-го вѣка наиболѣе цвѣтущія епископскія школы находились въ Пуатье, Парижѣ, Ле-Мансѣ, Буржѣ, Віеннѣ, Арлѣ и пр.; а лучшія монашескія школы въ Люк-

зейлѣ, Ст. Вандрилѣ — въ Нормандіи, гдѣ по временамъ бывало до 300 учениковъ, въ С-тъ Медексѣ въ Соассонѣ, въ Лерардѣ и пр. Все это были спеціальныя теологическія школы; характеръ ихъ отличался теологическою исключительностью. Всѣми предметами занимались такъ, какъ было полезно для настоящихъ священниковъ, и мірскія науки часто исключались изъ преподаванія. Когда одинъ изъ Віеннскихъ епископовъ въ VI-мъ вѣкѣ сталъ обучать въ своей школѣ грамматикѣ, то Григорій порицалъ его за это, ибо устамъ, посвященнымъ прославлять Господа, не подобаетъ открываться для славы Юпитера.—

Франки (— Амандъ, Бавонъ, Элигій и Матернъ —) изъ Галліи распространили христіанство по *Бельгіи*, а Ламбертъ изъ Мастрихта и Шотландецъ Румольдъ водворили его въ *Люттихъ* и *Брабантъ*, такъ что въ VII-мъ вѣкѣ въ Утрехтѣ среди Фрисландцевъ была основана первая христіанская церковь, а затѣмъ христіанство вмѣстѣ съ владычествомъ Франковъ проникало все далѣе. Съ назначеніемъ *Виллиброда* первымъ епископомъ всей Фрисландіи, въ 714-мъ г., Утрехтъ сталъ главнымъ учебнымъ средоточіемъ сѣверныхъ Нидерландовъ, а при ученикѣ Бонифація, епископѣ *Григоріи Утрехтскомъ*,—сборнымъ мѣстомъ для учащагося юношества изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, для дворянства изъ Галліи и Британіи, для новообращенныхъ Фрисландцевъ и Саксонцевъ, даже для молодыхъ людей изъ Баваріи и изъ Свевской земли. Однимъ изъ знатнѣйшихъ учениковъ Григорія былъ святой Людгеръ, первый епископъ въ Мюнстерѣ. Онъ былъ родомъ изъ Фрисландіи; а Фрисландцы — говоритъ Крамеръ — отличались не только чувственною силою и крѣпостью, не только любовью къ земной независимости и свободѣ, но также и болѣе возвышенною свободною жизнью духа, и преобладали, какъ вообще, такъ въ особенности въ то время, своимъ религіознымъ стремленіемъ, почему и были призываемы и предпочтительно избираемы въ высшія церковныя должности, а именно въ сѣверной Германіи, когда приходилось основывать новыя средоточія христіанства и проводить, упрочивать ихъ вопреки всякаго рода трудностямъ. „Не смотря на всё благочестіе и на строгую вѣру, Фрисландцы все-таки твердо держались простоты и естественности, и поэтому были, можетъ-быть, единственными католиками во всемъ западномъ христіанствѣ, не терпѣвшими до XV-го столѣтія холостыхъ священниковъ, ибо, строго блюдя цѣломудріе своихъ женъ, они опасались за него вслѣдствіе безбрачія духовенства и помимо того считали безбрачіе неестественнымъ уставомъ“.

Въ зарейнскую Германію христіанство проникло изъ Ирландіи и Англіи. Оттого-то распространеніе его сначала и не было въ духѣ и интересѣ папства, оттого то также и само христіанство было тамъ чище по

своимъ ученіямъ и менѣе обременено церковными обрядами. Изъ Ирландіи вышелъ Галлъ въ Швейцарію и основалъ тамъ въ 613-мъ г. Бенедиктинское аббатство С-тъ Галленъ. Здѣсь преподавался греческій языкъ и образовалось эллинское общество. Знаменитѣйшіе мужи: Гримальдъ, Марцеллъ Изонъ, Рудбертъ, Геральдъ, Экгардъ III, какъ учитель греческаго и латинскаго языковъ, грамматикъ, а впослѣдствіи епископъ въ Люттихѣ Ноткеръ Губанъ и др. преподавали тамъ духовныя и мірскія науки, библію, отцовъ церкви, древнюю, именно латинскую литературу, даже родной языкъ, и привлекали учениковъ изъ дальнихъ странъ, самихъ царскихъ сыновей. Марцеллъ Изонъ былъ до того уважаемъ этими учениками, что 40 образовавшихся у него канониковъ заявили ему однажды свою благодарность и обѣщали впослѣдствіи отправить по немъ по 30 панихидъ каждый.—Вскорѣ послѣ Галла прибылъ *Киліанъ*, ум. въ 689 г., въ край нынѣшняго Вюрцбурга, — вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ *Эммераномъ*, основавшимъ аббатство Регенсбургъ. Киліанъ у Тюрингцевъ проповѣдывалъ христіанство. Рудбертъ направился въ страну древняго Ювавія и заложилъ аббатство, изъ котораго возникли городъ и высшее учебное заведеніе Зальцбургъ. — Благодаря англосаксонскимъ миссіонерамъ, римско-католическое христіанство проникло также въ Германію. Знатнѣйшимъ представителемъ его былъ Винфридъ или Бонифацій, — прозванный апостоломъ Германіи, ходившій съ 718-го уже года по Фрисландіи, Гессену и Баваріи и умерщвленный язычниками во время послѣдней миссіи своей во Фрисландію въ 754-мъ г. Будучи посвященъ въ епископы въ Римѣ, онъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что будетъ учить католической вѣрѣ во всей ея чистотѣ, отстаивать единство этой вѣры, въ которой заключается все спасеніе христіанъ, и никогда не возстанетъ противъ единства одной и всеобщей церкви. Бонифацій соблюлъ свою присягу, и не только распространялъ христіанство между язычниками, но и обратилъ къ католической церкви также христіанъ, бывшихъ уже въ Германіи, но придерживавшихся болѣе простого христіанства. При его лишь содѣйствіи первоверховенство Петра достигло на Западѣ всеобщаго признанія: онъ основатель германской іерархіи.—Вездѣ, гдѣ бы ни подвизался Бонифацій, основывались епископства. Вюрцбургъ для восточной Франконіи, Бюрабургъ для Гессена, Эйхштетъ для примыкающихъ къ Бемервальду странъ сѣвернаго округа, Эрфуртъ для Тюрингіи (Эрфуртъ и Бюрабургъ впослѣдствіи соединились съ Майнцомъ). И вездѣ, гдѣ бы ни основались епископства, возникали школы: Ордруфъ въ Тюрингіи, Фритцляръ въ Гессенѣ, но важнѣе всего Фульда, назначенная какъ пограничное мѣсто между Гессеномъ и Тюрингіею быть опорною точкою для совершаемаго Бонифаціемъ обращенія и учебнымъ заведеніемъ для образующихся священ-

виковъ. Монастырь былъ построенъ въ 744-мъ г. любимымъ ученикомъ Бонифацiя, Штурмомъ, и благодаря этому первому настоятелю монастыря, трудолюбiю его монаховъ, богатымъ приношенiямъ и значительнымъ привилегiямъ, онъ достигъ обширныхъ богатствъ и высокаго значенiя. Здѣсь съ 813-го г. подвизался великiй ученикъ Алкуина Рабанъ (Грабанъ) Мавръ, получившiй прозвище „primus praeceptor Germaniae". Мавръ родился въ 766-мъ г., въ Майнцѣ отъ знатныхъ родителей. Отецъ его, Рудгардъ, былъ прежде воиномъ. Благочестивая мать, Адельгунда, дала ему самое тщательное воспитанiе и сама обучала его первоначально. Чтобы довершить образованiе и посвятить многообѣщающаго отрока Господу, его отправили впослѣдствiи въ качествѣ „puer oblatus" въ монастырь Фульду. Въ извѣстной уже и знатной, снабженной обширными учебными средствами, а именно также весьма богатою библiотекою, монастырской школѣ Рабанъ положилъ начало весьма основательному научному образованiю. На 26 г. отъ роду, какъ полагаютъ, сдѣлался онъ ученикомъ Алкуина въ Турѣ, давшаго ему прозванiе Мавръ, заявляя тѣмъ, что Рабанъ любимый его ученикъ точно такъ-же, какъ святый Мавръ былъ нѣкогда любимымъ ученикомъ святаго Бенедиктина. Когда учитель отпустилъ своего ученика, то послѣднiй принялъ на себя веденiе монастырской школы въ Фульдѣ, къ которой его привязывала искренняя благодарность. По вступленiи въ эту новую должность Алкуинъ писалъ ему: „Увѣщевай окружающихъ тебя дѣтей къ цѣломудрiю тѣла, къ покаянiю во грѣхахъ своихъ, къ настойчивости въ ученiи и разсудительному обхожденiю. Поучай ихъ избѣгать неумѣренности и мiрской суеты. Они должны обучаться въ юности съ тѣмъ, чтобы сами могли обучать въ старости; они должны быть почтительны къ старшинамъ и любить церковныя требы. Пекись о томъ, чтобы они видѣли въ тебѣ образецъ и увѣщевай ихъ святыми словами!" Что касается упоминаемыхъ въ письмѣ старшинъ, то дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. При фульдскомъ аббатѣ находился совѣтъ изъ двѣнадцати знатнѣйшихъ и ученѣйшихъ монаховъ, къ которымъ первый во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ обращался съ вопросами, не собирая всего конвента. Ихъ звали старшинами и они тоже преподавали въ школѣ. Надъ ними стоялъ магистръ, завися отъ одного лишь аббата, распредѣлявшiй предметы преподованiя и назначавшiй въ школахъ старшинъ. Аббатъ Эйгиль возвелъ Рабана въ магистры. Послѣднiй довелъ школу до высокаго совершенства; слава ея отовсюду привлекала не только желавшихъ посвятить себя духовному званiю, но равно и мiрянъ, изъ высшихъ даже сословiй. Въ ней преподавались грамматика, реторика и дiалектика, ариѳметика и геометрiя, поэзiя и музыка, ас-

трономія, физика, философія и теологія. Когда число учениковъ возрастало все болѣе и болѣе, то будущихъ священниковъ отдѣлили отъ воспитанниковъ, готовившихся къ практической жизни. Первые обучались въ самомъ монастырѣ, а послѣдніе въ особомъ зданіи внѣ монастырской ограды. Рабанъ посвятилъ себя по преимуществу школѣ внутри монастыря и обучалъ своихъ учениковъ съ ревностью и одушевленіемъ мужа, всѣмъ сердцемъ преданнаго своему дѣлу; сверхъ того онъ въ часы досуга написалъ нѣсколько знаменательныхъ въ ту эпоху сочиненій. Въ 822-мъ г. онъ былъ избранъ въ аббаты монастыря, а въ 847-мъ произведенъ въ архіепископы Майнца; въ этой высокой должности онъ проявилъ величайшую всестороннюю дѣятельность какъ въ рѣчахъ, такъ и въ сочиненіяхъ. Онъ умеръ въ 856-мъ г. на виллѣ своей въ Винкелѣ, въ Рейнскомъ округѣ. — Обладая богатою ученостью, благочестивый, кроткій и снисходительный, безъ зависти и любовно предаваясь каждому изъ учащихся, онъ съ отеческою заботливостью пекся о своихъ какъ юныхъ, такъ и пожилыхъ ученикахъ, и каждаго изъ нихъ училъ сообразно его индивидуальности, его возрасту, способностямъ и нраву. „Онъ обучалъ одного не такъ, какъ другого,—напротивъ, иныхъ одной лишь грамматикѣ, другихъ также реторикѣ, а нѣкоторыхъ наконецъ еще духовнымъ наукамъ, смотря по тому какія способности оказывались у каждаго, и все это въ такой послѣдовательности, какая требовалась свойствами ученика". Самъ онъ былъ не только знатокомъ семи свободныхъ искусствъ; но обладалъ также самыми обширными въ его время знаніями греческаго языка и тогда уже сдѣлалъ справедливое заявленіе: „Какъ ручей изъ ключа, такъ точно и латинскій языкъ истекаетъ изъ греческаго, и кто пренебрегаетъ знакомствомъ съ ключемъ, тотъ никогда не познаетъ настоящей силы ручья, изъ котораго черпаетъ." Школа его была прежде всего академіею для теологовъ; преподавались однако не только знаніе библіи и религіозная наука, но также и всѣ свободныя искусства и науки; прелаты издалека присылали въ Фульду своихъ монаховъ; знатные міряне изъ дальнихъ странъ также приходили сюда учиться. Школа Рабана Мавра произвела переворотъ какъ въ системѣ обученія, такъ и въ учености Германіи. Онъ по истинѣ первый настоящій педагогъ въ Германіи.—Изъ многихъ учениковъ Мавра отличался болѣе всѣхъ Валафридъ Страбонъ (косоглазый), родившійся въ 806-мъ г. въ Аллеманіи. Отрокомъ обучался онъ въ монастырской школѣ въ Рейхенау при Боденскомъ озерѣ, потомъ былъ отправленъ въ Фульду къ Рабану, съ тѣмъ чтобы у него приготовиться къ учительской должности. Впослѣдствіи онъ сдѣлался учителемъ въ монастырской школѣ въ Рейхенау, а въ 842-мъ г. аббатомъ монастыря. Онъ скончался уже въ 849-мъ г.

О своихъ занятіяхъ и приключеніяхъ въ дни ученичества въ Рейхенау онъ велъ дневникъ, благодаря открытію и изданію котораго, мы имѣемъ вѣрное, живое и интересное изображеніе тогдашней системы обученія и воспитанія въ монастырскихъ школахъ. Впервые появился онъ въ годовомъ отчетѣ объ учебномъ заведеніи Бенедиктинскаго монастыря Эйнзидельна отъ 1856-го до 1857-го г. и съ тѣхъ поръ перешелъ въ разныя историко педагогическія сочиненія. Дневникъ гласитъ:

Я былъ совершеннымъ невѣждой и очень удивился при видѣ большихъ монастырскихъ зданій, въ которыхъ мнѣ предстояло жить съ этихъ поръ; я очень обрадовался, увидѣвъ передъ собою толпу дружелюбно привѣтствовавшихъ меня товарищей и соучастниковъ въ играхъ. Впрочемъ и я также доставлялъ имъ иногда удовольствіе, такъ какъ для меня все было ново и непривычно, и потому я былъ неловокъ и неуклюжъ или невпопадъ подражалъ тому, что дѣлали при мнѣ другіе.

Но уже черезъ нѣсколько дней я ко всему лучше приноровился и лишь только попавыкъ къ общему порядку, какъ схоластикъ Гримальдъ поручилъ меня одному изъ учителей, у котораго я долженъ былъ обучаться чтенію. Я былъ не одинъ у него, тамъ было еще нѣсколько мальчиковъ моихъ лѣтъ, какъ изъ знатнаго, такъ и изъ простого званія, но всѣ они во многомъ уже опередили меня. Снисходительная подмога со стороны учителя и мое честолюбіе попеременно подстрекали меня ревностно заняться этимъ дѣломъ, и черезъ нѣсколько недѣль я дошелъ до того, что въ состояніи былъ читать довольно бѣгло не только написанное на моей вощенной доскѣ, но даже и латинскую книгу, которую мнѣ вручили. Потомъ мнѣ дали нѣмецкую книжку; чтеніе ея стоило мнѣ, правда, болѣе труда, но за то она доставила мнѣ душевное удовольствіе. Ибо, прочитавъ что-либо, я все понималъ тутъ, тогда какъ въ латинскомъ было наоборотъ, и меня сначала весьма удивляло то, что читая, можно въ то же время и понимать прочитанное.

Осенью, во время сбора плодовъ, по нѣскольку дней къ ряду не было ученія; мы съ нашими учителями катались по озеру сколько душѣ угодно и собирали яблоки подъ плодообильными деревьями, окружавшими монастырь. Когда прошли эти веселые дни, то, ознакомясь съ буквами и научившись связывать ихъ, я долженъ былъ переписывать ихъ на моей вощенной доскѣ; это занятіе было не совсѣмъ понутру мнѣ. Отъ скуки я пускался на разныя затѣи и дразнилъ моихъ товарищей, чѣмъ навлекалъ на себя выговоры, а иногда и побои. Между тѣмъ въ теченіе зимы я выучился писать, а весной въ 816-мъ г., будучи 10 лѣтъ отъ роду, перешелъ къ учителю грамматики, магистру Герарду.

Годъ 816ый.—Тутъ прежде всего пришлось мнѣ выучить наизусть нѣсколько латинскихъ фразъ для того, чтобы объясняться съ моими товарищами полатыни. Они большею частью далеко уже опередили меня: одни были во второмъ, другіе въ третьемъ и четвертомъ году грамматики. Поэтому они всегда, за исключеніемъ часовъ роздыха, обязаны были говорить между собою полатыни; намъ же, начинающимъ, разрѣшалось, въ случаѣ крайности, объясняться другъ съ другомъ и понѣмецки.

Черезъ нѣсколько времени мнѣ дали въ руки грамматику Доната, а одному изъ старшихъ учениковъ поручили выспрашивать меня изъ нея до тѣхъ поръ, пока я не усвоилъ себѣ всѣхъ восьми частей рѣчи и правилъ касательно ихъ измѣненій. Въ первые два урока учитель самъ потрудился указать мнѣ, какъ слѣдуетъ поступать при изученіи этихъ словъ и оборотовъ; но потомъ онъ приходилъ лишь къ концу урока, чтобы узнать отъ моего наставника, какъ я исполнилъ свое дѣло. Послѣдній конечно былъ доволенъ моими успѣхами по Донату; у меня нашлось даже время затѣвать разныя шалости и мѣшать моимъ товарищамъ. Я зналъ, что ученикъ, обучавшій насъ, не смѣлъ бить меня, да и слишкомъ любилъ меня, такъ что подъ конецъ урока никогда не думалъ жаловаться учителю. Случалось однако, что я доходилъ до крайности, что даже учившіеся въ другихъ отдѣленіяхъ залы второй и третьей грамматикѣ замѣчали это и своимъ смѣхомъ обращали на то вниманіе занятаго съ ними учителя. Въ первый разъ я отдѣлался суровымъ, строгимъ взглядомъ со стороны послѣдняго, во второй—онъ подошелъ ко мнѣ, спросилъ, не забылся ли я уже окончательно и пригрозилъ мнѣ указательнымъ перстомъ; когда же ничто не помогало, то онъ лишалъ меня какой-нибудь порціи за обѣдомъ, или же бралъ со стѣны розгу.

Послѣ обѣда мы должны были всякій разъ примѣнять правила, которыя утромъ запечатлѣли въ памяти. Ученикъ, а иногда и самъ учитель, говорилъ намъ понѣмецки болѣе или менѣе длинныя фразы, а мы тутъ же должны были писать ихъ на доскѣ полатыни; слова намъ были извѣстны частью изъ Доната, частью также изъ ежедневныхъ разговоровъ, а не то мы спрашивали у учителя. Но такъ какъ мы писали по слуху, не видавъ словъ, то я часто писалъ ихъ очень странно. Вечеромъ намъ разсказывали какой-нибудь отрывокъ изъ библейской исторіи, а по утрамъ мы должны были всякій разъ пересказать его вновь.

Пока мы во второй и въ третій разъ повторяли вмѣстѣ Доната, въ нашемъ сосѣдствѣ окончена была церковная постройка. Между зданіемъ нашей школы и монастырскою стѣной возвышался теперь великолѣпный соборъ. Когда я прибылъ въ Рейхенау, онъ былъ уже выведенъ, но строительное братство все еще ревностно трудилось надъ отдѣлкою внутреннихъ

украшеній. Наконецъ насталъ день освященія величественнаго храма. На праздникъ стеклись несмѣтныя толпы; за два дня до того озеро уже было покрыто судами, на которыхъ вмѣстѣ съ простымъ народомъ пріѣзжали господа и рыцари изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. Сюда прибыли также многіе епископы и послы отъ двора Людвига, ибо настоятель былъ близкимъ другомъ великаго отца его, Карла. Соборъ во имя Маріи, Божьей Матери, былъ освященъ настоятелемъ и епископомъ Гаттономъ въ присутствіи всѣхъ епископовъ, принявшихъ въ полномъ облаченіи участіе въ празднествѣ. Зрѣлище было великолѣпное: семьсотъ братьевъ, сто воспитанниковъ внутренней и четыреста внѣшней школы образовали хоръ, какого я никогда не видалъ и не слыхалъ; а во время литургіи весь народъ вторилъ молитвамъ епископа. Тутъ впервые что-то невыразимое пробудилось въ душѣ моей, мною овладѣла безпредѣльная тоска, Божье величіе и милосердіе наполнило душу мою, и я рѣшился всецѣло и нераздѣльно посвятить себя на службу Его.

Съ этихъ поръ я сталъ сдержаннѣе и смирнѣе всѣмъ моимъ существомъ, чему обрадовались мои учителя, особенно доминусъ (т. е. господинъ) Гримальдъ, и удивились всѣ сотоварищи мои. Настоятель Гаттонъ, до возвращенія въ свое епископство въ Базель, хотѣлъ присутствовать на экзаменахъ у насъ въ школѣ. Онъ былъ особенно доволенъ моими отвѣтами; я съ дѣтскою довѣрчивостью обращался къ высокому и ласковому мужу, котораго за нѣсколько дней тому назадъ видѣлъ въ такомъ величіи и блескѣ среди епископовъ, графовъ и рыцарей, и который теперь какъ любящій отецъ сидѣлъ среди насъ. Онъ поручилъ доминусу Гримальду имѣть обо мнѣ особое попеченіе.

Годъ 817-й.—Въ теченіе слѣдующей зимы мы занимались второю частью грамматики, правописаніемъ; съ этихъ поръ мы также должны были постоянно говорить по-латыни, причемъ конечно случались промахи, много потѣшавшіе нашихъ учителей и сотоварищей. Каждый день читалась глава изъ псалтыря. Мы записывали ее на своихъ доскахъ потомъ каждый изъ насъ долженъ былъ исправлять орѳографическія ошибки своего сосѣда, а одинъ изъ учившихся грамматикѣ четвертый годъ долженъ былъ затѣмъ провѣрить написанное. Послѣ того все разбиралось отъ слова до слова и объяснялось, а на другое утро мы должны были выучить главу наизусть. Такимъ образомъ въ теченіе зимы и слѣдующаго затѣмъ лѣта мы запечатлѣли въ памяти весь псалтырь. Съ этихъ поръ намъ разрѣшалось наряду съ другими воспитанниками участвовать въ хоровомъ пѣніи братьевъ. Но насъ, воспитанниковъ внѣшней школы, допускали къ этому лишь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; тогда какъ воспитанники внутренней школы, наравнѣ и вмѣстѣ съ братьями посмѣнно въ 24 отдѣленіяхъ цѣлый день пѣли

гимны. Они стояли въ самомъ хорѣ; мы же, напротивъ того, занимали мѣсто возлѣ него, оттого что не носили орденскаго платья, а безъ этого никто не смѣлъ входить ни въ хоръ, ни во внутреннія части монастыря.

Годъ 818-й.—Въ этотъ годъ посажена была также первая виноградная лоза на островѣ, и когда мы въ присутствіи доминуса Эрлебальда, руководствовавшаго внутреннею школою, хорошо выдержали испытаніе, то намъ разрѣшено было полакомиться первымъ виноградомъ. Съ новымъ рвеніемъ принялись мы за чтеніе Алкуина и дистиховъ Катона, вслѣдствіе чего намъ необходимо было изучить метрику; я получилъ экземпляръ, въ которомъ соединены были грамматика Алкуина и метрика Беды. Другіе получили метрику Викторина, причемъ намъ самимъ въ присутствіи учителей надлежало объяснять другъ другу правила просодіи, а потомъ и стихотворства. Мы провѣряли и испытывали наши правила и нашу память на стихахъ Проспера и Ювенка, а также еще Седулія, которыхъ читали подвое вмѣстѣ, потомъ въ вечерніе часы мы по очереди давали о томъ отчетъ учителямъ. Для упражненія памяти мы твердили наизустъ гимны церковныхъ и праздничныхъ дней, впрочемъ частью уже усвоенные нами благодаря частымъ повтореніямъ. Начиная съ лѣта намъ, такъ же какъ и другимъ, поручалось поочередно читать за столомъ, къ чему мы приготовлялись сначала подъ вѣдѣніемъ одного изъ старшихъ учениковъ. Причемъ въ первые раза на меня находилъ такой страхъ, что я дѣлалъ много ошибокъ, и корректоръ, не допускавшій ни малѣйшей ошибки, прогонялъ меня такъ часто, что я падалъ почти духомъ. Въ это самое время мы лишились начальника нашей школы доминуса Грималъда, котораго настоятель Гаттонъ отправилъ въ монастырь Аніанъ вмѣстѣ съ доминусомъ Таттономъ, принадлежавшимъ также къ числу нашихъ учителей; по поводу этого отъѣзда сочинилъ я мое первое латинское письмо, въ которомъ выразилъ свою дѣтскую любовь и благодарность и въ заключеніе котораго насилу скропалъ какое-то двустишіе. Онъ подарилъ мнѣ списокъ Виргиліевыхъ эклогъ, которыя я то и дѣло перечитывалъ и изучалъ въ часы досуга. Тогда начальникомъ школы сдѣлался Ветинъ, братъ Грималъда, и остался имъ до своей смерти, замѣчательныя обстоятельства которой я описалъ въ гекзаметрахъ, о чемъ разскажу послѣ.

Годъ 819-й.—Дабы пополнить наши грамматическія знанія, намъ поручили въ теченіе зимы обучать вновь поступившихъ учениковъ грамматикѣ и письму точно такъ же, какъ обучали насъ прежде другіе. Я занялся этимъ дѣломъ съ ревностью и съ такимъ же успѣхомъ, чѣмъ и заслужилъ въ высокой степени расположеніе Ветина. Въ то же время магистръ Герардъ, учитель грамматики, знакомилъ насъ съ фигурами и тропами рѣчи, причемъ указывалъ на нихъ сперва

въ Священномъ Писаніи, а затѣмъ требовалъ, чтобы мы сами изъ читанныхъ уже нами поэтовъ, а также изъ Стація и Лукана, которыхъ теперь читали, представляли образцы и примѣры. Тѣ изъ насъ, которые не чувствовали въ себѣ ни призванія, ни способностей обучать другихъ, занимались подъ вѣдѣньемъ учителя перепискою грамматикъ Присціана, Марія Викторина и Кассіодора, или упражнялись въ воставленіи латинскихъ и нѣмецкихъ предложеній, заимствованныхъ изъ обыденной жизни, библейской исторіи или изъ прочитанныхъ авторовъ. При этомъ мы могли пользоваться словаремъ синонимовъ, составленнымъ о ту пору для насъ магистромъ Герардомъ и оказавшимъ намъ отличныя услуги также при сочиненіи стиховъ.

Въ занятіяхъ этого рода наступало время, когда всѣ переходившіе изъ грамматики въ реторику, числомъ 32 ученика, подвергались по этому поводу окончательнымъ испытаніямъ. Съ этою цѣлью подъ исходъ зимы повторяли мы съ нашими учителями три части грамматики: этимологію, орѳографію и метрику, также ученіе о фигурахъ и тропахъ.

Въ назначенный день доминусъ Эрлебальдъ пришелъ съ остальными учителями внутренней школы въ большой залъ нашего зданія и самъ предлагалъ каждому изъ насъ по нѣскольку вопросовъ о предметахъ, которые мы изучали, и о писателяхъ, которыхъ читали. Изъ послѣднихъ мы должны были приводить примѣры на каждое правило. Отъ насъ требовался также отчетъ о разсказахъ изъ библейской исторіи Ветхаго и Новаго завѣтовъ, прослушанныхъ нами въ эти четыре года, и сверхъ того о смыслѣ и значеніи ихъ. Тѣхъ, которые отстали въ какомъ либо предметѣ, заставляли заучивать его еще разъ потверже, а тѣ, которые обнаруживали равнодушіе или нерадѣніе, подвергались рѣзкому выговору отъ доминуса Эрлебальда, казавшагося намъ тогда чрезвычайно строгимъ и суровымъ человѣкомъ. Впрочемъ не всѣ изъ моихъ сотоварищей переходили съ нами въ реторику: нѣкоторые изъ молодыхъ дворянъ отправились домой или отвозились своими родителями, съ тѣмъ чтобы въ качествѣ оруженосцевъ изучать рыцарскія искусства, чему въ монастырской школѣ вовсе не обучали. Ибо хотя мы каждый день видѣли, какъ въ гостинницу возлѣ насъ приставали рыцари и графы, однако мы съ ними не входили ни въ какія сношенія; лишь священники и епископы приходили иногда въ нашу комнату, съ тѣмъ чтобы испытать насъ или порадоваться нашимъ веселымъ играмъ. Я до сихъ поръ все еще помню, какъ стыдно мнѣ было, когда въ происходившемъ въ присутствіи епископа бѣгѣ въ запуски я упалъ на земь и былъ еще осмѣянъ за то. Съ этихъ поръ мнѣ уже не понутру были такого рода потѣхи и я охотнѣе предавался играмъ въ кости или палки.

Когда наступили дни отдыха которые въ этотъ годъ были еще пріятнѣе вслѣдствіе прогулокъ на принадлежащіе монастырю хутора, то къ великому удовольствію нашему возвратились въ Рейхенау оба учителя, доминусъ Гримальдъ и доминусъ Таттонъ. Первому поручено было ввести въ монастырскихъ учрежденіяхъ тѣ реформы, какія сочтетъ онъ необходимыми вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ въ Аніанѣ наблюденій, а Таттонъ взялся посвятить насъ въ тайны реторики.

Годъ 820-й.—Въ день памяти святаго Пирминія, основателя и перваго аббата нашего (3 ноября), приступили мы къ нашему реторическому ученію. Руководствомъ служилъ Кассіодоръ, большею частью, уже извѣстный намъ, ибо въ грамматикѣ намъ давались и предлагались для чтенія труды его объ этомъ предметѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы объясняли и читали въ школѣ реторическія сочиненія Цицерона; чтеніе же Квинтиліана предоставлялось на волю каждаго. До этихъ поръ намъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ короткихъ писемъ, не приходилось ничего сочинять; теперь же мы почти каждый день должны были упражняться въ составленіи различныхъ родовъ и формъ рѣчи въ томъ видѣ, какъ они излагались въ руководствѣ. Этими работами занимались мы въ теченіе всей зимы.

Весной началось изученіе исторіи, въ которой мы пріобрѣли уже нѣкоторыя знанія изъ мартиролога, благодаря чтенію за трапезой и бесѣдамъ съ нашими учителями. Въ основу при этомъ положена была хроника Беды, а для справокъ намъ была дана книга, въ которой библіотекарь Регинбертъ велѣлъ списать вмѣстѣ хроники Евсевія Кесарійскаго, святаго Іеронима, Проспера, Кассіодора, епископовъ Іорнанда и Меллита. Помимо того мы читали въ школѣ сперва Саллюстія, а потомъ Тита Ливія, въ которыхъ при этомъ надлежало указывать еще на реторическія правила и формы. Въ то же время по совѣту Таттона я читалъ также привезенный имъ съ собою діалогъ Алкуина о реторикѣ и добродѣтеляхъ, и нашелъ его столько же поучительнымъ, сколько пріятнымъ.

Для перемѣны мы объясняли отдѣльныя мѣста изъ Виргиліевой Энеиды, также изъ Пруденція и Фортуната, а по временамъ и сами составляли короткіе латинскіе стишки. Это впрочемъ не всѣмъ вмѣнялось въ обязанность; я же напротивъ занимался этимъ съ такою охотою, что часто упускалъ изъ за того другіе уроки. Наконецъ каждый изъ насъ долженъ былъ списать для себя одну изъ хроникъ, дабы впослѣдствіи имѣть ее на всякій случай подъ рукой.

Годъ 821-й.—Въ теченіе слѣдующей зимы мы занимались подъ руководствомъ Таттона діалектикой; онъ преподавалъ ее намъ по сочиненію Алкуина, привезенному имъ съ собою изъ Франціи; но такъ какъ имѣлся всего лишь одинъ

списокъ его, то намъ дали а руки Кассіодора и введеніе Порфирія, а впослѣдствіи Боэтія и сочиненіе Беды объ Аристотелевой діалектики. Мы должны были попеременно вести другъ съ другомъ бесѣды объ этой наукѣ. Таттонъ особенно любилъ вызывать каждаго изъ насъ на соображенія по одному и тому же предмету, а потомъ защищать вѣрность ихъ противъ возраженій противника. Если мы при этомъ чѣрезъ-чуръ разгорячались, то преніе тотчасъ же прекращалось и возобновлялось опять на другой лишь день. Логика мнѣ нравилась болѣе всего, и часто къ ссылкамъ, приводимымъ Алкуиномъ изъ стиховъ Виргилія, пытался я пріискать еще другія, въ чемъ меня особенно поощрялъ Таттонъ. Ибо какъ чтеніе поэтовъ, такъ и изученіе исторіи продолжались попрежнему, и всякій изъ насъ каждую недѣлю въ назначенный для того день давалъ отчетъ о томъ и о другомъ.

Въ теченіе лѣта Таттонъ ознакомилъ насъ съ собраніями законовъ, которые должны были ввести насъ въ дѣйствительную жизнь и доставить намъ самый обильный матеріалъ для нашихъ діалектическихъ и реторическихъ упражненій. Нѣкоторые изъ насъ, не справясь съ діалектикою, прежде уже обращались къ такимъ сборникомъ, и тщательно просматривали своды законовъ Ѳеодосія, салійскихъ и рипуарійскихъ Франковъ, а также Лонгобардовъ. Теперь же всѣ еще разъ занялись ими, причемъ Таттонъ сообщилъ намъ изъ своего богатаго опыта превосходныя поясненія. Онъ юность свою провелъ при императорскомъ дворѣ, и потому у него былъ неистощимый запасъ фактовъ всякаго рода, при посредствѣ которыхъ онъ все наглядно представлялъ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединялъ къ этому мудрые совѣты на будущее время. Въ числѣ многихъ духовныхъ лицъ и епископовъ, осматривавшихъ въ это лѣто нашу школу, былъ также Теганъ, хорепископъ [1]) Трирскій, старый другъ нашего настоятеля, Гаттона, почти каждый годъ посѣщавшій Рейхенау.

Годъ 822-й.—Послѣ этого вся зима была посвящена усвоенію правилъ реторики и діалектики, которыя мы слушали и впечатлѣли въ своей памяти за послѣдніе два года. Упражненія эти были двоякаго рода: сначала изустныя, а потомъ письменныя. Намъ изъ исторіи, изъ обыденной жизни или изъ собраній законовъ давались предметы, которые мы должны были разработать въ рѣчахъ и возраженіяхъ. Мы изощрялись при этомъ въ искусствѣ приводить

[1]) Хорепископы были настоящіе епископы, исполнявшіе въ качествѣ помощниковъ городскихъ епископовъ въ отдаленныхъ мѣстахъ обширныхъ епархій такія обязанности, какія требовали епископскаго сана. Но безъ особаго разрѣшенія городскихъ епископовъ они не имѣли права посвящать кого-либо въ высшую должность.

доказательства и въ то же время совершенствовали нашу рѣчь. Прежде всего мы должны были обыкновенно представить учителю наши доводы въ строго діалектической формѣ, а потомъ обставить ихъ реторическими украшеніями, причемъ не рѣдко требовалось, чтобы мы одно и то же умѣли съ равнымъ искусствомъ выражать въ шести, семи и часто даже въ еще болѣе различныхъ видахъ. Мы должны были также свободно пересказывать житія святыхъ или писать и излагать изустно характеристическіе очерки и похвальныя рѣчи. По временамъ мы сочиняли также нѣмецкіе стихи по образцу собраній народныхъ пѣсень и преданій, которые читалъ намъ Таттонъ. Карлъ Великій постоянно требовалъ отъ настоятеля Гаттона, чтобы въ монастырскихъ школахъ обращали болѣе вниманія на нѣмецкій языкъ. Вслѣдствіе такого требованья Таттонъ и поучалъ насъ составлять вопервыхъ: нѣмецкіе словари, а вовторыхъ переводы и рѣчи, и послѣднія у многихъ изъ насъ выходили даже лучше, нежели латинскія. Мы не могли только сладить съ правописаніемъ, оттого, что многіе нѣмецкіе звуки нельзя было выразить латинскими буквами, и у каждаго изъ насъ, смотря по мѣсту рожденія, былъ свой особый выговоръ, а слѣдовательно и свое правописаніе. Поэтому намъ гораздо лучше удавалось произнесть изустную рѣчь понѣмецки, нежели написать переводъ или сочиненіе.

Между тѣмъ наступило время, когда намъ предстояло перейти въ новый кругъ учебныхъ предметовъ. Но до того намъ пришлось выдержать экзаменъ, который вслѣдствіе совершенно неожиданнаго случая получилъ особенное значеніе.

До насъ дошло именно, что настоятель Гаттонъ, управлявшій монастыремъ со времени моего рожденія (806), намѣренъ передать свой архіерейскій жезлъ въ болѣе молодыя, сильныя руки, и остальные дни своей жизни въ уединенной кельѣ посвятить исключительно служенію Богу и спасенію своей души. Итакъ онъ въ послѣдній разъ присутствовалъ на нашихъ испытаніяхъ, и, выслушавъ наши отвѣты какъ изъ грамматики, такъ равно изъ реторики, діалектики полатыни и отчасти даже понѣмецки, онъ спросилъ насъ:

На что намѣрены мы употребить все, чему учились? „Служа Богу“ сказалъ онъ потомъ, „вы лишь воспользуетесь вашими дарованіями и знаніями на счастіе себѣ самимъ и во благо другимъ. Ни власть, ни почести, ни богатство, ни чувственныя наслажденія не въ силахъ дать миръ вашей душѣ.“

Я не понималъ еще, что онъ хотѣлъ сказать этимъ, но на другой день, увидѣвъ, какъ старецъ въ хорѣ соборномъ сошелъ съ своего престола, и взявъ за руку Эрлебальда, возвелъ его, передалъ ему жезлъ и митру при громкомъ плачѣ и рыданіи всѣхъ присутствующихъ, а потомъ сошелъ въ

ряды своихъ братьевъ съ радостнымъ взоромъ и добрымъ, яснымъ лицомъ, и когда увидѣлъ я строгаго Эрлебальда въ слезахъ—то я прозрѣлъ въ душѣ моей, постигъ какъ никогда еще, ничтожество всего земного, и ощутилъ въ себѣ силу на подобное отреченіе и на такую же жертву. Часто потомъ, сидя въ нашемъ саду съ моими товарищами, говорившими о своихъ зáмкахъ и дворцахъ, и о великолѣпныхъ чертогахъ князей и герцоговъ, о блестящихъ празднествахъ и турнирахъ, смотрѣлъ я молча на спокойную поверхность озера, въ которомъ отражались блѣдный серпъ луны и сверкающая вечерняя звѣзда, и думалъ о Богѣ,—Богѣ моего сердца, и прощальныя слова маститаго настоятеля вновь отзывались въ душѣ моей. Нѣкоторые изъ насъ сочинили стихи по поводу этого праздника и прочли ихъ за трапезой подъ звуки музыки и пѣсень; Таттонъ рѣшилъ послать ихъ Трирскому епископу, Тегану, которому мы еще въ бытность его осенью обѣщали приготовить такую посылку. Мы исполнили это теперь тѣмъ охотнѣе, зная, что онъ старый, искренній другъ нашего дорогого настоятеля Гаттона, и я по порученію моего учителя написалъ къ этому небольшое предисловіе, на которое Теганъ отвѣтилъ стихами; послѣ этого наши поэтическія сношенія и переписка продолжались до недавно постигшей его смерти. Въ такія же отношенія вступилъ я въ это время, чрезъ посредство того же Таттона къ Агобарду, архіепископу Ліонскому, которому незаслуженно былъ представленъ при посѣщеніи его года два тому назадъ; къ нему тоже препроводилъ я письмо въ гекзаметрахъ, принятое имъ весьма благосклонно. Все это способствовало къ тому, что я исполнился почти страстною любовью не только къ поэзіи, но также и къ наукѣ. Въ такомъ настроеніи лѣтомъ 822-го г. принялся я подъ руководствомъ Таттона, за изученіе ариѳметики; сперва онъ объяснялъ книги консула Манлія Боэтія касательно разныхъ родовъ и, раздѣленій, и значеній чиселъ; потомъ обучились мы счету по пальцамъ; и употребленію покрытой пескомъ доски (абака) по книгамъ, написаннымъ объ этомъ Бедою и Боэтіемъ.

Какъ время, такъ и вниманіе наше въ сильной мѣрѣ были заняты лѣтосчисленіемъ Евреевъ, Грековъ и Римлянъ, а также руководствомъ къ составленію календаря, вычисленію златого числа, эпактъ, индиктовъ. Для разнообразія и развлеченія рѣшали мы математическія загадки, составленныя Алкуиномъ для Карла Великаго. Впослѣдствіи я самъ пытался составлять подобныя загадки, и многія изъ нихъ изложилъ въ гекзаметрахъ. Нѣкоторые изъ насъ не въ состояніи были слѣдить за этими вычисленіями, и прежде чѣмъ мы перешли къ геометріи, отъ насъ удалились тѣ, которые захотѣли посвятить себя изученію медицины, правовѣдѣнью или искусствамъ живописи и ваянія. Послѣдніе съ

наступившею весною поручены были братьямъ, имѣвшимъ свои мастерскія на другой сторонѣ монастыря, и пробыли тамъ два года и даже долѣе. Тѣ же, которые желали изучить врачебное искусство, обучались съ этихъ поръ у доминуса Рихрама; онъ жилъ по ту сторону настоятельскаго дома въ особомъ зданіи, заботливо ухаживалъ за садомъ съ цѣлебными травами, умѣлъ особенно искусно приготовлять напитки и бальзамы и при помощи нѣкоторыхъ изъ братьевъ пекся о больныхъ.

Годъ 823-й.—Послѣ этого разобщенія насъ осталось еще около двадцати человѣкъ, и мы продолжали свои занятія по Боэтію; прежде всего мы принялись за его три книги о геометріи, причемъ вольны были сверхъ того пользоваться собраніемъ нѣкоторыхъ другихъ геометрическихъ сочиненій.

Ознакомясь съ фигурами и ихъ свойствами, мы должны были сами научиться чертить и опредѣлять такія же. Впослѣдствіи мы занялись также измѣреніемъ линій, площадей и тѣлъ и вымѣрили не только монастырскіе участки и разстоянія ихъ на островѣ, но также и высоту зданій и башенъ.

Нашимъ главнымъ занятіемъ было ознакомиться съ землею и различными ея частями, съ странами и морями по ихъ свойству, по ихъ произведеніямъ минеральнымъ растительнымъ и животнымъ. Правда, въ исторіи мы и объ этомъ также получили уже нѣкоторыя свѣдѣнія, но теперь они опирались на болѣе твердомъ основаніи, доказывались выкладками и пояснялись ихъ причины. Руководствами при этомъ служили намъ итинерарій Антонія, космографія Иѳика, сочиненія Беды объ этомъ предметѣ, также твореніе святаго Исидора. Всего больше удовольствія доставляли намъ карты и фигуры, которыми мы были хорошо снабжены, и часто, бывало, въ часы отдохновенія чертили мы въ большихъ размѣрахъ на пескѣ нашего рекреаціоннаго двора очерки странъ и земель, ихъ поверхность, пояса, рѣки и хребты горъ. Всѣ эти объясненія о явленіяхъ природы и ихъ причинахъ намъ очень нравились, и ни одна изъ наукъ не служила такъ часто предметомъ нашихъ бесѣдъ и вопросовъ, предлагаемыхъ учителю, доминусу Таттону. Я часто удивлялся терпѣнію и готовности, съ какими онъ всегда отвѣчалъ на наши вопросы, и меня чрезвычайно плѣняло кроткое спокойствіе, осѣнявшее черты его, свѣтившее у него въ глазахъ и звучавшее въ устахъ. Это божественное спокойствіе оказывало нѣкоторымъ образомъ чарующее вліяніе на наши тревожные умы и безпокойныя сердца, и какъ бы ни волновались мы, но стоило лишь явиться ему, поговорить съ нами, и все успокоивалось и уяснялось въ нашемъ кружкѣ. Онъ былъ мастеръ умно поставленными вопросами и вводными замѣчаніями смирять болѣе даровитыхъ между нами, и наоборотъ также, легкими, исподоволь наводя-

щими вопросами ободрять болѣе слабыхъ и не такъ способныхъ.

Доминусъ Гримальдъ, хотя и не былъ уже нашимъ учителемъ, иногда также приходилъ къ намъ, чтобы убѣдиться въ нашихъ успѣхахъ и поощрить насъ; но въ эту зиму его отозвали въ Ахенъ ко двору императора Людвига и удержали тамъ въ должности архикапеллана. Мы, насколько то было возможно, поддерживали съ нимъ живыя сношенія, и я посылалъ ему иногда нѣкоторые изъ моихъ стиховъ. Онъ сообщалъ ихъ епископамъ, освѣдомлявшимся о состояніи нашей школы, и вслѣдствіе этого я былъ вынужденъ посылать имъ особыя стихотворенія. Такъ я послалъ одно изъ нихъ Реймсскому архіепископу Эббону, когда онъ отправлялся миссіонеромъ въ Данію; другое — назначенному епископомъ въ Метцѣ Драгону, испытавшему чрезвычайныя превратности счастія. Съ Модориномъ, епископомъ Отёнскимъ, познакомился я черезъ его племянника, который почти въ одно время со мною началъ свой курсъ въ Рейхенау, и я тѣсно сблизился съ нимъ. Впослѣдствіи я и ему также посылалъ иногда письма.

Начиная съ пасхи слѣдующаго года, принялись мы за изученіе музыки. Хотя я мало способенъ для исполненія этого искусства, но все таки я съ любовью пристрастился къ нему. Съ тѣмъ бо̀льшимъ рвеніемъ изучалъ я поэтому книги Боэтія и читалъ Беду. Таттонъ самъ былъ знаменитый музыкантъ и сочинялъ разные гимны и пѣсни; онъ читалъ намъ подробныя лекціи о послѣдовательности и взаимномъ отношеніи тоновъ и о законахъ композиціи. Потомъ объяснялъ онъ намъ свойство и употребленіе разныхъ инструментовъ, правила пѣнія, различные нотные знаки, постепенное происхожденіе и настоящее значеніе ихъ.

Почти каждый изъ насъ въ прежніе уже годы учился либо пѣть, либо играть на какомъ нибудь инструментѣ; одинъ игралъ на органѣ, служившемъ единственнымъ акомпаниментомъ храмовому пѣнію, другой—на арфѣ, третій на флейтѣ, трубѣ или тромбонѣ, нѣкоторые играли на дельтообразной цитрѣ или на трехструнной лирѣ; всѣ сподрядъ обучались этому и посвящали большую часть своего времени для того, чтобы усовершенствоваться въ этомъ искусствѣ. Я же напротивъ того, не смотря на повторявшіяся попытки, не могъ изучить ни одного изъ этихъ инструментовъ, хотя и обязанъ былъ участвовать въ псалмопѣніи; а такъ какъ у меня оставалось много свободнаго времени, то я пользовался имъ сначала для того, чтобы сочинять мелодіи къ разнымъ пѣснямъ. Доминусъ Таттонъ отсовѣтовалъ мнѣ это; но такъ какъ я настойчиво просилъ его, то онъ позволилъ мнѣ присутствовать при урокахъ, которые онъ давалъ по этому предмету нѣкоторымъ изъ насъ. Я строго слѣдилъ за правилами и пытался даже примѣнять ихъ, что мнѣ и уда-

валось; когда же учитель заставилъ меня пропѣть все, что я составилъ, то оно выходило такъ чудно и нелѣпо, что я навсегда отказался отъ подобныхъ поползновеній. Тогда доминусъ Таттонъ предложилъ мнѣ изучить греческій языкъ, а такъ какъ самому ему было некогда, то онъ обратился за меня къ доминусу Ветину, прося его быть моимъ преподавателемъ. Ветинъ съ большою готовностью исполнилъ мое желаніе, и нѣкоторые изъ моихъ товарищей также возъимѣли охоту поработать надъ греческимъ языкомъ но по прошествіи двухъ-трехъ недѣль, они упали духомъ, такъ что я одинъ остался вѣренъ своему намѣренію.

Ветинъ всѣми силами старался облегчить и сдѣлать пріятнымъ мое ученіе. Когда я усвоилъ себѣ главнѣйшія правила этимологіи по грамматикѣ Досиѳея, то принялся за чтеніе Гомера; доминусъ Гримальдъ, особенно любившій его и назвавшійся даже его именемъ, подарилъ мнѣ на этотъ конецъ особую рукопись, купленную имъ въ Ахенѣ у одного константинопольскаго Грека. Впрочемъ у насъ и безъ того не было бы недостатка въ экземплярахъ Гомера, такъ какъ Гаттонъ и Эрлебальдъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, находясь послами короля Карла при Греческомъ императорѣ въ Константинополѣ, накупили ихъ не мало.

Въ этихъ занятіяхъ проводилъ я долгіе зимніе вечера; я читалъ съ Ветиномъ первыя пѣсни Гомеровой поэмы подъ заглавіемъ Иліада, и доминусъ Ветинъ преподавалъ мнѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ онъ самъ вмѣстѣ съ Эрлебальдомъ обучался у Шотландца Клеменса, къ которому посылалъ ихъ Гаттонъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ этотъ Клеменсъ и товарищъ его Дунгалъ прибыли въ Галлію къ королю Карлу. Оба мужа, необычайно свѣдущіе какъ въ мірскихъ наукахъ, такъ и въ Священномъ Писаніи, пристали съ британскими торговцами къ берегамъ Галліи. Они не выставляли однако никакихъ продажныхъ товаровъ на показъ, но когда собиралась толпа покупателей, то они разглашали: Кто жаждетъ премудрости, приходи къ намъ и пріобрѣти ее у насъ, ибо она для того и продается нами. А предлагали они ее за деньги на томъ основаніи, что видѣли, какъ народъ добивался не того, что предлагалось даромъ, а напротивъ, дорогого; такимъ образомъ они хотѣли или подстрекнуть людей добиваться мудрости также какъ другихъ предметовъ, или, что и оправдалось впослѣдствіи, возбудить любопытство и удивленіе своимъ зазывомъ. Короче, они провозглашали это до тѣхъ поръ, пока удивлявшіеся имъ люди и считавшіе ихъ даже сумасбродами не довели того до свѣдѣнія короля Карла, всегда питавшаго большое пристрастіе и сильное влеченіе къ мудрости. Онъ велѣлъ позвать ихъ къ себѣ и спросилъ ихъ: дѣйствительно ли они, какъ донесли ему, имѣютъ при себѣ мудрость. Они отвѣтили: „Конечно, она съ нами и мы готовы на-

дѣлить ею всякаго, кто достойнымъ образомъ домогается ея во имя Господа". Когда же онъ затѣмъ спросилъ, что потребуютъ за это, то они отвѣтили: „Только удобныхъ мѣстъ и воспріимчивыхъ душъ да того, безъ чего нельзя обойтись въ странствіяхъ,—пищи и одежды". Услышавъ это, король чрезвычайно обрадовался; сначала, правда, онъ обоихъ оставилъ на время при себѣ, но послѣ, когда самъ вынужденъ былъ отправиться въ походъ, велѣлъ одному изъ нихъ (Клеменсу, учителю Ветина) водвориться въ Галліи и поручилъ его попеченію множество болѣе или менѣе знатныхъ и простыхъ мальчиковъ, предписалъ также, чтобы ихъ снабдили всѣмъ необходимымъ, въ чемъ они нуждались, и назначилъ имъ для пріюта пригодное жилище; другого же, по имени Дунгалъ, отправилъ онъ въ Италію и поручилъ ему монастырь святаго Августина подъ Павіей, съ тѣмъ чтобы тамъ всѣ желающіе могли собираться около него для науки.

Эти и много тому подобныхъ исторій сообщалъ мнѣ Ветинъ во время нашихъ занятій изъ неистощимаго запаса своего житейскаго опыта; я уважалъ и любилъ его какъ отца и не могъ наслушаться его рѣчей; но скоро мнѣ пришлось лишиться также и его. 30-го октября того же года, вечеромъ, ему что-то нездоровилось и онъ принялъ лѣкарство, вслѣдствіе котораго состояніе его еще ухудшилось, такъ что на 5-й день послѣ этого онъ скончался. Въ послѣдніе 5 дней было ему видѣніе: святой ангелъ-хранитель провелъ его въ небо, адъ и чистилище и показалъ ему тамъ чудесныя, таинственныя вещи; потомъ онъ передалъ ему увѣщанія и порученія, о чемъ доминусъ Ветинъ, пробудясь отъ сна, разсказалъ въ присутствіи епископа Гаттона, настоятеля Эрлебальда, достопочтеннаго старшины Тегамнера и нашего учителя Таттона. Благодаря данному мнѣ порученію ухаживать за нимъ, я присутствовалъ при всѣхъ этихъ событіяхъ и изложилъ ихъ къ пасхѣ слѣдующаго года по просьбѣ архикапеллана Гримальда, желавшаго имѣть точныя свѣдѣнія о видѣніи и о смерти дорогого своего собрата. Такъ какъ въ этомъ болѣе пространномъ стихотвореніи я разсказалъ все въ подробности, то и не хочу здѣсь повторять это.

Въ моей скорби, сообщая доминусу Гримальду о печальномъ событіи, писалъ я тогда:

«Что мнѣ писать Вамъ, когда нашъ писатель скончался,
Онъ, надѣлявшій богатствомъ премудрости наши умы;
Зданье вѣковъ онъ хотѣлъ довершить до конца,
Ранняя смерть поразила его, и руки художника
Храмъ не успѣли подъ куполъ высокій подвесть.
Мы недостойны учителя были высокаго;
Отнынѣ царство небесное стало удѣломъ его,
Намъ же оставилъ онъ горькія слезы утраты;
Не онъ ли впервые пашню подъ сѣвъ уготовилъ,
Дабы обильною жатвой полна была житница Господа,
Дабы оратай со временемъ мзду воспріялъ по заслугамъ;

Все это было желаньемъ, мольбою и сердца его вожделѣньемъ.
Мы же въ печали великой о пашнѣ скорбимъ,
Съ смертью внезапной утративши пахаря добраго.
Осиротѣвъ, я сильнѣе другихъ опечаленъ утратой:
Въ немъ я лишился дорогого отца . . . .

Годъ 825. — Впечатлѣніе, произведенное на меня послѣдними днями жизни Ветина, были совершенно особаго рода; мнѣ казалось, будто я самъ умеръ съ нимъ; давно уже въ душѣ моей жила вѣра, что я призванъ въ Рейхенау служить Господу; теперь рѣшенье это разомъ созрѣло, и я просилъ настоятеля Эрлебальда принять меня въ число братьевъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ докончить сперва изученіе математическихъ наукъ, и я въ теченіе слѣдующей затѣмъ зимы и весны посѣщалъ такимъ образомъ лекціи Таттона объ астрономіи. Однако въ то же время я занятъ былъ иными мыслями, и хотя этотъ предметъ казался мнѣ прежде привлекательнымъ, но теперь я не былъ въ состояніи сосредоточить на немъ свое вниманіе, и впослѣдствіи въ Фульдѣ я нашелся вынужденнымъ обратиться къ моему Рабану еще разъ для пополненія моихъ знаній въ этой отросли. Доминусъ Таттонъ также не могъ уже теперь удѣлить намъ ни того времени, ни вниманія, какъ бы самъ того желалъ, потому что, занявъ мѣсто Ветина, онъ долженъ былъ руководить всею школою. При всемъ томъ онъ объяснилъ намъ въ основныхъ чертахъ Боэтія и сочиненія Беды о солнечномъ, лунномъ и планетномъ движеніяхъ, ознакомилъ насъ съ созвѣздіями, знаками зодіака, причинами затменій, употребленіемъ астролябіи и гороскопа, солнечныхъ часовъ и зрительной трубы. Онъ заставлялъ насъ также чертить фигуры; ночью, когда сверкали звѣзды, онъ наблюдалъ ихъ вмѣстѣ съ нами и заставлялъ всѣхъ учениковъ наблюдать наклонное движеніе свѣтилъ въ разныхъ концахъ небеснаго свода какъ при восходѣ, такъ и при закатѣ.— —

Христіанство въ это время распространено было по всему югу и въ средней Германіи, и христіанство въ римскомъ духѣ, вступившее притомъ въ связь съ государствомъ. Противостояли еще одни лишь Фризы, отчасти и Саксы. Что касается до нихъ и до отвращенія ихъ отъ христіанства, то характеристично заявленіе герцога Фризовъ, Радбода, современника Пипина Геристальскаго. Онъ уже стоялъ въ купели какъ на вопросъ: куда перешли по смерти предки его, ему отвѣтили: въ адъ. Онъ тутъ же выскочилъ и сказалъ, что охотнѣе отправится въ адъ съ этими храбрыми мужами, нежели въ рай съ христіанами.

Съ Саксами же, племенемъ, состоявшимъ изъ Вестфальцевъ на Везерѣ, Остфальцевъ на Эльбѣ и изъ жившихъ между ними Энгерновъ, Карлу Великому пришлось вести 32-хъ лѣтнюю борьбу, прежде чѣмъ удалось ему обмѣнить

ихъ національную независимость и ихъ исконную языческую свободу на господство Франковъ и на христіанство, постоянно сопровождавшее послѣднихъ.

18.

Карлъ Великій съ его государствами и Альфредъ Великій.

Съ возникновеніемъ римско-германской державы, церковною наукою занимались уже, хотя лишь еще и механически, во многихъ одиночныхъ мѣстахъ Запада. Въ самую бурную эпоху среднихъ вѣковъ, въ VII-мъ и VIII-мъ столѣтіяхъ, по-преимуществу англосаксонскіе ученые завладѣли положительнымъ матеріаломъ церковнаго знанія и оплодотворили имъ Западъ. Такимъ образомъ открылась возможность вновь взяться за утраченную было на время нить культуры. Каролингскій періодъ взялся за нее въ томъ отношеніи, что изъ накопленнаго знанія выбралъ, извлекъ и связалъ воедино то, что было пригодно для практическихъ цѣлей церкви. „Притомъ основной строй всего научнаго направленія заключался въ недовѣріи къ собственной силѣ и въ робкой оглядкѣ на болѣе широкое духовное прошлое.“ Но все-таки во всѣхъ странахъ и у всѣхъ націй Запада обнаружились движеніе умовъ и участіе къ духовной жизни, нуждавшіяся лишь въ руководствѣ, для того чтобы вспыхнуть яркимъ пламенемъ. За такое руководство взялся Карлъ Великій. Съ нимъ и въ немъ совершилась попытка осуществить христіанско-германское государство. Понятія „римское“ и „христіанское“ совпали теперь, когда римская сущность проявлялась лишь въ ея сочетаніи съ христіанствомъ. Карлъ Великій стремился связать эту римско-христіанскую сущность съ государственнымъ организмомъ, такъ что послѣдній явился чистымъ отблескомъ божескаго уряда и слѣдовательно въ основѣ устранялась противоположность между государствомъ и церковью, хотя и та и другая стояли еще обокъ другъ съ другомъ, но лишь какъ различные пути къ одной и той же цѣли. Государство теперь по необходимости прокладывало путь церкви; ибо оно само для себя избрало цѣль церкви, т. е. воспитаніе христіанскаго народа для царства небеснаго, цѣль, которую слѣдовало осуществить по возможности въ совершенномъ видѣ даже и въ предѣлахъ земной жизни. Сама церковь, имѣвшая своимъ представителемъ папу, должна была подчиниться верховенству этого римско-германскаго государства, и она подчинялась ему тѣмъ болѣе, что папство привыкло признавать свѣтскаго властителя, такъ какъ собственное существованіе перваго было обезпе-

чено послѣднимъ, и такъ какъ само же папство, благодаря каролинго-христіанскому государству, достигло своего общепризнаннаго положенія во главѣ всей западной церкви. Наконецъ церковь тѣмъ охотнѣе примирилась съ водвореніемъ своимъ въ организмъ Карловой державы, что все, что́ онъ ни совершалъ въ качествѣ неограниченнаго властителя и законодателя церкви, согласовалось съ тѣмъ, чего добивались лучшіе сторонники самой церкви. Императоръ покровительствовалъ и поощрялъ церковную ученость и поставилъ самую церковь, вопреки испытаннымъ ею доселѣ противодѣйствіямъ со стороны мірянъ, на подобающее ей по обычаю первое мѣсто въ ряду всѣхъ человѣческихъ учрежденій. Карлъ Великій по истинѣ заявилъ себя христіанско-германскимъ государемъ, не только въ силу обширнаго протяженія своей державы между Эйдеромъ и Гарильяно, между Раабомъ и Эбро, но и потому, что онъ расширилъ значеніе, преимущества и богатства (—введеніе десятины—) духовенства и уровновѣсилъ, ихъ съ усилившимися вассалами, также и потому, что онъ вмѣстѣ съ леннымъ государствомъ создалъ свѣтскую іерархію, въ которой графы, подлежавшіе естественному контролю епископа, этого высшаго духовнаго вѣдомства, исполняли императорскую службу и вѣдали какъ судъ, такъ и войско его, а посланцы вводили порядокъ и единство въ государственномъ управленіи. Такъ возникли двѣ лѣствицы человѣческаго строя, іерархическая и ленномонархическая; обѣ онѣ стояли въ тѣсномъ взаимнодѣйствіи—церковь охранялась государствомъ, а государство освящалось церковью.

Всемірной державѣ Карла Великаго съ сущности слѣдовало быть духовною. Онъ всѣ подвиги войны считалъ ничтожными въ сравненіи съ усиліемъ обогатить свой собственный умъ познаніями и способствовать образованію, наукамъ и искусству въ своемъ государствѣ. Онъ постигъ,—говоритъ Гизебрехтъ — что искусство и наука проникнуты своебразнымъ духомъ Божія существа, и потому онъ расширилъ свой кругозоръ далеко за тѣсные предѣлы, въ которые западная церковь втиснула умъ, давая мѣсто одной лишь римской учености, преобразованной духовенствомъ на свой ладъ; онъ созналъ, что христіанство одарено стремленіемъ ко всемірному образованію человѣчества, которое поэтому можетъ и должно усвоить себѣ всѣ высшія духовныя начала, встрѣчающіяся порознь въ особенностяхъ различныхъ націй. Оттого нѣмецкій языкъ и германская поэзія пользовались его особеннымъ вниманіемъ: онъ самъ трудился надъ первою грамматикой; онъ первый велѣлъ написать сборникъ нѣмецкихъ богатырскихъ пѣсенъ; онъ побуждалъ духовенство проповѣдывать Нѣмцамъ понѣмецки и обучать ихъ нѣмецкому языку. Но рядомъ съ національнымъ элементомъ признавалъ онъ также мощ-

ную силу античнаго образованія.[1] Среди своихъ военныхъ занятій онъ читалъ римскихъ писателей; и они возвышали чувство его и направляли духъ на высокіе образцы въ древнемъ мірѣ, межъ развалинъ котораго онъ виталъ и котораго художественными произведеніями украсилъ дворцы и новые храмы своей родины. Для водворенія этой античной науки и этого древняго искусства въ своей державѣ, онъ избралъ духовенство. Ибо въ его глазахъ высшею культурою было христіанство, и всякое образованіе сливалось съ христіанскою религіею: потому представители христіанства и должны были служить представителями искусства и науки. Духовенство,—тѣсно связанное съ свѣтскою властью, такъ что епископы и аббаты принадлежали къ высшей дружинѣ и не рѣдко жезлъ замѣняли мечемъ, а сvноды и имперскіе сеймы собирались обыкновенно вмѣстѣ,—должно̀, по его воззрѣнію, быть носителемъ не одного только евангелія, но также и всякаго высшаго духовнаго образованія: съ нимъ и черезъ его посредство хотѣлъ онъ возстановить и вновь оживить на христіанско-германской основѣ культуру древности.

Потому-то вниманіе его и было обращено на подъемъ самого духовенства. Онъ запретилъ имъ носить оружіе, держать соколовъ, собакъ и шутовъ. Онъ внушалъ имъ умѣренность, благочиніе и степенный образъ жизни. Онъ порицалъ споръ объ иконахъ и запретилъ въ предѣлахъ своей державы поклоненіе святымъ. Онъ вступилъ по этому поводу съ епископами въ литературно-оффиціозную переписку; епископы обязаны были также ежегодно посѣщать свои эпархіи, а священники—представлять отчетъ объ исправленіи своей должности. Никто не могъ быть священникомъ, не приготовясь къ тому научнымъ путемъ, и кромѣ письма, пѣнія, счета и духовныхъ наукъ, онъ требовалъ отъ нихъ умѣнья списывать книги и сочинять письма. Духовныя науки заключались въ знакомствѣ съ рѣшеніями соборовъ, съ богослужебными книгами и съ проповѣдями для назиданія въ извѣстные праздничные дни. Прежде всего священникъ обязанъ знать Священное Писаніе, питать истинную вѣру въ Святую Троицу и внушать ее другимъ, строго исполнять свои обязанности, знать наизусть весь псалтырь, усвоить себѣ сvмволъ вѣры и обрядъ крещенія, точно также требникъ, или распредѣленіе покаянныхъ молитвъ и предписанныя для каждаго грѣха кары и наказанія.—Дабы священники не отставали въ своемъ образованіи, они должны были по временамъ являться въ соборные храмы, съ тѣмъ чтобы тамъ епископы поддерживали ихъ дальнѣйшее развитіе. Карлъ Великій поручилъ Павлу Варнефриду для священниковъ, неспособныхъ сочинять проповѣди, составить сборникъ рѣчей старѣйшихъ учителей церкви и обнаро-

довалъ его для употребленія въ церквахъ вмѣстѣ съ предисловіемъ, въ которомъ увѣщевалъ священниковъ ревностно изучать Священное Писаніе. Онъ побуждалъ монаховъ трудиться въ полѣ и въ училищѣ, также списывать книги, и самъ собиралъ библіотеку. Онъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе церковнаго пѣнія. Онъ предписалъ обучать игрѣ на органѣ. Отъ папы Адріана потребовалъ онъ двухъ пѣвцовъ, изъ которыхъ одинъ водворился въ Метцѣ, а другой въ Суассонѣ, и у которыхъ обязанъ былъ обучаться всякій, желавшій учить пѣнію въ школахъ или быть уставщикомъ въ церкви. Въ Стъ-Галленѣ Рамусъ впервые обучалъ пѣнію, а въ Метцѣ оно преуспѣвало до того, что знаменитыя уже со временъ Хродеганга тамошнія церковныя учрежденія, благодаря пѣнію, достигли высокой славы: вѣдь отъ Метца, какъ предполагаютъ, и заимствовано названіе Месса (литургія). Карлъ Великій пекся объ образованіи и о цивилизаціи своего народа болѣе всего путемъ улучшенія духовенства и церкви.

Затѣмъ Карлъ требовалъ отъ духовенства, чтобы содержаніе вѣры было принаровлено къ языку каждаго отдѣльнаго народа. Начиная съ 813-го года, западное духовенство стало употреблять народный языкъ, говорить проповѣди на національномъ нарѣчіи, сообразуясь съ понятливостью народа, обучать католической вѣрѣ на мѣстномъ діалектѣ различныхъ націй и преподавать символъ вѣры и Отче нашъ на родномъ языкѣ. Фульда и Стъ-Гал-
родного языка. съ этихъ поръ особенными разсадниками
ленъ сдѣлались Вскорѣ появился первый, такъ называемый, катехизисъ на нѣмецкомъ языкѣ, содержавшій въ себѣ десять заповѣдей, апостольскій и аѳанасьевскій символъ, Отче нашъ съ толкованіемъ, смертные грѣхи и отреченіе отъ діавола. Вскорѣ также нѣмецкій языкъ перешелъ на почву литературы—въ писанныхъ стихами около 870-го г. согласовкахъ Евангелій, верхнегерманской—Отфрида и нижнесаксонской—въ Хемандѣ, сказаніи о Спасителѣ. Во Франкфуртскихъ капитуляріяхъ гл. 52. Карлъ постановляетъ: „Да не подумаетъ никто, будто Богу можно поклоняться лишь на трехъ языкахъ (латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ), ибо Его можно чтить на всякомъ другомъ, и мольба будетъ услышана, лишь бы человѣкъ молилъ о праведномъ". Соборъ въ Реймсѣ гл. 15 предписываетъ: „Епископы должны стараться возвѣщать рѣчи и проповѣди святыхъ отцовъ согласно съ особенностями языка, такъ чтобы всѣ въ состояніи были понять ихъ". Соборъ въ Турѣ гл. 17: „Пускай всякій переводитъ эти поученія на простонародный романскій или нѣмецкій языкъ, дабы слушателямъ легче было понимать, что говорится". Извѣстно также, что Карлъ принялся за составленіе нѣмецкой грамматики, настаивалъ на чистотѣ и обогащеніи родного языка и добился сборника старо-

давнихъ нѣмецкихъ пѣсенъ, имѣвшихъ предметомъ богатырскіе подвиги народа.

Для дальнѣйшаго образованія народа, Карлъ въ 789-мъ г. уже предписалъ, чтобы священники въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и епископствахъ устроили школы, гдѣ обучали бы чтенію, письму, счету и пѣнію, именно псалмовъ, и сохраняли бы надлежащимъ образомъ исправленныя католическія книги, написанныя со всѣмъ тщаніемъ лишь взрослыми и оберегаемыя отъ всякаго повреждения. Вслѣдствіе этого постановленія открыты были школы въ монастыряхъ, сверхъ того заведены еще особыя училища, гдѣ преподавали пресвитеры. Теодульфъ, призванный во Францію и въ 794-мъ г. возведенный въ орлеанскіе епископы, особенно пекся о томъ, чтобы пресвитеры въ помѣстьяхъ и деревняхъ содержали школы, и запрещалъ учителямъ взимать что либо за преподаваніе, исключая развѣ доброхотныхъ даровъ, подносимыхъ имъ любовью родителей, дабы самый даже неимущій могъ пріобрѣсти необходимыя для гражданской жизни знанія. „Священники — пишетъ онъ въ одномъ изъ капитуляріевъ — обязаны въ деревняхъ и посадахъ содержать школы, и когда кто либо изъ прихожанъ поручаетъ имъ своихъ дѣтей, съ тѣмъ чтобы обучать послѣднихъ наукамъ, то они должны воспитать ихъ съ полною любовью и попеченіемъ“. — Изъ двухъ Шотландцевъ, прибывшихъ въ царствованіе Карла съ британскими купцами во Франконію и публично разглашавшихъ: не желаетъ ли кто купить у нихъ мудрости, Карлъ одного отправилъ въ Италію въ монастырь Святаго Августина съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствовалъ тамъ въ качествѣ учителя; другому же, Клеменсу, отправляясь въ походъ, онъ поручилъ во Франціи обучать сыновей не только изъ знатныхъ семействъ, но также изъ средняго сословія и изъ низшихъ слоевъ общества, а по возвращеніи своемъ велѣлъ представить себѣ письма и стихи учениковъ, и поставивъ при испытаніи лѣнивыхъ сыновей знатныхъ родителей на лѣвую, а прилежныхъ бѣдняковъ на правую сторону, произнесъ сильную клятву: „Вы сыновья дворянъ, вы нѣженки, воображающіе себя столь важными, что не находите даже нужнымъ учиться, вы лѣнтяи и негодяи, говорю вамъ: ваша знатность и ваши смазливыя лица вамъ не помогутъ. Если вы не измѣните вашъ нравъ и не исправитесь, то быть вамъ конюхами, а не маршалами и графами подобно отцамъ вашимъ“. —

Притомъ онъ предписалъ также и народу, что подобаетъ ему знать, и побуждаемый имъ Майнцскій соборъ въ 813-мъ г., одновременно со многими другими церковными соборами, постановилъ: „Священники должны постоянно напоминать, чтобы всѣ изучали символъ вѣры и

Отче нашъ, а тѣхъ, кто пренебрегаетъ этимъ, надлежитъ карать постомъ или иными наказаніями. Родители также должны посылать своихъ дѣтей въ школу, либо въ самые монастыри, либо внѣ ихъ къ пресвитерамъ, дабы они надлежащимъ образомъ изучали католическіе символъ вѣры и Отче нашъ и могли бы дома учить тому же другихъ; кто иначе не можетъ, тотъ пусть учится этому на родномъ языкѣ". Дабы исполнялись всѣ его требованія, о томъ должны были печься не только епископы, но также и посланцы, которымъ вмѣстѣ съ земнымъ поручалось также духовное и нравственное благо посѣщаемыхъ ими земель. Всѣ ослушники подлежали наказанію, подвергались чрезвычайнымъ постамъ или инымъ наказаніямъ. Въ душѣ этого державца жила уже мысль способствовать распространенію всеобщаго образованія путемъ обязательнаго обученья.

Идея всеобщаго народнаго образованія, которую постигалъ и старался провести Карлъ, могла однако осуществиться лишь при помощи ученаго образованія. Съ этою цѣлью онъ издавалъ посланія къ духовенству для возобновленія каѳедральныхъ и монастырскихъ школъ. Характеръ этихъ посланій обозначается въ указѣ настоятелю Богульфу:

„Имѣемъ сообщить Вашему усердному Благочестію, что мы сочли полезнымъ, дабы въ епископствахъ и монастыряхъ, Божіею милостью порученныхъ нашему вѣдѣнію, пеклись не токмо о правильномъ и съ святою религіею сообразномъ житіи, но также и о преподаваніи наукъ всѣмъ тѣмъ, кто съ Божьей помощью въ состояніи изучать ихъ. Ибо хотя дѣйствовать гораздо важнѣе нежели знать, но все-таки необходимо знать, для того чтобы умѣть дѣйствовать. Въ послѣдніе же года нѣкоторые изъ монастырей сообщали намъ посланія, въ коихъ извѣщали насъ, что братія, при исполненіи святыхъ обрядовъ и подвиговъ благочестія, молится также и за насъ: въ большей части этихъ посланій мы замѣтили однако, что несмотря на добрые помыслы, слова были все-таки грубы и необразованы, что чувства, прекрасно внушенныя благочестивою преданностью въ душѣ, не могли быть выражены безошибочно неумѣлымъ и нерадивымъ языкомъ. Это возбудило въ насъ опасеніе, что какъ оказалось скуднымъ умѣнье въ письмѣ, точно также и вникновеніе въ смыслъ Священнаго Писанія окажется болѣе скуднымъ, чѣмъ бы слѣдовало. Потому увѣщеваемъ васъ не только не пренебрегать изученіемъ наукъ, но заняться ими такъ, чтобы вы были въ состояніи твердо и легко постигать тайны Священнаго Писанія. А такъ какъ въ немъ встрѣчается много аллегорій, фигуръ и тому подобнаго, то безъ сомнѣнія лучше и въ истинномъ духовномъ смыслѣ пойметъ ихъ

тотъ, кто хорошо обученъ наукамъ. Итакъ изберите на этотъ конецъ мужей, обладающихъ охотою и способностью къ преподаванію и искусствомъ обучать другихъ. Не минуйте препроводить по одному экземпляру этого письма ко всѣмъ епископамъ и монастырямъ.“

Циркуляръ этотъ оказался не безплоднымъ поощреніемъ. Послѣдствіемъ его было возстановленіе ученыхъ занятій въ епархіяхъ и въ большихъ монастыряхъ. Ліонскій архіепископъ Лейдрадъ писалъ Карлу Великому:

„Вступивъ по Вашему приказу во владѣніе этой церковью, я по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ всѣми средствами тщился улучшить духовную службу. Вашему Благочестію угодно было исполнить мою просьбу касательно возстановленія принадлежавшихъ прежде нашей церкви доходовъ. При ихъ помощи мы съ Божіею и Вашею милостью устроили школу пѣнія, въ которой по возможности слѣдуемъ обряду дворцовой школы. У меня имѣются школы для канторовъ, которыхъ уже слишкомъ достаточно для того, чтобы обучать другихъ. Сверхъ того у меня есть школы для чтецовъ, которые не только хорошо читаютъ вслухъ во время богослуженія, но размышленіемъ о Священномъ Писаніи усвоиваютъ себѣ также плоды вникновенія въ духовные предметы“.

Карлъ споспѣшествовалъ церковной новолатинской учености; представителями ея были призванные ко двору его ученые, вышедшій изъ Іоркской школы Алкуинъ, латинскій лѣтописецъ Лонгобардовъ Павелъ Варнефридъ (Павелъ діаконъ), біографъ его нѣмецъ Эгингардъ и родственникъ послѣдняго, Адельвальдъ; эти мужи блюли ее въ своемъ ученомъ кругу, къ которому примкнулъ самъ Карлъ. Самое сильное вліяніе на Карла и его учебныя заведенія имѣлъ Алкуинъ, который, родившись въ 735-мъ году въ Іоркѣ, обучался тамъ же латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, теологіи, краснорѣчію, поэзіи, математикѣ, а потомъ въ 766-мъ году сдѣлался главою тамошней школы, содѣйствуя въ ней образованію многихъ, впослѣдствіи знаменитыхъ учениковъ (—однимъ изъ нихъ былъ Линдгеръ, впослѣдствіи епископъ въ Мюнстерѣ—); наконецъ во время путешествія въ Римъ онъ лично встрѣтился съ Карломъ и по его настоятельной просьбѣ обѣщалъ помочь ему при основаніи учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ его державы. Заслуги Алкуина въ государствѣ Карла, гдѣ онъ подвизался начиная съ 782-го года и окончательно водворился въ 793-мъ, состояли по преимуществу въ томъ, что онъ господствовавшій въ Англіи способъ преподаванія, перенесъ на франкскую почву и принаровилъ его къ особенностямъ народа, что учебнымъ средствомъ онъ избралъ преимущественно формальное образованіе путемъ древнихъ языковъ и всѣ сокровища свободныхъ искусствъ, но прежде всего старался глубо-

ко и строго ознакомить учениковъ съ Священнымъ Писаніемъ. Всѣ учебные предметы раздѣлилъ онъ на этику (тривій), физику (квадривій) и теологію—въ параллель съ тремя большими областями человѣка, природы и Бога. Почти обо всѣхъ этихъ предметахъ написалъ онъ сочиненія, вышедшія хотя не изъ научнаго духа пытливости, но все-таки бывшія искусными сборниками изъ прежнихъ твореній и обнаружившія въ послѣдовательномъ и діалогическомъ способѣ его умѣнье примѣняться къ понятіямъ эпохи и учениковъ своихъ. Съ этимъ мужемъ, которымъ гордился Карлъ, котораго называлъ своимъ возлюбленнымъ во Христѣ учителемъ и котораго въ 794-мъ году среди блестящаго собранія во Франкфуртѣ на Майнѣ, представилъ какъ своего друга, онъ въ ту мрачную эпоху создалъ систему обученія, возбуждавшую удивленіе всѣхъ вѣковъ, и что важнѣе всего, основалъ также школы для образованія духовенства, предназначенныя быть вмѣстѣ съ тѣмъ семинаріями для государственныхъ людей, избираемыхъ тогда большею частью изъ духовнаго званія. Основанная по старѣйшимъ образцамъ *дворцовая школа*, schola Palatina, находилась въ непосредственномъ его вѣдѣніи. Уже при Меровингахъ въ королевскомъ дворцѣ существовала школа, гдѣ знатное юношество приготовлялось къ должностямъ требующимъ литературнаго образованія. Но при вступленіи Карла на престолъ, она находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Она была обновлена Карломъ и доведена до небывалаго прежде цвѣтущаго состоянія. Управлялась она имъ самимъ и Алкуиномъ и слѣдовала за нимъ изъ Ахена въ Парижъ, Тіонвиль, Нимвегенъ, Ингельгеймъ и т. д. Карлъ слушалъ въ ней лекціи Алкуина о риторикѣ, діалектикѣ и астрономіи. Нетолько сыновья Карла, Пипинъ, Карлъ и Людвигъ, но даже совѣтники его и придворные священники, знатные молодые люди, какъ напр. Ангильбертъ, дворскія дамы, Гисла, сестра Карла, и Гисла, дочь его, Рихтруда и Гунтруда пользовались высшимъ преподаваніемъ, которое распространялось о разныхъ предметахъ, возбуждавшихъ любознательность и поясняло ихъ, не преслѣдуя впрочемъ никакой опредѣленной цѣли. Въ этой школѣ обучали всѣмъ наукамъ, начиная отъ грамматики и до астрономіи; однако и тутъ также цѣлью всеобщихъ стремленій была религія. Грамматику изучали съ тѣмъ, чтобы понимать и умѣть вѣрно списывать Священное Писаніе; музыка была исключительно церковная; риторикой и діалектикой занимались для того, чтобы лучше понимать мысли отцовъ церкви и опровергать религіозныя заблужденія. Эта дворцовая школа была образцовымъ заведеніемъ въ государствѣ Карла Великаго. На ряду съ нею процвѣтала *школа въ Турѣ*, существовавшая уже съ 570-го года въ монастырѣ святаго Мартина, но преобразованная Алкуиномъ по примѣ-

ру школы въ Іоркѣ. Алкуинъ старался въ ней, какъ выражается онъ въ письмѣ къ Карлу, нѣкоторыхъ вдосталь усладить медомъ Священнаго Писанія, другихъ упоить старымъ виномъ наукъ, иныхъ же упитать плодами грамматическихъ тонкостей, а другихъ озарить строемъ созвѣздій, на подобіе свода въ зданіи, дабы такимъ путемъ многимъ преуспѣть во многомъ на благо церкви и на славу своего короля. Изъ этой школы въ качествѣ учениковъ Алкуина вышло много значительнѣйшихъ людей: упомянутый уже Рабанъ, Гаттонъ, преемникъ Рабана въ Фульдѣ; Гаимонъ, ученый аббатъ Герсфельдскій и епископъ Гальберштатскій, Самуилъ, епископъ Вормсскій и др. На ряду съ ними *Ліонская школа* занимала почетное мѣсто подъ вѣдѣніемъ дѣятельнаго епископа Лейдрада, обратившаго особенное вниманіе на образованіе священниковъ. Учителями въ ней подвизались знаменитые въ свое время писатели: Флоръ Агобардій, Ремигій, Антоній и др. Въ *Оснабрюкѣ* Карлъ основалъ приходскую школу, въ которой по его желанію назначено было заниматься особенно греческимъ языкомъ. Такую же школу заложилъ онъ въ *Падерборнѣ*, а въ Фонтенеллѣ вѣроятно по его же настоянію открыта въ 787-мъ году школа аббатомъ Герволъдомъ.

Такъ дѣйствовалъ Карлъ Великій, по одному ужь виду своему державецъ, — семи футовъ росту, съ большими и живыми глазами, блестяще бѣлыми волосами, яснымъ и веселымъ лицомъ, стоя и сидя исполненный достоинства, одаренный духомъ и рукою, одолѣвавшими всѣхъ и всякаго въ народѣ, по своей попечительности объ образованіи, можно сказать, единственный. Эгингардъ, одинъ изъ бывшихъ сотоварищей его по дворцовой школѣ, сообщаетъ слѣдующее о личномъ образованіи этого великаго человѣка (vita Karoli cap. 25 и 26): „Онъ былъ очень краснорѣчивъ и весьма искусно выражалъ все, что хотѣлъ. Не довольствуясь роднымъ нарѣчіемъ, онъ ревностно занимался также иностранными языками, изъ которыхъ изучилъ латинскій такъ, что въ состояніи былъ молиться на немъ какъ и на родномъ. Погречески онъ лучше понималъ, нежели говорилъ. Вообще онъ обладалъ такимъ богатствомъ рѣчи, что могъ бы самъ занять мѣсто учителя. Онъ очень уважалъ свободныя искусства и оказывалъ имъ великій почетъ. Для изученія грамматики, онъ слушалъ діакона Петра изъ Пизы; въ другихъ наукахъ учителемъ его былъ весьма ученый Англосаксъ Альбинъ, по прозвищу Алкуинъ, у котораго онъ посвятилъ много времени и трудовъ на изученіе риторики, діалектики, и особенно астрономіи. Онъ изучилъ также искусство вычислять календарь и ревностно наблюдалъ движеніе свѣтилъ. Онъ пытался было также писать, и на постелѣ подъ подушкой у него лежала обыкновенно дощечка для письма, съ тѣмъ чтобы на досугѣ упражнять руку въ на-

чертаніи букв; но столь поздно начатое занятіе имѣло лишь скудный успѣхъ. Онъ тщательно усовершенствовалъ науку чтенія и пѣнія; ибо хорошо изучилъ оба предмета, хотя самъ никогда не читалъ вслухъ и не пѣлъ иначе какъ тайкомъ и то лишь въ хорѣ“.—Заботливость Карла объ образованіи народа и всѣхъ сословій—какъ справедливо замѣчаетъ Крамеръ — одинъ изъ прекраснѣйшихъ драгоцѣнныхъ камней въ его вѣнцѣ.

Только такой человѣкъ какъ Карлъ былъ въ состояніи удержать въ крѣпкихъ браздахъ государство такихъ обширныхъ размѣровъ и такихъ смѣшанныхъ національностей. Когда душа покинула это исполинское царство, говоритъ Гердеръ, то тѣло распалось и обратилось на многіе вѣки въ истлѣвающій трупъ. А вмѣстѣ съ государствомъ, въ которомъ сплоченныя однообразнымъ правительственнымъ механизмомъ въ наружное единство національности, вслѣдствіе дикихъ смутъ и усобицъ пошли врознь, погибло также и образованіе. Самъ даже Карлъ, какъ ревностно ни пекся онъ о распространеніи цивилизаніи и науки, не могъ сдѣлать ихъ всеобщимъ достояніемъ, такъ какъ мѣстныя препятствія сильно тормозили его предначертанія. Особенно въ Германіи не было еще ни городовъ, ни значительныхъ внутреннихъ сношеній, во многихъ мѣстахъ тянулись обширныя пустоши и покрытыя лѣсомъ пространства. Монастыри были далеко раскинуты другъ отъ друга: одни зажиточные люди, да и тѣ лишь отчасти, въ состояніи были изъ любви къ наукѣ одолѣвать такія препятствія; но и любовь эта не была даже всеобщею, ибо съ одной стороны все еще озирались на древнегерманскую свободу, а съ другой—всѣ и безъ того были вдоволь заняты войнами и усобицами. Сверхъ того вмѣстѣ съ Карломъ погибла самая идея христіанско-германской имперіи не только въ дѣйствительности, но даже и въ воззрѣніяхъ людей, а церковь между тѣмъ вскорѣ явилась не только самимъ по себѣ высшимъ и непосредственно отъ Бога исходящимъ учрежденіемъ, но и предназначенною существовать въ независимости отъ государственной низшей сферы. Сынъ Карла, *Людвигъ*, хотя лично благочестивый, знающій и ученый, такъ что читалъ и понималъ погречески и полатыни, не обладалъ однако необходимымъ пониманіемъ и опытностью, для того чтобы поддержать духовную жизнь своей имперіи на прежней высотѣ. Лучшіе монастыри поручались теперь воинственнымъ, въ бою лишь годнымъ аббатамъ, а возникшія при Карлѣ школы распались. Людвигъ каждый разъ, при основаніи епископствъ и монастырей, настаивалъ, правда, на заведеніи школъ, управлять которыми предназначалось каноникамъ; подтвердилъ даже вновь прежніе къ преподаванію въ школѣ относящіеся императорскіе указы; но у него не достало силъ,

чтобы наперекоръ распущенности и властолюбію духовенства настоять на своей волѣ. Вѣдь писалъ же аббатъ Лупъ Феррьерскій Эгингарду: „При Карлѣ занятіе науками доставляло почетъ, а теперь на ученыхъ смотрятъ какъ на праздныхъ людей, и каждая обнаруженная въ нихъ ошибка приписывается не человѣческой слабости, но наукамъ". Въ 817-мъ году Ахенскимъ сунодомъ было предписано, чтобы впредь міряне не принимались болѣе воспитанниками въ монастырскія школы, ибо вслѣдствіе наплыва учениковъ не было возможности поддержать строгую монастырскую дисциплину, пришедшую въ упадокъ вскорѣ по смерти Карла. Лучшіе изъ епископовъ вполнѣ сознавали связанный съ упадкомъ школъ упадокъ церкви и потому предлагали разныя мѣры для улучшенія и возстановленія ихъ. Шестой Парижскій соборъ въ 829-мъ году настоятельно просилъ императора, по примѣру отца его, въ силу императорской власти, открыть общественныя школы въ трехъ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ государства, дабы по нерадѣнію не погубить всѣ усилія какъ его отца, такъ и его собственныя по дѣлу научнаго образованія. Но тщетно. Самъ народъ находился на той ступени развитія, на которой не могли еще возрости ни наука, ни образованіе. Науки притомъ не сулили ни блеска, ни прибыли; кто добивался перваго, тотъ ратовалъ съ оружіемъ въ рукахъ, кто увлекался второю, тотъ домогался ея путемъ торга и промысла; наука предоставлялась исключительно одному духовенству. Убѣжище себѣ нашла она въ монастыряхъ и соборныхъ фундушахъ и провела тамъ нѣсколько вѣковъ въ зимней спячкѣ; она лишена была творчества; но по крайней мѣрѣ существованіе ея было такимъ образомъ обезпечено. Духовенство и наука совпадали съ этихъ поръ вполнѣ: почти всѣ письменные памятники, начиная съ IX-го и до XIII-го столѣтія въ Германіи исходятъ отъ духовенства; даже самые остроумные писатели рѣдко питали тогда новую, плодотворную идею, рѣдко постигали истинное значеніе науки. Знанія вездѣ обработывались лишь по своему отношенію къ церковнымъ дѣламъ. Школы съ этихъ поръ были только приготовительными заведеніями для священниковъ. Людвигъ, правда, издалъ для монастырскихъ школъ постановленіе, вслѣдствіе котораго помимо внутреннихъ училищъ для будущихъ монаховъ, носившихъ монастырскую одежду и какъ члены монастыря воспитавшихся безплатно, открыты были еще внѣшнія для вращавшихся въ свѣтѣ не только въ качествѣ священниковъ, но также и мірянъ. Дѣло впрочемъ такъ и ограничилось однимъ постановленіемъ. Лишь послѣ Верденскаго договора, въ силу котораго Людвигъ Германскій получилъ восточную Франконію до Рейна, Карлъ Лысый западную Франконію, а Лотарь императорское достоинство

вмѣстѣ съ Италіей, слабый свѣтъ еще разъ озарилъ школу и воспитаніе. Съ этихъ поръ въ теченіе нѣкотораго времени обокъ другъ съ другомъ развивались Германія, усвоившая себѣ христіанскія и романскія, а Италія германскія образовательныя начала; также и Франція, стремившаяся переработать въ себѣ какъ романскую, такъ и германскую культуру равномѣрно.

Карлъ Лысый оказалъ особенно благотворное дѣйствіе на подъемъ преподаванія. Генрихъ Оссерскій превозноситъ его за то, что, гдѣ бы ни процвѣтали учителя полезныхъ искусствъ, онъ съ особеннымъ рвеніемъ привлекалъ ихъ для преуспѣянія школъ отовсюда, особенно изъ Греціи и Ирландіи, изъ которыхъ послѣдняя чуть ли не цѣликомъ съ толпою философовъ высадилась на берега Франціи; дворецъ его вслѣдствіе этого по справедливости назывался школою, глава которой занимался столько же научными и теологическими, сколько и военными предметами. Карлъ самъ часто предлагалъ окружавшимъ его ученымъ вопросы и побуждалъ ихъ къ научному труду. На первомъ соборѣ въ Мо было постановлено, что каждый епископъ по своимъ средствамъ долженъ содержать при себѣ такого мужа, который, обладая самымъ чистымъ и свѣтлымъ пониманіемъ отцовъ церкви, наставлялъ и обучалъ бы пресвитеровъ народа символу вѣры и соблюденію Божьихъ заповѣдей. Такой мужъ долженъ быть свободенъ отъ корысти и чистъ нравомъ. На второмъ соборѣ тамъ же въ 855-мъ году разсматривался вопросъ о школахъ для божественной и человѣческой мудрости, а четыре года спустя въ Тулѣ (Toul) постановлено, чтобы вездѣ, гдѣ окажутся налицо способные и истинные наставники, открывались общественныя школы какъ для священныхъ писаній, такъ и для развитія человѣческой мудрости, ибо отъ нерадѣнія къ нимъ проистекаютъ самыя вредныя послѣдствія для церковной жизни. Карлъ вызвалъ изъ Греціи Маннона, переведшаго этику Аристотеля и его сочиненіе о Небѣ, также Республику, Законы и Тимея Платона. Глубокомысленный философъ, Скоттъ Эригена, переведшій для своего царственнаго покровителя сочиненія Діонисія Ареопагита о небесной іерархіи, былъ главнымъ учителемъ въ дворцовой школѣ, которую вслѣдствіе изумительныхъ успѣховъ ея называли уже не schola Palati, a Palatium scholae *). Преподаваніе его, точно такъ же какъ и Манноново имѣло предметомъ преимущественно философію и классическія творенія древности. Скотъ перевелъ нѣсколько произведеній неоплатонической школы и издалъ комментаріи на многія сочиненія Аристотеля. Что онъ хорошо зналъ греческій языкъ, это видно изъ его перевода статей, приписываемыхъ Діо-

*) Т. е. школою дворца, а дворцомъ школъ.

нисію Ареопагиту. А такъ какъ и Маннонъ вмѣстѣ съ древними языками главнымъ предметомъ своихъ занятій тоже избралъ древнюю философію, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что во время Карла Лысаго во Франціи занимались классическою древностью и языческою философіею самостоятельнѣе, нежели во время Карла Великаго. Послѣ Скотта и Маннона прерывается на время рядъ учителей при Парижской дворцовой школѣ, пока наконецъ Ремигій Оссерскій не явился вновь главою значительной школы въ Парижѣ. Ремигій въ свое время былъ самою важною опорою литературныхъ знаній. Проживъ сперва нѣкоторое время въ Реймсѣ, для того чтобы обучить тамошнее духовенство, онъ отправился потомъ въ Парижъ, гдѣ школа его вскорѣ достигла великой славы, такъ что монахъ Аббонъ Флерійскій, самъ уже руководившій ученіемъ въ своемъ монастырѣ, прибылъ въ Парижъ, единственно съ тѣмъ, чтобы усовершенствоваться въ тамошней школѣ.

Съ этихъ поръ Германія, Франція и Италія вновь погружаются въ варварство на полстолѣтіе съ лишкомъ. Въ Германіи вельможи творили что имъ было угодно, а Венгры между тѣмъ то и дѣло вторгались въ Саксонію и Швабію. При всемъ томъ Германія еще опередила другія страны; здѣсь по крайней мѣрѣ возлагались болѣе высокія духовныя требованія на духовенство; знать принимала здѣсь еще самое живое участіе въ ученомъ образованіи; здѣсь болѣе всего преуспѣвали сначала монастырскія школы подъ вѣдѣньемъ ученыхъ настоятелей, а потомъ также соборныя и приходскія. Напротивъ, до какой степени скудно съ тѣхъ поръ развивалось образованіе во Франціи, видно изъ тѣхъ требованій, какія во второй половинѣ девятаго столѣтія возлагали на своихъ священниковъ Гинкмаръ Реймсскій, Вальтеръ Орлеанскій и Рикульфъ Суассонскій. Эти требованія на самомъ дѣлѣ немногимъ превышали то, что возлагалось на священниковъ еще до Карла Великаго. До него однимъ изъ синодовъ требовалось: „Священникъ обязанъ знать наизустъ апостольскій символъ и Отче нашъ и добыть себѣ письменныя правовѣрныя о томъ толкованія, дабы по нимъ обучать народъ, или по крайней мѣрѣ, знать ихъ и вѣровать въ то и другое. Онъ обязанъ понимать надлежащимъ образомъ обычныя молитвы и пѣсни, или умѣть по крайней мѣрѣ явственно и наизустъ произносить ихъ,—желательно, чтобы онъ ознакомился также съ значеніемъ ихъ словъ. Онъ обязанъ знать наизустъ аѳанасіевскій символъ и пѣть его каждый день. Онъ долженъ быть въ состояніи явственно произносить заклинанія духовъ и иныя формулы какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ; а нѣкоторыя другія по крайней мѣрѣ прочесть надлежащимъ образомъ. „Къ этимъ требованіямъ Гинкмаръ, Вальтеръ и

Рикульфъ въ ихъ capitulis или constitutionibus присоединили еще только знаніе счета, чтеніе нѣкоторыхъ проповѣдей и усвоеніе Missale, Lectionarium, Psalterium и пр. Духъ умолкъ передъ борьбою сильныхъ властителей, графовъ Фландріи, Пуату, Вермандуа и др., которые были могущественнѣе короля и разъ даже отрѣшили его и содержали нѣсколько лѣтъ въ плѣну. —И въ Италіи также рушились попытки Лотара основать школы, несмотря даже на то, что папы Евгеній II и Левъ IV дѣйствовали въ его духѣ. Епископы въ ревизіонныя поѣздки свои должны были спрашивать, умѣютъ ли священники читать евангеліе и предписанныя молитвы, а въ десятомъ столѣтіи одинъ изъ Орлеанскихъ епископовъ на синодѣ въ Реймсѣ отвергнулъ приказы Римскихъ епископовъ, такъ какъ вообще по слухамъ въ Римѣ нѣтъ де никого, кто обладалъ бы знаніями хотя бы настолько, сколько въ другомъ мѣстѣ требуется отъ привратника.—Общественный строй распался, нравы всюду одичали. Главы церкви настойчиво возвышали свой голосъ противъ всего этого: они напоминали государямъ объ ихъ обязанностяхъ; они охраняли святость брака противъ чувственной знати, они отстаивали свою собственную свободу и свое достоинство какъ отъ захватовъ королевской власти, такъ и отъ притязаній вельможъ; они объѣзжали свои епархіи и чинили въ разныхъ мѣстахъ строгій нравственный судъ. Къ такому нравственному суду, торжественно совершаемому епископами при содѣйствіи семи старѣйшихъ и правдивыхъ мужей, присягавшихъ въ томъ, что они ничего не утаятъ, обязанъ былъ являться всякій подъ страхомъ отлученія отъ церкви и дать отчетъ о своихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ. Между ревизіонными допросами, сохраненными Прюмскимъ монахомъ Регинономъ, (ум. 915), встрѣчаются слѣдующіе: нѣтъ ли въ приходѣ убійцы; не заманилъ ли кто ласкою путника или раба и не продалъ ли его за границу; нѣтъ ли въ краѣ жида, торгующаго христіанскими рабами; не находится ли тамъ колдунъ или предсказатель; не совершаетъ ли кто магическихъ жертвоприношеній у деревъ, колодцевъ, камней; нѣтъ ли женщинъ, говорящихъ будто могутъ увлечь умы къ ненависти или любви, ѣздить по ночамъ верхомъ на извѣстныхъ звѣряхъ вмѣстѣ съ чортомъ, состоять съ нимъ въ связи и обладать средствами, съ помощью которыхъ извратился бы судъ Божій. Наказанія обвиняемыхъ состояли частью въ денежной пенѣ, частью въ постѣ и молитвѣ, при чемъ питаться цѣлый мѣсяцъ лишь хлѣбомъ и водою значило то же что прочесть 1200 псалмовъ на колѣняхъ или 168 стоймя.

При всеобщемъ направленіи духовенствомъ этими скудными остатками культуры народное образованіе, выражавшееся въ языкѣ, въ преданіяхъ, поэзіи, правѣ и судѣ, оттѣс-

нялось все болѣе на задній планъ, а римское образованіе и римская наука выступали впередъ. Послѣднюю преподавали въ школѣ и почерпали изъ книгъ. Притомъ высшіе классы общества, состоявшіе изъ духовныхъ, или изъ лицъ, образованныхъ священниками, распространяли ее тѣмъ охотнѣе, что народная поэзія, преданія о правахъ и пр. напоминали о прежней свободѣ, подавить которую старались и священники и властители. Чуждое торжествовало надъ роднымъ, книжная мудрость—надъ естественнымъ образованіемъ и развитіемъ, и въ школахъ, стоявшихъ вообще въ связи съ церквами и монастырями, читались сочиненія Боэтія, Марціана Капеллы и Августина—все такія сочиненія, въ основѣ которыхъ лежала не духовная индивидуальная свобода, а напротивъ подчиненіе духовнымъ особамъ и властителямъ, якобы помазанникамъ Божьимъ. Однако взрощенный Карломъ Великимъ духъ не могъ быть искорененъ окончательно, и состоявшійся подъ предсѣдательствомъ архіепископа Рабана Мавра въ 847-мъ году германскій соборъ въ Майнцѣ снова подтвердилъ изданное въ 813-мъ году предписаніе, чтобы проповѣди говорились съ этой поры не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ или романскомъ языкахъ. Рабанъ, равно лелѣявшій какъ древне-классическій и христіанскій, такъ и національный элементъ, оказалъ именно ту услугу, что при немъ рядомъ съ преобладавшимъ римскимъ образованіемъ преуспѣвала также нѣмецкая литература, въ которой по примѣру Отфрида образовалось церковное пѣніе мірянъ, такъ что съ этихъ поръ мірянамъ помимо „Господи помилуй", распѣваемаго ими въ церкви, для внѣцерковнаго обихода давалось духовное пѣніе на отечественномъ языкѣ.

Въ эту эпоху жалкой безурядицы на материкѣ, въ той островской державѣ, гдѣ уже въ VI-мъ, VII-мъ и VIII-мъ столѣтіяхъ, а потомъ во время Карла Великаго и послѣ него неуклонно процвѣтали школы, оказывая вліяніе на ученость континентальныхъ странъ, возсталъ великій реформаторъ умственной жизни и воспитанія, подобный Карлу Великому—Альфредъ Великій (871—901). Избалованный любовью отца, отрокомъ оставленный безъ знанія, прислушавшись въ юности къ мощнымъ, безыскуственнымъ звукамъ бардовъ въ отечественной поэзіи и предавшись настойчивому изученію, онъ, ставъ послѣ королемъ, съ свойственнымъ ему лукавствомъ, съ его политическимъ смысломъ и ученостью, съ его чувствомъ правды и порядка, съ его искреннимъ благочестіемъ, съ мужествомъ и выдержкой на войнѣ, старался доставить своему народу свободу вовнѣ, а внутри улучшить устройство и правосудіе разверсткой на десятини, сотни и округи или графства, особенно же распространить вообще науку и образованіе. Онъ самъ служилъ лучшимъ примѣромъ для своего народа. Сердце его

было закалено въ школѣ бѣдствій, умъ его обрѣлъ опытность и знаніе людей. Надѣленный слабымъ тѣломъ, онъ все-таки былъ неутомимо дѣятеленъ. Онъ старался распространять всюду право и законъ, свободу, благонравіе и домовитость, и, добиваясь національнаго образованія для своего народа, перевелъ на англосаксонскій языкъ исторію Орозія, церковную исторію Беды, сочиненіе Боэтія объ отрадѣ философіи и пастырскую книгу Григорія, въ родѣ поученія священникамъ для преуспѣянія нравственности. Время свое онъ распредѣлилъ на три части и за неимѣніемъ часовъ опредѣлялъ его по горѣвшимъ свѣчамъ. Одна треть сутокъ посвящалась попеченію о тѣлѣ, ѣдѣ и сну. Другая треть назначалась для правительственныхъ дѣлъ: въ этомъ отношеніи онъ твердою, желѣзною строгостью ввелъ такой порядокъ и такую безопасность въ общественную жизнь, что у всѣхъ вошло въ поговорку, если путешественникъ обронитъ по пути мѣшокъ съ деньгами, то по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ застанетъ ихъ нетронутыми на томъ же самомъ мѣстѣ. Послѣднюю треть сутокъ онъ проводилъ въ благочестивыхъ дѣлахъ и ученыхъ занятіяхъ. Онъ ревностно радѣлъ о воспитаніи своихъ дѣтей. Младшаго сына своего, Этельварда, велѣлъ онъ воспитать въ сообществѣ съ сыновьями своихъ подданныхъ; наслѣдника Эндварда онъ увѣщевалъ быть не только королемъ, но также отцомъ сиротъ и другомъ вдовъ, соблюдать законъ и во всѣхъ дѣлахъ обращаться къ Богу. Онъ пекся о наукѣ, призывая отличныхъ ученыхъ къ своему двору; между ними знатнѣйшими были Вернфритъ, Плегмундъ и Ательстанъ изъ Мерсіи, Гримбальдъ изъ Франконіи, Ирландецъ Іоаннъ Скоттъ Эригена и монахъ Ассеръ изъ Вельса. Школы возникали въ большомъ числѣ и съ цѣлесообразнымъ устройствомъ. Монастыри сдѣлались учебными заведеніями. Чиновники, неумѣвшіе ни читать, ни писать, обязаны были наверстать упущенное. Онъ заявилъ, что дѣти всякаго свободнаго человѣка безъ исключенія должны умѣть читать и писать и обучаться латинскому языку. Альфредъ великъ какъ герой 56 сраженій и законодатель, какъ король и ученый, какъ христіанинъ и человѣкъ, какъ супругъ и отецъ.

19.

Десятое и одиннадцатое столѣтія.

Въ десятомъ столѣтіи при Оттонахъ Германская держава составляетъ средоточіе государственной и научной жизни въ западномъ мірѣ. Во Франціи державная власть лишена была величія (владѣніе короля сократилось наконецъ до одного лишь города), а вмѣстѣ съ государственною жизнью распалась также нравственная и научная. Впрочемъ крайній развратъ и такая же грубость французскихъ священниковъ и монастырей повели къ возобновленію первобытныхъ орденскихъ правилъ аббатами Берномъ и Одономъ въ Клюньи (910 и т. д.) и къ основанію первой конгрегаціи—*конгрегаціи Клюнійской*, отличавшейся болѣе духомъ строгаго аскетизма и ханжества, нежели науки, и оказавшей въ эпоху Гильдебранда большое вліяніе на развитіе іерархической системы. Хуже даже чѣмъ во Франціи было въ *Италіи*, гдѣ господствовали полная анархія, грубость и одичалость. Сами папы отнюдь не составляли исключенія. Римская блудница, Теодора, съ ея столь же прекрасными и развратными дочерьми, Теодорою и Мароціею, пользовалась властью въ Римѣ и распоряжалась выборомъ папъ. Она возводила своихъ любовниковъ и дѣтей на папскій престолъ, оскверненный съ этихъ поръ всѣми возможными пороками. Вѣдь вслѣдствіе такихъ мерзостей и составилась молва, будто съ 855-го г. въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ на папскомъ престолѣ возсѣдала дѣвица Іоанна, будто во время торжественной процессіи она вдругъ разрѣшилась отъ бремени и вскорѣ затѣмъ умерла. Латеранскій дворецъ былъ притономъ разврата и богохульства. А каковъ попъ, таковъ и приходъ. Вся нація, говоритъ Гизебрехтъ, въ вакхическомъ опьяненіи, какъ будто воскресъ самый неукротимый духъ древности, ринулась въ бездну чувственныхъ наслажденій. Только и помышляли объ ѣдѣ и попойкахъ, о большихъ сокровищахъ и красавицахъ. По описанію Лотарингца Ратера знатные ломбардскіе епископы облекались въ пышныя платья изъ Константинополя и Багдада, и возлежали на пирахъ, внимая сладострастнымъ пѣснямъ и услаждаясь похотливыми плясками, потомъ спѣшили на охоту и слѣдили за быстрымъ полетомъ сокола, или разъѣзжали въ высокихъ колесницахъ, гордо взирая на окружавшую ихъ толпу; а съ наступленіемъ ночи собирались вновь для пиршескихъ наслажденій, послѣ чего предавались веселіямъ ночнаго ложа, на которомъ поутру пробуждались съ проклятіями на устахъ. Въ литературѣ обнаружилась нагая чувственность разврат-

ной древности. Эта литература отличалась чисто свѣтскимъ характеромъ. За то она и сдѣлалась матерью практическихъ наукъ, медицины и правовѣдѣнья, и начало старѣйшихъ изъ школъ какъ медицины въ Салерно, такъ и правовѣдѣнія въ Павіи, можно прослѣдить въ Х-мъ вѣкѣ.

Иное дѣло въ Германіи. Правда, между императоромъ и папою происходила борьба изъ-за обоюдныхъ правъ. Но вмѣшательства главы церкви въ управленіе епархіями не допускались, и духовенство всегда подчинялось германскимъ королямъ. Короли назначали епископовъ и жаловали ихъ, ибо „не скипетръ и діадема подъ сѣнью посоха и митры служатъ эмблемою тѣхъ временъ, а напротивъ обнаженный мечъ и корона, охраняющіе распятіе и служебникъ". Уже Генрихъ градостроитель положилъ основы лучшей цивилизаціи: вмѣстѣ съ городами распространялись торговля и благосостояніе, поднявшіяся еще вслѣдствіе открытія первыхъ въ Германіи серебряныхъ рудниковъ Гарца. Изгнанные изъ своего отечества Норманнами и Датчанами и перебравшіеся въ Германію ирландскіе и британскіе монахи,—люди, исполненные научной трезвости и религіозной восторженности, набожности и истиннаго внутренняго одушевленія вѣрою, особенно же истиннаго благочестія, нелицемѣрнаго смиренія и преданной любви — питали болѣе глубокое религіозное чувство, среди ужасныхъ бѣдствій эпохи пробудившееся въ народѣ, такъ что онъ вездѣ добивался непосредственныхъ свидѣтелей и знаменій Божьяго милосердія, но не могъ обрѣсти ихъ у закоснѣлыхъ епископовъ съ ихъ заплѣснevѣлыми церковными уставами и догматическими преніями. Въ наукѣ снова стремились слиться другъ съ другомъ возбужденныя уже Карломъ Великимъ три культурныя начала: античное, сложившееся въ римскомъ мірѣ; христіанское, порывавшееся одушевить древнюю, распавшуюся культуру; и исполненное свѣжей, творческой жизни германское. Надъ германскими первобытными лѣсами вознесся духовный, идеальный міръ. Вѣра и знаніе, религія и просвѣщеніе слились вмѣстѣ — одушевленныя поднявшимся національнымъ чувствомъ, ибо Венгры, эти давніе притѣснители Германіи, были разбиты на голову; въ широко раскрывшіяся земли Датчанъ и славянскихъ племенъ съ торжествомъ проникли германскіе завоеватели, миссіонеры и поселенцы; свадебная поѣздка на югъ Германскаго короля пріобрѣла ему Римъ и императорскую корону, онъ вступилъ даже въ связь съ самимъ Константинополемъ, „съ этимъ городомъ, гдѣ мужчины облекались въ пышныя длинныя хламиды, а риторы никогда не оскудѣвали въ блестящей софистикѣ". Правда, съ юга проникли также подобострастный этикетъ въ императорскій дворъ и греческія и итальянскія выраженія въ языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кости святыхъ явились въ изо-

биліи: но при этихъ костяхъ былъ также духъ, конечно духъ царства, одержавшій вскорѣ верхъ въ процессѣ сліянія античнаго, христіанскаго и германскаго началъ. По римскимъ образцамъ уже и ваяли, и живописали, и сочиняли, и стихоплетничали — ни единаго національнаго слова, ни звука, — латынь стала языкомъ церкви, двора и всѣхъ образованныхъ людей.

Научный духъ этой эпохи долгое время и болѣе всего средоточивался въ младшемъ сынѣ короля Генриха, въ братѣ Оттона I—*Брунонѣ*. Въ духовныхъ способностяхъ и неутомимой дѣятельности Брунонъ не уступалъ Оттону; но вслѣдствіе воспитанія онъ былъ наведенъ на иные жизненные пути. Предназначенный для духовнаго сана, съ раннихъ лѣтъ уже отправленный въ Лотарингію для образованія и воспитанный епископомъ Бальдерихомъ изъ Утрехта, онъ съ настойчивымъ рвеніемъ изучалъ науки, причемъ умъ его занимала на столько же форма, на сколько и мысль писателя. Разсказываютъ, что христіанскій поэтъ Пруденцій первый данъ былъ въ руки Брунону, послѣ того какъ онъ изучилъ начальныя основанія грамматики, и онъ былъ въ восторгѣ отъ благочестиваго содержанія, живого потока мыслей, выбора выраженій и богатства и строя стихосложенія. Когда же впослѣдствіи читалъ онъ комедіи Теренція, то въ самыхъ даже веселыхъ мѣстахъ выраженіе его лица нисколько не измѣнялось, и на его устахъ не играла улыбка: до такой степени увлекался онъ красотою формы и дотого она привлекала къ себѣ все его вниманіе. Рано уже упражнялся онъ въ разговорахъ на латинскомъ языкѣ и достигъ въ этомъ такого умѣнья, что впослѣдствіи сдѣлался для многихъ отличнымъ учителемъ этого предмета. Когда въ 940-мъ г. Оттонъ поручилъ ему завѣдывать канцеляріей, то онъ принялся за переданныя ему дѣла съ величайшею отчетливостью, и въ наступившія затѣмъ тринадцать лѣтъ почти всѣ граматы издавались имъ самимъ; при всемъ томъ онъ не покидалъ однако также и свои любимыя занятія.—Такой умъ, поставленный на такую высокую ступень, долженъ былъ сдѣлаться вскорѣ самымъ привлекательнымъ средоточіемъ для всѣхъ духовныхъ стремленій современниковъ. Всѣ интересовавшіеся наукою и просвѣщеніемъ отправлялись ко двору и принимали его себѣ за образецъ. Онъ самъ, между тѣмъ, учился у Грековъ, которые являлись частью въ качествѣ пословъ отъ константинопольскаго двора, частью проживали въ германскихъ монастыряхъ и отличались отъ западниковъ обширностью познаній, умѣньемъ говорить и писать и утонченнымъ свѣтскимъ образованіемъ. На него особенно вліялъ ирландскій епископъ Израиль, и возбужденное ирландскимъ духовенствомъ болѣе глубокое пониманіе религіи и духовнаго званія, поддерживаемое въ С-тъ Гал-

ленѣ аугсбургскимъ епископомъ Ульрихомъ, охватило также и Брунона. Болѣе всего онъ оживилъ научную дѣятельность духовенства. Онъ вновь открылъ дворцовую школу и привлекъ туда даровитыхъ учителей. Вмѣстѣ съ тривіемъ онъ въ кругъ преподаванія ввелъ также и квадривій. Изъ-за Альповъ доставлены были лучшія рукописи дрѐвнихъ классиковъ; съ живымъ рвеніемъ стали заниматься дрѐвними поэтами, ораторами и историками. Виргилій, Горацій, Овидій, Теренцій, Цицеронъ и Саллустій, говоритъ Гизебрехтъ, какъ бы воскресли изъ мертвыхъ и сдѣлались наставниками Германцевъ въ свободныхъ наукахъ.

Изъ дворца участіе къ наукѣ распространилось по всему краю: монастырскія школы быстро развились; С-тъ Галленъ и Рейхенау достигли прекраснаго расцвѣта; Фульда поддерживала свою прежнюю славу, а Герсфельдъ соревновалъ ей; въ Саксоніи Корвей съ особымъ пристрастіемъ пекся о наукахъ; Падерборнъ, Гильдесгеймъ, Бременъ, Кёльнъ, Люттихъ и Утрехтъ также заявили себя этимъ. „Въ дѣвичьихъ даже монастыряхъ въ Гандерсгеймѣ и Кведлинбургѣ дѣвушки вмѣстѣ съ житіями святыхъ читали теперь Виргилія и Теренція. И едва лишь успѣли ознакомиться съ древними, какъ, ослѣпленныя еще блескомъ ихъ рѣчи, отважились уже соперничать съ ними; тамъ въ монастырскихъ стѣнахъ принимались за произведенія, которыя при всей ихъ грубости не лишены высокаго изящества, обнаруживаютъ мощное стремленіе къ законченности формы и по содержанію своему имѣютъ для насъ неувядающее значеніе. Это—литература самаго своеобразнаго свойства. Она коренится въ національной почвѣ и облекается въ одежду классически-римскаго языка; будучи монастырской и аскетической, она при всемъ томъ чувственно-естественная по образу созерцанія древнихъ; будучи духовною, она не заботится однако о догматическихъ распряхъ и канонистической учености: будучи наконецъ придворною, она при всемъ томъ проста, искренняя и прямодушна.—„Брунонъ на цѣлое столѣтіе наложилъ на литературу печать своего духа. Благодаря его ходатайству, Ратерій былъ назначенъ епископомъ въ Люттихъ; послѣ Аббона Флерійскаго (около котораго собиралось до 5000 учениковъ и который какъ сочинитель писалъ о грамматическихъ, метрическихъ и астрономическихъ предметахъ) Ратерій былъ отличнѣйшимъ педагогомъ своего времени. Онъ написалъ „грамматику, т. е. по тогдашнему воззрѣнію сводъ всѣхъ пропедевтическихъ знаній, въ шутку названную имъ servadorsum или sparadorsum, „Блюди спину“ или „Береги спину,“ оттого что придуманныя имъ облегченія грамматическаго преподаванія особенно послужили въ пользу для спинъ отроковъ.“

Самъ *Оттонъ*, подстрекаемый братомъ своимъ Бруномомъ, занимался науками, выучился читать и понимать книги, говорить полатыни и пославянски: — онъ унаслѣдовалъ это отъ своей благочестивой и научно образованной матери Матильды, которая по смерти супруга своего, Генриха I, ревностно предалась наукамъ и сама обучала всѣхъ слугъ и служанокъ разнымъ искусствамъ и наукамъ. Во время Оттона жилъ также Гунцонъ, діаконъ въ Наварѣ, перенесшій изъ Италіи черезъ Альпы слишкомъ 100 книгъ, а именно латинскихъ классиковъ и сверхъ того Аристотеля, Гомера и Платонова Тимея и пробуждавшій своими преніями умственную жизнь вездѣ, куда бы ни появлялся. Дворъ Оттоновъ украшался въ то же время поэзіею: возникло латинское придворное стихотворство. Хотя все это образованіе коснулось лишь высшихъ вершинъ націи, двора, духовенства и привлеченной ко двору знати; однако оно все-таки служило существеннымъ факторомъ для обновленія всѣхъ германскихъ отношеній.—Покровителемъ всего вообще научнаго образованія былъ Гербертъ, впослѣдствіи папа Сильвестръ II. Образованный въ Орильякѣ, что въ Оверни, увлеченный въ Испаніи и Италіи тамошнею литературою и исполненный духа пытливости, онъ въ Реймсѣ, помимо другихъ наукъ, преподавалъ также медицину. Онъ занимался астрономіею, вычислилъ обращеніе земли и другихъ планетъ и изготовилъ земной и небесный глобусы, также солнечные часы. Въ 997-мъ году Оттонъ III писалъ ему: „Достопочтенный и превосходный мужъ, мы желали бы видѣть васъ около себя, дабы пользоваться постояннымъ сношеніемъ съ столь отличнымъ руководителемъ, такъ какъ ваша высокая мудрость всегда оказывала снисхожденіе къ нашему невѣжеству.“ Гербертъ далъ въ отвѣтъ: „Если во мнѣ тлѣетъ слабая искра науки, то ее раздула единственно слава ваша, ее питалъ вашъ отличный отецъ и воспламенилъ высокій дѣдъ вашъ. Потому мы не въ состояніи принесть вамъ сокровища, которыя были бы нашею собственностью, но возвращаемъ вамъ лишь порученное намъ добро; мы не въ состояніи также предложить вамъ что-либо, чѣмъ бы вы не обладали уже или чего бы вы вскорѣ не достигли, что и доказываетъ именно ваше великодушное, прекрасное и такого положенія достойное требованіе. Явленіе по истинѣ божественное, когда мужъ, родомъ Грекъ, по унаслѣдованной имъ державной власти Римлянинъ, заявляетъ свои требованія на сокровища греческой и римской мудрости, какъ бы на наслѣдіе свое. Итакъ мы повинуемся вашему монаршему велѣнію какъ въ этомъ, такъ и во всемъ, что вашему божескому величеству угодно будетъ приказать намъ.“ Весною онъ отправился въ Саксонію. Вскорѣ „въ императорскомъ замкѣ собрались знатнѣйшіе ученые того времени, и чертоги огласились ихъ преніями.“

Въ XI-мъ столѣтіи *Германія* при франкскихъ императорахъ отстала отъ Франціи въ своемъ культурномъ развитіи. Крестьянское сословіе въ Германіи было подавлено и закрѣпощено; германская народная жизнь развивалась лишь въ расцвѣтавшихъ тогда городахъ, гдѣ промыслы все болѣе и болѣе достигали независимаго положенія. Нѣмецкій языкъ былъ запущенъ, — нѣмецкія и латинскія слова безъ толку перемѣшивались другъ съ другомъ; но въ это время возникла нѣмецкая проповѣдь, а на латинскомъ языкѣ Нѣмцы тщательно излагали свои историческія былины. Въ средѣ мірскихъ и духовныхъ господъ царило крайнее безпутство. Генрихъ IV вынужденъ былъ переселяться изъ одного края въ другой и часто перемѣнять мѣсто пребыванія, только бы содержаніемъ двора не слишкомъ отягощать своихъ подданныхъ. Германія гибла подъ боевыми бурями и усобицею партій, убившею въ людяхъ всякую вѣру и отрѣшавшею народы отъ ихъ присяги. При такихъ условіяхъ не могли преуспѣвать разсадники наукъ. Возникали, пранда, фундуши и монастыри, но лишь въ качествѣ притоновъ тунеядства и властолюбія подъ сѣнью религіи. Знаніе классической древности почти совсѣмъ утратилось. Народъ лишился всякой здоровой религіозной пищи. Григорій энергично возсталъ противъ богослуженія на родномъ языкѣ. Онъ говорилъ Богемскому герцогу: „Всемогущему не безъ причины угодно было, чтобы Священное Писаніе было темно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ибо будь оно всѣмъ ясно и понятно, то утратилось бы достоинство и значеніе его, и оно по недоразумѣнію вовлекло бы менѣе способныхъ въ заблужденіе.“ Виппонъ, капелланъ и біографъ Генриха III, побуждалъ, правда, императора, чтобы онъ указомъ повелѣлъ всѣмъ зажиточнымъ и знатнымъ въ Германіи обучать дѣтей наукамъ, какъ это дѣлается обыкновенно въ Италіи, гдѣ все молодое поколѣніе, выходя изъ возраста первыхъ дѣтскихъ игръ, трудится уже въ школахъ; этимъ путемъ Римъ достигъ-де величія; тогда какъ въ Германіи образованіе ограничивается духовными лицами, а знать презираетъ его какъ нѣчто пустое и даже позорное. Но попытка эта осталась безъ успѣха.

Папство, напротивъ того, при Григоріи VII достигло своего блестящаго періода. Григорій VII былъ человѣкъ великій—сильный духомъ, твердаго характера, безпорочный, благочестивый, умный, пламенѣвшій ревностью къ церкви. Онъ стремился къ нравственному подъему человѣческаго рода. А сама церковь, носительница духа и нравственности, была лишена послѣдней болѣе всего. Высшее духовенство занималось государственными раздорами и заботилось объ увеличеніи своихъ доходовъ; нисшее предавалось пьянству и разврату. Григорій хотѣлъ устранить зло, изъявъ

церковь изъ рукъ свѣтской власти и поставивъ ее властительницею надъ міромъ. „Церковь — сказалъ онъ — теперь грѣховна, оттого что она не свободна, оттого что она прикована къ міру и мірскимъ людямъ; у нея нѣтъ истинныхъ служителей, оттого что они поставляются мірскими людьми и благодаря лишь послѣднимъ они таковы, какими оказываются на дѣлѣ. Религіи предстоитъ тяжкая борьба, а сердца людей охладѣли къ слову Божію. Итакъ церковь должна сдѣлаться свободною, именно чрезъ посредство своего главы, свѣточа, вѣры, папы. Онъ обязанъ исторгнуть служителей алтаря изъ узъ мірской власти. Какъ ничто духовное незримо безъ земного, какъ душа не дѣйствуетъ безъ тѣла, какъ ни первое, ни послѣднее не существуютъ безъ средствъ сохраненія: такъ точно и религія не существуетъ безъ церкви, а послѣдняя безъ обладанія обезпечивающимъ ее имуществомъ. Духъ питается при посредствѣ земного, въ тѣлѣ; а церковь при посредствѣ земель и имущества. Чтобы все это далось ей, сохранилось за ней, объ этомъ долженъ печься тотъ, кто владѣетъ верховнымъ мечомъ, государь. Потому государь и мірскія власти необходимы для церкви, она же зависитъ лишь отъ папы; а послѣдній отъ Бога. Міръ руководится двумя свѣточами, болѣе великою—солнцемъ, и меньшею,—луною. Апостольская власть подобна солнцу, царская подобна лунѣ. Какъ послѣдняя заимствуетъ свѣтъ лишь отъ солнца, такъ точно и государи, короли и князья лишь отъ папы, а онъ отъ Бога. Итакъ власть папы превыше власти государя, послѣдній подвластенъ папѣ и обязанъ повиноваться ему. Такъ какъ папа отъ Бога, то все ему подчинено; все мірское и духовное подлежитъ суду его; онъ долженъ наставлять, увѣщевать, наказывать, исправлять, судить и рѣшать. Римская церковь—матерь всѣхъ христіанскихъ церквей, и всѣ церкви подвластны ей, какъ дочери своей матери; она беретъ на себя заботы всѣхъ, она въ правѣ отъ всѣхъ требовать благоговѣнія, уваженія и покорности. Она, матерь всѣхъ, повелѣваетъ поэтому всѣмъ и каждому единичному члену во всемъ; ей подвластны государи, короли, князья, архіепископы, епископы и аббаты“. — Такія воззрѣнія не были чужды эпохѣ, считавшей папу намѣстникомъ Христа на землѣ; оттого-то они увлекли за собою эпоху. Оттого-то Григорій смогъ отстоять ихъ. Онъ уничтожилъ симонію, этотъ позорный торгъ духовными мѣстами, а посредствомъ закона о безбрачіи, посредствомъ отрѣшенія духовенства отъ радостей и заботъ семейной жизни онъ пытался, въ 1074-мъ г., добиться независимости церкви, не лишая ея недвижимаго имущества. Хотя само духовенство вступило въ отчаянную борьбу съ Григоріемъ; но монахи, ожесточенные противъ свѣтскихъ священниковъ, за то что послѣдніе ратовали про-

тивъ распутства монаховъ, возстановили ослѣпленную толпу, такъ что она въ нѣкоторыхъ мѣстахъ понудила духовныхъ отречься отъ ихъ женъ, и убоялась Григорьева закона, въ силу котораго подлежитъ отлученію всякій, кто слушаетъ обѣдню у женатаго священника; мірскія власти въ свою очередь также вступили въ союзъ съ Григоріемъ, оттого что опасались перехода по наслѣдству духовныхъ мѣстъ. Хотя императоры и короли возставали противъ притязаній Григорія; однако онъ отстоялъ верховное ленное право папскаго престола надъ Венгріей; онъ чинилъ судъ въ Богеміи по поводу распри знати съ королемъ; онъ заставилъ испанскихъ державцевъ повиноваться церкви; онъ властительно предписалъ Польскому герцогу церковныя учрежденія; онъ далъ законы Шведскому, Норвежскому и Датскому королямъ; онъ даровалъ Далматскому герцогу королевскій титулъ и взялъ съ него присягу васалла; а когда Генрихъ IV въ теченіе трехъ дней стоялъ босой, во власяницѣ, на дворѣ замка въ Каноссѣ и молилъ о помилованьи, то папа показалъ, до чего можетъ онъ унизить свѣтскую власть, когда она противится его велѣніямъ. Послѣ такихъ подвиговъ духовенство поняло ради чего надлежало жертвовать семейнымъ его счастіемъ—ради славы духовнаго царства, изрекшаго въ лицѣ Урбана II отлученіе противъ короля Франціи Филиппа за его прелюбодѣйный бракъ съ графинею Бертрадою, запрещавшаго духовному лицу давать свѣтскому присягу вѣрности въ чемъ бы то ни было, и ставшаго во время Крестовыхъ походовъ во главѣ великаго народнаго движенія Запада. Папство всюду торжествовало побѣды. Въ одной лишь Италіи открытыми противниками папы были Лонгобарды, и въ самомъ даже Римѣ составилась сильная партія противъ него. Въ италійскихъ городахъ началось уже быстрое развитіе самостоятельности. Въ Амальфи и Венеціи развѣвались гордые флаги торговаго флота. И эта мірская власть оказалась сильнѣе духовной. Духовенство съ его набожностью не въ состояніи было измѣнить коренныя свойства Итальянца,—хитрость, коварство, мстительность, жестокость, скупость, сладострастіе и склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Италія имѣла, правда, своего Франциска и свою Клару Ассизскихъ, своихъ бичующихся братій и свою Екатерину Сіэнскую: но была также отчизною каѳаръ, и Миланъ былъ главнымъ притономъ ереси.

Во *Франціи*, гдѣ родной языкъ не отличался такъ рѣзко отъ латинскаго, какъ въ Германіи, и гдѣ напротивъ, германскій элементъ принялъ въ себя и слилъ съ собою античный, начала распространяться съ юга Провансальская поэзія трубадуровъ. Здѣсь человѣчно-прекрасная чувственность впервые возстала противъ догматовъ и отвлеченностей церкви съ ея духовно-схоластическою наукою.

Трубадуры (т. е. поэты-изобрѣтатели) съ ихъ пѣвцами, жонглерами, странствовали по дворамъ вельможъ и воспѣвали геройскіе подвиги рыцарскихъ боевъ и недосягаемую прелесть любви. Состоявшія изъ знатныхъ дамъ и мужчинъ Cours damour, любовные суды, произносили приговоръ на состязаніяхъ поэзіи и боевыхъ упражненій. Относительно пѣнія и музыки вообще Гвидо Аретинецъ, въ 1030-мъ г., измѣнилъ григоріанское наименованіе тоновъ A B C D и пр., въ слоги do, re, mi, fa, sol, la (сольмизація), раздѣливъ свою систему тоновъ въ гекзахорды вмѣсто употребляемаго дотолѣ тетрахорда, и первый началъ обозначать ноты точками, надъ линіями и подъ ними. Школы также воскресли къ новой жизни. Появились даже народныя школы, а именно въ 1000-мъ г., въ епархіяхъ Туля, Суассона, Вердена и Люттиха упоминается о дѣтскихъ школахъ, въ которыхъ мальчики съ семилѣтняго возраста обучались символу вѣры и псалтирю. Въ то же время по Франціи распространилось ученое образованіе, и что началъ Гербертъ въ Реймсѣ и Парижѣ, то продолжалъ Ланфранкъ (1005—1089): изъ монастыря Бека, гдѣ училъ онъ, изъ Пуатье, гдѣ онъ также подвизался, изъ Авранша, гдѣ соорудилъ школу, исходили многіе апостолы его схоластики во всевозможныя страны, а около нихъ собирались сотни, даже тысячи любознательныхъ учениковъ. Знаменитыми духовными школами были школа Notre Dame (пресв. Богородицы) въ Парижѣ, св. Женевьевы и св. Виктора у воротъ Парижа, знаменитая при Гербертѣ каѳедральная школа въ Реймсѣ, школа въ Шартрѣ, Тулѣ, Метцѣ, с-тъ Венанѣ и т. д. Эта новая духовная жизнь и была причиною, что въ то время, когда Германія гибла во внѣшнемъ суевѣріи, во Франціи, особенно въ южномъ ея краѣ, распространялось библейское и нравственно-практическое направленіе Вальденсовъ.

Въ *Англіи* Вильгельмомъ изъ Нормандіи введено было строгое феодальное владычество, гдѣ знатнѣйшими вассаллами были все Французы. Французскій языкъ сталъ также языкомъ знати и школъ, вслѣдствіе чего туземное нарѣчіе, исподоволь измѣняясь, преобразилось въ тотъ англійскій языкъ, гдѣ названія предметовъ природы — сплошь британскаго, односложныя слова и обозначенія обыденныхъ житейскихъ условій и отношеній—англосаксонскаго, а политическіе термины и рыцарскія выраженія—норманскаго происхожденія. Орденъ бардовъ—(въ Шотландіи и Ирландіи при дворахъ вельможъ пѣли барды, а при дворахъ Скандинавовъ скальды) — былъ вновь возстановленъ, и у каждаго вождя былъ свой орденъ бардовъ. Вильгельмъ урядилъ духовную жизнь снова. До прибытія его, говоритъ Вильямъ Момсберійскій, изученіе священныхъ знаній и отправленіе религіозной

жизни распались совершенно у Англосаксовъ. Клирики занимались только политическою обыденною литературою и едва въ состояніи были проговорить латинскія слова служебника; удивлялись какъ чудо тому, кто зналъ грамматику. Монахи, облекаясь въ изящныя и пышныя одежды, пренебрегая постановленіями постовъ, издѣвались надъ монастырскимъ уставомъ, а знать предавалась чревоугодію и распутству. Изученіе латинскаго и греческаго языковъ почти прекратилось. И вотъ Норманны вновь вызвали къ жизни замершую религію. Всюду возникали церкви и монастыри. Страна добилась духовнаго и религіознаго развитія и Ланфранкъ какъ въ Галліи, такъ точно и въ Британіи, былъ поборникомъ и ревнителемъ этой жизни.

Въ Нидерландахъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ покровительствуемый Бруномомъ святой Эвераклъ (Эвраклъ, 959—972) былъ Люттихскимъ епископомъ, процвѣла каѳедральная школа въ Люттихѣ, „какъ высшее учебное заведеніе всей сѣверозападной Германіи“ и верхняя ступень нидерландскихъ школъ. Сверхъ того отличались школы въ Лоббѣ и Жамблурѣ, въ Ставелотѣ, с-нъ Трондѣ, с-нъ Губертѣ, Вольсортѣ, Броньѣ и въ аббатствахъ св. Лаврентія и св. Іакова въ Люттихской епархіи, школа въ Доорникѣ, извѣстная по схоластику Одону Орлеанскому, а во Фландріи школы монастырей св. Петра и св. Бавона въ Гентѣ, также въ Турутѣ и Аффлигхемѣ Эвераклъ основывалъ школы въ монастыряхъ и требовалъ, чтобы въ нихъ добивались яснаго и точнаго пониманія изучаемаго; ибо слѣдуетъ хотя бы по сту разъ объяснять ученикамъ неясное, лишь бы не оставлять ихъ при полупониманіи. Такъ какъ не доставало учителей, то онъ ввелъ методъ, сходный со взаимнымъ обученіемъ.—Въ Люттихѣ проживалъ также бѣжавшій изъ Греціи и дружелюбно принятый Оттономъ I епископъ Леонъ, благодаря которому греческій языкъ дѣйствительно преуспѣвалъ въ Нидерландахъ, пока наконецъ вслѣдствіе бракосочетанія Оттона II съ греческою принцессою Ѳеофаніею, онъ не достигъ всеобщаго распространенія. Славу Люттиха окончательно вознесъ до высшей ступени членъ рода Ноткеровъ: изъ рода, который болѣе столѣтія былъ разсадникомъ ученыхъ, въ которомъ уже Ноткеръ Балбулъ (912) отрокомъ сочинялъ духовныя пѣснопѣнія и вліялъ на юношество своимъ благочестивымъ примѣромъ,—потомъ воспитанникъ его, Ноткеръ Физикъ, отличался своими познаніями въ музыкѣ, живописи, каллиграфіи и медицинѣ,—племянникъ его, аббатъ Ноткеръ, основалъ дворянскую академію для сыновей своихъ васалловъ и для пажей, гдѣ и воспитывалъ ихъ сообразно ихъ званію, даря прилежныхъ оружіемъ и ястребами, а лѣнтяевъ наказывая розгами,—Ноткеръ Лабеонъ (т. е. Губанъ 1022) зналъ музыку, поэзію,

математику, астрономію, священное писаніе, греческій, латинскій и нѣмецкій языки, и споспѣшествовалъ развитію нѣмецкаго особенно своимъ изложеніемъ псалмовъ. Ноткеръ Люттихскій былъ ревностнымъ наставникомъ до того, что даже въ путешествія бралъ съ собою учениковъ своихъ и заставлялъ капеллана обучать ихъ. „Благодаря ему, Люттихъ сдѣлался отличною семинаріею для учителей, отправляемыхъ оттуда въ разныя области Франціи, Германіи и даже въ Славянскія земли. Въ XI-мъ столѣтіи въ монастырскихъ школахъ Нидерландовъ господствовали дѣятельная духовная жизнь“.—Въ нихъ, согласно характеру Нидерландцевъ, классическій элементъ вообще отступалъ болѣе на задній планъ. Между тѣмъ какъ въ С-тъ Галленѣ, за исключеніемъ малолѣтнихъ, никто изъ учащихся болѣе зрѣлаго возраста не смѣлъ сказать нѣмецкаго слова, а ученики должны были писать сочиненія прямо полатыни, и вообще на всей жизни лежалъ такой античный отпечатокъ, что христіанскую церковь называли senatus populusque или respublica, совѣсть и діавола—praetor, Спасителя—Augustus и censor, каѳедру—rostra: въ то же время нидерландскія школы, находившіяся подъ вліяніемъ единственнаго въ своемъ родѣ по строгости и благочестію монастыря Клюньи, основаннаго графомъ Вильгельмомъ Аквитанскимъ въ 909-мъ г., представляли собою средоточіе дѣятельности въ соблюденіи христіанской науки и строго-теологической дисциплины. Учители и ученики въ Нидерландахъ строго блюли церковныя постановленія и, уважая теоретически вѣру своей церкви, они и практически также старались оберечь во всей цѣлости за церковью ея достояніе, вслѣдствіе чего ими возбуждалось и сохранялось чувство правъ церковныхъ: Бурхардъ, епископъ въ Вормсѣ, сочинитель двѣнадцати томовъ Decreta, воспитывался въ монастырѣ Лоббъ, а Альгеръ Люттихскій занимаетъ не послѣднее мѣсто между писателями о церковномъ правѣ.—Впрочемъ Нидерландцы не совсѣмъ были чужды античной жизни,—у нихъ древности—какъ замѣчаетъ Крамеръ,—служили главнымъ предметомъ бесѣдъ, когда монахи одного монастыря посѣщали другой, съ которымъ состояли въ братствѣ, какъ напр. Люттихъ съ Туромъ, С-тъ Армандъ или Эльно съ каноникамы коллегіальной церкви св. Сервація въ Мастрихтѣ. Когда Губертинцы посѣщали обитателей монастыря Прюма въ Трирскомъ округѣ, то они проводили время въ веселыхъ разговорахъ о вѣрности и молчаливости Папирія, какую послѣдній соблюдалъ къ матери, о золотомъ кольцѣ Гигеса по разсказу Платона, о тѣсной дружбѣ Дамона и Пиѳія. Нидерландскіе монахи и духовныя лица страстно предавались игрѣ: вслѣдствіе этого Вибольдъ, епископъ Камбрейскій, желая дать этой наклонности благое направленіе, придумалъ въ 964-мъ г., духовную игру, ludus clericalis, при

чемъ на 56 поляхъ доски было означено и перенумеровано 56 разныхъ добродѣтелей, и тотъ чьи кости падали на одну изъ этихъ добродѣтелей, обязанъ былъ усвоить и всюду осуществлять ее.—На такой-то почвѣ процвѣтали нидерландскія монастырскія школы даже еще въ двѣнадцатомъ столѣтіи, а именно школа, находящаяся въ Летіенскомъ монастырѣ въ Геннегау, настоятель которой Ведрихъ въ 1124-мъ г. своею ученостью и своимъ благочестіемъ привлекалъ множество учениковъ, и монастырь святаго Мартина въ Турнѐ, гдѣ родившійся и воспитавшійся въ Орлеанѣ Одонъ или Одоардъ съ 1109-го г. привлекалъ къ себѣ учениковъ изъ Фландріи, Бургундіи, Италіи и Саксоніи и въ томъ числѣ 200 человѣкъ однихъ клириковъ.

Эти монастырскія школы впрочемъ были уже только поздне-осенними цвѣтами. Историческая пора ихъ въ XII-мъ столѣтіи уже миновала: съ этихъ поръ ихъ существованіе было однимъ лишь прозябаніемъ. Дисциплина, научная жизнь, экономическій строй монастырей окончательно распались. Въ Фульдѣ въ XI-мъ уже вѣкѣ дисциплина до того упала, что обратились наконецъ къ Англіи и выписали оттуда свѣжіе ростки для прививки. Корвей въ XIII-мъ столѣтіи какъ въ нравственномъ, такъ и въ научномъ отношеніи пораженъ было смертельнымъ недугомъ. Лоршъ въ XIII-мъ вѣкѣ былъ окончательно разстроенъ въ нравственномъ и въ финансовомъ отношеніяхъ. Въ Клюньи къ исходу XII-го стол. не знали уже, какъ избавиться отъ порчи нравовъ и невѣжества. Въ С-тъ Галленѣ въ 1291-мъ г. ни настоятель, ни одинъ изъ монаховъ капитула не умѣли писать, а въ Монте Кассино въ XIV-мъ вѣкѣ Боккачіо засталъ столь великолѣпную прежде библіотеку въ такомъ жалкомъ состояніи, что книги, покрытыя толстымъ слоемъ пыли, частью продавались монахами на вѣсъ, комнаты стояли безъ дверей и замковъ, а окна поросли травою. Причиною такого упадка было богатство монастырей, связанное съ лѣнью, алчностью и порочностью монаховъ. Для оправданія ссылались на отправленіе разныхъ, въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ возникшихъ, религіозныхъ обрядовъ, связанныхъ съ немаловажными доходами, лишь бы такимъ образомъ за недостаткомъ времени уклониться отъ труднаго, и почти вовсе недоходнаго дѣла преподаванія. Вскорѣ отказались совсѣмъ принимать мальчиковъ въ монастыри, будто бы оттого что необузданность, шумливость и непослушаніе юныхъ воспитанниковъ нарушаютъ монастырскую тишину и мѣшаютъ монахамъ молиться и поститься. А схоластикъ притомъ смотрѣлъ на свою должность только какъ на пріютъ тунеядства и спокойствія: потому онъ исправлялъ ее лишь на словахъ и вовсе не пекся ни о школѣ, ни о преподаваніи, предоставивъ эту заботу викаріямъ, участвовав-

шимъ болѣе или менѣе въ качествѣ наемниковъ. Сверхъ того вмѣшательство церкви въ свѣтскія дѣла съ одной стороны и отчужденіе ея отъ жизни съ другой—ускорило такой упадокъ. „И въ самомъ дѣлѣ, черезъ чуръ заботясь о томъ, чтобы перенести церковь и священниковъ въ небесную обитель и отрѣшить ихъ отъ всякихъ мірскихъ узъ, полагали, будто содержаніе школы и преподаваніе вредятъ не только святости монашеской жизни и отчуждаютъ ее отъ чисто-духовныхъ отправленій, но что вообще наука и умственное образованіе вредятъ также простотѣ и искренности вѣры.“ По этой причинѣ Григорій VII всячески старался отклонять отъ занятій классическою древностью. Дезидерій, настоятель въ Монте Кассино, закрылъ свою прославленную школу, чтобы возстановить среди монаховъ строгость дисциплины, а игуменъ Петръ Достопочтенный велѣлъ закрыть школу въ Клюньи, вмѣстѣ съ чѣмъ началось и распаденіе монастыря, настоятелю котораго, Гугону, современнику Григорія VII, повиновались еще 10,000 монаховъ и которому при Петрѣ Достопочтенномъ, современникѣ святаго Бернарда, подчинялись болѣе 2000 аббатствъ, пріоратовъ, деканствъ, 514 церквей, коллегій и монастырей—(изъ этой школы вышли строго религіозные папы, Григорій VII, Урбанъ II и Пасхалій III).—Конечною и самою коренною причиною упадка монастырскихъ школъ былъ также новый духъ времени, заявившій себя въ схоластикѣ, въ университетахъ, искусствѣ, поэзіи и литературѣ, — духъ, котораго онѣ не въ силахъ были одолѣть, хотя сами же подготовили и ввели его: начатки схоластики исходили отъ бенедектинцевъ Ланфранка и Ансельма и изъ ихъ монастырской школы въ Бекѣ; члены Бенедектинскаго ордена вызвали основаніе разныхъ университетовъ; а германская литература и средневѣковое искусство провели первое дѣтство свое за монастырскими стѣнами.

Причины, низведшія монастырскія школы до простого прозябанія, обрушились также на каѳедральныя и приходскія школы. Ни монастырскія, ни каѳедральныя и приходскія школы не могли быть пригодными сосудами для самостоятельной разработки унаслѣдованнаго запаса и независимаго творчества, что съ этихъ поръ требовалось духомъ времени. Правда, въ эпоху Крестовыхъ походовъ каѳедральныя школы поднялись еще разъ, и такъ какъ онѣ болѣе нежели монастырскія сблизились съ жизнью, то знать попреимуществу въ нихъ и усвоивала себѣ духовное образованіе. Въ Люттихѣ, при епископѣ Александрѣ (1145), было 9 королевскихъ, 14 герцогскихъ, 30 графскихъ сыновей и 7 бароновъ и рыцарей, желавшихъ пріобрѣсть научныя знанія. Помимо Люттиха отличались особенно каѳедральныя школы въ Турнѣ —(гдѣ дѣйствовалъ епископъ Стефанъ,

предписавшій въ 1197-мъ г., чтобы схоластикъ и госпиталярій или начальникъ госпиталя, которому поручалось попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ, выбирались изъ самихъ каноииковъ, и установившій, чтобы схоластикъ, который безъ разрѣшенія удалится изъ капитула болѣе чѣмъ на 20 дней, былъ лишаемъ своего мѣста),—въ Мехельнѣ и Утрехтѣ. Впрочемъ, вслѣдствіе стеченія въ нихъ множества знатныхъ особъ, жизнь духовныхъ лицъ сдѣлалась свѣтскою, богатство и пышность развивались такъ, что схоластики и канторы замѣняли себя адъюнктами, и это укоренялось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе младшіе сыновья знатныхъ домовъ завладѣвали лучшими мѣстами при соборахъ; эти мѣста часто доставались даже несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ. Каноники въ Трирѣ прежде всѣхъ (977) наскучили своимъ постояннымъ келейнымъ уединеніемъ (затворничествомъ); имъ хотѣлось на свободѣ проживать свои церковные доходы (praebenda), и они выбирали по своему вкусу лѣса для охоты и мѣстности для прожитія. Знатные каноники удерживали за собою прежнія должности, въ качествѣ ленныхъ имѣній и личныхъ преимуществъ со всѣми рентами, какъ наслѣдіе своихъ предковъ, а труды по части пѣнія и содержанія школы они предоставляли въ видѣ передаточнаго лена ректору изъ мѣщанъ, магистру и сукцентору за крохи, перепадавшія съ ихъ стола. Совмѣстная жизнь окончательно прекратилась, когда папы и государи стали раздавать мѣста каноникозъ своимъ любимцамъ. Старыя соборныя и приходскія школы распались, а при заложеніи новыхъ приходовъ не вмѣнялись болѣе въ обязанность ни совмѣстная жизнь, ни содержаніе приходскихъ школъ. На нѣкоторыхъ соборахъ, правда, рѣшено было, чтобы епископы и капитулы каноииковъ назначали при своихъ церквахъ учителя и доставляли ему надлежащую пребенду, такъ какъ иначе слѣдовало опасаться, что не окажется людей для занятія духовныхъ должностей. Но эти рѣшенія ни къ чему не повели,—въ немногихъ лишь соборныхъ и приходскихъ школахъ ректору назначалась особая пребенда, и тамъ, гдѣ это дѣлалось, онъ сверхъ того, при скудномъ окладѣ, обязывался заниматься нотаріальными дѣлами капитула, завѣдывать даже разными отправками и почтовою службою, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учителя должны были довольствоваться исключительно однѣми лишь получаемыми съ учениковъ деньгами. Съ этихъ поръ схоластика замѣнилъ собою rector scholarum, а кантора succentor—и тотъ и другой при жалкомъ окладѣ и съ жалкими познаніями.

Все-таки этимъ путемъ поданъ былъ первый поводъ къ возникновенію самостоятельнаго учительскаго званія и положенъ почипъ къ отдѣленію школы отъ церкви, такъ какъ съ этихъ поръ учительское званіе было предоставлено са-

мому себѣ и должно было вырабатываться само изъ себя, вслѣдствіе чего оно, естественно, стало въ разрѣзъ съ предавшимся тунеядству и невѣжеству духовенствомъ. Приходскія и монастырскія школы продолжали, правда, прозябать частью по прежнему, но были до того скудно снабжены пособіями и учителями, что въ нихъ преподавались только религія, особенно житія святыхъ, и грамматика, и притомъ дотого сухо и безжизненно, что Лютеръ назвалъ эти школы carnificinae (живодернями). Въ нихъ не оказывалось уже пищи для будущаго ученаго; онъ какъ только могъ скорѣе отправлялся въ университетъ, куда поступалъ неподготовленный, и годы проходили, пока онъ рѣшался, что и какъ изучать ему.

Съ упадкомъ монастырскихъ и соборныхъ школъ католическая церковь также снизошла съ высоты своей исторической миссіи. Духовенство падало съ этихъ поръ и въ научномъ и въ нравственномъ отношеніи. Отъ священника требовалось только, чтобы онъ умѣлъ прочесть евангеліе и посланія, былъ въ состояніи пропѣть и зналъ аѳанасіевскій сvмволъ вѣры, и могъ бы проговорить бѣсовскія заклинанія и молитвы надъ катехуменами. Но и эти требованья оказались слишкомъ строгими. Сvнодъ въ Экзетерѣ въ 1287-мъ году вмѣнилъ архидіаконамъ въ обязанность переспросить священниковъ, знаютъ ли и понимаютъ ли они десять заповѣдей.—При такихъ условіяхъ богослуженіе и церковный обрядъ должны были снизойти до простого механизма. Механическая переборка четокъ къ молитвамъ, колѣнопреклоненія, земные поклоны, сухія и слезныя, громкія и тихія мессы, выставка гостій и мощей, куренія, звонъ, пѣніе: вотъ все, чѣмъ чествовали Бога, который есть Духъ и которому надлежитъ поклоняться въ духѣ и истинѣ. Святилища были обезображены пошлостями, а съ каѳедры потѣшали толпу наборомъ самыхъ грубыхъ шутокъ. Одинъ капуцинъ въ свѣтлое воскресенье разсказывалъ съ каѳедры: „Когда воскресшій постучалъ своимъ крестомъ во врата преддверія ада, то два бѣса подставили длинные носы свои вмѣсто засововъ; но Господь ударилъ по нимъ такъ, что бѣсы, лишась носовъ, подняли страшный ревъ“. Другой священникъ взошелъ на каѳедру съ курьерскимъ бичомъ и, хлопнувъ имъ три раза, воскликнулъ: „Что скажешь курьеръ?“ „Христосъ воскресъ!“ „Откуда ты?“ „Изъ дворца!“ „Не вѣрю!“ Послѣдовало вновь троекратное хлопанье бичомъ. „Что такое, курьеръ?“ „Христосъ воскресъ!“ „Откуда?“ „Изъ города!“ „Не вѣрю“. Послѣ новаго троекратнаго хлопанья курьеру наконецъ повѣрили, оттого что онъ явился „изъ церкви“. Гайлеръ Кайзербергскій, Малльяръ и Мено въ Парижѣ, Камюсъ, епископъ въ Белле, доминиканецъ Барлетта и патеръ Авраамъ а С-та Клара были главными

вожаками на этомъ поприщѣ. Барлетта, о которомъ говорилось: nescit praedicare, qui nescit barlettare *) —представляетъ напр. Іисуса, какъ онъ отказывалъ разнымъ лицамъ, хотѣвшимъ возвѣстить его матери о воскресеніи,—Адаму, оттого что онъ охотникъ до яблоковъ и слѣдовательно промѣшкаетъ дорогою; Авелю, оттого что Каинъ по пути можетъ убить его; Ною, оттого что онъ засидится въ какой-нибудь гостинницѣ; Іоанну Крестителю, оттого что Марія пожалуй испугается его грубой наружности. Наконецъ онъ избралъ ангела, который рекъ: „Coeli regina, laetare, Alleluja! resurrexit, sicut dixi! Alleluja!—Шутовскіе праздники, имѣвшіе первоначальною цѣлью пародировать языческое богослуженіе для усугубленія христіанскихъ святочныхъ потѣхъ, теперь были перенесены на христіанскіе религіозные обряды, такъ какъ язычество исчезло уже изъ народной памяти, а слѣдовательно и самыя пародіи на него ничего привлекательнаго не представляли. Изъ церковныхъ служителей и другихъ молодыхъ людей избирался шутовской епископъ, котораго торжественно посвящали въ каѳедральной церкви; онъ, вмѣстѣ съ шутовскими діаконами, служилъ шутовскую мессу и благословлялъ собравшуюся на это зрѣлище толпу, причемъ маски на освященномъ мѣстѣ при непристойныхъ пѣсняхъ и соблазнительныхъ пляскахъ отпускали шутовскіе фарсы, а настоящій епископъ съ его священниками тутъ же смотрѣли на все это, а въ городѣ Сансѣ они въ это время сами даже играли въ кости на главномъ алтарѣ.—Таковъ же былъ и ослиный праздникъ, представлявшій бѣгство Христа во Египетъ, причемъ (въ связи съ Моисеевскимъ разсказомъ о Валаамовой ослицѣ) въ церковь, въ сопровожденіи духовенства, вводили осла въ церковномъ облаченіи съ богато-украшенною Дѣвою на хребтѣ, ставили его передъ главнымъ алтаремъ, понудивъ преклонить колѣна, потомъ справляли литургію, завершавшуюся пѣснью:

Amen dicas, Asine!
Jam satis ex gramine
Amen, Amen, itera
As, sternare vetera
Hé, Sire Ane, Hé!

Окончивъ пѣснь, священникъ вмѣсто благословенія ржалъ трижды по ослиному, а толпа хоромъ вторила ржанью.— Когда нѣкоторые изъ папъ, на соборахъ, запрещали эти праздники, то почитатели послѣднихъ заявляли, что подобныя торжества столь же священны, какъ и праздникъ Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы. Папство не въ силахъ было

*) Тотъ не умѣетъ проповѣдывать, кто не умѣетъ говорить какъ Барлетта.

отвратить ни поруганіе святыни, ни распутство клириковъ. Въ 1273-мъ году одинъ изъ епископовъ въ Люттихѣ похвалялся при всѣхъ за столомъ, что онъ взялъ себѣ въ наложницы прекрасную игуменью и что у него отъ другихъ женъ въ два года родилось 14 дѣтей; а въ XIII-мъ вѣкѣ считали добродѣтельными тѣхъ священниковъ, которые содержали любовницъ у себя дома. Былъ же наконецъ и такой папа (—Александръ VI—), который не только ввелъ книжную цензуру и заключилъ съ султаномъ тѣсный союзъ противъ Франціи, но который ради одного простого удовольствія былъ коваренъ и лицемѣренъ, который за исключеніемъ своей возлюбленной, Розы Ваноццы и ея дѣтей, ни передъ кѣмъ не являлся слабымъ и, какъ говорятъ, предавался кровосмѣшенію съ своею дочерью, Лукреціей. Понятно, что при такихъ условіяхъ церковь не преминула также воспользоваться притязаніемъ помѣщиковъ на право первой ночи и на взимаемый за то налогъ. Любуясь развратными плясками въ шинкахъ, священники закладывали тамъ церковную утварь, если на то не хватало денегъ, добываемыхъ распродажею индульгенцій и мощей. Торгъ мощами при этомъ производился самымъ наглымъ образамъ. Кости, лоскутки одеждъ, даже молоко Божьей матери выставлялись на алтаряхъ въ назиданіе и на продажу народа, отдававшему свое съ трудомъ пріобрѣтенное добро за эти мнимыя святыни и сверхъ того еще за выкупъ отъ небесныхъ каръ. Ибо народное суевѣріе разлилось широкимъ потокомъ. Увлекаемыя имъ въ 1260-мъ году странствовали по Италіи длинныя вереницы кающихся — обнажась до чреслъ, съ покрытыми головами, распѣвая покаянные псалмы, бичуясь до крови, и этотъ религіозный бредъ перешелъ даже въ Германію, когда въ 1348—50-мъ годахъ „черная смерть“, истребившая въ средѣ однихъ миноритовъ 124,434 монаха, смутила тамъ умы. То было время, когда въ югозападной Германіи господствовала изступленная плясовая эпидемія, причемъ по улицамъ изъ распутно-обнаженныхъ людей составлялись хороводы въ корчахъ сладострастія и боли, и когда, вслѣдствіе неистово возбужденнаго фанатизма, избіеніе жидовъ достигло высшей степени ужаса, такъ что одинъ „дворянинъ фонъ Риндфлейшъ“ (Rindfleisch говядина) въ 1298-мъ году въ Вюрцбургѣ и Нюрнбергѣ избилъ до 100,000 жидовъ, „за то что они злостно наругались надъ тѣломъ нашего Спасителя“. Сверхъ того разгорячали и пугали народъ бѣсомъ, который сумасбродному воображенію представлялся съ рогами въ видѣ козла, жабы и т. п. Въ X-мъ и XI-мъ столѣтіяхъ въ этомъ отношеніи дошли уже до того, что черезъ чуръ обширныя познанія преслѣдовались какъ дѣло діавола, черной магіи, а крайнее невѣжество и тупоуміе чтилось какъ признакъ святости и чудотворства. Между тѣмъ какъ вѣра

въ чудеса, освящаемая церковью, умилялась по временамъ кровавыми гостіями *) утѣшалась чудесными исцѣленіями святою водою и т. п., въ то же время воображеніе заставляло трепетать душу отъ пальца висѣльника, отъ бѣсовскихъ заговоровъ, предохраняющихъ отъ выстрѣла и т. п., а пуще всего отъ вѣдьмъ, истребленіе которыхъ было предписано буллою (—Summis desiterantes—) Иннокентія VII въ 1484-мъ году. Казни вѣдьмъ и еретиковъ (Иннокентій III ввелъ инквизицію съ цѣлью истребить остатки Альбигойцевъ) замѣняли собою празднества въ ту эпоху. На доминиканцевъ возлагалась обязанность всюду разыскивать еретиковъ, арестовать ихъ, подвергать пыткѣ, осуждать и предавать костру или вѣчному заключенію: высшая степень варварства достигнута при Торквемадѣ въ Испаніи, подъ главенствомъ котораго Святое Судилище съ 1481-го по 1488-ой годъ приговорило къ костру 10,000 живыхъ людей и 6,000 изображеній умершихъ, а сверхъ того 97,000 къ лишенію свободы и имущества. Суевѣріе, бредъ, страхъ и ужасъ съ одной стороны, чувственность и распутство съ другой—составляли характеръ большинства въ то время. Даже женщины погрязли въ порокахъ. Самая невоздержная похоть свирѣпствовала какъ въ Италіи, такъ и въ Германіи, и въ сѣверогерманскихъ краяхъ также сильно, какъ и въ южногерманскихъ. Дабы умѣрить то и дѣло повторявшіяся подкидыванья дѣтей, нашлись вынужденными учредить воспитательные дома (въ Нюрнбергѣ былъ такой домъ въ началѣ XVI-го столѣтія; въ Миланѣ основанъ такой же еще въ 787-мъ году). По Франціи и Италіи скитались женщины бродяги и соблазняли мужей и юношей; во Франкфуртѣ на М., въ Болоньѣ и пр. множество непотребныхъ женщинъ, а тайкомъ даже замужнія жены принимали къ себѣ мужчинъ; въ XIV-мъ столѣтіи съ разрѣшенія начальства открыты были дома терпимости.

Къ такимъ-то безднамъ и нравственнымъ пропастямъ привела церковь, замѣняя одного посредника между Богомъ и человѣкомъ цѣлою кастою жрецовъ, заявляя будто она отъ Бога одарена особыми привилегіями и требуя отъ народа пассивнаго подчиненія,—та церковь, что взамѣнъ народа братьевъ поставила неограниченное духовное единодержавіе и промѣняла первосвященника живого Бога на горделиваго главу Рима,—та церковь, которая основной принципъ христіанства, спасеніе путемъ вѣры, такъ чтобы истинная вѣра была вполнѣ личнымъ подвигомъ и условіемъ совершеннаго обновленія человѣка, подчинила покаяніямъ, получившимъ характеръ самостоятельно заслуженныхъ подвиговъ, и сверхъ того запасу, сохраненному церковью отъ

*) То-есть видомъ причастныхъ облатокъ, на которыхъ будто бы выступала кровь.

избытка добрыхъ дѣяній святыхъ, за что и была установлена такса, — та церковь, которая населила небо святыми, сохраняла у себя дыханіе Господа, подхваченное въ перчаткѣ Никодима и украсила шляпу продавца индульгенцій перомъ, взятымъ изъ крыла архангела Михаила,— та церковь, что наружными обрядами вытѣснила всякую внутреннюю жизнь,—въ такой церкви могли развѣ преуспѣвать наука и нравственность?

Человѣчество въ нравственныхъ и интеллектуальныхъ проявленіяхъ вообще руководится господствующими современными ему нравственными и интеллектуальными понятіями. Единичныя личности, конечно, могутъ опередить эти воззрѣнія, а другія также отстать отъ нихъ. Но онѣ составляютъ исключеніе изъ правила, большинство же, не отличающееся особенно ни въ добрѣ, ни въ злѣ, не очень умное и не очень глупое, поневолѣ увлекается нравственнымъ правиломъ и духовнымъ образованіемъ страны и своей эпохи. Ибо въ общемъ и цѣльномъ строѣ народной жизни,—говоритъ Ласо,— всегда преобладаетъ естественное побужденіе, а не индивидуальный произволъ: какъ всякій говоритъ языкомъ своей страны и своей эпохи, такъ онъ и мыслитъ по ихъ же системѣ, въ Константинополѣ по магометанской, въ Петербургѣ по греко-каѳолической, въ Римѣ по римско-католической, а въ Берлинѣ по протестантской. Но этотъ духъ эпохи не представляетъ ничего ни устойчиваго, ни законченнаго. Онъ не бываетъ вполнѣ одинаковымъ въ странахъ, наиболѣе сходныхъ между собою (страна и люди, природа и исторія, физика и этика состоятъ между собою въ самомъ тѣсномъ взаимно-дѣйствіи), ни же въ двухъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣніяхъ одной и той же страны. То, противъ чего въ одномъ изъ періодовъ враждовали какъ противъ безсмыслицы и ереси, то же самое въ иную эпоху привѣтствовалось какъ истина. Непостоянство мѣрила человѣческихъ дѣйствій зависитъ отъ измѣнчивыхъ духовныхъ и нравственныхъ взглядовъ людей и эпохъ. Пока люди не сознаютъ этотъ естественный законъ духа, до тѣхъ поръ они будутъ навязывать другимъ людямъ свое собственное воззрѣніе тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ болѣе сами проникнуты имъ:— вотъ причина религіозныхъ гоненій, развивающихъ въ свою очередь обманъ какъ обыденное ремесло, ханжество какъ привычку жизни, порокъ и заблужденіе.—Христіанство въ язычески-античныхъ формахъ перешло къ племенамъ, похожимъ на сырой, но способный къ образованію матеріалъ. Латинскій языкъ и чужеземное образованіе взяли, казалось, верхъ надъ умиравшимъ народнымъ духомъ (въ X-мъ столѣтіи). Но имъ предстояло лишь доказать на безформенною природѣ свою образующую силу. Германскій духъ приведенъ былъ въ движеніе воздѣйствіемъ, извнѣ подступившей

къ нему, духовной жизни, но въ теченіе времени онъ успѣлъ претворить въ себя эти вліянія, онъ пустилъ изъ самого себя отпрыски новой жизни и сдѣлался наконецъ обновляющею силою духовной жизни человѣчества.

3. МІРЯНЕ И ИХЪ ВОСПИТАНІЕ.

20.

Крестовые походы и господство германскаго духа надъ романскимъ міросозерцаніемъ.

Германство, исполнившись христіанской вѣры, стремилось высвободиться изъ-подъ рабства, въ какомъ держалъ его Римъ. Вмѣстѣ съ этимъ наступила новая историческая эпоха: та эпоха, когда взамѣнъ духовенства господство захватили міряне.

Схоластико-духовный періодъ былъ преобладаніемъ романизма надъ германизмомъ; тогда какъ съ господствомъ мірянъ германизмъ одержалъ верхъ надъ романизмомъ. Рыцарство и гражданство — вотъ тѣ борцы, которые стремятся доставить торжество германизму, пытаясь духовное лицо замѣнить естественнымъ человѣкомъ. Подъ ихъ владычествомъ, лишенное смысла воспринятіе церковной вѣры вытѣсняется схоластикою и мистикою, духовная поэзія — поэзіею миннеи мейстер-зенгеровъ, византійское зодчество—германскимъ, латинскій языкъ—національнымъ. Правда, романтика и теперь еще, и притомъ теперь только вполнѣ, господствуетъ надъ міромъ; но въ процессѣ ея преобладаетъ уже субъектъ надъ объектомъ, тогда какъ въ схоластико-духовный періодъ объектъ находился на первомъ планѣ; прежде одна лишь вѣра была руководящимъ началомъ, тогда какъ съ этой поры рядомъ съ вѣрою заявляютъ свои права любовь и жизнь. Притомъ, какъ развитіе рыцарства, такъ точно и починъ Крестовыхъ походовъ исходятъ отъ романскаго, преимущественно же отъ кельтико-романскаго типа, который былъ предопредѣленъ къ тому своими физическими и этнографическими условіями, свойствомъ земли и климата, сосѣдствомъ Испаніи и Италіи. Но идеалъ рыцарства могъ осуществиться какъ въ мысляхъ, такъ и на дѣлѣ только при посредствѣ вліянія германскаго духа. И точно, бой и оружіе опять, какъ въ старое германское время, должны были составлять единственное настоящее занятіе мужчины; но съ

тѣмъ лишь, чтобы они посвящались уже не проявленію личной силы, а исключительно служенію всеобщихъ идей. То, что рыцарство могло сдѣлаться реальною силою въ исторіи, служитъ доказательствомъ, въ какой сильной мѣрѣ уже германскій духъ достигъ господства и до какой высокой степени онъ разработалъ въ себѣ также идеализмъ христіанства.

Классическій подвигъ рыцарства суть Крестовые походы. Гегель по истинѣ величаво развилъ историческое значеніе ихъ, сказавъ: „Завоеваніемъ Святой земли христіанство удовлетворило своей религіозной потребности, оно теперь на самомъ дѣлѣ безпрепятственно могло идти по стопамъ Спасителя. Корабли привозили въ Европу цѣлые грузы земли изъ обѣтованнаго края. Отъ самого Христа нельзя было имѣть мощей, ибо онъ воскресъ: высшими реликвіями были плащаница Христа, крестъ и наконецъ гробъ Его. Но въ гробѣ и заключается по истинѣ настоящая точка поворота, въ гробѣ прекращается вся суетность чувственнаго міра. У святаго гроба исчезаетъ вся суетность мнѣнія: тутъ уже не до суеты. Въ отрицаніи всего чувственнаго, вотъ въ чемъ совершается поворотъ и оправдываются слова: Ты не допустишь, чтобы истлѣлъ твои святой. Не въ гробѣ суждено христіанству обрѣсть завершеніе своей истины. У этого гроба христіанство услышало въ отвѣтъ то же, что и апостолы, когда они не нашли тамъ тѣла Господа: Что вы ищите живого между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ. Принципъ вашей религіи надлежитъ искать вамъ не въ чувственномъ, не въ гробѣ между мертвыми, но въ духѣ живомъ—въ васъ самихъ. Христіанство обрѣло пустой гробъ, а не связь между мірскимъ и вѣчнымъ, оттого оно и утратило святую землю. Оно разочаровалось на практикѣ, и результатъ, имъ вынесенный, былъ отрицательнаго свойства: а именно тотъ, что лишь субъективное сознаніе, а не какой либо внѣшній предметъ есть естественное бытіе. Это было непосредственнымъ результатомъ Крестовыхъ походовъ, и отсюда начинается эпоха самоувѣренности, самодѣятельности. Западъ у святаго гроба на вѣки распростился съ Востокомъ и постигъ свой принципъ субъективной безконечной свободы". Крестовые походы—прибавимъ мы отъ себя—собирали и сливали воедино народы, племена, сословія и родичей со всѣхъ концовъ свѣта. Воодушевленіе во имя идеи, готовность жертвовать собою, отрѣшиться въ доблестномъ дѣлѣ отъ всѣхъ подонковъ прошлой жизни, удовлетвореніе рыцарской жаждѣ подвиговъ, романтичность опасностей и приключеній, стремленіе и порывъ въ чарующій край чудесъ, постоянная напряженность духа: все это извратило жизнь въ самыхъ нѣдрахъ ея и вызвало новое мышленіе и чувствованіе.

Оттого-то 50 лѣтъ спустя послѣ начала Крестовыхъ походовъ (при Фридрихѣ I), въ Германіи уже сложился совершенно новый міръ: мечтательная юношеская жизнь, которой сразу открылась тайна красоты, нашедшей себѣ выраженіе въ поэзіи и искусствѣ. Сознавая свою грѣховность, душа чаяла въ крестовыхъ походахъ путь, на которомъ

«Какъ тяжко ни грѣшилъ бы человѣкъ,
Но лишь бы съ вѣрой шелъ, и онъ спасенія достигнетъ».

Въ томъ же духѣ поетъ трубадуръ:

Героемъ доблестнымъ не будетъ нынѣ тотъ,
Кто не спѣшитъ на помощь гробу и кресту;
Доспѣхами, и мужествомъ, и чливствомъ,
И всѣмъ, что украшаетъ человѣка,
Достичь мы можемъ чести и спасенья
Въ раю».

Сначала казалось, конечно, будто іерархія, благодаря Крестовымъ походамъ, доходитъ до высшихъ предѣловъ своей власти. Всѣ снаряжавшіеся ко святымъ мѣстамъ короли и императоры, отправлялись туда и ратовали тамъ во имя церковнаго главы, съ тѣмъ чтобы въ качествѣ вассаловъ завоевывать для послѣдняго: папа явился такимъ образомъ верховнымъ повелителемъ всѣхъ царей и царствъ въ мірѣ, и всѣ они были данниками Рима, который вслѣдствіе того, что вносимыя христіанами для завоеванія святаго гроба деньги стекались въ римскую казну, сдѣлался также средоточіемъ мірскихъ сокровищъ христіанства. Такимъ образомъ Римъ достигъ высшей степени своего могущества, сильнѣйшимъ представителемъ котораго является Иннокентій III; богато одаренный, твердый духомъ, онъ не имѣлъ иной мысли, какъ утвержденіе церковнаго царства, освобожденіе Италіи отъ чужеземнаго владычества, спасеніе церкви на Востокѣ, папскую опеку надъ совокупностью христіанскихъ государствъ, искорененіе еретиковъ и строгій урядъ церкви, и на вершинѣ своего могущества онъ могъ уподобить себя солнцу, отъ котораго королевская власть, подобно лунѣ, какъ бы въ ленъ заимствовало свѣтъ свой. То былъ мужъ высокаго научнаго образованія; онъ самъ написалъ книгу о воспитаніи государей, обратилъ свою дѣятельность особенно на парижскій университетъ и на каѳедральныя школы и постановилъ въ 1215-мъ г. на Латеранскомъ соборѣ, чтобы при всѣхъ каѳедральныхъ церквахъ назначаемы были учителя грамматики и лекторы теологіи, абы впредь не было недостатка въ научномъ образованіи. - Однако Крестовые походы все-таки были первымъ великимъ подвигомъ германскаго духа противъ римской церкви. „Въ нѣкоторыхъ единичныхъ чертахъ рыцарскаго идеала, — говоритъ Рюкертъ,—этотъ самородный германскій типъ часто находится

въ прямой противоположности къ церковно-христіанскому миросозерцанію и его идеаламъ. Уже то, что міряне, какъ рыцари, возносили свое любимѣйшее занятіе, борьбу въ физическомъ смыслѣ, превыше всѣхъ добрыхъ дѣлъ, и что церковь, высшимъ дѣломъ которой доселѣ было пассивное мученичество, признала эту борьбу, даже поощряла ее, служитъ признакомъ, что бывшее доселѣ отношеніе между романизмомъ и германизмомъ извратилось. И какъ бы высоко эта церковь ни вознеслась въ лицѣ Иннокентія, — но именно то, что она считала торжествомъ своимъ, завоеваніе святой земли, сдѣлалось ея гибелью. Могущество и богатство церкви необходимо влекли за собою нравственную порчу и омірченіе духовенства: такимъ образомъ Крестовые походы породили внутренняго врага, сдѣлавшагося самымъ сильнымъ союзникомъ вызваннаго ими внѣшняго непріятеля. А именно, соприкосновеніе съ магометанами и съ ихъ скептическою философіей возбудило въ церкви противника церкви, съ которымъ ей съ этихъ поръ пришлось вести непримиримую истребительную борьбу. Христіане воевали съ магометанами; но въ то же время они состояли съ ними въ дружескихъ сношеніяхъ. При мавританскихъ дворахъ находились тысячи христіанъ, они помогали даже воевать противъ своихъ единоземцевъ; а съ другой стороны столько же магометанъ вращалось въ средѣ христіанъ. Военноплѣнные служили въ нѣкоторомъ родѣ посредниками духовнаго обмѣна, а итальянскіе корабли привозили изъ Леванта пряности, шелкъ и металлы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Европу проникъ также новый духъ, духъ всеобщаго вольнодумства. Храмовники, независимые вслѣдствіе собственнаго могущества и папскихъ привилегій, враждебно противостали епископамъ и королямъ и съ христіанскою жизнью и вѣрою соединили пышность Сарацыновъ. Іоаннъ Беззѐмельный, прежде чѣмъ отъ папы принять въ ленъ землю свою, обратился къ магометанскому владыкѣ Мугамеду аль Нассиру и предлагалъ сдѣлаться данникомъ его, если послѣдній поможетъ ему вступить во владѣніе царствомъ, обѣщая отречься отъ христіанства, которое считалъ пустою выдумкою, и принять исламъ. Фридрихъ II поддерживалъ самыя дружескія сношенія со всѣми магометанскими державцами, принималъ посольства отъ верховнаго главы Аббассидовъ въ Сиріи и заключилъ съ Тунисскимъ владѣльцемъ договоръ на основаніи полной обоюдной свободы торговли; онъ же установилъ и слѣдующее основное правило: человѣкъ можетъ вѣровать лишь въ то, что онъ въ состояніи доказать, основываясь на природѣ и разумѣ; поэтому онъ отрицалъ рожденіе Христа отъ дѣвы, какъ нѣчто само въ себѣ противорѣчивое; мало того, онъ, какъ разсказываютъ, заявлялъ даже,

что Моисей, Христосъ и Мугамедъ не что иное, какъ величайшіе обманщики въ свѣтѣ; а завидѣвъ священника, шедшаго съ дарами къ больному, онъ воскликнулъ: Долго ли еще будетъ длиться этотъ обманъ? При вторженіи Монголовъ въ Германію, онъ не обинуясь объявилъ, что ему нѣтъ никакой охоты заступаться за христіанство противъ язычниковъ, такъ какъ глава перваго досаждаетъ ему болѣе, нежели всѣ Татары.

Начиная съ Крестовыхъ походовъ новое образованіе стало духовною атмосферою эпохи. Всеобщій кругозоръ расширился далеко за тѣ предѣлы, въ которыхъ доселѣ жили обокъ другъ съ другомъ разобщенные народы: Англичане, Французы, Нѣмцы и пр., Востокъ и Западъ соприкасались взаимно и вырывали единичныя націи изъ ихъ замкнутости, исполняя ихъ новыми житейскими воззрѣніями и направленьями. Благодушные Нѣмцы шли заодно съ восторженными Французами и Итальянцами и вмѣстѣ вступали въ Константинополь, въ это убѣжище древняго искусства, а оттуда въ Обѣтованную землю, богатую какъ драгоцѣнными дарами природы, такъ и чудесами священной исторіи. Тамъ восточный пылъ смѣшивался съ христіанскою вѣрою, — амальгамаціонный процессъ, породившій новую жизнь по всѣмъ направленіямъ, ознакомившій Западъ съ греческимъ и арабскимъ языками, философіею, поэзіею, съ міромъ сказокъ и сагъ, съ математикой, медициной, зодчествомъ, живописью и нравами, и вмѣстѣ съ тѣмъ дивно освѣжившій искусство и науку самаго Запада. Мало того. Разныя сословія одного и того же народа сливались воедино въ Крестовыхъ походахъ ради одной цѣли и одного стремленія,—видѣть собственными глазами святую землю. Такъ какъ всѣ они порывались къ духовной цѣли, стремились къ образованію и знанію, то—какъ справедливо замѣчаетъ Крамеръ — весь бывшій доселѣ строй образованія долженъ былъ измѣниться, для него должны были открыться новые пути, духовенство должно было подѣлиться съ другими сословіями царствомъ духа, которымъ доселѣ оно исключительно владѣло. „Крестовые походы это воздѣйствіе мірянъ противъ духовенства, чувствъ противъ духа, наглазнаго созерцанія противъ вѣры, дѣла противъ слова.“ Съ этихъ поръ латинскій языкъ не могъ уже быть главнымъ орудіемъ образованія и науки, потому что духовенство уже не исключительно владѣло образованіемъ: пѣсни пѣлись на родномъ языкѣ, на немъ также посылали о себѣ вѣсти домой крестоносцы; имѣлись разные переводы съ одного новаго языка на другой; Итальянцы и Нѣмцы сочиняли на двухъ языкахъ; при дворахъ державцевъ заставляли сыновей и дочерей изучать попреимуществу французскій языкъ, оттого что онъ оказался лучшимъ средствомъ общенія и взаимныхъ сношеній и

оттого что новое направленіе христіанскаго рыцарства исходило прежде всего изъ Франціи. Съ древнимъ языкомъ пала также и древняя религія: христіанство снизошло съ небеснаго міра къ земному, изъ церкви въ сердца людей, изъ царства представленій въ самую ихъ душу. Чувственность впервые прониклась искренностью религіи, и „эта прекрасная и благочестивая задушевность, это человѣчное чувствованіе въ отблескѣ духовнаго, эта прекрасная человѣчность въ свѣтѣ небеснаго, это поклоненіе женщинѣ, въ тѣсной связи съ дошедшимъ въ то же самое время до высшаго расцвѣта почитаніемъ Маріи, все это было причиною, что самое глубокое и пылкое чувство человѣка, земная любовь, преобразилась въ небесную, и что вслѣдствіе этого женщины были облечены какъ бы въ земное сіяніе святости“. Точно также и въ наукѣ. Прежде теологія была единственною наукою, и подчиненная ей философія занималась лишь логикою и метафизикой; естественныя науки были въ опалѣ, а исторія состояла изъ легендъ. „Теперь лѣтописцами являются уже не монахи, въ кельѣ своей превратно и неумѣло излагающіе древнимъ языкомъ новыя дѣянія; а напротивъ, свѣтскіе и дѣловые люди, ясно и въ связи повѣствующіе о томъ, что испытали въ жизни и въ чемъ большею частью сами принимали дѣятельное участіе.“ Философія съ этихъ поръ освобождается отъ теологіи, и въ Парижскомъ университетѣ это разобщеніе въ 1270-мъ г. воплощается въ двухъ факультетахъ. Тому же существенно способствовало происшедшее вслѣдствіе ближайшаго знакомства съ аравійскою культурою распространеніе Аристотелевыхъ сочиненій, чему всѣми силами содѣйствовали Фридрихъ II и сынъ его Манфредъ, тогда какъ Иннокентій III всѣми средствами противодѣйствовалъ этому. Около 1240-го г., благодаря Вильгельму Оверньскому, ознакомились также съ физическими сочиненіями Аристотеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается постиженіе и созерцаніе природы какъ божественнаго откровенія, и наконецъ Раймундъ изъ Сабунды пытается утвердить все ученіе христіанства на законахъ природы и человѣческаго духа. Заодно съ природою и государство также начинаетъ заявлять свои притязанія на непосредственныя права; для бо́льшаго утвержденія послѣднихъ основательнѣе изучается Аристотелева политика. Въ самой церкви доминиканцамъ, стремившимся главнѣйше отстоять правовѣріе и папское всемогущество, противостали основанные Францискомъ изъ Ассизи (ум. 1226) францисканцы или минориты, отвергавшіе окончательное рѣшеніе папы, настаивавшіе, въ XIV-мъ столѣтіи, на всеобщемъ, господствующемъ надъ папою соборѣ и слѣдовавшіе въ догматѣ полупелагіанскому направленію. Такимъ образомъ они сами

принадлежали къ еретикамъ, *) появлявшимся съ XI-го вѣка всюду во Франціи, Аквитаніи, Орлеанѣ, Аррасѣ, Люттихѣ и рѣшительно враждебнымъ іерархіи и церковнымъ обрядамъ, послѣ чего въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ альбигойцы и вальденсы противопоставили евангеліе церковному уряду, не признавая римской церкви за церковь Христову. Политическія условія наконецъ также потерпѣли важныя перемѣны. Рыцарство сложилось во время Крестовыхъ походовъ со всѣми своими особенностями, а города приняли новый размахъ.—Воспитаніе въ свою очередь не отставало отъ всего этого. Сама церковь вслѣдствіе Крестовыхъ походовъ вновь собралась съ силами и стала печься о народномъ образованіи. Доминиканцы успѣшно дѣйствовали въ качествѣ учителей (—въ началѣ XIII-го столѣтія они основали школу св. Ѳомы въ Лейпцигѣ—), а францисканцы старались распространять здравый смыслъ также въ низшемъ слоѣ народа. Соборъ въ Битеррѣ въ 1246-мъ г. постановилъ, чтобы мальчики, достигши семилѣтняго возраста по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ отправлялись въ церковь и изучали тамъ католическую религію, особенно же Отче нашъ, символъ вѣры и поклоненіе Богородицѣ.—Въ разныхъ слояхъ общества пробивались новыя образовательныя силы. Въ Германіи научное направленіе высшихъ сословій, искусство и пр. благотворно вліяли на народъ. Во Франціи при Людовикахъ VI и VII (1108—1180) заложены новыя школы и улучшены старыя. Въ Нидерландахъ процвѣтали соборныя школы. Въ Англіи Священное Писаніе переведено Виклифомъ и такимъ образомъ то, что доселѣ было высокимъ достояніемъ священниковъ и церковныхъ учителей, сдѣлалось общедоступнымъ для мірянъ. Даже въ Россіи Великій князь Владиміръ поручилъ около 998-го г. греческимъ зодчимъ соорудить храмы, школы и учебныя заведенія, призвалъ изъ Греціи учителей для молодой знати и повелѣлъ чтобы въ крайнемъ случаѣ дѣти отбирались у родителей хоть силою и отправлялись въ учебныя заведенія; затѣмъ сынъ его, Ярославъ, соорудилъ въ Новгородѣ учебное заведеніе для 300 сыновей старостъ и священниковъ и надѣлилъ нѣсколько церквей богатыми доходами съ условіемъ, чтобы священники тщательно занялись народнымъ обученіемъ. Однако рыцари и города болѣе всего способствовали новому, высвобождавшемуся отъ церкви воспитанію.

---

*) Понѣмецки Ketzer отъ слова катары т. е. чистые; отсюда итальянское gazzari и потомъ нѣмецкій Ketzer.

А. РЫЦАРСТВО И ЕГО ВОСПИТАНІЕ.

21.

Основныя формы рыцарства.

Высвобождающійся отъ романизма христіанско-германскій духъ, имѣя на престолѣ своихъ представителей въ отличавшемся воинственною доблестью и величіемъ помысловъ, неодолимымъ влеченіемъ и порывомъ къ идеальному богатырскому величію родѣ Гогенштауфеновъ, проявляется прежде всего въ *рыцарствѣ*, въ этой юношеской жизненной поэзіи германскихъ народовъ: въ рыцарствѣ подвига—рыцарскій герой; въ рыцарствѣ мысли—философствующій схоластикъ; въ рыцарствѣ искусства—миннезенгеры и германскій зодчій.

I. Схоластика выступаетъ рыцарствомъ теологіи. Она почерпнула содержаніе и форму изъ откровеннаго вѣроученія и изъ односторонне примѣненныхъ умственныхъ категорій Аристотеля. Въ ту эпоху, когда она занимала умы и сердца даровитѣйшихъ и лучшихъ, въ мнѣніяхъ мыслящихъ людей рѣзче всего выработалась несостоятельная противоположность между здѣшнимъ и тѣмъ свѣтомъ, между Богомъ и міромъ, внутреннимъ и внѣшнимъ бытіемъ, духовною и мірскою жизнью. Вся мудрость церкви заключалась въ откровенныхъ ей вѣроученіяхъ, и церковь заявляла свое право на полное обладаніе каждымъ единичнымъ человѣкомъ. Но этотъ единичный человѣкъ оставался сыномъ земли, естественнымъ существомъ, надѣленнымъ, чувственными и духовными наклонностями. Оттого-то онъ и увлекался то въ одну, то въ другую сторону требованьями духовенства какъ представителя церкви и потребностями своей собственной природы. Оттого-то съ одной стороны идеализація жизни, а съ другой—отчужденіе отъ свѣта и презрѣніе къ нему, здѣсь утѣха и наслажденіе, а тамъ покаяніе, здѣсь вожделѣніе, а тамъ отреченіе,—голая, разоблаченная чувственность и при этомъ восторженная, призракомъ наслажденія довольствующаяся, сверхчувственность, здѣсь прилипаніе и тяготѣніе къ земному, а тамъ разнузданная фантазія, освобожденная отъ оковъ душа, которая, предавшись созерцанію и восторженности, погружается въ царство—внутреннихъ чувствъ и забываетъ свое тѣлесное жилище. Если—говоритъ Фальке—могли дойти до такого сумасбродства, что безтѣлеснымъ предметамъ, отвлеченіямъ нашего ума присвоивали нѣчто тѣлесное, то нечего удивляться тому, что превознесли и идеализировали обыденный міръ, а съ другой сторо-

ны презирали и отвергали его, и за то искупали свои вожделѣнія въ другомъ воображаемомъ только мірѣ. Таковы послѣдствія розни между вѣчностью и временемъ, между здѣшнимъ и тѣмъ свѣтомъ. Вмѣстѣ съ чувственнымъ вожделѣніемъ заявилъ себя также требующій своихъ правъ человѣческій разумъ. Господствовавшая духовная власть, подчинивъ себѣ всѣ умы, разрѣшала ему сперва лишь одинъ источникъ познанія—область откровенной религіи. Разумъ не дерзалъ черпать изъ самого себя, ни даже изъ презираемой какъ нѣчто второстепенное, самой по себѣ ничтожной, бездушной и безбожной природы: исключительною областью его была прежде всего область вѣры, откровенное содержаніе которой пытался онъ поддержать и согласовать съ своими требованьями. Занимаясь этимъ дѣломъ, онъ мало по малу долженъ былъ прійти къ сознанію своего верховенства. Ибо,—весьма вѣрно замѣчаетъ Ф. фонъ-Раумеръ,—кто принимаетъ извѣстныя предположенія и догматы о безсмертіи, пресуществленіи, первородномъ грѣхѣ и т. п., тотъ по неволѣ дойдетъ до извѣстныхъ крайнихъ точекъ, или же онъ долженъ по своей прихоти назначить себѣ произвольную крайнюю точку, не то онъ будетъ вынужденъ признать всю несостоятельность предположеній и догматовъ. Скептика сначала робко рѣшалась обнаружить недостататочность догматическихъ доводовъ и показать, что этимъ путемъ не достигнешь ничего. Разумъ, служа вѣрѣ, томился ея владычествомъ и самъ сталъ потихоньку добиваться господства, стремиться къ верховенству надъ вѣрою. Но потребовалось много времени уразумѣть, что человѣческій духъ самъ такое же откровеніе Божіе и что, вознесясь до первобытности и геніальнаго творчества, онъ самъ становится источникомъ, изъ котораго льются потоки вѣчной жизни, а потому то, что называютъ откровеніемъ, отнюдь не единократный, какъ бы окристаллизованный, но, напротивъ, безпрерывно продолжающійся процессъ, все болѣе и болѣе приближающій подлинно-человѣчное къ божественному — истина, которая даже въ наше время не сдѣлалась еще общимъ достояніемъ мыслящаго міра. Гдѣ она постигается, тамъ и духовная жизнь человѣчества является подобно природѣ какъ нѣчто развивающееся, и разумъ, признанный божественнымъ, въ правѣ звать передъ свое судилище всякій безъ исключенія выводъ минувшихъ дней. — Зависимость отъ природы и борьба съ нею научили насъ мало по малу признавать эту великую книгу Божію также за источникъ истины. Въ эпоху схоластики уже появляются робкіе начатки философіи природы. Впослѣдствіи она все болѣе и болѣе становится главною владычицей въ области истины и разгоняетъ сумрачный туманъ суевѣрія, которому въ средніе вѣка люди безпощадно приносились въ жер-

тву и которое потомъ въ эпоху сверхчувственнаго настроенія сдѣлалось ужаснымъ бѣдствіемъ для человѣческаго рода, все пожирающимъ и опустошающимъ Молохомъ. Бѣдное, блуждающее и шаткое, рожденное въ прахѣ племя людей, правда, переходитъ часто изъ одной крайности въ другую: изучая природу, оно въ новѣйшее время и даже въ наши дни зачастую упускало изъ виду мощь духа, и воздавъ видимому міру его права, оно само унизилось до поклоненія ему какъ Богу. Исцѣленія можно ожидать лишь отъ того взгляда, который разсматриваетъ всю жизнь какъ нѣчто единое, а вселенную какъ одно органическое цѣлое, которое примиряетъ между собою внутренній и внѣшній міръ, видимый и невидимый, здѣшній свѣтъ и тотъ другой.—Впрочемъ схоластика заслуживаетъ вполнѣ нашего уваженія за то, что она, несмотря на тяготившія ее цѣпи, въ необычайно фантастичную и мрачную эпоху заявляла снова о доблести человѣческой души, и бряцаніе и звукъ ея цѣпей предвозвѣщали уже наступленіе новой эпохи,—эпохи господства разума. Первымъ провозвѣстникомъ ея былъ Іоаннъ Скоттъ Эригена. По однимъ онъ родомъ изъ Шотландіи, отсюда имя его „Скоттъ," а по другимъ изъ Ирландіи, отчего онъ зовется „Эригена." Утверждаютъ также, будто въ 886-мъ г. онъ былъ убитъ монахами монастыря Момсбёри, куда удалился. Онъ училъ въ Парижѣ и пользовался большимъ почетомъ у Карла Лысаго. Преслѣдуемый въ Парижѣ и во Франціи за то, что свои ученія и сочиненія не подвергалъ предварительному приговору папы, онъ былъ радушно принятъ въ Англіи королемъ Альфредомъ и назначенъ учителемъ въ Оксфордѣ. Но и тутъ также вновь преслѣдуемый, онъ основалъ собственную школу въ Момсбери.

Въ основѣ его воззрѣнія лежала мысль, что Богъ сущъ въ природѣ и природа въ Богѣ. По немъ Богъ единое истинное бытіе и потому конецъ и цѣль всего. Нѣтъ никакого предопредѣленія, ни предвѣдѣнья, вообще никакого прежде, ни послѣ въ Богѣ. Свободная (т. е. непредопредѣленняя) воля— вотъ сущность человѣка. Зло не врождено человѣческой природѣ, напротивъ оно состоитъ въ извращенномъ и безразсудномъ направленіи разумной и свободной воли. Сколько-бы единичныхъ свѣточей ни сливалось въ единое море свѣта, а все-таки изъ него можетъ быть изъятъ каждый единичный свѣточъ: такъ и душа человѣческая относится къ Богу. Скоттъ Эригена такъ высоко стоялъ надъ своею эпохою, что она не въ состояніи была понять его. Основанная имъ философія лишь два столѣтія спустя послѣ него вышла на бѣлый свѣтъ. Прежде всего благодаря Ланфранку изъ Павіи, по настоянію котораго Беренгаръ призналъ членомъ вѣры, что въ причастіи тѣло Христово присуще не только въ видѣ таинства, но и осязательно,

во плоти, такъ что именно его касаются и его преломляютъ руки священника, именно оно раздробляется зубами вѣрующихъ,—ученіе, которое, послѣ того какъ Гильдебертъ Турскій нашелъ для него выраженіе transsubstantiatio, (пресуществленіе) было Иннокентіемъ III, на Латеранскомъ соборѣ возведено въ непреложный членъ сумвола. Настоящимъ основателемъ схоластики былъ впрочемъ *Ансельмъ Кантерберійскій.* Онъ добивался посредствующаго звена между вѣрою и разумомъ и установилъ основное правило, что христіанинъ долженъ идти отъ вѣры къ разуму, а не путемъ лишь разума добиваться вѣры. Кто не вѣруетъ, тотъ не извѣдалъ, а кто не извѣдалъ, тотъ не знаетъ. Итакъ, вѣра есть норма разума, и знаніе, которое не блюдетъ содержанія вѣры, можетъ породить только заблужденье.

Абелардъ (1079—1142), напротивъ того, подчинялъ уже вѣру знанію своимъ основнымъ положеніемъ, что не слѣдуетъ и не должно вѣрить тому, чего напередъ не понялъ. Лишь путемъ дѣятельной пытливости достигается твердая вѣра, ибо къ такой дѣятельности присоединяется божественная любовь и даетъ то, чего не въ состояніи достигнуть пытливость человѣка. Абелардъ первый также замѣнилъ августинову діалектику аристотелевскою, тогда какъ у Ансельма въ основѣ лежала еще діалектика Августина.

Петръ Ломбардъ (ум. 1164) методически и діалектически завершилъ начатое Абелардомъ дѣло въ своихъ 4 книгахъ Sententiarum: это—главное догматическое руководство для всѣхъ послѣдующихъ временъ; знатнѣйшіе учители писали на него толкованія, въ немъ воедино собрана совокупность догматовъ церкви, философія и вѣроученіе по наружности согласованы между собой и по немъ придано автору названіе „magister sententiarum". Настоящей систематической разработки схоластика достигла лишь тогда, когда въ нее всецѣло проникла философія Аристотеля. Первый схоластикъ, вполнѣ примѣнившій ее къ теологіи, былъ *Александръ Гельсскій* (ум. 1245) въ его summa universae theologiae. Благодаря такому примѣненію, схоластика достигла своего расцвѣта въ лицѣ *Ѳомы Аквинскаго* (doctor angelicus 1224—1274), утверждавшаго уже, что все противорѣчащее разуму противно божественной истинѣ. Христіанская теологія, говоритъ онъ, основана, правда, на высшемъ божественномъ откровеніи, но разумная истина должна согласоваться съ божественною и въ сущности составлять съ нею одно, такъ какъ разумъ исходитъ отъ Бога.

Глубокомысленному Ѳомѣ противосталъ одинъ изъ проницательнѣйшихъ умовъ среднихъ вѣковъ, doctor subtilis, *Дёнсъ Скоттъ* (1270—1308), считавшій богопознаніе не конечною цѣлью теологіи и постигавшій сущность Бога не исключительно какъ intellectus (разумѣніе), но, съ практи-

ческой точки зрѣнія, конечную цѣль теологіи полагалъ въ наслажденіи Богомъ и сущность Его называлъ волею. Къ Ѳомѣ Аквинскому и Дёнсъ Скотту примкнули двѣ школы; доминиканцы, какъ ѳомисты отстаивали ученіе Ѳомы, а францисканцы какъ скоттисты пристали къ Дёнсъ Скотту. По мѣрѣ того какъ они во взаимной борьбѣ продолжали все далѣе развивать догматы своихъ учителей, воля все болѣе и болѣе отдѣлялась ими отъ разума, практическое отъ теоретическаго, вѣра отъ знанія, пока *Вильгельмъ Оккамъ* (ум. 1347) не сталъ рѣшительнѣе всѣхъ защищать принципъ первенства мысли надъ авторитетомъ вѣры. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ величайшихъ поклонниковъ номинализма, который съ самаго начала схоластики противосталъ реализму, державшемуся по примѣру Платона объективной реальности всеобщаго (universalia ante rem), и не признавалъ никакихъ общихъ понятій, ни родовъ, ни видовъ, напротивъ, считалъ понятія эти простыми лишь именами, безсодержательными представленіями, лишенными реальности, и потому допускалъ не чистое мышленіе, а одно лишь представленіе и чувственную подмѣту. По Оккаму, подмѣта воспринимаетъ впечатлѣнія, производимыя на насъ предметами, а разсудокъ соединяетъ признаки предметовъ въ предложенія или сужденія. Въ основѣ отвлеченнаго знанія всегда лежитъ наглядная подмѣта при посредствѣ наблюденія, и этимъ путемъ можетъ быть выведено даже дознаніе необходимыхъ истинъ. Все мышленіе поэтому не что иное, какъ естественный потокъ представленій, которыя воспроизводятся въ нашей душѣ, связуются между собою и въ этой связи вновь созерцаются нами, безъ всякаго содѣйствія разсудка или воли. Теологія, напротивъ того, основана на авторитетѣ; вѣра не подтверждается естественными причинами. Многіе теологическіе вопросы относятся лишь къ знакамъ знаковъ, и употребленіе словъ при этомъ произвольно, такъ что во многихъ случаяхъ полезно бываетъ прибѣгать къ словамъ чуждаго языка. Теологія, взятая вообще, не единая въ себѣ наука; напротивъ, она совмѣщаетъ въ себѣ разнородныя положенія; даже заповѣди и ученіе о любви Божіей нѣчто произвольное.— Такимъ образомъ во всей силѣ высказана была противоположность между естественнымъ познаніемъ и чудомъ сверхестественнаго міра. Съ этихъ поръ философское и теологическое изслѣдованіе составили двѣ различныя области, и философское изслѣдованье освободилось отъ теологическихъ предположеній. Настоящая суть схоластики этимъ совершенно упразднилась.

Такому упраздненію схоластики болѣе всего способствовалъ великій францисканецъ Роджеръ Баконъ (1214 — 1294). Онъ искалъ спасенія не въ діалектикѣ и теологіи,

но въ языковѣдѣніи, математикѣ и физикѣ. Онъ рекомендовалъ математику какъ первую и легчайшую науку, на которой основано все остальное знаніе, потому что все духовное и вѣчное познаемъ мы только чрезъ посредство тѣлеснаго и временнаго, и потому что математика одна лишь представляетъ истинное доказательство; а опытъ дополняетъ его, ибо одинъ опытъ, созерцаніе въ дѣйствительности того, что было доказано, вполнѣ успокоиваетъ духъ нашъ. Поэтому опытъ господствуетъ у него надо всѣми умозрительными науками. Въ естественныхъ наукахъ онъ настаиваетъ на опознаніи частнаго и требуетъ, чтобы оно обладало истиной наравнѣ съ общимъ, чтобы оно возникало не изъ одной связи или случайнаго столкновенія общностей, и хочетъ также, чтобы оно дѣйствовало не только на средства разумѣнія, но и на самый разсудокъ, на смыслъ.

Схоластика была рыцарствомъ мысли. Произведенія ея—духовные храмы въ готическомъ стилѣ. Оружіемъ ея было умозрѣніе. Какъ истинное рыцарство, оно жаждало также *чудныхъ похожденій*. „Что сталось бы съ Христомъ, еслибъ онъ явился въ видѣ огурца?“ „Можно ли помимо воды крестить также воздухомъ, пескомъ или землею, пивомъ, рыбьимъ отваромъ, щелокомъ, розовою водою и т. п.?“ „Можетъ ли Богъ что-либо совершившееся сдѣлать вовсе небывалымъ, напр., изъ блудницы чистую дѣву?“ „Отчего Адамъ въ раю вкусилъ отъ яблока, а не отъ груши?“ „Сколько ангеловъ могутъ умѣститься на остреѣ иголки?“ „На какомъ языкѣ говорила змѣя съ Евою?“ „Былъ ли первый человѣкъ снабженъ также пупкомъ?“ „Если собака или свинья проглотитъ цѣлую гостію, перейдетъ ли въ такомъ случаѣ тѣло Господне также въ желудокъ животнаго?“ Отвѣтъ: „Да; но животнымъ это тѣло вкушается не sacramentaliter (не въ видѣ таинства), а лишь accidentaliter (случайно).“ Такіе вопросы и отвѣты и были тѣ духовныя чудовища, съ которыми приходилось вступать въ борьбу этимъ рыцарямъ духа. Схоластическій рыцарь подвизался на поприщѣ не только мысли, но также и любви. Любовь и любовныя письма Абеларда и Элоизы представляютъ вершинную точку этого рыцарства романтизма. „Ты одинъ—пишетъ Элоиза—можешь огорчить, обрадовать и утѣшить меня. И ты одинъ только обязанъ сдѣлать это болѣе всего потому, что я исполнила твою волю до такой степени, что будучи не въ силахъ отказать тебѣ въ чемъ бы то ни было, я избрала свою собственную гибель, оттого что ты хотѣлъ такъ. Богу извѣстно, никогда я не искала въ тебѣ ничего помимо тебя самого, рѣшительно одного лишь тебя, не желая ничего твоего. Не ждала я ни брачнаго союза, ни другихъ благъ, всегда, какъ ты самъ знаешь, старалась я исполнить не свое желаніе, не свою волю, а твою. И хотя имя жены кажется

святѣй и достойнѣе, но для меня имя подруги все-таки было сладостнѣй, чтобы чѣмъ болѣе я для тебя унижаюсь, тѣмъ высшей милости достичь передъ тобою и тѣмъ менѣе вредить блеску твоего величія. Если женщина, выходитъ за богатаго охотнѣе чѣмъ за бѣднаго и ищетъ въ мужѣ болѣе свое чѣмъ его самого, то безъ сомнѣнія, она просто продаетъ себя. Если она вступитъ въ бракъ съ такимъ разсчетомъ, то ей скорѣе подобаетъ плата, нежели благостыня любви. Ибо она, по истинѣ, гонится за вещью, а не за человѣкомъ, и еслибъ представился случай, то она отдалась бы еще болѣе богатому. Это выразила философка Аспазія въ разговорѣ, у сократика Эсхина, съ Ксенофонтомъ и его супругою, заключившемся такими словами: Если вы достигнете, что на землѣ не будетъ лучшаго мужа, ни жены болѣе этимъ счастливой, то вы навѣрное всегда будете сильнѣе всего стремиться къ тому, что должно считать за лучшее, дабы ты былъ мужемъ наилучшей жены, а она была женою наилучшаго мужа! Вотъ, по истинѣ, святое и болѣе чѣмъ философское изреченіе, достойное скорѣе самой небесной Софіи, нежели философіи. Вотъ гдѣ святое заблужденіе, которымъ полная любовь ненарушимо сохраняетъ союзъ супружества, и не столько изъ плотскаго воздержанія, сколько по духовному цѣломудрію. Но что у другихъ было заблужденіемъ, то у меня было слѣдствіемъ явной для всѣхъ истины. Ибо все, что другія жены лишь воображали себѣ о своихъ мужьяхъ, то я сама и весь міръ не только думали о тебѣ, но и знали; такъ что моя любовь къ тебѣ тѣмъ правдивѣе, чѣмъ она далѣе отъ заблужденія. Вѣдь кто же изъ царей или мудрецовъ могъ достичь твоей славы? Какой край, какой городъ, какое мѣстечко не жаждали видѣть тебя? Кто, скажи на милость, не желалъ взглянуть на тебя, когда ты появлялся въ народѣ, кто, когда проходилъ ты, не слѣдовалъ за тобою, поднявъ голову, устремивъ на тебя взоры? Какая изъ новобрачныхъ, какая изъ дѣвъ не тосковала по тебѣ въ твоемъ отсутствіи и не пламенѣла въ близи твоей? Кто изъ княгинь или знатныхъ женъ не завидовалъ моимъ радостямъ?—Вникни, прошу тебя, въ просьбу мою, и она покажется тебѣ мелкою и легкою. Я коварно лишена твоего присутствія, оживи же передо мною по крайней мѣрѣ словами твоими, которыхъ у тебя обиліе, ласку твоего лица. Когда ты удалился къ Богу, я не только послѣдовала за тобою на этомъ жизненномъ пути, но даже предупредила тебя. Ибо, помятуя о женѣ Лота, обратившейся вспять, ты святымъ облаченіемъ и монашескимъ обѣтомъ обрекъ меня на служеніе Богу прежде, нежели самого себя. Богу извѣстно, еслибъ ты пошелъ въ жерло вулкана, то я, не задумавшись ни на мигъ, пошла бы впередъ или послѣдовала за тобой по твоему велѣнію; от-

того что не во мнѣ, а въ тебѣ была душа моя. И право, даже теперь, если она не въ тебѣ, то и нигдѣ, быть—но безъ тебя—ей невозможно. Прошу тебя, осчастливь ее, чтобы ей хорошо было въ тебѣ; а ей хорошо будетъ въ тебѣ, если ты будешь добръ къ ней, если на любовь отвѣтишь любовью, если одаришь ее малостью взамѣнъ величія, словами взамѣнъ дѣлъ. Потому умоляю тебя именемъ Бога нашего, которому ты посвятилъ себя, осчастливь меня по мѣрѣ возможности твоимъ присутствіемъ и утѣшь меня отвѣтомъ. Бывало, призывая меня къ радостямъ земнымъ, ты часто утѣшалъ письмами, и твоими пѣснями внесъ твою Элоизу въ уста всего свѣта. Именемъ моимъ оглашались улицы и дома. Теперь же ты еще болѣе обязанъ призывать меня къ Богу, нежели тогда къ наслажденіямъ. Вспомни, заклинаю тебя, чѣмъ ты обязанъ мнѣ, запечатлѣй въ своей памяти мое требованье, и я закончу длинное письмо мое короткимъ словомъ: прости, мой единственный!“

Схоластика состояла въ формальномъ логически-метафизическомъ образѣ мыслей: отсюда такое сухое однообразіе и сплошное сходство ея исторіи; отсюда, лишенная всякой геніальности и оригинальности ограниченность духа; отсюда такая неповоротливая тугость и неуклюжесть въ ея строѣ; отсюда такая причудливость во всемъ ея проявленіи. Въ школахъ ея обнаружилось то же самое направленіе. Образцомъ послѣдняго была *борьба Абеларда съ Гюльомомъ Шампо и дальнѣйшая исторія Абеларда.* Гюльомъ Шампо обучался у Манегольда и усовершенствовался въ теологіи у Ансельма. Окончивъ свое образованіе, онъ преподавалъ въ школѣ собора Нотр-Дамъ реторику, философію и теологію при громадномъ стеченіи учениковъ. Между его учениками находился также и Абелардъ, цвѣтущій юностью, одаренный внѣшней граціей, богатый знаніемъ, остроуміемъ и краснорѣчіемъ, но исполненный также суетнаго самолюбія. Въ сознаніи своей мощи онъ не довольствовался тѣмъ, что превосходилъ своихъ сотоварищей; но любилъ оспоривать и критиковать самого прославленнаго учителя и вскорѣ затѣмъ самъ основалъ школу. Вслѣдствіе нападокъ и побѣдъ Абеларда сократилось между тѣмъ число Гильіомовыхъ учениковъ; досадуя на это, послѣдній удалился изъ своей школы въ монастырь святаго Виктора, гдѣ былъ каноникатъ по уставу Хродеганга. За нимъ послѣдовали нѣкоторые изъ его учениковъ, и по совѣту знатныхъ духовныхъ лицъ онъ открылъ здѣсь новое учебное заведеніе. Абелардъ также прибылъ туда, съ тѣмъ чтобы, какъ говорилъ онъ, изучать реторику, но на самомъ дѣлѣ, чтобы начать новыя пренія, а именно о важнѣйшемъ въ то время предметѣ, объ universalia. Гильіомъ окончательно вынужденъ былъ признать себя побѣжденнымъ.

А слава Абеларда далеко разнеслась оттуда; даже преемникъ Гильіома въ школѣ Нотр-Дамъ заявилъ свою готовность передать ему въ ней діалектику и посѣщать лекціи его въ качествѣ слушателя. Однако Абелардъ предпочелъ другую школу и преподавалъ тамъ съ громаднымъ успѣхомъ философію. Гильіомъ же подъ предлогомъ дурныхъ нравовъ Абеларда лишилъ его привилегіи на заведеніе. Абелардъ удалился, но когда Гильіомъ покинулъ школу Святаго Виктора, то онъ возвратился опять въ Парижъ, поселился на горѣ Святой Женевьевы и велъ оттуда борьбу со школою своего противника. Дабы усовершенствоваться въ теологіи, онъ посѣщалъ знаменитую школу Ансельма Лаонскаго; но вскорѣ онъ сталъ критиковать и его и на зло ему открылъ въ самомъ Лаонѣ теологическую школу, въ которую массами стекались учащіеся. Однако Ансельмъ въ своемъ округѣ, за который онъ былъ отвѣтственъ, запретилъ Абеларду продолжать лекціи, послѣ чего послѣдній возвратился въ Парижъ, гдѣ и получилъ только что упразднившееся мѣсто при соборной школѣ. Здѣсь слава его какъ преподавателя превзошла всякую мѣру; во всемъ ученомъ мірѣ ни о комъ болѣе не говорилось какъ лишь объ Абелардѣ; всѣ европейскія страны, соревнуя между собою, отправляли сыновей своихъ въ Парижъ, учиться у дивнаго преподавателя блестящему искусству всесильной діалектики. „Неслыханная популярность осыпала его всѣми возможными заявленіями славы, высшая знать наперерывъ домогалась его сообщества, а женщины добивались любви его.“ Романъ его любви къ Элоизѣ прервалъ на время его дѣятельность: и кончился тѣмъ, что Элоиза постриглась въ Аржантейлѣ, а Абелардъ поступилъ въ монастырь С-тъ Дени. Но вскорѣ лекціи его привлекли и сюда также толпы любознательныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась зависть его прежнихъ враговъ изъ Лаона: они подали архіепископу Реймскому жалобу по поводу его діалектическаго толкованія ученія о Святой Троицѣ; его понудили предать огню свое сочиненіе: introductio ad theologiam и отречься отъ символа quicunque *). Вскорѣ затѣмъ онъ нажилъ себѣ новыхъ враговъ своею историческою критикою, ибо, опираясь на авторитетъ Беды, онъ не признавалъ въ святомъ Діонисіи, котораго монастырь С-тъ Дени считалъ своимъ патрономъ, стараго ареопагита, ученика Павла. Онъ принужденъ былъ покинуть монастырь; но получилъ отъ Людовика VII разрѣшеніе водвориться гдѣ захочетъ въ государствѣ. Онъ избралъ пустынную мѣстность близъ Ножана на Сенѣ и построилъ тамъ съ разрѣшенія епископа Труайскаго хижину,

*) То-есть Аѳанасіевскаго, прозваннаго такъ на Западѣ по первому слову этого символа: Quicungue vult jalovus esse. Прим. перев.

молельню во имя Святой Троицы, названную имъ, въ надеждѣ найти тамъ наконецъ утѣшеніе, именемъ „Параклетъ".*) Но и сюда также собралось множество учениковъ, раздѣлявшихъ съ нимъ труды его пустынической жизни, съ тѣмъ чтобы пользоваться его преподаваніемъ. Не долго пришлось ждать новой борьбы. Такъ какъ онъ въ своихъ лекціяхъ отступалъ отъ преданій церкви, то аббатъ монастыря Клерво, святой Бернаръ, всенародно возсталъ противъ него. Абелардъ удалился въ С-тъ Гильдасъ, что въ Бретаньи, гдѣ монахи избрали его въ игумены. Но вслѣдствіе непріятностей и преслѣдуемый ненавистью монаховъ, онъ возвратился оттуда въ Парижъ, устроилъ свой Параклетъ для вытѣсненной изъ Аржантейля Элоизы и для ея инокинь, и вскорѣ затѣмъ снова водворился въ качествѣ преподавателя на горѣ Св. Женевьевы, съ прежнимъ блескомъ краснорѣчія и при томъ же сочувствіи любознательной толпы, да и съ такою же свободою относительно толкованія христіанскихъ вѣроученій, а потому терзаемый все тѣмъ же ярымъ духомъ гоненія со стороны правовѣровъ. На Санскомъ соборѣ онъ былъ пораженъ громовою рѣчью Бернара Клервосскаго, и потомъ искалъ и нашелъ наконецъ у благочестиваго настоятеля Петра въ Клюньи покой отъ исполненной бурь жизни.

Въ лицѣ *Абеларда* мы знакомимся съ жизнью и треволненіями схоластическихъ учителей. А *Іоаннъ Салисбёрійскій* дастъ намъ понятіе о ходѣ образованія схоластическихъ учениковъ. Въ 1136-мъ г. въ Парижѣ обратился онъ прежде всего къ Абеларду, преподававшему на горѣ Св. Женевьевы. „Я съ невыразимою жадностью, — говоритъ онъ,—ловилъ каждое слово, выходившее изъ устъ его. Вскорѣ однако онъ вынужденъ былъ покинуть школу, и я глубоко скорбѣлъ по его уходѣ." Лишившись Абеларда, онъ слушалъ Альбериха и Роберта Мелёнскаго. Изучивъ у нихъ въ теченіе двухъ лѣтъ діалектику, онъ снова началъ заниматься грамматикою, пользуясь по совѣту своихъ прежнихъ учителей преподаваніемъ Гильіома изъ Конша. Послѣдній развилъ въ немъ вкусъ къ величавымъ образцамъ древности. Пробывъ у него три года, онъ въ теченіе семи лѣтъ послѣ того посѣщалъ еще уроки разныхъ учителей, Ришара Левека, Гардуина, Нѣмца Петра Гели, Гильіома Суассонскаго, Роберта Пуллуса и пр. Такимъ образомъ изучалъ онъ діалектику, риторику, математику, и теологію. Продолжая свои занятія, онъ, будучи небогатъ, взялся за домашнее воспитаніе знатныхъ дѣтей и благодаря этому еще лучше усвоилъ себѣ преподаваемые имъ предметы. Курсъ его собственнаго ученія длился двѣнадцать лѣтъ. Мно-

*) Параклетъ—утѣшитель.

гіе изъ его товарищей, изучавшія діалектику на горѣ Св. Женевьевы, оставались тамъ въ теченіе всего этого времени и онъ засталъ ихъ потомъ такими же, какъ покинулъ,— они все также были заняты софистическими тонкостями и безконечными преніями, никогда не приводившими къ выясненію предмета.

Излагая ходъ своего развитія, Іоаннъ Салисбёрійскій вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ характеристику метода знаменитаго грамматика Бернара Шартрскаго. Послѣдній —говоритъ онъ—толковалъ на своихъ лекціяхъ лучшихъ классическихъ прозаиковъ и поэтовъ, при чтеніи же заставлялъ своихъ учениковъ слѣдить въ текстѣ за выученными ими правилами и примѣнять ихъ въ различныхъ видахъ. Помимо этого настоящаго предмета грамматики въ болѣе тѣсномъ смыслѣ онъ постоянно указывалъ на ораторскіе обороты и на всѣ искуственные пріемы и риторическія тонкости. Онъ обращалъ вниманіе на особенную цѣнность и на употребленіе выраженій, на образы и метафоры, на значеніе размѣщенія и распредѣленія матеріала; потомъ еще на различный характеръ, какой долженъ принимать слогъ, смотря по различію предметовъ, какъ онъ долженъ быть то простъ и сжатъ, ограничиваться самымъ необходимымъ, то богатъ и полнозвученъ. Когда же наконецъ во время чтенія представлялось что-либо относящееся къ другой наукѣ, то онъ старался освѣтить вкратцѣ чуждый предметъ, не уклоняясь впрочемъ слишкомъ въ сторону и не передавая своимъ слушателямъ ничего неудобоваримаго для ихъ ума. Онъ старался также упражнять и обогащать память учениковъ, заставляя ихъ выучивать наизусть лучшія мѣста изъ прочитанныхъ лѣтописцевъ, ораторовъ или поэтовъ и сверхъ тото давать точный отчетъ обо всемъ слышанномъ. Ученики должны были сами про себя читать классическихъ писателей, но только съ тщательнымъ выборомъ, такъ чтобы не удовлетворять одному лишь пустому суетному любопытству, а напротивъ наслаждаться истинно высокими образцами; ибо разбирать все, что ни излагалось о каждомъ предметѣ даже пошлѣйшими писателями — признакъ жалкой ограниченности или смѣшнаго тщеславія. Недостаточно также, заучивать правила и подражать примѣрамъ, если притомъ не пріучаться воспроизводить собранныя сокровища, если изучаемое въ теоріи не примѣнять на практикѣ. Съ этою цѣлью ученики ежедневно должны изготовлять собственныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ и на конференціяхъ испытывать другъ друга, такъ однако, чтобы это живое состязаніе руководилось христіанскою любовью и чтобы изъ-за успѣховъ въ наукѣ ученики не забывали смиренія.

Ходъ образованія Іоанна Салисбёрійскаго показываетъ,

что въ XII-мъ вѣкѣ занятіе древнею латинскою литературою производилось еще довольно живо и что рядомъ съ діалектикою процвѣтали также грамматика и риторика. Вскорѣ однако вслѣдствіе Аристотелевской схоластики изученіе древности все болѣе и болѣе оттѣснялось назадъ, а грамматическія и риторическія знанія казались скудными и нестоющими вниманія въ сравненіи съ метафизикою. Съ послѣдней точки зрѣнія знаменательно французское стихотвореніе Генриха д'Андели „*Битва семи искусствъ*"—это картина обученія, какъ оно велось въ періодъ господства Аристотелевской схоластики. Стихотвореніе намекаетъ на происходившій тогда споръ между Орлеаномъ и Парижемъ, какъ въ одномъ изъ этихъ мѣстъ предпочитались гуманистическія а въ другомъ діалектическія науки. Грамматика расположилась лагеремъ въ Орлеанѣ, а логика въ Парижѣ, и та и другая окружены сонмомъ васалловъ и друзей. Парижане поносили Орлеанистовъ авторіатами, вслѣдствіе авторовъ, положенныхъ ими въ основу; Орлеанисты же въ свою очередь назвали логиковъ друзьями Кикелики (Quiquelique). Гомеръ, Клавдіанъ, Присціанъ, Персій, Донатъ и пр. становятся подъ знамя грамматики; Евдъ, Гарнье, Іоаннъ С-нъ Морисскій и Бальзамонъ предводительствуютъ войскомъ. Когда они двинулись на Парижъ, то логика испугалась и потребовала подкрѣпленія изъ Дорника. Тамъ, не медля, ставятъ чанъ на боевую колесницу; въ чанъ помѣщаются тривій и квадривій: колесницу влекутъ педели: браздами управляетъ ректоръ, Робертъ Карликъ. Армія логики увеличивается: между ея вспомогательными войсками находится также теологія; канцлеръ Парижскій проситъ прислать для послѣдней вино изъ всѣхъ парижскихъ погребковъ, охотно уступаемое городомъ. Медицина приводитъ съ собою Гиппократа и Галена; хирургія является съ полнымъ ящикомъ ножей и пластырей; музыка ведетъ за собою веселыхъ клириковъ съ ихъ инструментами. Въ полночь является чернокнижіе и на распутіи приноситъ въ жертву двухъ голубей и двухъ кошекъ. Астрономія предрекаетъ назавтра бой; ариѳметика расчитываетъ во station мракѣ; геометрія описываетъ окружность и опредѣляетъ, что въ предѣлахъ этого пространства война будетъ окончена. Битва началась. Прежде всѣхъ сразились Донатъ съ Платономъ: побѣда становится сомнительной, логика покидаетъ поле битвы. Тутъ вдругъ судьба измѣняется: астрономія мечетъ молнію въ непріятельское войско, и оно разсыпается. Съ этихъ поръ ловкая поэзія вынуждена укрываться между Орлеаномъ и Блуа, и соперница ея одержала верхъ во всей Франціи! Поэзія впрочемъ пользуется еще нѣкоторымъ значеніемъ у Англичанъ и Нѣмцевъ: Ломбарды же терпѣть ея не могутъ, и попадись она имъ въ руки,—они задушатъ ее.—

При такомъ направленіи наукъ, способъ выраженія становился все болѣе варварскимъ: умственная жизнь растрачивалась въ пустомъ ратоборствѣ схоластики.— —

Схоластика служила всеобщею связью для западной науки. По всей схоластикѣ проходитъ одна и та же идея, которая однако у каждой изъ отдѣльныхъ націй проявляется своеобразно. Любой единичный схоластикъ — представитель своей національности. Абелардъ—это своеобразный типъ французской націи,—это,—какъ выражается Рюккертъ,—основанная, въ концѣ концовъ, на вполнѣ довольномъ собою легкомысліи упругость и подвижность нрава, считающая себя на все способною,—это искусство и умѣнье все формулировать, съ какимъ онъ, не производя самъ новыхъ идей, овладѣваетъ неуряженными мыслями и создаетъ изъ нихъ формальную систему. Альбертъ Великій — характеристика нѣмецкаго духа: „онъ изъ всѣхъ схоластиковъ опирается на самыя широкія основы положительнаго знанія и создаетъ развивающуюся изъ одного принципа теорію науки, въ которой всякому вѣдѣнію отведено органическое мѣсто". Ѳома Аквинскій представляетъ собою Итальянца среднихъ вѣковъ: „въ основахъ его умозрѣнія обнаруживается своеобразная мощь и вмѣстѣ съ тѣмъ острый умъ, который впрочемъ обнаруживается не столько въ критикѣ готоваго уже даннаго, сколько въ наблюденіи за продуктивной дѣятельностью духа и умѣніи ею владѣть, — это та же самая сила, которая навела Данте и Рафаэля на высшія творчества". Въ Вильямѣ Оккамѣ проявляется англійскій національный духъ: „представитель простого здраваго человѣческаго смысла, неспособнаго успокоиться на искусственныхъ силлогизмахъ схоластики, а напротивъ, постоянно подвергающаго ихъ новому изслѣдованію".—Для всѣхъ различныхъ умовъ этихъ существовало какъ въ духовномъ—(обсужденіе христіанскихъ догматовъ при помощи разсудка), — такъ и физическомъ смыслѣ великое объединяющее и связующее средоточіе. Этимъ средоточіемъ былъ Парижъ, гдѣ собирались и соединялись представители схоластики. Всѣ болѣе значительные схоластики обязаны были въ продолженіе нѣкотораго времени учиться и преподавать въ Парижѣ. „Подобно тому какъ мощный отпечатокъ идеи Крестовыхъ походовъ и выраженіе формъ рыцарской жизни истекли изъ французскаго національнаго духа; такъ и формы схоластики сложились въ центрѣ сѣверной Франціи, въ Парижѣ и его школахъ, такъ что вся европейская наука состояла въ зависимости отъ Парижа". Здѣсь, въ глубинѣ французскаго духа, схоластика нашла также и свою сущность. Сущность и того и другой заключается въ искусствѣ формулировать. Оттого-то въ одиннадцатомъ вѣкѣ уже вся Франція пришла въ волненіе по поводу теологическихъ и философ-

скихъ вопросовъ схоластики, такъ что въ нихъ приняли участіе города, церкви, короли, такъ что въ самомъ Парижѣ школы Альбриканъ, Порретанъ, Робертинцевъ, Парвипонтанъ (все реалистическіе расколы) имѣли сотни, даже тысячи поборниковъ, а во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ Франціи возникли школы и заведенія схоластиковъ, руководства и такъ-называемыя „Суммы" (или Своды) ихъ размножались чрезвычайно быстро и всюду распространялись. Наступила жизнь и дѣятельность, подобная животрепещущему движенію въ эпоху возродившагося изученія древнихъ.

Схоластика, какъ и все рыцарство вообще, есть громадная и первая великая ересь въ католической церкви, —къ тому же признанная ересь, ибо церковь, такъ же какъ и въ Крестовыхъ походахъ, не чаяла въ ней себѣ врага. Въ ней и съ нею человѣческое мышленіе, заявляя свое право, впервые противостало господствовавшему доселѣ знанію, и притомъ мышленіе отважилось на высшій и единственный предметъ средневѣковой науки, на теологію, помимо которой все остальное знаніе состояло лишь въ отрывочныхъ замѣткахъ. Она была, — говоритъ Рюккертъ, — освобожденіемъ духа отъ церкви, хотя и ссылалась исключительно на послѣднюю и хотѣла быть лишь рабою ея; она авторитету церкви противопоставила предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ разумъ: элементы несовмѣстимые, которыхъ разладъ между собою лишь на время могла замять схоластика, а при разборѣ ихъ она въ концѣ концовъ пришла къ выводу, что между свободнымъ мышленіемъ и основанною на церковномъ авторитетѣ вѣрою не можетъ быть примиренія. Хотя въ сущности схоластика предполагала и допускала въ видѣ объективныхъ истинъ развитые отцами церкви въ догматы, хотя она вопреки своему принципу мышленія и способствовала вѣрѣ, основанной на авторитетѣ тѣмъ, что не безоглядно опиралась на сентенціи Петра Ломбарда и на слова Ѳомы Аквинскаго, точно такъ же какъ правовѣдъ твердо держался предписаній папскаго и императорскаго права, а врачъ—мнѣній Галена: но она вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки соединяла стремленіе умственно постичь содержаніе вѣры и урядить и распредѣлить его хотя бы лишь по внѣшнимъ категоріямъ. Схоластики добивались ясности понятій и глубины познанія: и хотя изъ-за умозрѣнія они забывали важность историческихъ свѣдѣній, а именно также классической и гуманистической учености, хотя они и погружались въ мелочныя изслѣдованья и самый пустой предметъ излагали съ крайнею расточительностью діалектическаго искусства, а высшую цѣль ихъ, особенно въ преніяхъ составляло искусное примѣненіе діалектическихъ формъ; но они все-таки упражняли остроуміе и возбуждали умствен-

ную дѣятельность, такъ что въ школахъ ихъ должно было развиться особенное чувство духа и духовной жизни; они, часто сами того не вѣдая и нехотя, противопоставляли авторитетъ разума, принципъ мыслящей души неприкосновенному доселѣ авторитету церкви и подготовили, такимъ образомъ, самостоятельное мышленіе. „Даже безобразіе и темная сторона схоластики—говоритъ Л. Фейербахъ,—даже многіе нелѣпые вопросы, измышляемые отчасти схоластиками, даже ихъ тысячекратныя, ни къ чему неведущія и случайныя опредѣленія, ихъ курьезы и хитроумныя тонкости истекаютъ изъ разумнаго принципа, изъ ихъ жажды свѣта и духа пытливости, который именно въ ту эпоху и при гнетущемъ господствѣ стараго духа церкви могъ заявить себя именно лишь такъ, и не иначе. Эти вопросы и опредѣленія были не что иное, какъ съ трудомъ пробитыя щели и скважины въ старыхъ стѣнахъ церкви, дабы пропустить свѣтъ и свѣжій воздухъ,—не что иное какъ выраженія пробудившейся работы ума, жажды дѣятельности мыслящаго духа, который, будучи изъятъ изъ круга разумныхъ предметовъ и цѣлесообразныхъ занятій, будучи заключенъ въ темницу, выбираетъ цѣлью своихъ занятій любой случайно попавшійся предметъ, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ и недостоинъ вниманія, и за недостаткомъ другихъ средствъ самымъ нелѣпымъ, ребяческимъ и превратнымъ образомъ удовлетворяетъ своей жаждѣ дѣятельности. Только тогда, когда схоластика стала уже мертвою исторической реликвіей, она вопреки своему первоначальному значенію и направленію слилась воедино съ дѣломъ старой церкви и сдѣлалась самою ярою противницей пробудившагося лучшаго духа".

II. Рыцарство было углубленіемъ жизни внутрь себя самой, ея одухотвореніемъ. Точно также и его религія. Благочестіе не было уже болѣе слѣпымъ подчиненіемъ уставамъ и ученіямъ церкви; свѣтская власть ратуетъ противъ нея. Міряне и духовенство возстаютъ на права духовнаго главы. Духъ христіанства проникъ въ душу каждаго единичнаго человѣка. Оттого-то рыцарство зачастую смѣняется келіей и покидается богатство, дабы посвятить себя восторженной любви къ убожеству: главнымъ побужденіемъ была тутъ не боязнь, а напротивъ любовь; то было стремленіе къ болѣе близкому, личному и задушевному отношенію къ Господу и Спасителю, къ отношенію, грозившему часто обратиться въ нѣчто земное, когда подъ вліяніемъ женослуженія эта склонность переносилась и на Дѣву Марію. Духъ рыцарства сильнѣе всего обнаружился въ *зодчествѣ* и *поэзіи*. Правда, остальныя искусства также преуспѣваютъ въ ту эпоху; но они не достигаютъ классической высоты. Впрочемъ скульптура, съ тѣхъ поръ какъ Николо Пизано, этотъ знатнѣйшій

ваятель дореформаціонной эпохи, работалъ по античному саркофагу и въ одной изъ своихъ мадоннъ вполнѣ даже примкнулъ къ идеалу Юноны, начала прибѣгать къ античнымъ образцамъ, изображать тѣлесныя формы въ естественномъ видѣ и отрѣшаться отъ службы зодчеству. Живопись въ XIII-мъ столѣтіи достигла въ Италіи идеальнаго размаха. Но Гвидонъ Сіэнскій, въ 1221-мъ г., Чимабуэ въ 1240-мъ и пр. были только предтечами классической эпохи живописи, не совпавшей съ цвѣтущею порою рыцарства. Музыка съ появленіемъ трубадуровъ и миннезенгеровъ преуспѣла значительно: поэты большею частью были также пѣвцами и нерѣдко пѣніе свое сопровождали игрою на струнномъ инструментѣ. Но музыка все еще была лишь прислужницею другого искусства. Самоцѣльно же искусство проявилось только въ цвѣтѣ зодчества и поэзіи.

Готическое или германское зодчество слѣдовало выше описанному религіозному настроенію; оно освободилось частью отъ церкви и достигло богатства и величія. Прежнему подчиненію личности уставамъ церкви отвѣчали тяжелыя толстыя стѣны романскаго зодчества, съ трудомъ поднимавшіяся отъ земли. Теперь же „грузный камень покорятсе размаху эпохи.“ Родиной готическаго зодчества были строительныя ложи, возникшія сперва, въ 925-мъ г., въ Англіи и перенесенныя оттуда въ Нидерланды, съ тѣмъ чтобы въ 1000-мъ г. перейти также и въ Германію. То были товарищества художниковъ и ремесленниковъ, соединявшихся между собою для постройки художественнаго храма, а такъ какъ на подобныя постройки требовались вѣка, то они соединялись въ прочные союзы, подчиненные мастерамъ, которые руководили ими какъ въ техническомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ и наблюдали какъ за взаимнымъ нравственнымъ преуспѣяніемъ, такъ равно и за художественнымъ и ремесленнымъ развитіемъ. Мастеръ составлялъ чертежъ для великолѣпныхъ построекъ, избиралъ художниковъ для выполненія подробностей и назначалъ число ремесленниковъ. Религіозная и соціальная мысль, одушевлявшая строительныя ложи, которыя состояли между собою въ связи и находились подъ верховнымъ управленіемъ главныхъ ложъ (—Кёльнъ, Вѣна, Цюрихъ, Страсбургъ—) съ ихъ гросмейстеромъ, выразилась въ многознаменательной символикѣ, и единичные члены ихъ — ученики, подмастерья— также признавали другъ друга „по завѣтному слову, по привѣту и рукопожатію.“ Въ этихъ строительныхъ ложахъ, сохраняющихъ въ тайнѣ свои техническія свѣдѣнья и общественное устройство, начертаны тѣ величавые планы зодчества, идея которыхъ состоитъ въ одухотвореніи земнаго и которые поэтому стремятся землю вознести къ небу,— основанный въ 1248-мъ г. соборъ въ Кёльнѣ, этотъ вели-

чавый каменный іероглифъ мастера Гергарда,—соборъ въ Страсбургѣ, эта вавилонская мысль Эрвина фонъ Штейнбаха,—великолѣпная 385-ти футовая башня собора во Фрейбургѣ, — дивные каменные памятники, соборы въ Регенсбургѣ, Ульмѣ и пр.,—гордость настоящаго нѣмецкаго искусства, распространившагося по Франціи, Англіи и Испаніи и украсившаго также эти страны великолѣпіемъ своихъ созданій. Подобно „окаменѣвшей тоскѣ по небу“ возносятся эти дивныя зданія къ небесамъ, породившимъ ихъ, и подобно небеснымъ восклицательнымъ знакамъ они формою стрѣльчатыхъ арокъ съ высокими, стройными башнями, съ поднимающеюся вверхъ кровлею, указуютъ людямъ на ихъ вѣковѣчную отчизну. И между тѣмъ какъ наружный видъ тяжеловѣсность котораго искупается тѣмъ, что онъ расчлененъ въ безчисленныя части, съ одной стороны величавыми башнями уноситъ взоръ въ безпредѣльность громаднаго, а съ другой та же самая наружность съ ея безчисленными мелкими и вычурными украшеніями, разсыпанными по всему зданію и преобразившему всю массу его въ художественный матеріалъ, увлекаетъ въ безпредѣльность мелкаго,—въ то же время, войдя порталомъ во внутрь, вступаешь какъ бы въ лѣсъ, полный къ небесамъ парящихъ, окаменѣвшихъ мыслей, которыми только и разрѣшается здѣсь невозможное сочетаніе чудовищно-громаднаго съ прекраснымъ. Массивность кажется здѣсь легкою, благодаря столпамъ и аркамъ, окнамъ и сводамъ, всюду выступающимъ намъ на встрѣчу. Столпы состоятъ изъ цѣлаго снопа колоннъ, эластично возносящихся, поддерживающихъ сводъ и лиственнымъ вѣнцомъ капители вплетающихся въ арки и ихъ валики,—это окаменѣвшіе къ небесамъ поднимающіеся германскіе буки и дубы. Окна пропускаютъ свѣтъ въ окрашенныя стекла и напоминаютъ своимъ объемомъ и своими различными цвѣтами упомянутое при освященіи Кёльнскаго собора изображеніе сооруженнаго изъ драгоцѣнныхъ камней небеснаго Іерусалима. Основу же цѣлаго составляетъ символическая форма креста съ ея тремя существенными частями: притворомъ, внутреннимъ храмомъ и хорами или алтаремъ. Съ западной стороны вступаешь въ притворъ, украшенный большею частью изображеніями Адамы и Евы; онъ напоминаетъ вошедшему о раѣ, изъ котораго грѣшный человѣкъ переходитъ во внутреннее пространство, отдѣленное отъ побочныхъ частей храма рядами колоннъ; отсюда на восточной сторонѣ онъ видитъ передъ собою возвышенный на нѣсколько ступеней надъ остальнымъ пространствомъ главный алтарь съ образующимъ полукружіе хоромъ (—намекъ на сводъ небесный—).—Фальке говоритъ: „Своды и верхнія окна уносятся въ высь отъ низменной земли, окна расширяются и пропускаютъ потоки свѣта во внутрь, гдѣ цѣлый лѣсъ колоннъ и столбовъ дробятъ и преломляютъ его,

бросая свою тѣнь въ промежуткахъ. Во внутрь вливается не яркій и не бѣлый свѣтъ, а напротивъ, металловидный блескъ лучей пробивается сквозь цвѣтныя, для общаго впечатлѣнія искусно расположенныя окна. Стѣны покрыты цвѣтнымъ, живописнымъ убранствомъ, а богатые разнообразные орнаменты капителей, посмѣнно расчлененныхъ арокъ и гзымзовъ сіяютъ и блестятъ также цвѣтами и позолотою. Не классически спокойныя, размѣренныя формы архитектуры поражаютъ тутъ зрѣніе и душу, а напротивъ магически-живописная игра свѣта и цвѣтовъ. Взоръ увлекается въ глубь измѣняющеюся переспективою, гдѣ столпы выступаютъ за столпами и въ верхъ по аркамъ линіи сливаются между собою, пересѣкаются и расходятся, а площадь примыкаетъ къ площади, пропадая въ дали. Набожная душа уносится вслѣдъ за взоромъ и въ грезахъ теряется въ созвучное сплетеніе тѣней, свѣта и линій, въ цвѣтной, мерцающій блескъ, то ярко свѣтящій, то уступающій полумраку; такъ погружается она въ забытье и восторгъ, съ тѣмъ чтобы, пробудившись звуками органа, въ думахъ и созерцаніи вновь возвратиться къ самой себѣ.“ Соборы были высшими, для народной толпы единственными образовательными учрежденіями, гдѣ необразованныя и огрубѣвшія души невольно и безсознательно отрѣшались отъ грязи обыденной жизни и возносились въ небесную область духа,—они были міромъ, полнымъ идеаловъ среди будничной жизни, полной распрей и борьбы —завѣтною сокровищницей, въ которой человѣкъ хранилъ свое лучшее достояніе и гдѣ онъ обнаруживалъ сокровеннѣйшую жизнь свою. Средневѣковые соборы это безгласно краснорѣчивые образователи средневѣкового люда.

Рыцарская поэзія, первые начатки которой указываютъ на Испанію и на Мавровъ, которая въ южной Франціи слагала свои пѣсни на романскомъ языкѣ, сдѣлавшемся въ XIII-мъ вѣкѣ уже придворнымъ, получила вслѣдствіе походовъ въ дальній, таинственный Востокъ противъ врага христіанской вѣры самую подходящую пищу для своего духовно-свѣтскаго направленія,—для направленія, въ которомъ дивно сочетались между собою чувственная и небесная любовь. Провансъ оглашался веселыми (soulas) и плачевными (lais) звуками; утренними (albas) и вечерними зорьками (serenas), плясовыми (baladas) и сатирическими пѣснями (sirventes), стихотворными состязаніями (тенцонами), пастушескими пѣснями (pastorellas), легендами, баснями, новеллами (novas) и разсказами (contes) трубадуровъ (—Вильгельмъ Аквитанскій, Эблль и Бернаръ Вантадуръ, Бертранъ Борнъ, Гильіомъ Адемаръ, Госельмъ Финдитъ, Пейръ Видоль, Жиро де Борнель и др.—) Скорбь и радость любви изливались въ ихъ пѣсняхъ; но въ сатирическихъ стихахъ своихъ они метали стрѣлы нравственнаго негодо-

ванія и пылкаго гнѣва противъ папскаго престола и порчи духовенства. „Хотя и зовутся пастырями—поетъ негодуя Пейръ Кардиналъ,—но они не что иное какъ убійцы. По наружности полны святости, а на самомъ дѣлѣ подобны волку, облекшемуся въ баранью шкуру, дабы избить и пожрать овечье стадо. Чѣмъ выше ихъ положеніе, тѣмъ лишь гнуснѣе становятся они; искони уже никто никогда не относился такъ дурно къ Богу и къ людямъ, какъ попы“. Къ этой южно-французской лирикѣ трубадуровъ присоединились сѣверо-французскіе труверы съ ихъ эпопеею, черпавшіе свой предметъ изъ франко-каролингскихъ, кельтико-бретонскихъ и норманскихъ сагъ, изъ церковныхъ легендъ и древнихъ миѳовъ; и какъ этотъ матеріалъ такъ и форма его подстрекали въ Германіи также къ эпическимъ и лирическимъ стихотвореніямъ:—къ поэзіи миннезенгеровъ (пѣвцовъ любви), такъ называемыхъ по преобладавшему тону художественной лирики XIII-го столѣтія. Любовь, то какъ обожаніе и страсть, то какъ блаженство любящихъ, веселая жизнь при дворѣ, танцы съ женщинами, турниры въ угоду имъ, поклоненіе Святой Дѣвѣ, май съ его цвѣтами и пѣніемъ птицъ: вотъ что было содержаніемъ пѣсенъ, которыя въ замкахъ князей и знати пѣли Рейнмаръ Старецъ, Вальтеръ фон-дер-Фогельвейде, Гартманъ фон-дер-Ауэ, Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, Готфридъ Страсбургскій, Готфридъ Нифенскій, Тангейзеръ, Ульрихъ Лихтенштейнскій и др. Пѣвцы радушно принимались особенно при дворахъ въ Швабіи, Австріи и Тюрингенѣ, а впослѣдствіи также въ Скандинавіи. Въ Вартбургѣ при маркграфѣ Германѣ пѣвцы состязались другъ съ другомъ, а въ великіе торжественные дни, напр. въ день коронаціи Фридриха въ Майнцѣ въ 1184-мъ году (—въ истинно національныя и народныя празднества—) весь народъ слушалъ пѣсни миннезенгеровъ. Вмѣстѣ съ лирическими пѣснями поэты—Генрихъ фонъ Вельдеке, Гартманъ фон-дер-Ауэ, Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій—изливали свои чувства, питаемыя болѣе всего Крестовыми походами, въ которыхъ каждый изъ нихъ хотѣлъ принять хотя бы лишь идеальное участіе, въ романтическихъ рыцарскихъ эпопеяхъ, воспѣвая богослуженіе и женскую любовь, рыцарскую храбрость и придворные нравы, чудесныя любовныя похожденія въ озаренныя луною очаровательныя ночи и наводящія ужасъ приключенія въ дивномъ сказочномъ мірѣ, борьбу христіанскаго мірмага съ ометанскимъ, тогда какъ народный эпосъ (—наприм. прекрасная пѣснь о Нибелунгахъ—) въ безъискусственной простотѣ повѣствуетъ о житьѣ-бытьѣ всего народа, обо всемъ, что разсказывается изстари о разныхъ чудесахъ, и что, переходя изъ замка въ замокъ, изъ края въ край, въ народныя празднества, въ залахъ господскихъ домовъ, на площадяхъ и городскихъ улицахъ стран-

ствующіе пѣвцы въ сильныхъ и простодушныхъ пѣсняхъ водворяли и распространяли въ народѣ.—Рыцарская поэзія, процвѣтавшая и павшая вообще за-одно съ рыцарствомъ, есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ цвѣтовъ романтики. Владѣя искусствомъ изобрѣтенья (art de trobar), даромъ пѣсенъ и радостною наукою, изобрѣтатели (trobador), миннезенгеры (минне—любовь) парили на крыльяхъ христіанской набожности къ небесамъ, поклоняясь въ молитвѣ Благословенной, Царицѣ Небесной, сердцу Божію, а потомъ они же въ порывѣ сладострастія льнули къ пылающимъ ланитамъ возлюбленной и обнимали ея пышное тѣло. Рыцарская поэзія съ ея эпохою—это воплощенная волшебная сказка всемірной исторіи,—это богатырская пора, когда германская душа впервые почуяла въ себѣ полное христіанства сокровище и въ избыткѣ радости проживаетъ все, что въ ней любитъ, и любитъ все, что живетъ въ ней. Но въ то же время рыцарская поэзія, властвуя надъ эпохою, была важна и вліятельна для всего образованія своего времени. Она умягчала нравы и оживотворяла рыцарское чувство собственнаго достоинства. Съ нею, вмѣстѣ съ тѣмъ, началось освобожденіе искусства, по крайней мѣрѣ поэзіи отъ церкви, ибо съ нею мірское искусство впервые заявило свои требованія на полную равноправность съ церковнымъ; это искусство выражалось уже не изысканнымъ церковнымъ языкомъ, а напротивъ, завладѣло разными національными нарѣчіями какъ средствомъ изложенія,—будучи мірскимъ по техникѣ, содержанію и цѣлямъ, оно разработывало отличный отъ церковныхъ мотивовъ матеріалъ, естественную жизнь человѣческаго чувства, и жило радостями чувственнаго міра,—то искусство наконецъ, въ которомъ рыцарство удовлетворяло всей своей художественной потребности и въ которомъ оно обрѣло свой міръ чисто идеальной дѣятельности.

III. Рыцарь является героемъ въ собственно такъ называемомъ *рыцарствѣ*—въ этой романтической поэзіи подвига. Рыцарство, это—облагороженная феодальная система, поднятая до идеальности гимнастически-боевая дѣятельность древнегерманскихъ племенъ, разработанная при дворахъ властителей въ духовно-схоластическій періодъ. Первоначально рыцаремъ (milis) былъ всякій, кто участвовалъ въ походѣ на конѣ, и всякій свободный, отбывшій такого рода военную службу могъ пріобрѣсти рыцарскій ленъ (помѣстье). Но такъ какъ многіе все болѣе и болѣе уклонялись отъ призыва на войну, и притомъ вошло въ обыкновеніе жаловать леномъ только тѣхъ, чьи отцы служили конными рыцарями, то и возникло кастообразное наслѣд-

ственное боевое ремесло, нѣчто въ родѣ корпораціи съ наружными отличіями—перевязью, гербомъ и значкомъ—а въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ съ дворянскимъ титуломъ. Вслѣдствіе своего исключительнаго права носить оружіе и при своемъ искусствѣ владѣть имъ, рыцарство обладало высокимъ чувствомъ силы и тѣлесной крѣпости, которое, будучи освящено и идеализовано Крестовыми походами — (въ духовныхъ рыцарскихъ орденахъ сливались даже вмѣстѣ христіанское монашество и христіанское воинство) — заявило себя въ чувствѣ чести, т. е. въ совокупности мужественныхъ и особенно рыцарскихъ достоинствъ. Рыцарская честь проявлялась въ охранѣ церкви, женщинъ и всѣхъ беззащитныхъ(—„Богу душа моя, королю моя жизнь, мое сердце дамамъ, а честь мнѣ“: таковъ былъ французскій девизъ, девизъ рыцарства вообще—).Упражненіемъ для него служилъ турниръ, на который рыцари, одѣтые обыкновенно въ бархатъ, шелкъ и золото, являлись на арену, облеченные вмѣстѣ съ конемъ въ желѣзные доспѣхи, и, допущенные судьею, они, въ виду дамъ и знати на балконахъ и всего народа, при звукахъ воинственной музыки устремлялись другъ на друга съ копьями на перевѣсъ, такъ что послѣднія часто разлетались въ куски о нагрудники, послѣ чего побѣдитель изъ рукъ прекраснѣйшей и знатнѣйшей изъ дамъ получалъ рыцарскій даръ (—золотую цѣпь, перевязь, вышитый шарфъ и т. п.—). —Заодно съ честью паѳосомъ рыцаря была любовь. Вдохновленные Арабами, жизнь которыхъ проходила въ чарахъ поэзіи и любви, и у которыхъ женская любовь (—черноокая, пылкая дѣва, въ объятіяхъ—) составляла отраду бытія, веселые Аквитанцы и Провансальцы вскорѣ обрѣли въ женщинѣ средоточіе и просвѣтлѣніе жизни. Этимъ также затронута была глубокогерманская основная черта: уваженіе къ женщинѣ какъ женщинѣ—въ прямой противоположности съ церковнымъ міросозерцаніемъ, взиравшимъ на женщину какъ на главное орудіе чувственности и грѣха. Съ этихъ поръ исполненное христіанскаго идеализма рыцарство организовало культъ женщины какъ чистѣйшаго и высшаго откровенія истинно человѣческаго существа. Однако женщина по закону все еще лишена была правъ и свободы; и жена не выходила еще изъ своей сферы: она не заявляла свою творческую дѣятельность ни въ искусствѣ, ни въ наукѣ, ни въ поэзіи. Но своей душою она властвовала надъ государственнымъ мужемъ и воиномъ, надъ церковнымъ владыкою и монахомъ, надъ обществомъ и культурою, ибо вступала въ жизнь во всей своей женственности и заявляла себя владычицею душъ. На эту высокую ступень прежде всѣхъ рыцарство возвело женщину, къ которой, правда, германскій міръ съ самаго начала уже питалъ уваженіе, но до сихъ поръ не допускалъ ея до этой высоты. Дабы овладѣть

столь чуждымъ ей началомъ, этимъ рыцарскимъ культомъ женщины, церковь перенесла его въ небо и представила въ Маріи высшее преобразованіе женщины, божественный первообразъ женскаго существа. Исполненный чистой страсти рыцарь повергался въ благоговѣніи ницъ передъ Царицею Небесной, и это благоговѣніе—какъ замѣчаетъ Вейнгольдъ—соблюдалось съ наивностью, возможною лишь въ такую эпоху, когда обокъ съ самою утонченною мечтательностью могла непосредственно проявляться самая нагая естественность: культъ Богородицы—это преображенное церковью служеніе женщинѣ и любви. При религіозномъ поклоненіи небеснымъ женамъ, рыцарь состоялъ еще на службѣ и одной земной, которой онъ посвящалъ себя, добиваясь ея благоволенія вѣрностью и доблестью, нося цвѣта ея и украшаясь знаками ея любви (—кольцомъ, поясомъ, надѣтою сверхъ латъ рубашкою, которую она носила—). Но онъ удостоивался этого благоволенія, лишь выдержавъ испытаніе въ искусствѣ любви: сперва въ качествѣ робкаго поклонника питалъ онъ въ сердцѣ тайную страсть, потомъ ободренный женщиною въ качествѣ просящаго отваживался на признаніе, дабы въ качествѣ удостоеннаго быть приняту на служеніе любви, и наконецъ въ качествѣ любовника насладиться высшею наградою. Съ поцѣлуемъ, которымъ она его удостоивала, онъ дѣлался уже вассаломъ королевы своего сердца и доказывалъ свою вѣрность подвигами послушанія, тогда какъ она (—идеальныя любовныя отношенія большею частью не были лишены также и чувственности—), мастерица и художница въ любовномъ дѣлѣ, разрѣшала и запрещала то одно, то другое и такимъ образомъ поддерживала обаяніе любви. Фальке говоритъ: рыцарство, это—истина, это—сочетаніе идей и подвиговъ, религіи и геройства, поэзіи и жизни, женской любви и ратнаго искусства. Въ этомъ смыслѣ оно историческая истина, хотя и не было въ состояніи поддержать надолго созданную о самомъ себѣ идею и довести осуществленіе ея до совершенства. И то уже чего-нибудь да стóитъ, что смогли создать подобный идеалъ тогдашняго человѣка и съ такою силою представить его той эпохѣ. Рыцарство и потому еще истина, что оно, подобно настоящему, здоровому цвѣтку, обрѣтаетъ свою дѣйствительную, естественную родину въ почвѣ, на которой ростетъ и зрѣетъ, что оно не пересажено туда изъ чужого края и не пользуется искусственнымъ уходомъ подобно тепличному растенію. Христіански-германскій и романскій Западъ—вотъ подлинное мѣсто его, а воздухъ его—свѣжій духъ XII-го вѣка, вѣющій надъ этими странами, оплодотворяя ихъ. — Три предмета наполняли жизнь рыцаря: религія, любовь и ратное дѣло. Богъ и женщина владычествовали надъ нимъ и указывали цѣль его подвигамъ. Такимъ образомъ суровое ратное дѣло по-

лучало высшее освященіе, и этимъ-то именно рыцарь и отличался отъ древняго героя. Послѣдній шелъ на бой ради боя, чтобы проявить внутреннюю мощь, чтобы удовлетворить своей охотѣ, чтобы пріобрѣсть славу сильнѣйшаго, а первый—ради лежащей внѣ его высшей цѣли; отъ него требовалось отреченіе отъ самого себя, самопожертвованіе, тогда какъ другой отдавался своему собственному влеченію и въ удовлетвореніи его находилъ счастіе.

Рыцарство, это—идеализмъ средневѣковаго германскаго духа, и хотя оно было односторонне и подготовило своею односторонностью собственное паденіе, но для германскаго духа все-таки составляетъ приращеніе свободы, глубины и полноты. Благодаря рыцарству женщина выведена изъ уединенія на поприще свѣта, а субъективная свобода въ чувствѣ чести достигла сознанія и неотъемлемаго права, также и въ пѣсняхъ любви могло высказаться чувство сердца, а въ номинализмѣ схоластики признанъ былъ реальный міръ. И завоеванья эти, которыя духъ всемірной исторіи совершилъ заодно съ рыцарствомъ, послужили вмѣстѣ съ тѣмъ богатою почвою, на которой возникло дальнѣйшее развитіе, когда мужество, великодушіе и честность рыцарства, когда его поклоненіе женщинѣ, его любовь къ искусству, набожность и образованіе перешли къ простому и нравственно сильному, трудолюбивому среднему сословію. Однако само рыцарство не было въ состояніи удержать въ своихъ рукахъ это дальнѣйшее развитіе духа исторіи. Основная идея его, самобытная дѣятельность индивидуальной свободы, должна была вслѣдствіе формалистики и нелѣпой изукрашенности своей обратиться въ противоположность самой себѣ. Вмѣсто примиренія формы съ духомъ или объективнаго строя жизни съ индивидуальною свободою, рыцарство,—какъ говоритъ Рюкертъ,—достигло лишь полнаго подчиненія одной формѣ, которая сама по себѣ во многихъ единичныхъ случаяхъ согласуется съ всеобщими формами нравственности, но во стольхихъ же противорѣчитъ имъ, и въ концѣ концовъ по тѣмъ предположеніямъ, на какихъ она возникла, должна быть названа безнравственною или ложью насквозь—Культура рыцарства не основывалась на глубочайшей задушевности сознанія: она съ одной стороны была лишь естественнымъ дичкомъ, а съ другой лишь привитымъ чувствомъ. Она не держалась на истинномъ и самосознательномъ духовномъ образованіи, ни на изученіи древнихъ, ни также природы и философіи; да и сама религія не вытекала изъ глубокаго родника самобытнаго чувства,—она была навязана ученіемъ. Оттого то она и изнемогла, какъ только лишилась внѣшнихъ условій жизни. Въ борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, наступившей по паденіи Гогенштауфеновъ, сразу увялъ прекрасный лѣтній цвѣтъ. Ульрихъ фонъ-Лихтен-

штейнъ говоритъ: Съ тѣхъ поръ какъ герцогъ Фридрихъ I Саксонскій палъ мертвымъ, Штирія и даже Австрія лишились всѣхъ отрадъ; въ странѣ днемъ и ночью совершались грабежи и горѣли деревни.

«Всѣ грабежемъ лишь промышляли,
И женъ совсѣмъ не уважали.
Безпутству юность предалась,
Въ растлѣнной нѣгѣ изжилась;
Обычнымъ дѣломъ сталъ грабежъ,
Онъ увлекалъ и молодежъ.
Была душа ея пошла,
И жизнь въ туманѣ вся прошла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и женщина также замкнулась сама въ себѣ,—вмѣсто наряда чётки на груди;—въ обществѣ молчаливая и безгласная. „Изъ свободныхъ, гордыхъ, веселыхъ свѣтскихъ дамъ сдѣлались онѣ смиренными святошами и молельщицами, ходили повѣсивъ голову и являлись монахинями безъ обѣта.“

Въ XIV-мъ вѣкѣ рыцарство, правда, порывалось изъ этой жизни, колебавшейся между дикостью и святошествомъ; но одна часть дворянства, особенно въ Германіи, всегда оставалась вѣрна охотѣ, попойкамъ и боевымъ забавамъ, тогда какъ высшее германское дворянство блистало въ бездушномъ церемоніалѣ и въ тискахъ этикета; даже въ Англіи и во Франціи, гдѣ рыцарство могло бы еще воспрянуть къ отважнымъ подвигамъ, оно только отчасти дѣлало это, да и тутъ больше лишь на видъ. „Это возобновленное рыцарство представляло одну наружную сторону, чего и слѣдовало ожидать, ибо ядро было испорчено, а потому изъ внѣшней формы въ фантастическомъ сумасбродствѣ сдѣлали прямо каррикатуру.“—Какъ нѣкогда схоластика распустилась въ матеріализмъ и механизмъ, такъ вмѣстѣ съ нравами измѣнился и самый кругъ воспѣваемыхъ предметовъ: самодовольная пѣснь миннезенгеровъ ниспала до площадного и нищенскаго пѣнія, а недостроенные соборы остались кахъ нарочно памятниками той великой эпохи, когда германскій духъ на крыльяхъ вѣры впервые вознесся къ небесамъ.

22.

Воспитаніе рыцарства.

Образованіе рыцаря составляетъ противоположность духовно-схоластическаго образованія. Его высшее научное воспитаніе примыкало, правда, къ духовному, ибо вопреки сословной гордости и наружному лоску христіанское благочестіе и смиреніе были все-таки необходимыми свойствами рыцарства; притомъ же рыцари посѣщали монастырскія и каѳедральныя школы. Однако ихъ образованіе не ограничивалось семью свободными искусствами, ибо они прибавили къ нимъ семь такъ называемыхъ благородныхъ пристрастій дворянства, семь совершенствъ рыцаря: верховую ѣзду, плаванье, стрѣльбу изъ лука, фехтованье, охоту, игру въ шахматы и стихотворство (Petrus Alphonsus: Probitates hae sunt: equitare, natare, sagittare, cestibus certare, aucupare, scacis ludere, versificare). Благодаря этому, гимнастика, бывшая въ духовно-схоластическомъ воспитаніи только отрицательнымъ, аскетическимъ, бичующимъ и умерщвляющимъ плоть воспитательнымъ средствомъ, дабы такимъ образомъ сдѣлать человѣка воспріимчивѣе для жизни въ Богѣ, теперь признана была въ ея истинномъ и настоящемъ значеніи, и плоть, которую прежде надлежало отметать, считалась теперь слѣпкомъ духа. Женщины въ духовно-схоластическомъ воспитаніи не составляли существеннаго предмета, на который простиралась бы забота образованія, и жена признавалась лишь воспитательницею своихъ дѣтей, такъ что въ уединенной кельѣ своей она могла лишь отдаваться молитвѣ, благочестивымъ помысламъ и развѣ еще воспитанію ребятишекъ: но въ рыцарскомъ воспитаніи, напротивъ того, женщина вышла изъ домашней и монастырской замкнутости и сдѣлалась не только предметомъ пѣсенъ и поэзіи, но съ малолѣтства уже воспитывалась сообразно нравственнымъ и человѣческимъ требованьямъ: оттого-то съ этихъ поръ женщины являются писательницами и воспитательницами; имъ приписываютъ облагораживающее вліяніе на нравы мужскаго юношества; свободное обращеніе и взаимныя сношенія между обоими полами считаются важнымъ воспитательнымъ средствомъ. Итакъ, если въ духовно-схоластическомъ воспитаніи женщину намѣренно удаляли отъ мужчинъ и особенно старались устранить духовенство отъ всякаго соприкосновенія съ женщинами, потому что онѣ отклоняли отъ божественнаго и были помѣхою святой жизни, то будущаго рыцаря, напротивъ того, намѣренно сближали съ женщинами, дабы образовать умъ и сердце его и пріучить къ прі-

ятному и любезному обращенію. „Когда я былъ еще малымъ ребенкомъ — разсказываетъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, — то часто слыхалъ отъ умниковъ, будто никто не можетъ пріобрѣсть достоинства; если онъ неспособенъ беззавѣтно отдаться на службу хорошихъ женщинъ. И никто не бываетъ вполнѣ веселъ и счастливъ, не полюбивши женщину такъ же сильно, какъ свое собственное тѣло. Я былъ ребенкомъ, когда слышалъ это, и еще глупъ, такъ что скакалъ на палочкѣ верхомъ; но несмотря на свою глупость я все-таки готовъ былъ служить женщинамъ тѣломъ, достояніемъ, душою и жизнью. Съ такими мыслями я росъ до двѣнадцатаго года. Прослуживъ затѣмъ 5 лѣтъ у одной дамы, я поступилъ къ господину, исполненному высокихъ добродѣтелей, къ маркграфу Генриху Австрійскому. Онъ служилъ женщинамъ съ истинною преданностью, съ уваженіемъ говорилъ объ нихъ, какъ подобаетъ рыцарю, и сказалъ мнѣ: кто хочетъ прожить достойнымъ образомъ, тотъ долженъ вполнѣ отдаться женщинѣ. Онъ много сообщилъ мнѣ о своей сладостной лести, и научилъ меня говорить о женщинахъ и сочинять въ письмахъ плѣнительныя слова“. Потомъ, тогда какъ въ духовно-схоластическомъ воспитаніи латинскій языкъ считался самымъ существеннымъ средствомъ образованія и на самомъ дѣлѣ былъ тою средою, которою достигались религіозныя истины, въ то же время въ рыцарскую эпоху сдѣлалось необходимымъ знать французскій языкъ, и въ теченіе XIII-го столѣтія у знатныхъ вошло въ обыкновеніе содержать при своихъ дворахъ Французовъ и обучать дѣтей французскому языку. Отроковъ и юношей отправляли даже путешествовать, съ тѣмъ чтобы они усвоивали себѣ знаніе иностранныхъ языковъ, и музыканты, переѣзжавшіе въ качествѣ торговцевъ духовными и нравственными товарами изъ края въ край, были не только языкоучителями, но также и посредниками тогдашней поэзіи. Наконецъ, рыцарское воспитаніе даже въ отношеніи дисциплины расходилось съ духовно-схоластическимъ. Духовно-схоластическая дисциплина была монашески-мрачная и имѣла цѣлью подавленіе индивидуальности; рыцарская дисциплина стремилась къ возбужденію честолюбія: ударъ, наносимый при посвященіи оруженосцу и рыцарю, служилъ символомъ, да будетъ этотъ ударъ послѣднимъ, ибо ударами оскорбляется честь.

Мать заботливо ухаживала за дѣтьми до семилѣтняго возраста ихъ, передавала имъ понятія о Богѣ и христіанской религіи. А дѣвочка и послѣ того поручалась надзору матери. Прежде всего она пріучалась къ разнымъ домашнимъ дѣламъ: прясть и вышивать, изготовлять мужскія и женскія платья. Дѣвица, достигши надлежащаго возраста и надлежащей зрѣлости, принимала участіе въ обще-

ствѣ. Въ знатныхъ, графскихъ или княжескихъ семьяхъ дочери обучались не однѣ, но въ сообществѣ многихъ подругъ, которыхъ брали изъ родственной или дружеской знати. Юныя подруги въ такомъ случаѣ занимали сообща особую часть дома, поручались одной и той же гувернанткѣ, и сверхъ того къ нимъ назначались еще другіе учители и учительницы. Оставаясь доселѣ при матери, дочь впослѣдствіи поступала въ качествѣ компаньонки ко двору какой-нибудь знатной дамы, съ тѣмъ чтобы докончить тамъ свое воспитаніе, развить общественные таланты и т. д.

Письмо и чтеніе были главною задачею при воспитаніи дѣвочки: въ дни зимняго уединенія у камина молодая дама должна была въ семейномъ кружкѣ или въ обществѣ читать вслухъ новыя пѣсни, саги и исторіи; въ комнатахъ ея находились пѣсенники и разныя произведенія поэтовъ. Она почти никогда не писала стиховъ, будучи сама предметомъ поэзіи. Сначала она училась у священника, а впослѣдствіи сверхъ того у странствующихъ художниковъ, у пѣвцовъ и поэтовъ. Иногда дѣвочки обладали даже знаніемъ иностранныхъ языковъ, особенно французскаго и латинскаго: Бланкфлосъ уже на десятомъ году дошла до того, что въ состояніи была объяснить въ латыни все, чтобы ей ни предложили.

Дочь рыцаря обучалась также пѣнію и музыкѣ. Для этого употреблялись струнные инструменты, не только такіе, на которыхъ играли плектрономъ или пальцами, въ родѣ лиры и арфы, но и такіе, на которыхъ играютъ смычкомъ: гудокъ или скрипка. Инструменты сопровождались обыкновенно пѣніемъ.

Религіозность знатной дамы имѣла практическое направленіе: она ходила съ своими компаньонками къ обѣднѣ и въ тиши уединенія читала молитвы; большею же частью она—какъ напр. св. Елисавета—проявляла свои религіозныя ощущенія въ подвигахъ милосердія. Лѣтописецъ Арнольдъ Любскій повѣствуетъ о Матильдѣ, супругѣ Генриха Льва: „Дочь Англійскаго короля, она освятила высокій родъ свой подвигами благочестія и, предавшись дѣламъ человѣколюбія, озарила его блескомъ религіи. И точно, она обладала высшимъ благочестіемъ, въ чрезвычайной мѣрѣ сочувствовала угнетеннымъ, щедрою рукою раздавала милостыню, была усердна въ молитвѣ и съ величайшимъ благоговѣніемъ посѣщала обѣдню, приказывая часто служить ее. Она цѣломудренно сохраняла супружескую вѣрность.“

Основою всѣхъ дворскихъ нравовъ служатъ настоящая, истинная женственность, страхъ Божій, добродѣтель, стыдливость и скромность или „мѣра во всемъ.“ Прелесть женщины утрачена, если ее не украшаетъ „вѣнецъ цѣломудрія.“ Благородная женщина при красотѣ должна обладать благо-

родными мыслями, прекрасною рѣчью и цѣломудренною душою.

Дама 12-го и 13-го столѣтія отличалась изящными пріемами. Она знала середину между излишкомъ и недостаткомъ. Искусство нравиться было глубоко обдумано. Кромѣ коротенькой бѣлой шелковой или тонкой полотняной рубашки, которая надѣвалась на самое тѣло и въ которой дама оставалась большею частью въ постелѣ (позже часто женщины спали совсѣмъ нагія), на ней было еще два главныхъ одѣянія, нижнее и верхнее, юбка и платье, и приличная дама всегда носила и то и другое вмѣстѣ, тогда какъ мѣщанка довольствовалась большею частью одною юбкою. Платье стягивалось на верхней части стана, такъ что начиная съ плечъ и до пояса, оно плотно обхватывало тѣло и выказывало всю красоту его.

Идеалъ женскаго воспитанія выраженъ въ наставленіяхъ, даваемыхъ Винсбекиною своей дочери. Въ нихъ сказано: „Милое дитя мое, будь благородна и живи цѣломудренно. Тогда слава твоя будетъ отрадой для дорогихъ тебѣ людей и розовый вѣнокъ твой прійдется тебѣ къ лицу. Скромно встрѣчай твоимъ кроткимъ привѣтомъ достойныхъ уваженія; да пребудетъ въ сердцѣ твоемъ стыдливость и сдержанность и блюди свои взоры; не обращай ихъ къ безстыжимъ людямъ. Стыдливость и сдержанность, вотъ двѣ добродѣтели, дающія женщинамъ высокую награду. Если Богъ одаритъ тебя ими въ твоей юности, то зазеленѣетъ вѣтвь твоего блаженства; ты доживешь до почетной старости. А блуждающіе, дикіе взоры, о которыхъ я упомянула, это тѣ, когда женщина, вмѣсто того чтобы кротко смотрѣть передъ собою, мечетъ вокругъ себя взгляды, какъ бы неспокойная душой. Оттого она и пользуется шаткою славою. Когда мудрыя рѣчи сопровождаются дѣлами, тогда чувства твои не обманываютъ тебя. Но если нѣтъ добрыхъ дѣлъ, то мудрыя рѣчи не что иное какъ ложь. Если птенецъ слишкомъ рано покидаетъ гнѣздо свое, — онъ дѣлается игралищемъ птицъ и онѣ ощипятъ ему перья. Такъ то, дитя мое, будетъ и съ тобою, если въ юности будешь говорить красно, но окажешься глупою въ дѣлахъ своихъ. Мужчины крайне измѣнчивы. Они носятъ шапки-невидимки, т. е. они являются, а потомъ быстро исчезаютъ, обольстивъ своими рѣчами. Какова бы впрочемъ ни была невѣрность мужчинъ,—намъ женщинамъ все таки слѣдуетъ быть тверже и вообще ненавидѣть всякаго, кто оказался бы нескроменъ съ нами. Поступай — мы такъ, они вѣрно щадили бы насъ болѣе. Они должны ласково упрашивать женщинъ и любовно хранить ихъ въ душѣ своей; а женщины должны цѣломудренно отказывать. Но если иная окажется чувственною и слабою, то послѣ ей нечего слишкомъ жаловаться; ибо позднее рас-

каянье ничего не стоитъ, и когда грѣхъ совершился, то падподвергается поруганію. Если поступаешь такъ, что тебѣ нельзя сдѣлать никакого упрека, то ты съ своими чувствами находишься на праведной стезѣ; но и храни же ихъ, дабы любовь тебя не ослѣпила. Властью ея даже мудрыя сердца впадали въ ребячество. Однако еслибъ даже твое сердце обладало мощью ста тысячъ сердецъ,—сила сладостной любви и тогда бы одержала наконецъ верхъ. Кто хочетъ достигнуть власти высокой и благородной любви, тотъ долженъ избѣгать всего, что отзывается низостью и сдѣлаться достойнымъ людей достойныхъ. Если въ тебѣ чистое сердце, ты непремѣнно заслужишь хвалу и почести. Если же любовь откажетъ въ этомъ и захочетъ силою понудить тебя, чтобы ты полюбила достойнаго уваженія мужа, то все-таки ты не должна поступиться для него ничѣмъ праведнымъ и пристойнымъ. Тутъ не поможетъ тебѣ никакой совѣтъ матери; твоя собственная неизмѣнная доблесть должна охранять тебя; ибо кто черезъчуръ охраняетъ и предостерегаетъ другого, тотъ часто самъ попадаетъ въ бѣду, а кто охраняетъ не такъ, какъ долженъ и какъ слѣдуетъ, тотъ можетъ внести безчестіе въ домъ свой. Ты, можетъ быть, спросишь еще по поводу любви: у насъ ли она на землѣ, или же носится въ воздухѣ. На это отвѣтитъ намъ мудрый мужъ, Овидій, поясняя, что она зовется Венерой и что она ранитъ сердца и по волѣ своей опять исцѣляетъ ихъ, но также вновь и уязвляетъ: такъ всегда измѣнчива она. Невидимкой носится она подобно духу, не зная покоя ни днемъ, ни ночью. Сердце жаждетъ лишь высокой, благородной любви; для нея не существуетъ ни высокаго, ни низкаго званія. Сердца тѣхъ, кого она приголубитъ, тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, а на низкихъ она не смотритъ совсѣмъ. Такъ къ высокой и благородной любви должна стремиться всякая женщина".—Готфридъ Страсбургскій представилъ въ Тристанѣ очеркъ, какъ герой, исцѣляемый Ирландскою королевою отъ ранъ, въ благодарность за это обучаетъ дочь ея, свѣтлорусую Изольду, дворскимъ наукамъ, дворскимъ искусствамъ и нравамъ, и какъ прекрасная ученица его ревностно изучаетъ „и то, и другое, и книги и музыку". Она поетъ, играетъ, читаетъ и пишетъ. Она до тонкости знаетъ свой дублинскій языкъ, а сверхъ того говоритъ пофранцузски и полатыни, умѣетъ играть на итальянскомъ гудкѣ, и бѣлыми, словно горностай, руками бряцать на лирѣ и арфѣ, и пѣть къ тому на разные лады. Потомъ она обладаетъ и пользуется даромъ сочинять письма и пѣсни и умѣетъ пересказывать былины и сказки. Сверхъ того Тристанъ преподаетъ красавицѣ „нравоученіе", искусство добрыхъ и изящныхъ нравовъ, сладостное искусство, дѣлающее людей цѣломудренными и счастливыми, завѣщанное

всѣмъ благороднымъ сердцамъ какъ кормилица ихъ на всю жизнь, научающее, какъ вести себя относительно Бога и свѣта и какъ угодить тому и другому.—Поэтъ представилъ здѣсь идеалъ дворски-образованной дамы. А что этотъ идеалъ женскаго воспитанія достигался, если не всегда, то по крайней мѣрѣ довольно часто, это видно по тѣмъ величавымъ и рыцарскимъ женамъ, которыя возвышали съ собою самихъ мужей;—что женщины иногда занимались искусствомъ, это видно по тѣмъ семи женамъ, стихи которыхъ перешли къ намъ изъ XIII-го вѣка; — что высокоодаренныя между ними не были чужды наукѣ, это видно по Элоизѣ, для которой открыта была область самой даже философіи;—а какая мощь таилась вообще въ средневѣковой женщинѣ, видно по героинѣ межъ рыцарскими женами, по Орлеанской дѣвѣ, спасшей отъ гибели свою родину всемогуществомъ женственной души и женственной силы.

Рыцарскія жены составляли только незначительную часть человѣческаго общества; но эта незначительная часть въ цвѣтущую эпоху рыцарства доблестно представляла женскую натуру. О тогдашнихъ знатныхъ женахъ вообще можно сказать то, что выразилъ въ пѣснѣ Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде:

«Полна красотъ и чаръ чистѣйшая жена;
Ни на небѣ, ни на землѣ, ни на лугахъ зеленыхъ
Нѣтъ ничего обворожительнѣй ея.
И розъ и лилій яркій блескъ
Въ травѣ луговъ, и рѣзвыхъ птичекъ хоръ,
Все это блекнетъ передъ радостнымъ восторгомъ,
Когда красавицу увидишь. И духъ твой освѣжится,
И вмигъ потухнетъ всякая печаль.
Лишь милыя уста улыбкой озарятся
И изъ сверкающихъ очей лучи къ тебѣ прольются въ душу».

Ученіе рыцаря продолжалось обыкновенно до 21-го лѣтняго возраста. Все это время посвящалось учебнымъ занятіямъ и службѣ. Чего впослѣдствіи онъ требовалъ отъ другихъ, то долженъ былъ напередъ извѣдать собственнымъ опытомъ.—Для того чтобы отрокъ испыталъ строгую и безпощадную дисциплину, его съ 7-ми лѣтняго возраста отдавали изъ родительскаго дома въ чужой королевскій дворъ или къ какому нибудь чужому рыцарю, съ тѣмъ чтобы онъ, большею частью вмѣстѣ съ другими отроками навыкалъ, тамъ къ службѣ и дворскому обращенію. Послѣднему онъ легче всего обучался, находясь непосредственно при знатной дамѣ. Съ 7-ми и до 14-ти лѣтняго возраста онъ въ качествѣ пажа посвящался ея службѣ: онъ обязанъ былъ прислуживать ей за столомъ, исполнять всѣ ея порученія и приказы, быть у нея на посылкахъ, сопровождать ее въ путешествіяхъ, на прогулкахъ и на охотѣ. Въ Испаніи у вестготской знати вошло въ обычай отправлять сыновей и дочерей къ королевскому

двору въ Толедо; Франкскій дворъ также сдѣлался средоточіемъ подростающей молодежи, стремившейся къ почестямъ и знатности; въ дворцовой школѣ Карла Великаго знатная молодежь собиралась для образованія вокругъ сыновей его. Съ этихъ поръ такими же образовательными заведеніями для рыцарскихъ игръ, тѣлесныхъ упражненій и духовной культуры знати сдѣлались высокіе рыцарскіе зàмки, пріобрѣвшіе вслѣдствіе этого духовное преобладаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ бóльшую власть въ политической жизни. Если при нѣкоторыхъ дворахъ, какъ напр. Беренгаровъ въ Барцелонѣ, Гогенштауфеновъ въ Швабіи, Бабенбергеровъ въ Австріи и Ландграфовъ Тюрингенскихъ господствовала высшая духовная жизнь, то они—какъ замѣчаетъ Крамеръ—дѣлались яркими средоточіями для образованія своего времени, они были въ такомъ случаѣ сборными мѣстами поэтовъ и пѣвцовъ, и служили школами знатной молодежи въ еще болѣе высокомъ значеніи чѣмъ прежде. Отрока, поступавшаго ко двору, звали юнкеромъ (Junkherrelin), гарцуномъ (garçon), пажомъ, а въ Германіи также мальчикомъ (Bube). Назначеніемъ его было, усвоивъ себѣ приличіе и благонравіе и служа господину и госпожѣ, пріучаться особенно къ перенесенію трудностей и къ повиновенію. Онъ поэтому былъ ихъ спутникомъ на охотѣ и въ путешествіяхъ, былъ на посылкахъ, прислуживалъ за столомъ, обязанъ былъ принимать лошадей отъ чужихъ рыцарей, держать стремя. При этомъ онъ у знатныхъ женъ часто обучался христіанству и искусству любить. Но эти уроки добродѣтели и благонравія сообщались болѣе на примѣрахъ, нежели въ теоріи, причемъ прежде всего имѣлось въ виду внушить уваженіе къ собственному званію и воодушевить духомъ послѣдняго.

Если при дворѣ находилось вмѣстѣ нѣсколько отроковъ, то надзоръ надъ ними поручался „смотрителю", какому нибудь испытанному, свѣдущему оруженосцу или рыцарю. Въ часы досуга воспитанникъ, подъ руководствомъ этого смотрителя, предвкушалъ удовольствія турнира разныхъ родовъ: онъ учился владѣть копьемъ и самострѣломъ; одна партія товарищей отстаивала какую-нибудь дорогу, а другая пыталась завладѣть ею и т. п. Какъ въ этомъ, такъ и вообще въ ратномъ искусствѣ, онъ помимо того пользовался еще особымъ, тщательнымъ наставленіемъ. Вотъ почему въ „Вигамурѣ" и говорится объ отрокѣ этого имени:

Онъ учился въ дѣтствѣ
Добродѣтели и ловкости,
Пѣть и на лирѣ играть,
И инымъ разнымъ забавамъ:
Прыгать и защищаться,
Бѣгать и бороться,
Пока не достигъ онъ тѣхъ лѣтъ,
Когда самъ сталъ носить
Мечъ и доспѣхи мужскіе.

Этимъ ограничивалось и завершалось образованіе бо́льшей части рыцарей. Нѣкоторые впрочемъ посвящались нѣсколько глубже въ науки, что и дѣлалось въ то время, когда отрокъ былъ еше юнкеромъ, такъ что духовное образованіе заканчивалось по вступленіи его въ званіе оруженосца. Въ это время отрокъ обучался у „мудрыхъ людей“ разнымъ знаніямъ и искусствамъ. Преподаваніе состояло попреимуществу въ библейской исторіи, сказаніяхъ, сагахъ и событіяхъ изъ разныхъ странъ, и въ исторіи прошлаго—бо́льшею частью въ романтической оболочкѣ. Чтеніе и письмо не были общимъ достояньемъ мужского рыцарскаго сословія. Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ и Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ не умѣли ни читать, ни писать: пѣсни, назначаемыя послѣднимъ для его возлюбленной, онъ натачивалъ своему послу, а тотъ, запечатлѣвъ ихъ въ памяти, передавалъ ей все изустно, а не то—поэтъ диктовалъ ихъ своему писцу и чтецу. Однако въ рыцарскомъ сословіи также обнаруживалось стремленіе къ образованію. Генрихъ VI, Фридрихъ II, сочинявшіе итальянскіе стихи, Конрадинъ и др. говорили полатыни. Хотя впрочемъ истинное знаніе рѣдко достигалось, но вообще къ нему все-таки стремились. Музыка, пѣніе и игра на струнномъ инструментѣ требовались, кажется, для образованія молодого рыцаря болѣе, нежели письмо и чтеніе. Но и теперь уже не упускались изъ виду тѣлесныя упражненія и искусства, необходимыя впослѣдствіи для ратнаго дѣла. Отрокъ долженъ былъ упражняться въ бѣгѣ и прыганьи; онъ обучался верховой ѣздѣ и плаванью, стрѣлялъ изъ лука и самострѣла, металъ камнемъ и учился владѣть щитомъ, мечемъ и копьемъ. Гартманъ фонъ деръ Ауэ (между 1150-мъ и 1220-мъ гг.), въ своемъ „Грегорѣ“, представляетъ очеркъ духовнаго образованія рыцаря. Грегоръ обучался грамматикѣ, теологіи и правовѣдѣнью, и рано уже оказалъ такіе успѣхи, что учитель его клялся, никогда-де ему еще не приходилось видѣть такого умнаго юношу, одареннаго столь разнообразными добродѣтелями. Занимавшись съ шести и до одиннадцати-лѣтняго возраста грамматикой (т. е. семью свободными искусствами, носившими особенное названіе грамматики, оттого что она была первоначальною наукой и основой тривіума), онъ послѣ того три года посвятилъ на теологію, а потомъ изучалъ правовѣдѣнье также въ теченіе трехъ лѣтъ. Болѣе свѣтскую сторону рыцарскаго воспитанія изобразилъ Готфридъ Страсбургскій (между 1240-мъ и 1250-мъ гг.) въ своемъ „Тристанѣ“: сынъ обольстителя и обольщенной женщины, онъ, лишившись до рожденія отца, а послѣ того также и матери, былъ воспитанъ вѣрнымъ слугою съ крайнею заботливостью, не лишенной нѣжной поблажки. До семилѣтняго возраста за нимъ втайнѣ много ухаживала его пріемная мать, предохранявшая его отъ каж-

даго неосторожнаго шага; потомъ его поручили мудрому мужу, съ которымъ онъ путешествовалъ по чужимъ краямъ и изучалъ иностранные языки. Это былъ его первый шагъ изъ лона свободы; затѣмъ онъ подпалъ подъ власть невольныхъ заботъ. Заботы эти начались съ книжныхъ занятій и и съ обязательнаго ученія. Помимо изученія книгъ и языковъ (онъ хорошо зналъ побритански, повельсски, пофранцузски и полатыни) онъ посвящалъ много времени на музыку и игралъ на арфѣ плектрономъ, сопровождая игру прелестными пѣснями на названныхъ языкахъ. При этомъ учился онъ ѣздить ловко на конѣ со щитомъ и съ копьемъ, бороться, прыгать, охотиться и пр. По четырнадцатому году онъ воротился домой и началъ свои похожденія, исполненныя бѣдствій и трудностей, пока наконецъ любовь къ Изольдѣ не придала дивнаго размаха его душевной жизни.— Рано уже возникла эта любовь отрока къ благородной, прекрасной и добродѣтельной женщинѣ, которой онъ какъ своему земному божеству довѣрялъ всѣ свои мысли и дѣла, затаивъ впрочемъ чувство свое въ сокровенныя нѣдра своего сердца; Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ въ своемъ „Женослуженіи" разсказываетъ, что до двѣнадцати лѣтъ отроду онъ росъ въ мысли служить женщинѣ тѣломъ, достояніемъ, душою и жизнью, а потомъ и предался той, въ которой встрѣтилъ высшую добродѣтель: „Нарвавъ лѣтомъ прекрасныхъ цвѣтовъ, я несъ ихъ къ своей возлюбленной; когда она брала ихъ въ свои, бѣлыя руки, то я съ отрадою думалъ, вотъ и я только-что прикасался къ нимъ такъ же, какъ и ты".

Живой очеркъ высшаго рыцарскаго воспитанія представляетъ „Вейскунигъ," описывая жизнь императора Максимиліана I. Когда дитя начало говорить, то старый Вейскунигъ велѣлъ собрать въ своемъ государствѣ много знатныхъ отроковъ, самыхъ способныхъ по норову и свойствамъ, и приставилъ этихъ пажей къ своему сынку, чтобы они учили его говорить и забавляли дѣтскими играми. Ребенокъ скоро наторѣлъ говорить и тѣшиться всякою игрою съ пажами. Съ наступленіемъ отрочества отецъ избралъ для своего сына нѣсколько ученѣйшихъ мужей, отличавшихся благочестивою, духовною жизнью, съ тѣмъ чтобы они ревностно поучали его латыни, а болѣе всего благочестію и страху Божію, потомъ также Священному Писанію. Къ нему назначили также много дѣтей знатныхъ вельможъ и дворянъ, съ цѣлью учиться съ нимъ вмѣстѣ. Онъ упражнялся въ письмѣ и понавыкъ къ ученію а затѣмъ наставники преподавали ему семь свободныхъ искусствъ. Онъ учился также астрономіи, астрологіи и черной магіи, хотя отрокъ скоро узналъ, что это искусство вводитъ въ грѣхъ и отвращаетъ отъ богопознанія, почему вскорѣ и отставили преподавателя этого искусства. Къ отроку приставленъ былъ так-

же мудрый наставникъ, обучавшій его врачебной наукѣ, дабы быть въ состояніи при случаѣ подать помощь себѣ и другимъ; благодаря этому, онъ постоянно велъ умѣренный и скромный образъ жизни. Потомъ онъ долженъ былъ работать нѣкоторое время въ канцеляріи, чтобы научиться основамъ правленія и поближеузнать своекорыстныхъ людей. Помимо того онъ обучался еще живописи, зодчеству, музыкѣ и пѣнію. Наконецъ онъ старался усвоить себѣ знаніе монетной системы и горнаго производства, обучался также всему, что необходимо для банкетовъ и маскарадовъ, не пренебрегая между тѣмъ рыцарскими потѣхами, упражняясь напротивъ въ стрѣльбѣ изъ самострѣла, въ ловлѣ рыбъ и птицъ, а также въ фехтованіи разнаго рода оружіями. Ибо отецъ его исходилъ изъ слѣдующаго основного правила: хотя король такой же человѣкъ какъ и другіе люди, однако короли, если хотятъ царствовать сами, все-таки обязаны знать болѣе, нежели князья и народъ, чтобы удержать за собой правленіе.

Четырнадцати лѣтъ отъ роду, отслуживъ дамѣ, отрокъ въ качествѣ оруженосца поступалъ на службу къ господину. Въ бѣломъ платьѣ, держа восковыя свѣчи въ рукахъ, подходилъ онъ съ родителями къ алтарю, гдѣ патеръ вручалъ ему шпагу съ перевязью, вмѣстѣ съ чѣмъ связано было разрѣшеніе носить серебреныя шпоры. Передача шпаги въ Германіи сопровождалась пощечиною въ знакъ того, что отрокъ вышелъ изъ возраста тѣлесныхъ наказаній; съ этой поры онъ могъ подвергнуться развѣ удару мечомъ отъ разгнѣваннаго рыцаря. Въ качествѣ оруженосца рыцарь обучался теперь разнымъ охотничьимъ пріемамъ,—дрессировать собакъ и птицъ, преслѣдовать оленя, убивать его и приготовлять по охотничьимъ правиламъ, трубить въ рогъ, снаряжать и вести всю охоту. Онъ участвовалъ въ турнирѣ оруженосцевъ, чтобы при ударѣ непоколебимо усидѣть на конѣ, умѣть направлять какъ слѣдуетъ копье и, мѣтко и въ надлежащее мѣсто, ударять имъ по щиту и шлему противника. Теперь ему разрѣшалось также носить мечъ. Онъ былъ оруженосцемъ рыцаря, заботился о чистотѣ и блескѣ доспѣховъ и оружія, наблюдалъ за оружейной палатой, пекся о лошадяхъ господина, сопровождалъ его на охотѣ, турнирѣ и на войнѣ. Въ битвѣ отрядъ оруженосцевъ находился непосредственно за рыцарскимъ боевымъ строемъ, и каждый изъ нихъ внимательно слѣдилъ взорами за своимъ господиномъ, такъ чтобы тотчасъ же быть подъ рукой въ случаѣ раны или паденія.—Господинъ же съ своей стороны обязанъ былъ являть собою образецъ достойнаго рыцаря, и надѣлять наставленіями и поученіями относительно всего, что подобаетъ рыцарю, особенно же внушить юношѣ, какъ ему вести себя въ отношеніи къ дамамъ.

Поученія старшихъ рыцарей молодому поколѣнію приводятся въ „Винсбеке.“ Старикъ начинаетъ съ религіи: „Сынъ мой! люби искренне Бога,“ ибо свѣтская суета обманчива, а потому слѣдуетъ устроить здѣсь жизнь такъ, чтобы было хорошо тамъ. Слѣдуетъ уважать духовный бытъ, хотя званіе это не предохраняетъ отъ худа, и у міранъ вошло въ обычай ненавидѣть его. Сынъ долженъ любить лишь добрыхъ, чистыхъ женщинъ, и если Богъ даруетъ ему въ супруги добрую жену, то онъ долженъ блюсти ее, какъ собственное тѣло, и стремиться къ тому, чтобы воля ихъ обоихъ постоянно исходила изъ одного сердца. Онъ обязанъ дорожить именемъ и достоинствомъ рыцаря, какъ благороднаго, дорогого для женщинъ мужа, и потому чисто и незапятнанно поддерживать честь своего щита; это подобаетъ щиту. А сохранитъ онъ чистымъ щитъ, блюдя обязанности рыцаря и добродѣтель, вѣрность и кротость, т. е. щедрость, цѣломудріе и простоту; не то, — лучше висѣть щиту на стѣнѣ, чѣмъ на рукѣ его. Для того-то и слѣдуетъ ему не пренебрегать военными упражненіями и мужественно ратовать на турнирѣ. Онъ долженъ учиться благонравію и дворскимъ обычаямъ, чтобы знать и понимать, какъ вести себя при дворѣ; онъ долженъ молчать и говорить во время, не лукавить и не измѣнять, не быть навязчивымъ, но и не отказывать ни въ совѣтѣ, ни въ помощи; если къ нему обратятся за этимъ, то слѣдуетъ отвѣчать въ скромныхъ выраженіяхъ, обращаться всегда благопристойно, и на привѣтъ отзываться радушнымъ же привѣтомъ. Знатный родъ самъ по себѣ еще ничего не значитъ, ни у мужчинъ, ни у женщинъ; безъ добродѣтели онъ не что иное какъ въ воду брошенное зерно; кто добродѣтеленъ, тотъ и высокороденъ. Выше всѣхъ добродѣтелей онъ долженъ любить „мѣру:“ проживетъ онъ въ надлежащей мѣрѣ,—удостоится и почестей; надменность же повредитъ его дѣлу. Онъ долженъ слушаться совѣтовъ мудраго, съ раннихъ уже лѣтъ являться добрымъ человѣкомъ, какимъ намѣревается быть впослѣдствіи; ибо „рано уже жжетъ то, чему назначено быть крапивою,“ и кто 30-ти лѣтъ былъ глупцомъ, тотъ и останется имъ до смерти. Да остережется онъ распутства и игры: онѣ пагуба души и тѣла. Домъ свой онъ долженъ содержать въ надлежащемъ видѣ, чтобы быть въ состояніи оказывать милосердіе бѣднымъ и тороватость гостямъ: онъ всегда долженъ встрѣчать ихъ съ радушнымъ лицомъ, такъ чтобы хлѣбъ его былъ всласть принимающему. Прекрасная вещь свой собственный домъ; кто доблестно радѣетъ о своемъ, тотъ не лишится ни уваженія, ни почета.—У Вольфрама фонъ Эшенбаха Гурнемансъ надѣляетъ Парцеваля такими же поученіями:

Всегда во всемъ блюдите стыдъ:
Онъ цѣломудрія источникъ.
Коль знатенъ родъ вашъ и высокъ,
То сохраните въ сердце вашемъ
Вы милосердье къ бѣдняку;
Его вы горе укротите
Добромъ и щедрыми дарами:
Вотъ вашей жизни долгъ святой.

Умѣйте жизнь вести разумно
Равно въ богатствѣ и нуждѣ.
Кто расточаетъ черезъ мѣру,
Покой утратитъ тотъ душевный;
И все гоняясь за наживой,
Онъ лишь безчестье наживетъ.

Не докучайте вы рѣчами;
Но никогда не откажите
Разумный дать совѣтъ тому,
Кто къ вамъ съ вопросомъ обратится,
Чтобъ ваше мнѣніе узнать.

Все слушайте и замѣчайте,
За всѣмъ внимательно слѣдите:
Тогда и умъ вашъ укрѣпится.
Съ отвагой милость сочетайте:
Вотъ вамъ совѣтъ полезный мой:

Пребудьте мужественны, бодры,
Все это цѣнится высоко.
А женщинъ чтите и любите:
И славна будетъ юность ваша.
Не предавайтесь искушенью.
Вотъ истый мужественный духъ.
Пожалуй лживыми словами
Вы многихъ женщинъ соблазните:
Но за любовь платя лукавствомъ,
Вы не заслужите хвалы.

Лазейки и запретные пути
Влекутъ раздоры за собою.
Сравните это съ истинной любовью.
Подруга ваша вѣдь умна:
Она сумѣетъ обнаружить
Лукавство, хитрость, козни ваши.
Лишившись разъ ея любви,
Вы навсегда лишитесь чести
И понесете срамъ и горе.

Одинъ старый французскій поэтъ совокупилъ всѣ обязанности кандидатовъ на рыцарское достоинство. „Вступая въ рыцарское званіе, вы должны вести совсѣмъ новую жизнь; вы должны благоговѣйно бодрствовать на молитвѣ, избѣгать

грѣха, гордыни и низости, защищать церкви, вдовъ и сиротъ, и охранять народъ съ доблестною отвагой. Рыцарь обязанъ вести себя честнымъ поборникомъ, отнюдь не обездоливая другихъ; онъ да будетъ неутомимъ, постоянно занятъ исполненіемъ своего долга, правомѣрными боями, турнирами, рыцарскими упражненіями въ угоду своей возлюбленной; онъ долженъ домогаться всякаго почета, чтобы его нельзя было упрекнуть ни въ подлости, ни въ низости; онъ не присвоитъ себѣ никогда преимущества надъ другими. Да любитъ онъ своего законнаго владыку и самою ревностною заботою его да будетъ охранять владѣнія послѣдняго; онъ обязанъ блюсти справедливость и великодушную щедрость: да ищетъ онъ сообщества высокочтимыхъ людей, да внимаетъ охотно разсказамъ ихъ и поучается: пускай его узнаётъ о подвигахъ героевъ, чтобы и самому потомъ совершать великія дѣла, какъ нѣкогда царь Александръ Македонскій."

Прослуживъ оруженосцемъ, онъ достигалъ высшей степени свѣтскихъ и дворянскихъ почестей. Посвященіе въ рыцари надѣляло его рыцарскимъ достоинствомъ, и съ этихъ поръ жизнь его посвящалась праву, истинѣ и церкви. Онъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе: 1) благоговѣйно преклоняться передъ Богомъ, чтить Его и служить Ему, изъ всѣхъ силъ ратовать за вѣру и претерпѣть скорѣе тысячи смертей, чѣмъ отречься отъ христіанства; 2) служить вѣрою своему властителю и мужественно биться за него и за отчизну; 3) отстаивать въ законныхъ тяжбахъ завѣтныя права слабыхъ, особенно вдовъ, сиротъ и дѣвъ; 4) никого злостно не оскорблять и отнюдь не присвоивать себѣ чужого имущества; 5) скаредность, виды на награду, барышъ и наживу никогда да не побудятъ его предпринять какое либо дѣло, напротивъ да двигаютъ имъ только слава и доблесть; 6) да ратуетъ онъ за благо и пользу общественнаго дѣла; 7) да хранитъ ненарушимо вѣрность ко всему свѣту, особенно къ товарищамъ своимъ; 8) да чтитъ и любитъ онъ этихъ товарищей и во всякое время да будетъ готовъ подать имъ помощь и пособіе; 9) когда на него выпадетъ обязанность печься о женщинѣ или дѣвицѣ,—да служитъ онъ ей, да охраняетъ и выручаетъ ее отъ всякихъ опасностей и обидъ, не щадя живота своего и т. д. Обрядъ рыцарскаго посвященія, или акколада, состоявшій обыкновенно въ трехъ ударахъ во имя Бога и одного изъ святыхъ, совершался лишь тогда, когда оруженосецъ съ одной стороны былъ изъятъ отъ тѣлесныхъ недостатковъ (—никто, будучи хромъ, слѣпъ, горбатъ и пр. не могъ быть рыцаремъ—), и когда съ другой стороны онъ достигъ лѣтъ зрѣлаго разумѣнія и сознанія достоинства мужа и рыцарской чести (—не прежде 21-го года—). Принявъ наканунѣ ванну, какъ бы новое крещеніе, про-

ведши ночь съ патеромъ и помощникомъ на молитвѣ и явясь потомъ къ торжеству въ бѣлой одеждѣ, символѣ чистаго сердца и праведной жизни, онъ въ церкви торжественно каялся въ грѣхахъ, причащался у священника Святыхъ Таинъ и, съ ударомъ меча, пріобрѣталъ самостоятельность и извѣстнаго рода независимость въ отношеніи даже къ отцу родному. Торжество вооруженія новаго рыцаря завершалось празднествами, тѣмъ болѣе пышными, чѣмъ выше было званіе его. Отецъ Зигфрида, какъ значится въ Нибелунгахъ, пригласилъ 400 родственниковъ въ тотъ день, когда сынъ долженъ былъ облечься въ рыцарскіе доспѣхи, и устроилъ послѣ богослуженія великолѣпный турниръ, на которомъ въ раздольи и веселіи провели семь сутокъ.

Вмѣстѣ съ рыцарствомъ пало также и рыцарское воспитаніе. Вслѣдствіе изобрѣтенія пороха, давшаго иной видъ войнѣ, и вслѣдствіе подъема средняго сословія, вступившаго въ состязаніе съ рыцарскимъ по части благосостоянія, стремленія къ духовной образованности и попеченія объ общественномъ благѣ, вмѣстѣ со всемірно историческимъ значеніемъ рыцарства прекратилось также и прежнее воспитаніе, остатки котораго обнаруживаются развѣ въ преобладающемъ воинскомъ направленіи, въ строгомъ соблюденіи сословной чести, въ формальномъ образованіи на дворскій ладъ и въ рыцарскомъ обращеніи съ женскимъ поломъ. Скоро настало время, что рыцари не умѣли даже писать и считали это искусство дотого ихъ недостойнымъ, что выдаваемыя ими грамматы они скрѣпляли либо просто печатью, налагая ее рукоятью своего меча, либо приложеніемъ, обмоченной въ краску, руки, а не то давали подписывать за себя священнику или писарю съ оговоркою „за незнаніемъ грамоты по рыцарскому сану." Въ шестнадцатомъ вѣкѣ между знатными не оказалось ни одного ученаго, ни художника, и никого, кто отличался бы въ земледѣліи, ремеслѣ и промышленности. Фронспергъ, Гуттенъ и Зикингенъ составляли единственныя крупныя исключенія. Знать, правда, все еще посѣщала латинскія школы и университеты; но немногіе научались тамъ чему либо. Гансъ фонъ Швейнихенъ (жизнь и приключенія силезскаго рыцаря Ганса фонъ Швейнихена, изданіе Бюшинга, 3 части. 1820) въ разсказѣ о самомъ себѣ представляетъ очеркъ воспитанія дворянскаго отрока той эпохи, —воспитанія для грубой солдатской жизни. „Когда—говоритъ онъ—въ 1561-мъ г. мнѣ минуло 8 лѣтъ и когда слѣдовательно едва началъ развиваться умъ мой, меня заставили ходить къ сельскому писарю въ Мертшютцѣ, и я два года учился тамъ писать и читать. Приходя изъ школы домой, я долженъ былъ пасти гусей. Однажды, когда я пасъ гусей и они слиш-

комъ разбѣгались, я распялилъ имъ всѣмъ клювы. Гуси тотчасъ же притихли и скоро истомились отъ жажды; моя мать, увидавъ это, задала мнѣ хорошаго пинка. Послѣ этого мнѣ ужь не давали пасти гусей; поручили однако другое дѣло: я долженъ былъ въ хлѣвахъ и сараяхъ собирать яица; набравши ихъ въ лукошко, я получалъ за то отъ матери 6 геллеровъ. Когда я началъ немного читать, запинаясь то и дѣло, и научился писать буквы и выводить каракульки, то мой добрый отецъ въ 1562-мъ г. отдалъ меня въ Лигницъ къ герцогу Фридриху III, съ тѣмъ чтобы обучаться вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ его, Фридрихомъ. При немъ тогда находился наставникъ по имени Гансъ Фитцнеръ изъ Гольдберга, и отецъ мой выдалъ мнѣ на книги и содержаніе 32 гроша. У наставника была особая комната въ маленькомъ бастіонѣ, гдѣ мы занимались изо дня въ день, заучивали Отче нашъ и сверхъ того читали полатыни, должны были также каждый день вытвердить по 4 вокабула, а въ концѣ недѣли все это повторить наизустъ. Хотя наставникъ держалъ насъ очень строго, однако я всегда пользовался нѣкоторою выгодою, оттого что мать присылала мнѣ иногда карманныя деньги, и я часто откупался ими у него; этотъ милый человѣкъ любилъ волочиться за красотками, а денегъ-то у него не хватало. Такимъ образомъ во все время, пока онъ былъ наставникомъ, меня сѣкли всего два раза. Я учился читать и писать понѣмецки и полатыни, притомъ вытвердилъ наизустъ катехизисъ и заповѣди и усвоилъ себѣ все что нужно для представленія ко двору. Въ 1566-мъ г., когда мнѣ минуло 14 лѣтъ, отецъ отправилъ меня учиться въ школу въ Гольдбергѣ. Я прилежно занимался тамъ и, въ годъ съ четвертью, сверхъ того, что уже зналъ прежде, выучился еще самому для меня трудному, говоритъ полатыни, и могъ написать сочиненіе на полулистѣ; но во все время въ Гольдбергѣ я не получилъ ни одного пинка; разъ только, когда я не зналъ наизустъ Теренція, котораго долженъ былъ выучить къ назначенному часу, М. Бартъ, нарочито слѣдившій за мною, ударилъ меня розгой по рукѣ, присовокупивъ: Въ другой разъ учитесь, а не то я спущу съ васъ штаны. Но такъ какъ верховая ѣзда нравилась мнѣ болѣе, нежели книги, а я все-таки не могъ уйти изъ Гольдберга, то наконецъ я заболѣлъ лихорадкой и былъ затѣмъ отвезенъ домой, отдѣлавшись такимъ образомъ отъ школы и перезабывъ въ двѣ недѣли все, чему учился въ теченіе цѣлаго года съ четвертью. Послѣ этого я пристрастился къ охотѣ и упражнялся въ ней каждый Божій день; я проводилъ время, охотясь съ ястребами, борзыми и т. п., присматривался впрочемъ также у отца къ хозяйству, помогалъ ему, скакалъ и разъѣзжалъ съ нимъ, и учился притомъ писать понѣмецки. Въ 1567-мъ г.

отецъ купилъ мнѣ первый мой мечъ, за который заплатилъ 34 гроша; до тѣхъ поръ я еще вовсе не пилъ вина и былъ всегда воздерженъ. Скоро однако я привыкъ также къ вину и, вообразивъ что никто не можетъ споить меня, сталъ употреблять его по многу. Двадцати лѣтъ отъ роду я долженъ былъ надзирать за мельницею отца, заниматься промѣромъ и помоломъ для дома и давать обо всемъ отчетъ; у себя дома мнѣ приходилось еще угощать попойкою гостей, справлять рыболовство, выдавать всякій кормъ, смотрѣть за молотьбой и вообще исполнять по возможности все необходимое.“ — Жизнь была сплошнымъ широкимъ кутежомъ; и Швейнихенъ не что иное какъ типъ изъ тысячи ему подобныхъ.

B. СРЕДНЕЕ СОСЛОВІЕ И ЕГО ВОСПИТАНІЕ.

23.

Среднее сословіе съ возникающими вновь искусствомъ и наукою.

Въ противоположность рыцарскому идеализму выступило вызванное также крестовыми походами реалистическое направленіе, и будучи болѣе плодотворно по своимъ результатамъ чѣмъ идеалистическое, оно пыталось разрѣшить ту же задачу, что и рыцарство, а именно сознательное освобожденіе, отрѣшеніе отъ путъ, мѣшавшихъ доселѣ всякому свободному движенію. Принадлежавшія къ нему индивидуальности, говоритъ Рюкертъ, пытались подобно рыцарству изъ самихъ себя опредѣлить весь кругъ своей дѣятельности и вообще добиться той же независимости, какъ и исключительныя правоимущія власти въ исторіи, какъ то пытались дѣлать рыцарство, а прежде еще императорство, и чего вмѣстѣ съ рыцарствомъ добивались также церковь и папство. Представителемъ этого реалистическаго направленія было *среднее сословіе* или городское общество, называемое также промышленнымъ—противоположное рыцарству уже по наружной формѣ своего проявленія, по совмѣстному пребыванію своему въ замкнутыхъ городахъ, особенно же по умственному и этическому направленію своему, такъ какъ оно опирается на основу полезнаго труда и взамѣнъ рыцарской фантазіи вводитъ взглядъ на жизнь практическій и дѣльный. Бартольдъ обратилъ вниманіе на то, что въ нѣмецкомъ словѣ „Bürger“ мѣщанинъ (Ульфила ввелъ это слово, образовавъ по греческому πόλις нѣмецкое Baurgs, и передавъ такимъ образомъ

πολίτης производнымъ Baurgja, der Burger, въ буквальномъ смыслѣ—укровникъ) знаменательно выразилось все содержаніе историческаго развитія германскаго средняго сословія: первая робкая забота и разумная осторожность человѣка укрывающагося; бѣдственное и угнетенное положеніе, съ готовностью укрывшагося къ оборонѣ; уютная безопасность, круговая порука и взаимное обезпеченье собственности, личности и права; наконецъ высшая степень и обобщеніе этого понятія въ смыслѣ государственной гражданственности.

Мѣщанство нанесло первый ударъ феодальной системѣ и присоединило къ духовенству и дворянству третье сословіе. Въ основныхъ чертахъ своихъ оно въ одно и то же время развилось въ Италіи, во Франціи и въ Германіи. Быстро распространилось оно по всей Европѣ, а въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ достигло какъ внутренняго, такъ и наружнаго расцвѣта. Наружу оно проявилось въ тѣхъ городовыхъ соединеніяхъ, гдѣ первое мѣсто занимаютъ Ганза и Рейнскій городовой союзъ: все союзы, заключаемые не только съ торговою цѣлью, но также для взаимной охраны и для поддержки общаго спокойствія. Духовная же мощь мѣщанства обнаружилась въ городовомъ представительствѣ: въ Португаліи еще въ 1143-мъ г., основнымъ закономъ, изданнымъ въ г. Ламего, вмѣстѣ съ духовенствомъ и дворянствомъ представители городовъ также были приняты въ число государственныхъ чиновъ; въ Кастиліи въ 1169-мъ г. на сеймахъ находились выборные отъ городовъ; въ Неаполѣ въ 1231-мъ г. города участвовали въ государственныхъ сеймахъ; въ Англіи въ 1265-мъ г. нижняя палата состояла изъ выборныхъ отъ графствъ, городовъ и мѣстечекъ; въ Даніи въ 1250-мъ г. города являлись на Датскомъ сеймѣ; во Франціи въ 1302-мъ г. къ государственному сейму были призваны выборные отъ городовъ; въ Германіи въ 1309-мъ г. города явились на имперскій сеймъ въ Шпейерѣ. Путемъ долгой и упорной борьбы съ знатными родами общины добились и внутреннихъ вольностей. Соединяясь въ цехи, товарищества, гильдіи, онѣ противопоставили патриціямъ сомкнутую силу. Возникши сначала лишь для подъема и охраненія промышленныхъ интересовъ, эти цехи скоро пріобрѣли такимъ образомъ политическое значеніе, и набольшіе или цеховые старшины сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ предводителями мужественно и отважно бьющихся ратей. Чувствуя внутреннюю свою мощь, онѣ понемногу добивались также и внѣшней свободы—соучастія въ сословныхъ правахъ, въ пользованіи общиннымъ имуществомъ, отчасти въ занятіи нѣкоторыхъ должностей; мало того, онѣ наконецъ самую администрацію знатныхъ родовъ замѣнили цеховымъ управленіемъ, къ которому

должны были приписываться тѣ роды, чтобы ихъ окончательно не вытѣснило правительство, и отъ котораго исходило развитіе промысловъ и искусствъ.

Среднее сословіе опиралось на непоколибимо твердую основу, на принципъ труда. Оно впервые во всемірной исторіи освободило и облагородило настоящій производительный трудъ какъ въ политическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи. Тогда какъ въ древнихъ государствахъ трудъ предоставленъ былъ въ руки рабовъ, вольноотпущенныхъ и иноземцевъ, и ремесленникъ былъ исключенъ изъ настоящаго значенія гражданства, здѣсь, напротивъ, ремесленникъ самъ засѣдалъ въ городской думѣ принималъ участіе въ дѣлахъ правленія, составлялъ ядро постоянно вооруженнаго городового войска, пользовался въ своемъ сословіи такимъ же значеніемъ, какъ и родовой патрицій. На чувствѣ такой самозаконной силы и основывалась это сліяніе въ мелкія естественныя группы, въ корпораціи, цехи или гильдіи, —этотъ съ измѣнившимися цѣлями человѣческой дѣятельности измѣнившійся принципъ древняго германства, въ силу котораго довѣряющія своей мощи и своему уму группы сами и пекутся о своихъ интересахъ. Изъ этого чувства собственной внутренней и внѣшней безопасности возникли уже и притомъ возникли въ величавомъ видѣ искусство и наука. Среднее сословіе разработывало всѣ мотивы, притекавшіе отъ церкви, отъ рыцарства, отъ античной культуры; и хотя университеты, въ которыхъ сосредоточивалась наука, не могутъ считаться непосредственнымъ произведеніемъ его духа, но они все-таки изъ него черпали свою силу, точно также какъ въ своихъ городскихъ училищахъ оно освободило школу отъ изстари необходимой привилегіи быть духовнымъ заведеніемъ, и какъ наконецъ оно же, переносясь мыслію въ Элладу и Римъ, стремилось овладѣть чрезъ посредство труда своею собственною духовною сущностью.

Первый признакъ самостоятельности и зрѣлости средняго сословія проявился въ томъ, что оно заговорило на своемъ родномъ языкѣ. Съ этихъ поръ національные языки сдѣлались всеобщимъ выраженіемъ народной жизни и народнаго быта. Вмѣстѣ съ этимъ въ народѣ связаны были возникновеніе и развитіе прозы—доказательство, что народный духъ виталъ уже не на однѣхъ только вершинахъ, а стремился проникнуть и въ дѣйствительность. Записью же народныхъ законовъ и правъ народъ засвидѣтельствовалъ, что самъ онъ понимаетъ и обязанности и права свои: въ 1215-мъ или 1218-мъ г. въ Германіи вышелъ „Сводъ (или Зерцало) Саксонскихъ,“ а въ связи съ нимъ стоялъ „Сводъ Швабскихъ законовъ,“ содержавшій въ себѣ уже и законъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ учениковъ;

—въ Кастиліи и Леонѣ Альфонсъ Мудрый собралъ государственные законы, и въ то же самое время въ 1213-мъ—1276-мъ г.г. король Яковъ въ Аррагоніи урядилъ права и обычаи на аррагонскомъ языкѣ;—во Франціи появились постановленія Людовика Святаго; въ Англіи при Эдуардѣ I (1272—1307) вышло собраніе законовъ на родномъ языкѣ; въ Норвегіи наконецъ явился законодателемъ Магнусъ Лагабэтеръ (1263—1280). И что было въ государствахъ, то же самое и въ городахъ: городовые и ленные уставы, судебныя рѣшенія, морскіе законы обезпечиваютъ съ этихъ поръ права единичныхъ лицъ и корпорацій.

Подобно тому какъ въ рукахъ средняго сословія выработалась проза и вслѣдствіе торговыхъ сношеній получила отпечатокъ дѣлового, вслѣдствіе записи права — канцелярскаго и юридическаго, а вслѣдствіе лѣтописанія —историческаго слога: точно такъже города возвели искусство изъ его подслужничества церкви до отвѣчающаго его сущности и понятію о красотѣ—классическаго строя. Хотя и теперь еще отчасти, и по наружному виду, оно служило цѣлямъ церкви, хотя оно все еще обращало свое вниманіе главнѣйше на предметы своей вѣры, однако прекрасное и само по себѣ также сдѣлалось уже предметомъ для человѣка. „Пробудилось, говоритъ Фейербахъ, независимое, ясное, никакими чуждыми вліяніями и условіями неомраченное чувство чистой истины и человѣчности; человѣкъ въ созерцаніи дивныхъ твореній своего духа вновь обрѣлъ свободное чувство собственнаго достоинства, сознаніе своей самостоятельности, своего духовнаго благородства, своего присущаго ему изначала богоподобія, любовь къ природѣ и изученію ея, даръ наблюденія, вѣрный взглядъ на дѣйствительность и сознаніе реальности и существенности всего того, что отрицательно религіознымъ духомъ опредѣлялось лишь какъ суетное и безбожное. Искусство поэтому была та плѣнительная Маія, которая изъ мрачнаго духа церкви, какъ нѣкогда изъ ветхаго Брамы, изгнала уныніе и ненависть къ человѣку; это была та святошей прикинувшаяся обольстительница, которая вознесла человѣка на самые верхи храма, чтобы здѣсь дать на свободѣ вздохнуть его стѣсненной и сдавленной груди, дать ему упиться благоуханіями чисто человѣчныхъ чувствъ и воззрѣній, раскрыть передъ нимъ чарующую проглядь на прелести земного міра и отомкнуть для него иной міръ, міръ свободы, красоты, гуманности и науки.

Въ поэзіи мѣщанину сначала не посчастливилось: онъ принялъ форму за самую сущность и видѣлъ поэзію въ правильности странно-перепутанныхъ риѳмовъ. Пѣснопѣніе мейстерзенгеровъ, эта лирически изукрашенная поэзія языка, служитъ представителемъ мѣщанской разсудительности,

въ противоположность рыцарской фантастикѣ. Почтенные мѣщане образовали общества любителей пѣнія и по воскреснымъ днямъ послѣ богослуженія, стряхнувъ съ себя будничную пыль, собирались въ ратушѣ или въ церкви, въ кругу такихъ же мѣщанъ и мѣщанокъ, чтобы сперва пропѣть школу и потомъ высказать въ пѣсняхъ все, что въ теченіе недѣли тревожило или занимало умы ихъ.—Обокъ съ этимъ пѣснопѣніемъ мейстерзенгеровъ раздавалась мірская народная пѣснь—безъискусственное, свѣжее и дюжее, часто глубоко поэтичное выраженіе народной радости и кручины; и обокъ съ латинскими гимнами священниковъ раздалось съ этихъ поръ нѣмецкое церковное пѣніе мірянъ. Драма также развивалась: сначала представлялись страсти Христовы, смерть и воскресеніе Господне; чтеніе распредѣлялось между разными лицами и вставлялись принаровленныя къ тому пѣсни, а въ XII-мъ вѣкѣ прибавили къ этому костюмы дѣйствующихъ лицъ и вскорѣ съ трагическимъ содержаніемъ связали также комическій элементъ въ лицѣ корыстнаго Іуды, спорящаго съ Каіафою изъ-за того, что послѣдній выплатилъ ему 30 сребренниковъ дурною монетою,—въ лицѣ купца, у котораго шедшія къ гробу Христову женщины покупали благовонія и который ругается и дерется съ своей женою и т. п.—Во Франціи въ XIII-мъ вѣкѣ фабліо (побасенки) избрали монаховъ цѣлью своихъ остротъ. Обѣ „Библіи" и повѣсть о Лисѣ на народномъ нарѣчіи направлены были противъ монаховъ и духовенства. „Дворъ Римскій—съ такими словами Гюйо въ своей Библіи обращается къ Риму—ты полонъ преступленій; намъ приходится гибнуть, оттого что папа не видитъ этого, оттого что онъ не противодѣйствуетъ этому; Римъ всегда унижалъ религію; Римъ все высасываетъ изъ насъ и самихъ насъ поглощаетъ; за деньги тамъ все открыто, все позволено; Римъ губитъ все, онъ источникъ всѣхъ пороковъ". Во Франціи рыцарскій эпосъ также развился въ рыцарскій романъ; и тогда какъ лирика была лишь слабымъ отголоскомъ трубадуровъ, въ то же время изъ культа и церковныхъ церемоній образовалась драматическая поэзія: были сценическія игры, перемѣшанныя съ мірскими фарсами; въ 1380-мъ г. Карлъ VI выдалъ актерамъ привилегію, послѣ чего братство страстей Христовыхъ (confrairie de la passion) потѣшало Парижанъ своими представленіями; одно, изъ нихъ, „Великая мистерія" (grand mystère), состояло изъ 174 дѣйствій, въ которыхъ участвовало по малой мѣрѣ 400 лицъ. — Ожесточенная борьба Англіи съ Франціей была причиною, что въ первой отмѣненъ французскій языкъ, и сложившееся изъ германскихъ и романскихъ элементовъ народное нарѣчіе возведено на степень придворнаго и дѣлового: Джофри Чосеръ (1324 — 1405) сочинялъ на послѣднемъ свои риѳ-

мованные разсказы изъ Кантербери.—Въ Испаніи, начиная съ XII-го вѣка, образовалось своеобразное романское нарѣчіе. Въ теченіе XIII и XIV-го столѣтій христіанское населеніе въ ней сочиняло романсы, хроники, рыцарскіе романы и драмы, заимствуя послѣднія изъ театральныхъ церемоній церкви.—Въ Италіи наконецъ Данте, Петрарка и Боккаччіо блистали ярче всѣхъ какъ творцы новѣйшей итальянской поэзіи, какъ ревнители изученія древнихъ классиковъ.

Остальныя искусства двигались впередъ и поднимались еще быстрѣе поэзіи. Италія возстановила античный стиль въ зодчествѣ: Брунеллески славится тутъ какъ флорентинскій мастеръ и строитель соборнаго купола (ум. 1444); потомъ Леонъ Баптиста Альбертъ, строитель церквей и дворцовъ, писавшій о зодчествѣ; наконецъ Браманте, геніальный основатель храма св. Петра.—Но болѣе всего Италія возвеличилась живописью, достигшей своего совершенства, благодаря обновленію и болѣе глубокому пониманію христіанской мистики и сочетанію ея съ прелестью естественнаго изображенія. Геній живописи снизошелъ на землю, сталъ плотью въ Италіи, и отрѣшилъ средневѣковой католицизмъ, перенесшій божественное въ иной невѣдомый міръ, или же осуществлявшій его лишь въ грубой символикѣ. Э. Ангальтъ говоритъ: „Живопись воплотила Божій духъ и низвела небо до земной опредѣленности. Символъ былъ побѣжденъ и божественное проявилось въ своемъ (не заемномъ уже) видѣ. Святыя мѣста были вторично завоеваны въ духовномъ смыслѣ, и какъ первое завоеваніе казалось торжествомъ церкви, на самомъ же дѣлѣ стало ея пораженіемъ и устраненіемъ, точно такъ же и это“. Лео поэтому справедливо замѣчаетъ: „Великіе италіянскіе художники сдѣлали для духовнаго освобожденія и развитія міра столько же, сколько и германскіе реформаторы: и точно, пока тѣ старые, мрачные, строгіе лики святыхъ и боговъ приковывали къ себѣ сердца вѣрующихъ, пока въ искусствѣ не преодолѣли еще наружную неумѣлость, до тѣхъ поръ это служило знаменіемъ, что самъ духъ все еще коснѣлъ въ узкой ограниченности, въ гнетущихъ его узахъ. Свобода въ искусствѣ развивалась равномѣрно съ свободою мысли, и развитіе той и другой взаимно обусловливались. Когда искусство опять стало предметомъ вольнаго наслажденія, тогда лишь были опять въ состояніи воспринять классиковъ древняго міра, восторгаться ими и развиваться далѣе въ ихъ духѣ; безъ воспринятія древней классической литературы реформація была бы лишь простымъ церковнымъ расколомъ, въ родѣ гусситскаго“. Великіе итальянскіе живописцы въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ были поборниками свободы духа. „Флорентинская школа“ и ея Леонардо да

Винчи (1444—1519) съ его „Тайною вечерей“, особенно же Микель Анджело Буонаротти (1474—1564) съ его величавыми художественными произведеніями живописи, ваянія и зодчества. „Венеціанская школа“, въ которой Тиціанъ Вечелли, какъ звѣзда первой величины, писалъ тѣло блестящимъ колоритомъ и самыми яркими красками. Потомъ единственный въ своемъ родѣ и не оставившій по себѣ школы Антоніо де Корреджіо (1494—1534), полный души, все принесшій въ жертву гармоніи и искавшій красоты въ какомъ то похотливомъ разгулѣ—неподражаемый въ пониманіи свѣтотѣни. Наконецъ „римская школа“ съ учителемъ всѣхъ живописцевъ, Рафаэлемъ Санціо д'Урбино (1483—1520), гармонически соединявшимъ мудрую грацію кротости и душевнаго покоя съ величіемъ и высотою подвига и изобразившимъ въ своей „сикстинской Мадоннѣ“ совершенство идеальной красоты въ самыхъ привлекательныхъ формахъ, давшимъ въ видимомъ явленіи эту “розу, цвѣтущую въ то же время и въ небесахъ“, вмѣстѣ съ нарождающимся Богомъ, чтобы Его „Преображеніемъ“ прославить самого себя.—Музыка также поднялась высоко. Веселая жизнь Нидерландовъ была основой, на которой она какъ въ церкви, такъ и въ забавахъ свѣта вознеслась до настоящаго художества: Дюфе и Окенгеймъ изъ Геннегау положили фундаментъ современной музыкѣ. На органѣ была между тѣмъ усовершенствована клавіатура, а въ 1470-мъ г. присоединенъ педаль Нѣмцемъ Бернгардомъ, такъ что свой инструментъ онъ пересоздалъ въ гигантское произведеніе.

Отъ этого всемірнаго ликованія, поднятаго искусствами, не отстала также и строгая наука. И она завоевала и открыла новые міры. Математика, а съ нею и естественныя науки пробудились, обогащая жизнь своими открытіями. Лук. Пачіоли писалъ основательныя сочиненія объ алгебрѣ и о пропорціяхъ, а Флорентинецъ Павелъ Тосканелла (1482), величайшій математикъ своего времени, былъ другомъ Колумба. Вѣна стала сборнымъ мѣстомъ для астрономическихъ наблюденій; отсюда вышелъ Георгъ фонъ Пейербахъ, оказавшій великія услуги тригонометріи. Регіомонтанъ (ум. 1476) не только училъ погречески и не только перевелъ греческихъ математиковъ, но сдѣлалъ алгебру всеобщею наукою у Германцевъ, и въ качествѣ астронома побуждалъ къ улучшенію христіанскаго лѣтосчисленія. Астрономія, впрочемъ, все еще сопровождаемая какъ своею тѣнью астрологіей, заняла уже каѳедры въ университетахъ. Флорентинецъ Сальвіано дель'Армати въ 1485-мъ г. отшлифовалъ чечевицеобразное стекло, что монаха Александра де Спину (до 1313-го г.) навело на изобрѣтеніе очковъ. Аббатъ Ричардъ въ С-тъ Альбанѣ соорудилъ въ 1320-мъ г. астрономическіе часы, а Падуанскій врачъ Яковъ де Дон-

дисъ—планетарій. Анатомія преодолѣла свой страхъ передъ трупами: въ Болоньи и Монпелье тѣла преступниковъ предоставлялись анатоміи. Естествознаніе всего сильнѣе однако проявилось въ географіи. Правда, въ описаніяхъ путешественниковъ къ истинѣ все еще примѣшивались чудесныя сказки; однако путешествія сами по себѣ и совершаемыя черезъ нихъ открытія по истинѣ теперь лишь разоблачили міръ. Морскія плаванья принца Генриха доходили до Гвинеи. Бартоломео Діазъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды. Колумбъ, носитель новой эпохи, обрѣлъ Америку. Васко де Гама, дойдя до западнаго берега Остъ-Индіи, открылъ новый міръ для торговыхъ сношеній. Бальбоа рѣшилъ задачу западнаго пути въ Индію, открывъ въ 1513-мъ г. Тихій океанъ. Гуманисты, между тѣмъ, переводили естественнонаучныя сочиненія древности, въ Миланѣ открыта была каѳедра географіи, Мартинъ Бегаймъ соорудилъ свой удивлявшій всѣхъ глобусъ. А книгопечатанье и бумага изъ тряпья быстро и далеко распространяли вновь открытыя истины и, благодаря множеству брошюръ и народныхъ книгъ, образовали настоящее общественное мнѣніе.

Передъ новою гранитно-твердою мыслью и передъ такими животрепещущими выводами науки дрогнули основы церкви. Философія прямо взялась разрушать ихъ. Авторитетъ Аристотеля въ естественныхъ наукахъ утвердился и расширился; а въ философско-теологическомъ изслѣдованіи съ этихъ поръ служилъ авторитетомъ Платонъ. Характеръ философіи вообще обусловливался характеромъ эпохи; математико-физическое изслѣдованье съ его завоеваніями выступило рѣшительно на первый планъ; согласно съ этимъ философія стремилась изслѣдовать естественные законы міра, тогда какъ законы нравственнаго міра отступили для нея на задній планъ. Прежде философія была лишь слугою теологіи и занималась исключительно однѣми только ея задачами; теперь же философскими умами окончательно овладѣло физическое изслѣдованье, и теологія скоро показалась имъ простымъ лишь суевѣріемъ. Греческая философія была возобновлена Николаемъ Кузанскимъ, Фичиномъ и пр. а Пик-де-Мирандола, Агриппа Неттесгеймскій и пр. служатъ представителями философскаго воззрѣнія на природу. Всѣ они однако стремились къ одной цѣли:—познать міръ очами разума какъ одно гармоническое цѣлое,—къ той цѣли, къ которой стремился Агриппа Неттесгеймскій (1487—1535), этотъ истинный провидецъ. въ своемъ просвѣтленномъ умѣ уже постигавшій все бытіе какъ нѣчто единое и органическое, хотя въ его время естествознаніе не представляло еще достаточныхъ основъ для тѣхъ глубокихъ міросозерцаній, какія и нынѣ еще господствуютъ во всѣхъ дѣйствительно философскихъ умахъ. Онъ говоритъ: „Такъ какъ тѣлесное само по

себѣ не дѣйствуетъ, то небо и звѣзды должны быть воодушевлены, потому что они оказываютъ столь сильное вліяніе. Міръ, это—одно цѣлое, части его суть единичныя одушевленныя тѣла, но цѣлое великолѣпнѣе своихъ частей; поэтому если даже комары и черви одарены душою, то тѣмъ еще скорѣе міръ, созвѣздія и стихіи, дающія всѣмъ другимъ предметамъ жизнь и ощущеніе. Душа міра, это—единая, все собою наполняющая, все проникающая, все связующая жизнь. И подобно тому какъ въ человѣческомъ тѣлѣ возбуждается какой-либо членъ, ощущая движеніе другого члена, какъ издающая звукъ струна заставляетъ звучать также и другую, такимъ же образомъ одна часть міра отражается на всѣ другія части его, а такъ какъ слова принадлежатъ къ тому же міру, то въ силу такого взаимнаго сочувствія иной магъ въ состояніи возвліять и до небесъ. Человѣкъ, этотъ истый микрокосмъ, содержитъ въ себѣ все, что есть въ Богѣ, и кто познаетъ самого себя, тотъ познаетъ въ себѣ все, и особенно Бога, котораго онъ собою проявляетъ".

Въ области самой религіи заодно съ естествознаніемъ и въ тѣсной связи съ философіей ратовала противъ формализма католичества германская мистика; въ эпоху крайняго высокомѣрія папства и крайне рабской зависимости отъ него. Въ эпоху, когда Германія поражена была интердиктомъ, а потомъ смутами раскола, въ ту эпоху также, когда высшее духовенство преслѣдовало одни и тѣ же мірскіе интересы съ державцами, а нисшій клиръ погруженъ былъ въ невѣжество и пороки,—она глубоко внѣдрилась въ сердца германскаго народа и сберегла въ нихъ воспріимчивость къ истинамъ религіи. Мистика заставляетъ человѣческое *я* перегорать въ божественномъ началѣ и ставитъ высшею задачею человѣка - совсѣмъ погрузиться въ Богосозерцаніе; а это уже безсознательное противодѣйствіе католической церкви со всѣми ея догматами и уставами. Мистическая жизнь вращается на единствѣ и единеніи человѣческаго бытія съ божественнымъ, и І. Рёйсбрукъ обозначаетъ восходящія ступени ея, говоря: „Къ единству съ Богомъ ведетъ дѣятельная жизнь, когда мы, подобно Христу, возьмемъ крестъ свой и отречемся отъ самихъ себя; ведетъ внутренняя жизнь, когда человѣкъ исчезаетъ въ непостижимомъ объятіи Божія единства и въ каждое мгновеніе въ немъ возрождается Богъ: ведетъ созерцательная жизнь, то темное затишье, въ которое погружены всѣ любящія сердца: для того-то внутренне созерцающіе люди и должны по образу созерцанія переходить за предѣлы рѣчи, за предѣлы всякой розни и своихъ собственныхъ совершившихся поступковъ, вѣчно углубляясь въ новорожденный для нихъ свѣтъ; такимъ путемъ они преобразуются и сольются воедино съ этимъ свѣтомъ, при которомъ и который они видятъ". У преддверія этой мисти-

ки стоялъ Генрихъ Экартъ, герой мистиковъ, вулканическая пантеистическая натура, которому Богъ являлся единственнымъ существомъ и знаніемъ, міръ вѣчнымъ отъ Него отчужденіемъ, а душа — вѣчнымъ опять самоположеніемъ Бога. „Одинъ только Богъ можетъ сказать: Я есмь. Все же прочее лишь одинъ уставъ и образъ Его. Слово Божіе, это—Его творчество, это вѣчно и ежемгновенно зиждущее дѣйствіе и развитіе всего, что въ Немъ есть. Не будь меня, не было бы и Бога; Онъ не можетъ обойтись безъ меня, какъ и я безъ Него. Всѣ вещи Богъ; Онъ ихъ совокупность. Въ нихъ Онъ исповѣдуетъ самого себя. Всякая тварь носитъ въ себѣ знаменіе божественной природы и полна Бога; оттого-то во всѣхъ вещахъ безпредѣльный порывъ возвратиться къ своему первоначалу, отрѣшиться отъ конечности и войти въ покой божественнаго единства. Человѣкъ знаетъ Бога черезъ Бога. Его познаніе вмѣстѣ и мое; око, которымъ я вижу Бога, — то же око, которымъ Онъ зритъ меня: Его око и мое око одно. Разумъ, это—несотворенная искра души, носящей въ себѣ образъ Божій“.—Генрихъ Сузонъ, одаренный любвеобильнымъ сердцемъ, избравшій мудрость своею завѣтною любовницею и принявшій отъ явившагося ему Христа жизненное правило; „Пріемли страданія добровольно, сноси ихъ терпѣливо, поучайся имъ по христіански“—также видѣлъ Бога во всемъ и надъ всѣмъ, какъ существо, какъ жизнь и дѣйствіе, какъ кругъ, центръ котораго всюду, а окружность нигдѣ.—Таулеръ проповѣдывалъ: Богъ единъ во всемъ и все въ единомъ; никакой предметъ не присущъ намъ такъ, какъ Богъ; глубокая основа души, это—самъ Богъ. Познавая Бога, душа познаетъ самое себя и всѣ предметы въ Богѣ; чтобы заговорилъ Богъ, должно умолкнуть твое личное себялюбіе; чтобы Онъ вошелъ, должны выйти вонъ всѣ предметы; Богъ сталъ человѣкомъ, дабы мы стали Богомъ.—Наконецъ, „Германская теологія“ представляетъ вершинную точку мистики въ ея основной идеѣ: Въ Богѣ все—едино и единое—въ Немъ все. Богъ очеловѣчивается, дабы человѣкъ обожествился. Будь чистъ и всецѣло отрекись отъ самого себя, такимъ путемъ достигнешь Бога, ибо лишь твое ячество и твоя самость разлучаютъ тебя съ Нимъ, отреченіе отъ своего себялюбія, напротивъ съ Нимъ соединяетъ:—единеніе, въ которомъ внутренній человѣкъ пребываетъ неподвижно, тогда какъ внѣшняго человѣка Богъ попускаетъ колебать то въ одну, то въ другую сторону, но въ томъ же и къ тому, что неминуемо должно быть и совершиться. Сила, созерцать вѣчное, присуща человѣку въ разумѣ, а сила, схватить его,—въ волѣ. И тотъ, и другая слиты вмѣстѣ: гдѣ одинъ, тамъ и другая, и не будь ни того, ни другой, то не было бы и разумной твари, а были бы лишь скоты и скотство.

Мистики вознеслись надъ всякой неволей духа и надъ всякимъ внѣшнимъ повелительствомъ. Они представляютъ отпоръ германскаго чувства и германской задушевности противъ римской схоластики и ея наружной формалистичности. И подобно тому какъ противъ догмы возстала теоретическая, такъ точно и противъ католической безнравственности—нравственная оппозиція. Арнольдъ Брешіанскій уже училъ, что клиру не подобаютъ мірскія владѣнія и что отъ нихъ-то и возникло злоупотребленіе въ церкви: онъ въ 1155-мъ г. былъ въ Римѣ повѣшенъ, сожженъ, и прахъ его брошенъ въ Тибръ. Петръ Вальдъ основалъ общину апостольскаго христіанства: Иннокентій III приказалъ истребить ее, и лишь немногіе изъ ея членовъ спаслись. Послѣ этого Джонъ Виклифъ писалъ противъ угнетенія Церкви отъ папства, противъ произвола анаѳемъ, противъ монашества, чистилища, тайной исповѣди, отпущенія грѣховъ, поклоненія святымъ и иконамъ; онъ писалъ также, что Церковь отнюдь не властна противъ Священнаго Писанія: за то онъ былъ исключенъ изъ Оксфордскаго университета и могъ считать за счастіе, что прожилъ безъ тревогъ въ своемъ приходѣ Лёттервортѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Іоаннъ Гуссъ проповѣдывалъ тѣ же мысли, ратуя въ рѣчахъ и въ статьяхъ своихъ противъ безнравственности духовенства, противъ торга индульгенціями, противъ монашеской жизни и папской власти, за что,— вопреки даже императорской охранной граммагѣ, такъ какъ никто-де не обязанъ держать слово данное еретику,—былъ въ 1415-мъ г. сожженъ на кострѣ, и пепелъ его унесенъ Рейномъ въ море. Джироламо Савонарола также проповѣдывалъ, что папа не есть истинный епископъ и что царство небесное достигается не черезъ святыхъ и не добрыми дѣлами, а единственно по милости Божіей, и онъ въ 1498-мъ г. былъ сожженъ на висилицѣ. Іоаннъ Рухратъ фонъ Везель наконецъ возвѣщалъ, что церковь отъ истиннаго благочестія отклонилась къ извѣстнаго рода іудейскому суевѣрію, такъ что куда ни взглянешь, вездѣ встрѣтишь одно лишь пустое хвастовство дѣлами при угасшей вѣрѣ и фарисейской гордынѣ раввиновъ; вездѣ видишь однѣ холодныя церемоніи и одно страшное суевѣріе, чуть ли даже не идолопоклонство; только и видишь, какъ всѣ гонятся за наживой, хлопочутъ лишь о своихъ личныхъ интересахъ и вовсе пренебрегаютъ обязанностями христіанскаго благочестія; въ Священномъ Писаніи не сказано, чтобы какой либо священникъ, ни даже папа, властенъ былъ давать отпущеніе грѣховъ. Доминиканцы заключили Іоанна въ монастырь, гдѣ онъ и умеръ въ 1481-мъ г.—Но могли умерщвлять лишь тѣла, а не самый духъ, жившій въ нихъ. Въ XIV-мъ вѣкѣ уже іерархіи нанесенъ былъ первый неисцѣ-

лимый смертельный ударъ. Въ этотъ вѣкъ города добились соучастія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ этотъ вѣкъ швейцарскіе мужики бились съ австрійскими рыцарями и господами. Въ этотъ вѣкъ Римъ былъ впервые не столицею папы и не главою христіанства. Въ этотъ вѣкъ курфюрсты впервые усильно возстали противъ папскаго престола. Въ этотъ вѣкъ папа въ послѣдній разъ изрекъ анаѳему противъ германскаго императора. Въ этотъ же вѣкъ низшія и высшія школы добились большей свободы въ быту своемъ. Городскія школы отрѣшились отъ узкаго келейнаго духа монастырскаго знанія и пытались одолѣть преграды, противопоставляемыя всеобщему образованію. Университеты воздѣлывали науку, эту пагубу Рима. Греческая литература созидала несокрушимыя баррикады, за которыми истина и свобода раскинули станъ свой. У кого достало бы силъ на укрощеніе такого духа?

а. Городскія учебныя заведенія.

24.

Чѣмъ болѣе подымались торговля и промыслы въ городахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались также богатство и любовь къ искусству и наукамъ, чѣмъ вообще большею самостоятельностью и свободою пользовались города,—тѣмъ сильнѣе пробуждалась въ нихъ потребность имѣть отвѣчающія ихъ положенію и требованьямъ образовательныя заведенія. Вслѣдствіе этой потребности и возникли *городскія школы*. Хотя ни по способу преподаванія и формѣ обученья, ни по своимъ учителямъ и учебнымъ предметамъ онѣ не могли возвыситься надъ своею эпохою и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысить также свою эпоху надъ господствующимъ въ ней узкосердіемъ, однако все же проявили собою существенный успѣхъ въ томъ, что сокрушили школьную систему духовенства и, благодаря нѣмецкому чтенію и письму, съ которыми невольно связывались разныя историческія и географическія знанія, примкнули къ практической жизни. Въ Миланѣ, Брешіи, Флоренціи и въ другихъ городскихъ общинахъ, начиная со второй половины XII-го столѣтія, много пеклись объ обученіи юношества, и съ той поры возникли также городскія школы въ Любекѣ (1161), Гамбургѣ (1187), Бреславлѣ (1267), Нордгаузенѣ (1319), Штеттинѣ (1390), Лейпцигѣ (1395), Брауншвейгѣ (1407) и пр. Сначала все это были только

„писарскія школы,“ гдѣ юношество обучалось письму, приготовляясь къ торговымъ дѣламъ, писало письма, а сверхъ того пріобрѣтало вѣроятно также географическія и историческія познанія и упражнялось въ счетѣ и чтеніи. Эти писарскія школы были начатками позднѣйшихъ такъ называемыхъ мѣщанскихъ училищъ,—это настоящія нѣмецкія школы: въ нихъ обучали чтенію и письму нѣмецкимъ шрифтомъ. Онѣ въ то же время служили элементарными или приготовительными заведеніями для латинскихъ школъ, куда впрочемъ поступали также ученики 7-ми и 8-ми лѣтъ безъ всякой подготовки въ писарской школѣ, и гдѣ принимались и обучались безплатно дѣти не только зажиточныхъ, но также и бѣдныхъ горожанъ. Въ латинскихъ школахъ преобладала латынь; грамматика составляла средоточіе преподаванія; помимо нея предметами обученія были чтеніе, письмо и христіанство.—Вмѣстѣ съ этими писарскими и латинскими школами въ городахъ не задолго до реформаціи возникли также женскія учебныя заведенія, напр. въ Любекѣ и Нюрнбергѣ. — Методъ во всѣхъ этихъ школахъ былъ все еще схоластическій. Все преподаваемое надлежало усвоить себѣ на память. Читали попеременно, въ позднѣйшее по крайней мѣрѣ время: Boëthius de consolatione, Mancini poëmata, книги Steph. Fiscus de Sontino, Laurentius Corvinus, Hugo Cardinalis и пр. Преподавали монастырскую латынь по Донату, или же по риѳмованнымъ правиламъ доктринала, заучивали наизусть то и другое, а сверхъ того еще нѣсколько схоластическихъ опредѣленій, также Символъ апостольскій, семь псалмовъ покаянія, церковныя пѣсни, Двустишія Катона, библейскія исторіи изъ Ѳеодуловыхъ эклогъ, 24 стиха изъ календаря Cisio Janus и пр.;—говоря точнѣе, текстъ изъ этихъ книгъ подсказывали ученикамъ до тѣхъ поръ, пока они его себѣ не усвоятъ, при чемъ старшіе ученики выслушивали урокъ у младшихъ; а не то ученикамъ диктовали, потомъ объясняли и разбирали диктованное. Къ тому же до половины XV-го столѣтія учебныя книги были такъ дороги, что ученики не были въ состояніи пріобрѣтать ихъ: оттого-то приходилось большею частью диктовать все, что слѣдовало затвердить. Самое даже обученіе письму задерживалось дороговизною бумаги. При обученіи чтенію пользовались, кажется, письменно-читальнымъ методомъ. Правилъ насчетъ выбора предмета и способа преподаванія не существовало. Каждый изъ учителей, вопреки даже зависимости отъ духовенства или отъ городской думы, дѣйствовалъ самостоятельно въ своей школѣ, вслѣдствіе чего плохой и необразованный учитель еще болѣе унижалъ и безъ того уже на низкой степени стоявшую школу, за то съ другой стороны свобода, предоставленная

учителю, давала даровитому возможность проявить всѣ свои способности, и многія школы, благодаря энергичному и живому преподаванію учителей, пользовались поэтому большою извѣстностью. Дисциплина въ школѣ также еще не установилась: палка и розги понуждали учениковъ соблюдать порядокъ и тишину, быть внимательными и прилежными.

Чѣмъ ревнивѣе города старались оградить права свои отъ чуждыхъ вмѣшательствъ, тѣмъ болѣе также стремились они подчинить своему исключительному надзору основанныя ихъ вѣдомствомъ школы. Вслѣдствіе этого они пришли въ столкновеніе съ духовенствомъ, заявлявшимъ свои исключительныя права на ars clericalis (духовное или дьяческое искусство), и вообще считавшимъ по навыку и обычаю, доселѣ господствовавшимъ, своимъ исключительнымъ правомъ открывать и содержать школы. Въ мѣстахъ, гдѣ находился соборный капитулъ, схоластикъ былъ подчиненъ канонику въ качествѣ школьнаго учителя: въ нѣкоторыхъ краяхъ онъ и на самомъ дѣлѣ постоянно имѣлъ главный надзоръ надъ школами и учителями, снабжая послѣднихъ инструкціями, посѣщая по временамъ школы и присуждая даже наказанія; поэтому онъ и теперь также крѣпко держался за свой патронатъ, особенно изъ-за того, что обыкновенно собиралъ школьныя деньги, а слѣдовательно съ открытіемъ новыхъ школъ безъ его вѣдома сокращался и доходъ его. Кромѣ того, основаніе думскихъ и др. школъ было противно духу іерархіи, видѣвшей въ этомъ возбужденіе революціоннаго духа, что зачастую и обнаруживалось въ борьбѣ городового магистрата съ церковными вѣдомствами. Вслѣдствіе этого городскія школы въ XIV-мъ столѣтіи большею частью подчинялись еще схоластику монастыря или собора, имѣвшему не только главный надзоръ надъ ними, но часто получавшій даже часть школьныхъ денегъ. Потому что, гдѣ бы ни возникали городскія школы, духовенство вездѣ стремилось прибрать ихъ къ рукамъ. Но еще важнѣе для него было вообще воспрепятствовать ихъ открытію. Оттого оно постоянно ратовало противъ основанія школъ. Когда въ 1161-мъ г. въ Любекѣ задумали было основать особую городскую школу, такъ какъ соборная была будто бы слишкомъ удалена или слишкомъ мала, и потому не могла вмѣстить въ себѣ всю молодежь, то духовенство всѣми силами воспротивилось этому. Споръ рѣшился наконецъ полюбовнымъ соглашеніемъ, и горожанамъ разрѣшено было открыть и содержать „четыре писарскія школы,“ но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ нихъ преподавалось лишь чтеніе и письмо понѣмецки и ничего болѣе. При основаніи такихъ школъ сверхъ того подтверждалось обыкновенно, чтобы другія науки преподавались точно такъ же

какъ и прежде въ соборныхъ школахъ и чтобы мальчики приходили пѣть ко всенощной и къ заупокойнымъ службамъ. Въ своихъ прошеніяхъ къ папѣ о дозволеніи основать городскія школы, города всегда ссылались на размножившееся народонаселеніе, на дальность монастырсткихъ и соборныхъ школъ, на трудности и опасности, какимъ подвергаются дѣти по дальнему пути въ школу, причемъ они легко могли понести вредъ на шаткихъ мостахъ и на многолюдныхъ, экипажами и возами запруженныхъ улицахъ. О негодности существующихъ учебныхъ заведеній и о притѣсненіи схоластиковъ соблюдали глубокое молчаніе.—Въ болѣе выгодныхъ условіяхъ находились тѣ города, гдѣ не было схоластика или привилегированнаго учебнаго заведенія, властнаго налагать подобнаго рода обязательное преподаванье. Гдѣ государь пользовался правомъ патроната, тамъ городское начальство откупало у него послѣднее—или службою, или даже значительными денежными взносами. Такимъ образомъ патронатъ мало по малу переходилъ къ магистратамъ, поручавшимъ наблюденіе за школами либо одному, либо нѣсколькимъ священникамъ, къ которымъ питали довѣріе, либо нѣкоторымъ изъ членовъ ратуши.—Въ небольшихъ городахъ, гдѣ образованіе находилось лишь на болѣе низкой ступени, смотрителемъ училища былъ пасторъ или приходскій священникъ, нанимавшій обыкновенно для учительской должности помощника, „дѣтскаго наставника,“ обязаннаго помимо преподаванія печься также о пѣніи и о другихъ службахъ въ церкви съ своими учениками.

Устройство городскихъ школъ отвѣчало цеховымъ и ремесленнымъ уставамъ. Ректоръ, старшій и дѣтскій учителя нанимались достопочтеннымъ бургомистромъ и магистратомъ погодно съ обоюднымъ условіемъ заявлять о прекращеніи найма за три мѣсяца впередъ. Ректоръ обязывался при этомъ „съ своими помощниками выучить дѣтей говорить полатыни, содержать ихъ подъ надлежащимъ надзоромъ и благопристойно, да и самому себя вести прилично и строго наблюдать за своими помощниками,“ или же (—по другой инструкціи—) „наставлять учениковъ in pietate ,doctrina, moribus, [1]) упражнять ихъ in scribendo, [2]) тщательно обучать in tradendis elementis grammatices, [3]) читать Virgilium и другихъ хорошихъ autores, въ высокоторжественные дни пѣть со всею школою Vesper [4]) и по воскресеньямъ помогать пѣть на службѣ.“ Выбирать и нанимать остальныхъ учителей предоставлялось обыкновенно ректору; въ качествѣ его помощниковъ они и зависѣли уже отъ

[1]) Въ благочестіи, знаніи, нравахъ.
[2]) Въ письмѣ.
[3]) Изложенію грамматическихъ правилъ.
[4]) Всенощную.

него. Смотря по числу учениковъ и по величинѣ города онъ нанималъ помощниковъ или младшихъ учителей (hypodidascalos) и провизоровъ, называвшихся Locati, [1]) въ томъ отношеніи, что они были подряжены старшимъ учителемъ, а Stampuales, въ томъ отношеніи, что они обучали буквамъ (stampos), а именно каждый изъ нихъ особо въ своемъ классѣ, смотря по степени относительной учености каждаго. Образованіе этихъ учителей, состоявшихъ большею частью изъ францисканцевъ и доминиканцевъ, а также изъ выгнанныхъ монаховъ, развратныхъ студентовъ, исключенныхъ клериковъ и проходимцевъ всякаго рода, вообще было низкое,—подобно получаемой ими платѣ. Ректоры и старшіе учителя получали годовые оклады и благодаря доходамъ, взимаемымъ ими за пѣніе во время обѣдни и всенощной, они часто пользовались хорошимъ достаткомъ. Но совокупный, изъ денегъ за обученіе, на дрова и пр. состоявшій, и изъ церкви и городской кассы выручаемый доходъ ихъ былъ все-таки скуденъ въ сравненіи съ доходами и окладами духовныхъ лицъ: старшій учитель получалъ не свыше 40 гульденовъ, канторъ не свыше 25-ти, а помощникъ не свыше 20-ти гульденовъ годового оклада. Помощники пользовались лишь платою за обученіе, подарками, дровами, заглавными деньгами [2]) и пр.; немногіе лишь получали постоянные оклады. Изъ платы за обученіе они должны были обыкновенно отдавать часть ректору; но за послуги, оказываемыя ими церкви, они вознаграждались особо. Провизоры, а иногда даже ректоръ и канторъ, пользовались даровымъ столомъ у доброхотныхъ жителей, сверхъ того, ректоръ и канторъ, по крайней мѣрѣ, также даровымъ помѣщеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и классною комнатою, на какой конецъ во многихъ мѣстахъ строились особые дома для школъ. Въ учебномъ уставѣ латинской городской школы въ Штутгартѣ отъ 1501-го г., по поводу „платы наставнику“, значится: „Каждый изъ родившихся въ городѣ учениковъ, не получающій подаянія, обязанъ въ началѣ каждой четверти года выдавать наставнику по 4 шиллинга (—на одинъ фунтъ серебра шло 240 галлеровъ или геллеровъ, такъ названныхъ по императорскому монетному двору въ Галле; 2 геллера составляли одинъ пфеннигъ, а шесть пфенниговъ одинъ шиллингъ; —одинъ крейцеръ равнялся 7-ми геллерамъ, 4 крейцера составляли одинъ батцъ, а 15 батцовъ одинъ гульденъ—), зимой же каждый день по полѣну или за всю зиму возъ дровъ либо 4 шиллинга. Каждый изъ иногородныхъ учениковъ, пользующійся содержаніемъ въ городѣ, вноситъ столь-

---

[1]) Наемниками.

[2]) Деньги, взимаемыя при началѣ новой главы учителемъ.

ко же. Бѣдные иногородные ученики вносятъ по 2 шиллинга, но не даютъ дровъ. За то они обязаны посмѣнно мести классную комнату, а зимою топить печи. Каждый изъ учениковъ, отъ мала до велика, какъ свой такъ и пришлый, обязанъ въ Срѣтенье имѣть на процессіи горящую восковую свѣчку цѣною около полу-фирлинга, а что отъ нея останется по окончаніи процессіи, то передать наставнику, или же взамѣнъ того 4 денара. Каждый изъ учениковъ, отъ мала до велика, какъ богатый такъ и бѣдный, обязанъ выдавать провизору по 4 денара въ каждую четверть. Каждый изъ учениковъ, обязанный вносить наставнику полную плату и дрова, долженъ каждую четверть года давать подарки провизору или взамѣнъ того 4 денара. Провизоръ за свои уроки получаетъ также отъ своихъ учениковъ заглавную плату, а именно каждый разъ при началѣ новой главы по 3 геллера. Ради этого онъ не долженъ однако тороpиться чтеніемъ; напротивъ, слѣдуя указанію наставника, читать такъ, чтобы ученикамъ была польза. Во время каникулъ провизору предоставляется съ разрѣшенія наставника обучать письму и другимъ предметамъ учениковъ, добровольно заявившихъ о томъ желаніе, за что имѣетъ получать особое соразмѣрное вознагражденіе отъ соучастниковъ. Каждый изъ участвующихъ въ урокахъ пѣнія учениковъ выдаетъ кантору по 3 геллера въ четверть года, и каждый изъ учениковъ сверхъ того въ своемъ классѣ по 5 геллеровъ заглавной платы. Помимо того канторъ съ учениками получаетъ за пѣніе по особымъ случаямъ установленную плату, и какъ онъ, такъ и ректоръ должны быть, какъ водится, вознаграждены за ихъ присутствіе на похоронахъ. Провизоры имѣютъ получать по 3 геллера заглавной платы съ каждаго изъ учениковъ." (Для вѣрной оцѣнки размѣра и величины этихъ платъ надо знать, что во время Констанцскаго собора 1 фунтъ говядины стоилъ 3 пфеннига, 1 фунтъ баранины 7 геллеровъ, 1 яйцо стоило 1 геллеръ, 1 селедка стоила 1 пфеннигъ, 1 кружка рейнвейна 20 пфенниговъ;—а въ 1362-мъ году въ Базелѣ обыкновенная лошадь стоила 6 фунтовъ; въ 1450-мъ г. въ Байрёйтѣ осьмина ржи стоила 20 пфенниговъ, ячменя 18, овса 13, свинина 5, телятина 2, хлѣбъ стоилъ отъ 3 до 7, кружка пива стоила 2 пфеннига, волъ стоилъ 12 фунтовъ, корова стоила 4 гульдена, сажень дровъ 1 фунтъ 26 пфенниговъ; —наконецъ въ Швейнфуртѣ въ 1488-мъ г. гусь стоилъ 8 пфенниговъ, фунтъ сахару 4 фунта 8 пфенниговъ, кружка водки стоила 5 пфенниговъ, а одинъ центнеръ масла стоилъ 16 фунтовъ).—

Такъ какъ ректоръ нанимался на срокъ, и магистратъ воленъ былъ отказать ему по истеченіи договора или даже ранѣе, если оказывалось, что онъ

неисполняетъ принятыхъ на себя обязательствъ, и такъ какъ помощники состояли въ такихъ же отношеніяхъ къ старшему учителю; то и образовался классъ странствующихъ учителей, нанимавшихся въ школы и отправлявшихся въ другія мѣста, когда имъ отказывали или когда они вздумаютъ сами. Такимъ образомъ должность учителя сдѣлалась ремесломъ, и у такихъ школьныхъ ремесленниковъ, для которыхъ учительское званіе служило чисто лишь промысломъ и которые сегодня преподавали въ какой нибудь школѣ, завтра же, пожалуй покидаемой ими, нечего было и думать объ интеллектуальныхъ и нравственныхъ способностяхъ. Такое странствованіе было слѣдствіемъ всеобщаго безпокойства, охватившаго разные слои общества и разныя германскія племена. Всѣ горѣли желаніемъ пріобрѣсть образованіе свыше того, какое могла дать родина. Дѣти и юноши пускались въ свѣтъ на поиски за наукою,—часто среди крайнихъ лишеній, грубѣя и развращаясь отъ многотруднаго странствія по дорогамъ, безъ надлежащаго надзора въ самихъ школахъ, гдѣ водворялись и гдѣ находили пріютъ и ночлегъ, вымаливая Христа ради, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формъ и въ извѣстныхъ частяхъ города, пропитаніе, не выдаваемое имъ въ школѣ,—старшіе, учителя и помощники, уводили съ собою и завлекали въ странствіе младшихъ, школьниковъ. Эти scholares vagantes, вакханты, обращались съ младшими учениками, какъ съ своими вассаллами: послѣдніе были преданы имъ „тѣломъ и душой", обязаны были служить имъ работниками и батраками, а за неимѣніемъ лучшаго промысла добывать для своихъ начальниковъ насущное пропитаніе посредствомъ „нищенства" и „воровства" (—такое воровство считалось чѣмъ-то въ родѣ охотничьяго права и въ отличіе отъ обыкновеннаго воровства называлось въ народѣ „стрѣльбой", вслѣдствіе чего и юные странники прозваны были „азбучными стрѣлками"—). Какъ мало при этомъ учились, о томъ свидѣтельствуетъ Буркгартъ Цинкъ (родился въ 1396-мъ г.) въ своей автобіографіи: послѣ десятилѣтнихъ перекочевокъ по школамъ въ Рейснитцѣ, Биберахѣ, Эхингенѣ, Балингенѣ и Ульмѣ, онъ за исключеніемъ письма болѣе ничему не научился. Но самый наглядный очеркъ изъ жизни вакхантовъ представляетъ въ своей автобіографіи Ѳома Платтеръ (мальчикъ-пастухъ изъ долины Виспера въ Валлисѣ, впослѣдствіи типографщикъ и директоръ школы въ Базелѣ, род. въ 1499-мъ, ум. въ 1582-мъ г.). Такъ какъ при рожденіи его раздался благовѣстъ, то ему назначили быть священникомъ, и послѣ того какъ онъ до 10-ти лѣтняго возраста пасъ козъ и коровъ, его передали пастору, одному изъ родственниковъ его. „Онъ—раскасываетъ Платтеръ—билъ меня

жестоко, часто бралъ меня за уши и поднималъ съ полу, такъ что я кричалъ словно коза, когда ее рѣжутъ, а сосѣдямъ то и дѣло казалось, что онъ собирается убить меня. У него я не долго пробылъ. Въ то самое время прибылъ къ намъ мой двоюродный братъ, ходившій по школамъ,— этого студента звали Павломъ Зуммерматтеромъ—онъ предложилъ взять меня съ собою и водить по школамъ въ Германіи. Мы странствовали вмѣстѣ въ числѣ 8 или 9 учениковъ. Я былъ самый младшій изъ этихъ стрѣлковъ. Когда мнѣ не въ mоготу было идти далѣе, то братецъ мой Павелъ шелъ вслѣдъ за мною съ розгою или палочкой и похлестывалъ меня по голымъ ногамъ, такъ какъ на мнѣ не было штановъ, а башмаки были худые. Вакханты же говорили о томъ, какъ въ Мейссенѣ и Силезіи вошло въ обычай, что ученики вольны похищать гусей и утокъ, также иную съѣдобную пищу, и что за это ему ничего не достается, лишь бы онъ улизнулъ отъ того, кому принадлежитъ вещь. Тогда я спросилъ моихъ товарищей: Когда мы будемъ въ Мейссенѣ, гдѣ бы мнѣ можно было убить гуся? Они отвѣчали: Вотъ мы дошли до него. Тутъ я взялъ камень, бросилъ имъ въ гусей, угодилъ одному по ногамъ, остальные улетѣли, а хромой-то не могъ уже подняться. Я взялъ другой камень, попалъ гусю въ голову, такъ что онъ тутъ же и упалъ. Я подбѣжалъ къ нему и, схвативъ его за шею, спряталъ его подъ кафтанъ и пошелъ черезъ деревню по улицѣ. Вслѣдъ за нами прибѣжалъ пастухъ, крича на всю деревню: Этотъ мальчишка стащилъ у меня гуся. Я и мои товарищи пустились бѣжать, а изъ-подъ кафтана торчалъ хвостъ моего гуся. Крестьяне уже нагоняли насъ. Видя, что мнѣ не улепетнуть съ гусемъ, я бросилъ его; у деревни я кинулся съ дороги въ кусты, а двое изъ моихъ товарищей побѣжали по улицѣ, крестьяне и нагнали ихъ; тогда тѣ бросились на колѣни, умоляя о пощадѣ и говоря, что они не причинили никакого вреда; увидѣвъ, что это не тѣ, кто уронилъ гуся, крестьяне пошли опять въ деревню и взяли его съ собой.“ „Въ Наумбургѣ мы пробыли нѣсколько недѣль; наши стрѣлки бродили по городу, нѣкоторые изъ нихъ, умѣвшіе пѣть, пѣли пѣсни, я же только попрошайничалъ, но въ школу мы вовсе не ходили. Многимъ это не нравилось и они добивались, чтобы насъ отвели въ школу. Старшій учитель говорилъ нашимъ вакхантамъ: чтобы они приходили въ школу, а иначе ихъ поведутъ силою. Тамъ было также нѣсколько Швейцарцевъ, они-то и предупредили насъ о днѣ, когда рѣшено придти за нами, чтобы не напали на насъ врасплохъ; тогда мы, младшіе стрѣлки, набрали каменьевъ на крышу. Вотъ пришелъ учитель со всею толпою своихъ стрѣлковъ и вакхантовъ, мы же мальчики забросали ихъ каменьями, такъ

что они должны были отступить. Узнавъ, что начальство обжаловало нас, мы ночью утащили трехъ гусей у нашего сосѣда, отдававшаго замужъ свою дочь, и ушли на другой край города; Швейцарцы пришли къ намъ, и мы кутили вмѣстѣ, а потомъ наше общество направилось въ Галле въ Саксоніи и поступило въ школу къ С-тъ Ульриху. Когда же наши вакханты стали дурно обращаться съ нами, то нѣкоторые изъ насъ сговорились съ моимъ братцемъ Павломъ убѣжать отъ вакхантовъ, и отправились въ Дрезенъ; тамъ не было порядочной школы; въ спальняхъ иноземныхъ учениковъ было пропасть вшей. Мы собрались и пошли въ Бреславль; дорогой часто приходилось голодать, такъ что по нѣскольку дней къ ряду мы питались лишь сырымъ лукомъ съ солью, по ночамъ спали иногда подъ открытымъ небомъ, потому что насъ не пускали въ дома, какъ бывало прежде, когда мы вымаливали ночлегъ; иногда насъ травили собаками; когда же мы пришли въ Бреславль, то у насъ всего было въ изобиліи, и все такъ дешево, что бѣдные ученики обжирались и часто сильно заболѣвали: тогда мы направились было въ школу въ Туме ко Святому Кресту; но узнавъ, что въ главномъ Елисаветинскомъ приходѣ проживали Швейцарцы, мы и пошли туда. Въ городѣ Бреславлѣ 7 приходовъ, въ каждомъ изъ нихъ особая школа; ни одинъ ученикъ не смѣлъ пѣть въ чужомъ приходѣ. Въ городѣ находилось по нѣскольку тысячъ вакхантовъ и стрѣлковъ, питавшихся подаяніемъ. Я пробылъ тамъ довольно долго, проболѣлъ въ одну зиму три раза, такъ что меня должны были отправить въ больницу. У учениковъ была особая больница и особый докторъ. На этотъ конецъ въ ратушѣ выдается по 16 геллеровъ въ недѣлю на каждаго; его хорошо содержатъ за это, онъ пользуется хорошимъ уходомъ, хорошею постелью, но со вшами величиною чуть-ли не съ конопляное сѣмячко. На ученикахъ и вакхантахъ до невѣроятности много вшей. Часто, особенно лѣтомъ, выходилъ я къ Одеру, стиралъ тамъ свою рубашенку, вѣшалъ ее на сучокъ, сушилъ, а между тѣмъ обиралъ вши съ кафтана, вырывалъ ямку, бросалъ туда кучу вшей, покрывалъ ихъ землей и ставилъ на это крестъ. Зимой стрѣлки въ школѣ спали на полу, а вакханты въ каморкахъ, каковыхъ въ С-той Елисаветѣ было нѣсколько сотенъ; лѣтомъ же, когда было жарко, мы спали на погостѣ, въ случаѣ дождя мы забѣгали въ школу, а въ грозу во всю ночь пѣли антифоны и т. п. съ младшимъ канторомъ; лѣтомъ иногда послѣ ужина ходили мы въ пивныя лавки, выпрашивая тамъ Христа-ради пива; дородные польскіе крестьяне давали намъ пива, и я часто напивался до того, что не могъ дойти до школы, хотя бы находился отъ нея не далѣе брошенаго камня; пищи тамъ вообще было довольно, но учились не-

много; въ школѣ С-той Елисаветы читали заразъ въ одной и той же комнатѣ 9 бакалавровъ; впрочемъ греческаго языка еще нигдѣ не было въ краѣ, ни у кого также не было печатныхъ книгъ, однако у самаго наставника былъ печатный Теренцій. Все что читали, приходилось сперва диктовать, потомъ разбирать, потомъ составлять, потомъ объяснять, такъ что вакханты, уходя, уносили съ собою большія кипы тетрадей." „Прибывъ изъ Дрезена въ Мюнхенъ, я поступилъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ къ мыловару, у котораго занятъ былъ болѣе варкою мыла, нежели школою. Послѣ 5-ти-лѣтняго странствованія я возвратился на родину въ Валлисъ, гдѣ друзья мои вовсе меня не понимали, оттого что отъ каждаго языка я научился по немногу." „Вскорѣ затѣмъ мы опять направились въ Ульмъ; Павелъ взялъ съ собою еще одного мальчика, Гильтенбранда Кальберматтера, сына священника, онъ былъ еще очень малъ. Ему дали сукна на кафтанъ. Въ Ульмѣ же я ходилъ съ сукномъ христарадничать, чтобы набрать денегъ за работу; я собралъ такимъ образомъ много денегъ, ибо навыкъ уже наживать и христарадничать, такъ какъ вакханты постоянно употребляли меня на это, вовсе не посылая въ школу; и читать-то я даже не выучился, а вмѣсто того каждый божій день шлялся съ сукномъ. При этомъ я страшно голодалъ, потому что все что получалъ, относилъ вакхантамъ, ничего даже не проѣдая, изъ боязни побоевъ. Павелъ взялъ къ себѣ другого вакханта, по имени Акакія, родомъ изъ Майнца; я съ моимъ товарищемъ долженъ былъ довольствовать его пищею. Но товарищъ мой пожиралъ, почти все; вотъ они и ходили за нимъ по улицамъ, чтобы застать его за ѣдой, или заставляли его полоскать ротъ водою и выплевывать въ сосудъ съ водою, чтобы убѣдиться, не сожралъ-ли онъ чего нибудь потихоньку. Потомъ они повалять его на постель съ подушкой на голову, чтобы онъ не могъ кричать, и бьютъ его, эти вакханты, насколько силъ ихъ хватитъ: оттого я и боялся такъ и приносилъ домой все; часто набиралось столько хлѣба, что онъ плѣсневѣлъ; тогда они соскабливали снаружи плѣсень и давали намъ ѣсть, такъ что мнѣ часто приходилось сильно голодать и я ужасно мерзъ, оттого что часто надо было бродить въ темнотѣ до полуночи и пѣть, моля о хлѣбѣ. По этому поводу не могу умолчать о томъ, какъ въ Ульмѣ благодушная вдова зимою не разъ закутывала мои ноги въ теплый коверъ, который клала на печку, когда приходилъ я къ ней погрѣтся; потомъ она давала мнѣ миску киселя и отпускала затѣмъ во свояси. Я голодалъ до того, что на улицѣ отбивалъ у собакъ кости, подбиралъ вездѣ хлѣбныя крохи и ѣлъ ихъ." „Въ Мюнхенѣ я убѣжалъ отъ своего вакханта, долго меня преслѣдовавшаго, и прибылъ въ Цюрихъ." „Тамъ былъ нѣкто Антоній Венецъ, тотъ подстрек-

нулъ меня, и мы рѣшились вмѣстѣ отправиться въ Страсбургъ; когда мы пришли туда, тамъ находилось много бѣдныхъ учениковъ, и, какъ говорили, не было ни одной порядочной школы, поэтому мы пустились въ Шлетштатъ; тутъ на дорогѣ повстрѣчался намъ одинъ дворянинъ и распросилъ откуда мы? Услышавъ, что мы собрались въ Шлетштатъ, онъ отсовѣтывалъ намъ, оттого что тамъ было много бѣдныхъ учениковъ, а богатыхъ людей не было вовсе; товарищъ мой горько заплакалъ при этомъ, куда дѣваться намъ? Я утѣшалъ его, говоря: не унывай, если въ Шлетштатѣ найдется хоть одинъ человѣкъ, который въ состояніи прокормить лишь себя самого, то я берусь прокормить насъ обоихъ. Когда подъ Шлетштатомъ мы ночевали у мельницы въ деревнѣ, я такъ занемогъ, что задыхался отъ боли и не могъ вздохнуть свободно, объѣвшись неспѣлыхъ орѣховъ, которые въ это время падали съ деревъ. Мой товарищъ опять расплакался, думая уже, что лишась своего помощника, не будетъ знать, куда дѣться, несмотря даже на то, что у него было запрятано 10 кронъ, а у меня ни одного геллера. Прибывъ въ городъ и пріютившись у одной престарѣлой четы,—мужъ былъ совсѣмъ слѣпъ,—мы пошли къ моему любимому наставнику, блаженной памяти Іоанну Сапиду, съ просьбою принять насъ; онъ спросилъ, откуда мы? На нашъ отвѣтъ, что мы изъ Швейцаріи изъ Валлиса онъ возразилъ: Тамъ очень злой людъ крестьяне, они выгнали изъ края всѣхъ своихъ епископовъ; если будете ревностно заниматься, то я съ васъ ничего не возьму, а иначе вы должны мнѣ заплатить послѣ, не то я сниму съ васъ кафтаны."

„Въ это время пошли въ ходъ Studia и Lingua (т. е. серьёзныя занятія и изученье языковъ), то было въ годину имперскаго сейма въ Вормсѣ. У Сапида было заразъ до 900 учениковъ, нѣсколько весьма ученыхъ помощниковъ: между прочимъ докторъ Іеронимъ Гемузеусъ, докторъ Іоаннъ Губертъ и еще много другихъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи докторами и знаменитостями. Пришедъ въ школу, я не зналъ ничего, не умѣлъ даже читать Доната, и хотя мнѣ было уже 18 лѣтъ все-таки меня помѣстили съ маленькими дѣтьми, и я былъ между ними словно насѣдка съ цыплятами. Въ это время товарищъ мой дотого былъ грязенъ, что иногда по утрамъ приходилось сдирать простыню съ его тѣла словно шкуру съ козы, тогда какъ я лучше его привыкъ къ чуждому воздуху и къ чуждой пищѣ; мы пробыли тамъ съ осени и до Троицына дня, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ прибывало все болѣе и болѣе учениковъ, такъ что я уже не въ состояніи былъ прокормиться, почему мы и отправились въ Золотурнъ; тамъ была порядочная школа, и пища получше, однако намъ приходилось слишкомъ

подолгу торчать въ церквахъ и терять много времени, отчего мы и ушли во свояси, и я на время остался у себя дома, ходилъ въ школу къ одному господину, обучавшему меня письму и еще, я ужь и самъ не знаю, чему. Въ то же время обучалъ я азбукѣ сынка моей тетки, который годъ спустя послѣ того ушелъ въ Цюрихъ, сдѣлался тамъ Doctoris Bucceri famulus (т. е. приспѣшникомъ доктора Букцера) занимался науками, такъ что былъ послѣ наставникомъ въ третьемъ, а потомъ во второмъ классѣ, и наконецъ былъ женатъ на 2 женахъ и умеръ къ великому прискорбію школы въ Страсбургѣ". „Впослѣдствіи въ Цюрихѣ я посѣщалъ соборную школу. Такъ какъ я зналъ наизусть Доната, то учился у патера Миконіуса. Онъ читалъ съ нами Теренція: при этомъ мы должны были просклонять и проспрягать всѣ слова какой нибудь комедіи. Тутъ онъ часто дотого пробиралъ меня, что меня бросало въ потъ и совсѣмъ ошеломляло, но при этомъ онъ ни разу не ударилъ меня, исключая только разъ ладонью по щекѣ. Хотя онъ былъ суровъ со мною, однако уводилъ меня къ себѣ и кормилъ, охотно слушая расказы о моихъ похожденіяхъ по разнымъ краямъ въ Германіи". „Миконіусъ обязанъ былъ ходить съ своими учениками въ соборъ и пѣть въ церкви во время вечерни, всенощной и обѣдни и распоряжаться пѣніемъ. Разъ онъ и сказалъ мнѣ: „Послушай мой сторожъ— ибо я былъ у него сторожемъ—я скорѣе согласился бы дать четыре урока, чѣмъ пропѣть одну обѣдню; замѣняй меня иногда, милый мой, когда нужно пропѣть обѣдню, панихиду и пр. Я тебѣ отплачу за это". Я охотно согласился, потому что давно уже привыкъ къ этому, да и все вѣдь было устроено еще по папски. Но какъ у сторожа, у меня часто не хватало дровъ для топки; вотъ я и сталъ присматривать у кого изъ прихожанъ, посѣщавшихъ школу, лежали вязанки дровъ передъ домами; въ полночь я отправлялся туда и тайкомъ таскалъ дрова въ школу. Однажды утромъ у меня не хватило дровъ, а Цвингли какъ разъ въ этотъ именно день собирался проповѣдывать въ соборѣ; когда заблаговѣстили, то я и сообразилъ: „Дровъ у тебя нѣтъ, а тамъ въ церкви стоятъ идолы, до которыхъ никому дѣла нѣтъ. „Вотъ я и пошелъ въ церковь къ главному алтарю, подхватилъ тамъ одного Іоанна и потащилъ его въ школу въ печку приговаривая: „Ну-ка, голубчикъ, понагнись и полѣзай въ печь". Когда онъ началъ горѣть, то неистово затрещалъ отъ масляной краски. Я думалъ: „Перестань ты, не шуми такъ, а не то я прихлопну дверцы; ты у меня не уйдешь отсюда, развѣ самъ чортъ тебя утащитъ". Тутъ прошла жена Миконіуса, спѣша въ церковь на проповѣдь; проходя мимо двери, она сказала: „Богъ награди тебя, дитя мое, ты славно затопилъ". Я же, захлопнувъ дверцы, отвѣтилъ: „Да, матушка, я понагрѣлъ

таки“; но я ей ничего не сказалъ чѣмъ, а то она, пожалуй, проболталась бы, узнай объ этомъ кое кто, мнѣ пришлось бы поплатиться жизнью. А Миконіусъ за урокомъ сказалъ мнѣ: „У тебя, сторожъ, сегодня были дрова хоть куда!“

Воспитанный такимъ образомъ Платтеръ и самъ преподавалъ впослѣдствіи, онъ выучился греческому и еврейскому языкамъ, началъ читать Лукіана, Гомера и Пиндара и др., а между тѣмъ изучалъ также канатное ремесло; прибывъ въ Базель въ качествѣ подмастерья, училъ тамъ еврейскому языку и сдѣлался провизоромъ въ школѣ, наконецъ наставникомъ въ городѣ, когда городское вѣдомство согласилось на его условія, „съ тѣмъ чтобы предоставить ему устроить школу и распоряжаться въ ней, и дать ему трехъ провизоровъ и окладъ такъ, чтобы онъ могъ прожить при этомъ, а иначе онъ не въ состояніи съ пользою и честію управлять школою, также 200 гульденовъ, 100 ему и 100 провизору“, что и разрѣшено ему съ условіемъ, „дабы онъ никому о томъ не говорилъ, ибо еще никому не платили такъ много и никому такъ дорого платить не будутъ“. Платтеръ сталъ дѣльнымъ человѣкомъ; но привычка къ скитанію отзывалась всю его жизнь въ непостоянствѣ всѣхъ его предпріятій.—

Въ Швейцаріи содержатели школъ въ XV-мъ вѣкѣ назывались „луцемистрами“ (Luzemeister). Всякій, возъимѣвшій охоту содержать школу, безъ всякаго экзамена переходилъ изъ края въ край и водворялся тамъ, гдѣ надѣялся собрать сподручный доходъ. Онъ писалъ обыкновенно на дверяхъ своихъ: „Буде здѣсь кто-либо пожелаетъ кратчайшимъ путемъ и скоро выучиться писать и читать понѣмецки, незнающій даже ни одной буквы, тотъ можетъ здѣсь выучиться писать о дѣлахъ своихъ и читать; если же онъ окажется неспособнымъ выучиться этому, то я не потребую съ него никакой платы, хотя бы и даромъ потратилъ на него трудъ свой, все равно будетъ ли то мѣщанинъ, ремесленникъ, жена или дѣвица. Кто нуждается во мнѣ, тотъ приходи сюда, онъ будетъ хорошо обученъ за дешевое вознагражденіе.“ Для того чтобы луцемистръ охотнѣе принялся за воспитаніе дѣтей, его иногда надѣляли правомъ гражданства и постоянною должностью. Первая школа для дѣвочекъ, „Майтла“, основана была въ Люцернѣ въ 1584-мъ г. Уроки продолжались утромъ отъ 6 до 9, а пополудни отъ 12 до 3 часовъ. Сверхъ того луцемистръ часто занималъ мѣсто „магистратскаго секретаря“ и „приходскаго писаря.“ Въ одной изъ городскихъ хроникъ значится, что „эти писаря часто дни и ночи проводили за попойками, такъ что, когда назначалось засѣданіе, то ихъ заставали или въ постелѣ или въ питейномъ домѣ“. Впрочемъ та же хроника отзывается съ похвалою о томъ, что „ей извѣстны бѣдные молодцы, недолго посѣ-

щавшіе народное училище, но достигшіе такого остроумія и совершенства, что умѣютъ произнесть отличныя и хорошо составленныя рѣчи не только ради поэтической забавы, но также и въ пользу обвиняемыхъ, чему по истинѣ надо удивляться, тѣмъ болѣе что множество дворянъ и высокородныхъ гораздо долѣе ихъ посѣщали школы въ своей родинѣ, мало того, потратили значительные расходы въ теченіе многихъ лѣтъ даже въ чужихъ странахъ, а при всемъ томъ далеко не могли сравниться съ ними, ни по ловкости, ни по уму и искусству. „Дисциплина и здѣсь также поддерживалась главнѣйше розгами. А сверхъ того на Рейсскомъ мосту находился такъ называемый позорный или вертящійся шалашъ, т. е. вращающаяся на шестѣ клѣтка, куда сажали юныхъ шалуновъ, въ чемъ либо провинившихся, а именно если они во время благовѣста днемъ или вечеромъ не преклоняли на улицѣ колѣна и не молились; сторожъ приводилъ ихъ потомъ въ быстрое вращательное движеніе, пока они не лишались чувствъ. Иногда для потѣхи молодежи совершались процессіи, пиршества и попойки, отъ которыхъ впрочемъ отстали впослѣдствіи въ виду того, что распутство взрослыхъ и безъ того было велико „такъ что даже священники, монахи и монашенки сравнялись съ мірянами, т. е. по цѣлымъ ночамъ и даже въ маскахъ бродили вмѣстѣ съ ними по трактирамъ, питейнымъ домамъ, по открытымъ и тайнымъ баламъ, по карнавальнымъ и потѣшнымъ зрѣлищамъ.“

Въ Бруггѣ, этомъ любимомъ дѣтищѣ Габсбурговъ—какъ повѣствуетъ докторъ I. I. Бэблеръ—давно уже открыта была дворянская школа, перешедшая потомъ къ городу. Она должна была доставлять обычное образованіе сыновьямъ знатныхъ и отличалась поэтому отъ обыкновенныхъ монастырскихъ школъ точно такъ же, какъ и школа для вольноприходящихъ отъ schola interior (внутренней школы) въ монастырѣ Стъ-Галленѣ: въ первой окрестные дворяне пользовались надлежащимъ обученіемъ, а въ послѣдней жили и обучались обѣтники, oblati, и послушники. Классовъ и учениковъ было немного, и лишь въ исходѣ XVI-го вѣка деревенскіе дѣти также стали посѣщать школу, но не пользуясь правами городскихъ мальчиковъ. Ученики составляли между собою совокупное общество и притомъ часто сливались съ семьей учителя: въ рождество они во многихъ мѣстахъ воспѣвали встрѣчу новаго года; все что собирали они при этомъ отдавалось женѣ учителя, которая взамѣнъ того обязана была стряпать для учениковъ во все время, пока они поютъ. Внѣ учебнаго времени ученики должны были наблюдать сами за собой и доносить учителю о непристойныхъ поступкахъ. На этотъ конецъ назначаемъ былъ тайкомъ lupus, волкъ, которому поручалось подвергать наказанію cavillantes или распутныхъ.

Впослѣдствіи „назначали изъ 11 мальчиковъ четверыхъ, съ тѣмъ чтобы они, проживая у себя въ четырехъ частяхъ города, наблюдали за остальными, и предписывалось каждую недѣлю освѣдомляться у нихъ о совершившихъ какой-либо проступокъ, которыхъ и наказывать, дабы изгнать всякую непристойность и установить благочиніе". Учитель долженъ „на вечеръ задавать ученикамъ письменныя упражненія и латинскіе уроки и по мѣрѣ возможности тщательно наблюдать за ними, чтобы они вели себя скромно и старательно учились, избѣгая безполезной болтовни, ссоръ и шума". Въ исходѣ XVI-го вѣка преподаваніе для низшихъ классовъ ограничивалось: латинскою грамматикою, латинскими разговорами, переводами и чистописаніемъ. „Ученики должны по грамматикѣ Доната учиться полатыни и тщательно заниматься переводами, и слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то, чтобы выводили красивыя буквы". Въ верхнемъ классѣ утро посвящалось греческому языку; читался какой-нибудь ораторъ или поэтъ или историкъ: цѣлью преподаванія были: грамматика, синтаксисъ и упражненія. Точно такъ же и полатыни учитель послѣ обѣда читалъ какого-нибудь автора, обыкновенно оратора, и толковалъ при этомъ грамматику, предложенія, formulae loquendi ac scribendi, синтаксисъ. „По два раза въ недѣлю читались еврейскій псалтирь или иная подходящая книга Ветхаго Завѣта, а сверхъ того одна изъ лучшихъ грамматикъ". „Что же касается до классовъ и уроковъ, то сочли необходимымъ, чтобы въ нашихъ школахъ по возможности въ одинаковомъ видѣ, въ такой же формѣ и мѣрѣ употреблялись авторы или книги равно на латинскомъ, на греческомъ и на еврейскомъ языкахъ, особенно предписывалось, чтобы наставникъ въ своемъ высшемъ классѣ или въ урокахъ обучалъ тремъ языкамъ, латинскому, греческому и еврейскому, пользуясь для этого лучшею грамматикою, а по утрамъ читалъ бы какого-нибудь греческаго оратора, поэта или историка, также греческую грамматику, тщательно упражнялъ бы мальчиковъ, сверхъ того, въ синтаксисѣ и предложеніяхъ, такъ чтобы они все это усвоили себѣ". Нѣмецкимъ языкомъ пользовались только для перевода; ученикамъ предписывалось говорить полатыни между собою въ школѣ и внѣ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ музыка составляла существенный предметъ преподаванія. На укрѣпленіе тѣла вовсе не обращалось вниманія, а относительно купанья постановлялось: „они обязаны наблюдать и слѣдить за тѣмъ, чтобы мальчики не купались въ р. Аарѣ безъ позволенія родителей". Дисциплину велѣно поддерживать строжайшимъ образомъ: „они обязаны строго наблюдать за учениками, дабы послѣдніе ни вмѣстѣ, ни врозь не предавались распутству, не кричали, не чинили шалостей, не дрались, не бросали другъ въ друга сумками, не били бы другъ

друга письменнымъ приборомъ, не плевали и не харкали бы другъ въ друга, ни тайно, ни явно, подъ страхомъ жестокаго наказанія розгами. Въ школѣ, церкви, на церковномъ дворѣ и на улицѣ должны они соблюдать по возможности тишину, не толкаться, не бѣгать и не кричать, не бросать каменьями ни въ окна, ни на крыши, ни съ руки, ни съ пращи, оказывать подобающее почтеніе начальству и пожилымъ лицамъ". Однако учитель долженъ строго обсудить наказанія за нарушенія законовъ. „Если ученики провинятся, то наставникъ долженъ подвергнуть ихъ наказанію розгами, но отнюдь не бить ихъ ни рукою, ни палкою, особенно по головѣ, что по молодости ихъ можетъ сильно повредить ихъ умъ и память". Касательно урочныхъ часовъ говорится: „Онъ долженъ приходить въ школу лѣтомъ безотлагательно въ пятомъ, а зимою въ шестомъ часу утра. А послѣ завтрака онъ опять тѣмъ же порядкомъ долженъ являться въ школу къ ученикамъ въ будни въ одиннадцатомъ, а въ праздникъ въ двѣнадцатомъ часу, и, распредѣливъ занятія, вести надлежащимъ образомъ уроки и соблюдать все какъ слѣдуетъ, не распуская ихъ прежде четвертаго часа, развѣ по случаю праздника или какого-нибудь особеннаго повода". Касательно способа преподаванія: „Потомъ каждому изъ нихъ, смотря по способностямъ и возрасту задавать сообразный и надлежащій урокъ, толково, какъ слѣдуетъ и разумно объясняя его, затѣмъ выспрашивать ихъ въ надлежащее время, замѣчать и обнаруживать ихъ ошибки и промахи, такъ чтобы ученики получили отъ того пользу и знаніе, хвалу и славу". Отъ наставника требовалось: „Наставникъ и провизоръ по возможности должны отличаться благопристойною жизнью, примѣрнымъ поведеніемъ, удаляться отъ всякихъ дурныхъ обществъ, избѣгать порока, содѣйствовать успѣхамъ юношей и подавать имъ добрый примѣръ, дабы они во всѣхъ отношеніяхъ оказались достойными, не хуже священниковъ и проповѣдниковъ слова Божія". Учитель получалъ отъ города 40 фунтовъ жалованья; при этомъ онъ пользовался еще квартирой, съ конюшней, садомъ, сѣнокосомъ или лугомъ; сверхъ того онъ получалъ отъ ужйна каждаго модія ржи (около $6^1/_2$ четвериковъ) по 20 хлѣбовъ, а отъ половиннаго ужйна 10 хлѣбовъ, отъ свѣтскаго священника 1 фунтъ, онъ имѣлъ также право взимать луговую пошлину, снабжая изъ нея провизора. Притомъ ученики обязаны были платить за преподаваніе. „За школу каждый изъ учениковъ, какъ изъ приходящихъ, такъ и изъ живущихъ въ школѣ, вноситъ въ началѣ каждой четверти года по шести шиллинговъ, а каждогодно по шести геллеровъ; въ Мартыновъ день, каждый изъ учениковъ вноситъ по одной кружкѣ вина, въ масляницу по курицѣ, или взамѣнъ того по два шиллинга, а въ пасху по десяти яицъ, но сверхъ этого

учитель никого не долженъ обременять безъ вѣдома и разрѣшенія старосты и магистрата".

Во Франціи, гдѣ городскія вѣдомства обращали вниманіе на обученіе молодежи (въ Реймсѣ была основана небольшая коллегія для бѣдныхъ учениковъ подъ покровительствомъ города; даже въ мѣстечкахъ и селахъ находились маленькія школы для обученія чтенію и начальнымъ правиламъ грамматики), въ XIII-мъ вѣкѣ, также вошло въ обычай, что нѣкоторые ученики изъ духовныхъ семинарій (какими соборныя школы дѣйствительно теперь сдѣлались) переходили изъ края въ край въ качествѣ странствующихъ профессоровъ (clericuli vagantes), водворяясь на время тамъ, гдѣ получали приглашеніе отъ владѣльца или отъ мѣстнаго начальства. Въ большихъ же французскихъ городахъ основывались руководимыя духовенствомъ petites ecoles, т. е. маленькія латинскія школы для прихода. Приходскія школы въ Парижѣ состояли подъ вѣдѣньемъ старшаго пѣвчаго собора Нотр-Дамъ; въ нихъ учителя должны были обучать только мальчиковъ, а учительницы однѣхъ дѣвочекъ. Изъ главнаго съѣзда парижскихъ учителей и учительницъ въ 1380-мъ г., самаго перваго собранія учителей въ христіанскую эпоху, явствуетъ, что въ то время въ столицѣ находилось 63 учителя и учительницы для приходскихъ школъ.

Въ Бельгіи, по требованью гражданъ научиться читать и писать, возникли соборныя школы, впервые озаботившіяся народнымъ языкомъ и разными учрежденіями, которыя подобно риторическимъ школамъ способствовали соціальному образованію массъ и развитію свободныхъ идей. Въ 1192-мъ г. уже Гентцы требовали свободы обученія; но ихъ требованье осталось безъ послѣдствій. Въ XV вѣкѣ наконецъ учебное вѣдомство перешло отъ духовнаго капитула къ магистрату. Къ особымъ учрежденіямъ относились еще низшія или элементарныя школы, гдѣ преподаваніе не шло далѣе введенія въ Доната. Грамматикѣ, музыкѣ и морали обучали въ высшихъ школахъ, имѣвшихъ цѣлью приготовить учениковъ къ успѣшному посѣщенію чужестранныхъ университетовъ.

Всѣ эти школы свидѣтельствуютъ о безпокойныхъ, безсознательныхъ, но сильныхъ стремленіяхъ къ новому жизненному строю, какими проникласъ послѣдняя дореформаціонная эпоха. Всѣхъ охватилъ всеобщій страннический духъ: всюду встрѣчались странствующіе мошенники, разбойники, кладоискатели, комедіанты, скоморохи, голіарды и т. п. Точно то же и въ школахъ. Всюду по столбовымъ дорогамъ попадались то студенты, то вакханты съ ихъ стрѣлками, цѣлыми шайками переходившіе изъ одного университета въ другой, изъ одной школы въ другую. Правда, эти scholares vagantes вполнѣ заслуживали той кары, какой подвергъ ихъ

Лютеръ, сказавъ: „Города не хотѣли пропитать и содержать благочестивыхъ, честныхъ, скромныхъ, Богомъ данныхъ наставниковъ и учителей, которые съ великимъ трудомъ, стараніемъ и рвеніемъ, при скудныхъ притомъ издержкахъ, поучали бы дѣтей ихъ страху Божію, благонравію, искусствамъ, наукамъ и чести; за то и достаются имъ провизоры, вакханты, такіе же какъ и прежде невѣжественные ослы и болваны, которые, несмотря на большія издержки и деньги, учатъ дѣтей ихъ быть лишь суетными ослами, а вдобавокъ позорятъ ихъ женъ, дочерей и служанокъ и дѣлаются даже господами въ домахъ и помѣстьяхъ, дѣтямъ же передаютъ лишь бѣсовскія сказки и заклятія, да и сами занимаются заклинаніями бѣсовъ, змій и кладовъ, полетами на коврахъ и т. п.“ Однако эти странствующіе ученики и наставники все-таки были знаменіемъ того, что юный порывъ средневѣковыхъ народовъ сокрушилъ тѣсныя монастырскія кельи, что суровость, съ какою монастырское воспитаніе подавило было умы, теперь смягчилась на просторѣ, что въ наукѣ пробудилась потребность ознакомиться съ жизнью. Странствованья школьниковъ были главнымъ средствомъ для того, чтобы пользоваться преподаваніемъ многихъ и разныхъ извѣстныхъ учителей. Они были слѣдствіемъ новаго духовнаго порыва жизни, продуктомъ возникшей любознательности.

Въ угоду этой любознательности, выпадавшая прежде на долю церквей и монастырей благотворительность обратилась съ этихъ поръ на учителей и учениковъ. Магистраты и зажиточные горожане соревновали другъ съ другомъ, учреждая на память о себѣ даровые столы и стипендіи для бѣдныхъ студентовъ; богатыя бездѣтныя семейства, особенно вдовы, даромъ снабжали бѣднѣйшихъ учениковъ пріютомъ, столомъ и одеждою.

Благодаря такому всеобщему стремленію содѣйствовать образованію, обращено было вниманіе также и на *воспитаніе бѣдныхъ*. Бегарды около 1290-го г. въ Брюгге велѣли бѣльцамъ въ своихъ монастыряхъ обучать бѣдныхъ дѣтей искусству ткать шерсть. Школа въ С-тъ Бертинѣ приготовляла бѣдныхъ дѣтей къ монашескому и священническому званію. Епископъ Іоаннъ Сирклесъ Камбрейскій соорудилъ въ 1374-мъ г. домъ для бѣдныхъ добронравныхъ дѣтей. Герцогъ Филиппъ Добрый въ Долѣ, что въ Бургундіи, завѣщалъ стипендію на 12 бѣдныхъ учениковъ и пр. Въ расходахъ города Брюгге, въ 1288-мъ г., уже значится статья для сиротъ. *Женщины* особенно отличались какъ благотворительницы и воспитательницы неимущей, но любознательной молодежи. Ѳома Кемпійскій бѣднымъ ученикомъ въ Девентерѣ получалъ отъ небогатой мѣщанки даровое помѣщеніе и книги. Іоаннъ Вессель, сынъ бѣднаго хлѣбника, одолженъ

былъ возможностью обучаться богатой Оттиліи Клантесъ, помѣстившей его съ своимъ собственнымъ сыномъ въ школу въ Грёнингенѣ, а потомъ въ Братскую общину въ Цвогѣ. Въ среднемъ сословіи жены и матери болѣе всего старались благотворно и благодѣтельно содѣйствовать воспитанію, и особенно своихъ собственныхъ дѣтей. Женщины этого сословія, преимущественно въ большихъ городахъ, проникнуты были задушевною религіозностью, благородною домовитостью и строгою нравственностью: чрезъ дѣтей своихъ онѣ насаждали въ мѣщанскомъ сословіи строгую честность и благородную простоту, высокое прямодушіе и нравственный образъ жизни. Вѣдь изъ мѣщанскаго сословія вышли Агнеса Бернауеръ, въ 1428-мъ г. сочетавшаяся бракомъ съ Альбрехтомъ III, сыномъ герцога Эрнста Баварскаго, и Филиппина Вельзеръ, супруга Фердинанда, сына императора Фердинанда I. Возникли также *женскія общества* для воспитанія и образованія. Въ XI еще столѣтіи въ Нидерландахъ собирались въ своихъ собственныхъ домахъ съ цѣлью благотворенія, но безъ предварительныхъ обѣтовъ, женщины, прозванныя народомъ бегинами, богомолицами. Онѣ размножились въ XIII вѣкѣ, а между тѣмъ уже въ XII въ Швейцаріи появились такъ называемыя „отшельницы", „вольныя инокини" и „пустынно-жительницы". Въ Нидерландахъ, въ этой родинѣ чисто практическаго смысла, рано возникли учебныя заведенія для дѣвицъ. Въ Брюсселѣ находилась школа для маленькихъ дѣвочекъ съ четырьмя младшими учительницами, причемъ предписано было, чтобы мальчики и дѣвочки, за исключеніемъ развѣ братьевъ и сестеръ, не посѣщали одной и той же школы. Такого же рода мѣщанскія школы имѣлись въ Гравезандѣ въ 1322-мъ г., въ Лейденѣ въ 1324-мъ г., въ Роттердамѣ въ 1328-мъ г., въ Схидамѣ въ 1366-мъ г., въ Дельфтѣ въ 1342-мъ г., въ Гаврѣ въ 1358-мъ г., въ Гарлемѣ въ 1389-мъ г., въ Уденардѣ въ 1494-мъ г., въ Алькмарѣ въ 1390-мъ г. Немногія школы для дѣвицъ находились также въ Майнцѣ въ 1240-мъ г., въ Шпейерѣ въ 1362-мъ г., и въ Иберлингенѣ въ 1465-мъ г. Впрочемъ это были только исключенія. Въ женскихъ монастыряхъ обучались чтенію и письму лишь тѣ дѣвицы, которыя намѣревались постричься въ монахини. Въ городахъ дѣвочки посѣщали вмѣстѣ съ мальчиками одну и ту же школу.

На ряду съ этими учебными заведеніями въ исходѣ дореформаціонной эпохи открывались также, особенно духовными лицами, училища на собственный счетъ, такъ-называемыя *частныя школы*. Но подобнаго рода предпріятія не всегда вытекали изъ любви къ юношеству, или изъ потребности умственнаго образованія, а напротивъ, часто изъ одной лишь страсти къ наживѣ. Въ Германіи и особенно во Франціи появлялись частныя школы и частные наставники. Къ нимъ

кажется и относятся слова Бертольда Констанцскаго (ум. въ 1272-мъ г.): „Не славы ради, не суетныхъ выгодъ ради, а единственно изъ любви къ наукѣ долженъ преподавать наставникъ. Если онъ радѣетъ о своей личной пользѣ, то онъ вовсе не будетъ печься о развитіи ученика; онъ сократитъ преподаваніе такъ, чтобы тотъ не сравнялся съ нимъ, и, чего добраго, не превзошелъ его. Если онъ жаждетъ суетныхъ выгодъ, то для него все равно, чему бы ни учить, лишь бы получать плату. Въ такомъ случаѣ все пошлое можетъ, пожалуй, доставить ему бо́льшее удовольствіе, нежели доброе и полезное. Если же онъ преподаетъ изъ любви къ наукѣ, то не поддастся зависти, не станетъ скрывать извѣданную истину, не сдѣлается нерадивымъ вслѣдствіе сокращенія числа учениковъ, но заявитъ себя дѣятельнымъ и ревностнымъ, какъ-бы и самъ поучаясь вмѣстѣ съ другими“.

До реформаціи болѣе и сильнѣе всего на христіанско-научное образованіе юношества вліяли братья общинной жизни, возникшіе во второй половинѣ XIV столѣтія и оказавшія изъ сѣверныхъ Нидерландовъ на низшіе слои общества такое же вліяніе, какимъ возобновители наукъ въ Италіи пользовались среди ученыхъ и знати. Когда при всеобщемъ упадкѣ монастырей и пр., умами овладѣло всеобщее религіозное недовольство, а очарованная изящною красотою Италія—какъ мѣтко замѣчаетъ Крамеръ—наслаждалась созерцаніемъ античныхъ произведеній и обратилась къ искусству и идеальной философіи Платона, когда бойкій на слово и рѣчистый французъ все еще подвизался на поприщѣ хитроумной схоластики и Аристотелевскихъ категорій, въ то же самое время въ Нидерландахъ тѣсно сочетались между собою особенности глубоко задушевной Германіи и практической Англіи, а въ братской общинѣ онѣ обрѣли ту практическую мистику, которая добивалась занятія и успокоенія не только для самой себя, но пыталась также разсѣять духовныя нужды народа, невѣжество и лицемѣріе, и взамѣнъ того водворить образованіе ума и благородство сердца. Основатель „братства общинной жизни“ (называемаго также „коллективнымъ братствомъ“, „Іерониміянами“, „Грегоріянами“ или „братьями доброй воли“) былъ *Гергардъ Грооте* (Геортъ Грооте, Гергардъ Магнусъ), родившійся въ 1340-мъ г. въ Девентерѣ и тамъ же умершій въ 1384-мъ г., слабый тѣломъ, но бодрый духомъ. Образовавшись сначала въ школѣ своего родного города, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ Парижѣ посвятилъ себя схоластической философіи, затѣмъ, преподавая и учась въ Кёльнѣ, старался расширить и упрочить свои познанія. Приготовившись такимъ образомъ, Грооте въ Утрехтской епархіи переходилъ съ мѣста на мѣсто и проповѣдывалъ на родномъ языкѣ съ такимъ сердечнымъ пыломъ, что церкви оказались тѣсными для его слушате-

лей, и онъ вынужденъ былъ говорить подъ открытомъ небомъ. Вскорѣ однако зависть прекратила его дѣятельность, ему запретили проповѣдывать. Кругъ его дѣятельности сталъ тѣснѣе, но надежнѣе,—въ этомъ кругу онъ и рѣшилъ задачу своей жизни. Въ монастырѣ Грюнталѣ Грооте познакомился съ прославленнымъ мистикомъ Рейсбрекомъ и, исполнившись удивленія къ его личности, и вообще къ житью тамошнихъ канониковъ, воротился въ Девентеръ, гдѣ его страсть къ преподаванію и жажда дѣятельности обратилась на юношество. Молодые люди въ девентерской школѣ, съ Бинкеринкомъ изъ Цютфена и Флоренціемъ во главѣ, примкнули къ нему. Онъ завязалъ съ ними научныя сношенія, читалъ вмѣстѣ хорошія книги и давалъ имъ списывать сочиненія. Побуждаемый Флоренціемъ, онъ наконецъ вступилъ съ ними въ тѣсную связь и, когда образъ ихъ сожительства встрѣтилъ сочувствіе, то онъ составилъ союзъ, братство общинной жизни, подобное философско-аскетическимъ товариществамъ Грековъ и Іудеевъ, но свободнѣе, открытѣе и практичнѣе ихъ, и сродное съ монашескимъ бытомъ, но вольнѣе и болѣе одушевленное чистымъ и благороднымъ духомъ. Образъ жизни и направленіе были въ духѣ братскаго единенія по апостольскому примѣру. Соединясь для осуществленія истиннаго благочестія, члены промышляли себѣ средства простой своей жизни частью ручною работой, частью сборомъ доброхотныхъ подаяній. Для обезпеченья общаго пропитанія и какъ выраженіе братскаго духа введена была общность имущества. Изъ ихъ имѣній и изъ сдѣланныхъ имъ даровъ и завѣщаній возникли братскіе дома, гдѣ въ каждомъ жило извѣстное число товарищей, снабженныхъ одеждою и пищею, подчиняя весь строй жизни установленному порядку, но не замыкаясь отъ міра подобно монахамъ, а напротивъ, находясь съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ. Главною цѣлью братства было утвердить, осуществить и распространить практическую христіанскую жизнь. Они стремились достигнуть этой цѣли нравственно-строгимъ, простымъ образомъ жизни, обмѣномъ благочестивыхъ мыслей, взаимными нравственными признаніями и увѣщаньями, чтеніемъ вслухъ и общими молитвами, дѣйствуя въ то же время вовнѣ перепискою и распространеніемъ Священнаго Писанія, цѣлесообразными религіозными статьями, улучшеніемъ и оживленіемъ образованія молодежи. Руководителемъ въ братскихъ домахъ былъ ректоръ, пріоръ или препозитъ. Ему былъ подчиненъ скриптуарій, который обучалъ братьевъ и учениковъ чтенію и письму, наблюдалъ за ихъ литературными упражненіями и за выборомъ книгъ, просматривалъ изготовленныя рукописи (—переписка книгъ была однимъ изъ главныхъ

занятій, и для этого назначались каждый день извѣстные часы, съ тѣмъ именно, между прочимъ, чтобы переписывать также и для бѣдняковъ), а по воскресеньямъ предъявлялъ ихъ ректору, вообще руководилъ научными занятіями братьевъ; между тѣмъ какъ либрарій собиралъ рукописи, раздавалъ ихъ и пекся въ обѣдъ и ужинъ о томъ, чтобы за трапезой читалось что-нибудь полезное. Сверхъ того magister novitiorum наблюдалъ за новичками: онъ надзиралъ за ихъ поведеніемъ даже внѣ дома и испытывалъ ихъ способности къ церковной службѣ. Главными занятіями въ братскихъ домахъ были чтеніе, письмо, пѣніе, упражненія въ латинскомъ языкѣ, особенно же изученіе библіи. Прежде всего—это считалось основнымъ правиломъ—да будетъ евангеліе Христа корнемъ вашего ученія и источникомъ вашего познанія; затѣмъ жизнеописанія и творенія отцовъ церкви; потомъ посланія Павла и дѣянія апостоловъ; наконецъ назидательныя творенія Бернгарда, Ансельма, Августина. Впрочемъ кругъ занятій расширялся мало по малу, такъ что у братьевъ постепенно признавались необходимыми слѣдующіе писатели, поименованные подручникомъ Веселя, Жоскиномъ или Жосвиномъ. Овидія, говоритъ онъ, и подобныя тому сочиненія слѣдуетъ прочесть хотя по одному разу, но съ бо́льшимъ уже вниманіемъ Виргилія, Горація и Теренція, если вообще хотятъ посвятить себя особенному изученію поэтовъ. Прежде всего надлежитъ часто читать Библію, а кромѣ Іосифа и лѣтописцевъ церкви изъ свѣтскихъ писателей особенно полезны: Плутархъ, Саллюстій, Өукидидъ, Геродотъ и Юстинъ. Не безъ пользы прочтутся также сочиненія Аристотеля и Платона; Цицерона же надлежитъ изучить нѣсколько внимательнѣе, дабы освоиться съ римскимъ способомъ выраженія. Послѣ Библіи слѣдуетъ тщательно и строго изучать Августина, къ которому можно присоединить Іеронима, Амвросія, Златоуста, Григорія, Бернгарда и Гугона Сенъ Виктора. Школа въ братскомъ домѣ была поэтому весьма похожа на монастырскую, съ тою лишь разницею, что въ ней преобладалъ внутренній духъ, неимущіе обучались безденежно и такимъ образомъ народу и бѣднякамъ, какъ мальчикамъ, такъ и дѣвочкамъ открывался доступъ къ духовному образованію. Она отличалась также отъ мѣщанскихъ учебныхъ заведеній, какія были уже основаны въ нидерландскихъ городахъ, такъ какъ они большею частью были не чисто научныя, но въ то же время и финансовыя предпріятія: право содержать школу отдавалось тамъ въ аренду, или въ кортому, вслѣдствіе чего и приходилось за ученіе вносить доступную лишь для богатыхъ плату.

Дѣло, начатое Гергардомъ, продолжалъ Флоренцій Радевіусъ,—мужъ одаренный неутомимою дѣятельностью, великимъ даромъ обращаться съ людьми и господствовать надъ ними, и привлекательною любезностью. Основнымъ правиломъ его было, что умѣренность духа лучше, нежели обширная ученость, лишенная благочестія. Два года спустя послѣ смерти своего учителя, въ 1386-мъ г., онъ пытался осуществить завѣтное желаніе его: онъ основалъ монастырь образцовыхъ канониковъ, долженствовавшій совѣтомъ и дѣломъ служить средоточіемъ какъ для мужскихъ, такъ и для женскихъ союзовъ общинной жизни. Вслѣдъ за этимъ монастыремъ въ Виндесгеймѣ вскорѣ возникли другіе такіе же. Они находились въ постоянной связи и взаимнодѣйствіи съ братскими домами. Такимъ образомъ Гергардово учрежденіе развивалось съ этихъ поръ двоякимъ путемъ: болѣе замкнутое средоточіе составляли соединенные въ монастыряхъ каноники общинной жизни; а болѣе обширная и свободная, проникающая въ народный бытъ масса общества состояла изъ обыкновенныхъ братьевъ общинной жизни, бывшихъ либо священниками, либо мірянами, и жившихъ или вмѣстѣ въ братскихъ домахъ, или по одиночкѣ и врознь, но всегда въ связи съ цѣлымъ, занимавшихъ духовныя должности и содѣйствовавшихъ образованію молодого поколѣнія. Все вмѣстѣ составляло одно цѣлое, тѣсно связанное, но свободное товарищество. Пріемъ въ него не обусловливался связующимъ на всю жизнь обѣтомъ: оттого-то всѣ пребывавшіе въ немъ предавались ему всею душою. Въ братствѣ стремились къ прочному единству какъ во внѣ, такъ и внутри: вовнѣ братскіе дома состояли въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, а связующимъ звеномъ для нихъ по уставу служило годичное собраніе ректоровъ. Но самое мощное начало единенія таилось въ духѣ любви, смиренія и покорности. Скромное подчиненіе, говоритъ Ѳома, считалось первою добродѣтелью братьевъ, отъ низшаго и до высшаго, и обращало земное жилище ихъ въ рай. Въ самомъ братскомъ домѣ, гдѣ жило обыкновенно по 20 братьевъ, имѣвшихъ общую трапезу и одну кассу, не существовало строгаго разъединенія званій: тамъ обыкновенно жили вмѣстѣ четыре священника, восемь клириковъ, домогавшихся высшаго духовнаго образованія, хотя бы и не готовились именно въ священники, и столько же мірянъ и новичковъ.

Братья разрѣшали важнѣйшую задачу и развивали самую благотворную дѣятельность именно въ дѣлѣ *обученія юношества.* Они разными путями способствовали образованію новаго поколѣнія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ вовсе не было особыхъ учебныхъ заведеній, но они вступали въ свободную связь съ существовавшими уже школами и старались какъ въ

тѣлесномъ, такъ и духовномъ отношеніи содѣйствовать воспитанникамъ ихъ тѣмъ, что снабжали ихъ книгами, вели съ ними благочестивыя и ученыя бесѣды, доставляли имъ пропитаніе или заработки. Въ иныхъ же мѣстахъ они сами открывали школы, въ которыхъ обучали особенно чтенію, письму и пѣнью, латынѣ и религіи, а именно священной исторіи. А въ другихъ мѣстахъ они соединялись съ существующею уже школою, принявъ подъ свое особое веденіе нѣкоторые изъ ея классовъ. Такое соучастіе братскихъ домовъ существенно способствовало процвѣтанію училищъ.

Въ первой братской школѣ, основанной Гергардомъ Гроотомъ въ Девентерѣ, онъ принималъ преимущественно бѣдныхъ учениковъ и помогалъ имъ перепискою хорошихъ книгъ добывать себѣ знанія и деньги. Когда онъ соединился съ своимъ образованнымъ въ Прагѣ другомъ и когда многіе изъ мѣщанъ и ремесленниковъ въ свою очередь приняли участіе въ бѣдныхъ ученикахъ и стали снабжать ихъ квартирой и столомъ, то онъ основалъ точно такъ же и для бѣдныхъ дѣвочекъ убѣжище въ домѣ своего отца: онѣ должны были сообща добывать себѣ пропитаніе женскими работами и обучать юныхъ дѣвицъ совмѣстному исполненію благочестивыхъ подвиговъ. Руководясь правиломъ, въ силу котораго все, что не дѣлаетъ насъ лучшими или не удерживаетъ отъ зла, вредно, онъ исключилъ изъ своего преподаванія геометрію, ариѳметику, риторику, діалектику и лирическую поэзію и отвергалъ вообще все, что имѣло цѣлью наружный блескъ и могло питать страсти, какъ то—ученыя пренія и пріобрѣтеніе академическихъ степеней. Цѣлью его было распространять всеобщее знакомство со Священнымъ Писаніемъ и образовать животворное, искреннее и свободное духовенство. Богатые ученики въ братскихъ школахъ обязаны были вносить плату; неимущіе пользовались даровымъ преподаваніемъ и получали сверхъ того пособія; они добывали себѣ пропитаніе перепискою книгъ. Такимъ образомъ школы братьевъ своею внутреннею и внѣшнею организаціею отвѣчали требованьямъ времени и вслѣдствіе этого достигли всеобщаго распространенія. Изъ Девентера, гдѣ находилось нѣсколько братскихъ домовъ, распространились онѣ въ большей части городовъ сѣверныхъ Нидерландовъ, а именно въ Цволлѣ, Амерсфортѣ, Гоорнѣ, Дельфтѣ, Гаттемѣ, Дресбургѣ, Утрехтѣ, Нимвегенѣ, Гудѣ, Гренингенѣ, Гадервикѣ; потомъ въ южныхъ Нидерландахъ, а именно въ Герцогенбушѣ, Гентѣ, Герартсбергенѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ, Лувенѣ, Люттихѣ, Мехельнѣ и пр.;— а затѣмъ и въ сѣверной, особенно въ северозападной Германіи въ Эммерихѣ, Мюнстерѣ, Оснабрюкѣ, Эрфуртѣ, Гильдесгеймѣ, Везелѣ и Кельнѣ, въ Ростокѣ и

Кульмѣ. Во Франціи распространеніе исходило отъ Іоанна Штандонка, сына портного въ Мехельнѣ, обучавшагося у братьевъ въ Гудѣ и занимавшагося затѣмъ въ Парижѣ; тамъ онъ сдѣлался профессоромъ теологіи, а по своемъ бѣгствѣ изъ Парижа основалъ въ Камбре, Валансьенѣ, Мехельнѣ, Лувенѣ, вообще въ Бельгіи и Франціи школы изъ коихъ ни въ одной не было свыше 86 учениковъ.—Нѣкоторыя изъ школъ братьевъ весьма прославились и много посѣщались. Въ Герцогенбушской школѣ, снабженной надписью, что въ ней неимущіе обучаются даромъ, а богатые за плату, было иногда до 1200 воспитанниковъ, распредѣленныхъ по степени ихъ познаній въ семи классахъ, соотвѣтственно семи свободнымъ искусствамъ, а по состоянію—на богатыхъ, достаточныхъ и бѣдныхъ. Въ Цволле при умершемъ въ 1417-мъ г. ректорѣ Іоаннѣ Целе было часто отъ 800 до 1000 воспитанниковъ, изъ которыхъ отъ 70 до 80 человѣкъ онъ самъ постоянно обучалъ латинскому и греческому языкамъ, также краснорѣчію, а въ праздничные дни посвящалъ въ истинное пониманіе Священнаго Писанія; при преемникѣ его Дитрихѣ фонъ-Герксенѣ число учениковъ умножилось до того, что они должны были размѣститься по разнымъ домамъ и для особаго надзора за ними изъ міранъ и клириковъ выбирались младшіе учителя, субмониторы, къ которымъ, помогая и содѣйствуя имъ, примыкали лучшіе ученики перваго и второго (т. е, старшихъ) классовъ. Братскій домъ часто способствовалъ подъему культуры даже въ цѣломъ населеніи края. Въ Амерсфортѣ при посредствѣ учрежденія призовъ и наградъ знаніе латинскаго языка было, сказываютъ, до того распространено, что каждый чиновникъ говорилъ полатыни, лавочники понимали погречески, даже дочери горожанъ и служанки пѣли обыкновенно латинскія пѣсни.—Въ домахъ братьевъ общинной жизни были старшины, посвящавшіе всю жизнь свою воспитанію и образованію человѣчества. Такъ наприм. самъ Геертъ Гроотe, по словамъ Ѳомы Кемпійскаго, мужъ, искавшій спасенія своей души со строгостью Августина и Бернгарда и обрѣтшій корень знанія и зеркало жизни въ евангеліяхъ. Потомъ Флоренцій Радевинсъ, котораго Ѳома Кемпійскій называетъ мужемъ божественной премудрости и который въ силу чистѣйшей любви пріобрѣлъ невыразимую власть надъ молодымъ поколѣніемъ, такъ что братскій домъ въ Девентерѣ былъ смиреннымъ подражаніемъ апостольской жизни, зеркаломъ святости, и всѣ братья жили душа въ душу, самоотверженно набожно и милосердно. За тѣмъ Гергардъ Цербольтъ или фонъ-Цуптенъ, настаивавшій на томъ, чтобы міряне читали Библію на родномъ языкѣ, такъ-какъ „она и первоначально была вѣдь написана на родномъ языкѣ тѣхъ народовъ для которыхъ предназначалась, а вуль-

гата потому лишь переведена полатыни, что это былъ языкъ великой Римской имперіи. Начало и основа всякаго христіанскаго обученія народа въ томъ, чтобы народъ читалъ Библію на родномъ языкѣ.“ Наконецъ Ѳома Гаммеркенъ (Геммерлинъ), или Ѳома Кемпійскій съ его „подражаніемъ Христу,“ книгой, оказавшей несказанное благо и пережившей 1800 изданій, и съ его началомъ: „Покинь любознательность. Ученые любятъ выказывать себя и слыть мудрыми. Но есть много такихъ знаній, которыя мало или даже вовсе не служатъ къ спасенію души. Крайне безуменъ тотъ, кто стремится къ чему нибудь помимо того, что служитъ къ его спасенію.“

Изъ братскихъ домовъ вышелъ улучшенный методъ латинскаго преподаванія. Школа въ Девентерѣ при Александрѣ Хегіусѣ осмѣлилась возстать противъ грамматики и педагогики Александра; Іоаннъ Синцій въ 1488-мъ г. издалъ къ ней примѣчанія и поправки; Германъ Бушій (1468—1535) пытался вытѣснить даже пресловутый Doctrinale, за что и заслужилъ бранныя прозвища bestia, busius, buffo; наконецъ всѣми учеными единогласно принята грамматика Іоанна Деспаутерія, состоявшимся въ началѣ шестнадцаго вѣка соборомъ въ Мехельнѣ назначенная исключительно для Іудеевъ. Помимо улучшенія грамматическаго метода братья общинной жизни оказали услугу возстановленію болѣе чистой и лучшей латыни. Наконецъ ими-же — именно Торренціусомъ—начато было составленіе сборника всего достойнаго изученія изъ поэзіи, исторіи и географіи, нѣчто въ родѣ энциклопедическаго и историческаго словаря, „первое твореніе, представляющее въ перечнѣ всю массу знанія для учащагося юношества, тогда какъ энциклопедіи монаховъ въ предшествовавшіе средніе вѣка занимались больше собираніемъ, нежели распредѣленіемъ и предлагали только матерьялъ въ сжатыхъ извлеченіяхъ, вмѣсто того чтобы распредѣлять его въ болѣе свободномъ и перечневомъ видѣ.“ Благодаря лучше преподаваемой въ нихъ латыни и успѣху, съ какимъ онѣ перешли къ греческому, школы братьевъ были разсадникомъ многихъ знатнѣйшихъ обновителей древней литературы въ исходѣ XV-го и началѣ XVI-го столѣтій.—

Какъ бы далеко ни были раскинуты школы братьевъ,-онѣ находились другъ съ другомъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ и взаимно обмѣнивались своими опытами. Старшины отдѣльныхъ заведеній собирались въ Нидерландахъ ежегодно въ воскресенье послѣ пасхи, сперва въ Девентерѣ, потомъ въ Цволле, а въ Германіи сначала въ Мюнстерѣ, а послѣ въ Эммерихѣ. „Ректоръ главнаго братскаго дома въ Девентерѣ считался естественнымъ средоточіемъ, по крайней мѣрѣ для нидерландскихъ братьевъ; онъ-то попре-

имуществу и назывался „отцомъ“, и пользовался тѣмъ большимъ почетомъ и тѣмъ болѣе сіялъ въ патріархальномъ достоинствѣ, вслѣдствіе того что предшественникъ всегда назначалъ преемника, а именно Грооте—Радевинса, послѣдній же Эмилія фонъ-Бурена и т. д. Женскія собранія по одному разу въ годъ посѣщались въ Утрехтѣ Старшей Мареою (—смотрительница каждаго дома прозывалась Мареою, и подъ рукою у ней всегда была младшая Марея)“.

Всего только сто лѣтъ (—отъ начала XV-го и до начала XVI-го вѣка—) процвѣтали школы братьевъ общинной жизни. Онѣ были какъ бы лишь „временной постройкою между преобладавшимъ духовнымъ образованіемъ среднихъ вѣковъ и твердо основаннымъ реформаціею всеобщимъ образованіемъ“. Подобно тому какъ три собора пятнадцатаго столѣтія, въ Пизѣ, Костнитцѣ и Базелѣ — вѣрно и прекрасно замѣчаетъ Крамеръ — составляютъ переходъ къ реформаціи отъ абсолютнаго господства папы, потрясеннаго уже папскимъ изгнаніемъ во Францію и усобицей двухъ одновременныхъ папъ, причемъ было заявлено основное положеніе, что соборъ стоитъ выше папы, и подобно тому, какъ вслѣдствіе этого сокрушены были папская непогрѣшимость и власть: точно такъ же и братья сдѣлали всеобщимъ духовное образованіе, бывшее все еще попреимуществу достояніемъ духовенства, и распространяли его въ народѣ; способствуя успѣхамъ родного языка и болѣе свободному употребленію его, они ослабили, по крайней мѣрѣ въ болѣе обширныхъ кругахъ, сильную власть латыни, какъ всеобщаго выраженія религіозной жизни, и основали взамѣнъ замкнутыхъ монашескихъ союзовъ болѣе свободныя общины духа и любви. — Не нападки извнѣ нанесли смертельный ударъ братьямъ общинной жизни. Однимъ изъ ихъ главныхъ занятій была переписка книгъ: книгопечатанье лишило ихъ этого промысла. Главная заслуга ихъ состояла въ учебной системѣ; ибо они въ школахъ своихъ вытѣснили монастырское преподаваніе, замѣнивъ его лучшимъ; однако ихъ все еще узкая аскетическая точка зрѣнія была противоположна свободному гуманизму Италіи, пока наконецъ, первая слившись съ послѣднимъ въ Германіи, не породили сообща истиннаго классико-гуманистическаго образованія. Благодаря ему родной языкъ и употребленіе его въ области религіи достигли существеннаго успѣха: когда реформація проложила свободный путь родному языку, тогда уже въ обширныхъ размѣрахъ довершено было все, что начато братьями въ маломъ видѣ. Вообще реформація была высшимъ, духовнымъ осуществленіемъ того, къ чему стремились братья: она была ихъ преемницей, братья были слугами реформаціи.

Существенное вліяніе на распространеніе образованности за предѣлы духовенства и въ кругу средняго сословія оказали въ послѣднюю дореформаціонную эпоху все болѣе распространявшіяся *дѣтскія изданія*. Значеніе дѣтскихъ книгъ для всеобщаго образованія постигалось и признавалось уже древнѣйшими народами. Еще Конфуцій въ сборникѣ Ш и Кинъ имѣлъ въ виду „составить пріятную и поучительную книгу" для китайскаго юношества. Въ Индіи Гитопадеса (4 книги: стяжаніе дружбы, разрывъ дружбы, ссора друзей, миръ,—которыхъ содержаніе, пересыпанное обильными сентенціями, но въ слабой взаимной связи, плетется въ цѣломъ рядѣ 43 басень) изъ царскихъ чертоговъ проникла въ народъ и школу, и притомъ до такой степени, что Максъ Мюллеръ насчитываетъ 25 націй, въ литературѣ которыхъ она пустила корни; она же встрѣчается еще въ нѣмецкихъ дѣтскихъ и народныхъ книжкахъ (—о голубяхъ, которыя дружнымъ взлетомъ увлекли съ собою сѣть свою; о дружелюбномъ мышенкѣ, спасшемъ своего сильнаго, въ тенета попавшагося друга и т. п.—). У Грековъ Гомеръ наполнялъ жизнь, чувствованія и сны юности; оттого-то Аристофанъ хотѣлъ бы скорѣе лишиться Солоновыхъ законовъ, нежели стиховъ Гомера. Римскіе отроки встарь читали о добродѣтеляхъ предковъ въ изрѣченіяхъ и поговоркахъ, а впослѣдствіи стихи Невія и Эннія. Въ духовно-схоластическую эпоху книгу для чтенія у дѣтей замѣняли Отче нашъ, символъ вѣры, псалмы; потомъ легенды,—средоточіе поэтической литературы и занимательнаго чтенія. Изъ такихъ-то матерьяловъ составлялись первыя дѣтскія книги,—книги, „какъ бы нарочно предназначенныя для рождественскихъ подарковъ, легкимъ внушительнымъ образомъ знакомившія юношество съ святцами и съ отвѣчающимъ каждому изъ ихъ дней указаніемъ погоды". Такое значеніе имѣлъ повидимому риѳмованный календарь Конрада Данго льсгеймскаго (1435). Важнѣе однако книга съ примѣрами къ десяти заповѣдямъ, „*Утѣшеніе души*"—составленная еще до 1407-го г. Это сочиненіе изложено въ формѣ бесѣды: дитя или ученикъ предлагаетъ вопросы, отецъ или учитель отвѣчаетъ и повѣствуетъ. Первая заповѣдь разбирается въ 25 главахъ, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ какую нибудь исторію, легенду или притчу: наприм. чтобы обнаружить безуміе забывающей о Богѣ мірской суеты, приводится разсказъ о человѣкѣ, висящемъ надъ пропастью, въ которой находится змій, на деревѣ, корни котораго подтачиваются бѣлою и черною мышами. При второй заповѣди разсказывается повѣсть о томъ, какъ христіанинъ клянется, что онъ уплатилъ еврейскому заимодавцу занятыя у него деньги, прибѣгая при этомъ къ хитрости, а именно: давая присягу, онъ въ то же время даетъ

еврею подержать палку, наполненную скрытымъ въ ней золотомъ, и т. п. Послѣ 10-ой заповѣди вслѣдъ за исторіей о Давидѣ и Уріи, объ Авраамѣ и пр. предлагается вопросъ, позволительно ли держать голубей, такъ какъ они наносятъ вредъ имуществу ближняго. Книга заканчивается подробною, легендарною исторіею Александра Великаго, ненасытность котораго карается. Утѣшеніе души было первою значительною дѣтскою книгою въ дореформаціонную эпоху и притомъ съ картинками: аугсбургское листовое изданіе 1478-го и 1483-го гг. снабжено уже 11-ью политипажами въ четвертую долю листа, изъ коихъ первый изображаетъ двурогаго Моисея, представляющаго скрижали колѣнопреклоненному народу, а позади него столпъ, съ котораго обрушивается сокрушенный идолъ; надъ картиной слова: „Поклоняйтесь единому Богу". Она печаталась: въ Аугсбургѣ 1478-го, въ Утрехтѣ 1479-го, въ Аугсбургѣ 1483-го, въ Гарлемѣ 1484-го, въ Цволлѣ 1485-го, въ Кёльнѣ 1489-го и 1523-го, въ Антверпенѣ 1500-го, въ Мартенсъ Дейкѣ въ Зеландіи 1478-го и проч.

~~~~~~~~~~

Тѣмъ же практическимъ духомъ, создавшимъ дѣтскія книги, положенъ также починъ и *первой теоретической педагогикѣ*. Одинъ изъ учениковъ Алькуина, Кандидъ, хотѣлъ на ряду съ отвлеченной теоріей поддержать въ преподаваніи практичекое направленіе. „Духъ созерцаетъ тѣла лишь въ тѣлѣ, а тѣло созерцаетъ несотворенный духъ лишь чрезъ посредство сотвореннаго духа, но отнюдь не тѣлеснымъ окомъ. Потому, очистись въ вѣрѣ душа, будь владычицею твоего тѣла и пользуйся имъ для добрыхъ цѣлей, ибо передъ тобою путь, по которому ты въ состояніи дойти до созерцанія самогоБога!"—Особенно, въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія, когда во Франціи во всѣхъ ученыхъ заведеніяхъ процвѣтала схоластика, образовалось много школъ, гдѣ обокъ съ учеными изслѣдованьями настаивали и на практическомъ преподаваніи. Средоточіемъ этихъ заведеній стала *школа Снъ-Виктора* въ Парижѣ, въ которой училъ Гюго де Снъ-Викторъ, основатель романской мистики (—исходящей отъ субъекта и его религіознаго интереса, но все еще исполненной схоластическаго содержанія—). Отсюда вышла первая теоретическая педагогика послѣ того какъ во Франціи и Нидерландахъ и прежде уже приступали къ подобнымъ попыткамъ.

Въ Парижѣ *Аланъ Лильскій* (Alanus ab Insulis съ 1109-го до 1202-го г.), преподававшій особенно теологію и философію съ такимъ успѣхомъ, что былъ за то прозванъ doctor universitatis, написалъ свое знаменитое твореніе Anticlaudia-
~~~~~~~~~~

nus, важное также и для педагогики въ томъ отношеніи, что въ немъ онъ изображаетъ созданіе новаго, всѣми преимуществами одареннаго человѣка, между свойствами котораго добродѣтели, въ особенности благоразуміе, занимаютъ средоточіе, а семь свободныхъ искусствъ, представленныхъ въ видѣ семи прекрасныхъ дѣвицъ, являются служительницами послѣдняго. Благоразуміе поручаетъ имъ соорудить небесную колесницу. Послушная велѣнію грамматика, изготовляетъ дышло, логика ось, риторика, вызвавши идею, приводитъ ее въ исполненіе, руководитъ руками сестеръ и довершаетъ дѣло, ариѳметика изготовляетъ первое колесо, а остальныя три свободныя искусства изготовляютъ другія колеса, разумъ же въ качествѣ возницы впрягаетъ пять коней, пять чувствъ. На высяхъ звѣзднаго неба благоразуміе узрѣло двухъ дѣвъ, теологію и сестру ея, вѣру.—Аланъ указываетъ въ то же время, что именно доставляетъ человѣку счастіе, какъ ограничены его чувства, его знаніе, и какъ чувства единственно лишь путемъ образованія въ семи свободныхъ искусствахъ отрѣшаются отъ земныхъ узъ и имъ можетъ быть назначено высшее поприще. — Въ эпоху крестовыхъ походовъ *Ѳома де Кантемпре* въ Брабантѣ написалъ свое сочиненіе о дисциплинѣ учениковъ, de disciplina scholarium, и для того чтобы придать ему бóльшее значеніе и распространеніе ложно приписалъ его Боэтію.—Настоящая педагогика впрочемъ вышла лишь изъ школы Снъ-Виктора. Здѣсь Гугонъ де Снъ-Викторъ преподавалъ съ великимъ успѣхомъ. Онъ написалъ въ то же время свою „Дидаскалію“ или сочиненіе объ учебномъ методѣ, благодаря которому болѣе всего и заслужилъ имя общаго наставника, и въ которомъ онъ впервые изложилъ, что̀ именно, въ какомъ порядкѣ и какъ надлежитъ читать, такъ-какъ изъ двухъ вещей вносящихъ мудрость въ нашу душу, чтеніе должно быть первою. Другой же предметъ —размышленіе, при посредствѣ котораго въ душѣ возникаетъ идея о всей совокупности вещей; въ душѣ напечатлѣны вѣдь всѣ предметы, и путемъ образованія она возводитъ ихъ въ ясное сознанье; въ томъ-то и состоитъ высокое достоинство человѣка, что всѣ равно заключаютъ въ себѣ науку, но не всѣ равно или одинаково знаютъ о томъ.

Основываясь на такомъ предположеніи *Венсанъ (Викентій) де Бове* (ум. 1264 г.) и составилъ руководство для королевскихъ принцевъ. Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о внѣшнемъ житьѣ бытьѣ этого хотя и негеніальнаго, но крайне ученаго, разумнаго и трудолюбиваго человѣка. Извѣстно лишь, что онъ обучался въ Бургундіи, вступилъ тамъ въ орденъ бенедиктинцевъ и потомъ посланъ былъ въ Бове (нынѣшній главный городъ департамента Оазы), гдѣ названный орденъ заложилъ новый домъ. Вслѣдствіе скоро имъ

пріобрѣтенной и далеко распространившейся славы Людовикъ IX пригласилъ его въ свое любимое мѣстопребываніе, замокъ Руоіомонтъ, избравъ Венсана въ чтецы и вѣроятно также въ надзиратели надъ воспитаніемъ своихъ дѣтей. Изъ его сочиненій самое замѣчательное: speculum majus (Зерцало)—это столь объемистый трудъ, что по обычной въ наши дни печати онъ занялъ бы 50 томовъ въ осьмушку. Педагогическое сочиненіе его озаглавлено: De institutione filiorum regiorum seu nobilum. Оно писано, вѣроятно, между 1245-мъ и 1248-мъ гг. Ф. К. Шлоссеръ перевелъ его въ 1818-мъ г. по нѣмецки. Поводомъ къ составленію его послужило порученіе королевы Маргариты выбрать изъ Священнаго Писанія лучшія мѣста и составить изъ нихъ религіозный учебникъ для королевскихъ дѣтей. Венсанъ, занятый тогда сочиненіемъ своего обширнаго, для короля предназначеннаго труда о государскомъ званіи, хозяйствѣ и правительствѣ, написалъ въ видѣ первой части къ нему свое педагогическое руководство и поручилъ священнику Симону, наставнику королевскаго сына Филиппа, представить эту часть королевѣ. 51 отдѣлъ этого творенія озаглавлены такъ: 1) О воспитаніи дѣтей изъ хорошаго семейства. 2) О выборѣ наставника. 3) О преподаваніи.5) О препятствіяхъ въ ученіи. 5) О трехъ главныхъ условіяхъ при ученіи. 6) О пяти вспомогательныхъ средствахъ при ученіи. 7) О подчиненіи учащагося учителямъ. 8) О понятливости, дабы разумѣть передаваемое. 10) О твердомъ запоминаніи выученнаго. 11) О порядкѣ и послѣдовательности учебныхъ предметовъ. 12) О рвеніи учащагося къ наукѣ. 13) О цѣли напряженія ученика. 14) О дальнѣйшемъ образованіи посредствомъ самостоятельнаго чтенія. 15) Объ отношеніи всякаго знанія къ постиженію и почитанію Божескаго существа. 16) О чтеніи языческихъ книгъ и почему даже христіанинъ не долженъ пренебрегать знакомствомъ съ ними. 17) О занятіяхъ и личномъ размышленіи. 18) О упражненіяхъ въ письменномъ изложеніи чужого матерьяла. 19) О упражненіяхъ въ изложеніи собственныхъ мыслей. 20) О упражненіяхъ въ преніяхъ и о взаимныхъ испытаніяхъ. 21) Объ избѣжавіи вспыльчивости въ преніяхъ. 22) Объ осторожности и умѣренности въ выраженіяхъ сомнѣнія и въ возраженіяхъ на него. 23) О воспитаніи мальчиковъ къ хорошему образу жизни. 24) О благопріятныхъ условіяхъ юношескаго возраста для образованія. 25) О дисциплинѣ и наказаніяхъ. 26) Объ умѣренной строгости при дисциплинѣ и наказаніяхъ. 27) О совершенномъ подчиненіи мальчика дисциплинѣ и строгости. 28) Для чего надлежитъ дѣтей пріучать къ дѣтскому повиновенію. 29) Кому надлежитъ повиноваться. 30) О степеняхъ повиновенія. 31) О настроеніи своего нрава, на которое каждому слѣдуетъ обращать вниманіе. 32) О общественной жизни и

выборѣ общества. 33) О единодушіи и крѣпкой дружбѣ между мальчиками. 34) О поведеніи мальчика въ отношеніи къ другимъ людямъ. 35) О руководствѣ и дисциплинѣ въ юношескомъ возрастѣ. 36) О чистотѣ нравовъ въ юности. 37) О вступленіи въ бракъ. 38) О безбрачномъ состояніи. 39) Объ отложеніи ребячества въ зрѣломъ возрастѣ. 40) Для чего мужу слѣдуетъ сообразоваться съ настоящимъ и помнить о прошедшемъ. 41) Какъ мужу надлежитъ заботиться и о будущемъ. 42) Какъ дѣвочекъ надлежитъ пріучать къ домашней жизни и отклонять отъ большихъ обществъ. 43) Какъ надлежитъ образовать умъ и сердце дѣвочки, особенно въ видахъ цѣломудрія. 44) Какъ предохранить дѣвочекъ отъ страсти къ нарядамъ. 45) Какъ избирать для дѣвочекъ цѣломудренныхъ подругъ и служанокъ. 46) О смиренномудріи дѣвочекъ, о ихъ скромной молчаливости и разсудительности въ каждомъ дѣлѣ. 47) Какъ дѣвицъ выдавать замужъ. 48) Какъ дѣвицъ поучать о брачномъ состояніи. 49) Какъ поучать женскій полъ о безукоризненномъ образѣ жизни въ бракѣ. 50) О вдовствѣ. 51) Преимущества вѣчнаго дѣвства.— Изъ многихъ поученій его обратимъ вниманіе на слѣдующія:

Чистая душа, вступивъ въ тѣло ребенка, заимствуетъ отъ плоти мракъ и невѣденье въ отношеніи къ познавательной способности и чувственную похоть въ отношеніи къ способности пожеланій, и про нея справедливо говорятъ, что она отъ рожденія туга на мышленіе и правильные поступки. Вслѣдствіе этой двойной неспособности она должна пользоваться двоякимъ обученіемъ, а именно преподаваніемъ для просвѣщенія разума и воспитаніемъ для управленія способностью вожделѣній, дабы она опять возвратилась въ свое прежнее здоровое состояніе. Для мальчиковъ знатнаго рода надлежитъ прежде всего избрать наставника, который могъ бы служить имъ образцомъ какъ въ наукѣ, такъ и въ поведеніи. Учить можетъ только тотъ, кто самъ ученъ, и учитель долженъ обладать свѣтлымъ умомъ, чтобы выбирать лучшее изъ многаго, чему можно учить. Сверхъ того учитель долженъ обладать смиренномудріемъ, такъ-какъ мудрость только тамъ, гдѣ есть смиреніе,— къ этому должно присоединиться безъискуственное краснорѣчіе, такъ-какъ безъ краснорѣчія и въ мудрости мало пользы. Помимо того отъ учителя требуется искусство и опытность въ дѣлѣ обученія, т. е. методъ. Образъ изложенія его долженъ быть ясенъ, сжатъ, удобопонятенъ, пріятенъ, точно соразмѣренъ.—Хотя бы учитель и обладалъ всѣми этими качествами, однако ему предстоятъ еще многія препятствія при воспитаніи дѣтей: высокомѣріе, которое надмеваетъ душу и вслѣдствіе того ослѣпляетъ ее; зависть, непричастная мудрости; запальчивость, препятствующая душѣ постигать истину; лѣнь и алчность, похотливость и страсть къ ку-

тежамъ. Со стороны ученія и прилежанія предстоятъ три препятствія: нерадѣніе,—въ такомъ случаѣ съ ученика слѣдуетъ строго взыскивать; необдуманность,—оттого-то между многими учащимися встрѣчается такъ мало знающихъ что-нибудь; и обстоятельства, т. е. бѣдность, слабое здоровье и пр.,—въ такомъ случаѣ учитель долженъ помочь по возможности. Для всякаго ученія требуются три вещи: дарованіе, упражненіе, воспитаніе. Дарованіемъ я называю, если быстро понимаютъ все, что слышали, и удерживаютъ въ памяти все, что поняли. Упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы трудомъ и настойчивымъ прилежаніемъ развивать природныя дарованія. Воспитанье заключается въ томъ, чтобы безпорочнымъ поведеніемъ согласовать жизнь съ наукою. Дарованіе соединяетъ въ себѣ природный умъ и память. Обѣ эти способности необходимо связаны между собою, такъ что одна изъ нихъ безполезна, если при ней не будетъ другой, точно такъ же никакое пріобрѣтенье не пойдетъ въ прокъ, если при немъ не будетъ хорошаго хозяйства. Умъ обрѣтаетъ мудрость, а память сохраняетъ ее; умъ дается отъ природы, изощряется упражненіемъ, притупляется черезъ-чуръ сильнымъ напряженіемъ, развивается умѣреннымъ упражненьемъ. Ученикъ долженъ упражнять чувство слуха вниманіемъ, чувство зрѣнія чтеніемъ, умъ въ постиженіи, разумъ въ размышленіи. Упражненіе изощряетъ духъ, полируетъ его, оттачиваетъ, предохраняетъ отъ разъѣдающей ржавчины. Привычка къ хорошему образу жизни и прилежаніе въ ученіи придаютъ духу прозорливость, а сердцу чистый блескъ невинности, ибо ржа порочныхъ привычекъ мало по малу исчезаетъ и искореняется скверна грѣха. При ученіи надлежитъ усвоить себѣ слѣдующія вспомогательныя средства: покорный нравъ, чистое влеченіе обрѣсти истину, спокойную жизнь, скромную пытливость. Начало и основа всякой науки смиренномудріе: да не пренебрегаютъ ни однимъ отдѣломъ науки, да не стыдятся учиться у кого бы то ни было, а усвоивъ себѣ науку, да не презираютъ другихъ. Пытливость восполняется трудомъ, усиліемъ и любовью, а возбуждается радѣніемъ и бдѣніемъ. Трудомъ исполняется дѣло, любовью достигается цѣль его, радѣніемъ предупреждается вредъ, а бдѣніемъ возбуждается вниманіе.—Устранивъ эти препятствія и усвоивъ себѣ эти опоры, можно приступить къ ученію, причемъ начинающему подобаетъ слушать, болѣе образованному размышлять самому, навыкшему въ размышленіи заниматься этимъ постоянно, а достигшему высшихъ ступеней учить. Пока самъ не въ состояніи учить, до тѣхъ поръ ученикъ долженъ подчиняться учителю, а подчиненіе это состоитъ

въ трехъ вещахъ: во внимательномъ слушаніи, усердномъ воспринятіи слышаннаго и въ искусномъ усвоеніи. Для того чтобы разумѣть слышанное ученикъ долженъ обладать понятливостью. Но понятливость, т. е. искусство усвоивать себѣ истину, требуетъ прежде всего, чтобы онъ слушалъ кротко и безпрекословно, чтобы онъ спрашивалъ учителя о томъ, чего не понялъ. Понявъ слышанное, онъ долженъ удержать это также въ памяти, для чего опять-таки необходимы три вещи: охотно и внимательно слушать, сохранять въ памяти очеркъ того, что слышалъ, не пропускать лекцій, отнюдь не прерывать учителя, слушать, напротивъ, безъ перерыва.—Касательно распредѣленія учебныхъ предметовъ Альфараби выразился вѣрно: начало всѣхъ наукъ языковѣдѣнье, т. е. знаніе именъ, придаваемыхъ предметамъ; второе грамматика, т. е. наука распредѣлять эти имена и составлять изъ нихъ связную рѣчь; третье логика, т. е. искусство распредѣлять утверждающія или отрицающія предложенія, такъ чтобы изъ этого выводились заключенья; четвертое поэзія, искусство писать стихи, или размѣщать по стопамъ содержащіяся въ нихъ предложенія. Оттого-то въ книгѣ его о раздѣленіи наукъ сказано далѣе: Первое знаніе—знакомство съ самимъ языкомъ, второе—логика, третье—ученіе о нравахъ, четвертое—о естественныхъ наукахъ, пятое знаніе о Богѣ и божескихъ дѣлахъ, шестое о гражданскихъ отношеніяхъ. Иное распредѣленіе назначаетъ Ришаръ де С-нтъ Викторъ: Прежде всего надлежитъ усвоить себѣ краснорѣчіе, а ради него также логику; затѣмъ слѣдуетъ этикой освѣтить око души, а потомъ уже перейти къ созерцательной наукѣ. Итакъ, что касается до распорядка различныхъ ученій, то слѣдуетъ наблюдать особенно за тѣмъ чтобы всякій читалъ и изучалъ то, что наиболѣе соотвѣтствуетъ его возрасту и званію. Но всякое искусство и всякое знаніе должны служить богословію, т. е. познанію божескаго существа. Это единственная философія и единая мудрость, по истинѣ достойная такого имени. Лишь тогда, когда остальныя науки подчинены богословію, онѣ заслуживаютъ названія науки. Когда въ наши руки попадаются книги человѣческой мудрости, то мы пользуемся для нашей вѣры всѣмъ, что находимъ въ нихъ полезнаго; если же встрѣтимъ тамъ что-либо лишнее объ идолахъ, о любви, о пристрастіи къ мірскимъ дѣламъ, то срѣзываемъ эти шероховатости острымъ ножемъ дочиста.

При всѣхъ занятіяхъ науками не слѣдуетъ однако забывать также попеченіе о тѣлѣ, дабы оно въ состояніи было оказать душѣ надлежащую услугу. Поэтому слѣдуетъ разумно распредѣлить время занятій и отдыха и не предаваться сну въ часы, назначенные для занятій, ни чтенію или

учебѣ въ часы, назначенные для сна. Занятія и размышленіе не должны поэтому совершаться черезъ мѣру. Надлежитъ избѣгать также сварливыхъ и задорныхъ преній. Причиною запальчивости въ преніяхъ бываетъ по большой части пустое славолюбіе, или даже суетное желаніе скрыть свое невѣжество. При этомъ оказываются всѣ семь пороковъ души: гордость, славолюбіе, ограниченность, дерзкое остроуміе, страсть спорить вопреки лучшему убѣжденію въ самомъ себѣ, оспоривать истины общечеловѣческаго разума и путаница понятій.

Съ образованіемъ ума необходимо связать также образованіе сердца; ибо знаніе безъ добродѣтели и безъ нравственности не только безполезно, но даже вредно. Добродѣтель въ связи съ наукою и есть мудрость. Ни знаніе безъ религіи, ни религія безъ знанія—ни одно безъ другого не можетъ быть истиной. Первый долгъ и первый признакъ мудрости состоитъ въ томъ, чтобы дѣло соотвѣтствовало слову, и тотъ же человѣкъ вездѣ былъ бы однимъ и тѣмъ же: обѣщаніе свое исполняетъ тотъ, кто остается все тѣмъ же человѣкомъ, видятъ ли или слушаютъ его, все равно. Для того чтобы отрокъ достигъ этой мудрости, слѣдуетъ наставлять его дѣлать добро не изъ лицемѣрія, не вынужденно, а напротивъ, по природно доброму нраву. И это слѣдуетъ дѣлать уже отроку, такъ какъ онъ прежде всего долженъ воспринимать основныя правила хорошаго поведенія, и въ этомъ возрастѣ онъ сильнѣе и способнѣе чѣмъ во всякомъ иномъ усвоивать себѣ всякое ученіе. Это подтверждается природою: такъ напр. конь, собака, птица въ молодости легче вѣдь приручается, нежели впослѣдствіи. Да и разумъ свидѣтельствуетъ о томъ же: мягкій воскъ легко принимаетъ впечатлѣнія; у кого хороша основа, тому легче созидать на ней что бы то ни было, и созданное имъ стоитъ тверже. Философы того же мнѣнія: Платонъ говоритъ, что память старца подобна камню, весьма трудно принимающему впечатлѣніе, память отрока подобна водѣ, воспріемлющей всякій образъ и всякое впечатлѣніе.

Но двѣ вещи необходимы для воспитанія и обѣ онѣ относятся къ дисциплинѣ: а именно, отучать отъ зла и пріучать къ добру. Надлежитъ преодолѣть непонятливость и укрощать и обуздывать порочныя наклонности — порицаніемъ, угрозами, розгами, бичемъ и т. п. Такими средствами слѣдуетъ противодѣйствовать у отроковъ проявленію злобы, и притомъ различными путями, смотря по характеру и способностямъ каждаго. Бываютъ мальчики уже отъ природы способные ко всякому дѣлу, такъ что нѣтъ надобности вести и обузды-

вать ихъ силою, а напротивъ надо лишь руководить ихъ. А нѣкоторые, болѣе всего вслѣдствіе личнаго дурного свойства, трудно поддаются руководству и извращены, такъ что оказываются неспособными и негодными къ воспитанію; другіе же оттого что ихъ съ самаго начала не наводили на настоящій путь. Послѣдніе подобны необузданнымъ жеребятамъ; на нихъ слѣдуетъ надѣть узду дисциплины и даже вопреки ихъ волѣ пріучать къ добрымъ нравамъ. Но при наказаніяхъ необходимы три вещи: глубокая серьёзность, кротость и осторожность или умѣренность. Серьёзность — чтобъ дисциплина не была черезъчуръ слабою. Кротость—ибо сильный гнѣвъ вреденъ. Осторожность или соблюденіе мѣры, мѣста и времени. Тѣлесное наказаніе всегда должно примѣняться по любви и любя; а мальчики должны сносить ихъ терпѣливо по семи причинамъ,—помня благость божеской воли, любовь родителей, увѣренность въ высокое значеніе терпѣнія, примѣръ Христа и его святыхъ, пользу самаго наказанія и увѣренность, что кара зло небольшое, за ней же слѣдуетъ много добра. И такъ какъ дисциплина не что иное какъ навыкъ къ хорошей и благонравной жизни, такъ что не только воздерживаются отъ зла, но стараются пребывать безупречными во всемъ, что дѣлаютъ; то отроковъ и надлежитъ поучать тремъ предметамъ: повиновенію какъ цѣли, нравственной твердости и обходительности, ибо эти три предмета обнимаютъ все, что потребно для хорошаго образа жизни. Вслѣдствіе перваго мы смиряемся передъ высшими; вслѣдствіе второго мы сами себѣ установляемъ извѣстный порядокъ; вслѣдствіе третьяго мы обходимся какъ слѣдуетъ съ своими товарищами. Повиновеніе, которое прежде всего слѣдуетъ развивать въ отношеніи къ Богу, должно совершаться охотно, просто, радушно, быстро, мужественно, смиренно и безотлагательно. Въ силу нравственной твердости ты обязанъ жить въ установленномъ порядкѣ, такъ чтобы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни ты соблюдалъ собственный свой путь, какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и относительно ближнихъ, чтобы ты мужественно берегся не дѣлать зла и не подавать повода къ соблазну. Насчетъ обходительности св. Бернаръ говоритъ: будь обходителенъ, ибо такимъ образомъ ты научишься любить и быть любимымъ, будь радушенъ и любвеобиленъ, не только терпѣливо, но и доброхотно сноси даже слабости твоихъ друзей и товарищей, и снисходи къ недостаткамъ ихъ души и тѣла.

Не одни только мальчики, но и дѣвочки также нуждаются въ тщательномъ воспитаніи. Мы прежде и главнѣе всего совѣтуемъ, чтобы въ среднемъ возрастѣ, когда такъ легко пробуждаются естественныя похо-

ти, ихъ держали въ уединеніи и не водили на балы, пиры и въ мѣста, гдѣ представляются какія либо зрѣлища; а напротивъ, пусть онѣ остаются дома. Слѣдуетъ сообщать имъ полезныя знанія и преподавать нравоученіе; при такихъ полезныхъ занятіяхъ не станутъ пробуждаться вредныя мысли. Въ воспитаніи дѣвочекъ надлежитъ обратить вниманіе особенно на четыре предмета: на стыдливость и цѣломудріе, на смиреніе и молчаніе, на разсудительность въ поступкахъ и пріемахъ. Особенно же слѣдуетъ предостеречь дѣвочекъ отъ страсти къ нарядамъ; одежда вѣдь знаменіе души, хотя бы и уста безмолствовали. Затѣмъ дай твоей дочери спутницу, которая своею рѣчью, поступью и пр. служила бы образцомъ добродѣтели, и руководи ее къ смиренномудрію; смиреніе угодно Богу, и нѣтъ на землѣ ничего прелестнѣе цѣломудренной жены. По мнѣ лучше, если дѣвочка не сумѣетъ найти словъ, нежели если она сыплетъ ими вокругъ себя; степенность и окажетъ въ ней чистую дѣвицу, у которой всего пріятнѣе застѣнчивость; лучше если походка ея слишкомъ спокойна, нежели слишкомъ прытка, если скромное лицо ея выражаетъ всегда честность и добродѣтель. По мнѣ не та изъ дѣвицъ лучшая, за которою сватаются тотчасъ же, какъ только увидятъ ее.—Воззрѣнія Венсана относительно древнихъ были ограниченны. Онъ тѣхъ мыслей, что языческихъ поэтовъ, по крайней мѣрѣ слѣдуетъ исключить изъ преподаванія юношества, если же хотятъ обучать дѣтей поэзіи и стихотворству, то у насъ говоритъ онъ, есть вѣдь стихи пресвитера Ювенкуса объ исторіи четырехъ евангелій, книга дѣяній апостольскихъ Аратора, собраніе эпиграммъ Проспера, книга Пруденція о борьбѣ добродѣтелей и пороковъ, пасхальная пѣснь Седулія, стихотвореніе Матѳея о Товіи, библія въ стихахъ Петра Риги и пр. Истинно образовательную сторону изученія классиковъ онъ упустилъ вовсе изъ виду. Въ своей энциклопедіи наукъ (speculum majus) онъ пытался какъ бы въ зеркалѣ природы представить природу и всѣ ея свойства, въ зеркалѣ науки—предметъ и урядъ всякаго знанія, въ зеркалѣ нравовъ—свойство и выраженіе всѣхъ добродѣтелей и пороковъ, и въ зеркалѣ исторіи—строй всѣхъ эпохъ.

Венсанъ де Бове, „доминиканскій монахъ и неважный учитель въ монастырѣ Монтроялѣ“, имѣлъ сильное вліяніе на *Маргариту* и *Людовика IX*, который, видясь и сносясь съ благородными и добродѣтельными людьми въ родѣ Венсана, былъ до такой степени обольщенъ значеніемъ нищенствующихъ орденовъ, что привязался къ нимъ съ слѣпою любовью и заявилъ, что еслибъ могъ раздвоиться, то отдалъ бы одну половину францисканцамъ, а другую доминиканцамъ. Какъ бы впрочемъ ни велика была эта предан-

ность, онъ все-таки ради нея не поступился своими правами свѣтскаго монарха въ церковныхъ дѣлахъ. Какъ бы онъ ни былъ сильно увлеченъ благоговѣніемъ къ набожности нищенствующихъ монаховъ, развратившихся уже вскорѣ по ихъ учрежденіи, и какъ бы они ни злоупотребляли имъ: во всякомъ случаѣ онъ впалъ въ эти заблужденія вслѣдствіе глубоко религіознаго влеченія, проявившаго себя на дѣлѣ въ воспитаніи его дѣтей. По вечерамъ онъ призывалъ ихъ къ своей постели, разсказывалъ имъ исторіи о добрыхъ короляхъ и императорахъ, говорилъ имъ, чтобы они брали примѣръ съ такихъ людей; упоминалъ также о порочныхъ дѣяніяхъ знатныхъ владыкъ, лишившихся своего царства вслѣдствіе распутства, грабежа, несправедливостей и алчности. Все это, присовокуплялъ онъ обыкновенно, я разсказываю вамъ въ предостереженіе, дабы и васъ также Богъ не покаралъ въ гнѣвѣ своемъ. Онъ изложилъ свои воззрѣнія въ поученіяхъ своему сыну, завѣщанныхъ ему какъ бы на память. „Любезный сынъ мой, прежде всего увѣщеваю тебя исполнить сердце свое любовью къ Богу; ибо безъ этого никто не можетъ достичь блаженства. Нашлетъ ли Богъ на тебя напасти, сноси ихъ терпѣливо, хвали Господа и помни, что ты самъ заслужилъ ихъ и что все это послужитъ тебѣ во благо: наградитъ ли Господь тебя счастіемъ, возблагодари Его смиренно, и да не сдѣлаешься хуже отъ того, что должно бы сдѣлать тебя лучшимъ; ибо отнюдь не слѣдуетъ пользоваться дарами Божьими противъ Бога. Совершай въ церкви богослуженіе съ набожной душою, особенно же обѣдню, когда освящается тѣло Христово. Не будь алченъ въ отношеніи къ твоему народу. Старайся, чтобы въ твоемъ обществѣ находились только правдивые и честные люди, не одолѣваемыя корыстью, будутъ ли то свѣтскія или духовныя личности. Никому не дозволяй быть черезъ-чуръ дерзкимъ въ твоемъ присутствіи и высказывать слова, могущія послужить поводомъ или соблазномъ къ грѣху, ни говорить дурно объ отсутствующемъ во вредъ ему; но пуще всего не допускай, чтобы кто-либо въ твоемъ присутствіи выражался дурно о Богѣ или противъ Него. Будь правдивъ и твердъ въ соблюденіи правосудія у твоихъ подданныхъ и въ этихъ дѣлахъ не уклоняйся ни вправо, ни влѣво: поддерживай законъ, будь заступникомъ бѣдныхъ, пока не обнаружится истина. Обрати все свое вниманіе на то, чтобы твои люди и подданные жили при тебѣ въ мирѣ и законѣ. Безъ зрѣлаго обсужденія никогда не начинай войны съ христіанскимъ государствомъ или державцемъ; если же все-таки вынужденъ будешь начать ее, то щади святыя церкви и всѣхъ безоружныхъ. Дражайшій, любезный сынъ мой, прими отъ меня всѣ благословенія, какими добрый отецъ можетъ надѣлить своего сына;

да охранятъ тебя Святая Троица и всѣ святые и да спасутъ тебя отъ всякаго зла, и Богъ да осѣнитъ тебя своею благодатью, дабы ты всегда исполнялъ волю Его, такъ чтобы Онъ былъ прославленъ тобою, такъ чтобы я и ты послѣ этой земной жизни могли быть съ Нимъ и славить Его нескончаемо. Аминь".

Таковы были основныя правила Венсана де Бове, а также Людовика и Маргариты, которымъ онъ посвятилъ свое твореніе. По тѣмъ же правиламъ король воспиталъ и образовалъ своихъ дочерей. Такъ между прочимъ пишетъ онъ Изабеллѣ, когда она въ 1255-мъ г. сочеталась бракомъ съ королемъ Наваррскимъ: „Любезная дочь, увѣщеваю васъ, да любите Господа нашего всѣмъ сердцемъ и всѣми способностями; ибо безъ этого все остальное ни къ чему не послужитъ; ничто на свѣтѣ не можетъ быть нами любимо съ такою пользою какъ Онъ; ибо лишь Ему, Господу, можетъ сказать всякая тварь: Господь, Ты Богъ мой, Ты не нуждаешься ни въ чемъ изъ добра моего. Всякая тварь удаляется отъ истиннаго пути, если не къ Нему, а куда бы то ни было обращаетъ любовь своего сердца. Мѣра, въ какой мы должны любить Бога, есть любовь безмѣрная. Дорогая дочь моя, исполнитесь желаніемъ быть ему все болѣе и болѣе родною, весьма радѣйте и старайтесь избѣгать вещей, которыя, по убѣжденію вашему, не угодны Ему. Особенно же вы всегда должны быть настроены такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ отнюдь не грѣшить завѣдомо. Привыкайте по возможности чаще исповѣдаться; но изберите себѣ духовника съ чистымъ сердцемъ, не лишеннаго также прозорливости, такъ чтобы онъ могъ указать вамъ, чего слѣдуетъ избѣгать и чего домогаться въ разныхъ дѣлахъ. Дорогая дочь моя, охотно совершайте богослуженіе въ церкви; но находясь тамъ, не болтайте и не произносите суетныхъ словъ; не бормочите молитвъ вашихъ однѣми лишь устами, но говорите ихъ въ душѣ, особенно когда совершается дароприношеніе тѣла Христова. Дорогая дочь моя, обращайтесь милосердно съ тѣми, кто удрученъ либо душевнымъ страданіемъ, либо тѣлесною немощью; доброхотно помогайте имъ, по мѣрѣ силъ вашихъ, то сердечнымъ утѣшеніемъ, то подаяніемъ. Дорогая дочь моя, любите всѣхъ добрыхъ, равно какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, лишь бы вы знали, что они чтятъ Бога и служатъ Ему. Дорогая дочь моя, смиренно повинуйтесь вашему супругу, также вашей матери и вашему отцу, однако и имъ лишь въ тѣхъ дѣлахъ, которыя согласны съ Божьею волею. Дорогая дочь моя, радѣйте о томъ, чтобы быть совершенною во всякомъ добрѣ, дабы всѣ видящіе васъ и слышащіе объ васъ, могли бы воспользоваться добрымъ примѣромъ. Господь да будетъ милостивъ къ вамъ во всемъ такъ, какъ я того желаю, и даже болѣе нежели я въ состояніи пожелать. Аминь".

В. УНИВЕРСИТЕТЫ.

25.

1. Основаніе университетовъ.

Въ эпоху, когда христіанское и сарацынское образованіе стремились ко взаимному слiянiю и феодальное государство порывалось перейти въ сословное, когда процвѣтали схоластика и рыцарство, и города сдѣлали первый починъ къ свободному развитiю, въ эту богатую и тревожную эпоху XI и XII вѣковъ положено также основаніе *университетамъ*, самымъ величавымъ и своеобразнымъ учрежденiямъ новыхъ временъ и христіанско-германскаго человѣчества,—какъ выразился объ нихъ Велькеръ,—назначеннымъ для свободнаго самостоятельнаго образованія и дальнѣйшаго развитія всего высшаго просвѣщенія и для научнаго веденія культуры вообще. Поддерживаемыя ратующею противъ средневѣковаго мрака эпохою раввинскія школы въ сѣверной Африкѣ, Испаніи и Франціи, а еще сильнѣе и успѣшнѣе школы Арабовъ, поднялись надъ общимъ кругозоромъ духовно-схоластическихъ учебныхъ заведеній. Возбужденныя тѣмъ же духомъ, но не заявляя еще правъ на universitas literarum, т. е. на преподаваніе всѣхъ наукъ, возникли *факультетскія школы въ Италіи и Франціи*. Онѣ возникли безъ содѣйствія державцевъ и духовенства, какъ вольныя общества ученыхъ людей и любознательныхъ юношей, не связанныхъ между собою никакими обѣтами и не принадлежащихъ къ духовному званію, а соединенныхъ другъ съ другомъ однимъ лишь рвеніемъ къ наукѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ преподавали эти учителя, они стояли независимо и вольны были во всякое время покинуть свое мѣстопребываніе, бывъ притомъ увѣрены, что ученики, привлеченные ими изъ разныхъ странъ и состоявшіе изъ юношей и зрѣлыхъ мужей, изъ канониковъ, чиновниковъ высшихъ институтовъ и пр., послѣдуютъ за ними во всякое другое мѣсто. Такимъ образомъ въ XII столѣтіи въ *Болоньи* образовалась съ подобными независимыми учителями и слушателями *школа правовѣдѣнья*; когда число учащихся въ ней стало возрастать, то Фридрихъ I въ ноябрѣ 1158-го даровалъ ей привилегію. Въ Болонью къ знаменитому Ирнерію и ученикамъ его, Бульгарусу, Мартинусу, Якобусу и Гугону стекались всѣ, желавшіе изучить науку права, въ исходѣ же XII столѣтія тамъ было 12,000 учащихся, и бóльшею частью изъ дальнихъ странъ. Въ Салерно окрещенный еврей, Константинъ Африканусъ изъ Кареагена,—изгнанный изъ своего родного города послѣ 39-ти лѣтняго пребыванія на

Востокѣ и въ тамошнихъ академіяхъ и принятый подъ покровительство герцогомъ Робертомъ Салернскимъ—основалъ въ исходѣ XI столѣтія *учебное заведеніе медицины*, знаменитую schola Salernitana. Вскорѣ изъ дальнихъ странъ прибыли изучавшіе врачебную науку, а также знатные и богатые больные, съ цѣлью пріобрѣсти въ Салерно мудрость и здоровье. Салерно и Болонья въ христіанское средневѣковье впервые развили свободную, мірскую, отъ церкви и церковныхъ интересовъ независимую науку.—*Парижъ*, напротивъ того, представилъ сначала лишь развившуюся въ обширныхъ размѣрахъ, и сбросившую съ себя узы монашеской ограниченности монастырскую школу. Она какъ бы сама собою—изъ совокупности и слiянія ученыхъ и ихъ школъ—преобразовалась въ университетъ. Карпораціею она впервые признана была по диплому Филиппа Августа, изъявшаго такимъ образомъ членовъ ея отъ мірскаго судопроизводства. Характеръ ея какъ корпораціи проявился еще рѣшительнѣе въ дарованномъ Иннокентіемъ III преимуществѣ, по которому она, въ качествѣ коллективной личности, въ правѣ была чрезъ посредство канцлера заявлять о своихъ интересахъ. Она была высшею школою Богословія. Оттого въ ней, большая часть наставниковъ и слушателей состояла изъ клириковъ. Къ богословію, а именно какъ приготовительныя къ нему ученія, примкнули въ видѣ предметовъ преподаванія свободныя искусства. Вслѣдствіе этого Парижскій университетъ скоро прославился какъ мѣсто всеобъемлющаго образованія для науки и жизни, такъ что туда стекались Неаполитанцы, Нидерландцы, Шотландцы, Ирландцы, Англичане, Поляки, Богемцы и пр., съ тѣмъ чтобы черпать изъ источника наукъ и просвѣщенія, и такъ что самыя разнородныя націи устроили тамъ въ особыхъ домахъ жилища для обучавшейся молодежи своихъ странъ. Парижскій университетъ былъ сначала бѣденъ, и у него не было даже своего дома, такъ что онъ устроивалъ свои собранія обыкновенно въ монастыряхъ дружественныхъ орденовъ; но благодаря болѣе всего великимъ учителямъ своимъ, Вильгельму де Шампо, Абеларду, Петру Ломбарду, Альберту Великому, Θомѣ Аквинскому, Дёнсъ Скоту и пр., онъ быстро достигъ такого значенія, что знатнѣйшіе мужи называли его „своею матерью,“ а король—старшею дочерью, такъ что выборные его засѣдали вмѣстѣ съ государственными чинами, причемъ съ ними совѣщались обо всемъ, и они имѣли весьма сильное вліяніе: сами папы предлагали на ихъ рѣшеніе и обсужденіе затруднительные вопросы изъ догматики и нравоученія, и для ученаго считалось высшею похвалою, когда говорили про него, что онъ учился въ Парижѣ. Тамъ же въ Парижѣ въ 1270-мъ г. впервые и окончательно отдѣлились другъ отъ друга факультеты теологическій и философскій.

Скоро по образцу Парижа,—вызванные духомъ времени, основанные свѣтскими и духовными владѣтелями, а нѣкоторые какъ напр. въ Эрфуртѣ, Альтдорфѣ, Страсбургѣ, Кельнѣ городскими магистратами,—образовались университеты во всѣхъ краяхъ, во Франціи, въ Испаніи, Португаліи, Англіи и Германіи. Первый германскій университетъ заложенъ былъ въ *Прагѣ Карломъ IV*—26-го января 1347-го г. въ силу папской привилегіи, а 6-го апрѣля 1348-го г. въ силу имперской граматы. Карлъ съ 7-ми лѣтняго уже возраста воспитывался въ Парижѣ при дворѣ французскаго короля Филиппа VI и обучался тамъ попреимуществу схоластической философіи. Для весьма ученаго въ свою эпоху принца не было иного высшаго интереса, какъ присутствовать при преніяхъ схоластиковъ, и ничто не восхищало его такъ, какъ состязаться самому въ спорахъ и побѣдоносно разбивать своихъ противниковъ. Его сильно занимала мысль устроить такого же рода пренія въ Прагѣ, съ цѣлью тамъ также состязаться, и тотчасъ по восшествіи на престолъ онъ принялъ надлежащія мѣры для осуществленія своего любимаго замысла. Все было устроено по образцу Парижскаго университета. Восемь профессоровъ, за исключеніемъ одного, всѣ Нѣмцы, открыли въ 1348-мъ г. свои лекціи и диспуты; двое изъ нихъ преподавали теологію, одинъ духовное, а другой свѣтское право, одинъ медицину, а трое философію и свободныя искусства. Главное уклоненіе отъ плана Парижскаго университета, какое дозволилъ себѣ Карлъ, состояло въ назначеніи знаменитаго Бартола де Сазо Феррато ординарнымъ профессоромъ римскаго права, которое въ Парижѣ публично не преподавалось. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначилъ еще одного учителя Священнаго Писанія, а другого для четырехъ книгъ Sententiarum Петра Ломбарда. Это совершилось при основаніи Каролинской коллегіи, въ которой 10 молодыхъ magistri in artibus должны были образоваться подъ надзоромъ и руководствомъ тѣхъ двухъ учителей теологіи и вмѣстѣ съ этимъ заняться публичнымъ преподаваніемъ свободныхъ искусствъ. Кромѣ того въ Прагѣ также были четыре націи, богемская, баварская, польская и саксонская, изъ коихъ каждая имѣла своихъ представителей, избиравшихъ ректора. Фондъ университета состоялъ частью изъ королевскихъ, весьма значительныхъ дареній, частью изъ церковныхъ доходовъ, которыми покрывались оклады профессоровъ. Сверхъ того Карлъ купилъ собраніе 114 книгъ за 100 марокъ серебра, т. е. за 1200 талеровъ.

Когда въ Прагѣ проложенъ былъ путь для Германіи и представленъ образецъ, то возникли университеты въ Вѣнѣ въ 1365-мъ г., въ Гейдельбергѣ въ 1346-мъ основанъ, а въ 1386-мъ освященъ, въ Кельнѣ въ 1388-мъ, въ Эр-

фуртѣ въ 1392-мъ, въ Вюрцбургѣ въ 1403-мъ, въ Лейпцигѣ въ 1409-мъ, въ Ростокѣ въ 1419-мъ, въ Грейсфальдѣ въ 1456-мъ, во Фрейбургѣ, что въ Брейсгау, въ 1457—60-мъ, въ Трирѣ въ 1472-мъ, въ Тюбингенѣ 3-го іюля 1477-го, въ Майнцѣ въ 1477-мъ г. Изъ этихъ университетовъ одинъ только Тюбингенскій образовался по Болонскому, а потомъ также еще Виттенбергскій и Гельмштетскій. Для всѣхъ остальныхъ образцомъ служилъ Пражскій. Внѣ Германіи возникли: университетъ въ Лёвенѣ въ 1426-мъ; во Франціи въ Тулузѣ въ 1233-мъ, а въ XIV столѣтіи въ Орлеанѣ, Кагорѣ, Перпиньянѣ, Анжерѣ, Канѣ, Поатье, Валансѣ, Нантѣ, Буржѣ и Бордо,—въ Швеціи въ Лундѣ и Упсалѣ; въ Норвегіи въ Христіаніи;—въ Даніи въ Копенгагенѣ въ 1474-мъ г.;—въ Италіи въ Неаполѣ въ 1224-мъ г., Падуѣ и Римѣ, въ Перуджіи, Пизѣ, Сіенѣ, Павіи, Туринѣ, Пармѣ, Флоренціи и Катаніи;—въ Испаніи въ Саламанкѣ въ 1222-мъ г., Валльядолидѣ де Генаресъ, Севильѣ, Гранадѣ, Валенсіи, Серверѣ, Сарагоссѣ, Гуэкѣ, Овіэдо;—въ Португаліи въ Эворѣ, Лиссабонѣ въ 1279-мъ и Коимбрѣ въ 1308-мъ г.—въ Ирландіи въ Дублинѣ;—въ Шотландіи въ Эдинбургѣ, С-тъ Андрюсѣ, Гласговѣ и Абердинѣ;—въ Англіи въ Оксфордѣ и Кембриджѣ и пр.

Кругъ знанія въ университетахъ организовался заново. Его разбили на науки, scientiae, т. е. на теологію, духовное и гражданское право и медицину,—и на искусства, artes, т. е. на общеобразовательныя знанія. Теологія по прежнему была средоточіемъ наукъ. Умы болѣе всего заняты были схоластикою, занимавшею поэтому центръ академическаго ученія. Формальная логика, діалектика и догматика были всилу того важнѣйшими предметами изученія и въ то же время науками, представлявшими собою успѣхъ той эпохи. Экзегетика, *) исторія церкви и догматовъ, практическія теологическія ученія не совершенствовались схоластиками, а были и оставались окоченѣлою массою случайно собранныхъ замѣтокъ. Библія была немногимъ лишь извѣстна. Теологъ связывалъ себя и былъ нехотя связанъ сентенціями Петра Ломбарда и сборникомъ Ѳомы Аквинскаго.—Съ XII столѣтія къ теологіи присоединились юриспруденція и медицина, какъ самостоятельныя науки; проникая непосредственно въ дѣйствительность, онѣ и въ университетахъ получили право гражданства; впрочемъ онѣ ужь сами окрѣпли настолько, что создали для себя такія же научныя средоточія—Салерно, Болонья,—гдѣ господствовали исключительно или преимущественно подобно

*) Толкованіе древнихъ авторовъ и Священнаго Писанія.

теологіи въ Парижѣ. Въ Салерно уже въ исходѣ XII столѣтія кромѣ медицины преподавались еще философія и законовѣдѣнье, а въ Болоньѣ не только право, но также теологія и медицина. Правовѣдѣнье возникло изъ развалинъ римскаго права. Оттого римское право и сдѣлалось особымъ предметомъ изученія. При этомъ развилось каноническое право, „разсматриваемое какъ теоретическое цѣлое, въ своемъ родѣ столь же замѣчательное твореніе какъ и схоластическая теологія.“ Учитель въ своемъ преподаваніи въ университетѣ былъ связанъ предписаніями папскаго и императорскаго права. Медицина основывалась на сокровищахъ, унаслѣдованныхъ отъ Грековъ и Арабовъ, и хотя въ естествознаніи она еще смѣшивалась съ колдовствомъ и магіей, но все-таки служила знаменіемъ, что духъ отважился вступить въ область природы, представлявшуюся ему прежде лишь царствомъ таинственно-жуткихъ и враждебныхъ стихій и потому возбуждавшую ужасъ. Галенъ впрочемъ служилъ непреложнымъ авторитетомъ медиковъ.—Такимъ образомъ ни правовѣдѣнье, ни медицина не могли подняться до уровня настоящей науки, и хотя матерьялъ ихъ непрестанно размножался, однако какъ приращеніе знаній, такъ и основа самой науки предоставлены были случаю. Изслѣдованіе по предначертанному методу фактовъ, данныхъ наблюденіемъ, съ чего начинаетъ всякая наука, было, какъ замѣчаетъ Рюккертъ, исключено изъ этихъ наукъ, точно такъ же какъ и изслѣдованье основныхъ началъ сверхчувственнаго познанія—изъ схоластики. Наука коснѣла въ строго предписанныхъ, установленныхъ формахъ: величайшими учеными считались обыкновенно тѣ, которые болѣе всего знали наизусть мѣста изъ обоготворяемыхъ руководствъ и могли обильнѣе всего распространяться объ этомъ; дѣло рѣдко доходило до основательнаго изслѣдованья и испытанія; уклоненіе отъ принятаго и признаннаго разъ на всегда было почти немыслимо. Учащійся безпрекословно повторялъ за учителемъ слова мнимой его мудрости; когда же иной разъ предлагалось что-либо новое, то эта новость состояла большею частью въ однихъ лишь словахъ, а предметами служили безполезныя хитроумныя тонкости и жалкіе плоды суевѣрія. Въ наукахъ и ученыхъ изслѣдованіяхъ господствовала микрологія—т. е. труженичество и мнительное разбирательство самыхъ ничтожныхъ частностей и кропотныхъ мелочей.—Вмѣстѣ съ теологіею, юриспруденціею и медициною предметами университетскихъ занятій были семь свободныхъ искусствъ. Впрочемъ, когда ближе ознакомились съ Аристотелемъ, то послѣднія согласно съ главными твореніями его значительно преобразовались, такъ что къ семи искусствамъ причисляли теперь частью другія ученія, замѣняя напр. реторику физикою, частью сливали воедино

нѣкоторыя относимыя дотолѣ къ тривіуму и квадривіуму науки, составивъ такимъ образомъ новую седмицу искусствъ, которыя впрочемъ такъ же скудно какъ и прежнія оплодотворены были духомъ истинной науки. Физика, причисленная къ нимъ единственно потому, что оказалась у Аристотеля, состояла изъ груды пустыхъ умозрѣній; нечего было и думать о настоящемъ наблюденіи природы, о наглядно совершаемыхъ опытахъ. Науки же, не вошедшія въ кругъ седмицы и не принадлежащія къ теологіи, юриспруденціи и медицинѣ пребывали совсѣмъ впустѣ. Исторія была простою хроникою, перемѣшанною для древнихъ временъ съ чудными баснями, а для новыхъ—однимъ лишь перечнемъ именъ; въ университетахъ она нигдѣ не преподавалась, потому что и не умѣли и считали даже, что не стоитъ преподавать ее. Роднымъ же языкомъ университетскіе ученые почти вовсе не занимались: они говорили и писали полатыни; но эта латынь состояла изъ словъ и выраженій, частью преобразованныхъ изъ родного языка, частью собственнаго изобрѣтенія, и она до того погрѣшала противъ хорошаго вкуса, даже противъ грамматическихъ правилъ, что часто становилась непонятною, между тѣмъ какъ учебники грамматики, ариѳметики, геометріи и пр. излагались латинскими стихами, нарушавшими даже простѣйшія правила стопосложенія. Въ большей части университетовъ кромѣ scientiis преподавались грамматика, діалектика, реторика, математика, физика, метафизика и нравоученіе. Всѣ эти науки въ совокупности назывались studium generale или universale, т. е. общимъ или всеобщимъ курсомъ.

II. Привилегіи университетовъ.

Первоначально университеты развились вслѣдствіе возникшей потребности какъ высшіе очаги науки и образованія. Они составлялись въ видѣ вполнѣ вольныхъ обществъ и потомъ уже признавались какъ universitates, т. е. общины, товарищества, корпораціи, ученые союзы, на что указываетъ сложившееся въ XIII вѣкѣ названіе университетъ, намекавшее сначала лишь на universitas magistrorum et scholarium, въ которомъ преподавалось studium generale или universale (такъ какъ къ нему всякому открытъ былъ доступъ), но еще не на совокупность наукъ. (Учебныя заведенія у древнихъ назывались scholae или studia; въ Италіи университеты долго еще именовались gli studj.) Съ чувствомъ своей независимости, въ сознаніи своего значенія, особенно же вслѣдствіе большихъ преимуществъ, доставляемыхъ ими мѣстамъ ихъ нахожденія, они гордились

изданными ими самими законами и учрежденіями, а начальства въ университетскихъ городахъ молчаніемъ своимъ признавали преимущества за учеными корпораціями. Привилегіи высшихъ училищъ имѣлись уже прежде, нежели были дозволены и признаны формально, и привилегированныя высшія училища существовали прежде, нежели получили учредительныя и другія жалованныя граматы. Первыя выданныя граматы указываютъ уже на преимущества, хотя никѣмъ не дарованныя, но давно уже существовавшія, прежде чѣмъ онѣ были утверждены духовными и свѣтскими властями.

Хотя университеты были вольными обществами, но, какъ умственныя силы, они вскорѣ были вовлечены въ разныя сферы дѣятельности, и какъ церковь, такъ и государство, какъ державцы, такъ и города старались склонить ихъ въ свою пользу, оказывая имъ покровительство. Прежде всего церковь пыталась привязать ихъ къ себѣ, чтобы къ силѣ вѣры присоединить еще силу знанія: первыя привилегіи, добытыя университетами, исходили отъ папъ. Папа даровалъ имъ привилегію исключительной судебной власти, такъ что высшая и уголовная судебная власть зависѣла отъ епископа, назначавшаго для исполненія ея канцлера, тогда какъ низшая судебная власть и внутренняя дисциплина остались въ рукахъ общества. Но папа смотрѣлъ на нихъ какъ на духовныя учрежденія, выдавалъ имъ уставы, поручалъ своимъ легатамъ наблюдать за ними и т. д., такъ что онъ поступилъ вполнѣ послѣдовательно, поставивъ съ XIII столѣтія основаніе и составъ ихъ въ зависимость отъ своего утвержденія, послѣ чего, начиная съ XIV столѣтія, такое утвержденіе постоянно испрашивалось и считалось необходимымъ, такъ какъ въ силу этого университеты были признаваемы во всемъ католическомъ христіанскомъ мірѣ, а папа между тѣмъ, при его къ упадку клонившейся власти, являлся такимъ образомъ представителемъ всѣхъ духовныхъ силъ. „Поелику (—говоритъ Каликстъ III въ буллѣ при основаніи Фрейбургскаго университета—) перлъ науки указуетъ путь къ хорошей и счастливой жизни и своимъ превосходствомъ возвышаетъ знающаго надъ незнающимъ, охраняетъ неученыхъ и поднимаетъ значеніе рожденныхъ въ самомъ низкомъ званіи, то папскій престолъ, какъ всегдашній и постоянный покровитель всякаго достойнаго ученія, всегда шелъ навстрѣчу попыткамъ и желаніямъ католическихъ государей, дѣйствовавшихъ въ этомъ смыслѣ.“ Государи же съ своей стороны желали и домогались расцвѣта свободнаго свѣтскаго образованія, дабы такимъ путемъ достигнуть умственной подпоры для своей власти и для своего могущества, и потому они пытались предупредить церковное вліяніе и дать независимое по-

ложеніе новымъ университетамъ. Такъ между прочимъ Фридрихъ I въ ноябрѣ 1158-го г. даровалъ Болонскому университету привилегію, въ силу которой любознательные ученики изъ чуждыхъ странъ пользовались покровительствомъ и подлежали своему особому судебному вѣдомству. „Ибо,— сказано тамъ,—такъ какъ вообще всѣ занимающіеся добрымъ дѣломъ заслуживаютъ нашу похвалу и охрану всякаго рода, то мы считаемъ приличнымъ съ особенною любовью защищать отъ всякихъ напастей тѣхъ, наукою которыхъ просвѣщается весь міръ и подданные научаются повиноваться Богу и намъ, слугамъ Его.“ Эрцгерцогъ Рудольфъ IV въ дипломѣ основаннаго въ 1365-мъ г. Вѣнскаго университета заявляетъ: „Такъ какъ Богъ поставилъ его правителемъ значительныхъ земель; то онъ Ему обязанъ благодарностью, а своему народу всякимъ благомъ. Внутреннее влеченіе побуждаетъ его принять въ подчиненныхъ ему земляхъ мѣры, которыми бы прославлялась благодать Творца, распространялась истинная вѣра, поучались невѣжды, соблюдалась правда въ судахъ, просвѣщался человѣческій разумъ, преуспѣвалъ общественный строй, и сердца людей приуготовлялись бы для просвѣщенія отъ духа святаго. Когда же разсѣется мракъ невѣжества и заблужденій, то, обратившись къ премудрости Божіей, не входящей въ злонравную душу, люди произведутъ изъ сокровищницы своей на свѣтъ старое и новое и соберутъ много плодовъ на землѣ. И для того чтобы сколько-нибудь, хотя бы даже немного, содѣйствовать славѣ и хвалѣ Божіей, и преуспѣянію человѣческаго рода, онъ по зрѣломъ обсужденіи рѣшилъ основать въ своемъ городѣ Вѣнѣ университетъ (studium generale). Въ этомъ университетѣ надлежитъ читать, преподавать и изучать богословскую науку, такъ называемую теологію, естественныя, нравственныя и свободныя искусства и науки, каноническое и гражданское право, медицину и другія дозволенныя ученія.“ Университеты охотно принимали такое признаніе ихъ со стороны державцевъ и государей (достаточно было папской буллы, для того чтобы доставить университету признаніе въ цѣломъ (западномъ) христіанствѣ; объ императорскихъ привилегіяхъ не упоминается при основаніи Вѣнскаго, Гейдельбергскаго, Кельнскаго, Эрфуртскаго, Лейпцигскаго и Ингольштатскаго университетовъ; напротивъ того, Фрейбургскій, Грейфсвальдскій и Тюбингенскій утверждены императоромъ Фридрихомъ III, а начиная съ Максимиліана I основаніе университетовъ считалось дѣломъ правительства и всѣ учрежденные съ этихъ поръ получали имперскія привилегіи), потому что такимъ образомъ они признавались не только въ предѣлахъ своей собственной страны, но при посредствѣ императорскаго утвержденія имъ открывался даже болѣе обширный кругъ дѣятельности.

Въ такихъ-то отношеніяхъ университеты находились съ одной стороны къ церковной, а съ другой къ государственной власти, никогда впрочемъ не считаясь чисто церковными учрежденіями, и никогда не испрашивая особаго разрѣшенія отъ правительства и государственной власти на „чтеніе лекцій для отдѣльныхъ преподавателей, удостоенныхъ университетомъ ученой степени“. Университеты супротивъ государства и церкви представляли собою свободный и демократическій принципъ народа. „Какъ города—говоритъ Стеффенсъ—относились къ обширному дворянскому землевладѣнію, такъ и университеты къ церкви; они представляли настоящій демократическій моментъ церкви, послѣ того какъ аристократическій не только въ государствѣ, но и въ церкви оказалъ чрезъ посредство соборовъ свое болѣе разрушительное, нежели созидательное вліяніе“.

Свободное, независимое положеніе придало университетамъ наружное достоинство и извѣстный видъ святости. Отличіе, какимъ пользовались учителя и само заведеніе, внушало уваженіе непосвященному люду;—а почтеніе, оказываемое сначала лишь ученому, перешло потомъ и на самый предметъ, на науку, такъ что съ возникновеніемъ университетовъ расширилось и утвердилось внѣшнее значеніе науки. Учителя въ свою очередь также пользовались оказываемымъ университету и наукѣ высокимъ уваженіемъ и независимо отъ другихъ сословій образовали особое ученое званіе, изъ котораго исключены были даже и духовныя лица, если они не удостоились академической степени. Этому ученому званію и вліянію университетовъ вообще слѣдуетъ приписать, что науки соблюлись и сохранились вопреки даже порчѣ духовенства, и что само оно, вынужденное состязаться съ учеными и уважаемыми мірянами, не погрузилось еще глубже и еще болѣе въ невѣжество и распутство.

III. Устройство университетовъ.

Своею прочною независимостью и своимъ мощнымъ вліяніемъ университеты одолжены своему корпоративному устройству. У каждаго университета былъ свой канцлеръ,—обыкновенно какой либо епископъ или знатный прелатъ, избираемый и назначаемый папою: въ Лейпцигѣ епископъ Мерзебургскій, въ Ростокѣ епископъ Шверинскій, въ Эрфуртѣ архіепископъ Майнцскій, Въ Гейдельбергѣ пробстъ Вормсскій и т. д. Главнымъ дѣломъ его было печься о сохраненіи привилегій, о свободѣ и спокойствіи университета и о раздачѣ академическихъ степеней. По власти и значенію за канцлеромъ слѣдовалъ ректоръ университета, зани-

мавшій свою должность одно полугодіе, а впослѣдствіи цѣлый годъ. Подъ нимъ весьма важны были деканы каждаго факультета, ибо послѣдніе, числомъ четыре, составляли четыре особыя малыя корпораціи ученаго государства: ихъ избирали magistri actu regentes изъ своей же среды на одно полугодіе, и деканы были начальниками послѣднихъ; они наблюдали за исправленіемъ должности профессорами и надзирали за тѣмъ, чтобы послѣдніе въ надлежащемъ порядкѣ читали свои лекціи, начинали и кончали ихъ своевременно. Ихъ вѣдѣнью подлежали также magistri non regentes (доктора и магистры) и баккалавры, отъ нихъ же и отъ причисленныхъ къ нимъ профессоровъ непосредственно зависѣли раздача академическихъ степеней, экзамены, попеченіе о сохраненіи правъ, льготъ и доходовъ факультета. Касательно лекцій назначались подъ конецъ каждаго курса публичныя собранія преподавателей, на которыхъ они соглашались между собою относительно распредѣленія будущихъ лекцій, относительно лекціонныхъ часовъ, и полагаемаго за нихъ вознагражденія (pastus pactus). Вновь прибывшіе студенты присягали ректору въ вѣрности и затѣмъ вносились въ матрикулъ.

Университеты представляли собою ученую знать и обокъ съ церковью и рыцарствомъ ученѣйшую изъ всѣхъ корпорацій, республику въ государствѣ, гдѣ наука находила себѣ такую охрану и такой почетъ, какими дотолѣ никогда не пользовалась. Они приглашались ко всѣмъ важнымъ собраніямъ имперскихъ и сословныхъ чиновъ, также магистрата, ко всѣмъ провинціальнымъ и національнымъ сунодамъ, а начиная съ конца XIV-го столѣтія также ко всѣмъ всеобщимъ соборамъ. Подъ эгидою ихъ литературныхъ привилегій спасались „даже еретики, такъ что ихъ труднѣе было преслѣдовать“ Въ университетскихъ преніяхъ обсуждалось многое, о чемъ еще прямо не позволялось говорить. Учителя ихъ, какъ напр. Пьеръ д'Элльи, Іоаннъ Герсонъ, Николай де Клеманжъ въ Парижѣ, возставали не только противъ разврата духовенства, но также и противъ злоупотребленія духовной власти и противъ церковнаго раскола;—а учителя оксфордскіе, пражскіе, вѣнскіе и пр., сказали свое вѣское слово на Базельскомъ и Констанцскомъ соборахъ. И все это благодаря тому, что они состояли въ качествѣ замкнутыхъ цеховъ. „Какъ таковые они пользовались самостоятельностью относительно всѣхъ общихъ для нихъ дѣлъ и даже по наружности выказывали свойства цеховъ: исходя отъ высшаго экономическаго закона раздѣленія труда, они разбили науку на отдѣльныя отросли, отличали своихъ сочленовъ по степенямъ учениковъ, помощниковъ, старшихъ помощниковъ и мастеровъ, представляли на диспутахъ и въ дис-

сертаціяхъ свои образцовыя произведенія и производили вупускъ окончившихъ тотъ или другой курсъ и т. д."

Однако университеты постепенно лишь сложились въ такія литературныя фаланги внутри и вовнѣ. Такъ какъ первые изъ нихъ были не національными, а общеевропейскими университетами, да отчасти такими и остались, то различіе національностей послужило первымъ основаніемъ для расчлененія учащихся. Но какъ разныя націи въ каждомъ изъ университетовъ состояли изъ весьма неравнаго числа членовъ, то, естественно, находившіяся въ меньшинствѣ примыкали къ большинству. Въ Парижѣ въ 1206-мъ г. послѣдовало раздѣленіе на четыре націи, имѣвшія свои провинціи и округи. То были Галликане, къ которымъ присоединились Италіянцы, Испанцы, Греки и восточники, Пикардійцы, Норманны и Англичане, къ которымъ принадлежали Германцы и остальные сѣверяне. Въ Болоньи и Падуѣ націи дѣлились на Трансальпійцевъ и Цизальпійцевъ; въ Оксфордѣ на сѣверныхъ и южныхъ Британцевъ; въ Лувенѣ на Брабантцевъ, Французовъ, Фламандцевъ и Голландцевъ, въ Прагѣ на Богемцевъ, Баварцевъ, Поляковъ, Пруссаковъ, Тюрингцевъ и Саксонцевъ. Въ Гейдельбергѣ, Эрфуртѣ, Тюбингенѣ и др. съ самаго начала не было никакого раздѣленія на націи. У каждой изъ національностей въ Парижѣ были свои особыя аудиторіи, своя особая церковь и своя казна. Въ каждомъ изъ университетовъ національности имѣли особые уставы и особыхъ чиновниковъ. Во главѣ каждой изъ нихъ находился прокураторъ: прокураторы избирали ректора университета и засѣдали вмѣстѣ съ ними; они составляли для всего университета всеобщіе уставы, уряжавшіе въ связи съ уставами отдѣльныхъ національностей всю внутреннюю дисциплину и касавшіеся спорныхъ разбирательствъ, устройства торжественныхъ шествій, празднествъ и пр.

Въ постановленіяхъ встрѣчается однако существенная разница между итальянскими и парижскимъ университетами. Такъ какъ въ Италіи въ то время преобладалъ республиканскій духъ и тамъ большею частью собирались болѣе зрѣлые юноши и мужи, то итальянскіе университеты имѣли республиканскій отпечатокъ; потому и управленіе въ нихъ находилось попреимуществу въ рукахъ учениковъ. Избираемые студентами учителя считались служащими при университетской общинѣ и исключались изъ соучастія въ законодательствѣ и судебномъ производствѣ, за то вознаграждались уваженіемъ, какимъ пользовались у городскихъ общинъ. Въ Парижѣ напротивъ того, гдѣ въ основѣ лежали воззрѣнія монастырскихъ школъ и духовныхъ орденовъ, и гдѣ большая часть студентовъ состояла изъ клириковъ и незрѣлыхъ юношей, изучавшихъ artes liberales, образова-

лись болѣе аристократическія условія, такъ что тамъ одни лишь учителя и удостоенные степеней составляли активныхъ членовъ націи, тогда какъ студенты были только пассивною массою. Въ германскихъ университетахъ ректора также избирали одни лишь дѣйствительные преподаватели или лица признанныя способными преподавать.

По мѣрѣ того какъ цѣлью университетовъ все болѣе становились поддержка, передача и преуспѣваніе собственно науки, вслѣдствіе чего и образовалось цехообразное званіе ученыхъ; тѣмъ все болѣе усиливались факультеты. Вотъ почему національности мало по малу уступали мѣсто факультетамъ. Раздѣленіе на націи было естественное и политическое, а раздѣленіе на факультеты, полагающее въ основу различіе наукъ, опирается на общность стремленій и занятій, и оно не что иное какъ цехообразное расчлененіе сословія. Съ этой-то поры университетъ уже не universitas, ибо онъ какъ единство общины стоитъ превыше національныхъ различій; онъ, напротивъ, universitas literarum, т. е. объемлетъ всѣ науки, представляетъ науку какъ расчлененное цѣлое. Внѣшній толчокъ къ такому преобладанію факультетовъ сообщенъ въ Парижѣ нищенствующими монахами, которые въ качествѣ „вольницы церкви" смѣло и ловко вторгались во всѣ бытовыя условія и по милости папы были наконецъ, въ 1259-мъ г., допущены на теологическія каѳедры. Національности воспротивились этому: онѣ исключили изъ своихъ собраній нищенствующихъ братьевъ. Вскорѣ однако эти исключенные своимъ умомъ и одушевленіемъ превзошли остальныхъ теологическихъ учителей въ такой высокой степени, что послѣдніе лишь въ союзѣ съ ними чаяли своего спасенія и потому, соединившись подъ однимъ особымъ деканомъ, слились съ ними въ одну корпорацію. Послѣ такого примѣра, поданнаго теологами, въ 1271-мъ г., учителя медицины и духовнаго права также выдѣлились въ особыя корпораціи. Тогда на общихъ собраніяхъ подавали голосъ уже семь обществъ, четыре націи, и три факультета. Такъ какъ преподаватели разныхъ научныхъ предметовъ соединились въ факультеты, то въ національностяхъ остались одни лишь учителя свободныхъ искусствъ и составили facultas artium (факультетъ искусствъ), располагавшій на короткій лишь срокъ четырьмя голосами, а потомъ, не обращая на національности вниманія, скоро уже стали смотрѣть на него какъ на факультетъ, и притомъ какъ на низшій, оттого что свободныя искусства считались лишь подготовкою къ высшимъ наукамъ, а занимавшіеся ими были большею частью еще отроки и юные новички, да и учителями сплошь весьма молодые люди. Въ Болоньѣ и Падуѣ національности разбились всего на два большія обще-

ства, на юристовъ и артистовъ; въ англійскихъ и въ основанныхъ въ XIV столѣтіи по образцу парижскаго германскихъ университетахъ, въ Прагѣ и Вѣнѣ, напротивъ того, національности отступали все болѣе и болѣе на задній планъ, а въ основанномъ въ 1392-мъ г. Эрфуртскомъ университетѣ раздѣленіе на національности уже совершенно отмѣнено. Съ этихъ поръ существовало только четыре факультета, впрочемъ не всегда имѣвшихся на лицо въ совокупности, въ одномъ и томъ же университетѣ: Вѣнскому университету папа Урбанъ V отказалъ сначала въ теологическомъ факультетѣ, и лишь въ 1384-мъ послѣдній былъ разрѣшенъ Урбаномъ VI; Лувенскій университетъ сначала также состоялъ лишь изъ трехъ факультетовъ, пока наконецъ папа Евгеній не дозволилъ преподавать и теологію.

Факультетъ искусствъ своими предметами преподаванія имѣлъ семь artes liberales, къ которымъ присоединились многіе подчиненные предметы. Подъ діалектикой разумѣлись Аристотелевы діалектическія, этическія и физическія сочиненія, книги Петра Испануса, Боэтія и др. Къ грамматикѣ принадлежали лекціи о Присціанѣ, Донатѣ, о доктриналѣ, Graecismus Эбергарда Бетюнскаго, т. е. о латинской метрической грамматикѣ, въ которой объяснены греческія техническія слова, о Poetria nova Англичанина Готфрида, трактующей объ обязанностяхъ magistri и пр. Къ лекціямъ о четырехъ artes квадривіума принадлежатъ: лекціи объ Algorismus или algorithmus — ариѳметика, лекціи о трактатѣ музыки Іоанна де Мурисъ, лекціи о шести книгахъ Эвклида и о геометріи Iohannes Pisanus Perspectiva, лекціи о Sphaera materialis Іоанна де Сакро Боско, о Computus cyrometricales, объ Almanachѣ, о Theorica planetarum и объ астрономіи—Almagestum—Птоломея. Лекціи, пренія, экзамены были латинскіе, изученія классическихъ писателей не существовало. Преподаваніе состояло въ диктовкѣ извѣстныхъ руководствъ и собственныхъ или чужихъ замѣтокъ. Наука представлялась въ отвлеченной, систематической формѣ; — она состояла въ разложеніи и совокупленіи даннаго.

Въ теологическомъ факультетѣ было два учебныхъ предмета: библія, текстъ которой надлежало основательно разобрать и сверхъ того умѣть объяснить всѣ замѣчательныя толкованія,—и 4 книги Sententiarum Петра Ломбарда Факультету данъ былъ готовымъ религіозный догматъ, и пониманіемъ его ограничивалась вся дѣятельность учащихся. Однако иногда приводились также и еретическія воззрѣнія: вотъ причина, почему папы такъ часто медлили разрѣшать теологическіе факультеты въ университетахъ, —почему также въ Лувенѣ,—этомъ главномъ мѣстѣ правовѣрія и приверженности къ догматамъ церкви (такъ что Филиппъ II Испанскій поручалъ его своей дочери какъ „зѣницу своего ока“), никто изъ

студентовъ не смѣлъ читать, покупать и продавать еретическихъ книгъ и почему тамъ, начиная съ 1545-го г., каждый изъ вновь поступавшихъ обязанъ былъ давать такую присягу: „Клянусь, что я отъ души ненавижу всякія ученія Лютера и другихъ еретиковъ, и что я намѣренъ блюсти и сохранять древнюю вѣру въ католическую церковь и подчиненіе высшему пастырю, римскому епископу“.

Facultas juris canonici et civilis имѣлъ своими предметами гражданское и каноническое право. Юридическій факультетъ былъ образованъ по вѣнскимъ статутамъ докторами и лиценціатами его, которымъ поручалось, читать лекціи добросовѣстно, отнюдь не пропускать glossas ordinarias, а напротивъ излагать ихъ ясно, научно и удобопонятно какъ для новичковъ, такъ и для преуспѣвшихъ, разработывать лекціи и не слишкомъ сокращать ихъ. Юридическіе же бакалавры и студенты должны вести себя степенно на лекціяхъ соблюдать спокойствіе, не кричать, не выть, не шипѣть и не хохотать непристойно, и вездѣ, гдѣ бы ни было являться въ словахъ, пріемахъ и одеждѣ учениками строгой нравственности.

Медицинскій факультетъ опирался на Авицену, Гиппократа и Галена.

Одинъ и тотъ же учитель могъ принадлежать къ разнымъ факультетамъ, по мѣрѣ того какъ онъ пріобрѣталъ достаточныя познанія въ разныхъ наукахъ (что при скудномъ объемѣ отдѣльныхъ наукъ въ то время было не такъ и трудно): Германъ Луртцъ изъ Нюрнберга, въ 1395-мъ г., былъ приглашенъ въ Эрфуртскій университетъ въ качествѣ доктора теологіи и медицины; а Іоаннъ Шёнеманъ въ 1424-мъ преподавалъ тамъ на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ факультетовъ и ученаго цеховаго устройства стояло точное опредѣленіе академическихъ *степеней и званій*. Въ Болоньѣ учителя сначала избирались или приглашались студентами. Считавшіе себя призванными къ преподаванію выступали также и самостоятельно. Разница между учащими и учащимися вообще сначала не была въ точности опредѣлена, такъ что подъ названіемъ studentes разумѣлись не только учившіеся, но также и учившіе. Не рѣдко пожилые люди, сами давно уже бывшіе учителями, отправлялись въ университетъ; иной являлся тамъ въ извѣстные часы учителемъ, а въ другіе онъ же приходилъ въ аудиторію къ преподавателю другой какой-нибудь науки въ качествѣ слушателя. Знаменитые и много посѣщаемые учителя избирали себѣ даровитѣйшаго изъ учениковъ въ помощники, praepositus, занимавшаго каѳедру въ случаѣ ихъ болѣзни или недосуга и по смерти первыхъ дѣлавшагося обыкновенно ихъ преемникомъ.

Такая свобода, выступать учителемъ и назначать преемниковъ себѣ, прекратилась, когда утвердились университетскіе уставы. Произволъ, съ какимъ студенты обращались къ извѣстнымъ учителямъ въ Болоньѣ и Падуѣ, замѣнился выборомъ отъ національностей, который однако въ 1219-мъ г. былъ ограниченъ постановленіемъ папы Гонорія только лицами, получившими разрѣшеніе на то отъ епископа соборнаго капитула. Такимъ же порядкомъ и въ другихъ университетахъ, въ силу папскихъ постановленій, на епископовъ и ихъ канцлеровъ, а не то на всѣхъ въ совокупности преподавателей, или магистровъ (мастеровъ) науки возлагались обязанность и полномочіе подвергать испытанію всѣхъ, желавшихъ занять должность учителя и выдавать имъ разрѣшеніе. Тулузскій университетъ былъ первымъ, въ которомъ преподаватели каждой изъ наукъ имѣли право подвергать всѣхъ испытанію и допускать къ учительской должности, а потомъ „въ другихъ университетахъ, гдѣ вначалѣ давалъ разрѣшеніе епископъ, право это на самомъ дѣлѣ все болѣе переходило въ руки совокупности преподавателей, такъ какъ епископы и прежде уже не сами подвергали испытанію, а предоставляли это дѣло знатокамъ науки и, наконецъ, сохранили за собою лишь формальное подтвержденіе заявленнаго преподавателями допущенія или недопущенія".

Главныя ученыя степени въ Парижѣ, допускавшія въ свою очередь подраздѣленія, были баккалавры (первоначально baccalareus, передѣланное на латинскій ладъ bachelier, bas chevalier, т. е. молодой дворянскій воинъ, новикъ), лиценціаты и магистры.

Баккалавры назначались отъ магистра той или другой науки и притомъ именно изъ учениковъ, обладавшихъ наибольшимъ искусствомъ въ преніяхъ. Они раздѣлялись на начинающихъ, дѣйствующихъ и готовыхъ, и по порученію магистровъ занимались съ младшими учениками. Въ Вѣнѣ желавшій сдѣлаться баккалавромъ въ facultas artium обязанъ былъ учиться напередъ два года и прослушать лекціи объ извѣстныхъ книгахъ: затѣмъ онъ подвергался испытанію и въ то же время обязывался выдержать десять диспутовъ. Въ теологическомъ факультетѣ baccalareus biblicus или cursor (legendo cursus suos seu bibliam) дѣлался тотъ, кто въ теченіе шести лѣтъ занимался теологіею, и если не былъ magister in artibus, то по крайней мѣрѣ искусенъ въ возраженіяхъ и отвѣтахъ. Юридическій факультетъ удостоивалъ степени баккалавра всякаго, прослушавшаго два года гражданское и два года каноническое право. Желавшій получить эту степень въ медицинскомъ факультетѣ обязывался, если былъ, magister in artibus по малой мѣрѣ въ теченіе 2-хъ, если же просто студентъ, то въ теченіе 3-хъ лѣтъ посѣщать и слушать медицинскія лекціи: Ioan-

nicii artem, primum seu quartum canonici Avicennae et aliquem librum in Practica ut nonum Rasis Almansoris. Баккалавръ пользовался правомъ носить круглую шапку и обучать начинающихъ. Впрочемъ онъ и самъ слушалъ еще лекціи.

Лиценціаты (licentia licentiati) получали эту степень съ разрѣшенія канцлера или епископа, но она выдавалась по испытаніи и съ согласія факультетскихъ магистровъ, а канцлеръ и епископъ лишь утверждали ее окончательно. Въ Вѣнѣ баккалавръ на художественномъ факультетѣ могъ добиваться степени лиценціата по истеченіи одного года;—на теологическомъ факультетѣ онъ обязанъ былъ прочесть библейскій курсъ, потомъ поступить въ сентенціаріи и въ качествѣ такого годъ или два читать сентенціи Петра Ломбарда, послѣ того въ теченіе трехъ лѣтъ упражняться въ университетѣ въ диспутахъ и проповѣдяхъ, азатѣмъ уже воленъ былъ домогаться степени лиценціата;—на юридическомъ факультетѣ всякій, желавшій быть лиценціатомъ, долженъ былъ въ качествѣ баккалавра заниматься семь лѣтъ;—на медицинскомъ факультетѣ всякій, домогавшійся лиценціи, долженъ былъ прослушать медицинскія лекціи пять лѣтъ, если онъ получилъ степень художника, и шесть лѣтъ, если не имѣлъ еще никакой степени.

Когда лиценціатъ достигалъ опытности, онъ дѣлался *магистромъ*, иногда съ *титуломъ доктора*, иногда безъ послѣдняго; этотъ титулъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ничего не присовокуплялъ къ правамъ магистра, а въ иныхъ былъ дѣйствительно высшею степенью, даже источникомъ доходовъ. (Въ итальянскихъ университетахъ съ званіемъ доктора правъ были связаны разныя почести и преимущества). По привилегіи Фридриха I, надѣлявшей учителей административною властью, званіе доктора было связано съ правомъ этой власти и учительской должности: такъ напр. были Doctores Juris Caesarei, Coronici, Medicinae, Grammatici, Logicae, Philosophiae etc. Остальные учителя назывались *Magistri*. Производство въ доктора совершалось съ большимъ торжествомъ. Докторантъ, выдержавъ частный экзаменъ у наличныхъ докторовъ, обязанъ былъ сказать рѣчь въ соборѣ, прочесть лекцію и выдержать диспутъ; когда онъ оказывался достойнымъ, то Cancellarius, приведя его къ присягѣ, провозглашалъ о послѣдовавшемъ производствѣ, и всѣ доктора тутъ же съ поцѣлуемъ (въ знакъ принятія въ коллегію) и пожеланіями вручали новому доктору знаки достоинства: книгу (символъ науки), кольцо (символъ бракосочетанія съ наукою) и докторскую шляпу (символъ римской манумиссіи или восточнаго осѣненія) и сажали его на каѳедру (символъ должности и достоинства учителя), послѣ чего всѣ удалялись изъ церкви. Доктора имѣли право жаловать другимъ ученыя степени и читать лекціи.

Лекціи были обычныя и сверхобычныя (ординарныя и экстраординарныя), и тѣ и другія читались аккуратно. Начало курса (обыкновенно годичнаго, отъ 19-го и 20-го октября до 7-го сентября; послѣ этого наступали „большія вакаціи“; сверхъ того вакаціи назначались въ праздничные дни: 2 недѣли послѣ пасхи, 11 дней послѣ рождества и по четвергамъ среди недѣли, когда не было праздника) сопровождалось религіозными празднествами. Сперва аудиторіи находились въ домахъ преподавателей; начиная съ XIV столѣтія стали воздвигать публичныя зданія.

Вмѣстѣ съ лекціями производились также *диспуты*, въ которыхъ участвовали учителя и студенты. Диспуты происходили обыкновенно по субботамъ. Они состояли въ тѣсной связи съ схоластической философіей, служившей имъ плодотворною почвою. При трудности, съ какою до изобрѣтенія книжной печати сопряжено было распространеніе рукописныхъ сочиненій, диспуты были самымъ удобнымъ путемъ пускать въ ходъ и провѣрять новыя идеи, или защищать отъ нихъ старыя. Но вскорѣ дѣло дошло до того, что средство стало цѣлью, и диспуты производились единственно ради диспута. Такимъ образомъ они обратились въ пустую забаву для ума, не имѣвшую по большей части никакого отношенія къ внутреннему убѣжденію, такъ что считалось даже заслугою доказывать съ равнымъ искусствомъ самыя противорѣчивыя вещи, или по нѣскольку дней къ ряду состязаться о пустомъ предметѣ съ діалектическою ловкостью. Въ диспутахъ обращалось вниманіе не столько на содержаніе, на истину, сколько на форму: диспутъ былъ чѣмъ-то въ родѣ діалектическаго единоборства, ученаго турнира, „совершавшагося на аренѣ учености и науки, послѣ того какъ снаружи, на рыцарскомъ ристалищѣ смолкли конскій топотъ и грохотъ оружій“ — то былъ первый порывъ субъективности, съ цѣлью испытать присутствіе духа, остроуміе и находчивость,—исполненный юной духовной мощи, такъ что необходимо было, какъ, напр. на диспутахъ номиналистовъ съ реалистами, отдѣлять занимаемую главнымъ бойцомъ каѳедру отъ мѣста оппонентовъ, чтобы спорящіе не вцѣпились другъ другу въ волосы и состязаніе не перешло такимъ образомъ въ кулачный бой.

Учителя взимали за свои лекціи и пр. сначала лишь почетную плату съ своихъ слушателей (Honorarium), иногда значительную, а часто и довольно скудную. Одофредъ получалъ за каждую лекцію по 400 лиръ. За логику каждый изъ слушателей обязанъ былъ вносить около 2 талеровъ, за грамматику, со включеніемъ квартиры и содержанія, около 30 талеровъ въ годъ. Въ Прагѣ въ 1366-мъ г., каждый студентъ платилъ за Аристотелеву метафизику, которую слѣдовало окончить въ одно полугодіе, 8 грошей, за физику въ 3 чет-

верти года 8 грошей, за книгу de coelo въ 4 мѣсяца 5 грошей; но студентъ, тратившій на содержаніе въ годъ не болѣе 12 гульденовъ, не платилъ ничего. Правда, въ 1557-мъ г. Эрфуртскій университетъ, соперничествуя съ Іенскимъ, писалъ пользовавшемуся большою славою по философской учености Лувенскому университету, чтобы послѣдній выслалъ ему профессора, который за 80 талеровъ годового оклада училъ бы ежедневно по 2 часа греческому и латинскому. А въ 1483-мъ г. въ Эрфуртскомъ университетѣ Іоаннъ Геннебергеръ съ своимъ наставникомъ издержалъ въ теченіе двухъ лѣтъ 26 золотыхъ гульденовъ, причемъ въ общій расходъ вошло $2^1/_2$ пфеннига за чернила.—При великомъ множествѣ профессоровъ (—въXIV столѣтіи въ Болоньѣ считалось 125 профессоровъ и другихъ доцентовъ, въ томъ числѣ 49 Doctores utriusque juris—) случалось иногда, что начинающіе доценты, съ цѣлью добиться извѣстности посредствомъ большого стеченія публики, платили гонораръ студентамъ, посѣщавшимъ ихъ лекціи. Начиная съ 1279-го г. назначали постоянные оклады учителямъ, которыхъ за отличное преподаваніе ихъ хотѣли удержать при университетѣ. Въ 1381-мъ г. въ Болоньѣ находилось на жалованьи 23 учителя права; въ томъ же столѣтіи городская казна выдала 40,000 кронъ на жалованье профессорамъ.

IV. Дисциплина въ университетахъ.

Въ университетахъ господствовали нравы той эпохи, въ которой они выросли — нравы страстно возбужденные. Расторгши закоснѣлыя формы, духъ порывался къ полному удовлетворенію въ избыткѣ открывшихся ему новыхъ воззрѣній и потребностей; оттого-то о́бокъ съ самымъ крайнимъ отреченіемъ отъ міра появлялась самая крайняя мірская похоть, о́бокъ съ монашескимъ смиреніемъ кичливая заносчивость. То же самое и въ университетахъ. Сами даже магистры бушевали заодно съ другими. Въ разныхъ факультетахъ приходилось увѣщевать ихъ, чтобы они поддерживали взаимное согласіе и не прибѣгали на диспутахъ къ ругательствамъ и неприличнымъ жестамъ. Студенты предавались крайнему буйству. Но и въ буйствѣ этомъ проявлялась рѣзкая, національная разница между студентами англійскихъ и другихъ университетовъ. Въ Англіи у студентовъ не только каждый день происходили драки, но чуть-ли не каждый годъ настоящія битвы и уличные бои между австралами и бореалами, между Шотландцами и Вельшами, реалистами и номиналистами, академическими и городскими гражданами; такимъ же оружіемъ часто рѣшались спорныя притязанія удостоен-

ныхъ и неудостоенныхъ ученыхъ степеней, учителей и учениковъ, университетскихъ членовъ и монашескихъ орденовъ. Всѣ эти побоища были однако признакомъ свободнаго, мощнаго, практическаго развитія англійской народной жизни, отнюдь не пустыми драками, а всегда происходили въ угоду какой либо партіи, національности, за или противъ интересовъ правительства, епископской власти и т. п. Въ Парижѣ, Вѣнѣ и пр., напротивъ того, студенческія страсти были чисто взрывами индивидуальнаго и субъективнаго произвола; но вслѣдствіе того случались не рѣже, а выходили болѣе опасными и разслабляющими нежели въ Англіи.—Въ Вѣнскихъ статутахъ студентамъ предписывается употреблять время не на однѣ лишь попойки, на фехтованье и игру на гитарѣ, но болѣе на физику, логику и лекціи; а сварливыхъ, сладострастныхъ, пьяницъ, шатающихся ночью съ музыкой по улицамъ или праздно гоняющихся за непотребными женщинами, воровъ, тѣхъ, что обижаютъ гражданъ, играющихъ въ кости, слѣдуетъ, буде они не унялись послѣ предварительнаго увѣщанія, подвергнувъ установленнымъ за то по обычному праву наказаніямъ, лишать академическихъ привилегій и матрикулъ. Парижскій университетъ издалъ законы противъ убійства, противъ растлѣнія и похищенія дѣвицъ, противъ вторженія въ дома и грабежа со взломомъ, но не могъ воспрепятствовать чтобы близъ аудиторій, даже непосредственно подъ ними не водворялись непотребныя женщины. При громадномъ стеченіи учащихся въ нѣкоторыхъ университетахъ кровопролитныя побоища и волненія на улицахъ были дѣломъ обыденнымъ. Парижскіе студенты страшно враждовали другъ съ другомъ не только вслѣдствіе различныхъ сектъ (—какъ сообщаетъ Витріакусъ—)и не только по поводу диспутовъ. Они обзывали Англичанъ пьяницами и caudatos (хвостатыми), Французовъ гордыми, изнѣженными фатами, Нѣмцевъ ворами и запивохами, Норманцевъ пустыми хвастунами, Питавійцевъ измѣнниками, которые бываютъ лишь друзьями счастія, Бургундцевъ глупцами и дураками, Ломбардцевъ скрягами, коварными и невоинственными, Римлянъ мятежными, прибѣгающими къ насилію и охотно грызущими за пальцы, Сицилійцевъ тиранами и жестокими, Брабантцевъ кровопійцами и поджигателями, Фландрцевъ распутными, расточительными, преданными попойкамъ, мягкими и податливыми словно масло. Итальянскіе университеты, какъ кажется, были избавлены отъ многихъ подобныхъ золъ и пороковъ, дошедшихъ въ Парижѣ до опасныхъ размѣровъ, оттого что въ первыхъ студенты составляли изъ себя самоуправляющіяся общины, а здѣсь одну лишь неорганизованную толпу.

Оттого-то между Парижемъ и Болоньей и пр. обнаружилась весьма большая разница относительно воспитанія и

дисциплины. У парижскихъ студентовъ самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ были розги, которыми сѣкли виновнаго по обнаженной спинѣ въ присутствіи ректора и прокуратора; этому наказанію, вошедшему въ употребленіе, какъ полагаютъ, уже около 1200-го г. и весьма распространенному еще въ XV-мъ вѣкѣ, подвергались не одни только школьники, но даже сами баккалавры.

Чтобы положить преграду безнравственности студентовъ, прибѣгли къ *коллегіямъ*, возникшимъ первоначально вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ и встрѣчавшимся единичными заведеніями, вскорѣ однако вошедшимъ въ общее употребленіе, такъ что французскіе и англійскіе университеты были не что иное какъ замкнутыя коллегіи. Складъ цехообразнаго ученаго сословія повелъ къ тому, что научное образованіе должно было начинаться какъ можно ранѣе. Оттого-то въ университетъ поступали большею частью отроки и незрѣлые юноши, не подготовленные надлежащимъ образомъ ни въ какой школѣ. Эти мальчики не были въ состояніи самостоятельно распорядиться своею жизнью и своими занятіями и противостать господствующей порчѣ нравовъ. Тутъ примѣръ францисканцевъ и доминиканцевъ, содержавшихъ своихъ послушниковъ, бывшихъ въ то же время ихъ учениками, въ домахъ съ монастырскимъ устройствомъ, и подалъ наклонной къ благочестивымъ учрежденіямъ эпохѣ мысль о коллегіяхъ (тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе громаднаго стеченія учащихся, квартиры такъ вздорожали, что бѣднымъ студентамъ трудно было найти пристанище).

Сначала коллегіи были только общими жилищами, назначаемыми для пріюта учениковъ одной и той же провинціи, націи или одного и того же прихода, — нѣкоторыя за умѣренную плату, а бо́льшая часть безплатно для бѣдныхъ студентовъ. Въ XII-мъ столѣтіи уже въ Парижѣ находились двѣ такія коллегіи, а въ XIII-мъ онѣ размножились. Самою замѣчательною между ними была коллегія Сорбонны, основанная Робертомъ де Сорбономъ, съ цѣлью доставить выгоды такого заведенія мірянамъ, которые въ Парижѣ изучали теологію и для которыхъ тамъ не существовало доселѣ ни одной коллегіи. Назначенная сначала для 16 бѣдныхъ студентовъ теологіи (по четыре изъ каждой націи), коллегія расширилась еще при жизни Роберта благодаря тому, что съ одной стороны благотворители увеличили число безплатныхъ мѣстъ, а съ другой — помимо неплатящихъ учениковъ стали допускать туда также и другихъ, готовыхъ принять на себя издержки за лекціи, лишь бы воспользоваться отличнымъ устройствомъ заведенія. Изъ всѣхъ коллегій Сорбонна, кажется, первая предлагала въ своемъ заведеніи не только дополнительное преподава-

ніе, но и настоящія богословскія лекціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы имѣть для настоящей теологической школы разсадникъ малолѣтнихъ отроковъ, Робертъ основалъ коллегію Кальви, малую Сорбонну, назначенную для приготовительнаго элементарнаго обученія. Первымъ королевскимъ заведеніемъ была основанная благочестивымъ рвеніемъ супруги Филиппа Красиваго, королевы Іоанны Наваррской, Наваррская коллегія, гдѣ было двадцать безплатныхъ мѣстъ для изучавшихъ грамматику, тридцать для логиковъ и философовъ, двадцать для богослововъ; изъ нихъ первые получали по 4, вторые по 6, а послѣдніе по 8 су (Sous) въ недѣлю. У каждаго изъ отдѣловъ былъ свой собственный домъ съ особыми спальнями, столовыми и съ особыми учителями и ихъ помощниками. Старшій учитель богословія былъ ректоромъ всего заведенія. Философы послѣ четырехлѣтнихъ занятій должны были держать экзаменъ на баккалавра, если же они по истеченіи семи лѣтъ не удостоились еще лиценціи, то лишались безплатнаго мѣста; богословы должны по истеченіи шести лѣтъ быть въ состояніи говорить проповѣди, на 7-мъ году толковать библію, а по прошествіи 10 лѣтъ объяснять книгу Magister sententiarum. Тамъ учинялись конференціи, диспуты, общія пробныя работы, и латинскій языкъ былъ въ ходу въ часы досуга, точно также какъ и на лекціяхъ. —Воспитанники коллегіи носили форменное платье; за ихъ нравственностью и прилежаніемъ строго наблюдали, и они только въ извѣстное время могли отлучаться изъ заведенія. Скоро и пансіонеры также, жившіе не въ коллегіи, стали принимать участіе въ урокахъ и упражненіяхъ ея. Но сами коллегіи въ занятіяхъ своихъ все болѣе и болѣе принимали механическій характеръ. Правда, ихъ воспитанники предохранялись отъ уличныхъ волненій и дракъ но, вслѣдствіе монашескихъ порядковъ развились тайные грѣшки и распутства. Эразмъ въ 1496-мъ г. писалъ про Парижъ: „Я изъ коллегіи не вынесъ ничего кромѣ тѣла съ испорченными соками и несмѣтнаго числа насѣкомыхъ. Настоятель при всей его доброй волѣ лишенъ былъ всякаго разсудка: желая сдѣлать всѣхъ монахами, онъ вслѣдствіе того вѣроятно и обращалъ особенное вниманіе на неимущихъ. Ложе было жесткое, а пища до того дурна и скудна, занятія по безсоннымъ ночамъ дотого тяжки, что многіе весьма даровитые юноши въ первые же годы своего тамъ пребыванія померли, или ослѣпли, впадали въ сумасшествіе или заражались проказою. Притомъ въ наказаніе истязали воспитанниковъ бичами съ жестокостью палача. Всякое пробужденіе благороднаго духа, котораго нельзя было понудить принять монашескую рясу, считалось упорствомъ. Лекціи были годны лишь на то, чтобы заглушить всякій интересъ къ изящнымъ наукамъ, подавить всякій высшій, поэтическій

духовный порывъ. Умъ богослововъ былъ извращенъ, языкъ у нихъ былъ варварскій, научное знаніе ихъ состояло изъ пустыхъ хитросплетеній, ихъ нравы лишены были образованія, жизнь отличалась лицемѣріемъ, рѣчь была полна яда, а сердце преисполнено коварства".

Въ Италіи не было удобной почвы для коллегіальной системы. Появлявшіеся тамъ одиночные коллегіальные дома сохраняли за собою скорѣе характеръ пансіоновъ.

Англійскіе университеты на основѣ богатыхъ фундушей или частныхъ вкладовъ развили коллегіальную систему до ея крайнихъ предѣловъ. Давно уже установившееся здѣсь правило, въ силу котораго каждый академическій гражданинъ обязанъ быть членомъ конвикторскаго (общежительскаго) союза, было примѣнено къ коллегіямъ (Halls или Colleges), такъ что даже ученики, вовсе не причастные выгодамъ общежительство, принуждены были подчиниться дисциплинѣ коллегій, гдѣ имъ приходилось собственными средствами покрывать издержки за квартиру, содержаніе, а впослѣдствіи также и за преподаваніе. Такимъ образомъ въ Англіи университеты понемногу превратились въ коллегіи, вслѣдствіе чего воздѣлывались лишь тѣ науки, которыя преуспѣвали въ послѣднихъ и налицо остались только самыя скудныя, ремеслообразныя артистическія знанія, тогда какъ въ нравственной области принижены были всѣ жизненныя начала. Студентамъ возбранялось даже посѣщать какой бы то ни было мѣщанскій домъ, и предписывалось съ должнымъ приличіемъ, но не черезъчуръ медленно проходить по улицѣ и нигдѣ не останавливаться изъ любопытства, хотя бы даже на короткое время.

Въ Нидерландахъ имѣлись коллегіи при Лувенскомъ университетѣ. Тамъ въ 1453-мъ г. ихъ было семь, и при каждой — по четыре ординарныхъ профессора. Два года къ ряду въ нихъ преподавалась философія, особенно по Аристотелю. Благодаря имъ Лувенъ и прославился своимъ превосходнымъ классическимъ образованіемъ. Тамъ соблюдался строгій порядокъ; вообще Лувенъ отличался строгостью дисциплины, установившей даже одежду студентовъ: они должны были носить верхнее платье извѣстнаго покроя и не смѣли приходить на лекцію въ слишкомъ короткихъ сюртукахъ. Обращалось также вниманіе и на собственность студентовъ, такъ что по закону 1466-го г. они не смѣли продавать или закладывать своихъ книгъ безъ разрѣшенія на то ректора, потому что часто пропивали вырученныя въ ломбардѣ деньги и наносили вредъ общественной нравственности.

Въ Германіи надъ коллегіями преобладали бурсы:—частныя учрежденія, въ которыхъ за извѣстную плату студенты подъ надзоромъ ректора, rector bursae(—касса, на счетъ ко-

торой содержались бѣдные студенты въ Сорбоннской коллегіи, называлась bursa, а сами студенты именовались bursii, bursari, boursiers; отсюда это имя перешло въ Германію, тогда какъ въ Италіи студенты назывались bursati, оттого что носили за поясомъ бурсу, кошелекъ,—) жили вмѣстѣ, пользовались квартирой и столомъ и занимались учеными упражненіями. Магистры, которымъ въ видѣ отличія выдавалось отъ факультетовъ разрѣшеніе на такіе бурсы, устроивали съ своими бурсаками диспуты послѣ обѣда, настаивали, чтобы они даже у себя въ комнатахъ говорили полатыни и повторяли съ младшими студентами публичныя лекціи. Ко всему этому ректоры бурсъ обязывались формально и кромѣ того обѣщались каждому изъ своихъ подчиненныхъ, смотря по вносимой имъ платѣ, назначать соразмѣрное помѣщеніе, посѣщать по возможности чаще комнаты жильцовъ, штрафовать непослушныхъ, а штрафныя деньги употреблять въ пользу бурсы. Исполнявшій все это ректоръ бурсы получалъ отъ каждаго изъ жильцовъ за помѣщеніе и труды по одному грошу въ недѣлю, а сверхъ того небольшіе подарки въ извѣстныя времена, за повтореніе лекцій вносилась особая плата. Каждый бурсакъ по пріемѣ долженъ былъ дать отъ себя письменное обѣщаніе въ томъ, что онъ обязуется во всемъ повиноваться ректору, не производить никакихъ бунтовъ, не наносить никакой порчи дому или посудѣ, а въ противномъ случаѣ вознаграждать за причиненный убытокъ. Ослушниковъ, игроковъ, любодѣевъ ректоръ обязанъ былъ послѣ нѣсколькихъ тщетно данныхъ предостереженій увольнять изъ бурсы, и уволенные могли быть приняты въ другую бурсу не иначе какъ съ разрѣшенія университета.—Вскорѣ бурсы и въ Германіи также извратились. Ректоры ихъ стали подражать ректорамъ коллегій въ Парижѣ. Они разсылали своихъ учениковъ перехватывать новопришельцевъ и заманивать ихъ въ свои бурсы. Имъ, конечно, приходилось смотрѣть сквозь пальцы на злонравныя шалости тѣхъ, которыхъ употребляли на такое дѣло. Вообще ихъ дисциплина было ослаблена, въ тѣхъ видахъ чтобы не лишиться жильцовъ. Они не только не доносили о проступкахъ бурсаковъ, а напротивъ, старались всячески замять и извинить ихъ. Начальники бурсъ торговали простымъ наумбургскимъ пивомъ и продавали его какъ шинкари, не радѣли къ своей должности и богатѣли отъ своей торговли, тогда какъ студенты, раззорившись, должны были часто бросать начатое ученіе и возвратиться изъ университета домой ни съ чѣмъ.

Борьба свѣта съ мракомъ, культуры съ невѣжествомъ, господствовавшая въ послѣдніе дореформаціонные вѣка, отозвалась также и на университетахъ той эпохи. Они были смѣсью рыцарства и цехового строя. Научная организація ихъ подчинялась узкосердому цеховому духу. Студен-

ческое житье часто извращалось въ грубые кутежи и развратное бродяжничество. Но все-таки очагами вновь пробуждавшейся научной жизни были тѣ университеты, гдѣ право публичнаго преподаванія впервые стало даваться не прелатами, а самимъ университетомъ, и это право признавалось затѣмъ всѣми другими университетами. Они были убѣжищами науки, гдѣ сокрушена слѣпая вѣра въ авторитетъ. Такъ какъ они служили свободно научному духу, то имъ и не слѣдовало погибнуть, когда на міръ повѣялъ этотъ новый духъ. Они напротивъ того, оказались способными переобразоваться вновь изъ своего зародыша и постоянно вновь отвѣчать требованьямъ своей эпохи. Первое преобразованіе въ устройствѣ и управленіи они испытали поэтому уже въ XIV-мъ и XV-мъ вѣкахъ, когда изобрѣтены были бумага изъ тряпья и книгопечатаніе. Въ началѣ XIV-го столѣтія въ Парижѣ даже отъ магистровъ искусства, изучавшихъ богословіе, нельзя было требовать, чтобы они имѣли у себя священное писаніе и книгу magister sententiarum и приносили бы ихъ на лекціи. Тексты, толкованія и замѣтки диктовались, и для многихъ изъ учащихся слышанные ими тексты, толкованія и комментаріи составляли весь запасъ знанія. Учителя просто прочитывали свои тексты и тетрадки, а слушатели записывали все, что имъ диктовалось. Понятно, что такимъ образомъ долѣе длился срокъ преподаванія и ученія въ университетахъ. Когда же, напротивъ того, вслѣдствіе изобрѣтенія бумаги — письменный матерьялъ, а вслѣдствіе печати — книги размножились и подешевѣли, то оказалось возможнымъ сократить курсы и уменьшить число профессоровъ. При свободномъ чтеніи, наступившемъ съ этихъ поръ и часто даже положительно предписываемомъ, преподаватели въ состояніи были въ однѣхъ и тѣхъ же лекціяхъ излагать заразъ гораздо болѣе, а студенты въ свою очередь могли усвоить себѣ гораздо болѣе знаній, оттого что имъ уже не приходилось записывать лекцію учителя слово въ слово, такъ какъ они перечитывали или повторяли ее по легко достававшимся книгамъ. Потому-то въ основанныхъ въ XV-мъ вѣкѣ университетахъ число состоявшихъ на жалованьи учителей было гораздо менѣе, нежели въ прежнихъ высшихъ школахъ число дѣйствительныхъ преподавателей, и даже изъ открытыхъ прежде публичныхъ каѳедръ многія были отмѣнены и слиты воедино, оттого что одинъ профессоръ безъ труда могъ занимать ихъ по нѣскольку заразъ.

Такой же великій переворотъ какъ книгопечатаніе на устройство университетовъ произвело и возрожденіе древнеклассическихъ ученій. Съ возстановленіемъ древности, этой полной и богатой дѣйствительности.

этой ненадломленной, ясно и мощно распустившейся человѣчной культуры, изученіе отвлеченныхъ понятій и схоластики было признано ничтожнымъ и вслѣдствіе того отмѣнено; вмѣстѣ съ господствовавшею доселѣ наукою измѣнился также и методъ ея, методъ преподаванія и изученія: опредѣленія замѣнялись наглядностью, диспуты живымъ и яснымъ изложеніемъ, а такъ какъ не добивались уже механической ловкости въ употребленіи словъ и понятій и непрестаннаго затверживанья ихъ, то прекратилась также и цехообразная совмѣстная жизнь. Полные энтузіазма, подвергаясь бѣдствіямъ и опасной враждѣ, поборники древней литературы переходили изъ края въ край словно поборники истины, и во всѣхъ городахъ, особенно при высшихъ школахъ, появлялись они истолкователями Грековъ и Римлянъ. Ихъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ привѣтствовали всюду, какъ посланниковъ Божіихъ. Старые учителя и вся школьная премудрость ихъ были преданы презрѣнію; бурсы и коллегіи разстроены; студенты цѣлыми толпами выходили изъ нихъ. Учащіеся и учившіе собрались у ногъ новыхъ учителей. Вслѣдствіе этого въ новыхъ университетахъ, какъ-то въ Кенигсбергѣ, Іенѣ, Марбургѣ, Гельмштедтѣ, академическая молодежь не подчинялась уже болѣе деспотизму бурсъ и коллегій. Вмѣстѣ съ бурсами и коллегіями рушился также прежній порядокъ занятій и раздачи ученыхъ степеней. Учителя древнихъ языковъ вынесли изъ Италіи презрѣніе къ академическимъ степенямъ и внушили тотъ же образъ мыслей своимъ воспитанникамъ. Вслѣдствіе этого вскорѣ оказалось излишнимъ добиваться степени баккалавра или магистра; потому-то и не стали болѣе предаваться по нѣсколько лѣтъ къ ряду исключительно такъ-называемымъ философскимъ наукамъ, а напротивъ, слушали въ одно и то же время какъ философскія лекціи, такъ и другія науки. Наконецъ, съ распаденіемъ бурсъ и коллегій университеты неизбѣжно отдѣлились отъ приготовительныхъ школъ. Въ старѣйшихъ университетахъ воспитанники изучали въ коллегіяхъ начальныя основанія грамматики и отъ нихъ постепенно восходили къ высшимъ наукамъ. Низшія коллегіи стали низшими латинскими школами; а пресловутыя коллегіи— смѣсью низшихъ школъ, гимназій и университетовъ. Съ паденіемъ ихъ оказалось необходимымъ основать особыя приготовительныя заведенія для высшихъ занятій. Поборники классическаго изученія по примѣру Итальянцевъ положили основаніе такимъ низшимъ и высшимъ школамъ, въ которыхъ преподавались какъ латинскій, такъ и греческій языки, и гдѣ изученіе языковъ соединялось съ началами научныхъ знаній. Вслѣдствіе такого отдѣленія школъ и гимназій отъ университетовъ

срокъ ученія въ послѣднихъ естественно сократился. Наконецъ, по мѣрѣ того какъ распространялось изученіе классической литературы, размножалось также и число учителей, состоявшихъ на жалованьи. Въ старѣйшихъ германскихъ университетахъ только ограниченное число учительскихъ мѣстъ связано было съ постояннымъ окладомъ; остальные же учителя выбирались погодно и получали отъ своихъ слушателей гонораръ. Для того чтобы привлечь и сильнѣе привязать къ себѣ знаменитыхъ литераторовъ, высшія школы стали предлагать съ этихъ поръ значительные оклады. Число получавшихъ окладъ или ординарныхъ учителей при высшихъ школахъ увеличилось, и состоявшіе на жалованьи учителя обязаны были, въ качествѣ старшихъ professores collegiati, безплатно или публично читать свои лекціи. Первая половина XVI-го столѣтія была тою эпохою, когда размножилось число состоявшихъ на жалованьи учителей по всѣмъ предметамъ, когда важнѣйшія лекціи получавшихъ окладъ или ординарныхъ учителей сдѣлались публичными и когда съ назначеніемъ жалованья всѣмъ ординарнымъ учителямъ связаны были пожизненныя учительскія должности, смѣнявшіяся прежде съ каждымъ годомъ или полугодіемъ.

C. ВОЗРОЖДЕНІЕ КЛАССИЧЕСКИХЪ НАУКЪ.

26.

Классическія науки въ Италіи.

Къ важнѣйшимъ борцамъ за свободу противъ одряхлѣвшаго и прогнившаго дореформаціоннаго міра относятся классическія науки, вновь возставшія изъ гроба и давшія человѣчеству новый питательный и образовательный матерьялъ, для того чтобы пережить въ немъ и съ нимъ еще разъ блистательныя выси давно забытой древности. Всеобщее одушевленіе охватило лучшіе умы и напутствовало ихъ въ Аѳины и Римъ, дабы духомъ древнихъ они воспитали свой собственный. Хотя на этомъ пути и не избѣгли крайностей, хотя время часто проводилось въ отвѣтахъ на безполезные и нелѣпые вопросы (наприн. какъ велика была бочка Діогена, какъ тяжела палица Геркулеса, какъ звали героевъ спрятанныхъ въ Троянскомъ конѣ), хотя слѣплялись фоліанты и квартанты о греческихъ древностяхъ, и Сальмазій сочинялъ ученыя статьи о золотыхъ яблокахъ Гесперидъ, назвавъ ихъ наконецъ померанцами, а Любецъ Гётце писалъ объ ученыхъ башмачникахъ и портныхъ, прозывавшихся Лу-

ками, потонувшихъ, замерзшихъ и оставшихся холостыми, между тѣмъ какъ кто-то размышлялъ объ этимологіи имени Erasmus, выводя заключеніе, что „онъ прежде человѣкорожденія своего былъ мышью (eratmus)," хотя смѣшеніе древности съ церковною вѣрою породило чудныя карикатуры, такъ что во многихъ церквахъ тексты къ проповѣдямъ избирались изъ греческихъ и латинскихъ писателей и тексты эти собирались и издавались подъ заглавіемъ auctoritates Aristotelis, Platonis, Senecae и пр., а пошлые монахи по миѳологіи доказывали и толковали чудеса христіанской вѣры, какъ напр., „восприіяла же кобылица отъ вѣтра въ Каппадокіи, отчего же муженевѣстной не породить дитя отъ духа?„—однако эти вновь пробуждающіяся знанія все-таки были знаменіемъ побѣды пробивающагося впередъ духа, такъ какъ съ ними все человѣчное и образованіе человѣка стало почетнымъ, и благодаря имъ западные умы освоились съ истиннымъ и вѣчнымъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Классическая древность съ ея замкнутымъ и законченнымъ міромъ, въ которомъ не существовало косной противоположности между духомъ и природою, расторгла формальное образованіе схоластики и вмѣстѣ съ тѣмъ узы церкви и вѣры церковной. Подвизаясь въ античномъ мірѣ на свободномъ отъ всякаго внѣшняго авторитета и церковными уставами нетронутомъ поприщѣ, духъ позналъ въ этой свободѣ свою настоящую стихію,—она сдѣлалась его потребностью, и онъ почуялъ въ ней свою верховную самодержавную власть. Въ этомъ чисто объективномъ мірѣ, находившемся внѣ всякихъ стремленій современности и внѣ всякихъ непосредственныхъ житейскихъ интересовъ, онъ обрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ царство чистой задушевности, въ которомъ онъ вращался единственно ради самого себя, ради удовлетворенія своего чувства истины и красоты. И наконецъ, возвратясь вмѣстѣ съ изученіемъ древности къ источникамъ христіанскаго образованія, онъ вознесся надъ церковью съ ея посредничествомъ между дѣйствительнымъ и духовнымъ міромъ, дабы и въ религіи также быть у самаго себя и въ ней самой добиться той непосредственной увѣренности, правды, въ силу которой онъ наконецъ и возсталъ противъ всякаго внѣшняго авторитета.

Геніальными пророками и первыми героями, страстно углубившимися въ древность и проникшимися духомъ ея, были

Итальянцы.

Древность впервые возстаетъ въ Италіи, возстаетъ какъ бы изъ гроба, оттого что духъ созрѣлъ для созерцанія того, мимо чего онъ прошелъ прежде будто въ слѣпотѣ.

Вожакомъ у Итальянцевъ явился *Данте Аллигіери*; онъ родился во Флоренціи 27-го мая 1265-го г., а умеръ въ Равеннѣ 24-го сентября 1321-го г. Онъ не былъ возстановителемъ

классической древности, но однимъ изъ его великихъ пророковъ. Его образованіе все еще опиралось на тривіумъ и квадривіумъ; путеводною звѣздою его были библія и „философъ" (Аристотель): а во второмъ ряду у него стояли попеременно, то Августинъ и Ѳома Аквинскій, то Боэтій и Цицеронъ. Однако творенія его все-таки просвѣчивали таинственными чарами классической римской эпохи: онъ читалъ лучшихъ римскихъ поэтовъ, Овидія, Виргилія, Горація и Ювенала, если и не изъ-за благозвучія ихъ стиховъ и изящества ихъ поэтическаго слога, то ради ихъ правилъ житейской мудрости, и въ великой поэмѣ своей ставилъ слово поэта óбокъ съ старозавѣтными авторитетами, дивно перемѣшивалъ языческія и христіанскіе предметы, древнюю и новую исторію, эллинскій миѳъ и церковныя созерцанья. Въ этой „Божественной комедіи",—въ этомъ храмѣ, воплотившемъ въ себѣ все средневѣковье и сосредоточившемъ въ себѣ всѣ стихіи его, древность и христіанство, государство и іерархію, науку и искусство, возсозданы въ адѣ, чистилищѣ и небѣ неизмѣнные круги божественной любви и всѣ склады міра, судимые самимъ Предвѣчнымъ, изъяты отъ измѣнчивости и начертаны въ лицахъ „такими же вѣковѣчными пламенными чертами, какими молнія чертитъ скалы. Въ томъ же все средневѣковье обнявшемъ твореніи вращаются и движутся вмѣстѣ и всѣ стихіи будущности. Этотъ самъ себѣ довлѣющій мужъ, этотъ великій мірянинъ, проведшій жизнь въ гордой самостоятельности, безпощадными словами бичуетъ безнравственность папъ, и въ 27-й пѣснѣ Рая святой Петръ говоритъ о Бонифаціи:

Кто возмечталъ, всѣхъ выше вознесуся!
Себѣ присвоилъ кто права на мой престолъ,
Досель незанятый предъ взоромъ Іисуса,
Тотъ гробъ мой въ хлябь геенскую низвелъ,
Его наполнивъ кровію и смрадомъ
На радость духу тьмы, владѣющему адомъ!

Католичество церкви видѣлъ онъ не во вседержавіи священниковъ, и лишь тогда признавалъ дѣйствіе дающихъ забвеніе водъ Леты, когда кто изопьетъ также изъ струй Эйнои всю серьёзность мысленнаго перерожденія. Христіанство его было по истинѣ всемірнымъ, оно идеализировало символику и миѳологію церкви при помощи самаго осмысленнаго толкованія. Мысль, что божественная любовь, т. е. безусловная свобода, должна прогрессивно все проникнуть и одушевить собою, составляетъ—по вѣрному замѣчанію Розенкранца—душу его аллегоріи. Онъ началъ свою Божественную комедію латинскими гекзаметрами: Ultima regna canam etc. Вскорѣ однако надъ 14-ю итальянскими нарѣчіями возвелъ онъ одинъ для всѣхъ общій книжный языкъ, съ тѣмъ чтобы въ divina comoedia сдѣлаться отцомъ итальянскаго языка и итальянской поэзіи,

и такимъ образомъ (—ибо съ этихъ поръ итальянскій рѣзко отдѣлился отъ латинскаго—) создать новый способъ чтенія классиковъ и возбудить свободное пониманіе о достоинствѣ ихъ художественныхъ произведеній; тогда какъ съ другой стороны, введя въ свое твореніе народный языкъ, онъ, хотя и ненамѣренно, изъялъ его изъ церковнаго круга и передалъ тому именно слою націи, что призванъ быть носителемъ гуманистическаго направленія.

Франческо Петрарка открылъ античный міръ, почву котораго Данте видѣлъ лишь издали. Онъ родился 1-го августа 1304-го г. въ ссылкѣ въ Ареццо и умеръ 19-го іюля 1374-го г. въ Арквѣ. Юность свою онъ провелъ въ Анчизѣ, Пизѣ, Карпантрасѣ и Авиньіонѣ. Отецъ предназначалъ сына къ правовѣдѣнью и онъ въ Монпеллье и Болоньѣ изучалъ права, впрочемъ неохотно, такъ какъ не могъ юридическую практику примирить съ своею совѣстью, притомъ же идеальный духъ его не удовлетворялся юридическими знаніями. Тогда-то между книгами своего отца нашелъ онъ сочиненія Цицерона и дотого увлекся содержаніемъ и слогомъ его, что посвятилъ изученію ихъ весь свой досугъ и сталъ отовсюду собирать сочиненія Римлянъ. Отецъ, заставъ его за изученіемъ латинцевъ, побросалъ ихъ всѣхъ въ огонь, такъ что юношѣ едва удалось спасти одного Виргилія, да нѣкоторыя сочиненія Цицерона. Повинуясь отцу, онъ съ этихъ поръ, въ теченіе семи лѣтъ, занимался изученіемъ римскаго и каноническаго правъ. Но по смерти отца въ 1324-мъ г. онъ возвратился въ Авиньіонъ, съ тѣмъ, чтобы вполнѣ отдаться своимъ любимымъ занятіямъ. Лаура де Новъ, супруга Гугона де Сада, которую увидѣлъ онъ, 23-хъ лѣтъ отъ роду, въ великую пятницу 1327-го г. во время богослуженія въ Авиньіонѣ, сдѣлалась предметомъ величавыхъ канцоновъ и любовныхъ сонетовъ его, въ которыхъ на самомъ мелодичномъ въ мірѣ языкѣ съ очаровательною прелестью передана суть всѣхъ любовныхъ чувствъ и представленій, повторяемыхъ съ тѣхъ поръ безконечное число разъ его подражателями. Одушевленный и проникнутый духомъ классицизма, Петрарка разбилъ въ своихъ пѣсняхъ сухой схоластическій методъ и, какъ плодъ своихъ классическихъ занятій, основалъ въ своей латинской прозѣ искусство краснорѣчія, вновь сдѣлавъ слово непосредственнымъ выраженіемъ души и добиваясь въ то же время возстановленія болѣе чистой латыни. Полный восторженнаго одушевленія къ древности онъ съ большимъ рвеніемъ началъ собирать творенія Цицерона: вездѣ самъ разыскивалъ ихъ; всюду также, въ Римъ и Тускулумъ, во Францію и въ Испанію въ Германію и Британію, разсылалъ просьбы и увѣты, деньги и записки, въ которыхъ значилось, какія сочиненія ему

требуются—и слѣдствіемъ этой дѣятельности было то, что съ этихъ поръ сочиненія Цицерона списывались и читались гораздо болѣе прежняго. Отъ одного изъ поклонниковъ своихъ при Византійскомъ дворѣ, Николая Сергія, получилъ онъ въ подарокъ экземпляръ Гомеровыхъ пѣсенъ: онъ принялся за греческій языкъ и хотя не ушелъ при этомъ далѣе начальныхъ правилъ, но все-таки съ своимъ Гомеромъ сдѣлался самымъ подстрекающимъ учителемъ греческаго языка: „Гомеръ для меня нѣмъ, или скорѣе я глухъ для него", писалъ онъ. „А все-таки меня радуетъ уже одинъ видъ его, и я часто его обнимаю." Съ Гомеромъ, какъ выразился онъ, водворился у него первый поэтъ, а съ Платономъ, чьи сочиненія у него уже отчасти и прежде были, первый философъ. Онъ просилъ Сергія прислать ему также Гезіода и Эврипида. Въ 1339-мъ г. Бернгардъ Барелаамъ (родившись въ Соминатѣ, что въ Калабріи, онъ ознакомился въ Греціи съ греческою литературою; по ходатайству Петрарки, онъ поставленъ впослѣдствіи епоскопомъ въ Герачи въ Калабріи) прибылъ въ Авиньіонъ. Благодаря ему Петрарка ближе ознакомился съ греческими классиками, а именно съ Платономъ, Аристотелемъ, Эвклидомъ, тогда какъ самъ открылъ Бернгарду сокровища римской литературы. Впрочемъ, по кратковременности пребыванія Барелаама, Петрарка не дошелъ до того, чтобы читать Платона и Аристотеля на родномъ ихъ языкѣ. Только уже Боккачіо, понимавшій Гомера и др., послалъ ему полный латинскій переводъ Иліады и Одиссеи, по его настоянію сдѣланный Леонтіемъ. А тѣмъ временемъ онъ самъ сталъ латинскимъ поэтомъ. Если до сихъ поръ онъ добивался личной славы, прославляя древнихъ, создавшихъ свои творенія въ стремленіи къ славѣ и безсмертію, то съ этой поры онъ хотѣлъ уже увѣковѣчить свое имя въ латинскомъ эпосѣ, прозванномъ Африкою и героемъ котораго былъ Сципіонъ Африканскій старшій. Вслѣдствіе этого онъ, вѣроятно не безъ домогательствъ съ своей стороны, въ одинъ и тотъ же день получилъ отъ канцлера Парижскаго университета и отъ Римскаго сената приглашеніе къ увѣнчанію лавровымъ вѣнкомъ—идеалъ, стоившій ему уже много безсонныхъ ночей. Онъ избралъ для этого главу міра и царицу городовъ, священное мѣсто надъ прахомъ древнихъ пѣвцовъ, и—въ день Пасхи 1343-го въ Капитоліи совершилось его вѣнчаніе. Рано утромъ звуки трубъ возвѣстили торжество, и весь народъ собрался на небывалый дотолѣ еще праздникъ. Двѣнадцать юношей въ ярко-красной одеждѣ сопровождали поэта на Капитолій, читая передъ нимъ стихи. За ними слѣдовалъ самъ Петрарка въ одеждѣ фіолетоваго цвѣта,—подарокъ Неаполитанскаго короля,—окруженный шестью знатнѣйшихъ римскихъ гражданъ, одѣтыхъ въ

зеленое и съ цвѣточными вѣнками на головѣ. Потомъ онъ сѣлъ въ украшенную символическими знаками поэзіи—влекомую четырьмя конями—колесницу; ее окружали люди, одѣтые въ греческихъ боговъ, на ней возлѣ Петрарки помѣщались лики Грацій, Вакха и Терпѣнія, а впереди шли дѣвицы съ пѣснями, позади же слѣдовала Зависть въ сопровожденіи пляшущихъ сатировъ, фавновъ и нимфъ. Въ Капитоліи, при троекратномъ восклицаніи: „Да здравствуетъ римскій народъ! Да здравствуетъ сенаторъ! Богъ да храни всѣхъ въ свободѣ ихъ!" онъ преклонилъ колѣна передъ сенаторомъ Орсо, графомъ Ангилльярскимъ, и принялъ отъ него лавровый вѣнокъ съ возгласомъ: „Этотъ вѣнецъ награда за заслуги!" При этомъ Орсо назвалъ его „великимъ поэтомъ и лѣтописцемъ" и даровалъ ему „въ силу власти Роберта, короля Неаполитанскаго, сената и римскаго народа, какъ для этого всесвятѣйшаго города, такъ и для всѣхъ остальныхъ странъ, полную свободу преподавать всенародно, производить диспуты, толковать древнія книги, составлять новыя и сочинять стихи, которые съ Божьею помощью просуществуютъ до конца міра." При оглушительныхъ кликахъ радости: „Да здравствуетъ Капитолій! Да здравствуетъ поэтъ!" былъ онъ отведенъ въ храмъ Петра, при чемъ роздалъ въ народѣ подаренные ему на этотъ конецъ семействомъ Колона четыреста гульденовъ. Прибывъ во храмъ, онъ помолился передъ алтаремъ и посвятилъ апостолу свой тройной вѣнецъ изъ плюща, лавра и миртъ, который и былъ затѣмъ повѣшенъ на сводѣ храма. Петрарка чувствовалъ, что голова его освящена, видя какъ при оказанной ему почести ликуетъ Римъ, тотъ Римъ, гдѣ онъ засталъ въ развалинахъ древніе чертоги, бывшіе когда-то жилищами необыкновенныхъ мужей, и который онъ всѣми силами хотѣлъ бы возстановить въ прежнемъ его великолѣпіи, такъ что за одно съ Колой ди Ріэнцо, читавшимъ подобно ему Ливія, Саллустія, Валерія Максима и слывшимъ за самаго краснорѣчиваго истолкователя статуй и развалинъ мірового города, онъ исходилъ отъ того же представленія о древнемъ Римѣ и примѣнялъ къ современнымъ ему Римлянамъ то же мѣрило, что и Кола, а потому и сочувствовалъ фантастическимъ предпріятіямъ его, чая въ новой республикѣ „переворотъ общественнаго духа, начало золотого вѣка, иной видъ земного шара."—Петрарка за всякое дѣло принимался съ одушевленіемъ и одушевляя другихъ. Такъ точно и въ борьбѣ своей противъ науки, въ томъ видѣ какъ нагромоздилась она вслѣдствіе схоластическаго метода. Схоластики по немъ не что иное какъ торгаши, промышляющіе умомъ и языкомъ, а потому они стоять ниже всякаго матроса или земледѣльца, которые посвящаютъ промыслу только свои руки и тѣлесную силу. По немъ

истинно ученый, это—человѣкъ пытливо стремящійся впередъ, а наука слуга добродѣтели. Потому онъ и хочетъ быть преданнымъ ученикомъ одного лишь искусства, а именно того, которое сдѣлало бы его лучшимъ, искусства добродѣтели и истины. Въ сравненіи съ этимъ-то искусствомъ какъ ничтожны всеобщія научныя усилія! „Грамматикъ боязно блюдетъ законы языка, зато какъ легкомысленно смотритъ онъ на вѣчные законы Божьи! Поэтъ скорѣе готовъ согрѣшить въ своихъ поступкахъ, нежели въ стихахъ. Лѣтописецъ заботится о дѣлахъ царей и народовъ, но о своемъ собственномъ краткомъ бытіи онъ не умѣетъ дать себѣ отчета. Ариѳметикъ и геометръ хотятъ все вычислить, все измѣрить, но не въ силахъ справиться съ своей душой. Музыканты живутъ исключительно для своихъ звуковъ, но не для гармоніи своихъ собственныхъ поступковъ. Астрономы вычисляютъ по звѣздамъ, что совершится съ городами и царствами, пренебрегая тѣмъ, что съ ними самими происходитъ въ обыденной жизни; они предвидятъ затменія солнца и луны, но не признаютъ затменія своего собственнаго духа. Философы допытываются первопричины всѣхъ вещей, но не знаютъ, что такое Богъ Создатель; они описываютъ добродѣтель, но вовсе ея не соблюдаютъ. Богословы преобразились въ діалектиковъ, а не то—даже и въ софистовъ; они хотятъ быть не любящими дѣтьми, но знатоками Бога, да и то лишь бы казаться такими.“ Такъ призываетъ онъ всѣ науки и искусства къ своему суду. Астрологовъ и алхимиковъ, занимавшихъ въ Болоньѣ и Падуѣ особыя каѳедры, онъ безпощадно клеймитъ за ихъ обманъ и суевѣріе. Астрологи—такъ громитъ онъ—говорятъ о вещахъ, извѣстныхъ одному Богу и готовы скорѣе болтать вздоръ, только бы не сознаться въ своемъ невѣжествѣ. Дѣльнымъ людямъ, особенно такимъ, которые отличаются научнымъ образованіемъ, стыдно даже обращать вниманіе на ихъ пустошь; одна лишь глупая толпа зависитъ всегда отъ того, что таится въ будущемъ. Петрарка не споритъ съ врачами и съ мочевѣдами о томъ, что существуетъ врачебная наука, но ея нѣтъ лишь у современныхъ ему врачей, „употребляющихъ во зло легковѣріе и привязанность къ жизни невѣжественной толпы, которая благоговѣетъ передъ ихъ таинственными пріемами и словами и чтитъ безтолковыя названія ихъ ядовъ за греческую премудрость.“ Діалектика, говоритъ онъ, можетъ служить отличнымъ упражненіемъ для молодого ума, подобно тому какъ дитя упражняетъ въ играхъ свои силы; она служитъ средствомъ, а не цѣлью, но старый силлогистикъ по ремеслу крайне смѣшонъ. Эти новые философы смѣются надъ Сократомъ и Пиѳагоромъ, презираютъ Цицерона и Сенеку, подтруниваютъ надъ Виргиліемъ, называютъ Амвросія, Августина и Іеро-

нима болтунами.—Въ своей книгѣ „о его собственномъ незнанiи и невѣдѣньи многихъ другихъ" онъ прославляетъ христiанскую простоту передъ философской спѣсью. „Чѣмъ болѣе приходится слышать мнѣ противъ христовой вѣры, тѣмъ сильнѣе люблю я Христа, тѣмъ крѣпче моя вѣра въ Него." „Я Цицеронiанецъ; но если дѣло касается высшихъ истинъ религiи, то я не Цицеронiанецъ, ни Платоникъ, а христiанинъ." Намъ позволительно любить и одобрять философовъ, если они не уклоняются отъ истины и не отвлекаютъ насъ отъ нашей главной цѣли. Но еслибъ хоть одинъ изъ нихъ покусился на это, будь то Платонъ, Аристотель, Варронъ или Цицеронъ; то слѣдовало бы съ неумолимою твердостью презрѣть и попрать его. Насъ не должны соблазнять никакiе остроумные доводы, ни плѣнительные звуки словъ, ни авторитетъ великихъ именъ. Эти люди, изучили все, до чего дошли человѣческiя изслѣдованiя и знанiя, осчастливленные дарами природы, они блистали краснорѣчiемъ, но все-таки достойны сожалѣнiя, потому что лишены были высшаго неизрекомаго блага. Мы готовы удивляться ихъ умственнымъ дарованiямъ, но съ тѣмъ, чтобы чтить Творца этихъ дарованiй. Будемъ философствовать такъ, чтобы возлюбить мудрость. Истинная мудрость Божiя во Христѣ. Будемъ читать философскiя, поэтическiя, историческiя произведенiя съ тѣмъ, чтобы до слуха нашей души постоянно доходило Евангелiе Христа, которое одно лишь можетъ сдѣлать насъ достаточно учеными и счастливыми, и безъ котораго мы были бы тѣмъ невѣжественнѣе и несчастнѣе, чѣмъ болѣе мы учились. На одно лишь Евангелiе, какъ на единственно незыблемую основу всякой истинной науки, можетъ твердо уповать человѣческiй трудъ."—Ратуя всѣми силами за религiю противъ схоластики, онъ точно такъ же нападаетъ на iерархiю, воцарившуюся въ Авиньiонѣ, въ этомъ „храмѣ Ваала," говоритъ онъ.

„Здѣсь—пишетъ онъ одному изъ друзей—передъ тобою народъ, который не только враждебно настроенъ противъ Христа Iисуса, но возстаетъ противъ него подъ знаменемъ самого же Христа, служитъ сатанѣ и, жаждя крови Христовой, дерзаетъ говорить: Намъ подобаетъ рѣшить, кто Господь нашъ? Этотъ народъ подобно Iудѣ Искарiоту предаетъ Господа, денно и нощно поминаетъ имя Христа и при всемъ томъ торгуетъ имъ." Надежда на вѣчную жизнь для нихъ басня, и все, что повѣствуется объ адѣ, возстанiе изъ мертвыхъ, конецъ мiра, страшный судъ считаютъ они пустяками. Истину они считаютъ глупостью, воздержанiе—тупоумiемъ, стыдливость—великимъ позоромъ, наглое согрѣшенiе—высокимъ чувствомъ и отмѣнною свободою: чѣмъ позорнѣе жизнь, тѣмъ она блистательнѣе, чѣмъ больше пре-

ступленій, тѣмъ болѣе славы.“ „Избрать ли мнѣ Вавилонъ мѣстопребываніемъ, чтобы видѣть, какъ угнетены добрые, благоденствуютъ злодѣи, какъ пресмыкаются орлы; парятъ ослы, чтобы видѣть волковъ на свободѣ, а овецъ въ узахъ, чтобы видѣть Христа изгнаннымъ, а антихриста господиномъ и вельзевула судьею?“ Римскій дворъ Петрарка прозвалъ гнѣздомъ измѣны, въ которомъ навѣщаютъ другъ друга всѣ мірскіе пороки, а вельзевулъ руководитъ хороводомъ,—онъ прозвалъ его источникомъ бѣдъ, пристанищемъ злобы, школою лжи, храмомъ ереси, коварнымъ, предательскимъ Вавилономъ, пагубою добра и защитникомъ зла, адомъ живущихъ, наглой блудницею и горниломъ плутней.

Петрарка, говоритъ Фойгтъ, много сдѣлалъ для классической науки; онъ сильнѣе всѣхъ содѣйствовалъ паденію схоластики;—но гораздо высшею, труднѣйшею и наиболѣе достойною его заслугою была его самость, его собственное Я. Этою свободною самостью, совмѣстившею въ себѣ не только исполинское величіе, но и безмѣрное славолюбіе и мелочную суетность, онъ расторгъ узы средневѣковыхъ корпорацій, въ которыхъ имѣли значеніе однѣ лишь массы, сословія и общества, а не особи. Онъ ставитъ свое *Я* зеркаломъ міра и все, что читаетъ и чему учится, что дѣлаетъ и что переживаетъ, относитъ онъ къ своему *Я*. „Въ книгахъ Цицерона и Августина онъ допытывается ощущеній, сходныхъ съ ощущеніями въ его собственной груди; онъ въ книгахъ ищетъ человѣка“. Разъ онъ всходилъ на гору Монъ-Ванту и послѣ томительнаго шествія достигъ наконецъ вершины. Тамъ у ногъ его лежали облака, и вотъ надъ ними проносилась передъ нимъ вся жизнь его. Десять лѣтъ тому назадъ онъ покинулъ Болонскій университетъ и на просторѣ предался поэзіи и краснорѣчію. Три года тому назадъ въ душѣ его началась борьба между чувственнымъ и нравственнымъ человѣкомъ. Къ какой цѣли приведетъ его эта борьба черезъ десять лѣтъ? И тутъ же вотъ передъ нимъ широкій хребетъ Севеннъ, тамъ Ліонскій заливъ, а глубоко внизу величественная Рона; солнце на закатѣ. Онъ открылъ бывшій при немъ небольшой томъ Исповѣдей Августина, рѣшась первое встрѣтившееся ему слово выслушать и принять за знаменіе небесъ. И онъ прочелъ: „Люди пускаются въ даль, чтобы подивиться горнымъ высямъ и громаднымъ волнамъ моря и широкому разливу потоковъ и необъятному кругозору океана и движенію свѣтилъ—но самихъ себя они упускаютъ изъ виду, самимъ себѣ они не дивятся“. Этимъ опредѣлилась задача его жизни. Онъ зналъ теперь, что помимо человѣческаго духа нечему болѣе дивиться.

Самымъ вѣрнымъ ученикомъ Петрарки былъ Джованни Боккачіо; родившись въ 1313-мъ г., во Флоренціи, онъ, предназначенный отцомъ къ купеческому званью, находился

съ 10-ти и до 16-ти лѣтняго возраста въ ученьи у купца; затѣмъ, когда отецъ убѣдился въ своемъ промахѣ, то сынъ долженъ былъ изучать каноническое право, пока наконецъ 25-ти лѣтъ отъ роду онъ у гробницы Виргилія не рѣшился посвятить себя всецѣло искусству и наукѣ. Начиная съ 1360-го г. онъ учился у Леонтія (ученика Барлаама въ Греціи, а потомъ публичнаго учителя греческаго языка во Флоренціи). Не зная зависти, удивлялся онъ Петраркѣ, дружбы котораго добивались папы и короли и который писалъ „съ хорошо обдуманнымъ сужденіемъ и изъ глубины мысли". Въ Петраркѣ онъ обрѣлъ также вѣрнаго друга и наставника.—Боккачіо былъ человѣкъ исполненный богатой изобрѣтательности, пылкой фантазіи, нѣжнаго чувства, многообъемлющей учености. Въ своемъ содержащемъ 100 повѣстей „Декамеронѣ", которымъ хотѣлось ему дать отрадный противовѣсъ, господствовавшей въ 1358-мъ г. чумѣ во Флоренціи, онъ изображаетъ людей всѣхъ сословій и самыхъ разнообразныхъ характеровъ и возрастовъ, то въ мрачномъ, то въ веселомъ настроеніи, и все это самыми яркими живыми красками, такъ что произведеніе это сдѣлалось средоточіемъ новой европейской нувеллистики. Въ этомъ вѣнкѣ повѣстей, пережившихъ болѣе 100 изданій, находится между прочимъ разработанный Лессингомъ, столь величественный и составившій эпоху разсказъ: „Натанъ Мудрый и три кольца". Боккачіо былъ основателемъ и образователемъ прекрасной тосканской прозы. Онъ же содѣйствовалъ изученію древнихъ, собиралъ рукописи классиковъ, изготовлялъ копіи съ нихъ, учился греческому у Леонтія Пилата и разобралъ съ нимъ Иліаду. Онъ гордился тѣмъ, что первый и на собственный счетъ доставилъ въ Тоскану творенія Гомера и другихъ Грековъ, что первый пригласилъ и пріютилъ у себя учителя греческаго языка, и что изъ всѣхъ Итальянцевъ онъ опять первый читалъ Гомера. Для того чтобы проникнуть въ сочиненія Грековъ и Римлянъ никакой трудъ не казался ему слишкомъ тяжкимъ, и никакія попытки не представлялись слишкомъ мелочными, для того чтобы добиться вѣрнаго и неподдѣльнаго текста. „Мысль, сличать между собою древнія рукописи и исправлять одну при помощи другой, вотъ въ чемъ его заслуга. Однако въ этомъ отношеніи онъ не пошелъ далѣе механическаго труда. Онъ предшественникъ и типъ филологическаго труженичества". Подобно тому—говоритъ Фойгтъ—какъ Петрарка противопоставлялъ цеховымъ ученымъ свою философскую личность, противоставилъ и онъ высокомѣрнымъ схоластикамъ свой благородный трудъ, а пошлымъ людямъ, живущимъ лишь для ѣды, для попоекъ и грѣховныхъ похотей плоти—

свое трудолюбіе и свои занятія. И онъ также ратовалъ противъ іерархіи. Его разсказъ о парижскомъ евреѣ Авраамѣ, рѣшившемся принять крещеніе и поѣхавшемъ въ Римъ, чтобы ознакомиться съ христіанствомъ въ самомъ его средоточіи, но заставшемъ тамъ все духовенство погруженнымъ въ нечестивое безбожіе, въ скряжничество, обжорство, кутежи и пр. а потомъ, по возвращеніи въ Парижъ, все-таки принявшемъ христіанство, „оттого что вопреки даже распутству пастыря и стада оно проявляется все болѣе свѣтлымъ и достаславнымъ,“—этотъ разсказъ былъ ударомъ, направленнымъ противъ папства. При всемъ томъ Боккачіо оказывалъ величайшее уваженіе къ схоластической теологіи и находилъ даже удовольствіе въ ея мистическихъ понятіяхъ и терминахъ. При случаѣ онъ, правда, нападалъ также и на схоластическую философію. Однако Аристотель, чью гегемонію въ царствѣ мысли съ такою смѣлостью оспоривалъ Петрарка, былъ для него тѣмъ не менѣе „во всѣхъ важныхъ дѣлахъ самымъ главнымъ авторитетомъ“. Ему не доставало той геніальности, съ какою какъ дивный небесный метеоръ вознесся на умственномъ небѣ Петрарка; онъ былъ лишь скромнымъ ученымъ въ тиши своего уединенія. Однако онъ же обще съ Петраркою отрѣшилъ гуманистическую науку отъ церкви и ея институтовъ: вотъ въ чемъ великая заслуга его. Онъ умеръ въ Чертальдо 31-го декабря 1375-го г.; за два года до смерти онъ былъ приглашенъ во Флоренцію, гдѣ занялъ каѳедру, открытую для объясненія Божественной Комедіи.

Свободныя гуманистическія изслѣдованія въ Италіи имѣли своимъ средоточіемъ ученое общество, а именно *академію* по Платонову образцу, у августинцевъ въ Сан-Спирито, гдѣ каждый день собирались образованнѣйшіе люди Флоренціи и гдѣ предметъ диспута, заимствованный изъ діалектики, физики или метафизики, записывался каждый разъ на висѣвшей на стѣнѣ доскѣ. *Луиджи Марсильи*, монахъ августинскаго ордена, былъ средоточіемъ и душою этого кружка. Одаренный необычайною проницательностью и глубокою теологическою ученостью, онъ былъ уважаемъ своими юными друзьями какъ божественный оракулъ. Во множествѣ цитатахъ излагалъ онъ собравшимся вокругъ него членамъ общества мудрость Цицерона, Виргилія и Сенеки, а отвѣчающая этой мудрости благоприличная нравственность облекала нѣкотораго рода величіемъ это общество, къ которому принадлежали Роберто де Росси, Николо Никколи и др., въ особенности же Коллуччіо Салутато.

Коллуччіо ди Піеро де Салютати одолженъ былъ своимъ образованіемъ академіи Санъ Спирито и поощреніямъ Петрарки и Боккачіо. Съ молоду исполненный живого и гибкаго ума и изучавшій у Піетро да Мульіо, у этого друга Петрарки

и Боккачіо, грамматику и риторику, онъ не имѣлъ покоя отъ славы Петрарки, котораго никогда не видывалъ; когда онъ познакомился потомъ съ Боккачіо, то предметомъ ихъ бесѣдъ постоянно былъ Петрарка, этотъ властитель надъ умами. Сдѣлавшись въ 1375-мъ г., правителемъ государственной канцеляріи, онъ по смерти своихъ обоихъ духовныхъ героевъ день и ночь помышлялъ лишь о томъ, какъ бы сохранить для потомства ихъ заслуги:—этотъ слѣпой поклонникъ обоихъ великихъ Флорентинцевъ ставилъ на одну доску выходки Петрарки противъ папскаго врача съ филиппиками Цицерона и находилъ, что Миѳологія Боккачіо написана вполнѣ божественнымъ слогомъ. Благодаря этому восторженному поклоннику великихъ поборниковъ духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и классической литературы, древняя мудрость сдѣлалась плодотворною для государственной жизни, да онъ и самъ въ своей полномощной дюжей наружности и съ гуманною притомъ натурой являлъ собою античный образъ, истый республиканскій характеръ. Со всей древне-итальянской силою выступилъ онъ противъ папы. Ибо „нечего думать о прочномъ мирѣ съ церковью; глава ея можетъ и, говорю это со всѣмъ моимъ благоговѣніемъ, всегда готовъ въ силу своей власти нарушать союзы ,уничтожать договоры, отрѣшать отъ присяги". Литературная дѣятельность его сосредоточилась въ его оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ письмахъ: „ихъ читали и списывали, дивясь новому пріему украшать политическое дѣло блескомъ тулліевскаго краснорѣчія и они во взаимныхъ сношеніяхъ италійскихъ государствъ сдѣлались вскорѣ тѣмъ же, чѣмъ прежде у другихъ націй были книги формулъ, они сдѣлались образцами новаго, цвѣтами краснорѣчія и философскими сентенціями разукрашеннаго канцелярскаго слога". При флорентинскомъ государственномъ канцлерѣ, Салютато, гуманизмъ достигъ высшаго государственнаго положенія, и съ этихъ поръ знаменитые гуманисты въ Венеціи, Генуѣ, Сіэнѣ, Неаполѣ, Миланѣ и даже въ Римской куріи занимаютъ первыя и высшія государственныя должности.

Вліяніе этого человѣка было чрезвычайное—подобно вліянію Петрарки и Боккачіо. У него также было много учениковъ. Но еще болѣе такихъ, которые желали учиться, и которыхъ задерживали внѣшнія препятствія и пр. Тогда образовались *странствующія школы*, ludi literarii, учителя, переходившіе изъ одного города въ другой, вслѣдъ за которыми въ свою очередь часто перекочевывали также ученики, „съ тѣмъ чтобы въ одномъ мѣстѣ изучить изящный слогъ, въ другомъ толкованіе какого-либо автора, или античное нравоученіе, или основы греческаго языка". Первымъ странствующимъ учителемъ былъ *Джованни Мальпагино*, прозванный по мѣсту

рожденія *Равенна.* Онъ былъ ученикомъ Петрарки; двѣнадцать эклогъ его выучилъ онъ въ 11 дней наизусть и службу у него покинулъ только съ тѣмъ, чтобы въ Падуѣ, Флоренціи, Венеціи и пр., открыть свою каѳедру и объяснять Цицерона и римскихъ поэтовъ. Изъ школы его, словно изъ троянскаго коня—какъ выразился историкъ литературы Рафаэль Меффаи да Вольтерра—вышла вереница отличныхъ учениковъ, распространившихъ въ свою очередь при помощи школъ и сочиненій образованіе по всему міру. Онъ обучалъ всѣхъ безсмертныхъ людей, вырывшихъ въ XV столѣтіи творенія римской древности изъ пыли, въ которой они были похоронены во всѣхъ краяхъ Европы, и распространившихъ по всей Италіи добытыя такимъ путемъ знанія. Это—говоритъ Блондусъ—былъ человѣкъ, о которомъ Леонардъ Аретинъ выражался обыкновенно, что послѣ долго длившагося варварства онъ первый ввелъ въ Италіи столь цвѣтущее съ тѣхъ поръ изученіе латинскаго языка и краснорѣчія. Онъ не оставилъ по себѣ никакихъ сочиненій; но благодаря дивному генію его и Божьему Промыслу онъ сдѣлался учителемъ Леонардо Аретина, Петро Пауло Верджеріо, Роб. Росси и І. Анджели во Флоренціи, Поджіо и Гварино въ Веронѣ, Витторино, Сикко и другихъ, которыхъ воспламенилъ онъ къ пріобрѣтенію лучшихъ знаній и къ подражанію Цицерону". Онъ ввелъ во всеобщее употребленіе изученіе римскихъ классиковъ.—Дополняя его, примкнулъ къ нему *Эмануилъ Хризолорасъ*, распространитель греческой литературы. По порученію императора Іоанна Палеолога послѣдній объѣхалъ западъ Европы, призывая державцевъ на помощь противъ Турокъ. Въ 1391-мъ г., онъ избралъ Италію своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ и училъ попеременно во Флоренціи, Миланѣ, Венеціи и Римѣ греческому языку и философіи. Почти всѣ ученики Джованни да Равенна, Палла Строцци (—и во главѣ ихъ престарѣлый уже Роберто де Росси, какъ представитель флорентинской знати—) сидѣли ежедневно у ногъ его, изучая подъ его руководствомъ греческій языкъ. По прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій въ Италіи считался полуученымъ всякій, кто вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ не зналъ также и греческаго. Такимъ образомъ гуманистами сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ впередъ. Ученые Византійцы, первымъ представителемъ которыхъ явился Хризолорасъ, не были въ состояніи обновить духовный организмъ Запада, такъ-какъ они и сами не постигали духовнаго значенія того, что разумѣли и передавали только буквально. Но съ ними появилась новая наука и была усвоена Итальянцами,—наука, отъ которой Западъ по инстинктивному упорству всегда отклонялся по мѣрѣ возможности и которая съ этихъ поръ, какъ про-

тестъ духа противъ авторитета, представлявшаго ему латинское единственною формою и единственнымъ содержаніемъ древности, пріобрѣла всемірно-историческое значеніе. Съ этихъ поръ вся Италія исполнилась животрепещущаго литературнаго порыва. Вездѣ читались латинскіе и греческіе классики: древнія рукописи сличались и исправлялись, списывались и отрывались всюду. Подджіо Браччолини, посланный въ Костницъ въ качествѣ папскаго секретаря, посмѣивался надъ толкованіями и преніями ученыхъ прелатовъ по поводу раскола, и разыскивалъ между тѣмъ античныя сокровища въ ближнихъ монастыряхъ въ Рейхенау, Вейнгартенѣ, особенно же въ С-тъ Галленѣ, гдѣ книги въ темной башнѣ валялись въ сору и пыли. Съ торжествомъ возвратился онъ съ Правилами краснорѣчія Квинтиліана, и поманію его изъ гробовъ германскихъ и французскихъ монастырей возстали Лукрецій Каръ, Силій Италикъ, Витрувій, Колумелла и пр. Съ этихъ поръ начались литературныя поѣздки съ цѣлью открытій, благодаря которымъ древность сдѣлалась достояніемъ Италіи.

Странствующая республика ученыхъ наконецъ поуспокоилась: около итальянскихъ дворовъ, около республиканской знати, даже въ частномъ сословіи ученыхъ сгруппировались послѣдователи классической древности.

Прежде всѣхъ выступила впередъ *республика* музъ во *Флоренціи*. „Она какъ будто была призвана стать для Италіи тѣмъ же, чѣмъ Италія была для средневѣковаго міра." *Козма де' Медичи* былъ средоточіемъ флорентинской знати, у которой античное образованіе считалось прекраснѣйшимъ моднымъ предметомъ. Холодно-вѣжливый и неговорливый съ иностранными дипломатами, ласковый съ своими согражданами и всегда готовый помогать имъ, онъ былъ однимъ изъ величайшихъ покровителей искусства и науки. Онъ привлекалъ къ себѣ таланты, снабжалъ ихъ мѣстами и окладами, давалъ имъ работу, награждалъ ихъ и прославилъ республику ихъ твореніями. Онъ предоставлялъ всякому дѣйствовать по своему и—какъ прекрасно замѣчаетъ Фойгтъ—считалъ звеньями одной цѣпи трудолюбиваго критика, списывавшаго и сличавшаго рѣдкостныя рукописи, поэта, перо котораго съ геніальною легкостью слагало гекзаметры, учителя начальныхъ основъ языка, переводчика съ греческаго, ученаго богослова, философа, художника, начертывавшаго храмы, дворцы, виллы и мосты и украшавшаго ихъ статуями и картинами. Онъ не щадилъ издержекъ на собираніе рукописей и на сохраненіе оставшейся послѣ Никколи библіотеки изъ 800 томовъ, стоимость которыхъ книгопродавецъ Веспасіано оцѣнилъ въ 6000 гульденовъ золотомъ (—книги цѣнились не по объему: библія Ветхаго и Новаго завѣта стóила восемь гульденовъ золотомъ, если была писана на бума-

гѣ, если же на пергаментѣ, то вдвое дороже; классики стоили дороже современныхъ сочиненій; цѣны были выше, когда твореніе продавалось извѣстнымъ ученымъ; обыкновенный писецъ, умѣвшій вѣрно копировать, получалъ на готовомъ содержаніи около 30 дукатовъ въ годъ—), онъ воздвигъ за 76,000 дукатовъ зданіе библіотеки, гдѣ помѣщалось 1444 рукописи: — это была основа первой публичной библіотеки, которую увеличилъ еще самъ Козма, велѣвъ купить въ Сіэнѣ на 400 гульденовъ золотомъ книгъ, касавшихся большею частью каноническаго права, а въ 1446-мъ году у миноритовъ въ Луккѣ на 200 скуди. Первый новый библіотекарь и основатель библіотековѣдѣніі распредѣлилъ и установилъ книги: то былъ *Томмазя Парентучелли*, съ 1447-го г. папа Николай V, настоящіо основатель Ватиканской библіотеки. Козма не дожилй до напечатанія первой книги (—во Флоренціи въ 1472-мъ гъ былъ впервые напечатанъ Виргилій—). Онъ умеръ въ 1464-мъ г. и Маккіавелли, противникъ Медичей, сказалъ про него. „Смерть Козмы опечалила какъ друзей его такъ и враговъ."

При дворѣ его собрался самый избранный кружокъ литераторовъ: Никколо де' Никколи, мужъ неистощимой веселости, но съ саркастическимъ остроуміемъ, ученый министръ Козмы, знавшій полатыни, научившійся у Хризолора немного погречески и въ С-нъ Спирито посвященный въ богословіе и философію—неутомимый въ собираніи, списываньи и покупкѣ книгъ, такъ что вслѣдствіе того впалъ въ глубокую нужду, отъ горькихъ послѣдствій которой избавилъ его Козма, предписавъ кассиру медичейскаго банка выдавать ему деньги, сколько бы онъ ни потребовалъ. Онъ—говоритъ Фойгтъ—былъ въ нѣкоторомъ родѣ биржевымъ листкомъ для всѣхъ свѣдѣній о библіотекахъ и книгахъ. „Онъ отличался изобрѣтательнымъ умомъ, а медичейскія конторы или факторіи давали ему средства на все." Этотъ человѣкъ возбуждалъ всѣхъ и готовъ былъ къ услугамъ всякаго, обращавшагося къ нему за совѣтомъ или за литературною помощью: по смерти его 200 томовъ изъ его библіотеки находились въ разбродѣ. „Домъ его былъ въ своемъ родѣ музеемъ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ литераторовъ во Флоренціи, особенно же молодыхъ и начинающихъ писателей также живописцевъ, ваятелей и зодчихъ."

Его другомъ былъ *Ліонарди Бруно*, называемый просто *Аретино*, сдѣлавшійся извѣстнымъ, благодаря покровительству Салютато. Онъ переводилъ греческихъ авторовъ и далъ Флоренціи первую исторію ея республики. Письма его считались образцомъ латинскаго слога, а рѣчи напоминали собою величіе Перикла. Недоступный и молчаливый, въ своей длинной красной мантіи, обликъ царственнаго достоин-

ства, сурово и торжественно проходилъ онъ по улицамъ Флоренціи, высокочтившей его и украсившей голову своего государственнаго канцлера, по смерти его лавровымъ вѣнкомъ. Наружностью походилъ на него преемникъ его въ канцлерской должности, „блѣдный, неразговорчивый и ипохондрическій“ *Карло Марсуппини*—дружный съ однимъ лишь Бруно, вращавшійся только въ кружкѣ Медичей завзятый язычникъ, который даже на смертномъ одрѣ отказался отъ исповѣди и святого причастія.

Эта литературная аристократія завершилась Камальдульцемъ *Амбродэко Траверсари* (род. въ 1385, ум. въ 1439 г.). По письмамъ его можно составить себѣ точное понятіе о состояніи тогдашняго времени. Онъ былъ однимъ изъ значительныхъ переводчиковъ греческихъ авторовъ, напр. Діогена Лаэрція, притомъ—„папистъ въ лучшемъ значеніи слова, являясь зачастую святымъ Бернгардомъ въ отношеніи къ папѣ, направлявшимъ гнѣвную рѣчь свою противъ злоупотребленій церкви, а съ другой стороны опять таки и вкрадчивымъ придворнымъ; — какъ общественный характеръ это былъ пронырливый, лицемѣрный монахъ, за столомъ же Козмы и въ литературномъ кругу—человѣкъ веселый съ крайне дѣятельнымъ умомъ,—ревностный литераторъ, неутомимо отыскивавшій, покупавшій и списывавшій книги,—монахъ, въ которомъ острякъ поминутно боролся съ святымъ духомъ“—передъ папою безполезный рабъ а въ душѣ исполненный жгучаго языческаго славолюбія.

Ученикомъ его въ латинскомъ и греческомъ былъ *Джанноццо Манетти*—цѣльный христіанинъ, называвшій христіанскую вѣру не вѣрою, а полною достовѣрностью и считавшій ученіе церкви столь же непреложнымъ какъ и то, что треугольникъ есть треугольникъ. Онъ былъ свѣдущъ притомъ въ философіи и богословіи, легко понималъ греческихъ авторовъ, изященъ въ латинскомъ разговорѣ и преніи, въ знаніи еврейскаго языка онъ превосходилъ ученыхъ Іудеевъ, написалъ біографію Сократа и Сенеки, Данте, Петрарки, Боккачіо, Никколи и папы Николая V.

Такъ при дворѣ Медичей собирались самые разнообразные умы—всѣ равно проникнутые любовью къ классической литературѣ. Иногороднымъ сочленомъ ихъ былъ *Подджіо Браччолини*, проживавшій при Римской куріи, но какъ тамъ, такъ точно и въ Германіи и во Франціи разыскивавшій древнихъ Римлянъ,—во Флоренціи веселый философъ,—проводившій лучшіе дни свои въ своей Бальдарніанѣ подъ Флоренціей, среди греческихъ и латинскихъ рукописей, мраморныхъ головъ и древнихъ бюстовъ,—въ свѣтскомъ обществѣ злой и ѣдкій человѣкъ. Во Флоренціи же училъ также *Францъ Филельфъ*, род. въ 1398-мъ г. въ Толентино.

Онъ былъ опредѣленъ здѣсь съ окладомъ въ 300 гульденовъ золотомъ, но въ 1434-мъ г. принужденъ бѣжать отсюда вслѣдствіе своихъ политическихъ козней. Въ глубокой старости въ Римѣ онъ назначенъ былъ къ должности Сикстомъ V съ окладомъ въ 500 дукатовъ. Наконецъ по приглашенію Лоренцо де'Медичи онъ воротился во Флоренцію, но вскорѣ по своемъ прибытіи туда умеръ, въ 1481-мъ г. Филельфъ состоялъ въ перепискѣ съ королями, князьями, папами, государственными людьми, полководцами и учеными; его письма составляютъ драгоцѣнное наслѣдіе для исторіи той эпохи. Наконецъ *Георгій Трапезунтій* также преподавалъ во флорентинскомъ высшемъ учебномъ заведеніи греческую грамматику и латинскую риторику, логику и діалектику; а *Іоаннъ Аргиропулъ* перипатетическую философію—истый Византіецъ, причудливый, хвастливый, ненадежный и нестерпимый, но самый даровитый изъ прибывшихъ въ Италію Грековъ. Піеро, сынъ Козмы, Лоренцо, внукъ его, Аньіоло Полиціано и Іоаннъ Рейхлинъ были его учениками. „Въ праздничные дни онъ, съ лучшими изъ учениковъ своихъ, отправлялся во дворецъ Медичей, чтобы передъ устарѣлымъ Козмою, котораго подагра тогда уже приковала къ комнатѣ, учинить преніе о безсмертіи души и о другихъ предметахъ богословія и философіи." А обокъ съ этими мужами науки стояли Брунеллески и съ нимъ возрожденіе греческаго зодчества,—Донателло, возстановитель ваянія по образцу древнихъ! Въ половинѣ XIV-го столѣтія жилъ также во Флоренціи Андреа Орканья, первый изъ всѣхъ новѣйшихъ художниковъ, написавшій свой собственный портретъ!

При такомъ сочувствіи къ наукѣ и искусству въ совокупности, Платонъ конечно долженъ былъ сдѣлаться обожаемымъ философомъ. Благодаря *Гемистію Плеѳону* Козма сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Платона. Плеѳонъ изъ Константинополя первый послѣ Петрарки ближе ознакомилъ именно Флоренцію съ Платономъ и уничтожилъ диктаторское значеніе Аристотелевой философіи. По его настоянію *Лоренцо де'Медичи* основалъ *Платоновскую академію*, первый образецъ свободнаго общества съ научною цѣлью, достигшую высшей ступени, когда основатель ея (1472—1492), прозванный Великолѣпнымъ, вознесъ блескъ и власть своего дома до недосягаемой высоты. Величіе образованности, проявившееся въ сообществѣ этихъ умовъ, совокупившихъ въ себѣ всѣ образовательные элементы той эпохи, затмило собою всѣ остальныя современныя ему явленія. Платоники принимали участіе во всемъ, что совершалось тогда въ области искусства и науки: — въ празднествахъ, справляемыхъ ими въ Кареджи, помѣстьи Медичей, въ монастырѣ Камальдоли, въ садахъ Ручеллаи, когда торжество-

вали день рожденія и смерти Платона, — пѣснопѣніями, въ которыхъ пытались возстановить гимны Орфея,—сочиненіями, въ стихахъ и въ прозѣ, на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, гдѣ поясняли и украшали ученія Платона. Эти платоники — въ одно и то же время литературная и политическая партія,—собирались около Лоренцо Великолѣпнаго, рѣшая съ нимъ судьбы Италіи! — Самъ *Лоренцо* занялъ въ ихъ средѣ первое мѣсто въ качествѣ поэта и поэтическаго превозвѣстника Платоновой философіи. Онъ, по мнѣнію Полиціана, былъ мужъ рожденный для всего высшаго, такъ же постоянный въ счастіи, какъ равнодушный въ несчастіи, одаренный великимъ, проницательнымъ, всеобъемлющимъ умомъ; честный, справедливый, надежный, онъ былъ такъ дружелюбенъ и ласковъ, что всѣ его любили; отличаясь притомъ царственною щедростью не славы ради, но по чистой любви къ добродѣтели. Любовь къ древности и къ христіанству сочетались въ немъ равномѣрно, и эта красота и сила классическаго образованія въ послѣдніе часы великаго мужа дивнымъ образомъ слились съ самымъ глубокимъ благоговѣніемъ и раскаяньемъ христіанской души, какъ выразился Полиціано. Съ спокойной ясностью надѣлялъ онъ своего сына благороднымъ и мудрымъ совѣтомъ, какъ слѣдуетъ ему приступить къ правленію. Онъ преклонилъ колѣна передъ священникомъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ молилъ, да умилостивится Іисусъ надъ бѣднымъ грѣшникомъ. Любовно пожалъ онъ руку Полиціано. Онъ велѣлъ позвать Пико, затѣмъ что ему легче будетъ умирать, когда гаснущій взоръ его усладится передъ смертью видомъ лучшаго его друга. Онъ просилъ Савонаролу благословить его и принялъ благословеніе съ смиренною набожностью. Наконецъ онъ обнялъ всѣхъ окружавшихъ, просилъ каждаго простить его, если утрудилъ кого-либо во время болѣзни, потомъ соборовался, поручилъ Богу духъ свой и умеръ, цѣлуя распятіе, при громкомъ чтеніи страстей Христовыхъ.

Всѣхъ ближе къ нему стоялъ *Марсиліо Фичино*, наставникъ почти всѣхъ этихъ платониковъ. Онъ родился въ 1433-мъ г. На платоновскую философію онъ смотрѣлъ какъ на философское пониманіе христіанской теологіи. Вся его жизнь была посвящена провозвѣстію этой философіи (—онъ перевелъ и истолковалъ платоновскія сочиненія—), ибо возрожденіе ея казалось ему дѣломъ Промысла, предназначеннымъ спасти гибнущую религію. Благочестіе было главною его заботой. „Богъ хочетъ быть чтимъ, хотя бы и въ различныхъ видахъ. Онъ снисходительно смотритъ на уклоненія отъ истиннаго богопочитанія; Онъ немилосердо караетъ лишь за гордость, не смиряющуюся передъ Нимъ самимъ. Онъ лучше хочетъ, чтобы Его чтили во всякомъ, хотя бы

и нелѣпомъ, но лишь человѣчномъ видѣ, нежели изъ гордости ни въ какомъ". Религіозная терпимость, вслѣдствіе которой Плеѳонъ склонялся къ язычеству, была также и его идеаломъ. Не обладая проницательнымъ философскимъ умомъ, онъ распространялъ мысли платониковъ, которыя *Пико ди Мирандола*, рожденный въ 1463-мъ г., младшій другъ его въ академіи, систематически разработывалъ въ качествѣ философа, историка и богослова. Послѣдній образовался на Аристотелѣ, котораго въ теченіе шести лѣтъ изучалъ съ настойчивымъ рвеніемъ, на ученіяхъ пиѳагорейцевъ и кабалистовъ и на Платонѣ. Гдѣ бы ни чаялъ онъ обрѣсти мудрость, туда и обращался съ своими изслѣдованіями; ни многообразіе, ни разнородность ученій не пугали его, такъ какъ подъ разностію словъ онъ вездѣ добивался согласія. Онъ проводилъ во Флоренціи съ своими друзьями веселую, наукѣ посвященную жизнь. Вездѣ въ философіи хотѣлъ онъ возстановить миръ — между Авиценной и Аверроэсомъ, между Ѳомою Аквинскимъ и Дёнсомъ Скоттомъ. Теологія была для него столь же дорога какъ и философія, но еще болѣе той и другой дорожилъ онъ религіею: философія добивается истины, теологія достигаетъ ея, а религія обладаетъ ею. Любовь выше науки: послѣдняя иногда отвлекаетъ отъ Бога, а первая связываетъ насъ съ Нимъ непогрѣшимо.—Онъ ревностно поборалъ суевѣріе. Онъ написалъ книгу противъ астрологіи, а касательно магіи строго различалъ между злою и доброю; въ послѣдней онъ представлялъ себѣ завершеніе естествознанія, созерцающее природу въ дивной совокупности и разрушаемое въ своей основѣ математикой. Въ человѣкѣ онъ видѣлъ подобіе Божіе, отличающееся отъ Бога только тѣмъ, что Богъ какъ первоначало совмѣщаетъ въ себѣ все, тогда какъ человѣкъ также вмѣщаетъ въ себѣ все по существу, но лишь въ зависимости отъ Бога,—какъ средоточіе, какъ цѣль міра. Сущность каждой вещи таится и содержится въ его нутрѣ. Познаніемъ человѣкъ въ состояніи усвоить себѣ нутрь предметовъ: познающій какъ бы самъ становится тѣмъ, что онъ познаетъ. Любовь связываетъ все съ нами. Всѣ относятся къ человѣку съ любовью, оттого что онъ состоитъ въ общеніи со всѣми, лишь бы съумѣлъ соблюсти согласіе въ самомъ себѣ. — Пико ди Мирандола былъ универсальный философъ, историкъ и теологъ. Въ Римѣ въ 1486-мъ г., 23-хъ лѣтъ отъ роду, онъ взялся защищать девять сотъ тезисовъ по всѣмъ родамъ наукъ. Онъ былъ Латинистъ, Грекъ, Еврей, Халдей и Аравитянинъ. Красивый собой, любимый женщинами и поэтъ любви — а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того истребитель любовныхъ стихотвореній, онъ увѣщевалъ не забывать, что Сынъ Божій умеръ за насъ, и что, какъ бы долго ни жили мы, а все-таки скоро должны умереть. Онъ достигъ всего 32

лѣтъ. Это, говоритъ Полиціано, былъ единственный человѣкъ или скорѣе герой, богато снабженный всѣми дарами счастія, тѣла и души, почти божественнаго вида, величественный, обладавшій чрезвычайно проницательнымъ умомъ, рѣдкою памятью, неутомимымъ трудолюбіемъ, яснымъ, богатымъ даромъ слова; недоумѣваешь, что въ немъ болѣе достойно удивленія, разсудокъ или нравы; онъ былъ равно свѣдущъ во всей области философіи и художникъ на всѣ изящныя искусства.

Анджело Полиціано (названный такъ по мѣсту рожденія Монте Пульчіано) также принадлежалъ къ кругамъ Лоренцо Медичи. Онъ родился въ 1454-мъ г. и былъ при дворѣ Лоренцо воспитателемъ его сыновей, а въ 1480-мъ публичнымъ учителемъ греческой и римской литературы во Флоренціи. Главное твореніе его „Miscellanea“ содержитъ въ себѣ предметныя толкованія къ мѣстамъ въ древнихъ классикахъ. Онъ ратовалъ противъ схоластики, былъ филологомъ въ обширномъ смыслѣ; у него на одну голову было три языка, какъ гласитъ надгробная надпись. Съ тонкимъ пониманіемъ и многообъемлющею ученостью объяснялъ онъ классиковъ. Онъ толковалъ также Аристотеля; но не такъ какъ схоластики, которые его не переводили, а извращали. Онъ возглашалъ славу Цицерона; при всемъ томъ не былъ слѣпымъ послѣдователемъ его; онъ писалъ Павлу Кортезію: „Касательно слога я не вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе. Ты вѣдь одобряешь лишь такой слогъ, который носитъ на себѣ черты Цицерона. Я же предпочитаю ликъ быка или льва лику обезьяны, хотя послѣдній болѣе походитъ на человѣческій. По мнѣнію Сенеки первые ораторы отнюдь не походили другъ на друга, а Квинтиліанъ смѣется надъ такими, которые вображаютъ себя сродни Цицерону, потому что заканчиваютъ свои періоды словами esse videatur. Сочинители, которые только подражаютъ, подобны попугаямъ и сорокамъ, говорящимъ слова, не понимая ихъ“. Безмѣрно прославляемый своими современниками, онъ и самъ былъ тщеславенъ и хвастливъ. „Я преподаю, писалъ онъ королю Венгерскому, Матвѣю Корвину, латинскую литературу, въ теченіе уже многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ, и обучаю даже греческой, по крайней мѣрѣ такъ же успѣшно какъ урожденные Греки; а это, сколько мнѣ извѣстно, въ теченіе тысячи лѣтъ, смѣло говорю, не удавалось ни одному латинисту. При томъ я удачно прилагалъ свой слогъ ко всѣмъ возможнымъ предметамъ, такъ что заслужилъ, краснѣя говорю это, хотя оно очевидно,—похвалы всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ Вашего времени“. Въ характерѣ его была смѣсь пошлости и религіознаго чувства: послѣ грязной сатиры на старуху онъ тутъ же сочиняетъ и ставитъ два гимна во славу Пречистой дѣвы; истый наставникъ—Льва X, а этотъ въ свою очередь—настоящій ученикъ его.

Во Флоренціи выступила литературная демократія; а въ Венеціи ученость появилась въ знатной олигархической замкнутости. Республика созидалась на торговыхъ складахъ и конторахъ государственной казны; а не на искусствахъ и наукахъ. „Оттого ученому какъ таковому отъ правительства нечего было ожидать ни милости, ни вражды, ни поддержки, ни гоненій—". Покровителями наукъ были здѣсь не знать вообще, а лишь единичныя знатныя особы. Между ними отличался *Карло Зено*, радушно принимавшій въ своемъ дворцѣ ученыхъ въ родѣ Хризолораса, Верджеріо, Гварино;—потомъ *Леонардо Джустиніани*, знатокъ греческаго языка, ревностный собиратель книгъ; также *Франческо Барбаро*, который, поживъ въ изящной атмосферѣ Флоренціи, состоялъ въ дружбѣ и перепискѣ со всѣми учеными своей эпохи, принималъ участіе во всѣхъ стремленіяхъ гуманизма и самъ собиралъ, сличалъ и исправлялъ творенія древнихъ авторовъ. Иноземнымъ ученымъ въ Венеціи оказывалось мало поддержки; тамъ охотно принимались только люди практически полезные, какъ напр. Николай Сагундинъ, отличившійся на Флорентинскомъ соборѣ въ качествѣ толкователя, а потомъ служившій въ Венеціи секретаремъ по греческимъ торговымъ дѣламъ.—

Не то было въ придворной атмосферѣ *династій*, гдѣ тиранны въ античномъ смыслѣ этого слова блескомъ и пышностью старались ослѣплять народъ. Къ предметамъ этого тщеславія принадлежали также придворные ученые, и *Неаполь* былъ первою покровительствовавшею имъ столицей. Здѣсь уже король Робертъ сказалъ Петраркѣ: Клянусь, науки пріятнѣе и дороже мнѣ моего царства, и я готовъ скорѣе отказаться отъ вѣнца, нежели отъ нихъ. Но настоящимъ меценатомъ гуманистовъ былъ собственно *Альфонсо* Аррагонецъ. Онъ не былъ ученымъ; но легко всему учился, быстро все понималъ, и въ сообществѣ съ книгами и учеными охотно забывалъ что онъ король. Въ его пышныхъ чертогахъ и великолѣпно украшенной библіотекѣ читались и постоянно поддерживались лекціи и диспуты. — При его музоугодномъ дворѣ находились двѣ научныя личности: Лоренцо делла Валле и Антоніо Беккаделли. *Лоренцо делла Валле* родился въ Римѣ въ 1415-мъ г. Прибывъ 30-ти лѣтъ отъ роду ко двору въ Неаполь, онъ уже славился своими діалогами „о сладострастіи", въ которыхъ съ соблазнительнымъ искусствомъ изображалось право чувственной природы, такъ что торжество христіанской этики оказывалось лишь пустымъ призракомъ. Благодаря своимъ 6 книгамъ Elegantiarum latini sermonis, въ которыхъ онъ прославляетъ „святую божественность латинскаго языка" и приводитъ самыя остроумныя грамматическія замѣтки особенно о синонимахъ, онъ сдѣлался первымъ авторитетомъ въ области грамматики,—

и до такой степени неопровержимымъ, что сочиненіе это съ 1471-го до 1536-го г. выдержало пятьдесятъ девять изданій. Онъ же первый примѣнилъ вновь расцвѣтавшую классическую филологію къ истолкованію Новаго Завѣта, написалъ критическія замѣчанія къ Вульгатѣ и исправилъ въ ней многія мѣста. Безпощаднымъ оружіемъ позора и критики поражалъ онъ поповъ и монаховъ, и въ своемъ сочиненіи противъ константиновскаго дара онъ объявилъ войну новому симонистическому и омірчившемуся папству. Письмо Христа къ Авгарю Эдесскому, о которомъ упоминаетъ Евсевій, онъ объявилъ подложнымъ; онъ осмѣялъ Фра Антоніо да Битонто, утверждавшаго, будто каждый членъ апостольскаго символа составленъ особо однимъ изъ апостоловъ. Тогда папа и священники, возбужденная чернь и доминиканцы набросились на него и требовали или позорной смерти или позорнаго отреченія. Но Валле — полагаясь на опору короля — не призналъ за ними права суда надъ собою. „Если онъ станетъ защищаться, то его лишатъ слова; если же онъ настоитъ на словѣ, то сейчасъ же объявятъ его закоснѣлымъ еретикомъ и велятъ черни побить его каменьями“. Монахамъ приказано было смириться, и — „критикъ безнаказанно поражалъ святыя преданія, грамматикъ осуждалъ теологовъ, а придворный поэтъ осмѣивалъ инквизицію“. — Обокъ съ нимъ стоялъ любимецъ короля *Антоніо дельи Беккаделли*, избравшій въ своемъ „Гермафродитѣ“, сборникѣ эпиграммъ, половую любовь, и даже педерастію предметомъ своихъ шутокъ, своего разгульнаго остроумія и веселаго юмора: — въ глазахъ духовенства это была въ высшей степени преступная книга, тогда какъ гуманисты, съ старымъ Гуарино Веронскимъ во главѣ, пренебрегли криками невѣждъ, „которымъ нравятся лишь слезы, посты, псалмопѣнія и которые не знаютъ, что у жизни одна, а у поэзіи другая цѣль“. Этотъ человѣкъ сопровождалъ короля въ путешествіяхъ и походахъ, былъ приписанъ къ неаполитанской знати, и все дѣло его состояло въ томъ, чтобы послѣ обѣда прочесть вслухъ какой-нибудь отрывокъ изъ Ливія, Сенеки, Виргилія и т. п., поострить, а иногда сказать торжественную рѣчь при дворѣ. — При томъ же дворѣ пользовались почетнымъ пріемомъ и годовымъ окладомъ Ѳеодоръ Газа и Манетти, съ которымъ король готовъ былъ дѣлить послѣдній кусокъ хлѣба и который подъ его покровительствомъ перевелъ псалмы съ еврейскаго на латинскій. — Любовь къ научнымъ занятіямъ перешла къ сыну короля, Фердинанду; при немъ Джовани Понтано былъ главою въ Неаполитанской академіи поэзіи и философіи.

Въ *Миланѣ*, благодаря выскочкѣ *Франческо Сфорцѣ*, наука приблизилась къ престолу, дабы охранить и окружить его блескомъ. Калабрезецъ Чикко Симонетта былъ при

этомъ меценатомъ, а Филельфъ съ измѣненнымъ ликомъ —придворнымъ любимцемъ и льстецомъ.

Съ королевскими дворами въ литературной славѣ болѣе всего состязалась *Мантуа* при *Гонзагахъ*, особенно съ тѣхъ поръ какъ тамъ въ качествѣ воспитателя дѣйствовалъ *Витторино Рамбальдони да Фельтре*. Родившись въ 1378-мъ г. отъ бѣдныхъ родителей, изучивъ филологію, богословіе и философію, сдѣлавшись учителемъ въ Падуѣ и Венеціи, Витторино въ 1424-мъ г. былъ избранъ маркизомъ Гонзагою въ наставники двухъ его принцевъ. Онъ былъ не писателемъ, но идеальнымъ содержателемъ школы. Малорослый, худощавый, весьма подвижной, миролюбивый и радушный, человѣкъ, котораго легко было растрогать до слезъ, не зналъ иного высшаго счастья, какъ жить въ средѣ дѣтей и печься объ ихъ воспитаніи. Въ Венеціи уже устроилъ онъ небольшую школу, въ которой обучалъ дѣтей знатныхъ родителей. Въ Мантуѣ для него выстроили школу, снабженную галлереями, залами и гульбищами, дворами и фонтанами, расписанную по стѣнамъ играющими дѣтьми и пр., гдѣ онъ жилъ съ своими питомцами. Въ этомъ заведеніи дѣло велось по тому Платономъ установленному правилу, что свободный человѣкъ долженъ быть воспитанъ свободно и безъ насильственной жестокости, и что духъ слѣдуетъ возбуждать всесторонне, но отнюдь не подавлять его. При этомъ преимущественно обращалось вниманіе на нравственное образованіе и поведеніе. Безнравственныхъ классиковъ не дозволялось читать вовсе; а нѣкоторыя соблазнительныя мѣста въ другихъ пропускались или переиначивались. В и т т о р и н о б ы л ъ т о г о у б ѣ ж д е н і я, и у б ѣ ж д е н і е э т о о н ъ п р о в о д и л ъ в ъ с в о е м ъ в о с п и т а н і и, ч т о г о р а з д о в а ж н ѣ е х о р о ш о ж и т ь, н е ж е л и х о р о ш о п и с а т ь, и ч т о д у р н о й ч е л о в ѣ к ъ н и к о г д а н е м о ж е т ъ б ы т ь с о в е р ш е н н ы м ъ у ч е н ы м ъ, а т ѣ м ъ е щ е м е н ѣ е х о р о ш и м ъ о р а т о р о м ъ. Какъ самъ онъ каждое утро запирался въ своей комнатѣ, молился на колѣняхъ и бичевалъ себя, такъ точно и къ ученикамъ своимъ примѣнялъ онъ строгое религіозное воспитаніе: всѣ обязанности строго соблюдались, старшіе ученики должны были поститься, каждый мѣсяцъ исповѣдываться у монаховъ и каждое утро слушать обѣдню. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ посылалъ ихъ въ посѣщаемые всѣми храмы и строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы благоговѣніе его воспитанниковъ служило въ назиданіе всѣмъ собравшимся тутъ для молитвы. Воспитаніе вообще было строгое. Воспитанники находились постоянно подъ надзоромъ. Они должны были безусловно подчиняться заведеннымъ порядкамъ и уставамъ. Онъ съ любовью вращался въ ихъ средѣ, руководя какъ играми и удовольствіями, такъ и занятіями ихъ и наблюдая за тѣмъ, чтобы никакой порывъ своенравнаго упорства и вла-

столюбиваго произвола не нарушалъ единодушія среди товарищей. Духъ христіанской вѣры, говорилъ онъ имъ, обнаруживается лишь въ томъ, чтобы вы любили другъ друга какъ братья и, по мѣрѣ силъ и возможности, любовно и кротко помогали и содѣйствовали другъ другу. Изученіе языковъ было средоточіемъ всего преподаванія. Виргилій и Цицеронъ, Гомеръ и Демосѳенъ были важнѣйшими писателями при обученіи. Лишь ознакомившись сперва надлежащимъ образомъ съ этими четырьмя авторами, воспитанники могли приняться за другихъ. Путемъ грамматико-историческаго толкованія хотѣлъ онъ довести ихъ до уразумѣнія древнихъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался передать имъ художественное въ формѣ: дабы достичь этой цѣли и такимъ путемъ основательно образовать ихъ въ формальномъ отношеніи, онъ старался сдѣлать для нихъ какъ греческій, такъ и латинскій живыми языками. Въ урокахъ краснорѣчія ученикамъ предлагалось разрабатывать воображаемые случаи, такъ что они говорили свои рѣчи то передъ судомъ, то передъ сенатомъ, то передъ народнымъ собраніемъ. Математикой занимались ревностно, дабы при помощи ея вышколить разсудокъ. Музыкѣ, служащей въ то же время для развлеченія, обучали также теоретически. Кто прошелъ элементарный курсъ, того посвящали въ творенія Платона и Аристотеля. Преподавая логику, Витторино избѣгалъ хитросплетеній схоластиковъ и ихъ сочиненія изгонялись изъ его школы: я хочу научить мыслить, а не бредить, говорилъ онъ. У него преподавали грамматики, логики, метафизики, математики, живописцы и музыканты. Четыре ученыхъ Грека поддерживали вкусъ къ греческому языку и къ греческой литературѣ. Пренебрегались однѣ лишь естественныя науки, а изученіе права и медицины были вовсе исключены изъ его заведенія. Ученики его притомъ должны были, не взирая ни на вѣтеръ, ни на непогоду, упражняться попеременно въ верховой ѣздѣ, въ борьбѣ, фехтованіи, стрѣльбѣ изъ лука, въ плаваньи и пр., затѣвать разныя воинственныя игры, привыкать къ умѣренности относительно сна, ѣды и питья, вообще закаливать себя всячески; такъ-какъ онъ основывался на томъ, что надлежитъ развивать всѣ способности гармонически, равномѣрно и методично:—тѣло какъ носителя духа и духъ въ различныхъ отправленіяхъ его, память, наприм., отнюдь не въ ущербъ чувству и т. д. Лучшею наградою за труды было для него, когда онъ чуждымъ посѣтителямъ представлялъ своихъ наиболѣе способныхъ учениковъ, собиравшихся къ нему изъ всей Италіи, изъ Германіи, Франціи и Греціи, и посѣтившій его, въ 1435-мъ г., Траверсари отзывается съ похвалою о томъ, какъ четырнадцатилѣтній принцъ Гонзага прекрасно продекламировалъ 200 имъ самимъ сочи-

ненныхъ стиховъ, а Цецилія, десятелѣтняя дочь князя Гонзага, такъ мило говорила погречески, какъ почти ни одинъ изъ его учениковъ. Благодаря умѣренной жизни и постояннымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, Витторино отличался здоровьемъ до глубокой старости, и семидесяти лѣтъ отъ роду былъ еще въ состояніи учить, не уставая по 6 часовъ къ ряду. Хотя онъ никогда не былъ женатъ, но при всемъ томъ получаемаго имъ оклада въ 300 гульденовъ никогда ему недоставало, оттого что у него въ домѣ часто находилось до 40 бѣдныхъ дѣтей, которыхъ онъ училъ и снабжалъ книгами, пищею и платьемъ. „Въ такихъ случаяхъ онъ съ своею добродушною улыбкою обращался къ маркграфу: истратилъ онъ столько-то сотенъ гульденовъ лишнихъ, и проситъ государя прибавить ихъ по своей милости, что и исполнялось безъ дальнихъ справокъ". Витторино да Фельтре умеръ въ 1477-мъ году.

Послѣ него дворъ въ Мантуѣ прославился *Кастильіоне* (ум. 8-го февраля 1529-го г.), авторомъ „Придворнаго",—творенія, имѣвшаго множество подражателей, начиная отъ Галатера Казы и Мальпильіо Тассо, и нисходя до „Собесѣдника, каковъ онъ долженъ быть" и до книги о комплиментахъ Мейера. (Сравни А. Тоблера Кастильіоне и его „Придворный" въ „Новомъ швейцарскомъ музеумѣ", четвертый годъ, первая и вторая книжка). Придворный — таково прежде всего требованье Кастильіоне — долженъ вести родъ свой отъ знатнаго дома, ибо хотя низшее происхожденіе и соединяется иногда съ отличными свойствами, но въ происхожденіи отъ цѣлаго ряда знаменитыхъ предковъ все-таки заключается такая побудительная сила ко всему высокому и доблестному, такое поощреніе къ собственному совершенству, такое ручательство для первой оцѣнки со стороны другихъ, что имъ нельзя пренебречь, если хотятъ снабдить придворнаго всѣмъ, что можетъ украшать его. Къ этому присоединяется еще воспріимчивый умъ, правильное, здоровое сложеніе скорѣе нѣсколько малаго, нежели черезъ-чуръ высокаго стана; отвѣчающее тому мужество въ выраженіи лица и прирожденная внѣшняя грація, плѣняющая и располагающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Придворный долженъ свободно владѣть всякими оружіями, какія употребляются пѣшими и конными, особливо тѣми, какія обыкновенно носятъ при себѣ дворяне. Въ отношеніи нрава онъ долженъ обладать твердою волею быть правдивымъ, надежнымъ человѣкомъ. Главнымъ украшеніемъ ума служитъ литературное образованіе. Придворный долженъ знать греческій и римскій языки и ознакомиться съ ихъ поэтами, ораторами и историками. Онъ долженъ научиться связно и свободно говорить на итальянскомъ родномъ языкѣ. Не слѣдуетъ также пренебрегать музыкой, рисованіемъ и живописью, особенно ради ихъ нрав-

ственнаго вліянія, ради изощренія взгляда на прекрасное Въ рѣчахъ своихъ онъ долженъ избѣгать неправды, злословія, сварливости и неумѣстной короткости, рѣдко просить о чемъ либо для себя самаго, и то лишь о такихъ вещахъ, которыя государь можетъ или доставить безъ затрудненія для самого себя, или же отказать въ нихъ, не опасаясь возбудить въ просителѣ вражды къ себѣ или огорчить его; онъ не долженъ гоняться за знаками милости, а оказываемые долженъ принимать съ благодарностью, но не какъ нѣчто неслыханное и для него вовсе нежданое, хотя и весьма драгоцѣнное; отказы же переносить безъ горечи. Онъ не долженъ водиться съ первыми встрѣчными людьми: о человѣкѣ судятъ вѣдь большею частью по тому, съ кѣмъ онъ водится; поэтому придворный, обходясь учтиво со всякимъ, съ кѣмъ бы ни пришлось ему жить, долженъ примкнуть преимущественно къ наиболѣе уважаемымъ, всѣмъ хорошо знакомымъ лицамъ и стараться заслужить ихъ уваженіе и благосклонность; дружбою же, тою неразрывною, основанною на сходствѣ стремленій и на взаимномъ безусловномъ довѣріи дружбою онъ долженъ быть связанъ лишь съ однимъ. Во всемъ, что касается его развитія, онъ долженъ дойти до такого совершенства, чтобы всѣ ему удивлялись, а самъ онъ не удивлялся бы ничему; привсемъ томъ онъ долженъ охотно признавать достоинства также иза другими. А съ другой стороны онъ долженъ умѣть пользоваться даже самымъ поверхностнымъ знаніемъ како го-либо предмета и искусно скрывать свой недостатокъ; пускай въ обществѣ онъ говоритъ очемъ-нибудь не иначе какъ по возможности подготовившись, изучивъ и обдумавъ предварительно свою тему, но такъ чтобы съ виду онъ казался совсѣмъ неподготовленнымъ. Если же онъ чего-либо вовсе не знаетъ и не постигаетъ, то лучше пусть остережется отъ дерзкихъ попытокъ и открыто признается въ своей неспособности. Въ рѣчах ъсвоихъ онъ долженъ избѣгать неправды и преувеличеній, или даже хотя бы малѣйшаго на нихъ намека.— Съ очеркомъ придворнаго сопоставленъ очеркъ *совершенной придворной дамы*. Знатность рода, свобода отъ принужденныхъ пріемовъ, грація въ поступкахъ, безпорочность, скромность составляютъ также и у женщины главныя свойства, сопровождаемыя сверхъ того женской мягкостью. Красота здѣсь гораздо важнѣе, нежели у мужчины; притомъ женщинѣ надлежитъ гораздо тщательнѣе беречься даже и отъ вида зла, нежели ему. Помимо доброты, скромности, знанія и исполненія своего долга въ качествѣ домохозяйки и матери придворная дама должна еще обладать искусствомъ веселой, привлекательной, благонравной бесѣды съ мужчинами различныхъ званій, чувствомъ надлежащей середины между чопорною недоступностью и женскою рѣзвостью. Игра въ мячъ, фехтованіе, ѣзда верхомъ, охота едва ли

пристойны для нея; даже въ танцахъ, пѣніи и игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ должно соблюдаться отличіе пола, такъ чтобы избѣжать чрезмѣрной страстности въ выраженіи, и притомъ устранять такіе инструменты, играть на которыхъ подобаетъ однимъ лишь мужчинамъ.—*Государь*, при чьемъ дворѣ находятся такіе придворные, долженъ отдавать лишь цѣлесообразныя, подобающія ему приказанія, и такимъ только лицамъ, которыя сами по себѣ обязаны повиноваться, и притомъ въ надлежащемъ мѣстѣ и въ надлежащее время; кто умѣетъ приказывать, тому всегда повинуются. Миръ и спокойствіе должны быть цѣлью всѣхъ помышленій и стремленій его. Прежде всего да руководитъ государемъ справедливость; судьи его да обладаютъ умомъ и милостью. Да зритъ онъ всегда на Бога какъ въ счастливые, такъ и въ злосчастные дни; но онъ долженъ, напротивъ того, уклоняться отъ всякихъ суевѣрныхъ дѣйствій. Для него не должно существовать лицепріятія, когда дѣло коснется справедливости, или въ отношеніи подчиненныхъ; но да обратитъ онъ вниманіе на различіе заслугъ. Такой государь не будетъ нуждаться въ наемномъ войскѣ для своей охраны. Важно также не допускать черезчуръ большой имущественной разницы въ средѣ населенія: зажиточное среднее сословіе лучшее ручательство общественнаго порядка и спокойствія. Улаживать ссоры, сокращать тяжбы между подданными; скрѣплять родственныя и семейныя связи; подымать торговлю, промыслы и искусства; оказывать гостепріимство иноземцамъ и священникамъ, ограничивать чрезмѣрную роскошь въ зданіяхъ, одеждѣ, приданомъ невѣстъ: все это вызываетъ его дѣятельность, которая крайне заботливо должна обращать свое вниманіе даже на всѣ возможныя мелочи.—

Отъ прочихъ государствъ не отставала также и Падуа съ ея академіею, въ которой съ 1393-го г. преподавалъ Верджеріо въ качествѣ профессора логики. ***Петръ Павелъ Верджеріо*** родился въ 1349-мъ въ Капо д'Истріи, а умеръ въ 1428-мъ г.; онъ занимался философіей и правовѣдѣніемъ и обучался греческому у Эмануила Хризолораса. Францискъ Каррарскій поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей. Съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца,—какъ справедливо отозвался объ немъ Мейзель,—писалъ онъ о нравственномъ образованіи юношества и совѣтовалъ заниматься науками, которыя прежде не вводились и не терпѣлись въ школахъ. Въ молодости, говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи „De ingeniis, moribus ac liberalibus studiis", слѣдуетъ залагать основы будущей счастливой жизни, и образованіе должно начаться, когда душа еще нѣжна и воспріимчива для каждаго впечатлѣнія. Это образованіе должно обнять въ одно и то же время духъ и тѣло, такъ-какъ человѣкъ состоитъ изъ

того и другого. При этомъ слѣдуетъ въ особенности сообразоваться съ наклонностями каждаго: вѣдь мы легче всего усвоиваемъ себѣ тѣ знанія и должны заниматься попреимуществу такими, къ которымъ наиболѣе склонны отъ природы. Первымъ признакомъ научнаго ума служитъ благородное честолюбіе, возбуждаемое жаждою похвалы и воспламеняемое любовью къ славѣ. Кто краснѣетъ отъ порицаній и исправляется отъ наказанія, въ томъ жива искра, которая воспламенившись становится любовью къ наукѣ. Лучшая пища для такого честолюбія — великіе образцы; поэтому каждый посвятившій себя наукамъ юноша долженъ избрать себѣ въ образецъ одного или нѣсколькихъ знаменитыхъ мужей и тщиться подражать ихъ дѣйствіямъ и помысламъ, сколько можно, смотря по возрасту и индивидуальности. Съ другой стороны слѣдуетъ удалять отъ юности все некрасивое, неблагородное и безнравственное, такъ-какъ юношеская душа склонна къ подражанію и легко воспринимаетъ встрѣчающіяся впечатлѣнія. При этомъ юношу слѣдуетъ особенно предохранять отъ недостатковъ, легче всего въ немъ возникающихъ, потому что они скорѣе всего пристаютъ въ его возрастѣ; вѣдь у каждаго возраста свои особенные недостатки. Лучшее средство не давать зародиться такимъ недостаткамъ есть трудъ, ибо тунеядство располагаетъ къ похоти и къ неумѣренности всякаго рода. Надлежитъ также предохранять его отъ неумѣреннаго употребленія пищи и питья, особенно же вина, чѣмъ не только подрывается тѣлесное здоровье, но разстроивается также надлежащее употребленіе ума. Болѣе же всего юный духъ долженъ поддерживать въ себѣ влеченіе къ Богу, ибо кто преклоняется передъ божественнымъ, тотъ свято соблюдаетъ также все, что свято для людей.—При всемъ этомъ воспитаніи наставникъ долженъ быть ни слишкомъ слабъ, ни слишкомъ строгъ: кто даетъ слишкомъ много воли своему воспитаннику, тотъ распускаетъ духъ его; слишкомъ же большая строгость, напротивъ того, ослабляетъ душевныя силы и тушитъ пламя жизни. Наставникъ и самъ долженъ быть силенъ въ знаніи и ознакомить своего воспитанника съ мыслями лучшихъ людей науки: одинъ только лучшій учитель способенъ хорошо передать даже и начальныя свѣдѣнія; все, чему учатъ въ нѣжныя лѣта юности, пускаетъ глубокіе корни и трудно вырывается впослѣдствіи. При самомъ ученіи онъ долженъ беречься, чтобы ученикъ его не порывался усвоить себѣ слишкомъ много заразъ: кто захочетъ въ одно и то же время удержать все, тотъ ничего не удержитъ. Подобно тому какъ излишекъ пищи не питаетъ, но лишь черезъ мѣру пресыщаетъ желудокъ, возбуждаетъ въ немъ отвращеніе къ пищѣ и разслабляетъ тѣло, такъ точно и излишекъ знаній, воспринимаемыхъ памятью, ослабляетъ

душевныя силы и лишаетъ память возможности удержать передаваемое ей. Невѣрно поступаетъ также тотъ, кто, обучая своего воспитанника, перескакиваетъ съ нимъ отъ одной науки къ другой: остановиться на одной вещи и углубиться въ одинъ предметъ, съ тѣмъ чтобы перейти потомъ къ другому, вотъ что укрѣпляетъ духъ. Мѣрно и тихо, но твердо иди къ цѣли: кто быстро схватываетъ, тотъ скоро забываетъ; острые и высшіе умы большею частью не обладаютъ сильною памятью. Но память укрѣпится, а вмѣстѣ съ тѣмъ усовершенствуется и рѣчь и изощрится умъ, если воспитанника иногда выводить на умственное состязаніе съ товарищами: диспутами прибавляется умѣнье, приводится въ сознаніе все, что мы знаемъ, и мы вынуждаемся держать въ памяти наготовѣ все, чему учились, и все готовое облекать въ надлежащія слова. Пускай же наставникъ выводитъ своего воспитанника на такія состязанія; но не забывая притомъ, что и тутъ такъ же, какъ и во всякомъ вообще ученіи, постоянно и крайне натянутый лукъ наконецъ порвется. Потому-то вмѣстѣ съ духовною дѣятельностью слѣдуетъ поддерживать также тѣлесныя упражненія. Воспитанника надлежитъ упражнять въ бѣгѣ, прыганьи, кулачномъ бою, метаніи копья, верховой ѣздѣ и т. п.; но и при играхъ нельзя упускать изъ виду правило, чтобы онъ не предавался вредной для него или безнравственной игрѣ, и чтобы онъ занимался лишь тѣмъ, что усиливаетъ его дѣятельность и упражняетъ его тѣлесныя силы. Духовно надлежитъ обучать его свободнымъ искусствамъ, т. е. такимъ, которыя дѣлаютъ человѣка свободнымъ и которыя подобаютъ свободнымъ людямъ. Философія первая изъ такихъ искусствъ, ибо она дѣлаетъ человѣка свободнымъ. Риторика даетъ силу ясно и изящно выражать то, что мы чувствуемъ и мыслимъ при посредствѣ философіи и въ ней самой. Исторія наконецъ служитъ опорою для той и другой. Но болѣе всего человѣческому уму свойственно естествовѣдѣніе; а музыка успокоиваетъ душу и умѣряетъ страсть. Кто предается этимъ наукамъ, тотъ развиваетъ духъ свой сообразно своему существу и становится въ то же время полезнымъ членомъ общества.—Верджеріо въ своихъ мысляхъ о воспитаніи высоко вознесся надъ педагогическимъ безсмысліемъ и противоестественною монашескою моралью своего вѣка: онъ былъ предтечею новой педагогической эпохи.

Музоугодный дворъ *Эсте въ Феррарѣ* также благоволилъ къ геніямъ: „Здѣсь радушно принимали и лелѣяли Петрарку, Аріостъ нашелъ здѣсь свои образцы.“ Уже въ то время, когда Хризолорасъ и Джованни да Равенна возобновили изученіе древнихъ языковъ, Маркграфъ Альберто основалъ, въ 1392-мъ г., высшее учебное заведеніе въ Феррарѣ, а маркграфъ Никколо III пригласилъ, въ 1429-мъ г., къ сво-

ему двору Гуарино да Верона для воспитанія Ліонелло. *Гуарино* и *Джованни Ауриспа* были знатнѣйшими учителями въ Феррарѣ. Гуарино родился въ Веронѣ въ 1370-мъ г. Сначала онъ былъ ученикомъ Іоанна Равеннскаго, потомъ въ Константинополѣ у Хризолора. Онъ скончался въ 1460-мъ г. Ауриспа родился въ 1369-мъ г., изучалъ въ Константинополѣ греческій языкъ, прибылъ въ 1423-мъ въ Венецію и привезъ съ собою 238 собранныхъ имъ рукописей, стихотворенія Орфея, Пиндара, Каллимаха и Апикана, историческія творенія Діодора, Аріана и Діона Кассія, географію Страбона, сочиненія Ксенофонта, Лукіана и пр., которыхъ до тѣхъ поръ въ Италіи или вовсе не знали, или знали въ неполномъ лишь видѣ. Онъ умеръ въ Феррарѣ въ 1459-мъ г. девяносто-однолѣтнимъ старцемъ; воспитавъ принца и неутомимо преподавая послѣ того въ высшемъ учебномъ заведеніи, Гуарино даже на старости лѣтъ не находилъ времени на ѣду и на сонъ и до смерти сохранилъ какъ свою память, такъ и бодрую энергію труда. Онъ написалъ латинскую грамматику (—это было извлеченіе изъ большого сочиненія Хризолора—); перевелъ нѣсколько сочиненій Плутарха, Лукіана, Исократа, Василія Великаго, всего Страбона; писалъ комментаріи къ Цицерону, Персію, Ювеналу, Аристотелю и пр. Вѣрная и изящная дикція составляла для него главное дѣло; поэтому онъ и старался запечатлѣть въ памяти прекрасные и вмѣстѣ съ тѣмъ богатые содержаніемъ отрывки, съ строгимъ вниманіемъ избирая писателей изъ золотого вѣка. Какъ человѣкъ истинно религіозный, онъ старался дать ученикамъ своимъ также религіозное воспитаніе. Онъ заставлялъ ихъ ревностно читать библію и присутствовать при божественной службѣ. Обучая краснорѣчію, онъ указывалъ на классическіе образцы. Онъ рѣшительно заявилъ себя противъ схоластиковъ, такъ-какъ они тратили чрезвычайный трудъ на то, чтобы сдѣлать учениковъ своихъ вдвое глупѣе и невѣжественнѣе, чѣмъ они были до посѣщенія ихъ аудиторій. Леонардо д'Ареццо считалъ его единственно ученымъ мужемъ своего времени. Ученикомъ его былъ *Ліонелло*, изъ государей Италіи первый воспитанный гуманистомъ—умный и ученый, но вмѣстѣ строгій и высокомѣрный. Братъ и преемникъ Ліонелло, *Борзо* да Эсте, также окружилъ себя придворными поэтами и учеными, а по временамъ, хотя и не часто, награждалъ ихъ подарками болѣе щедрыми (до 100 дукатовъ), нежели кто либо изъ другихъ князей.

Не только республики и династіи въ Италіи стремились прославиться своими заботами объ искусствѣ и наукѣ, но и *папская курія* не отставала отъ нихъ съ своей стороны. Она также приняла къ себѣ своего врага, гуманизмъ. Многіе папы предлагали уже Петраркѣ секретарскую должность; но онъ

съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на эту толпу людей, называвшихся писарями папы. Поджіо Браччолини (родился въ 1380-мъ и прожилъ при 7 папахъ; ум. въ 1459-мъ) въ своихъ дальнихъ путешествіяхъ всюду собиралъ рукописи или классиковъ и открывалъ писателей, которыхъ до того вовсе не знали, напр. сочиненія Квинтиліана, Силія Италика, Валерія Флакка, Манилія, частью Лукреція, нѣсколько рѣчей Цицерона, полнаго Колумеллу, отъ котораго имѣлись только небольшіе отрывки, и проч. Онъ пятьдесятъ лѣтъ служилъ римской куріи—„рьяный борецъ на литературномъ поприщѣ, великолѣпный панегиристъ, собиратель книгъ и сокровищъ древняго искусства," онъ въ Римѣ и окрестъ него рылся въ пыли и сору, отыскивая надписи и мраморные бюсты, говорилъ съ развалинами храмовъ и палатъ, бань и театровъ, а затѣмъ вновь потѣшался въ кругу друзей бойкими остротами и необузданнымъ вольнодумствомъ,—остротами, подкладкой для которыхъ, какъ видно изъ его „Фацецій," служили разсказы о безпутныхъ кардиналахъ и назойливыхъ духовникахъ, о мужьяхъ рогоносцахъ и похотливыхъ женахъ, о глупыхъ попахъ и сладострастныхъ францисканцахъ, о нелѣпыхъ крестьянахъ и остроумныхъ проказникахъ. „Фабрикою лжи (Bugiale) называлась ихъ веселая компанія, безчинствовавшая въ Латеранѣ и избиравшая предметомъ своего юмора равно какъ церковь, такъ и свѣтъ."—Гуманисты сдѣлались сообщниками папскаго двора, передовые люди науки и педагогики пользовались папскимъ покровительствомъ. Такъ напр. при Евгеніи IV, *Мафеусъ Вегій*, род. въ 1407-мъ въ Лоди при Аддѣ, ум. въ 1458, въ качествѣ статсъ-секретаря, а потомъ въ качествѣ папскаго дотарія и каноника при храмѣ С-го Петра, любитель поэзіи, особенно Виргилія, впослѣдствіи же псалмовъ и библіи, и наконецъ въ качествѣ педагога извѣстный своими со вкусомъ и знаніемъ составленными 6 книгами „De liberorum edicatione et claris eorum moribus"—самая важная и богатая содержаніемъ педагогика итальянскаго гуманизма. Онъ говоритъ въ ней: Воспитаніе должно начаться съ самаго зачатія ребенка. Забота объ естественномъ воспитаніи дитяти принесетъ мало пользы, если оно родится такимъ, что нѣтъ никакой возможности хорошо воспитать его, развѣ съ большими трудностями; все равно какъ садовникъ, посѣявъ дурное сѣмя, при всемъ трудѣ своемъ никогда не пожнетъ хорошаго и обильнаго плода. Лишь умѣренные какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи люди могутъ надѣяться имѣть здоровыхъ дѣтей, а дѣти прижитыя въ нетрезвомъ видѣ, въ состояніи страсти, истощенія, немощи и пр., и къ тому же личностями, которыя сами еще не вполнѣ созрѣли или вышли уже изъ цвѣтущаго и крѣпкаго возраста, не могутъ быть совершенными ни тѣломъ, ни душою. По зачатіи, жена въ

спальнѣ своей должна имѣть однѣ лишь изящныя, отнюдь не уродливыя картины и статуи, потому что видъ ихъ оказываетъ удивительное вліяніе на образованіе и складъ человѣческаго зародыша. Притомъ пища ея должна быть ни слишкомъ обильна, ни слишкомъ скудна, ни остра, ни возбуждающа; она должна работать умѣренно, избѣгать всякихъ сильныхъ движеній и стараться сохранить бодрость нрава и спокойствіе духа. Когда родилось дитя, то мать пока все еще единственный источникъ его питанія. Главная пища его— ея молоко. А потому матери не должны отдавать своихъ дѣтей чужимъ кормилицамъ, но кормить ихъ своею грудью: отъ крѣпости и свойства первоначальной пищи зависитъ отчасти складъ тѣла и души. Дальнѣйшая пища ребенка должна состоять не изъ лакомствъ, но да будетъ она простою, какъ того требуетъ природа, дабы ребенокъ и впослѣдствіи также любилъ простоту: мы и въ старости придерживаемся того образа жизни, къ какому привыкаемъ съ нѣжнаго дѣтства. Полезно также, если отрокъ пріучится къ холоду. Но лишь бы не черезъ мѣру! Всегда и во всемъ, въ ѣдѣ и питьѣ, въ бдѣніи и снѣ слѣдуетъ наблюдать надлежащую середину! До пятилѣтняго возраста ребенокъ отнюдь не долженъ работать, чтобы не задерживался ростъ его. Но съ ранней молодости уже долженъ онъ упражняться въ естественныхъ, не слишкомъ бурныхъ движеніяхъ, дабы придать тѣлу подвижность и дѣятельность. Пуще всего въ первоначальномъ воспитаніи слѣдуетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы ему не разсказывались безнравственныя или безсмысленныя сказки, чтобы съ нимъ не говорили отрывистыми и искаженными словами и не пугали и не возбуждали его росказнями о привидѣніяхъ и т. п. Ребенка надо по возможности ранѣе пріучать къ поклоненію Божеству и вмѣстѣ съ тѣмъ при посредствѣ религіи отклонять отъ божбы и отъ всякаго дурного слова. Слѣдуетъ удалять отъ него всякія пошлыя рѣчи, ибо страсть къ подражанію и привычка сильны въ ребенкѣ, такъ что онъ самъ говоритъ и дѣлаетъ то, что слышитъ и видитъ, а потомъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ привыкаетъ къ тому, чему научился въ молодости, какъ къ чему-то естественному. Человѣкъ образуется и развивается болѣе примѣрами и подражаніемъ, нежели наукою и увѣщаньями. Ученіе, подкрѣпляемое примѣромъ, дѣйствительнѣе того, которое сопровождается наказами. Если, мать на самомъ дѣлѣ всегда набожна, если она помогаетъ бѣднымъ, поддерживаетъ нуждающихся и поступаетъ всегда праведно и благородно, благонравно и цѣломудренно: тогда и дочь по неволѣ пойдетъ тѣмъ же путемъ и исполнится рвеніемъ дѣлать то же самое. Если слова воспитателя не отвѣчаютъ его дѣламъ: какъ же ждать ему добрыхъ плодовъ отъ увѣщаній, надъ которыми издѣвается его собственная

жизнь?—При страсти къ подражанію, весьма живой въ ребенкѣ, не слѣдуетъ также посѣщать съ нимъ мѣста, гдѣ царитъ безнравственность; надлежитъ скорѣе обращаться туда, гдѣ властвуетъ благопристойность и невинность, скромность и честность, религія и нравственность. Слѣдуетъ пріучать его быть услужливымъ дома, ходить молча, угождать всякому и во всѣхъ своихъ поступкахъ проявлять нравственное чувство. Пріучая такимъ образомъ къ нравности и строгости въ жизни, воспитатель долженъ соблюдать постоянно надлежащую мѣру, дабы гнѣвомъ и бранью не подавить дѣтскаго духа и не возбудить въ немъ чувства страха, отъ котораго часто и въ позднѣйшія лѣта онъ не въ состояніи избавиться. Опытъ научаетъ, что дѣти, воспитанные угрозами и побоями, получаютъ большею частью рабскій характеръ, или дѣлаются угрюмыми и безстыдными. Дѣти хотятъ, чтобы къ нимъ прикасались нѣжными руками. Не слѣдуетъ впрочемъ давать имъ волю; но не надо забывать, что кроткое воспитаніе скорѣе и лучше отвлечетъ ихъ отъ зла и возбудитъ въ нихъ любовь къ добродѣтели, нежели суровая строгость. Хвалить по временамъ ихъ добрые качества и поступки, иногда сквозь пальцы смотрѣть на ихъ ошибки, или любовно исправлять ихъ и вмѣстѣ съ благороднымъ честолюбіемъ возбуждать въ нихъ чувство стыда,—то прибѣгать къ святой строгости, то ободрять ихъ улыбкою, смотря по времени и обстоятельствамъ: вотъ что воспитатель долженъ имѣть въ виду въ дѣлѣ воспитанія. При этомъ, конечно, слѣдуетъ строго наблюдать, склоненъ ли воспитанникъ болѣе къ добродѣтели или къ пороку; ибо если онъ одаренъ такими свойствами, что любитъ добродѣтель и науку по собственному побужденію, питаетъ благоговѣніе къ божеству, чтитъ старость, мирно уживается съ своими товарищами, не бѣжитъ труда, не пренебрегаетъ похвалою, и если при всемъ томъ ему случится попасть какъ-нибудь на ложный путь: то можно развѣ накинуться на такого юношу съ бранными словами и побоями? Итакъ, относительно исправленія ошибокъ и усвоенія добродѣтели главное дѣло въ томъ, чтобы въ точности узнать натуру ребенка и тщательно подмѣчать разныя наклонности духа, дабы къ различнымъ ошибкамъ, подобно тому какъ врачъ къ различнымъ болѣзнямъ, примѣнять различныя и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственныя цѣлебныя средства. Бываютъ дѣти, у которыхъ рано уже обнаруживаются прекрасные зародыши будущей добродѣтели; а впрочемъ они застѣнчивы и скрытны. Другія же неустрашимы, смѣлы и удалы. Мы видимъ, что нѣкоторыя болтливы и пошлы, тогда какъ другіе ходятъ съ поникшимъ взоромъ и еле говорятъ, когда имъ топриказываютъ. Иныя нахальны и хвастливы, тогда какъ другія въ свою очередь скромны и едва ожидаютъ заслу-

женной похвалы. Нѣкоторыя поступаютъ легкомысленно и непристойно, другія же благонравно и добросовѣстно идутъ своимъ путемъ. Такъ велика разница человѣческихъ душъ и человѣческихъ стремленій. Такъ же различны должны быть и средства воспитанія, какими запасается воспитатель, съ тѣмъ чтобы примѣнять ихъ къ разнымъ воспитанникамъ. Потомучто съ вспыльчивымъ и дерзкимъ слѣдуетъ обращаться иначе, нежели съ робкимъ и нѣжнымъ: тогда какъ послѣдняго надлежитъ поддерживать и подстрекать къ дѣятельности похвалою, а иногда ободрять своимъ одобреніемъ, въ то же время къ первому слѣдуетъ обращаться съ строгимъ лицомъ исерьёзнымъ взоромъ. Однимъ можно высказать заслуженное ими порицаніе при сотоварищахъ; другимъ слѣдуетъ выразить это порицаніе лишь съ глазу на глазъ. У одного придется наблюдать за всѣмъ и подмѣчать всякія мелочи, другому, напротивъ того, можно спускать многое, а на нѣкоторыя вещи смотрѣть даже сквозь пальцы. Болтливому придется запрещать слишкомъ часто бывать въ обществѣ, а молчаливаго отклонять отъ черезъ-чуръ долгаго одиночества. Легкомысленнымъ тунеядцамъ нельзя дозволить поступать по своему произволу, степеннымъ и положительнымъ юношамъ слѣдуетъ, наоборотъ, чаще давать волю. Итакъ, воспитатель да блюдетъ середину въ дѣлѣ воспитанія, поступая ни слишкомъ жестко, ни черезъчуръ слабо, сообразуясь съ временемъ, предметами, обстоятельствами и индивидуальностью. То же самое и относительно умственнаго воспитанія. Съ наступленіемъ семилѣтняго возраста, не ранѣе и не позже, ребенка надлежитъ передать учителю. Этотъ возрастъ еще настолько нѣженъ, что ему подобно мягкому воску крѣпко и навсегда могутъ быть впечатлѣны первыя черты науки. При этомъ болѣе всего слѣдуетъ остерегаться, чтобы дитя не слишкомъ часто поручалось разнымъ учителямъ и разнымъ школамъ: какъ молодому растенію, которое пересаживаютъ слишкомъ часто, точно такъ же и юной душѣ легко можно причинить вредъ и гибель различнымъ обращеніемъ разныхъ учителей и школъ. Родители въ особенности должны стараться избирать для своихъ дѣтей наставниковъ, ученіе, жизнь и нравъ которыхъ пользуются всеобщимъ уваженіемъ, и не предаваться заблужденію, будто для первоначальныхъ уроковъ достаточно имѣть посредственнаго учителя. Не слѣдуетъ также отдавать дитя въ школу, посѣщаемую слишкомъ многими учениками, ибо даже лучшій учитель при слишкомъ большомъ стеченіи учениковъ не въ состояніи отвѣтить и удовлетворить каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Избравъ для своего ребенка дѣльнаго учителя, родители должны стараться войти съ нимъ въ дружескую связь, и не только назначить ему соотвѣтственное вознагражденіе, но и сами также по воз-

можности чаще посѣщать школу; этимъ путемъ подстрекаются къ дальнѣйшимъ занятіямъ какъ преподаватель, такъ и ученикъ. Учитель же съ своей стороны долженъ обращаться съ порученными ему дѣтьми такъ же заботливо, какъ съ своими собственными сыновьями, не щадить трудовъ при преподаваніи и радоваться успѣхамъ ихъ подобно земледѣльцу, пожинающему сладкіе плоды отъ насаженныхъ имъ деревъ. Онъ похвалою долженъ поощрять учениковъ своихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, стараться любовью и гуманностью привлечь ихъ къ наукамъ. Потомъ, при посредствѣ письменныхъ упражненій, онъ долженъ всякое ученіе по возможности приложить къ дѣлу; вѣдь было бы мало пользы отъ того, что многому научились, если бъ сами не сумѣли ничего изобрѣсть, ни выразить какъ слѣдуетъ своихъ мыслей, ни изложить ихъ на письмѣ. Помимо того пускай ученики заучиваютъ наизусть лучшія мѣста изъ поэтовъ и другихъ писателей, съ тѣмъ чтобы частью подражать имъ, частью ссылаться на нихъ при удобномъ случаѣ. Въ то же время слѣдуетъ наблюдать и учитель долженъ настаивать, чтобы они наполняли свои тетради болѣе важными мыслями, нежели пустозвонствомъ и чтобы рѣчь ихъ была ясна, понятна и не нуждалась въ поясненіи. Затѣмъ для учениковъ при научныхъ занятіяхъ сильнымъ поощреніемъ послужатъ еще декламація и публичныя рѣчи, причемъ слѣдуетъ обращать вниманіе не только на громкій голосъ и ясный выговоръ, но также и на естественныя движенія и жесты тѣла. Изъ древнихъ писателей, которыхъ надлежитъ читать ученикамъ, первымъ и самымъ раннимъ долженъ быть Эзопъ, оттого что басни его соотвѣтствуютъ юному возрасту, и потому съ наслажденіемъ воспринимаются имъ и подстрекаютъ къ дальнѣйшему ученію. Впослѣдствіи къ этому присоединятся поэты, прежде всего тѣ, въ которыхъ нѣтъ ничего предосудительнаго для молодого ума, ибо творенія, содержащія въ себѣ распутство и безнравственность, надлежитъ всячески удалять отъ юношей; потому-то Григорій Назіанзинъ и Іеронимъ Просперъ и передаютъ, что древніе Евреи запрещали юношамъ до двадцатилѣтняго возраста читать книгу Бытія и отчасти пророка Іезекіиля, также пѣснь-пѣсней и иное въ томъ же родѣ, гдѣ говорится о зарожденіи и пр. Лучшими поэтами слѣдуетъ считать изъ греческихъ Гомера, а изъ латинскихъ Виргилія. Но прежде чѣмъ ученики достигнутъ возраста, когда они въ состояніи читать этихъ поэтовъ, а равно историковъ, слѣдуетъ простымъ и естественнымъ слогомъ сообщить имъ воззрѣнія и повѣствованія ихъ, такъ чтобы имъ дано было предвкушеніе содержимаго и они потомъ уже тѣмъ еще ревностнѣе принялись за чтеніе са-

михъ писателей. Помимо того требуется, чтобы ученики обучались также и другимъ наукамъ и притомъ въ одно и то же время; и дѣйствительно, перемѣною и раздѣломъ труда духъ освѣжается снова и снова. При этомъ однако слѣдуетъ предупредить, дабы предлагалось уму не слишкомъ много изъ одной и той же науки и также не черезъ мѣру заразъ до пресыщенія. На музыку, которой необходимо обучать отроковъ, слѣдуетъ обратить самое тщательное вниманіе, такъ-какъ она служитъ для надлежащаго употребленія досуга, для укрощенія душевныхъ волненій и для успокоенія страстей. Въ ученіи не слѣдуетъ пренебрегать ни рисованіемъ, ни чистописаньемъ. Достигши надлежащаго возраста, воспитанникъ долженъ приступить къ философіи, изобрѣтенной для цѣленія душевныхъ болѣзней, точно также какъ медицина для цѣленія тѣлесныхъ недуговъ. Вѣдь преподаваніе наукъ не принесетъ никакой пользы дѣтямъ, если они не будутъ отличаться превосходною нравственностью, пріобрѣтаемою безъ всякаго сомнѣнія болѣе всего изученіемъ философіи, этою наставницею нашей жизни. При всемъ этомъ преподаваніи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на индивидуальность ученика. Потомучто какъ во всемъ, что существуетъ, господствуетъ величайшее разнообразіе; такъ точно, и—преимущественно между душами встрѣчаются чрезвычайное многообразіе, удивительныя особенности, и притомъ въ такой сильной степени, что легче совратить солнце съ пути его, нежели отвлечь духъ отъ свойственной ему природы. Итакъ, надлежитъ каждаго ученика упражнять въ томъ, къ чему онъ особенно способенъ и въ чемъ оказываетъ особые успѣхи, такъ чтобы если духъ его насильственно будетъ увлеченъ къ чему-либо для него чуждому, онъ, отчаявшись въ своемъ дарованіи, не уклонился въ наукѣ вообще отъ высокихъ цѣлей. Наиболѣе ученымъ и превосходнымъ будетъ безъ сомнѣнія тотъ, кто изберетъ себѣ науку, къ которой влечетъ природа его, все равно будетъ то ораторское искусство, или поэзія, или діалектика, или правовѣденіе, или медицина и пр. Пусть каждый слѣдуетъ водителю и творцу своей натуры, своему Богу, разумно и мудро все урядившему и создавшему въ особенности души такъ, что въ самомъ различіи ихъ проявляются великая благость и могущество Творца ихъ, и хотѣвшему чтобы каждый изъ насъ развивалъ и расширялъ то, къ чему онъ рожденъ и что ему прирождено. — Вмѣстѣ съ духовными дѣятельностями слѣдуетъ упражнять въ то же время и тѣлесныя силы. Тѣлесныя упражненія вообще полезны для освѣженія и отдохновенія духа послѣ продолжительнаго труда, и необходимы, для того чтобы приготовить молодыхъ людей къ воинскому дѣлу. Но и тутъ также надлежитъ соблюдать

мѣру и начинать съ болѣе легкихъ упражненій, такъ чтобы тѣмъ поддержать здоровье и мало по малу укрѣпить тѣло.— Что сказано о воспитаніи отроковъ, то же самое въ высшей еще степени должно соблюдать при воспитаніи дѣвочекъ, такъ какъ добрую славу ихъ надлежитъ охранять еще бережнѣе и ихъ нравственную жизнь беречь еще тщательнѣе отъ опасностей. Потому-то слѣдуетъ по возможности строже надзирать за ними при ихъ сношеніяхъ съ юношами. Что же касается до подругъ, то ихъ слѣдуетъ удалять отъ такихъ, которыя задачею своей жизни ставятъ внѣшнюю суетность и наряды. Въ служанки и воспитательницы къ нимъ не слѣдуетъ избирать такихъ, которыя, будучи молоды, сами еще нуждаются въ воспитаніи, а потому и не могутъ способствовать къ улучшенію нрава другихъ имъ подобныхъ. Пуще всего, да не слышатъ онѣ ни одного нечистаго и нецѣломудраго слова отъ матери. Ей-то и подлежитъ главное дѣло воспитанія, особенно же дочери. Если мать заботливо печется въ своемъ домѣ и надзираетъ, чтобы въ немъ всюду господствовали порядокъ и чистота, если потомъ съ еще большею заботливостью блюдетъ она за порядкомъ и чистотою въ духовной жизни, такъ что око ребенка не видитъ ничего такого, что позывало бы къ безнравственности: то какъ же и воспитаннику ея не преисполниться тѣмъ же нравомъ и тѣмъ же стремленіемъ? Да не забудетъ мать примѣрнаго материнскаго чувства Моники!

Главнымъ мѣстопребываніемъ классической литературы былъ избранъ Римъ, когда съ *Томмазомъ Парентучелли* (въ санѣ папы—*Николаемъ V*.—) гуманизмъ вступилъ даже на папскій престолъ. Козма Медичи былъ тѣмъ идеаломъ, осуществить который такъ горячо и страстно хотѣлось Николаю. Юбилей города Рима въ 1450-мъ г. сдѣлалъ Римъ еще разъ средоточіемъ христіанскаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ доставила ему богатства для выполненія его плановъ. И вотъ бѣдный и скромный магистръ величественными зданіями, золотоканными обоями и коврами и пр. озарилъ вдругъ апостольское величіе блескомъ всего земного. Во славу своего имени хотѣлъ онъ вознести Римъ въ величавый міровой городъ искусства. Ученые со всѣхъ концовъ стекались въ Римъ, и папа былъ радъ всякому, кто брался за критическіе и грамматическіе труды, и особенно за переводы съ греческаго, такъ-какъ одною изъ любимыхъ мыслей его было передачею на латинскій языкъ сдѣлать греческихъ писателей болѣе общедоступными. Онъ то и дѣло собиралъ и скупалъ въ Греціи всѣ находившіяся тамъ письменныя сокровища, и съ такимъ великимъ успѣхомъ, что Филельфо въ письмѣ въ Каликсту III выразился такъ: про Грецію нельзя сказать, что она погибла, напротивъ, она лишь пересажена Николаемъ V въ Италію. При выборѣ своихъ литературныхъ друзей онъ руководился не

интересами церкви, а единственно дарованіемъ. Первый ученый, котораго издалека вызвалъ онъ въ Римъ, былъ Лоренцо делла Валле, врагъ римской куріи, позорившій нищенствующихъ монаховъ, осмѣявшій инквизицію. Джованни Тортелло былъ префектомъ его библіотеки; по его желанію онъ составилъ руководство къ орѳографіи, служившее лексикономъ для переписчиковъ книгъ и исправителей текстовъ. Даже Филельфо былъ апостольскимъ писаремъ съ годовымъ окладомъ въ 600 дукатовъ и съ обязательствомъ въ часы досуга переводить какое-либо изящное произведеніе съ греческаго. Николай V видѣлъ вокругъ себя всѣхъ ученыхъ, — за исключеніемъ одного кардинала Бессаріона, главы и протектора всѣхъ Грековъ въ Италіи, защищавшаго въ качествѣ богослова догматъ объ исхожденіи Святаго Духа, пытавшагося въ качествѣ философа примирить Платона и Аристотеля и потратившаго большую часть своихъ доходовъ на переписку латинскихъ и греческихъ рукописей. Послѣдняя была также задачею папы—а папская библіотека крайнею цѣлью всѣхъ его стремленій. Онъ въ сущности и былъ основателемъ ватиканской библіотеки, которая, правда, Сикстомъ IV уже была снабжена правильнымъ фондомъ, но благодаря лишь ему получила свой классическій характеръ и при смерти его заключала въ себѣ свыше 5,000 томовъ.

Въ Ватиканѣ господствовалъ гуманизмъ, — но не было нравственности. Послѣ Николая V все болѣе и болѣе клонилось къ упадку. Иннокентій VIII (1484—1492) былъ родителемъ 16-ти побочныхъ дѣтей и главнымъ виновникомъ гоненій за колдовство въ Германіи. Александръ VI (1492—1503) дошелъ до виртуозности въ преступленіяхъ. Юлій II (1503—1513) былъ свѣтскимъ владыкою церкви: заодно съ религіей стали исчезать и науки. Тогда явился *Левъ* X и снова водрузилъ знамя искусства и науки на капитоліи, но имъ не доставало одного лишь религіознаго освященія. „Онъ обладалъ—говоритъ Фра Паоло—обширными знаніями въ изящной литературѣ и отличался чрезвычайною снисходительностью и кротостью; онъ былъ крайне щедръ и всегда готовъ покровительствовать ученымъ и отличнымъ мужамъ. Левъ X на самомъ дѣлѣ былъ бы совершеннымъ папою, еслибъ обладалъ болѣе основательными знаніями въ религіозныхъ предметахъ и большею склонностью къ благочестію, но онъ пренебрегалъ и тѣмъ и другимъ". Духъ его обращенъ былъ къ чувственно языческой веселости. Онъ пригласилъ комическое общество „Неотесъ" изъ Сіэны къ своему двору и велѣлъ имъ представить піэсу кардинала Бибіэны, исполненную „грубыхъ сальностей". При немъ также дана была Мандрагора Макіавеля, въ которой монахъ позорнѣйшимъ образомъ сводничаетъ женщину. Онъ говорилъ кардиналу Бембо: „Весь міръ вѣдь знаетъ, какъ для

насъ доходна была эта басня о Христѣ: нечего по крайней мѣрѣ отрицать это на основаніи внутренней критики".—Когда такіе люди засѣдали на папскомъ престолѣ, то, само собою разумѣется, какъ же было главную опору религіи искать въ человѣческихъ сердцахъ. Поэтому 10-ый Латеранскій соборъ и постановилъ во имя церкви, чтобы вѣрили въ безсмертіе души.—Подобенъ Льву былъ секретарь его, впослѣдствіи кардиналъ *Бембо*. Онъ, по словамъ одного Итальянца, съ одинаковымъ успѣхомъ подражалъ Виргилію и Цицерону, и его чистый, плавный слогъ напоминалъ Петрарку и Боккачіо. Въ своей Венеціанской исторіи онъ говоритъ про одного изъ папъ, „онъ избранъ милостью безсмертныхъ боговъ", а жителямъ Реканати онъ писалъ, „чтобы они поставляли лучшій лѣсъ на постройку церкви въ Лоретто, а иначе дѣло походитъ на то, какъ будто они приношеніемъ дурного лѣса издѣваются не только надъ папою, но и надъ самою богинею (т. е. надъ Дѣвою Маріей)". Онъ спросилъ Георга Сабина, зятя Меланхтонова, какого мнѣнія послѣдній о воскресеніи мертвыхъ и о вѣчной жизни, и когда Сабинъ отвѣчалъ, что полная вѣра Меланхтона относительно двухъ этихъ предметовъ вполнѣ извѣстна изъ его сочиненій, то онъ отвѣтилъ: „Я считалъ бы его умнѣе, не вѣрь онъ въ это все". Бембо и Левъ собща и защищали поэтому *Петра Помпонація*, который, родившись въ Мантуѣ въ 1462-мъ г., издалъ въ 1515-мъ г. сочиненіе „о безсмертіи души", гдѣ излагалъ, что разумная душа не можетъ существовать безъ тѣла, потому что она нуждается въ послѣднемъ какъ въ предметѣ своей дѣятельности; что воля помимо тѣлесныхъ орудій не можетъ приступить къ дѣйствію и что дѣятельный разсудокъ человѣка безъ тѣла, какъ предмета своей дѣятельности, ничего не въ состояніи совершить. При всемъ томъ онъ утверждалъ, что вѣритъ въ христіанское безсмертіе души—и увѣрялъ точно также, что вѣритъ въ римское христіанство, хотя и пояснялъ, что религіи, какъ и все на землѣ, принадлежатъ къ вещамъ преходящимъ, и предрекалъ христіанству близкій конецъ, такъ какъ все охладѣло къ вѣрѣ и чудеса прекратились,—хотя и считалъ религіи простыми лишь законами, имѣющими цѣлью честную жизнь человѣка, почему онѣ и пользуются баснями и притчами, дабы побуждать его къ добру, подобно врачамъ и кормилицамъ, очень хорошо знающимъ, что больные и дѣти не могутъ выносить истины, и прилаживающимъ свои рѣчи къ степени пониманія своихъ питомцевъ. „Обыкновеннымъ, неучевымъ людямъ не слѣдуетъ открывать тайнъ философіи; они подобны осламъ, которые безъ побоевъ не стали бы носить своей ноши; ими можно руководить, только обѣщая награды и угрожая наказаніями".

Такимъ образомъ въ религіи и въ представителяхъ ея въ Римѣ непосредственно обокъ другъ съ другомъ уживались язычество и христіанство, самое чудовищное вмѣстѣ съ превосходнымъ, самое низкое вмѣстѣ со святымъ Одно лишь искусство чудесно соединило между собою религію, природу и древность въ лицѣ Анджелика де-Фіэзоле, Іоанна Беллини, Леонарда де-Винчи, Франческо Франчіи, Микель Анджело, Піэтро Перуджино, Рафаэля и проч. Богословы и ученые стояли передъ этимъ соединеніемъ какъ передъ неразрѣшимою для нихъ загадкою. Оттого такая безграничная суетность ихъ и необузданная софистика, имѣвшая чистѣйшаго и идеальнѣйшаго представителя своего въ *Макіавелли* (1469—1527), который своими „Флорентинскими исторіями“ представилъ образецъ итальянской прозы въ этомъ неподражаемомъ произведеніи прагматическаго бытописанія, который въ своихъ „discorsi“ (—разборѣ десяти первыхъ книгъ Ливія—) сильнымъ и цвѣтущимъ слогомъ заявилъ себя самымъ дѣльнымъ знатокомъ древней исторіи, который наконецъ въ своемъ „Principe“ (Государѣ) предсталъ величайшимъ политикомъ, глубоко проникшимъ въ характеръ всякаго государственнаго строя, но тутъ же постановившимъ принципами: „Государь долженъ умѣть преображаться какъ въ лисицу, такъ и въ льва; потомучто льву не уберечься отъ сѣтей, а лисицѣ не справиться съ волками. Умный государь не долженъ держать своего слова, если это для него окажется невыгоднымъ: было бы дурно, еслибъ всѣ люди были хороши, но такъ какъ они всѣ дурны, такъ какъ они не держатъ своего слова, то и ты также не долженъ держать твоего. Притомъ же дѣло никогда не станетъ за предлогомъ прикрасить нарушеніе даннаго слова. Но надо умѣть скрывать свой лисій нравъ; надо быть способнымъ обманывать и обольщать. Люди же до того простоваты и такъ привыкли подчиняться духу времени, что обманывающій всегда найдетъ готовыхъ поддаться обману. Ты долженъ казаться великодушнымъ, вѣрнымъ, предупредительнымъ, справедливымъ и набожнымъ; но при всемъ томъ ты долженъ настолько владѣть самимъ собою, чтобы въ случаѣ нужды быть въ состояніи сдѣлать противное. Всякій видитъ то, чѣмъ ты кажешься, но никто почти не знаетъ, каковъ ты на самомъ дѣлѣ; а меньшинство людей не осмѣливается противорѣчить большинству, щитомъ которому служитъ сверхъ того власть государства. Обыкновенный человѣкъ придерживается наружности и судитъ лишь по обстоятельствамъ. А въ этомъ мірѣ почти все одни только обыкновенные люди, а къ меньшинству обращаются за совѣтомъ въ томъ лишь случаѣ, когда большинство не знаетъ, что дѣлать“.

Итакъ, въ государствѣ и церкви проповѣдуются принципы подлости—среди античнаго блеска и великолѣпія и вопреки

изученію Римлянъ и Грековъ: вотъ доказательство, что классическая древность безъ христіанства лишена центра тяжести въ человѣческомъ духѣ и что она не можетъ быть болѣе абсолютною формою и обсолютною дѣятельностью, а слѣдовательно и воспринятіе ея и простое уразумѣніе этой духовной культуры не могутъ быть болѣе высшею задачею, предлагаемою нашему духу вообще. Результатъ стремленія итальянскихъ гуманистовъ, сдѣлать древность непосредственно практическимъ жизненнымъ принципомъ современности, былъ полезенъ лишь въ томъ отношеніи, что онъ отрицательно и революціонно противодѣйствовалъ бывшимъ доселѣ авторитетамъ жизни. Во многихъ сторонахъ своей дѣятельности гуманисты не достигли, конечно, никакихъ по истинѣ всемірно историческихъ результатовъ: такъ напр. въ стремленіи свести латынь, которую они употребляли, къ ея первоначальной основѣ. Варварская латынь схоластики—справедливо замѣчаетъ Рюкертъ—несмотря даже на варварство ея въ нѣкоторомъ отношеніи стояла сама по себѣ выше, нежели такъ-называемый классическій латинскій языкъ, ибо она все-таки была живымъ болѣе обработаннымъ нарѣчіемъ, тогда какъ послѣдній состоялъ лишь изъ набора случайно собранныхъ отрывковъ и былъ еще болѣе жалкимъ искаженіемъ истиннаго генія латинскаго языка, нежели монашеская латынь. Вдавшись въ крайность, итальянскіе гуманисты не могли примкнуть къ наукѣ среднихъ вѣковъ, какъ то сдѣлали итальянскіе художники, оттого-то непосредственная всемірно-историческая польза изученія древности и выпала не на ихъ долю.

24.

Классическія изученія въ Венгріи, Англіи, Франціи и Испаніи.

Молва о превосходствѣ и изяществѣ итальянскаго гуманизма, вопреки реакціи, исходящей отъ духовенства, монаховъ и схоластиковъ противъ гуманистическихъ школъ, распространилась исподволь по всему Западу. Любознательное юношество изъ всѣхъ концовъ Европы толпами стекалось въ Италію, и ученики италійскихъ гуманистовъ въ свою очередь старались въ различныхъ краяхъ передать свое собственное пристрастіе къ классическимъ знаніямъ по возможности большему числу людей. Такимъ образомъ гуманизмъ вскорѣ пріобрѣлъ восторженныхъ поборниковъ въ Венгріи и Англіи, во Франціи и въ Испаніи. Въ *Венгрію* италійское образованіе быстро проникло, благодаря прелатамъ и посламъ, посѣщавшимъ Римъ также легатамъ, наѣзжавшимъ изъ Рима. Уже *Іоаннъ Гуніадъ* при своихъ государственныхъ и военныхъ дѣлахъ находилъ время

изучать сочиненія Подджіо, а писарь его, впослѣдствіи епископъ Гросвардейнскій, *Іоаннъ Витесъ*, утвердилъ классическія занятія въ своемъ отечествѣ и поддерживалъ постоянныя сношенія съ Флоренціею. Онъ велѣлъ тамъ переписать исправленные экземпляры классиковъ, переводы съ греческаго и труды гуманистовъ. Ему же принадлежитъ идея Офенской національной школы, а книги его послужили основою для обширной библіотеки въ Офенской крѣпости. Онъ на свой счетъ посылалъ въ Италію молодыхъ людей, съ тѣмъ чтобы они на классической почвѣ изучали латинскій и греческій языки. Въ числѣ этихъ юношей находился *Іоаннъ Цезингъ*, по прозванію *Янъ Паннонскій*, о которомъ старикъ Гуарино послѣ четырехлѣтняго обученія его сказалъ, что онъ говоритъ погречески, какъ будто родился въ древнихъ Аѳинахъ, а полатыни—какъ уроженецъ древняго Рима,—и который на 16-ти лѣтнемъ возрастѣ обратилъ на себя вниманіе ѣдкими эпиграммами, а 25-ти лѣтъ отъ роду былъ избранъ въ епископы Фюнфкирхена (Печи). Нагруженный латинскими и греческими книгами прибылъ онъ изъ Италіи въ Венгрію и вмѣстѣ съ гуманизмомъ внесъ съ собою итальянское легкомысліе.—Однако гуманизмъ въ Венгріи, какъ былъ. такъ и остался чуждымъ наростомъ. Высшія школы короля *Матѳія* замѣщались большею частью иноземными учителями свободныхъ искусствъ; поэтами при его дворѣ были также иноземцы. Но тѣмъ неменѣе король ревностно способствовалъ къ перенесенію итальянскаго образованія на сѣверъ и востокъ Европы.

Иначе было въ

Англіи.

Въ XIII-мъ вѣкѣ въ знатнѣйшія школы Англіи проникло такое варварство, что Робертъ Кильварби, архіепископъ Кантерберійскій, посѣтивъ въ 1276-мъ г. Оксфордскій университетъ, вынужденъ былъ изречь формальное осужденіе за укоренившіяся тамъ фразы: Ego currit, Tu currit, Currens est ego. [1]) Въ наступившее затѣмъ столѣтіе латинскій языкъ падалъ все болѣе; историки, юристы и богословы въ своихъ сочиненіяхъ просто латинизировали англійскія слова.

Первоначальное знаніе древнихъ классиковъ Англичане заимствовали опять-таки у Французовъ, переведшихъ ихъ въ большомъ числѣ на свой родной языкъ. Съ послѣдняго король Іоаннъ и велѣлъ, вѣроятно по совѣту Петрарки, перевести для себя Ливія; затѣмъ послѣдовали еще до 1365 г. Саллюстій, Луканъ и Цезарь; потомъ также Валерій Максимъ, Овидій, Цицеронъ, нѣкото-

---

[1]) Я бѣжитъ, Ты бѣжитъ, бѣгущій есть я.

рыя творенія Аристотеля и Ксенофона. По открытіи книгопечатанья, введеннаго въ Англіи Голландцемъ Вилльямомъ Какстономъ (ум. въ 1491), эти переводы классиковъ съ французскаго на англійское распространились гораздо больше; такимъ-то образомъ Англичане чрезъ французское посредство ознакомились уже съ древне-классическою литературою, когда въ самой Англіи господствовало еще почти одно только пустое монашеское умозрѣніе.—Послѣ того какъ въ Италіи папы приняли подъ свое покровительство классическую летературу, тогда и англійскіе прелаты не отстовали отъ прелатовъ другихъ странъ въ дѣлѣ изученія Грековъ и Римлянъ. Епископъ Винчестерскій *Генрихъ Бофортъ*, перенялъ отъ папскихъ секретарей Костницкаго собора гуманистическій пошибъ и привезъ съ собою въ Англію Поджіо, который впрочемъ былъ радъ, когда ему удалось изъ варварской страны воротиться въ озаренную солнцемъ Италію. Да и самъ Бофортъ на родинѣ скоро забылъ свой гуманизмъ.

Вмѣстѣ съ нимъ герцогъ *Гемфри Глостерскій* также считался меценатомъ итальянскихъ ученыхъ. Онъ пекся въ Англіи о библіотекахъ и пригласилъ къ себѣ итальянскихъ учителей для истолкованія латинскихъ поэтовъ и ораторовъ.—Примѣръ такихъ высокопоставленныхъ людей повліялъ замѣтно, и вскорѣ молодые Англичане стали посѣщать Италію, съ тѣмъ чтобы учиться у гуманистовъ и пріобрѣтать экземпляры классиковъ. Между ними первое мѣсто занималъ *Вилльямъ Грей*, пользовавшійся въ Феррарѣ преподаваніемъ Гуарина; съ запасомъ классиковъ, купленныхъ имъ во Флоренціи, онъ въ 1454-мъ г. возвратился на родину епископомъ Элійскимъ. Въ Англіи на большую грамматическую школу въ Кембриджѣ, основанную въ 1434-мъ г. Вилльямомъ Биньямомъ, вѣроятно также уже повѣяло классическимъ итальянскимъ духомъ. Около 1500-го г. знаменитый грамматикъ, Лиллей, изучавшій греческій языкъ въ Родосѣ и латинскій въ Римѣ, былъ учителемъ классическихъ языковъ въ школѣ С-таго Павла въ Лондонѣ, восхваляемой самимъ Эразмомъ. Въ грамматической школѣ въ Винчестерѣ также поддерживали гуманизмъ, особенно въ Ипсвичѣ, гдѣ основалъ школу кардиналъ Вольсей, разославшій ко всѣмъ учителямъ Англіи эдиктъ, въ которомъ совѣтовалъ заняться „самою элегантною литературою". Но знатнѣйшимъ изъ англійскихъ учебныхъ заведеній сдѣлался *Итонъ-колледжъ*, основанный Генрихомъ VI вмѣстѣ съ Кингъ-колледжемъ въ 1440-мъ г. „Мы основываемъ и устрояемъ—сказано въ учредительной грамотѣ—во славу, хвалу и честь пострадавшаго на крестѣ, для возвеличенья славнѣйшей Дѣвы Маріи, Его матери, и для поддержки пресвятой церкви, Его невѣсты, коллегію, состоящую изъ одного провоста и десяти священниковъ, четырехъ кистеровъ (Clerks) и шести

клиросниковъ, обязанныхъ ежедневно совершать торжественное богослуженіе; затѣмъ изъ двадцатипяти бѣдныхъ школяровъ, обязанныхъ изучать грамматику (т. е. древніе языки); далѣе изъ двадцатипяти человѣкъ бѣдныхъ и слабыхъ, обязанныхъ молиться о Нашей душѣ по кончинѣ Нашей; наконецъ изъ учителя грамматики или Master'а, обязаннаго сказанныхъ бѣдныхъ школяровъ обучать начальнымъ правиламъ грамматики, точно также и всѣхъ имѣющихъ поступить въ колледжъ изъ какой бы то ни было части нашего королевства Англіи, и притомъ безвозмездно, не требуя за то ни денегъ, ни иной платы.“ Вскорѣ по открытіи своемъ школа стала посѣщаться сыновьями высшихъ сословій и тѣми для кого она была первоначально назначена. Школяры помѣщались сперва въ двухъ большихъ покояхъ нижняго этажа въ одномъ изъ зданій колледжа. Въ каждомъ изъ нихъ имѣли надзоръ трое изъ старшихъ учениковъ (praepositi), снабженныхъ извѣстными правами и полномочіями: на нихъ возлагалась отвѣтственность за хорошее поведеніе. Старшій и младшій учителя имѣли свои особыя комнаты въ верхнемъ ярусѣ того же дома. Ежедневно всѣ члены колледжа получали въ общей столовой обѣдъ и ужинъ. Ученики, непринадлежавшіе къ заведенію (Oppidans, экстерны) въ урочные часы находились вмѣстѣ съ учениками колледжа (съ бенефиціатами). Ясное понятіе о состояніи школы, какою она была около 1560-го въ отношеніи дисциплины и научнаго образованія, даетъ кембриджская рукопись, гдѣ сначала содержится Consuetudinarium, начинающееся съ января. Въ видѣ обычая перваго января тамъ приводится, что veluti omnis boni gratia [1]) ученики сочиняли стихи и посылали ихъ начальникамъ или учителямъ или даже другъ другу. Въ Богоявленіе разрѣшалась игра до ужина и послѣ (coena). 13-го праздновали день смерти Вильг. Ванфлита, при чемъ каждый ученикъ получалъ по 2 денарія. Въ февралѣ былъ Carnisprivium (Мясопустъ), когда играли до 9 часовъ, а послѣ сочинялись стихи sive in laudem sive in vituperium Bacchi patris [2]) и прибивались къ valvae interiores collegii [3]) Въ среду на Страстной ученье прекращалось, и тутъ только упражнялись въ письмѣ для пріобрѣтенія красиваго почерка; послѣ Prandium (трапезы) шли въ часовню на богослуженіе. Въ Великій четвергъ нѣкоторые изъ учениковъ назначались ректоромъ для причащенія Святыхъ Таинъ; послѣ причастія они получали особый, лучшій обѣдъ на счетъ коллегіи, а послѣ обѣда отпрашивались у ректора на гулянье, что имъ и дозволялось съ условіемъ, чтобы они не

---

[1]) Въ знакъ пожеланія всякаго блага.
[2]) Или въ похвалу или въ порицаніе отца Вакха.
[3]) Къ внутреннимъ дверамъ колледжа.

divertant ad tabernas vivarias aut cerevisiarias. [1]) Изъ обыденнаго распорядка видно, что мальчики заведенія (boys on the foundation) вставали въ 5 часовъ. Во время одѣванья читалась молитва. Затѣмъ ученики сами убирали свои постели, и каждый изъ нихъ подметалъ полъ около своей кровати. Потомъ всѣ въ рядъ другъ за дружкой выходили изъ зала умываться; умывшись, они шли въ школу. Младшій учитель (hypodidascalus. loiuer master) приходилъ въ 6 часовъ и читалъ молитву. Въ первый часъ онъ выслушивалъ уроки трехъ низшихъ классовъ. Въ 7 часовъ въ школу являлся старшій учитель (head master, ludi magister), и начиналось настоящее преподаваніе. Три низшихъ класса состояли подъ вѣдѣніемъ младшаго, а четыре высшихъ— старшаго учителя. Въ 11 часовъ обѣдали, а въ 7 ужинали. Кромѣ этихъ двухъ разъ, кажется, ничего не ѣли. Въ 8 часовъ ученики шли спать. Пятница, какъ кажется, была днемъ розогъ (flogging day). Въ ученіи особенное стараніе прилагалось къ письменнымъ упражненіямъ въ латинской прозѣ и въ стихахъ и наблюдалось, чтобы ученики говорили между собою полатыни. Греческую грамматику начинали только уже въ двухъ высшихъ классахъ. Школьною у правой завѣдывали старшіе ученики: эта мѣра въ своемъ основаніи имѣла цѣлью, пріучать питомцевъ заблаговременно къ исполненію отвѣтственной власти при надлежащемъ надзорѣ и съ необходимыми гарантіями противъ злоупотребленій, притомъ также внушить юнымъ членамъ товарищества уваженіе къ авторитетамъ, принадлежащимъ къ тому же товариществу.

Начиная съ половины пятнадцатаго столѣтія оживились сношенія между Англіей и Италіей: въ Болоньѣ, Падуѣ, Феррарѣ, Римѣ и Флоренціи учились Флемингъ, Грей, Фри, Селлингъ и пр., а Корнелій Вителли былъ учителемъ въ Оксфордѣ, Каій Амберинъ въ Кембриджѣ. Въ кругахъ высшаго общества занимались гуманистическою наукою какъ свободнымъ, изящнымъ искусствомъ. Однако многія монастырскія школы также были охвачены ею и вслѣдствіе того вышли изъ своей окоченѣлости. Она не была чужда самимъ университетамъ, но развивалась въ нихъ въ формѣ дружескихъ сношеній между родственными умами, такъ что Эразмъ въ обществѣ Линакра, Гросина, Мора, Колета въ Оксфордѣ забывалъ даже Италію съ ея учителями и школами. Эти ученые, поддерживаемые Эразмомъ, распространяли гуманистическія знанія въ обширныхъ кругахъ вопреки даже противорѣчіямъ схоластическихъ учителей (Троянцевъ). *Джонъ Колетъ*, рожденный въ 1468-мъ г., изучавшій во Франціи и Италіи

[1]) Не шлялись по харчевнямъ или полпивнымъ.

теологическія и древнеклассическія науки, читалъ въ Оксфордѣ безъ гонорара публичныя лекціи для слушателей всякаго званія и возраста и пользовался каждымъ случаемъ, лишь-бы открыть своимъ землякамъ умственныя сокровища Италіи. Сдѣлавшись въ 1504-мъ г. докторомъ богословія и деканомъ при храмѣ С-таго Павла въ Лондонѣ, онъ своими библейскими бесѣдами пріобрѣлъ всеобщее сочувствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ по сосѣдству съ своею церковью велѣлъ воздвигнуть большое зданіе съ особыми жильями для двухъ учителей, въ которомъ основано было учебное заведеніе, посвященное имени отрока Іисуса. Надъ входомъ изображенъ былъ Іисусъ въ качествѣ учителя; надъ нимъ ликъ Божій съ составленною Эразмомъ надписью: Ipsum audite! [1]) Школа состояла изъ приготовительнаго, одного низшаго и одного высшаго классовъ, изъ коихъ два послѣднихъ отдѣлены были другъ отъ друга одною лишь занавѣсью. Въ каждой комнатѣ было по 16 отдѣльныхъ мѣстъ, ступенями поднимавшихся другъ за другомъ, такъ чтобы учителю лучше было видѣть учениковъ; чѣмъ превосходнѣе ученикъ, тѣмъ выше мѣсто. Колетъ ратовалъ какъ противъ схоластики, такъ точно и противъ монашества и поповства: онъ энергично и прямодушно возсталъ противъ злоупотребленій церкви и школы. Онъ громко заявлялъ, что при всѣхъ условіяхъ въ бракѣ заключается болѣе добродѣтели, нежели въ безбрачіи, и что схоластика связываетъ лишь путами духъ, тогда какъ Священное Писаніе ведетъ къ нравственной и истинной гражданской свободѣ. Эразмъ называетъ его „praeceptor unice“ [2]).

Гораздо вліятельнѣе даже Колета былъ—канцлеръ Англіи, отличный ученый и политикъ, *Ѳома Моръ*,—вслѣдствіе сочиненной имъ въ 1616-мъ г. „Утопіи.“ Противникъ схоластической философіи и латинской литературы, оказавшей нѣкоторыя услуги только поэзіи и исторіи, но въ философіи не создавшей ничего, онъ склонялся къ греческой наукѣ и въ ней особенно къ Платону, вмѣстѣ съ которымъ держался правила, что философы должны быть царями или по крайней мѣрѣ совѣтниками царей. Настоящему, столь многими недугами страждущему государственному строю противопоставилъ онъ разумное государство, находящееся на островѣ Утопіи. Въ теперешнихъ государствахъ—говоритъ онъ—бѣдняки вслѣдствіе пренебреженія нравственнаго воспитанія и обученія и вслѣдствіе преимуществъ знатныхъ, властныхъ и военнаго сословія дѣлаются ворами, а потомъ люди хотятъ строгими законами искоренить преступниковъ, которыхъ сами же вызвали. „Главною причиною общественнаго бѣдствія

---

[1]) Внемлите самому!
[2]) Единственнымъ въ своемъ родѣ учителемъ.

множество дворянъ, праздныхъ шершней, проживающихъ потомъ и трудомъ другихъ и воздѣлывающихъ свои земли черезъ арендаторовъ, которыхъ обдираютъ и угнетаютъ, лишь бы увеличить свой доходъ.“ „Слѣдуетъ обуздать алчный эгоизмъ богачей; не давать имъ болѣе ростовщичествовать и забирать монополіи; да не будетъ отнынѣ среди васъ ни одного тунеядца!“ „Не хвалитесь вашимъ правосудіемъ: вѣдь это одинъ лишь призракъ, пока вы не устраните злоупотребленій, на которыя я указываю вамъ. Вы воровъ истязаете до смерти: не лучше ли было бы обезпечить существованіе всѣхъ членовъ общества, такъ чтобы никто не былъ доводимъ до необходимости, вопервыхъ воровать, а потомъ умирать насильственною смертью? Вы ничего не дѣлаете, чтобы милліоны дѣтей избавить отъ дурного и развращающаго воспитанія. На глазахъ вашихъ тля заражаетъ эти юные ростки, которые иначе разцвѣли бы для добродѣтельной жизни, а когда дѣти становятся мужами, то у васъ приготовлена для нихъ смертная казнь, когда они совершатъ преступленія, съ колыбели созрѣвавшія въ сердцахъ ихъ.“ „Умалчивать объ истинахъ, осуждающихъ человѣческіе пороки, подъ предлогомъ, что истины тѣ осмѣютъ какъ нелѣпыя новшества или несбыточныя химеры, прямо—знакъ малодушія или ложнаго стыда; а иначе вѣдь слѣдовало бы набросить покровъ на Евангеліе и таить отъ христіанъ ученіе Христа.“ „Если-бъ я вздумалъ представить теоріи Платоновой республики, или заведенные теперь у утопистовъ обычаи, то могли бы подумать, что я явился съ другого свѣта, оттого что у насъ господствуетъ личная собственность, тогда какъ тамъ—общность имуществъ.“ „Я же того мнѣнія, что вездѣ, гдѣ существуетъ частная собственность, гдѣ все оцѣнивается лишь на деньги, тамъ нѣтъ мѣста справедливости, тамъ недосягаемо вовсе благосостояніе государства.“ „На островѣ Утопіи находятся большіе и великолѣпные города: языкъ, нравы, законы, учрежденія тамъ совершенно одинакіе: среди полей находятся удобные, всякими земледѣльческими орудіями снабженные дома. Каждая занимающаяся сельскимъ хозяйствомъ семья состоитъ по малой мѣрѣ изъ 40 душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Одна часть полевыхъ рабочихъ смѣняется каждый годъ другими, не испытавшими еще себя въ сельскихъ работахъ. Послѣдніе учатся у первыхъ, а въ слѣдующемъ году сами дѣлаются учителями новыхъ пришельцевъ и т. д. Ибо земледѣліе такое искусство, которому должны обучаться всѣ граждане острова. Для этого въ школахъ преподается теорія, а для практики назначается окрестная область. Теорія составляетъ занятіе въ часы отдохновенія, а практика служитъ для развитія физическихъ силъ. При сельскомъ хозяйствѣ каждый изучаетъ еще особое ремесло.“ „Впрочемъ утопійцамъ нѣтъ надобности ра-

ботать подобно вьючнымъ животнымъ. Въ Утопіи лишь по 6 часовъ въ день употребляется на матеріальный трудъ. Остальное время посвящается умственному труду и отдыху. Такъ напр. каждое утро бываютъ публичныя лекціи, къ которымъ всѣ допускаются. Вечера служатъ для отдохновенія: лѣтомъ собираются въ садахъ, а зимою въ общихъ залахъ, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ и гдѣ музыка, бесѣды и чтеніе идутъ чередой.“ „Правительство въ Утопіи состоитъ изъ пожизненно избраннаго, но смѣняемаго государя, также изъ сената и народныхъ сановниковъ. Это правительство простираетъ свои попеченія на всѣхъ гражданъ: заслуги вознаграждаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ народное богатство распредѣляется равномѣрно, такъ что каждый въ избыткѣ пользуется всѣми удобствами жизни. Главная трапеза, отправляемая вечеромъ, изобилуетъ возбудительными яствами; утопійцы не пренебрегаютъ благовоніями и т. п., считая вполнѣ дозволенными всякаго рода чувственныя наслажденія, непричиняющія никакого зла. Недостигшіе еще совершеннолѣтія юноши и дѣвочки прислуживаютъ за столомъ. Кормилицамъ и груднымъ дѣтямъ отводятся особые, топленые покои, гдѣ постоянно находится чистая вода и колыбели, такъ что онѣ могутъ укладывать своихъ дѣтей спать, пеленать и распеленывать ихъ и дозволять имъ играть при огнѣ. Каждая изъ матерей, исключая случаевъ болѣзни, обязана сама кормить своего ребенка. Въ колыбельной находятся также дѣти, не достигшія еще пяти лѣтъ. Съ пятилѣтняго возраста дитя начинаетъ учиться. Всѣ должны пользоваться обученіемъ, точно также какъ всѣ граждане обязаны заниматься земледѣліемъ, при чемъ должны постоянно посвящать много времени научнымъ занятіямъ, особенно естественнымъ наукамъ, возбуждающимъ въ насъ удивленіе къ божественному Зиждителю природы. Но не всѣ обязаны быть учеными, оттого что не всѣ къ тому способны; притомъ же занятіе обыденными дѣлами отнимало бы слишкомъ много времени у ученыхъ людей. Для того-то старшины общинъ должны тайнымъ голосованіемъ избрать способнѣйшихъ изъ молодыхъ людей, съ тѣмъ чтобы доставить имъ досугъ и воспитать ихъ для науки. Этотъ выборъ впрочемъ не непреложенъ, и тѣ, у которыхъ воспитаніе къ наукамъ окажется неудачнымъ, низводятся потомъ вновь къ простымъ работникамъ. Нерѣдко однако случается также, что простой работникъ чрезвычайнымъ трудомъ въ часы досуга возносится до званія ученаго. Изъ званія ученыхъ избираются начальства, священники и король. Ученымъ подобаетъ блюсти порядокъ въ государствѣ и быть вовнѣ представителями всего, что ни есть лучшаго въ общинѣ. Истинною цѣлью жизни они считаютъ блаженство, основанное на благонравномъ и хорошемъ наслажденіи. Са-

ма юность ведетъ насъ къ блаженству, внушая слѣдовать природѣ, а удовлетвореніе природы ведетъ за собою наслажденіе. Въ религіи утопійцы соблюдаютъ самую широкую терпимость. Не нужно много священниковъ; но послѣдніе все-таки необходимы для отправленія богослуженія и особенно для воспитанія народа. Въ ихъ богослуженіяхъ не выставляется никакого образа Божія для поклоненія, дабы каждый могъ представлять себѣ Бога въ какомъ хочетъ видѣ согласно съ своей религіей. Притомъ тамъ не услышишь ничего такого, что не подходило бы ко всѣмъ религіознымъ сектамъ, преслѣдующимъ разными путями все-таки одну и ту же цѣль,—поклоненіе божественной природѣ, обозначаемой именемъ Миѳры. Они допускаютъ поклоненіе свѣтиламъ и отличнымъ мужамъ. Они вѣрятъ въ безсмертіе души, даже въ безсмертіе души животнаго; впрочемъ, болѣе разсудительные поклоняются одному Богу, мысль котораго превышаетъ способности человѣческаго духа, и приписываютъ ему начало и конецъ міра, полагаютъ также, что одна лишь человѣческая душа можетъ надѣяться на высшее блаженство, и потому смерть они не считаютъ зломъ. — Ѳома Моръ въ своемъ утопическомъ изображеніи идеальной общины обнаружилъ больныя мѣста въ государствѣ и наукѣ дѣйствительности, не признавъ однако разума, энергически заявляющаго себя въ той же дѣйствительности; а съ своимъ идеаломъ, не лишеннымъ сходства съ средневѣковымъ монашескимъ орденомъ, но лишь менѣе его практичнымъ онъ не доходитъ до практической жизни и не въ состояніи преобразовать ее. Подобно италійскимъ платоникамъ и Моръ также ратуетъ противъ мертваго схоластицизма, но и его собственная теософія не что иное какъ лишь противоположность послѣдняго. Онъ все-таки однако представляетъ успѣхъ для своего времени. Не потому только—какъ говоритъ Риттеръ—что платонизмъ аристотелевской философіи представилъ собою новое воззрѣніе на вещи и тѣмъ расширилъ кругозоръ философскаго изслѣдованья, не потому только, что онъ способствовалъ изящному изложенію и отвлекъ отъ варварства схоластическаго способа преподаванія; но онъ заслуживаетъ похвалы и потому уже, что вышелъ изъ ограниченной точки зрѣнія теологіи, которая какъ бы въ закоснѣломъ предразсудкѣ хотѣла знать почти одинъ лишь христіанскій элементъ, не подвергая его строгому сравненію съ другими религіями и съ нашимъ отношеніемъ къ природѣ,—и потому также, что уважалъ не одно только сверхестественное, но обратилъ свое вниманіе также на изслѣдованіе природы съ тѣмъ чтобы въ ней постичь откровеніе Божіе.

Во *Франціи* уже *Герсонъ*, докторъ теологіи и канцлеръ Парижскаго университета, вооруженный рѣдкою ученостью, мужественный и сильный поборникъ христіанской истины

супротивъ папъ и государей, энергично, но мирными средствами ратовавшій на Костницкомъ соборѣ за реформу Церкви съ головы до ногъ, и удалившійся оттуда съ пятномъ крови Гусса на челѣ,—пытался спасти схоластику въ пристань мистики и избралъ философію, этику и педагогику предметомъ своихъ ревностныхъ изученій. Безсложно-единую человѣческую душу онъ разлагаетъ для разумѣнія на силы познающую, желающую и чувствующую. Каждой изъ этихъ силъ даны три особыя способности: познающей—чистый умъ, получающій вѣчныя истины непосредственно отъ Бога, — понимающій, судящій, заключающій разсудокъ, — и чувственныя постиженія, къ области которыхъ относятся память и воображеніе. Параллельно съ этимъ идутъ аффективныя способности: дарованная Богомъ способность добра, затѣмъ проявляющаяся въ волѣ, свободѣ, вожделѣніи и вызываемая разсудкомъ, способность хотѣнія, и наконецъ — возбуждаемая чувствами похоть. Каждой изъ этихъ способностей отвѣчаетъ дѣятельность въ области познанія: невольное, разсѣянное куда попало мышленіе и напряженнымъ обладаніемъ мыслями достигаемая дума, т. е. сознательное направленіе души къ извѣстной цѣли. Этому отвѣчаютъ дѣятельности аффективной стороны: вожделѣніе, смиренное сокрушеніе и любовь. Любовь имѣетъ три качества: она увлекаетъ сердце къ возлюбленному, она соединяетъ его съ нимъ и даетъ въ немъ блаженный покой.—Въ трактатѣ de parvulis trahendis ad Christum Герсонъ доказываетъ, какъ необходимо вести дѣтей ко Христу. Лучшее—говоритъ онъ—слѣдуетъ воздать Богу; а восріимчивыя души дѣтей лучше подонковъ жалкаго и хилаго старческаго возраста; онѣ вѣдь новыя мѣха для лучшаго вина; можно гнуть нѣжную вѣтвь, но не старый стволъ. Не соблазняй поэтому ни одного изъ малыхъ сихъ. Соблазняются же они словомъ и дѣломъ, прямо и посредственно людьми, препятствующими ихъ веденію ко Христу, нерадивыми родителями и развратителями, узнаваемыми лишь по слѣдамъ ихъ, а слѣды ихъ: потоптанные прекраснѣйшіе цвѣты, вырванныя цѣлебныя растенія, къ которымъ самъ садовникъ рѣдко подходитъ, чтобы не повредить имъ. Долгъ учителей становиться дѣтьми самимъ по любви и кротости, дѣтей ради; и достохвальна ревность стремящихся перевести дѣтей отъ ложной стези на путь ко Христу.— Эти увѣты Герсона стоятъ въ тѣсной связи съ его собственною дѣятельностью. Онъ составилъ извѣстный порядокъ занятій для студентовъ въ Наваррской коллегіи и совѣтовалъ избрать преимуществу одного автора, болѣе всего отвѣчающаго каждому по своему ученію и характеру, потомъ вживаться въ него и образоваться на немъ. Онъ въ рѣчахъ и сочиненіяхъ своихъ предостерегалъ отъ тайныхъ грѣховъ

юности и ратовалъ противъ продажи иконъ на паперти. Онъ хотѣлъ освятить жизнь въ мірѣ, опровергалъ, будто въ однихъ только монастыряхъ находится совершенство нравственности, и издавалъ популярные трактаты на французскомъ языкѣ. Исполненный классической учености, онъ споспѣшествовалъ изученію древнихъ классиковъ.

Николай Клеманжскій читалъ около 1430-го г. лекціи о риторическихъ твореніяхъ Цицерона и Аристотеля, также о лучшихъ древнихъ поэтахъ. Классическія ученія впрочемъ получили твердое средоточіе лишь тогда, когда *Григорій Тиферна* около 1458-го г., за назначенный ему Парижскимъ университетомъ окладъ сталъ учить греческому языку. За нимъ слѣдовали *Георгъ Іеронимъ* около 1473-го, *Филиппъ Бероальдъ* около 1480-го, *Іеронимъ Бальсъ* около 1489-го и *Іеронимъ Александръ*—люди, привлекавшіе къ своему ученію высшіе круги общества и въ школахъ своихъ воспламенявшіе юношество къ классической древности. Эти школы образовали величайшихъ ученыхъ, въ томъ числѣ особенно Роберта и Генриха Этьенновъ (Стефанусовъ). *Робертъ Этьеннъ*, рожденный въ Парижѣ въ 1503-мъ г., былъ вершинною точкою между гуманистами во Франціи. Онъ обладалъ самымъ основательнымъ знаніемъ латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ. Онъ озаботился изданіемъ Новаго Завѣта, превзошедшимъ всѣ прежнія своею точностью, выпустилъ изъ своей въ 1526-мъ г. устроенной типографіи новыя изданія греческихъ и римскихъ классиковъ, обогативъ ихъ самъ замѣтками и предисловіями, издалъ въ 1534-мъ г. свои Thesaurus linguae latinae и отправился въ 1552-мъ г. въ Женеву, оттого что во Франціи за свое изданіе библіи былъ заподозрѣнъ и гонимъ докторами Сорбонны. Во всемъ домѣ Этьенна не было никого, кто не говорилъ бы свободно полатыни; супруга его, Петронелла, хорошо знала латынь, такъ что могла обучать этому языку своихъ дѣтей и прислугу.—Столь же славенъ какъ Робертъ былъ сынъ его *Генрихъ Этьеннъ*, родившійся въ 1528-мъ г.—Одаренный живымъ умомъ, охотникъ до шутокъ и насмѣшекъ, знатокъ латыни, особенно также греческаго языка и математическихъ наукъ, отыскивавшій въ Италіи древнихъ классиковъ и не уступавшій отцу своими изданіями, если и не по изяществу, то по крайней мѣрѣ по содержанію и точности. Его греческіе и римскіе классики служили основою почти всѣмъ позднѣйшимъ изданіямъ. Изъ нихъ особенно отличаются: Poetae graeci, principes heroici carminis 1566; Pindari et caeterorum octo lyricorum carmina 1560; сборникъ философскихъ стихотвореній 1513; сборники греческихъ риторовъ 1567, греческихъ и римскихъ историковъ 1560, греческихъ ораторовъ 1575; изданія Ксенофонта, Өукидида, Геродота, Софокла, Эсхила и пр. Его Thesaurus linguae graecae появился въ 1572-мъ г.

Гуманисты во Франціи оказали однако только скудное вліяніе на школы и въ скудной лишь мѣрѣ способствовали системѣ французскаго преподаванія. Окоснѣлая мощь романизма давила съ деспотическою властью принципъ самоизслѣдованья и самомышленія. Вліяніе гуманизма на преподаваніе ограничивалось уничтоженіемъ чрезмѣрнаго уже подчиненія буквѣ въ грамматикѣ и авторахъ. Всякое же дальнѣйшее свободное движеніе какъ въ школѣ, такъ и въ государствѣ поборалось, а противники схоластической философіи и папскихъ традицій преслѣдовались съ непримиримою ненавистью.

Въ Испаніи вмѣстѣ съ паденіемъ Арабовъ потускли раскинутые ими по странѣ лучи образованія и воспитанія. Инквизиціонное судилище, это орудіе для подъема королевской власти, которымъ пользовались, чтобы избавиться отъ всякаго подозрительнаго лица, лишь бы нашелся продажный негодяй, готовый оклеветать его въ ереси, въ тюрьмы и на костры котораго могло повести малѣйшее подозрѣніе, такъ какъ у обвиняемаго самыми ужасными пытками вырывались какія угодно признанія, все равно основаны ли они на истинѣ или нѣтъ,—подавляло умы и не давало имъ вздохнуть ни въ наукѣ, ни въ школѣ. При всемъ томъ, вопреки этому ужасному союзу,—самому ужасному изъ всѣхъ, какіе когда либо заключались между церковью и государствомъ, даже и тутъ подъ эгидою кардинала Хименеса стали на твердую ногу классическія ученія, представителемъ которыхъ въ *Португаліи* былъ Генрихъ Каіада (Эрмигій), ученикъ Полиціано, особенно съ тѣхъ поръ какъ основанъ былъ университетъ въ Валенсіи (1500) съ шестью каѳедрами для латинскаго и двумя для греческаго языка. Въ то же время выступили люди, выросшіе среди широко разъигравшихся политическихъ бурь; отвергнувъ схоластику, они черпали мудрость изъ великой книги природы, и разсматривали человѣка также съ естественной точки зрѣнія, а потому и для воспитанія начертали новыя основы. Первый изъ этихъ мужей былъ *Раймундъ де Сабунда*. Онъ въ Тулузѣ преподавалъ богословіе, медицину и философію,—прославясь своею естественною теологіею, оконченною въ 1436-мъ г. Самопознаніе было для него началомъ всякаго вѣдѣнія. „У человѣка нѣтъ свидѣтельства достовѣрнѣе самого себя, надежнѣе своего опыта, особенно внутренняго, и никакой авторитетъ, ни Священнаго Писанія, ни иныхъ ученій, не превышаетъ естественной науки человѣка о самомъ себѣ; напротивъ, значеніе Священнаго Писанія должно подтверждаться нашимъ опытомъ.“ Двѣ книги даны отъ Бога человѣку въ поученіе, необходимое ему для познанія своихъ способностей, книга природы и Библія: прежде всего первая книга, ибо всякая тварь — буква въ

творенiи, начертанная рукою Бога; потомъ уже другая книга, ибо ослѣпленный грѣхомъ человѣкъ разучился читать первую. Исходя отъ одного и того же Творца, обѣ книги должны быть согласны между собою. Книга природы непреложна, несокрушима и одинаковаго свойства съ нами. Въ ней главная буква — человѣкъ. Природа это непрерывный рядъ примыкающихъ другъ къ другу ступеней сущаго; эта природа отсылаетъ человѣка къ самому себѣ, ибо онъ какъ вершина ея соединяетъ въ себѣ всѣ ступени ея. Самопознанiе ведетъ къ Богу, который есть основа всему и которому принадлежатъ какъ человѣкъ, такъ и природа.—Раймундъ считаетъ познанiе основою вѣры, и несмотря на свою преданность ученiямъ Священнаго Писанiя, онъ въ своихъ изслѣдованiяхъ все-таки отрѣшается отъ его авторитета и считаетъ природу достаточною для нашего поученiя.

Людовикъ Вивесъ, рожденный въ 1492-мъ г. въ Валенсiи, отличался превосходными умственными способностями и особеннымъ трудолюбiемъ, такъ что въ бытность его въ Англiи Ѳ. Моръ сказалъ про него, что ни по содержанiю, ни по формѣ онъ давно не встрѣчалъ ничего столь превосходнаго, какъ сочиненiя Вивеса, хотя еще молодого, но уже вполнѣ прошедшаго весь кругъ энциклопедiи. Изучивъ въ Испанiи элементарныя науки, онъ отправился въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы тамъ продолжать свое ученiе, скоро однако отъ схоластики обратился къ классической древности и занялся ею далѣе и основательнѣе въ Лувенѣ. Будучи затѣмъ домашнимъ учителемъ у тогдашняго кардинала и архiепископа Толедскаго, Вильгельма Крея, онъ посвятилъ Генриху VIII свой комментарiй на Августина de civitate [1]) и былъ потомъ назначенъ учителемъ латинскаго языка и лементарныхъ наукъ при его дочери. Въ Оксфордѣ онъ получилъ степень доктора правъ. Послѣ того, какъ свободно мыслящiй порицатель развода короля съ его супругою Катериною, онъ томился въ тюрьмѣ и умеръ въ Брюгге въ 1540-мъ г. Помимо многихъ толкованiй и переводовъ греческихъ и римскихъ классиковъ онъ составилъ нѣсколько трактатовъ о педагогикѣ: de ratione studendi; de ratione studii puerilis; exercitationes animi in deum etc.:— все сочиненiя, прозванныя libelli aureoli [2]), въ которыхъ основными правилами воспитанiя онъ постановилъ: „Главныя условiя образованiя суть благочестiе, прилежанiе, послушанiе родителямъ и учителямъ, какъ вторымъ отцамъ, умственныя, письменныя и устныя упражненiя.“ Отъ воспитанiя зависитъ вся жизнь. Потому прi-

[1]) О градѣ Божiемъ.
[2]) Золотыми книжками.

учайте дѣтей смолоду составлять себѣ вѣрныя понятія о вещахъ, растущія съ годами. Избирайте лучшій образъ жизни; привычка дѣлаетъ его пріятнѣйшимъ. Ученіе древнихъ: Познай самого себя! было и пребудетъ также и для юности первымъ шагомъ на стезѣ истины. О тѣлѣ надлежитъ печься настолько, чтобы оно было не господиномъ и не ровней, но слугою. Чѣмъ больше пекутся о немъ, тѣмъ больше пренебрегается духъ! Пагубно также мнѣніе, будто дѣтей слѣдуетъ ознакомить съ добромъ и зломъ, дабы они избирали первое, и избѣгали послѣдняго: гораздо лучше, если они ни чинятъ, ни вѣдаютъ зла! Ошибаются также въ томъ, что отъ нихъ часто скрываютъ истинное знаніе. Соблазнительныя книги не должны попадаться на глаза юношамъ, дабы никакое зло не прилипало къ ихъ душѣ. Классики лучшій источникъ умственнаго образованія. Особенно важны изъ Грековъ Исократъ, изъ Римлянъ Теренцій, Цицеронъ, Тацитъ, Виргилій, Горацій. Пусть ученикъ обзаведется при этомъ записною книгою и старательно ведетъ ее. Лучшимъ упражненіемъ въ рѣчи служитъ тщательное сочиненіе. Какъ на воспитаніе мальчиковъ, такъ точно и на воспитаніе дѣвочекъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: и оно также должно начаться съ первою каплею материнскаго молока; дочери высшихъ сословій должны изучать латинскую грамматику и латинскій языкъ.—Вивесъ принадлежалъ къ превосходнѣйшимъ педагогамъ своего времени.

Не столь, пожалуй, глубоко, но зато еще геніальнѣе вникъ *Хуанъ Гуарте* въ науку своего времени. Родившись около 1520-го г. и изучивъ въ Алькалѣ де Генаресъ и въ Саламанкѣ въ особенности медицину, онъ въ 1566-мъ г. издалъ свое сочиненіе „Изслѣдованье головъ по способности къ наукамъ“,—произведеніе горячаго коня, „сыплющаго искры изъ камня сильнѣе всего тогда, когда онъ споткнется.“ Книга основана на слѣдующихъ основныхъ правилахъ: изъ всѣхъ различныхъ видовъ геніальности, присущихъ человѣческому роду, ты можешь обладать попреимуществу лишь однимъ; иначе развѣ природа, образуя тебя, была ужъ очень сильна и, собравшись со всѣми своими силами, дала тебѣ ихъ два или три, или же была черезъ чуръ слаба, такъ что оставила тебя глупымъ и лишеннымъ всякаго вида геніальности. Но каждому изъ этихъ видовъ отвѣчаетъ наиболѣе одна какая либо наука, такъ что если ты не изберешь сразу ту, которая подходитъ къ твоимъ природнымъ способностямъ, то ничего не добьешься, хотя бы учился день и ночь. Если же ты открылъ, которая изъ наукъ болѣе всего сруки твоей геніальности, то предстоитъ еще трудность рѣшить, пригодна ли твоя способность болѣе для теоріи, нежели для примѣненія этой науки; ибо и то и дру-

гое во всѣхъ частяхъ учености такъ противорѣчивы между собою и требуютъ столь различной геніальности, что одно ослабляетъ другое, какъ будто они совершенно противоположныхъ свойствъ. Даже и изъ сверхъестественныхъ даровъ благодати Богъ надѣлилъ каждаго въ высокой степени не болѣе какъ однимъ, смотря по природѣ человѣка. Дары различны, но духъ одинъ, и одному дается духомъ вѣщать объ истинѣ, а другому о познаніи. Такое раздѣленіе наукъ Богъ соблюдаетъ безъ сомнѣнія по мѣрѣ геніальности и природныхъ способностей, ибо и въ притчѣ также каждый надѣленъ бременемъ, смотря по его способностямъ. А потому, весьма ошибаются, думая, будто эти сверхъестественные дары благодати, прежде чѣмъ они даруются, не обусловлены никакими извѣстными качествами субъекта. Сотворивъ Адама и Еву, Богъ безъ сомнѣнія прежде, чѣмъ придалъ имъ мудрости, организовалъ мозгъ ихъ такъ, чтобы онъ былъ приспособленъ къ ней и могъ служить разумной душѣ удобнымъ орудіемъ для соображеній и заключеній.

Если поэтому—вотъ слѣдствіе изъ тѣхъ основныхъ началъ—мальчикъ не обладаетъ способностью необходимою для науки, которой онъ посвятилъ себя; то все напрасно, хотя бы онъ слушалъ лучшихъ наставниковъ, имѣлъ бы много книгъ и всю свою жизнь проводилъ надъ ученіемъ. Итакъ, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ послѣднему, должно испытать его душевныя силы, смотрѣть, какая изъ наукъ отвѣчаетъ его способности и заставлять его изучать только эту, а не другую. Не надо впрочемъ забывать при томъ, что, какъ выразился уже Гиппократъ, геніальность человѣка относится къ наукѣ точно такъ же, какъ земля къ сѣмени: хотя земля сама по себѣ плодоносна, но ее все-таки надо воздѣлать и изслѣдовать, какому роду сѣмянъ лучше всего пригодно ея естественное свойство, ибо не всякая земля безъ различія можетъ взростить какое бы то ни было сѣмя. Въ такой-то землѣ пшеница преуспѣетъ лучше ячменя, а въ другой ячмень лучше пшеницы. Хорошій земледѣлъ не довольствуется даже и такими различіями. Воздѣлавъ въ надлежащую пору пашню, онъ выжидаетъ удобнѣйшаго времени для сѣва, а когда посѣвъ взошелъ наконецъ, то онъ полетъ его, чтобы сорныя травы не мѣшали ему созрѣть и дать желанный плодъ. Точно такимъ же образомъ, извѣдавъ напередъ, къ которой изъ наукъ мальчикъ наиболѣе способенъ, надлежитъ его тотчасъ же съ дѣтства пріучать къ ней, ибо этотъ возрастъ, говоритъ Аристотель, наиболѣе способенъ къ ученію. Кто напр. хочетъ учиться латинскому языку, долженъ начать тотчасъ же въ дѣтствѣ; а если онъ будетъ ждать, пока тѣло достигнетъ зрѣлости и совершенства, къ которому оно способно, то никогда не справится съ этимъ. Во второмъ возрастѣ, въ юности, онъ долженъ приступить къ

логикѣ, потому что тогда начинаетъ развиваться разсудокъ, для котораго логика то же самое, что для дикаго лошака —веревки, которыми спутываютъ ему переднія и заднія ноги и благодаря которымъ, проходивъ въ нихъ нѣсколько дней, онъ научается ходить степенно и пристойно. Съ возрастающею юностью можно потомъ изучить всѣ прочія, зависящія отъ разсудка науки, такъ какъ съ этихъ поръ онъ достаточно уже развитъ. Но для изученія этихъ наукъ юноша долженъ покинуть отчій домъ, потому что ласки, оказываемыя ему матерью, братьями и сестрыми, родными и друзьями, не проходящими съ нимъ ту же науку, представляютъ не малое препятствіе къ изученію, будь онъ и даровитъ; если же этого нѣтъ, то скотина, отправясь въ Римъ, скотиной же воротится домой. Въ назначенномъ мѣстѣ учебныхъ занятій онъ долженъ избрать себѣ такого наставника, который въ лекціяхъ своихъ соединялъ бы ясность и стройность, чье ученіе было бы полезно, основательно и отнюдь не состояло изъ софистическихъ умствованій; что бы ни дѣлалъ ученикъ, будучи ученикомъ, главное вѣдь въ томъ, чтобы онъ вѣрилъ всему, что говоритъ учитель, такъ какъ у него самого еще нѣтъ силы обсуждать слышанное и отличать ложное отъ истиннаго. Наконецъ онъ долженъ изучать науку по порядку, начиная съ основныхъ правилъ и продолжая шагъ за шагомъ идти до конца, не слушать лекцій, предполагающихъ что-либо такое, чего онъ еще не знаетъ. Поэтому я всегда считалъ ошибочнымъ слушать по многу лекцій о разныхъ предметахъ за одинъ разъ и повторять послѣ дома всѣ вмѣстѣ. Это производитъ въ головѣ слишкомъ большую путаницу, такъ что впослѣдствіи человѣкъ, исполняя то, чему учился, не сумѣетъ воспользоваться правилами искусства, ни примѣнить ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Гораздо лучше изучать одно за другимъ и все въ естественномъ порядкѣ по принадлежности потому что какъ изучаютъ предметъ, такъ и удерживаютъ его въ головѣ. Это особенно слѣдуетъ соблюдать у дѣтей со сбивчивой головою отъ природы, чему легко помочь, лишь бы они слушали каждый предметъ особо и не начинали ничего новаго, пока не поймутъ предшествующаго. Если затѣмъ учащійся все время употребитъ на свою науку и выждетъ пока то, чему онъ учился, не пуститъ въ немъ крѣпкихъ корней, то онъ сдѣлается великимъ ученымъ. Вѣдь какъ тѣло поддерживается не тѣмъ, что оно ѣстъ и пьетъ въ одинъ день, но тѣмъ, что перевариваетъ желудокъ и превращаетъ въ соки; такъ и умъ нашъ укрѣпляется не тѣмъ, что мы прочитываемъ въ короткое время, но тѣмъ, что уразумѣваемъ мало по малу и, такъ сказать, пережевываемъ. Умъ имѣетъ свое начало, свой ростъ, свою высшую ступень и свой ущербъ такъ же, какъ и человѣкъ, какъ остальныя животныя и растенія. Начало его въ дѣтствѣ; ростъ въ

юности; высшая ступень въ зрѣлыхъ лѣтахъ; ущербъ въ старости. Итакъ, если хочешь знать, когда твой умъ достигаетъ силы, къ которой онъ вообще способенъ, то знай, что это бываетъ приблизительно между 33-мъ и 50-мъ годомъ. Въ эти лѣта можно вполнѣ довѣрять великимъ писателямъ, хотя бы они прежде были и иного мнѣнія. Писать книги вообще слѣдовало бы только въ эти лѣта, ни прежде, ни послѣ, если не хотятъ подвергаться опасности отречься отъ своего мнѣнія или измѣнить его. Однако возрасты людей не у всѣхъ сплошь одинаковаго свойства. У нѣкоторыхъ дѣтство заканчивается на 12-мъ, у другихъ на 14-мъ, а у иныхъ на 16-мъ году отъ роду. У послѣднихъ каждый возрастъ бываетъ гораздо продолжительнѣе, ибо ихъ юность доходитъ почти до 40, а зрѣлые года—до 60 лѣтъ, къ чему присоединяется еще 20 лѣтъ старости, такъ что они проживаютъ до 80 лѣтъ,—предѣлъ натуръ самыхъ сильныхъ. Первые же, дѣтство которыхъ завершается на 12-мъ году, пользуются обыкновенно гораздо кратчайшею жизнью: они рано уже начинаютъ употреблять свой разумъ; у нихъ раньше выростаетъ борода, и раньше утрачивается воображеніе.

Все это слѣдуетъ наблюдать въ развитіи молодого человѣка въ наукахъ; но главное все-таки зависитъ отъ геніальности. Развѣ не было примѣра, что геніальные (даровитые) люди начавшіе учиться хотя бы и послѣ юности, слушавшіе даже плохихъ учителей, пожалуй никогда не покидавшіе родины и бывшіе весьма небрежными въ трудѣ своемъ, въ короткое время дѣлались однако великими учеными? По этой причинѣ Галенъ уже требуетъ, чтобы каждая благоустроенная республика содержала извѣстныхъ разумныхъ и ученыхъ мужей, которые изслѣдывали бы геніальность каждаго человѣка и естественную дѣятельность въ самомъ раннемъ возростѣ, чтобы всякій изучалъ то искусство, къ которому онъ предназначенъ;—это тотъ самый ученый, который доказалъ, что свойства души зависятъ отъ темперамента связаннаго съ нею тѣла, и что смотря по состоянію тепла, холода, сухости и сырости страны, по качеству пищи, воды и воздуха люди бываютъ то глупы то умны, то храбры то робки, то жестоки то милосерды, то скрытны то откровенны, то лживы то правдивы, то измѣнчивы то вѣрны, то скупы то щедры, то стыдливы то безстыжи, то трудно то легко убѣждаемы. Мозгъ—это орудіе человѣка, назначенное природою сдѣлать его разсудительнымъ и способнымъ. Этотъ мозгъ и долженъ быть хорошо устроенъ, части его должны быть хорошо связаны, въ немъ тепло не должно превышать холодъ, сырость не должна превышать сухость, и по веществу своему онъ долженъ быть состав-

ленъ изъ нѣжнѣйшихъ и тончайшихъ частей, чтобы разумная душа была способна къ отправленіямъ смысла и разсудка. Хорошее устройства мозга обусловливается существенно его фигурою, о которой Галенъ заключалъ по наружному виду головы, ибо если у мальчика очень приплюснутый лобъ, а задняя часть черепа слишкомъ выдается, то это знакъ, что онъ не очень-то даровитъ и способенъ. Мужъ науки не можетъ также имѣть малое количество мозга, и маленькая голова составляетъ всегда недостатокъ у человѣка, хотя впрочемъ и большая голова можетъ быть дурнымъ признакомъ, а именно если она состоитъ лишь изъ большой необработанной массы, и ничто не мѣшаетъ душѣ болѣе, какъ тѣло съ слишкомъ широкими костями, и черезъ чуръ мясистое и жирное. Притомъ части мозга должны обладать извѣстнаго рода плотностью и не быть отдѣлены другъ отъ друга; оттого-то случалось, что нѣкоторые, какъ изъ опыта извѣстно, вслѣдствіе ушибовъ головы лишались памяти, другіе разсудка, а иные воображенія. Умѣренною температурою наконецъ и нѣжностью его частей обусловливается острота смысла: тугой умъ показываетъ, что мозгъ состоитъ изъ грубаго вещества. Сухость дѣлаетъ человѣка на все ловкимъ, а сырость глупымъ и непонятливымъ: умъ и сила дўха происходятъ отъ желчи; глупость и простота отъ крови; но флегму душа не можетъ употребитъ ни на что, развѣ только на сонъ. Отъ теплоты происходитъ воображеніе, доказательствомъ чему служитъ, что сумасшествіе, меланхолія и бѣшенство горячечныя болѣзни мозга; холодъ, напротивъ того, вовсе не годенъ для дѣятельности разумной души. Отъ преобладанія одного изъ этихъ главныхъ свойствъ и отъ различнаго сочетанія каждаго изъ нихъ съ другими, происходятъ различія геніальности:— три различія ума: сужденіе, распознаваніе и выборъ,— три разныя памяти, одна быстро схватываетъ и тотчасъ же опять забываетъ, другая туго принимаетъ и долго удерживаетъ, третья такъ же быстра въ пониманіи, какъ туга на забывчивость,—девять различныхъ степеней воображенія. Памятью достигаются языкознаніе, теоретическое законовѣдѣніе, положительная теологія, землеописаніе и ариѳметика. Искусства и науки, зависящія отъ разсудка, суть: схоластическая теологія, теоретическая медицина, діалектика, натуральная и моральная философія и адвокатура. Отъ хорошаго воображенія наконецъ происходятъ всѣ искусства и науки, имѣющія предметомъ образы, сравненія, гармонію и сотношенья: стихотворство, краснорѣчіе, зодчество, гомилетика, [1]) практическая медицина, математика,

[1]) т. е. истолкованіе евангелія и догматовъ церкви.

астрологія, политика, военная наука, живопись, рисованіе, письмо и чтеніе. Отъ воображенія зависитъ также, что человѣкъ благонравенъ, учтивъ, веселъ, остроуменъ, что онъ строитъ козни и интриги, обладаетъ тѣмъ даромъ, которому такъ много удивляется чернь, а именно диктовать четыремъ писцамъ заразъ четыре разныхъ предмета, не путаясь ни въ одномъ. Поэтому мальчикъ рожденный съ особенною способностью къ стихотворству, большею частью не далеко уйдетъ въ латинскомъ языкѣ, діалектикѣ, философіи, медицинѣ, схоластической теологіи, вообще во всѣхъ наукахъ, зависящихъ отъ ума и памяти, и наоборотъ. Веселые и насмѣшливые умы рѣдко дѣлаются великими филологами, великими схоластическими теологами и пр.; великіе схоластическіе теологи рѣдко бывали хорошими стилистами и т. д. У такихъ учениковъ, которые безошибочно схватываютъ лекціи своихъ учителей и безъ запинки могутъ пересказать ихъ, не расчитывай на большой умъ. Если хотимъ узнать, насколько человѣкъ лишенъ ума, то самымъ вѣрнымъ признакомъ служитъ то, что онъ высокомѣренъ, надутъ, дерзокъ, честолюбивъ, тяжелъ и полонъ церемоній, потому что всѣ эти качества происходятъ отъ извѣстнаго рода воображенія, требующаго не болѣе той степени тепла, которая легко мирится съ большой для памяти необходимой сыростью, такъ какъ это тепло далеко не на столько сильно, чтобы изсушать послѣднюю. Напротивъ того, если человѣкъ отъ природы скроменъ, если онъ не хвастаетъ ни собою, ни блескомъ своихъ дѣлъ, если онъ не только не хвалится самъ, но даже оскорбляется оказываемыми ему похвалами и обижается воздаваемыми ему почестями: то это признакъ, что онъ обладаетъ великимъ умомъ, очень скуднымъ воображеніемъ и небольшою памятью.

Твореніе Гуарта „Examen de Ingenios para las sciencias“,— сколько бы односторонностей и ложныхъ выводовъ въ немъ ни содержалось,—все-таки великолѣпное явленіе въ литературѣ, и по выходѣ своемъ оно было фактическимъ протестомъ противъ средневѣковой схоластики. Впервые въ христіанской исторіи естественныя науки ясно и сознательно примѣнены въ немъ къ духовной жизни, и наблюденія, изложенныя здѣсь касательно послѣдней, въ основахъ своихъ непоколебимо твердо стоятъ даже передъ современнымъ естествознаніемъ человѣческой души. Послѣ столь долгаго заключенія въ тѣсныхъ кельяхъ монастырей отъ Гуартовой естественной исторіи человѣческаго духа привѣтно и благотворно повѣяло свѣжимъ, вольнымъ воздухомъ жизни и природы. Гуартъ былъ человѣкъ свободный отъ предразсудковъ— свободнѣе

даже италійскихъ гуманистовъ, похоронившихъ схоластическое средневѣковье идеалами античнаго міра и вольнодумнымъ легкомысліемъ. Но съ своею спокойною, безстрастною, объективною естественною наукою онъ, непонятый людьми своей эпохи, стоялъ одинокъ и всѣми покинутъ, въ чаяньи грядущихъ вѣковъ, которые даже до настоящаго времени могутъ еще поучаться у него истинѣ и истинамъ.

28.

Классическія изученія въ Нидерландахъ и въ Германіи.

Крайне страстное одушевленіе Италіи къ классическому міру древности отразилось также въ *Германіи* и возбудило тамъ гуманистическое движеніе, представители котораго, какъ по образу мыслей такъ и въ жизни, какъ въ сочиненіяхъ такъ и въ рѣчахъ, были не новыми язычниками подобно италійскимъ гуманистамъ, но людьми, которые съ глубоко-христіанскимъ духомъ и нравственнымъ чувствомъ, внушаемымъ школою въ Девентерѣ, питали любовь и одушевленіе къ великимъ Римлянамъ и Грекамъ. И если въ своихъ научныхъ стремленіяхъ они часто впадали въ противорѣчіе съ самими собою,—противорѣчіе, сознательно или безсознательно указывавщее на разладъ въ ихъ характерѣ, то этимъ они только платили дань эпохѣ новаго расцвѣта классической литературы, бывшей лишь переходною порою, ощупью бродившею въ противоположностяхъ, даже по необходимости развивавшею ихъ въ крайность, лишь бы удачно рѣшить поставленную ей задачу,—уничтоженіе схоластическаго міра въ церкви и государствѣ, въ мысляхъ и дѣлахъ. Вообще и тутъ также оправдался лежащій въ основѣ германской націи законъ, въ силу котораго она воспринимаетъ всякій встрѣчающійся ей образовательный матерьялъ, но разрабатываетъ его по своему и какъ плодъ своего труда создаетъ добро всеобщаго, космополитическаго характера. Германецъ хотѣлъ разсудительно и методично овладѣть научнымъ, отъ древности унаслѣдованнымъ матерьяломъ, тогда какъ Итальянецъ восторженно увлекся имъ. Въ Германіи обращалось вниманіе болѣе на логическую, нежели на звуковую сторону языка, болѣе на мудрость содержанія, нежели на красоту формы въ новооткрытыхъ античныхъ сокровищахъ. Къ тому же средоточіе и покровительство гуманистическаго движенія въ Германіи находились не при дворахъ князей и знати какъ въ Италіи. Итальянцы, правда, всегда восхваляли императора Сигизмунда за то, что онъ выказалъ интересъ къ гуманистической дѣятельности ихъ страны, и даже сво-

бодно говорилъ полатыни: но воротясь изъ Италіи въ Германію, онъ какъ бы вмѣстѣ съ страной покинулъ и это пристрастіе свое. Мысли его преемника Альбрехта направлены были на охоту и войну, а у Фридриха III за его занятіями садоводствомъ и домашними животными, экономическими расчетами и финансистами жидами не хватало времени на подобныя изученья. Безъ преднамѣренной съ его стороны заслуги и предсталъ поэтому его имперскій канцлеръ *Энней Сильвій Пикколомини*, въ 1442-мъ г., апостоломъ гуманистовъ между Германцами, тогда какъ императоръ уважалъ его какъ искуснаго дипломата, но вовсе не какъ литератора и поэта. У государей онъ не встрѣтилъ никакого сочувствія къ своимъ гуманистическимъ предметамъ: имъ пріятнѣе держать лошадей и собакъ, нежели поэтовъ — таковъ былъ его отзывъ, результатъ его напрасныхъ трудовъ. Попытки его у знати, которую онъ засталъ погрязшею въ грубость и похоть, также были тщетны: конюшня и винный погребъ пользовались у ней такимъ же значеніемъ, какъ у Итальянцевъ музеи и библіотеки. Магистровъ и профессоровъ высшихъ школъ наконецъ онъ нашелъ завязшими въ лабиринтѣ схоластики, преданными безплоднымъ мечтамъ и сухимъ умозрѣніямъ. Поэзію считали въ Германіи безполезнымъ искусствомъ, — подражать подвигамъ давно забытыхъ мужей — нестоющимъ изученія и даже опаснымъ, оттого что приносимые изъ Италіи поэты губятъ святые нравы Германіи и вѣщаютъ о многихъ богахъ, ссорящихся между собою и прелюбодѣйствующихъ. Энней возсталъ противъ этого какъ поборникъ классиковъ. Не уважающихъ поэзію онъ прозвалъ „ослами", и спрашиваетъ затѣмъ: „Кто прославляетъ добродѣтель? Поэты! Кто громитъ порокъ? Поэты! Кто великимъ людямъ даруетъ славу и какъ бы безсмертіе? Поэты! Итакъ, осуждающій поэтовъ да остережется, какъ бы не осудить вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтель и не утратить своей славы". „Потому-то и отцы церкви, Іеронимъ, Лактанцій, Августинъ, Амвросій и др. изучали древнихъ поэтовъ, и творенія ихъ полны древнихъ поэтическихъ выраженій. Кто потѣшается соблазнительными мѣстами поэтовъ, тотъ заслуживаетъ побоевъ. А если у нихъ говорится о порокахъ и преступленіяхъ боговъ, то это дѣлается съ тѣмъ, чтобы предостеречь читателей".

Энней не подавилъ еще этимъ всеобщаго, сознательно-безсознательнаго настроенія противъ итальянской литературы. Напротивъ, по восшествіи его на апостольскій престолъ оно нашла себѣ энергическаго поборника въ Георгѣ Геймбургѣ. Истая германская натура, не льстивая и не терпящая лести, Гаймбургъ изучалъ въ Вюрцбургѣ правовѣдѣнье и вмѣстѣ съ тѣмъ физику, метафизику и этику; въ званіи юриста и государственнаго посла въ Ба-

велѣ онъ пришелъ въ соприкосновеніе съ гуманизмомъ Итальянцевъ, вслѣдствіе чего однажды въ Нейштатѣ при королевскомъ дворѣ и говорилъ съ ревностнымъ увлеченіемъ о словесныхъ наукахъ. Но вступивъ въ борьбу съ Эннеемъ изъ-за нѣмецкаго церковнаго нейтралитета и принадлежа къ противной партіи, а потому ведя съ этихъ поръ постоянную войну съ папствомъ и со всѣмъ итальянскимъ строемъ жизни, онъ сбросилъ съ себя также свои гуманистическія блестки, съ тѣмъ чтобы сдѣлаться вполнѣ юристомъ. Съ этихъ поръ онъ относилъ уже къ грѣхамъ юности свои прежнія занятія пустымъ наборомъ словъ. „Признакъ высокаго духа не въ томъ, чтобы мы усвоили себѣ стиль того или другого автора, а напротивъ, чтобы въ результатѣ занятій ими у насъ былъ какъ бы свой особенный духъ. Лучше всего, не собирать разсѣянное по примѣру пчелъ, а напротивъ, по образцу тѣхъ червей, изъ нутра которыхъ исходитъ шелкъ, умѣть говорить изъ собственной груди. А тѣмъ болѣе еще божественные предметы,—они не нуждаются въ орошеніи потоками тулліевскаго краснорѣчія, ни въ цвѣтистыхъ словахъ Квинтиліана. Тутъ довлѣетъ рѣчь, поясняющая предметъ, знакомящая со смысломъ, освѣщающая мракъ. Къ чему тутъ пышно распускающееся витійство? Какъ часто повторяетъ Лактанцій, что истина не нуждается въ румянахъ, и о томъ же не разъ заявляетъ Августинъ въ своей Исповѣди“. Всею тяжестью своей личности разразился онъ противъ Пикколомини на папскомъ престолѣ и противъ папистскихъ его приверженцевъ. Онъ говоритъ, что папа болтливѣе самой несносной сороки, что этотъ „человѣкъ, довольствуясь своимъ пустословіемъ, никогда, конечно, не подозрѣвалъ никакого значенія въ правовѣдѣніи, воображая, что оно заключается въ сноровкахъ ритора“. „Сильна власть краснорѣчія, отними его у папы, и за нимъ останется мало похвальнаго“.

При такихъ нѣмецкихъ словахъ и нѣмецкихъ воззрѣніяхъ — Итальянцы видѣли, конечно, въ Нѣмцахъ только варваровъ, сильныхъ въ ѣдѣ и попойкахъ и способныхъ на что либо лишь по мѣрѣ поглощаемаго ими вина, —а Джантоніо Кампано, отправленный въ 1471-мъ г., на Регенсбургскій сеймъ, считалъ всю страну просто разбойничьимъ вертепомъ. „Жить здѣсь значитъ то же что пьянствовать. Духовное варварство здѣсь невѣроятное; друзья науки чрезвычайно рѣдки, друзей изящества нѣтъ совсѣмъ, для изученія словесныхъ наукъ нѣтъ никакихъ способностей. Муза не уживается у этихъ варваровъ“. А все-таки сѣмя гуманизма, посѣянное Эннеемъ Сильвіо въ Германіи, взошло уже, хотя и не на той почвѣ, на которой онъ думалъ насадить его.

Гуманизмъ его пустилъ корни въ австрійской и въ имперской канцеляріи, членомъ которой онъ состоялъ: его канце-

лярскіе друзья разносили одушевленіе къ гуманизму по всѣмъ возможнымъ краямъ Германіи. Благодаря этому вопреки противодѣйствію Геймбурга въ исходѣ столѣтія сѣмя взошло— вольно и независимо, поддерживаемое книгопечатаніемъ, вслѣдствіе котораго избавились отъ затруднительной переписки книгъ, и книги подешевѣли, замѣнивъ собою самихъ учителей. „Древніе сами сдѣлались теперь лучшими и дешевѣйшими учителями, — въ Германіи такъ же какъ и въ Италіи“.

Вскорѣ образовалось *Рейнское общество*, первое ученое общество въ Германіи. Его основателемъ былъ *Конрадъ Цельтесъ* (т. е. рѣзецъ собственно Конрадъ Пикокель), учившійся въ Кёльнѣ, Гейдельбергѣ, Эрфуртѣ, Лейпцигѣ и Ростокѣ и посѣтившій Грейфсвальде, Вюрцбургъ, Люттихъ, Майнцъ, Тюбингенъ, Фрейбургъ, Базель, Прагу, Вѣну, Падую, Феррару, Флоренцію, Болонью, Венецію и Римъ, съ цѣлью прослушать тамъ знатнѣйшихъ ученыхъ и ознакомиться съ ними. Императоръ Фридрихъ III собственными руками возложилъ лавровый вѣнецъ на его голову какъ вѣнокъ поэта и назвалъ его ученѣйшимъ мужемъ въ Германіи. Назначенный, въ 1497-мъ г., библіотекаремъ и профессоромъ краснорѣчія и поэзіи въ Collegium poeticum въ Вѣнѣ, онъ обогатилъ императорскую библіотеку многими греческими и латинскими твореніями, глобусами и ландкартами, способствовалъ обнародованью рукописей въ монастырскихъ библіотекахъ, старался привлечь къ наукѣ именно знать и рыцарство, представляя имъ, что образованіе, утонченные нравы и развитіе знаній должны исходить отъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находятся власть и средства, что перо очень хорошо уживается съ мечемъ, и цѣльнымъ человѣкомъ можетъ быть только тотъ, кто владѣетъ и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—онъ устроилъ первыя театральныя представленія при императорскомъ дворѣ; былъ однимъ изъ первыхъ, подготовившихъ въ школѣ почву для нѣмецкой исторіи, статистики и топографіи; основалъ въ рейнскомъ обществѣ (societas Rhenana), прозванномъ въ честь его sodalitas Celtica, нѣчто въ родѣ „ученой республики“,—товарищество для научныхъ цѣлей и совокупнаго развитія при посредствѣ соединенныхъ между собою передовыхъ людей науки, съ поощряющими привилегіями, самъ предсѣдательствуя въ немъ и участвуя не только изданіемъ древнихъ классиковъ, но также и въ качествѣ гуманиста, теолога и христіанина.

Членомъ этого общества былъ также *Іоаннъ фонъ Дальбергъ*, рожденный въ 1445-мъ г. Въ 1466-мъ г., онъ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ и сдѣлался здѣсь баккалавромъ философіи. Въ 1476-мъ г., посѣтилъ онъ Италію и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ Феррару, гдѣ и вступилъ въ тѣсную связь съ жившими тамъ Греками и учеными Итальян-

цами; а черезъ нихъ ознакомился съ сочиненіями классической древности. Здѣсь вступилъ онъ также въ тѣсную дружбу съ Р. Агриколой и Дитрихомъ фонъ Пленнингеномъ. Въ 1482-мъ г., онъ сдѣлался канцлеромъ курфюрста Филиппа Пфальцскаго. По его внушенію послѣдній открылъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ особую каѳедру греческаго языка. Дальбергъ былъ либеральнымъ покровителемъ искусства и науки и стремился главнѣйше ввести въ Гейдельбергѣ греческихъ музъ и распространить по Германіи духъ классической древности. Р. Агрикола жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ и за однимъ столомъ. Гонимому Рейхлину онъ далъ безопасное убѣжище въ Гейдельбергѣ. Онъ заложилъ тамъ большую библіотеку, и Рейхлинъ называетъ частное собраніе книгъ его единственнымъ сокровищемъ Германіи, оттого что оно съ большою готовностью предлагалось для пользованья всѣмъ друзьямъ науки. Современные ученые, Тритемій, Рейхлинъ, Севастьянъ Брантъ и др. поручали и посвящали ему свои сочиненія. Іоаннъ Тритемій называетъ его великимъ правовѣдомъ, столь же свѣдущимъ въ духовныхъ, какъ и въ свѣтскихъ наукахъ, знатокомъ древнихъ языковъ, превосходнымъ ораторомъ и поэтомъ, прославившимъ доблесть своего рода своею добродѣтелью и ученостью.

Въ качествѣ иностранныхъ членовъ къ Рейнскому обществу принадлежали саксонскій посолъ на имперскомъ сеймѣ, Бюнау, аббатъ Триттенгеэмъ, Мартинъ Поллихъ (Меллерштадтъ), Эйтельвольфъ(Гололикосъ), Штейнъ въ Швабіи, Толофонъ Вернеръ, Латеранъ, Ваксръ (Виргилій), Штабъ, Брандтъ, (Шпренгъ), особенно патрицій *Пиркгаймеръ* изъ Нюрнберга, намѣревавшійся въ Пизѣ и Падуѣ изучать права, но посвятившій лучшую часть своего времени математикѣ и астрономіи, даже теологіи и медицинѣ, и подружившійся въ Пизѣ съ Пико де Мирандолой. Воротясь домой, онъ своею личностью болѣе всего приблизилъ патриціатъ германскихъ имперскихъ городовъ къ римскому и, уважаемый императоромъ Максиміліаномъ за величественную осанку, за краснорѣчіе и дипломатическія способности, занялъ вскорѣ мѣсто въ совѣтѣ своего родного города. Все свободное отъ общественныхъ дѣлъ время его принадлежало наукѣ и искусству, съ знатнѣйшими представителями которыхъ онъ состоялъ въ личныхъ сношеніяхъ, и лица эти придавали большую цѣну его сужденіямъ и его совѣту. Онъ поддерживалъ изъ своихъ богатыхъ семейныхъ средствъ молодыхъ студентовъ. Онъ содѣйствовалъ наукѣ и учебному дѣлу, выписывая изъ Италіи множество рукописей и переведя на латинскій и нѣмецкій Ксенофонта, Ѳеофраста, Григорія Назіанзина и пр. Домъ его, котораго покои посѣтители называли царскими, былъ открытъ вмѣстѣ съ богатою

библіотекою для всѣхъ ученыхъ. Блестящіе пиры его были сборищемъ даровитости и остроумія. Благодаря ему Нюрнбергъ сдѣлался литературнымъ средоточіемъ, и въ немъ воплотился всесторонній порывъ эпохи къ знанію и образованности. Германнъ, графъ Нуэнарскій—говоритъ Штраусъ—переписывается съ нимъ о древнѣйшей германской исторіи, а Эразмъ, Кохлеусъ о теологіи; Гавріилъ Гуммельбергеръ проситъ себѣ ботаническую книгу изъ его библіотеки и предлагаетъ ему перевести на латинскій нѣкоторыхъ изъ греческихъ врачей такъ же, какъ переведенъ отецъ церкви Григорій Назіанзинъ; другіе между тѣмъ предлагали его обсужденію запутанные процессы; Губертъ Ѳома Люттихскій проситъ его истолковать нѣкоторые стихи Гезіода. Глареанъ радуется его замыслу издать Птоломееву географію. Искусство также не было чуждо этому уму. Музыку онъ изучилъ самъ какъ любитель, и Альбрехтъ Дюреръ былъ его закадычнымъ другомъ.

Въ университетахъ и школахъ также пробуждался уже гуманистическій духъ. Въ *Гейдельбергѣ* въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій соединились знаменитѣйшіе люди, подготовившіе своей дѣятельностью реформацію какъ въ школѣ, такъ и въ церкви. Особенно курфюрстъ Филиппъ Пфальцскій пекся о процвѣтаніи своего университета. Дальбергъ побудилъ Рудольфа Агриколу прибыть въ Гейдельбергъ, принялъ къ себѣ Іоанна Рейхлина, доставилъ Діонисію Рейхлину мѣсто профессора греческаго языка. Вмѣстѣ съ изученіемъ древнихъ классиковъ, какъ въ Тюбингенѣ, принялись также и здѣсь за экзегетическое изученіе подлиннаго текста Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ *Тюбенгенѣ* прежде горячо ратовали другъ съ другомъ номинализмъ и реализмъ: Гавріилъ Биль училъ тамъ какъ поборникъ номинализма. Скоро впрочемъ и тутъ пробудились начала новой эпохи. Францисканецъ Павелъ Скрипторисъ отступавшій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ ученія церкви, либеральный и уважаемый проповѣдникъ и имѣвшій на своихъ лекціяхъ о космографіи Птоломея слушателями почти всѣхъ тюбингенскихъ профессоровъ,—и Зуменгартъ, поставившій противъ теологическихъ перебранокъ на первый планъ практику и сердце и хотѣвшій богословіе примѣнить къ библіи,—оба, побуждаемые Рейхлиномъ, учили еврейскому и греческому какъ кореннымъ языкамъ Ветхаго и Новаго Завѣта, а Генрихъ Бебель, въ качествѣ профессора поэзіи и краснорѣчія, съ отважною смѣлостью читалъ politiores literae (изящную словесность), которая доселѣ не имѣла ни мѣста ни голоса. Соратниками его были Брассиканъ (Коль изъ Констанца), юристъ Георгъ Зимлеръ, сочинитель всемірной хроники, и Іоаннъ Штёффлеръ, профессоръ математики и астрономіи. Однако эти подъемы университетовъ были-

только преходящими явленіями. Съ одной стороны люди, подвизавшіеся въ нихъ въ теченіе нѣкотораго времени, были слишкомъ вольнодумны, такъ что не могли примириться съ стѣснительною формалистикою тогдашнихъ университетовъ; они, напротивъ того, стремились сбросить съ себя всѣ даже необходимыя формы и не пытались даже слить предметы своего труда съ тѣмъ, чему привыкли учить досел, такъ что все новое вносимое ими, вторгалось внезапно и неподготовлено, чѣмъ и возбуждало все старое къ рѣшительной борьбѣ противъ себя. Съ другой стороны учителя при тогдашнихъ университетахъ большею частью дотого закоснѣли въ обычной формалистикѣ, что не имѣли ни способности, ни желанія ознакомиться съ новыми успѣхами наукъ и, отрекшись отъ всего стараго, сбросить съ себя негодный, доселѣ всѣхъ изумлявшій хламъ ихъ учености. Гейдельбергъ и Тюбингенъ составляли и пребыли поэтому только великими исключеніями.

Помимо Гейдельбергскаго и Тюбингенскаго университетовъ средоточіемъ для классическихъ ученій служила особенно школа въ *Шлетштадтѣ*. Основанная *Людвигомъ Дрингенбергомъ* и управляемая имъ въ теченіе 40 лѣтъ, она скоро достигла значительной извѣстности. Его великимъ ученикомъ былъ *Яковъ Вимфелингъ* (1450—1528), учившійся во Фрейбургѣ, Базелѣ и Эрфуртѣ. Сперва онъ былъ магистромъ въ Гейдельбергѣ, потомъ въ 1479-мъ г. деканомъ тамошняго философскаго университета, въ 1481—1482-мъ гг. ректоромъ университета, затѣмъ проповѣдникомъ въ Шпейерѣ и наконецъ опять въ Гейдельбергѣ, гдѣ читалъ о Іеронимѣ и написалъ нѣсколько педагогическихъ сочиненій. Его Adolescentia даетъ преимущественно этическія правила воспитанія, подкрѣпляемыя изреченіями изъ библіи и классиковъ; его Isidoneus представляетъ методъ научнаго, особенно классическаго изученія; въ своемъ Elegantiarum medulla и Elegantiae majores, точно такъ же какъ и въ учебникѣ нѣмецкой исторіи, онъ предложилъ руководства для преподаванія. Для ученика своего Якова Штурма написалъ онъ сочиненіе de integritate, въ которомъ указываетъ ему путь къ жизни и ученію и присовокупляетъ увѣщаніе къ ревностному чтенію Священнаго Писанія. Отроковъ, говоритъ онъ, надлежитъ по возможности ранѣе обучать полезнымъ знаніямъ. Родители не могутъ доставить своимъ дѣтямъ никакихъ иныхъ болѣе прочныхъ сокровищъ, болѣе вѣрныхъ благъ, какъ заставляя ихъ смолоду учиться полезнымъ искусствамъ и наукамъ. Ибо кто смолоду не былъ направленъ къ наукамъ, тотъ въ позднемъ возрастѣ едва ли можетъ разсчитывать на достаточный успѣхъ, точно такъ же какъ привыкшій смолоду къ дурнымъ нравамъ не безъ большого труда избавляется отъ нихъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Преподаваніе

надлежитъ начать съ испытанія природныхъ наклонностей отрока, съ тѣмъ чтобы узнать, для какого рода умственныхъ занятій онъ болѣе всего способенъ отъ природы. Слѣдуетъ поставить всеобщимъ основнымъ правиломъ, никогда не оставлять молодыхъ людей безъ дѣла и не позволять имъ никакихъ занятій, отвлекающихъ духъ отъ болѣе высокой дѣятельности. По этой причинѣ и слѣдуетъ весьма ограничить тѣлесныя упражненія, такъ чтобы они не вредили высшему духовному образованію и мягкой пріятности нравовъ. Цѣль всякаго воспитанія и наставленія состоитъ въ томъ, чтобы образовать добрыя наклонности юношей и подавить и искоренить злыя. Шесть добрыхъ наклонностей: щедрость, предпріимчивость, великодушіе, искренность, сострадание и стыдливость; шесть злыхъ: склонность къ страстямъ, измѣнчивость, легковѣріе, сварливость, лживость и страсть преувеличивать. Добрыя страсти надлежитъ сдерживать разумомъ въ предѣлахъ и наводить на надлежащую стезю. Противъ господства чувственныхъ склонностей и страстей полезно: занятіе строгими и досточтимыми науками, ревностное чтеніе Священнаго Писанія, умѣренность въ ѣдѣ и питьѣ, вспоминаніе о смерти, искренняя любовь къ распятому Спасителю, частыя сношенія съ добродѣтельными людьми и т. д.;—противъ измѣнчивости и колебаній: ранній навыкъ къ извѣстному твердому порядку въ жизни и ученіи; противъ легковѣрія: постоянное напоминаніе, что не всякому уму можно вѣрить и что легковѣрный человѣкъ бываетъ обыкновенно и легкомысленъ; — противъ сварливости: мысль, что этотъ порокъ подвергаетъ насъ ненависти и презрѣнію умныхъ людей, что онъ возникаетъ вслѣдствіе преувеличеннаго воображенія о самомъ себѣ и ведетъ къ оскорбленію другихъ; — противъ лживости: напоминаніе о гнусности этого Богомъ и людьми презираемаго порока и о величіи вѣрности, составляющей основу правды въ жизни и состоящей въ совершенномъ согласіи словъ и поступковъ; — противъ страсти преувеличивать: пріучаться блюсти мѣру и середину въ шуткѣ и игрѣ, въ ѣдѣ и питьѣ, въ рѣчахъ и молчаніи и пр. — Другіе ученики Дрингенберга были *Георгъ Зимлеръ*, учитель Меланхтона, и *Эйтельвульфъ фонъ Штейнъ*, дѣятельный другъ Гуттена; — преемникъ его по ректорству *Кратонъ* (Крафтъ Гофманъ). Къ ученикамъ Кратона принадлежалъ также *Беатъ Ренанъ*. При Вимфелингеномъ племянникѣ *Іоаннѣ Сапидѣ* въ школѣ считалось 900 учениковъ. Вскорѣ послѣ того однако Шлетштадтъ, этотъ отъявленный противникъ реформаціи снизошелъ съ своей высоты и сдѣлался школою іезуитовъ.

Этимъ расцвѣтомъ въ южной Германіи гуманистическія ученія о олжены были отчасти сѣверя-

намъ, получившимъ первый толчокъ большею частью въ школахъ братьевъ общинной жизни. Изъ Цволла уже вышелъ *Іоаннъ Вессель.* Онъ родился въ 1419-мъ въ Гансфортѣ близъ Грёнингена. Въ бытность свою въ Италіи онъ познакомился съ Бессаріономъ и былъ посвященъ имъ въ греческій языкъ и философію. Онъ отправился въ Кульнъ и сдѣлался тамъ докторомъ философіи, потомъ въ Лувенъ, послѣ того въ Парижъ, гдѣ Р. Агрикола и I. Рейхлинъ пользовались его преподаваніемъ. Въ Римѣ, избранномъ имъ своимъ дальнѣйшимъ мѣстопребываніемъ, онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ Сикста IV. Какъ противникъ схоластики, которой онъ противопоставилъ простое слово Божіе, Вессель подвергся многимъ гоненіямъ, понудившимъ его покинуть также и Римъ. Послѣ короткаго пребыванія въ Базелѣ и Гейдельбергѣ онъ сталъ наконецъ проживать въ монастыряхъ, попеременно то въ Цволлѣ, то въ Адвертѣ и Грёнингенѣ, гдѣ и умеръ въ 1489-мъ г. По его смерти сожгли часть его сочиненій; сохранились нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то Farrago rerum theologicarum, много разъ перепечатанное, съ предисловіемъ Лютера, Виттенбергъ 1522, потомъ подъ заглавіемъ: Opuscula theologica etc. Штракомъ, Марбургъ 1617; полнѣе всего подъ заглавіемъ Wesselii opera omnia Лидіемъ, Амстердамъ 1617. Поклонники называли его lux mundi*), а враги magister controversiarum**). Лютеръ сказалъ объ немъ: „Если бъ я прежде прочелъ Весселя или книги его, то мои противники могли бы подумать, что Лютеръ черпалъ и бралъ это изъ Весселя; такъ согласны мы между собою по духу.“ Онъ былъ даровитымъ учителемъ особенно по ясности своего ума, а о его стремленіяхъ свидѣтельствуютъ слова его: „Знаніе еще не высшая цѣль, ибо знающій только для того чтобы знать,—глупецъ, оттого что у него нѣтъ вкуса къ плоду науки, и онъ не сумѣетъ мудро урядить свое знаніе. Въ познаніи истины заключается чудный плодъ, если она обрѣтетъ мудраго дѣлателя, ибо ею онъ съ яснымъ сознаніемъ можетъ дойти до Бога, чтобы сдѣлаться другомъ Бога, если онъ путемъ знанія соединится съ Богомъ и будетъ постепенно преуспѣвать въ этомъ, такъ что вкуситъ, какъ любвеобиленъ Господь, а вкусивъ, взалкаетъ еще болѣе, алкая воспылаетъ и, воспылавъ, возлюбитъ Бога и будетъ жить имъ, пока въ духѣ не станетъ одно съ Богомъ. Вотъ истинный, чистый, строгій плодъ строгой науки, которымъ по истинѣ всѣ люди отъ природы хотятъ обладать болѣе, нежели простымъ воспоминаніемъ или знаніемъ самимъ по

*) Свѣтомъ міра.
**) Магистромъ противорѣчій.

себѣ. Ибо какъ шаткая дума тщетна безъ науки, такъ и наука безплодна безъ любви". Вмѣстѣ съ нимъ училъ еще Ѳома Кемпійскій въ Цволлѣ, гдѣ образовалось шестеро мужей, которымъ Германія одолжена тѣмъ, что созрѣла для возрожденія въ реформаціи: Рудольфъ Ланге, графъ Морицъ фонъ Шпигельбергъ, Рудольфъ Агрикола, Александръ Гегіусъ, Людвигъ Дрингенбергъ и Антоній Либеръ.

1 *Рудольфъ Ланге* родился въ 1438-мъ г., въ Мюнстерѣ, обучался въ Цволлѣ и въ Эрфутскомъ университетѣ, потомъ по назначенію Ѳомы Кемпійскаго провелъ 1460—1470 гг. въ Италіи. Тамъ слушалъ онъ Филельфо, Лаврентія Валлу, Ѳеодора Газу, Георга Трапезунтскаго, привезъ затѣмъ съ собою въ Германію разныхъ латинскихъ и греческихъ классиковъ и сдѣлался ректоромъ соборной школы въ Мюнстерѣ, возведенной имъ въ одно изъ самыхъ цвѣтущихъ учебныхъ заведеній сѣверной Германіи, побудивъ въ то же время своихъ хорошо обученыхъ, изъ его заведенія вышедшихъ людей заложить школы въ Гаммѣ, Дортмундѣ, Герфордѣ, Эссенѣ, Зёстѣ, Оснабрюкѣ и пр. Его собственный домъ былъ убѣжищемъ для ученыхъ, преслѣдуемыхъ въ другихъ мѣстахъ за ихъ рвеніе о лучшемъ преподаваніи въ языкахъ и наукахъ. Для своихъ учителей онъ былъ искреннимъ другомъ и совѣтникомъ въ ихъ занятіяхъ. Нравомъ онъ былъ кротокъ и простъ; образъ жизни его служилъ примѣромъ для другихъ. Библія подлежала самому ревностному его изученію. Прочитавъ въ глубокой старости тезисы Лютера, онъ радостно воскликнулъ: „Пора, когда изгонится тьма изъ церквей и школъ, когда возвратится чистота вѣры въ церкви, чистая латынь въ школы, приближается". Онъ умеръ въ 1519-мъ году.

2 Вмѣстѣ съ нимъ въ Италію отправился *графъ Морицъ фонъ Шпигельбергъ* (ум. 1486). Онъ по образцу Италіи и Девентера въ качествѣ пробста при соборѣ основалъ въ Эммерихѣ школу и собралъ вокругъ себя отличавшихся дарованіемъ юношей, внушая имъ классически-христіанское образованіе. Онъ былъ латинскимъ поэтомъ и отличался своимъ содѣйствіемъ наукѣ, причемъ ему весьма пригодилась его обширная библіотека.

3) *Людвигъ Дрингенбергъ*, рекомендованный Агриколою, подвизался въ Шлетштадтѣ и, образовавъ Якова Вимфелинга, І. Сапида, Беат. Ренана, Конр. Цельтеса, В. Пиргаймера, Франца Стадіана, Г. Симлера, Г. Бебелія и І. фонъ Дальберга, содѣйствовалъ улучшенію воспитанія на югѣ.

4) *Антоній Либеръ*, напротивъ того, остался учителемъ въ Кемптенѣ, Амстердамѣ и Алкмаарѣ: ему одолжены своимъ образованіемъ папа Адріанъ VI, Конр. Крокусъ и Христофоръ Лонголій, величайшій латинистъ своего времени.

5) *Александръ Гегіусъ* обладалъ самыми рѣдкими знаніями какъ въ греческомъ, такъ въ латыни, былъ искуснымъ діалектикомъ, свѣдущъ въ математикѣ и физикѣ и отличался по истинѣ благочестивою жизнью, слѣдуя основному правилу: „Презрѣнна всякая ученость, пріобрѣтаемая въ ущербъ благочестію". Онъ замѣчателенъ, сказалъ Эразмъ, такою же безукоризненною жизнью, какъ и необыкновенною ученостью, такъчто самъ Момусъ развѣ въ одномъ только могъ бы упрекнуть его, что онъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ пренебрегалъ славою и мало заботился о потомствѣ; писалъ ли онъ о чемъ нибудь, то дѣлалъ это какъ бы для забавы, а не серьёзно, хотя сочиненія его по отзыву ученыхъ заслуживаютъ безсмертія. Они состоятъ попреимуществу изъ діалоговъ съ краткими и ясными вопросами и отвѣтами, въ которыхъ онъ часто обращается къ геометріи и астрономіи, особенно же совѣтуетъ заняться греческимъ, ибо „кто хочетъ понять грамматику, реторику, математику, исторію, Священное Писаніе и пр., тотъ изучай греческій языкъ; мы всѣмъ одолжены Грекамъ". Но болѣе еще чѣмъ своими сочиненіями онъ прославился своими учениками, вышедшими изъ его школы въ Девентерѣ и отличавшимися, почти всѣ, энтузіазмомъ къ классическому образованію, не убоявшимся даже мученичества. Къ нимъ принадлежатъ: Эразмъ, поступившій къ нему 9 лѣтъ отъ роду;—Германъ фонъ Бушъ (Буше), посвятившій себя вопреки насмѣшкамъ своей семьи, первый изъ своего сословія, дѣлу воспитанія;—неутомимый миссіонеръ классическаго образованія, онъ ѣздилъ въ Италію, былъ назначенъ магистромъ въ Гейдельбергѣ, а потомъ въ Мюнстерѣ при библіотекѣ; отправился во Францію и возвратясь въ Кельнъ, ратовалъ противъ Гогштратена; спасаясь потомъ бѣгствомъ странствовалъ по городамъ сѣверной Германіи; изгнанный изъ Ростока нашелъ гостепріимный пріютъ въ Лейпцигѣ; гонимый оттуда посѣтилъ Вестфалію, Голландію и Англію; ректоромъ въ Везелѣ написалъ „Апологію классическихъ ученій", и приверженцемъ реформаціи пошелъ въ Виттенбергъ, съ тѣмъ чтобы у Меланхтона, посѣщавшаго его лекціи о классикахъ, изучать Священное Писаніе;—Іоаннъ Мурмеллій, сперва солдатъ, впослѣдствіи ректоръ въ Алькмаарѣ, гдѣ у него было до 900 учениковъ; ревностный глашатай классическаго образованія и столь же ревностный гонитель варварства —Іоаннъ Цезарій, въ 1504-мъ г., изгнанный Кёльнцами за то, что нападалъ на ихъ старыя учебныя руководства, потомъ приведенный Гегіемъ къ Ланге въ Мюнстерѣ, сдѣлался тамъ учителемъ греческаго языка и издалъ естественную исторію Плинія; Конрадъ Гокленій, профессоръ въ Лувенѣ, учитель Іоанна Штурма, по Эразму превосходный филологъ; — Іосифъ Горнелій, ректоръ въ Герфордѣ, учитель Петра Мо-

зеллануса;—Тиманнъ Каменеръ, съ 1500-го и до 1530-го г., ректоръ въ Мюнстерѣ;—Людольфъ Герингъ въ Гаммѣ;—Г. Торенцій въ Цволлѣ.

6) Знатнѣйшимъ между шестью мужами изъ школы въ Девентерѣ былъ *Рудольфъ Агрикола* (Гюсманнъ или Гаусманнъ), рожденный въ 1443-мъ г., въ Бафло близъ Гренингена,—образовавшись въ училищѣ въ Цволлѣ при Ѳомѣ Кемпійскомъ и въ Лувенскомъ университетѣ, онъ потомъ въ Парижѣ подъ вліяніемъ своего учителя и друга І. Весселя увлекся классическими знаніями и наконецъ учился и преподавалъ въ Феррарѣ. Онъ первый уготовилъ прочное убѣжище вновь пробудившемуся ученію греческаго языка также и въ лежащихъ къ сѣверу отъ Альповъ странахъ; въ старости еще ревностно занимался онъ еврейскимъ языкомъ съ помощью одного обращеннаго еврея, котораго Дальбергъ для этой цѣли взялъ къ себѣ въ домъ. Въ Гейдельбергѣ и Вормсѣ онъ собралъ около себя большой кружокъ учениковъ и много способствовалъ тому, что Гейдельбергскій университетъ сдѣлался пріютомъ классической учености и чистаго вкуса. Вообще ни одно мѣсто не могло привязать его къ себѣ. Ему нравилась тревога скитальческой жизни, и вездѣ онъ возбуждалъ ученіемъ и примѣромъ. Школа была чѣмъ-то противорѣчащимъ его существу. Греки—сказалъ онъ—назвали ее schola, а Латины ludus literarius, тогда какъ нѣтъ ничего болѣе чуждаго досугу, ничего строже и противнѣе игрѣ, нежели школа. Аристофанъ вѣрнѣе обозначилъ ее именемъ φροντιστήριον т. е. мѣстомъ заботъ. „Мнѣ руководить школою? Развѣ достало бы у меня времени для ученія, покоя для изобрѣтеній и разработки? хоть одного или двухъ часовъ для истолкованія автора? Мальчики завладѣли бы почти всѣмъ моимъ временемъ, притомъ же взволновали бы мое терпѣніе до того, что у меня едва бы хватило досуга не для ученыхъ занятій, а развѣ лишь для передышки и нѣкотораго успокоенія? Ты говоришь: при менѣе строгомъ исполненіи должности я могъ бы жить досужѣе. Правда, я могъ бы это; но если я буду небреженъ, то кто изъ моихъ сослуживцевъ будетъ прилеженъ, кто не полѣнится на мой счетъ?" Въ сочиненіяхъ его однако высказывается глубокое вниманіе къ истиннымъ потребностямъ школы относительно учителей и учебныхъ руководствъ. Онъ постоянно поддерживалъ переписку съ Гегіусомъ въ Девентерѣ, съ Дрингенбергомъ въ Шлетштадтѣ и съ др. Изъ его сочиненій письма вообще всего поучительнѣе. Но особенно замѣчательно его посланіе къ Барбиріану въ Антверпенѣ, такъ называемое epistola de formandis studiis. „При начертаніи плана для научнаго образованія должно обратить вниманіе преимущественно на двѣ вещи: во первыхъ, на какіе предметы знанія слѣдуетъ болѣе всего на-

править нашъ выборъ, а во вторыхъ, какой путь надлежитъ избрать, чтобы наиболѣе преуспѣть въ избранномъ нами предметѣ". „Одному, конечно, предметъ, которому онъ долженъ посвятить себя, навязывается необходимостью въ виду его состоянія или его природной способности; другой воленъ по своему выбору примкнуть къ предмету, который кажется ему лучшимъ. А именно, надѣленный скуднымъ состояніемъ вообще изберетъ такое дѣло, въ которомъ надѣется ранѣе всего достичь удовлетворенія своихъ потребностей. А одаренный отъ природы менѣе энергіею и остроуміемъ долженъ, если не хочетъ напрасно трудиться, браться всякій разъ не за то, что было бы для него желательнѣе всего, а напротивъ, за то, съ чѣмъ онъ вѣрнѣе всего можетъ совладать. Надѣленный же въ обильной мѣрѣ внѣшними средствами или высшею духовною силою былъ бы неправъ, если бъ не добивался всѣми силами высшаго и если бъ въ условіяхъ, въ которыхъ могъ бы достичь первой степени, довольствовался лишь второю или третьею. Такъ одинъ избираетъ гражданское, другой духовное право, а иной медицину; многіе берутся за такъ называемыя искусства, состоящія большею частью въ болтовнѣ и пустозвонствѣ, и тратятъ время на мелочные и запутанные диспуты, или, вѣрнѣе говоря, на загадки, для разрѣшенія которыхъ изъ поконъ вѣковъ не являлось еще Эдипа. Ими-то они обременяютъ потомъ слухъ несчастныхъ учениковъ, вбиваютъ и прививаютъ ихъ послѣднимъ и тѣмъ у большей части изъ нихъ губятъ лучшія надежды и будущіе духовные плоды въ самомъ нѣжномъ возрастѣ какъ бы въ зародышѣ. При всемъ томъ я одобряю всѣ эти занятія и одобрялъ бы ихъ еще болѣе, иди они надлежащимъ и порядочнымъ образомъ. Ибо я не такъ глупъ, чтобы сталъ одинъ отвергать то, что одобряется столь многими. Отчего бы и не хвалить мнѣ то, чѣмъ столь многіе добываютъ себѣ богатство, славу, почетныя мѣста, уваженіе и чины? Особенно тѣ науки, относительно которыхъ я знаю и готовъ согласиться, что онѣ—какъ выражается Цицеронъ—прибыльнѣе другихъ, называемыхъ безплодными и сухими, оттого что онѣ обогащаютъ болѣе духъ, нежели ларецъ. Итакъ, если имѣешь въ виду наживу, то избери одну изъ болѣе прибыльныхъ наукъ, изучаемыхъ для того, чтобы обогатиться; но знай же, что въ случаѣ удачи ты достигнешь при этомъ славы заодно съ любымъ ростовщикомъ. Но если ты проникнешься вѣрною мыслью, что истинно благороднаго слѣдуетъ добиваться ради него самого, и если ты убѣдишься, что при скромныхъ желаніяхъ всегда хватитъ данной тебѣ способности (ибо при нескромныхъ желаніяхъ намъ и малѣйшее въ другихъ кажется слишкомъ великимъ, а величайшее въ насъ черезъ чуръ мелкимъ), то совѣтую

тебѣ приняться за философію, т. е. больше ничего какъ стараться вѣрно мыслить о всѣхъ предметахъ и хорошо излагать свои мысли.“ Эта философія прежде всего нравоученіе, но извлекаемое не только изъ Цицерона, Сенеки и Аристотеля, а также и изъ фактовъ и примѣровъ исторіи, такъ чтобы ты восходилъ къ Священному Писанію, по божественнымъ, надежнымъ правиламъ котораго мы должны освящать нашу жизнь. То, чему насъ учатъ другіе, всегда болѣе или менѣе перемѣшано съ заблужденіемъ; вѣдь они и сами не были въ состояніи устроить жизнь свою вполнѣ безпорочно и не уклоняясь ни въ какую сторону, а истинной цѣли жизни они или вовсе не знали, или смутно лишь чаяли ее, смотря какъ бы сквозь облако, такъ что они больше говорили объ этомъ, не бывъ сами убѣждены. Но Священное Писаніе такъ же далеко отъ всякаго заблужденія, какъ и Творецъ его, самъ Господь Богъ. Оно лишь напутствуетъ насъ по надежной, твердой и вѣрной стезѣ, оно разсѣеваетъ весь мракъ и охраняетъ слѣдующаго ему отъ всякаго обмана, уклоненія и заблужденія.—Но бываютъ еще предметы не столько непосредственно примѣнимые въ нашей жизни, знаніе которыхъ однако служитъ нашему духу болѣе для украшенія и благороднаго удовольствія. Сюда относятся всякія изслѣдованія о природѣ вещей. Они составляютъ предметъ натурфилософіи, хотя и не столь необходимой какъ нравоученіе, но служащей своими изслѣдованіями лишь образовательнымъ средствомъ. Полезны изученіе географіи, ботаники по Ѳеофрасту, зоологіи по Аристотелю и пр. Но нравоученіе и естествознаніе надлежитъ извлекать изъ классическихъ сочиненій, такъ чтобы по нимъ заодно изучалось краснорѣчіе, — по писателямъ, озаряющимъ достойные изученія предметы въ то же время и свѣтомъ прекраснаго изложенія, такъ чтобы вмѣстѣ съ познаніемъ вещей пріобрѣталось искусство хорошаго изложенія. Первая забота при собственномъ изложеніи должна быть обращена на вѣрность выраженія. Забота о красотѣ должна быть подчиненною, ибо красота не можетъ обойтись безъ вѣрности и связности рѣчи.—Путь, отъ котораго въ ученіи можно ожидать болѣе всего пользы, состоитъ въ томъ, чтобы вѣрно и ясно понять все изучаемое, чтобы потомъ и удержать въ точности все разъ постигнутое, и наконецъ, чтобы такимъ образомъ добиться возможности произвести что-либо самому. Для перваго требуется прилежное чтеніе, для второго вѣрная память, а для третьяго ревностное упражненіе. При чтеніи слѣдуетъ главнѣйше стремиться къ тому, чтобы по возможности лучше понимать все и вполнѣ вникать во все, что читаемъ, такъ чтобы не довольствоваться однимъ лишь поверхностнымъ знаніемъ излагаемаго

предмета, но у хорошихъ писателей обращать вниманіе также на значеніе и особенности словъ, на ихъ сочетанія и на присущую имъ красоту, и замѣчать какъ прелесть и величавость выраженія, такъ и строгость, съ какою поясняются, представляются и какъ бы освѣщаются вещи. Однако при чтеніи не слѣдуетъ доходить до такой мелочности, чтобы не пропустить иногда темнаго мѣста, пока не разъяснишь его вполнѣ; надо преспокойно читать себѣ далѣе; одинъ день поучается другимъ; темное выяснится впослѣдствіи. Для того чтобы съ пользою заниматься науками, надлежитъ затѣмъ твердо удержать въ памяти все понятое. Для этого слѣдуетъ съ спокойнымъ духомъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ овладѣть предметомъ и по временамъ вновь съ величайшею точностью возбуждать его въ умѣ. Изъ всѣхъ душевныхъ способностей память болѣе всего усиливается частымъ упражненіемъ, а ослабляется небрежностью и неупотребленіемъ. Наконецъ надо достичь умѣнія производить что нибудь самому. Если мы ничего не производимъ, то все заученное какъ бы схоронено въ насъ, не такъ какъ лежитъ въ землѣ живое сѣмя, которое всходитъ и приноситъ обильные плоды. Итакъ, заученное надо во всякое время имѣть подъ рукой и умѣть примѣнять его, а потомъ стремиться сверхъ заученнаго изобрѣсти еще что нибудь самому. При такомъ изобрѣтеніи особенно важно усвоить себѣ разъ навсегда извѣстныя понятія, подъ которыя подводимъ все, что знаемъ, а именно понятія о добродѣтели и порокѣ, о жизни и смерти, о мудрости и глупости, о любви и ненависти; потомъ много помогаетъ еще, если мы каждую мысль строго разбираемъ и разсматриваемъ со всѣхъ сторонъ, такъ чтобы каждый разъ, думая о какомъ нибудь общемъ понятіи, мы представляли себѣ также и подведенные подъ него предметы. Часто мысль или разсказъ можно подвести подъ разныя основныя понятія напр. Est virtus placitis abstinuisse bonis *) подъ понятіе о д о б р о д ѣ т е л и, оттого что считаютъ добродѣтелью отречься отъ пріятныхъ для насъ вещей, или же подъ понятіе о вещахъ, а именно, что не всякая вещь для насъ желательна, такъ какъ отречься отъ пріятныхъ для насъ вещей составляетъ добродѣтель, или подъ понятіе объ о т р е ч е н і и, такъ какъ если примѣнимъ послѣднее къ пріятной для насъ вещи, то это будетъ добродѣтельно. Потомъ слѣдуетъ во всемъ изучаемомъ тщательно и съ разборомъ сравнивать между собою части рѣчи и объяснять ихъ во всемъ широкомъ объемѣ. Если такимъ образомъ разсмотримъ каждую мысль въ болѣе обширномъ объемѣ и во всѣхъ отношеніяхъ содержащихся въ ней понятій, насколько то допускается свойствомъ каждой изъ

*) Добродѣтельно отречься отъ пріятнаго.

нихъ, то представится большое богатство какъ для изложенія, такъ и для собственнаго изобрѣтенія. — Агрикола въ своемъ твореніи „de inventione dialectica“ еще точнѣе развилъ послѣднюю мысль. Онъ разсматриваетъ въ немъ искусство изслѣдовать и представлять каждый предметъ въ разныхъ его отношеніяхъ, — общіе законы мышленія, какимъ должны подлежать науки и по которымъ слѣдуетъ возстановить ихъ.

Агрикола проложилъ въ Германіи путь классической филологіи, зналъ притомъ пофранцузски и поитальянски, сочинялъ пѣсни на родномъ языкѣ и пѣлъ ихъ подъ звуки цитры, бесѣдовалъ съ Весселемъ о помраченіи церкви и объ оскверненіи литургіи. Эразмъ сказалъ про него: „Не было такого научнаго предмета, въ которомъ онъ не могъ бы помѣриться съ величайшими учеными. Между Греками онъ былъ завзятый Грекъ (graecissimus), между Латинцами истый Латинецъ, какъ поэтъ второй Маронъ, какъ ораторъ онъ изящностью напоминалъ Полиціана, но превосходилъ его величавостью. Когда онъ говорилъ даже не приготовясь, то рѣчь его была такъ чиста и неподдѣльна, что, казалось, слышали не Фрисландца, а Римлянина. Къ своему превосходному краснорѣчію онъ присовокупилъ такую же ученость, онъ изслѣдовалъ всѣ тайны философіи. Въ музыкѣ не было такого отдѣла, котораго онъ не понималъ бы въ точности. Въ послѣднія лѣта своей жизни онъ всею душою предался изученію еврейскаго языка и Священнаго Писанія. О славѣ онъ мало заботился.“

Но всѣхъ этихъ мужей превзошли своею дѣятельностью Іоаннъ Рейхлинъ и Эразмъ Роттердамскій.

Іоаннъ Рейхлинъ, погречески Капніонъ, рожденный въ Пфорцгеймѣ, 28-го дек. 1455 г., умершій въ Штутгартѣ, 30-го іюня 1522 г., настоящій представитель гуманизма при возстановленіи классической литературы въ Германіи. Онъ направилъ эту античную литературу въ томъ краѣ къ самой цѣли ея—къ изслѣдованію Священнаго Писанія на коренномъ языкѣ, и въ жизни и борьбѣ его яснѣе всего обнаруживается состояніе школъ и всѣхъ наукъ его эпохи, а также и положеніе, въ какомъ находилась борьба свѣта со тьмою. Посвященный Дрингенбергомъ въ науку, сопровождая маркграфа Фридриха Баденскаго въ Парижъ и учась тамъ у Спартанца Гермонима греческому, а у І. Весселя еврейскому, продолжая въ Базелѣ подъ руководствомъ Грека Андроника Контовлака изученіе греческаго и изучивъ въ Орлеанѣ и Поатье законы, онъ въ 1481-мъ г. сдѣлался въ Тюбингенѣ преподавателемъ правъ и изящныхъ наукъ; какъ лучшій латинистъ онъ сопровождалъ графа Эбергарда Вюртембергскаго въ Римъ, гдѣ посѣтилъ Лоренцо Медичи и ознакомился со всѣми знатнѣйшими италійскими учеными. По

смерти Эбергарда онъ жилъ при дворѣ курфюрста Филиппа Пфальцскаго, въ сообществѣ съ Дальбергомъ и, отдавшись своей любимой склонности, обогащалъ Гейдельбергскую библіотеку лучшими твореніями печати. Въ 1499-мъ г. онъ возвратился въ Вюртембергъ, сдѣлался тамъ однимъ изъ трехъ судей Швабскаго союза и написалъ въ 1506-мъ г. свои Rudimenta linguae hebraicae, „для пользы и подъема Священнаго Писанія, въ удовольствіе и поученіе нашимъ студентамъ," какъ первый, „дерзнувшій весь еврейскій языкъ изложить въ одной книгѣ." Въ сознаніи, что совершилъ подвигъ этою книгою, онъ заключаетъ ее словами: „Exegi monumentum aere perennius," *) и писалъ Амербаху: „Пока я живъ, до тѣхъ поръ съ Божьей помощью буду заниматься еврейскимъ языкомъ. Когда же умру, то положилъ по крайней мѣрѣ начало, которое не будетъ безслѣдно." Его занятія еврейскимъ языкомъ, которыми дорожилъ онъ не только какъ ключемъ для лучшаго пониманія библіи, но занимался въ то же время и въ интересѣ мнимыхъ тайнъ каббалистики, увлекаясь смутнымъ порывомъ въ сокровенныя глубины, такъ что изъ одного стиха второй книги Моусея онъ вывелъ 72 неизрекомыхъ именъ Божьихъ, изъ одного еврейскаго слова, въ 1 кн. Моус. I, 1, означающаго творчество Божіе, выяснилъ св. Троицу и т. п.,—эти занятія должны были привести его въ многократное столкновеніе съ опирающейся на недостаточномъ знаніи языка вульгатою. Онъ порицалъ и исправлялъ его въ своемъ твореніи о еврейскомъ языкѣ,— а именно, тотъ переводъ вульгаты, который въ Западной церкви замѣнялъ собою оригиналъ и на ошибкахъ котораго основывались церковные уставы и обычаи! Казалось поэтому, что заодно съ вульгатою онъ задѣлъ и самую церковь, а такъ какъ сверхъ того онъ черпалъ свои поправки изъ ученій и сочиненій Іудеевъ, то христіанство его сдѣлалось уже до того подозрительнымъ, что достаточно было одного внѣшняго повода для преслѣдованья его. Этотъ поводъ скоро представился. Одинъ изъ новообращенныхъ Евреевъ, Іоаннъ Пфефферкорнъ, поджигалъ въ своихъ сочиненіяхъ начальство и подданныхъ къ преслѣдованію жидовъ и вызывалъ императора сжечь всѣ еврейскія книги, за исключеніемъ Ветхаго Завѣта. Рейхлинъ, побуждаемый курфюрстомъ Майнцскимъ высказать свое мнѣніе объ этомъ, заявилъ, что конфисковать и жечь слѣдуетъ только тѣ изъ сочиненій Іудеевъ, которыя направлены прямо противъ христіанства. Тогда Пфефферкорнъ съ доминиканцами, особенно съ кельнскими, во главѣ которыхъ стоялъ Гохштратенъ, выпустилъ на Рейхлина свои заносчивые памфлеты. На пасхальной ярмаркѣ въ 1511-мъ г. онъ самъ разно-

*) Я памятникъ воздвигъ несокрушимо вѣчный.

силъ по Франкфурту свою книгу противъ Рейхлина, подъ заглавіемъ „Ручное Зеркало,“ продавалъ и даже раздавалъ ее даромъ. Въ ней Рейхлинъ обвиняется въ томъ, будто онъ подкупленъ Евреями, и осуждается за то, будто не самъ сочинилъ свою еврейскую грамматику. Рейхлинъ отвѣчалъ къ осенней ярмаркѣ „дабы излѣчить и исцѣлить себя самого какъ уязвленнаго,“ въ своемъ „Глазномъ Зеркалѣ,“ въ которомъ съ твердостью отвергъ обвиненія. Но его Зеркало было запрещено Майнцскимъ архіепископомъ, противъ него стали проповѣдывать на папертяхъ, а кёльнскіе богословы заявили, что въ немъ поощряется іудейское невѣріе и Евреямъ дается поводъ снова издѣваться надъ христіанами. Наконецъ споръ былъ рѣшенъ папою въ пользу Рейхлина, а Францъ Зикингенъ положилъ ему конецъ тѣмъ, что потребовалъ отъ Гохштратена и его орденскихъ собратій объясненія въ мѣсячный срокъ, не угодно ли имъ будетъ воздержаться впредь отъ всякихъ странныхъ выходокъ противъ Рейхлина, „этого разсудительнаго, опытнаго, благочестиваго, искуснаго мужа“ и вознаградить его за тяжебныя издержки, а иначе онъ приведетъ въ исполненіе уже состоявшійся въ пользу Рейхлина шпейерскій приговоръ. Монахи уплатили все, и Рейхлинъ опять началъ читать въ Ингольштадтѣ о еврейской грамматикѣ и о Плутусѣ Аристофана, а впослѣдствіи въ Тюбингенѣ о еврейской и греческой грамматикѣ. Рейхлинъ отличался прекрасною, статною, „сенаторскою“ наружностью, внушительною, важною осанкою, но былъ слишкомъ мягокъ для суровой эпохи; онъ былъ главою гуманистовъ, помогавшимъ заодно съ церковною реформаціею пролагать пути реформѣ въ школѣ; онъ изъ всѣхъ — какъ самъ выразился въ заключеніи книги de arte cabalistica — первый вновь ввелъ греческій языкъ въ Германіи, онъ же первый даровалъ и передалъ церкви искусство и знаніе еврейскаго. Мало того, этотъ мужъ не презиралъ удовольствіями жизни, а напротивъ, несмотря на свою обычную умѣренность, готовъ былъ съ друзьями до глубокой ночи бесѣдовать за виномъ, на старости лѣтъ даже часто брался за цитру, чтобы разсѣять печаль и заботы, но болѣе всего отличался любовью къ истинѣ и искренностью и безъ фразъ могъ сказать про себя: Святаго Іеронима я чту какъ ангела, а Николая Лира уважаю какъ учителя, но предъ истиной благоговѣю какъ передъ Богомъ. „Слава Богу! — воскликнулъ онъ при появленіи Лютера—нашелся наконецъ человѣкъ, который надѣлаетъ имъ много хлопотъ, такъ что авось они оставятъ меня на старости лѣтъ въ покоѣ.“ А Лютеръ писалъ ему: „Ты былъ орудіемъ Божьяго Промысла. Я одинъ изъ желавшихъ помочь Тебѣ, но не представлялось случая. Однако что не удалось мнѣ какъ твоему соратнику, то въ избыткѣ досталось мнѣ какъ твоему преемнику. На меня

нападаютъ зубы того бегемота, чтобы отмстить по возможности позоръ, тобою имъ нанесенный. Выступаю противъ нихъ съ меньшими силами ума и учености нежели ты, но съ неменѣе бодрымъ духомъ.“

Не въ столь глубоко религіозномъ духѣ и не въ такой вдумчивой мистикѣ какъ Рейхлинъ, но подкапывая сарказмомъ и софистикой католицизмъ и творчески въ теоріи педагогики, выступилъ *Дезидерій Эразмъ* (имя переведенное съ голландскаго Геэртъ, т. е. Гергардъ). Онъ родился 28-го октября 1467-го. г. въ Роттердамѣ, а умеръ 12-го іюля 1536-го въ Базелѣ. Девяти лѣтъ отъ роду онъ поступилъ къ Александру Гегіусу въ Девентерѣ, гдѣ учитель его Іоаннъ Синтгеймъ былъ имъ такъ доволенъ, что разъ, обнявъ его, сказалъ: „Эразмъ, ты со временемъ достигнешь высшей степени учености“. А Рудольфъ Агрикола, осмотрѣвъ почеркъ, форму головы и ясные глаза двѣнадцатилѣтняго отрока, многозначительно произнесъ: „Tu eris magnus“ *). Духовно рано развившійся отрокъ и юноша пріобрѣлъ потомъ въ нидерландскихъ монастыряхъ изумительную начитанность въ древнихъ, полное обладаніе латинскимъ стилемъ и самостоятельность сужденія. Освободившись съ 1491-го г. отъ монастырства, онъ отправился въ Парижскій университетъ и жилъ потомъ попеременно во Франціи, Англіи, Нидерландахъ, Италіи и западной Германіи, поддерживаемый знатными покровителями, дѣйствуя, то здѣсь, то тамъ въ качествѣ частнаго учителя, но избѣгая всякой постоянной должности, особенно въ школахъ. Когда скрывъ свое имя, онъ посѣтилъ великаго канцлера Томаса Мура, то послѣдній былъ такъ восхищенъ его бесѣдою, что воскликнулъ: „Вы Эразмъ или самъ демонъ“. Своею Хвалою глупости (moriae encomium) и своимъ enchiridion militis christiani онъ проникъ глубоко въ духъ своей эпохи, а потому оба сочиненія оказали чрезвычайное вліяніе. „Морія, дочь Плутуса, рожденная на счастливыхъ островахъ, взлелѣянная хмѣлемъ и распутствомъ, царитъ въ могущественной державѣ, обнимающей всѣ сословія. Она разсматриваетъ ихъ всѣ въ совокупности, но болѣе всего занимается духовенствомъ, не признающимъ ея благодѣяній, но тѣмъ паче одолженнымъ ей благодарностью. Она осмѣиваетъ лабиринтъ діалектики, въ которомъ запутались теологи, схоластическіе силлогизмы, которыми они мнятъ поддержать свое ученіе, словно Атласъ небо, рвеніе, съ какимъ они преслѣдуютъ и осуждаютъ всякое несогласное съ ними мнѣніе. Потомъ изображаются монахи въ ихъ житьѣ-бытьѣ, епископы, гоняющіеся болѣе за деньгами, нежели за душами, римскій дворъ и папа, который присвоиваетъ себѣ одни лишь удовольствія,

*) «Ты будешь великъ».

предоставляя, напротивъ того, апостоламъ Петру и Павлу заботу о своей должности". Еще сильнѣе нежели своею „Хвалою глупости" Эразмъ повліялъ въ 1516-мъ г. первымъ изданіемъ греческаго Новаго Завѣта съ латинскимъ переводомъ („novum instrumentum"). Въ педагогической не дидактической области вращались расходившіяся съ 1500-го г. въ безчисленныхъ изданіяхъ Adagia (пословицы), сочиненія de duplici copia и de ratione studii (1512), переводъ греческой грамматики Өеодора Газы и institutio principis christiani (1516). Но изъ всѣхъ книгъ его ни одна не пользовалась такимъ успѣхомъ и ни одна не читалась такъ много молодежью какъ изданныя въ первый разъ въ 1518-мъ г. colloquia puerilia. долженствовавшія сдѣлать мальчиковъ чиннѣе и лучше и чрезвычайно свободно бесѣдующія полатыни о конномъ торгѣ, охотѣ, трактирахъ и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ исполненныя сатиръ на монаховъ, монастырскій бытъ, посты и богомолья и сверхъ того предлагающія соблазнительныя и нескромныя бесѣды двухъ женъ объ ихъ мужьяхъ, жениха съ дѣвицей, закоторую онъ сватается, colloquium adolescentis et scorti и т. п. осужденныя Сорбо, нною,не дозволенныя во Франціи, сожженныя въ Испаніи а въ Римѣ запрещенныя всему христіанству. Въ 1520-мъ г. написалъ онъ правилао письменномъ преподаваніи de conscribendis epistolis, въ 1526-мъ г. Christi animatrimonii institutio, гдѣ въ послѣдней главѣ разсматривается семейное воспитаніе. Въ 1528-мъг. написалъонъ своего Ciceronianus sive de optimo dicendi genere, гдѣ онъ возстаетъ противъ нелѣпаго подражанія исключительно одному Цицерону, и de pronuntiatione; въ 1529-мъ г. de pueris statimac liberaliter iustituendis, а въ 1530-мъ г. de civilitate morum puerilium. Еще до этой поры Эразмъ вступилъ въ борьбу съ Лютеромъ, считавшимъ его сначала, какъ издателя Новаго Завѣта и гонителя монаховъ и ихъ злоупотребленій, своимъ споборникомъ, такъ какъ Эразмъ былъ заодно съ реформаторами только до тѣхъ поръ пока считалъ борьбу за ученый споръ, имѣющій цѣлью торжество гуманизма противъ схоластики. Когда же, потомъ увидѣлъ, что борьба Лютера направлена противъ церкви, то онъ отвратился отъ него, хотя и защищалъ еще Лютера въ одномъ изъ писемъ къ Спалатину и писалъ Цвингли, что онъ конечно училъ почти тому же, чему учитъ Лютеръ, но не такъ горячо и не такимъ загадочнымъ, впадающимъ въ крайности языкомъ; впрочемъ онъ заявилъ также папѣ, что у него нѣтъ ничего общаго съ реформаторами и сочинилъ въ 1524мъ г. свою книгу de libero arbitrio, защищая въ ней свободную волю въ томъ отношеніи, что хотя способность свободнаго рѣшенія есть дѣло Божіе, но само хотѣніе и дѣйствіе зависятъ отъ личной свободной воли человѣка, которой лишь внѣшними средствами способ-

шествуетъ Богъ,—сочиненіе, возбудившее въ Лютерѣ „съ первыхъ уже страницъ невѣроятное омерзеніе". Эразмъ и Лютеръ были двѣ совершенно различныя натуры. Дѣйствія Лютера имѣли своимъ источникомъ сокровеннѣйшія побужденія его совѣсти; Эразмъ же былъ одушевленъ стремленіемъ къ улучшенію знаній, къ очищенію вкуса. Лютеръ смѣло и беззавѣтно вступилъ въ бой за вѣру и народъ; Эразмъ руководился условіями благоразумія и хотѣлъ способствовать образованію въ высшихъ кругахъ общества. Дѣйствія Лютера коренятся въ его чувствѣ, а слова Эразма вытекаютъ изъ его тонкаго ума, постигавшаго болѣе стороны христіанства, общія ему съ мудростью древнихъ, но менѣе проникавшаго въ средоточіе его. Оттого Лютеръ и отвергъ Эразма; но оттого же монахи и рѣшили про себя, что „Эразмъ снесъ яйцо, а Лютеръ высидѣлъ его". Оттого также не могъ онъ поддержать дружбу съ Гуттеномъ, мужемъ страстной энергіи. Гуттенъ упрекалъ его за то, что онъ измѣнилъ дѣлу Лютера. Эразмъ возразилъ, что онъ никогда не переставалъ быть честнымъ сподвижникомъ дѣла евангелія; но онъ не человѣкъ партіи. Такъ оно и было. По его духовной организаціи поприщемъ его было поле — не дѣйствія, а мышленія,—поле, на которомъ крайности примиряются; и на этомъ полѣ онъ съ глубокимъ пониманіемъ дѣйствительности способствовалъ улучшенію церковнаго, особенно учебнаго строя — нося въ себѣ въ хаотическомъ сліяніи зародыши почти всего новаго, чему предстояло возникнуть въ педагогикѣ.

Браку онъ приписываетъ особенную важность ради воспитанія дѣтей. Апостолъ Павелъ обѣщаетъ женамъ блаженство отъ рожденія дѣтей, если они пребудутъ въ вѣрѣ, любви, святости и цѣломудріи. Мать, не соблюдающая этого у дѣтей своихъ, лишь въ половину мать. Уже въ зачатіи и беременности предстоятъ обязанности къ дѣтямъ. Если мать не кормитъ дѣтей своею грудью, то они какъ бы подкинуты. Родиться здоровымъ стоитъ уже чего-нибудь; но воспитаніе по вліянію превосходитъ все, такъ-какъ оно можетъ сильную впрочемъ природу измѣнить въ противоположную сторону. Отрока можно уподобить пашнѣ, а ученіе сѣмени. До семилѣтняго возраста нечего болѣе дѣлать, какъ воздѣлывать пашню и подготовлять его для воспріятія сѣмени. Прежде всего пекитесь о тѣлесномъ развитіи, кормите дѣтей молочною пищею, удаляйте отъ нихъ пряности и крѣпкіе напитки, одѣвайте ихъ не слишкомъ легко и не слишкомъ тепло. Родители большею частью грѣшатъ именно въ томъ, что одѣваютъ нѣжныхъ дѣтей какъ взрослыхъ, чѣмъ и наносятъ вредъ тѣлу, задерживаютъ ростъ, даромъ тратятъ деньги и съ раннихъ поръ возбуждаютъ глупую суетность. Родители, находящіе въ этомъ удовольствіе, прояв-

ляли бы ужъ лучше свою глупость на куклахъ или обезьянахъ. Комнату для дѣтей слѣдуетъ также избирать осмотрительно. Надлежитъ избѣгать смрадныхъ, сырыхъ и черезчуръ жаркихъ покоевъ, а также шума и сквозного вѣтра; купанье и натиранье мазью полезны, слѣдуетъ также обращать вниманіе на сообщество веселыхъ и добрыхъ дѣтей.— Но возникаетъ вопросъ, когда приступить къ ученію. Древніе большею частью совѣтуютъ начинатъ его не прежде семилѣтняго, Аристотель съ пятилѣтняго, а другіе вскорѣ послѣ трехлѣтняго возраста. Всѣ они правы: ибо коль скоро дитя въ состояніи учиться, его слѣдуетъ играя поучать чему-либо; но болѣе строгое занятіе начинается лишь съ семилѣтняго возраста. Играючи и очень рано дѣти должны учиться писать и выговаривать латинскія и греческія буквы; точно то же и въ отношеніи нравовъ: преклонять колѣна при имени Іисуса, складывать руки, цѣловать распятіе — все это уже начатки религіи. Впрочемъ въ этомъ возрастѣ требуется, конечно, уваженіе, но слѣдуетъ избѣгать сухой строгости. Вмѣсто угрозъ, побоевъ и криковъ примѣняйте ласку, похвалу, награду и обѣщаніе. Отъ безумной жестокости дѣти даже и хорошихъ наклонностей тупѣютъ. Если же придется когда нибудь прибѣгнуть къ розгѣ, то пусть затѣмъ послѣдуетъ что нибудь, чѣмъ могла бы утѣшиться дѣтская душа.—Когда исполнилось ребенку семь лѣтъ, то воспитатель долженъ помнить, что передъ нимъ нѣжная, гибкая на всѣ стороны трость, мягкій воскъ, сырая глина: будь онъ тутъ постоянно дѣльнымъ художникомъ! Часто повторяютъ, но рѣдко чувствуютъ то, что сказалъ Горацій: Quo semel est imbuta recens servabit odorem Testa diu *). Дитя надлежитъ воспитатъ въ интеллектуальную и религіозно-нравственную сторону, особенно же печься о благочестіи. Платонъ и Аристотель предпочитаютъ общественное воспитаніе частному; но первое исполняется теперь лишь школьными учителями, въ которые, вмѣсто того, чтобы приложить высшее попеченіе о выборѣ ихъ, назначаютъ большею частью пошляковъ и негодяевъ, иногда просто ничего не смыслящихъ. Имъ назначаютъ скудный окладъ и неопрятное помѣщеніе, словно какъ бы дѣло шло о воспитаніи свиней, а не свободныхъ сыновей гражданъ. А отъ этого вѣдь зависитъ будущность всего государства. Но еще хуже, если мальчики скаредно воспитываются въ вертепахъ отъявленныхъ невѣждъ: вѣдь чуть ли не все зло на свѣтѣ явилось подъ предлогомъ религіи! — Выборъ учителя одна изъ самыхъ важныхъ заботъ родителей о своихъ дѣтяхъ.

---

*) Новый сосудъ долго сохраняетъ запахъ однажды пропитавшей его жидкости.

Они большею частью предоставляютъ сына первому попавшемуся имъ учителю, и иныя матери ухаживаютъ за своею болонкой усерднѣе, нежели за своимъ сыномъ, а конюху или сокольничему платятъ дороже нежели учителю для дѣтей. Все несчастіе князей и знати состоитъ большею частью въ томъ, что они предоставляются недостойнымъ и недобросовѣстнымъ учителямъ. При этомъ надо обращать вниманіе не на одну только ученость, но особенно на добрую нравственность. Тутъ все должно зависѣть отъ безпристрастнаго и строгаго сужденія, а не отъ лестнаго знакомства или настоятельной рекомендаціи друзей. Однако, избравъ хорошаго воспитателя, все-таки не отлагайте всякихъ попеченій, а напротивъ, имѣйте и за нимъ ревностный надзоръ. Для первоначальнаго обученія требуется немало искусства. Для образованія юношества необходимо чрезвычайное дарованіе. Ибо чуть ли не вся жизнь людей зависитъ отъ учителей, священниковъ и князей. Не всякій также, кто ученъ и честенъ способенъ для воспитанія юношества. Инымъ не достаетъ кротости, другимъ терпѣнія; но дѣйствительно способнаго на это нельзя достаточно вознаградить. Пока мальчики малы, ихъ слѣдуетъ держать дома съ воспитателемъ. Правда, уединеніе вредно; однако въ большихъ заведеніяхъ монастырей и пр., гдѣ часто въ одномъ домѣ содержится по 200 юношей, опасность заразиться отъ дурныхъ личностей слишкомъ велика, заботы учителей слишкомъ раздѣлены, свободный выборъ ихъ невозможенъ. Въ коллегіяхъ и бурсахъ же общее зло состоитъ въ недостаточномъ преподаваніи грамматики, ибо тамъ прежде всего спѣшатъ перейти къ наукамъ, по которымъ выдаются академическія степени, потомъ изъ корысти назначаютъ обыкновенно въ учителя какого нибудь свѣжеиспеченнаго магистра едва достигшаго шестнадцати лѣтъ отъ роду. Никто однако не можетъ учить грамматикѣ какъ слѣдуетъ, не изучивъ разнаго рода писателей и не усовершенствовавъ своего собственнаго слога. А потому лучше всего, пускай пять или шесть мальчиковъ учатся вмѣстѣ у одного учителя, или назначьте по крайней мѣрѣ находящемуся въ коллегіи мальчику еще особаго частнаго преподавателя. Богачи же должны принимать къ себѣ даровитыхъ бѣдныхъ мальчиковъ и воспитывать ихъ вмѣстѣ съ своими сыновьями; это самая похвальная изъ всѣхъ родовъ милостыни.—Въ преподаваніи знакомство съ словами должно предшествовать языковѣдѣнью, ибо никогда не останется безнаказаннымъ тотъ промахъ, если станутъ пренебрегать знаніемъ словъ или языка, думая тѣмъ скорѣе перейти къ предметамъ: такъ какъ предметы изучаются лишь чрезъ посредство языка, то отъ недостаточнаго знанія послѣдняго необходимо и въ нихъ также происходятъ большія ошибки.

Первымъ предметомъ ученія должна быть грамматика, какъ греческая, такъ и латинская, потомучто на обоихъ этихъ языкахъ изложено почти все достойное изученія, и оба они должны быть соединены другъ съ другомъ, такъ-какъ по близкому сродству своему они существенно облегчаютъ другъ друга. Слѣдуетъ ограничиться по возможности немногими грамматическими правилами и притомъ самыми вѣрными; напрасно обыкновенные учителя томятъ ими учениковъ по нѣскольку лѣтъ къ ряду, тогда какъ истинное знаніе языка пріобрѣтается лучше всего хорошимъ выборомъ разговоровъ и ревностнымъ чтеніемъ хорошихъ книгъ. Изъ послѣднихъ необходимо избрать прежде всего такія, которыя при чистомъ языкѣ отличались бы въ то же время увлекательнымъ содержаніемъ. Когда въ языкѣ положено достаточное основаніе, то слѣдуетъ обратиться къ изученію предметовъ, почерпаемому лучше всего изъ греческихъ писателей какъ изъ настоящихъ источниковъ науки. При этомъ болѣе всего надобно обращать вниманіе на развитіе памяти, отъ чего всякое ученіе и получаетъ настоящій свой вѣсъ. Важнѣйшія опоры памяти слѣдующія: вѣрное пониманіе предметовъ, надлежащій порядокъ въ мышленіи, тщательное изслѣдованіе и разграниченье. Памяти оказывается немалое подспорье, если то, что необходимо, но трудно удержать, какъ напр. мѣста въ географіи, метрическія стопы, склоненія и спряженія, генеалогіи и тому подобное, по возможности коротко и ясно начертано на таблицахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ спальни, такъ чтобы онѣ постоянно даже при другихъ занятіяхъ находились передъ глазами. Краткія и знаменательныя изреченія въ родѣ апоѳегмъ, пословицъ, сентенцій записывайте въ книги въ началѣ или концѣ; нѣкоторыя изъ нихъ пусть будутъ вырѣзаны на кольцахъ или кубкахъ, а иныя начертаны надъ дверьми или на стѣнахъ или также на окнахъ, такъ чтобы вездѣ глазамъ вредставлялось что-нибудь, поддерживающее образованіе. Ибо хотя эти предметы, каждый самъ по себѣ, кажутся мелочными, но всѣ въ совокупности они значительно обогащаютъ сокровищницу знанія.—

Однако память не слѣдуетъ обременять одною лишь грамматикою; необходимы еще реальныя знанія, и учитель долженъ быть свѣдущъ также въ исторіи, географіи, естественныхъ наукахъ и пр., потому что эти знанія составляютъ необходимыя орудія для толкованія классиковъ. Если грамматикъ и не обладаетъ точными знаніями этихъ предметовъ, то онъ все-таки долженъ быть хоть сколько-нибудь знакомъ съ ними, а иначе онъ окажется неспособнымъ обучать юношество. Хотя грамматику и приходится объ-

яснять Arma virumque*), но мы все-таки не станемъ требовать, чтобы онъ былъ Пирромъ или Аннибаломъ, или чтобы онъ былъ опытнымъ земледѣльцемъ для того чтобы толковать Георгики Виргилія. Если онъ объясняетъ плаванье Энея, то мы не потребуемъ также, чтобы онъ былъ искуснымъ морякомъ, или какимъ нибудь Апиціемъ, если разбираетъ главу о поварскомъ искусствѣ. Но что̀ будетъ преподавать грамматикъ, вовсе не знающій ни вида, ни употребленія метательныхъ орудій и машинъ, ни вооруженія войска? Для него было бы весьма полезно, если бъ онъ самъ на опытѣ узналъ эти предметы; въ противномъ же случаѣ пускай его ознакомится съ ними по мѣрѣ надобности изъ книгъ или по разсказамъ очевидцевъ, а не то по изображеніямъ. То же самое относится и къ другимъ знаніямъ. Однако учитель, читая авторовъ долженъ замѣчать и пояснять лишь на столько, на сколько это необходимо для пониманія самого автора, — но не щеголять безмѣрно при каждомъ случаѣ своею ученостью. — При изученіи языковъ греческая грамматика должна немного лишь опережать латинскую. Касательно письменныхъ упражненій особенно полезными оказываются переводы съ греческаго на латинское, чѣмъ въ одно и то же время способствуютъ вникновенію въ смыслъ греческихъ авторовъ и въ особенности обоихъ языковъ. Но грамматика не имѣетъ цѣлью научить писать точь въ точь какъ Цицеронъ. Послѣдователи Цицерона съ нестерпимою наглостью отвергаютъ всякія сочиненія, не отличающіяся Цицероновскими чертами, удерживаютъ молодежь отъ чтенія другихъ авторовъ и заставляютъ ихъ слѣпо подражать одному только Туллію. Удивительно съ какою наглостью подобные люди поносятъ варварство Ѳомы, Скотта Дуранда и др.: а все-таки, если хорошенько вникнуть, то послѣдніе, хотя и не слывутъ ни краснорѣчивыми, ни подражателями Цицерона, оказываются таковыми болѣе тѣхъ, которые хотятъ прослыть не только цицероніаными, но даже настоящими Цицеронами. Не говоря уже о томъ, что многія изъ сочиненій Цицерона до насъ вовсе не дошли, даже изъ дошедшихъ нѣкоторыя по винѣ переписчиковъ отчасти полны ошибокъ, а отчасти и ненастоящія: какая опасность для подражателей! Какъ вѣдь часто вводили ихъ въ обманъ псевдоцицероновскими произведеніями, которымъ они крайне удивлялись какъ подлиннымъ. Подражанія ихъ вообще поверхностнаго свойства. Они подмѣчаютъ у Цицерона словечки, обороты рѣчи, заключительныя предложенія и пр. и примѣняютъ ихъ вездѣ, гдѣ только могутъ. Такъ какъ Цицеронъ часто начинаетъ свои періоды слова-

*) «Оружіе и мужей» — такъ начинается Виргиліева Энеида.

ми etsi, quamqiam, quum*), и т. п., то они мнятъ уже быть Цицеронами, приступая точно также къ своимъ періодамъ. Такъ какъ Цицеронъ въ письмахъ своихъ не подписывалъ никакого года, то они также считаютъ необходимымъ пропускать въ своихъ письмахъ годъ христіанскаго лѣтосчисленія; точно также и титулы, оттого что у Цицерона ихъ нѣтъ. Цицеронъ при жизни отрекся бы отъ такихъ тупоумныхъ подражателей. У каждой эпохи свой особенный характеръ и каждая изъ нихъ отличается по этому особеннымъ краснорѣчіемъ. Рѣчи Цицерона, въ настоящемъ своемъ видѣ, не отвѣчали бы болѣе строгой эпохѣ Эннія и Катона Цензорина, не говоря уже объ нашей. Вѣдь со временъ Цицерона все измѣнилось: религія, государство, правительство, нравы, законы. Итакъ, кто въ настоящее время хочетъ говорить какъ слѣдуетъ, сообразно обстоятельствамъ, — а вѣдь это самое главное, что требуется отъ оратора,—тотъ долженъ во многомъ отличаться отъ Цицерона. Поможетъ ли Цицероново краснорѣчіе христіанскому учителю, которому христіанскимъ мужьямъ и женамъ приходится говорить о покаяніи, о пользѣ молитвы, милостыни и т. п., тогда какъ все это вовсе не было извѣстно Цицерону. Истинное сходство оратора съ Цицерономъ основано на томъ, чтобы первый по возможности въ совершенствѣ излагалъ каждый предметъ, а потомъ, чтобы рѣчь вытекала изъ души оратора. Такъ христіанскіе ораторы обязаны постигать тайны христіанской религіи и изучать Священное Писаніе такъ же старательно, какъ Цицеронъ изучалъ творенія философовъ, поэтовъ, юристовъ и историковъ. Живи Цицеронъ въ наше время христіаниномъ, онъ навѣрное не пренебрегъ бы церковнымъ языкомъ, онъ говорилъ бы fides in Christum, paracletus и т. п. Развѣ Соломонъ уступаетъ Платону, а псалмопѣвецъ Пиндару? Наше языческое настроеніе наводитъ умъ и слухъ на такое ложное заключенье. Мы лишь по имени христіане: мы устами признаемъ Іисуса, но въ сердцѣ нашемъ Jupiter optimus maximus и Ромулъ! Истинное подражаніе состоитъ въ живомъ духовномъ претвореніи классическихъ писателей. Ты долженъ переварить все разнообразіе, воспринятое тобою при чтеніи, и размышленіемъ перенести его скорѣе въ фибры души, нежели въ память или списокъ, такъ чтобы духъ, напитанный всякаго рода духовною пищею, изъ самого себя воспроизводилъ рѣчь, которая отзывалась бы, не тѣми или другими цвѣтами, листвою и травами, но лишь свойствомъ и наклонностью твоего духа, дабы читатель узналъ въ твоемъ сочиненіи не какіе нибудь нахватанные обрывки Цицерона, а отпеча-

*) Хотя, такъ какъ, поелику и т. п.

токъ духа, исполненнаго всякимъ знаніемъ. Пчелы собираютъ медъ не съ одного куста, напротивъ, онѣ съ изумительнымъ трудолюбіемъ перелетаютъ по цвѣтамъ и травамъ всякаго рода, и добываютъ онѣ не готовый медъ, но выработавъ во рту и желудкѣ, производятъ его изъ себя, такъ что въ немъ нельзя узнать ни вкуса, ни запаха тѣхъ цвѣтовъ, которыми онѣ питались. — Пускай богатые родители помимо наукъ заставляютъ своихъ дѣтей изучать еще какое нибудь искусство, какъ-то: живопись, ваяніе, архитектуру. Хотя философы не одобряютъ этого, но намъ, почитающимъ Христа, котораго называютъ сыномъ плотника, не слѣдуетъ пренебрегать этимъ. Обучаясь этому, они избѣгаютъ тунеядства; если же счастье измѣнитъ имъ, то у нихъ готовое пропитаніе, а не то во всякомъ случаѣ справедлива пословица, что искусство не бремя.—Важнѣе всего религіозное воспитаніе, а слѣдовательно и религіозное обученье. Первое религіозное наставленіе да научаетъ, что прежде всего слѣдуетъ питать страхъ и любовь къ Богу, вездѣсущему и всевѣдущему Творцу и Зиждителю вселенной; Онъ чрезъ посредство сына своего Іисуса даровалъ вѣчную жизнь всѣмъ вѣрующимъ въ него и соблюдающимъ его заповѣди; и Тотъ и Другой живы въ сердцахъ благочестивыхъ, чрезъ посредство Святаго Духа. Богъ награждаетъ добрыхъ и караетъ злыхъ. Имя Іисуса должно быть впечатлѣно въ сердцахъ дѣтей, такъ чтобы они всею душою полюбили Его. Имъ слѣдуетъ внушить также убѣжденіе, что всегда присущи ангелы, вѣдающіе даже мысли наши. Потомъ слѣдуетъ внушить глубочайшее уваженіе къ Священному Писанію какъ къ неизмѣнному оракулу Божію, а именно показывая примѣръ такого уваженія и пріучая дитя цѣловать Евангеліе. Потомъ отрокъ да научается созерцать великолѣпіе небесъ, изобиліе земли, бьющіе ключи, текущія рѣки, неизмѣримое море, несмѣтные роды животныхъ, и какъ все это создано для пользы людей, дабы человѣкъ въ свою очередь служилъ Творцу. Да научается онъ также познавать благодѣянія, какими Богъ надѣлилъ въ особенности избранныхъ Своихъ чрезъ посредство Своего единороднаго Сына и вседневно надѣляетъ чрезъ посредство Святаго Духа. Наконецъ, какая мзда ожидаетъ благочестивыхъ, какая кара безбожныхъ. Да напоминаютъ ему о завѣтѣ крещенія и союзѣ всѣхъ христіанъ, въ силу котораго Самъ Христосъ блюдется и поносится въ своихъ членахъ. Да поучается онъ, что никто не можетъ быть въ горѣ, пребывая во Христѣ, чтобы ни приключилось съ нимъ. Въ несчастіи надлежитъ благодарить Бога за то, что Онъ наказуетъ насъ для блага нашего, а въ счастіи поклоняться Его бла-

гости. Напоминайте ему о его обязанностяхъ ко всѣмъ людямъ и да познаетъ онъ, что Богъ съ лихвою воздастъ за услуги. Сообщайте ему образцы добродѣтели изъ жизни людей до Христа, а потомъ и другихъ, особенно тѣхъ, святость которыхъ засвидѣтельствована Священнымъ Писаніемъ. Если все это и другое въ томъ же родѣ внушается нѣжной дѣтской душѣ, то она впослѣдствіи дастъ отличный плодъ. Весьма важнымъ надо считать особенно время начиная съ 14-ти лѣтняго возраста. Лучшее средство способствовать доброму нраву въ отрокѣ состоитъ въ собственномъ примѣрѣ, такъ какъ мальчики обладаютъ чрезвычайною наклонностью къ подражанію.

То же самое относится и къ дѣвицамъ. Да подростающая дѣвушка требуетъ, пожалуй еще больше попеченія нежели мальчикъ. Соблазнъ тутъ гораздо дѣятельнѣе, духъ слабѣе, позоръ проступка гораздо сильнѣе. Первою заботою да будетъ исполнить ихъ души святыми чувствами; второю —предохранить ихъ отъ заразы всего позорнаго; а третьею — уберечь отъ праздности. Невинность болѣе всего страдаетъ отъ худого примѣра. По этому слѣдуетъ пуще всего убѣдить родителей, чтобы они въ присутствіи своей хотя бы маленькой дочери не чинили ничего непристойнаго. Многіе считаютъ воспитаніе дѣвочекъ законченнымъ, когда продержали ихъ до свадьбы въ заключеніи и въ-дали отъ взоровъ мужчинъ, а между тѣмъ, проживая среди глупыхъ женщинъ, онѣ подвергаются бóльшей порчѣ, нежели въ обращеніи съ мужчинами. Важно, конечно, сохранить невредимымъ цѣломудріе дѣвицы; но истинно цѣломудренна лишь та, которая знаетъ, что такое цѣломудріе и какъ оно сохраняется. Большинство людей считаетъ глупостью дѣвочекъ развивать научно; но разсудительные знаютъ, что нѣтъ ничего полезнѣе для поддержки благороднаго и цѣломудреннаго чувства. Пускай въ этомъ случаѣ каждый сообразуется съ своимъ сужденіемъ и съ своими обстоятельствами.—

Главнѣйшее воспитаніе, основа всякаго воспитанія какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ должно быть заложено въ семьѣ. Суть всего состоитъ въ томъ, чтобы родители знали, чему они должны учить, и чтобы дѣти повиновались. Однако родительское воспитаніе не должно быть черезъ чуръ строго. Фригіецъ, говорятъ, исправляется побоями. Но свободно рожденный, не вѣдающій ни страха Божія, ни уваженія къ родителямъ, ни стыда, ни совѣсти, не исправится и отъ побоевъ. Отцы во всякомъ случаѣ должны остерегаться бить и бранить въ пылу страсти. Такъ какъ женщина раздражается сильнѣе, то ей слѣдуетъ вовсе воздержаться отъ побоевъ. Апостолъ умѣ-

ряетъ отцовскую власть въ посланіи къ Колоссянамъ словами: Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, дабы они не унывали. Бываютъ дѣйствительно отцы, нескончаемыми попреками и бранью доводящіе сына до того, что онъ убѣгаетъ, и либо поступаетъ на военную службу, либо идетъ въ монастырь, либо ввергается въ какую нибудь иную пропасть. Господство отца должно руководиться убѣжденіемъ. Молодые люди погрѣшаютъ большею частью по незнанію или опрометчивости. Противъ перваго служитъ παιδεια *), противъ послѣдней νουθεσια **), который противорѣчитъ αθυμια ***). Бываетъ впрочемъ извращенная кротость, какая представляется въ примѣрѣ Иліи и сыновей его. Бруту, велѣвшему казнить своихъ сыновей, весьма многіе удивляются, но немногіе лишь хвалятъ его. Проступки слѣдуетъ предупреждать главнѣйше добрыми наставленіями. Родители въ особенности должны остеречься при выборѣ званія понуждать дѣтей къ такому, къ какому они не склонны,— особенно къ монашеской жизни. То же самое относится къ разнаго рода ученіямъ и къ другимъ безчисленнымъ учрежденіямъ жизни. Ибо обыкновенно лучше всего удается намъ то, къ чему мы склонны отъ природы.

Дезидерій Эразмъ сливалъ въ своемъ духѣ, классическую древность и христіанство въ одно цѣлое,—отнюдь не безучастный къ самому величавому явленію всемірной исторіи, какъ были равнодушны къ нему италійскіе гуманисты, хотя и одушевленный античнымъ чувствомъ для веселыхъ наслажденій жизни. Назвавъ его и Рейхлина двумя очами Германіи, Гуттенъ произнесъ тѣмъ всеобщій приговоръ, потомучто оба они были представителями истаго германскаго духа, не забывающаго за прекрасною формою и за духомъ науки коренящихся въ сердечномъ чувствѣ основъ христіанства. Однако Эразмъ былъ человѣкомъ слишкомъ остраго и преобладающаго разсудка и слишкомъ чутко настроенной нервной системы, такъ что могъ ратовать съ существующею религіею и церковью не иначе какъ лишь орудіями довода, не приставая къ реформаторской борьбѣ и волненію толпы, нарушавшему его ученый досугъ. Для него и въ отношеніи къ нему лично не казалось противоестественнымъ, что изъ робкаго друга реформаціи онъ сдѣлался наконецъ рѣшительнымъ противникомъ ея, и потому съ широкой реформаціонной точки зрѣнія онъ долженъ былъ казаться героемъ, украшеннымъ робостью и подобострастіемъ, способнымъ избѣгать встрѣчи съ Гуттеномъ, оттого что вѣсть объ ней дошла бы, пожалуй, до папы въ Римѣ, до

*) Воспитаніе.
**) Вразумленіе.
***) Необдуманность.

императора въ Испанію, въ Брабантъ, гдѣ у него были ревностные обвинители, и въ Англію, гдѣ было не мало людей, у которыхъ онъ волей-неволей прослылъ за лютеранина.

Совершенно иного свойства былъ доблестнѣйшій изъ гуманистовъ той эпохи, родившійся въ 1488-мъ г. въ Штаккельбергѣ на Рейнѣ, *Ульрихъ фонъ Гуттенъ* — герой, исполненный геніальности и знанія, исполненный также широкаго пониманія золъ и потребностей своего времени,— съ лирой и съ мечемъ въ рукѣ, Гердеромъ прозванный германскимъ Демосѳеномъ. Тревожный духомъ, онъ всю жизнь свою пространствовалъ по свѣту, содѣйствуя всюду, куда бы ни являлся, словомъ и печатью, совѣтомъ и дѣломъ государственной и церковной реформѣ своего отечества. Онъ былъ патріотъ, а потому и ратовалъ съ пылкимъ рвеніемъ противъ системы захвата и обмана, примѣняемой папами къ Германіи. Позоромъ считалъ онъ, что „тогда какъ предки наши признавали недостойнымъ повиноваться Римлянамъ, бывшимъ въ то время самымъ воинственнымъ и могучимъ народомъ, покорившимъ весь свѣтъ, мы теперь не только терпимъ этихъ изнѣженныхъ рабовъ похоти и обжорства, эту гнилую, бабью, бездушную и безмозглую сволочь, но для того чтобы доставить имъ средства къ роскошной жизни, даже сами постыдно терпимъ нужду, платимъ имъ дань, какъ бы побѣжденные ими на войнѣ, и расточаемъ на нихъ наши вотчины.“ Римъ вообще былъ предметомъ его глубочайшей ненависти. „Три вещи поддерживаютъ значеніе Рима: уваженіе къ папѣ, мощи святыхъ и продажа индульгенціи. Тремъ вещамъ въ Римѣ нѣтъ числа: непотребнымъ женщинамъ, попамъ и писарямъ. За то три вещи изгнаны изъ Рима: простота, умѣренность и благочестіе. Три вещи требуются всѣми въ Римѣ: короткія обѣдни, старое золото и распутство. О трехъ же вещахъ, напротивъ того, тамъ не любятъ упоминать: о всеобщемъ соборѣ, о реформаціи духовнаго званія и о томъ, что Нѣмцы начинаютъ умнѣть. Римляне торгуютъ тремя вещами: Христомъ, духовными лэнами и женщинами. Тремя вещами не могутъ насытиться въ Римѣ: деньгами за епископскую мантію, папскою мѣсячиною и аннатами. Римъ уничтожаетъ три вещи: добрую совѣсть, благочестіе и присягу. Пилигримы обыкновенно три вещи выносятъ съ собою изъ Рима: нечистую совѣсть, больной желудокъ и пустой кошелекъ. Три вещи до сихъ поръ препятствовали поумнѣть Германіи: тупоуміе государей, упадокъ науки и суевѣріе народа. Въ Римѣ болѣе всего боятся трехъ вещей: какъ бы не соединились между собою державцы, какъ бы народъ не прозрѣлъ и какъ бы не обнаружились ихъ плутни. Тремя лишь вещами можно бы исправить Римъ: ревностью державцевъ, нетерпѣніемъ народа и турецкимъ войскомъ пе-

редъ его воротами“. А каковъ попъ, таковъ и приходъ. „Встарь теологи руководились совѣстью: а нынѣ это все льстецы и угодники, которые, приступая къ своей должности, либо придаютъ много важности пустому вздору, либо въ угоду сильнымъ повергаютъ честныхъ людей въ ненависть, въ опасность, иногда и въ погибель. И что можетъ быть постыднѣе легкомысленнаго, преднамѣреннаго и зловреднаго обращенія, какое не разъ уже оказывалось сочиненіямъ честныхъ мужей людьми, осуждавшими не по недоразумѣнію, а изъ зависти и злобы то, что сами они, если бъ допросить ихъ совѣсть, первые должны бы были подтвердить и одобрить? Они же притомъ кичатся словно герои, когда въ угоду римскому епископу или легатамъ его обращаютъ жало своей злобы противъ тѣхъ, кто стремится, руководясь евангельскою истиной, искоренить суевѣріе изъ душъ вѣрующихъ и очистить истинную религію отъ всякихъ прикрасъ. Наоборотъ, ни одинъ изъ тѣхъ богослововъ до сихъ поръ не имѣлъ духу проповѣдывать народу, или написать сочиненіе, или прямодушно высказаться въ совѣтѣ противъ вредныхъ куртизановъ, гнусныхъ симонистовъ и безбожныхъ продавцевъ индульгенціи.“—Что Гуттенъ долженъ былъ стать другомъ реформаціи, это лежало въ его природѣ. Онъ назвалъ Лютера неодолимымъ проповѣдникомъ Евангелія и своимъ святымъ другомъ. „Не видите развѣ,—взываетъ онъ къ епископамъ и пр. въ Вормсѣ,—что повѣяло воздухомъ свободы, что люди, наскуча настоящимъ, пытаются создать новое положеніе?“ Потомъ: „я буду язвить, спорить, возбуждать и напирать къ свободѣ. Непристающихъ сразу ко мнѣ я попытаюсь одолѣть неустанными увѣщаніями, понудить необходимою настойчивостью. При этомъ я не забочусь о злосчастіи и не страшусь его, напротивъ, иду на все,—или уготовить вамъ гибель на пользу отечества, или честно погибнуть съ доброю совѣстью. И чтобы вы видѣли, какъ самоувѣренно я презираю ваши угрозы, то, пока будете преслѣдовать Лютера или подобныхъ ему, заявляю себя вашимъ заклятымъ врагомъ. Вы можете лишить меня жизни; но вамъ не удастся сократить моихъ заслугъ отечеству, убить это доброе дѣло. Быть можетъ, вы задержите то, что на ходу, помѣшаете тому, что должно совершиться: но что совершено, того не измѣните, ибо невозможно вмѣстѣ съ жизнью уничтожить также и память о жизни. Знайте, что на свѣтѣ еще много Лютеровъ, много Гуттеновъ. И если намъ приключится что-либо, то тѣмъ большая напасть грозитъ вамъ отъ остальныхъ, потому что въ такомъ случаѣ съ поборниками свободы соединятся мстители невинности.

«Истина снова у насъ возродилась,
Власти надъ нами лишился обманъ.
Господа Бога за то мы прославимъ,
И да не внемлемъ мы болѣе лжи.

Истину гнали доселѣ отвсюду,
Нынѣ опять водворилась она.
Мзду воздадимъ по заслугамъ тому,
Кто подвизался на поприщѣ трудномъ.

Братья Германцы! дружнѣе сомкнитесь,
Дѣло мы двинули наше впередъ,
Вы же не дайте пойти ему ракомъ.
Я потрудился за дѣло съ друзьями,

Платы за то не хочу никакой;
Если жь со мной приключится бѣда,
То не оставьте меня безъ помоги;
Честное слово даю вамъ, что я,

Истины, правды вовѣкъ не покину,
И никогда не понудятъ меня,
Не испугаюсь я силы могучей,
Ни отлученья, ни ссылки опальной,

Какъ бы меня ни пугали изгнаньемъ,
Какъ бы ни плакала мать моя добрая.
Самъ я затѣялъ опасное дѣло;
Утѣшь ее Богъ, а я не отстану,

Хотя бы погибнуть пришлось наконецъ;
Съ Божьею помощью я одолѣю,
Силы свои соберу на борьбу.
Я рѣшился на все.»

Люди застоя не могли долѣе оставаться спокойными при этой борьбѣ гуманизма, къ которому въ качествѣ сподвижника примкнуло народное возстаніе противъ церковныхъ злоупотребленій, какъ уже въ XIII-мъ вѣкѣ выразилось оно въ мужицкихъ прибауткахъ попа Амиса, какъ впервые въ 1483-мъ г. обнаружилось въ написанной на нижнесаксонскомъ нарѣчіи знаменитой народной книгѣ „Тилль Эйленшпигель" и какъ высказалось въ обновленномъ на нижнегерманскомъ языкѣ и въ сатирико-реформаціонномъ вкусѣ той эпохи животномъ эпосѣ о „Рейнеке-Лисѣ." Старые профессора при университетахъ цѣпко держались за освобождающую отъ самомышленія схоластику, а вмѣстѣ съ злоупотребленіями въ церкви крупные доходы послѣдней также подверглись опасности. Оттого-то профессора, священники и монахи всѣхъ цвѣтовъ и подняли ярый крикъ. Кёльнскій университетъ съ его главою еретическихъ дѣлъ мастеровъ, Гохштратеномъ, и Ингольштатскій съ его діалектикомъ Іоанномъ Экомъ сдѣлались средоточіями, откуда расглашалось по свѣту, что религія и мораль находятся въ опасности и что гуманизмъ грозитъ низвергнуть все священное и досточтимое. Тутъ-то изъ кружка гуманистовъ вышла одна изъ великолѣпнѣйшихъ сатиръ—„*Письма темныхъ людей*" (epistolae virorum obscurorum); первая часть ихъ, вышедшая

въ 1516-мъ г. и сочиненная вѣроятно Іоанномъ Кротусомъ съ его сотрудниками, Петромъ Эбербахомъ и Германномъ Нюнаромъ, вызвала въ Германіи громкій смѣхъ; затѣмъ въ 1517-мъ г. послѣдовало уже продолженіе, въ которомъ вѣроятно принялъ участіе и Гуттенъ. Эти письма, чрезвычайно много содѣйствовавшія побѣдѣ гуманистовъ надъ схоластиками, по формѣ своей писаны классичискою кухонною латынью какъ бы приверженцами старой системы къ одному изъ профессоровъ теологіи въ Кёльнѣ, Ортуину Грацію: "Ego amo unam virginem, Margaretham cum nomine," "invitavit me ad convivalitatem," „sitivit me," „ego nihil teneo de Erasmo," „habet bonam sperantiam," „valete tam diu, donec unus passer ponderat centum libras,"—„Domine M. Ortuine, est in Erphordia in quodlibetis mota una quaestio, multum subtilis in duabus facultatibus Theologicali et Physicali. Quidam dicunt, quando Judaeus fit Christianus, pro tunc renascitur sibi praeputium, et illi sunt de via Theologorum et habent prae se Magistrales rationes, de quibus est una, quod alias Judaei facti Christiani in extremo judicio putarentur esse Judaei, si essent nudi in ipsorum membro virili, et sic ipsis fieret injuria. Ideirco precor dominationem vestram humiliter et devotarie, quod velitis vestra decisione determinare rei veritatem et interrogare uxorem Doctoris Ioh. Pfefferkorn, ex quo cum ea bene statis, et illa non verecundatur dicere vobis quaecunque vultis propter illam amicabilem conversationem quam habetis cum viro Suo. Dicatis, domina mi, non peto inhonestum a vobis, sed ut manifestetis mihi rei veritatem; utrum maritus vester habet praeputium vel non, dicatis audacter sine verecundia. Verum ego nolo vos docere, vos melius scitis, quomodo debetis vos habere cum mulieribus quam ego. Datum raptim ex Erphordia." По содержанію Письма темныхъ людей не что иное какъ насмѣшка надъ схоластической теологіей съ ея невѣжествомъ, съ ея ученою безсмыслицей и съ ея явною и тайною безнравственностью. Какъ содержаніе это, такъ и цѣль и направленіе ихъ Штраусъ превосходно изложилъ слѣдующимъ образомъ: Въ первомъ письмѣ баккалавръ теологіи Ѳома Лангшнейдеръ, приводя цитаты изъ Аристотеля и Священнаго Писанія, предлагаетъ своему бывшему учителю Ортуину Грацію разрѣшить спорный вопросъ, будто бы поднятый недавно на магистерскомъ пиру въ Лейпцигѣ. А именно, доктора, магистры и лиценціаты, наслаждаясь тамъ на счетъ новыхъ магистровъ жареными курами, каплунами и рыбами, мальвазіей и рейнвейномъ, эйнбекерскимъ, торгаускимъ и нейбургерскимъ пивомъ, методически приступили къ важнымъ вопросамъ, и между прочимъ, слѣдуетъ ли будущаго доктора теологіи, т. е. Magister noster, называть Magister nostrandus или noster Magistrandus. M.

Вармземмель, преострый Скотистъ, отстаиваетъ послѣднее мнѣніе. Ибо, говоритъ онъ, magistrare есть глаголъ, т. е. все равно, что magistrum facere, *) а потому слѣдуетъ magistrandus; напротивъ того nostro, nostrare не употребительно и не находится въ словарѣ. Противъ этого возражаетъ М. Деличъ, вмѣстѣ артистъ, медикъ и юристъ. Не все де равно, стоитъ ли noster передъ или послѣ Magister: Magister noster означаетъ по принятому Doctor Theologiae, a noster Magister смотря по обстоятельствамъ может быть названъ всякій магистръ какого бы то ни было свободнаго или несвободнаго искусства; итакъ вѣрнѣе всего Magister nostrandus. Этому не мѣшаетъ то, что глаголъ nostrare не употребителенъ: вѣдь по Горацію (Ars poetica) позволительно составлять новыя слова. Сочинитель письма и проситъ Ортуина рѣшить, которое изъ обоихъ воззрѣній вѣрнѣе и довесть до свѣдѣнья его, въ какомъ положеніи война между ними и докторомъ Рейхлиномъ, ибо онъ слышалъ, что этотъ подлецъ все еще не хочетъ отречься. —Подобные спорные вопросы и отвѣты то и дѣло повторяются. Такъ Ортуинъ разъ выразился объ одномъ извѣстномъ Magister noster, что онъ членъ (membrum) 10-ти университетовъ. Но, остроумный докторъ Клорбіусъ замѣчаетъ ему, какъ несообразно говорить о членѣ многихъ корпусовъ, такъ какъ одинъ корпусъ можетъ де имѣть нѣсколько членовъ, но одинъ членъ никакъ не можетъ принадлежать нѣсколькимъ корпусамъ. Назвать же того Magister noster не членомъ, но корпусомъ 10-ти университетовъ тоже не приходится, такъ какъ въ этомъ случаѣ университеты были бы его членами, слѣдовательно подчинены ему, и онъ значилъ бы болѣе 10-ти университетовъ: это было бы слишкомъ унизительно для послѣднихъ, а для Magister noster, который все-таки вѣдь человѣкъ, ужь черезчуръ много. Итакъ, гдѣ же выходъ изъ этого затрудненія? Кто матрикулованъ въ 10-ти университетахъ,рѣшилъ докторъ Клорбіусъ, изучившій эту мудрость въ Лувенѣ, тотъ можетъ сказать, я — члены (membra) 10-ти университетовъ; причемъ несовмѣстность числа вредитъ такъ же мало, какъ и то, что Виргилій одного Алексиса называетъ delicias *) своего барина. — При такомъ остроуміи герои Писемъ темныхъ людей обнаруживаютъ величайшее невѣжество въ знаніи языковъ и древностей. Они жалуются, что Рейхлинъ, прозванный по еврейски Capnion, и другой, по имени Proverbia Erasmi, хотятъ ввести новую латынь въ теологію. Они считаютъ греческое и еврейское безполезнымъ: ибо 1) Священное Писаніе и безъ того переведено удовлетворительно, и 2) не слѣдуетъ невѣрующимъ Іудеямъ

*) Дѣлать магистра.

*) Усладами.

и отщепенцамъ Грекамъ давать поводъ гордиться тѣмъ, что изучаютъ ихъ языки. Предлагается вопросъ, необходимо ли для вѣчнаго блаженства, чтобы школяры изучали грамматику по мірскимъ поэтамъ въ родѣ Виргилія, Цицерона, Плинія и пр.? Это отрицается, такъ какъ по Аристотелю Metaph. I. поэты много лгутъ, а кто лжетъ, тотъ грѣшитъ, и кто свое ученіе основываетъ на лжи, тотъ основываетъ его на грѣхѣ, все же основанное на грѣхѣ нехорошо, противно Богу, нетерпящему грѣха ни въ чемъ. Magister по нимъ составленъ изъ magis и ter, *) оттого что онъ долженъ знать втрое болѣе всякаго другого, или изъ magis и terreo, **) оттого что онъ долженъ быть страшенъ для своихъ учениковъ.—Вмѣстѣ съ этой насмѣшкой надъ глупостью темныхъ людей въ письмахъ выражается строгое порицаніе ихъ безчинству. При императорскомъ дворѣ въ Инсбрукѣ М. Вильгельмъ Лампъ, проѣздомъ, слышалъ громкія жалобы на распутную жизнь и на отправку нѣмецкихъ денегъ въ Римъ; а другой на пиру въ Вормсѣ также слышалъ рѣзкія рѣчи противъ нагроможденія доходовъ, раздольнаго житья и соблазнительныхъ нравовъ высшаго духовенства. Брату Іакову, проповѣдовавшему съ каѳедры, будто все сказанное въ индульгенціяхъ такъже истинно, какъ само Евангеліе, и будто пріобрѣвшему ихъ отпускаются грѣхи такъ же, какъ бы самъ Христосъ оправдалъ его, священникъ въ главной церкви въ Вюрцбургѣ, Іоаннъ Рейсъ, всенародно возражалъ словами: „Ничто не можетъ сравниться съ Евангеліемъ, и блаженны лишь поступающіе праведно. Пусть иной пріобрѣтетъ хоть сто индульгенцій, но если онъ живетъ неправедно, то будетъ проклятъ, а индульгенція ему нисколько не поможетъ. Наоборотъ, возвѣщаю всякому, кто живетъ честно или, согрѣшивъ, покаится и исправится, что онъ будетъ гражданиномъ неба, не нуждаясь ни въ какихъ иныхъ пособіяхъ.“ Во Франкфуртѣ на Одерѣ нѣкто, постоянно противоборствуя магистру Клингесору, объясняетъ пророчество Софоніи 1, 12: И будетъ въ то время Я со свѣтильникомъ осмотрю Іерусалимъ, и накажу тѣхъ, что сидятъ на дрожжахъ своихъ и пр.— слѣдующимъ образомъ: „Я осмотрю Іерусалимъ,“ говоритъ Господь, т. е. я изслѣдую мою церковь, съ тѣмъ чтобы преобразовать ее и удалить вкравшіяся въ нее заблужденія; и сдѣлаю я это „со свѣтильникомъ,“ т. е. при посредствѣ ученыхъ мужей, каковы въ Германіи Эразмъ Роттердамскій, Іоаннъ Рейхлинъ и т. п.; „и накажу тѣхъ“ т. е. теологовъ, „которые сидятъ,“ т. е. упорствуютъ, „на дрожжахъ своихъ“, т. е. на гнусной, мрачной и безсмысленной теологіи,

*) Болѣе и трехъ.
**) Устрашаю.

какую нѣсколько столѣтій тому ввели они, уклоняясь отъ старыхъ и ученыхъ богослововъ, жившихъ въ истинномъ духѣ Священнаго Писанія, тогда какъ сами они, не зная ни латыни, ни греческаго, ни еврейскаго, не въ состояніи объяснять Писаніе.—Но темные люди не очень то тяготятся подобными укоризнами. Они предаются веселымъ и любовнымъ наслажденіямъ. Вѣдь брачныя возбраняются имъ их обѣтомъ, такъ какъ они принадлежатъ къ духовному званію, а внѣбрачныя считаются грѣшными. Но развѣ Соломонъ въ Экклезіастѣ не сказалъ 11, 9: Веселись, юноша, въ юности твоей? и 3, 12: Нѣтъ для нихъ ничего лучшаго, какъ веселиться и дѣлать доброе въ жизни своей? и 4, 11—Если лежатъ двое, то тепло имъ; а одному какъ согрѣться?—Вѣдь извѣстны хожденія Самсона къ Далилѣ и множество наложницъ Соломона, а все-таки на перваго снизошелъ потомъ святой Духъ, а послѣдній, по общему мнѣнію ученыхъ, обрѣлъ вѣчное блаженство: стало-быть тотъ грѣхъ не такъ еще великъ. „Я не сильнѣе Самсона," пишетъ М. Конрадъ Цвикаускій, „и не мудрѣе Соломона: а потому слѣдуетъ иногда предаваться наслажденію, ибо, говорятъ врачи, это полезно противъ меланхоліи. Потомъ мы исповѣдуемся, Богъ милосердъ и можно уповать на Его милость. Вѣдь мы не ангелы, а люди, — всякъ же человѣкъ заблуждается. Если Богъ есть любовь, то въ любви нѣтъ ничего дурного: опровергните-ка этотъ доводъ!"—Самъ Ортуинъ находился въ нѣжной связи съ женою своего іудейско-христіанскаго союзника, но Пфефферкорнъ, по мнѣнію одного изъ сочинителей Писемъ, не долженъ ревновать, слѣдуя правилу, что между друзьями должно быть все общее. Изъ этого нѣкоторые хотятъ, правда, исключить женъ; но оказывается, что у Ортуина нѣтъ жены, а съ неимущими намъ слѣдуетъ дѣлиться. — По всѣмъ этимъ исторіямъ красною нитью проходитъ дѣло Рейхлина. Темные люди то надѣются, что тяжебныя издержки истощатъ средства Рейхлина и дѣло приметъ для нихъ благопріятный оборотъ; то они предаются опасенію, такъ какъ у Гохштратена также выходятъ всѣ деньги; одинъ изъ посѣтившихъ его магистровъ видѣлъ его шапку и нашелъ въ ней пропасть вшей, что добряка тронуло до слезъ. Наконецъ представляется очеркъ кабинета Рейхлина: Когда я вошелъ къ нему, разсказываетъ одинъ изъ баккалавровъ, онъ сказалъ мнѣ: Добро пожаловать, господинъ баккалавръ, присядьте. У него были очки (unum brillum) на носу, а передъ нимъ лежала книга, чудно исписанная, и я тотчасъ же замѣтилъ, что это не понѣмецки, не почешски, ни полатыни. Я и сказалъ ему: Почтеннѣйшій господинъ докторъ, какъ именуется сія книга? Онъ отвѣтилъ: она именуется Плутархомъ и трактуетъ о философіи. На это сказалъ я: Итакъ читайте

ее съ Богомъ! и тутъ же подумалъ, ему вѣдомы чудесныя искусства. Потомъ увидѣлъ я подъ лавкой маленькую только что отпечатанную книжку и сказалъ ему: Почтеннѣйшій господинъ докторъ, что тамъ такое? Онъ отвѣтилъ: Это дрянная книжонка, ее недавно прислалъ мнѣ пріятель изъ Кельна, она написана противъ меня, сочинили ее кельнскіе теологи, а теперь вотъ говорятъ, будто I. Пфефферконъ написалъ эту книгу. На это я сказалъ: Что же вы намѣрены дѣлать? не вздумаете ли оправдываться? Онъ отвѣтилъ: Нисколько; я и безъ того достаточно оправданъ; мнѣ теперь дѣла нѣтъ до этихъ нелѣпостей, моихъ глазъ едва достаетъ на то, чтобы изучать полезное для себя. А книжка была подъ заглавіемъ: Defensio Joh. Pfefferkorn contra famosas.

Изъ Писемъ противъ темныхъ людей видно, какъ подрыта была почва и какъ все готово было начать великую войну противъ папства; стоило лишь явиться генію, для того чтобы устами его духъ исторіи высказалъ слово, долженствовавшее служить девизомъ на боевомъ знамени.

Это волненіе и этотъ напоръ гуманистовъ не могли остаться безъ вліянія на университеты и школы въ Германіи. Прежде всего они стремились устранить варварскія учебники латыни. Бернгардъ Пергеръ, профессоръ въ Вѣнѣ, пытался прежде всего вытѣснить Доктриналъ: для этого онъ еще до 1488-го г. обработалъ „новую грамматику" (grammatica nova) по Николаю Перотту. Въ Нидерландахъ Іоаннъ Синцій, Германнъ Бушій и др. стремились къ той же цѣли; въ то же время ученики Бебелія въ Тюбингенѣ, Яковъ Гейнрихманнъ и Алекс. Брассиканъ исполнили ту же задачу. Іоаннъ Авентинъ также издалъ новую латинскую грамматику, пользовавшуюся въ верхней Германіи большимъ успѣхомъ. Благодаря совокупнымъ усиліямъ этихъ людей въ Германіи еще прежде 1525-го г. Доктриналъ былъ презрѣнъ и забытъ, оттого что съ тѣхъ поръ послѣ упорной борьбы послѣдователи гуманизма одержали наконецъ побѣду.—Та же участь постигла и словари. Изъ нихъ всеобщимъ успѣхомъ пользовались: Маммотректъ Тевтониста, Гемма Геммарумъ, Флориста, Гемма Вокабулорумъ, Грецизмъ и Папій. Почти всѣ они возникли, благодаря нищенствующимъ монахамъ въ XIV-мъ столѣтіи и относились къ толкованію словъ въ вульгатѣ, и къ заимствованнымъ съ греческаго языка словамъ и оборотамъ рѣчи. Имѣлись также словари для юристовъ, для священниковъ и пр. vocabularius triusque Juris 1481, vocabularius praedicantium etc. Рейхлинъ и тутъ также оказалъ значительныя услуги, написавъ словарь—breviloquus,—почти вездѣ вводимый и господствовавшій до тѣхъ поръ, пока столѣтіе спустя послѣ того Василій Фаберъ не издалъ своего thesaurus.

Съ такими же трудностями, какъ грамматикѣ и лексикону пришлось бороться введенію римскихъ классиковъ въ школахъ. Классическимъ поэтамъ все еще предпочитали Пруденція и Гюнтерова Лигурина, или въ гекзаметры втиснутую исторію Оттона Фрейзингенскаго. Странствовавшіе изъ университета въ университетъ и съ энтузіазмомъ преподававшіе римскую литературу поэты водворили тамъ наконецъ чтеніе класеиковъ. Въ школахъ въ Аугсбургѣ, Нюрнбергѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ и пр. также читались теперь римскіе поэты.—Греческая литература медленнѣе всего преуспѣвала въ Германіи. Богословы долгое время считали ересью знать погречески, оттого что Греки были еретики, и Новый Завѣтъ былъ еще мало извѣстенъ въ подлинникѣ, такъ что думали, будто онъ писанъ новымъ языкомъ, почему и ославили его какъ новую книгу, „полную ехиднъ и камней." Юристы также весьма тяготились тѣмъ, что должны были лучше писать полатыни и понимать даже погречески. Греческій языкъ считали черезчуръ труднымъ и притомъ безполезнымъ: многіе-де сумасброды обучились греческому и только хвастали этимъ; науки лишились уваженія и особенно философія вовсе пренебрегалась. Изученіе греческаго языка только въ эпоху реформаціи вмѣнено въ обязанность теологамъ, а въ школы оно введено еще позднѣе. Оттого долго еще не было хорошихъ оттисковъ греческихъ писателей, и когда Базельцы начали поощрять изученіе Грековъ, то недостатокъ въ греко-ученыхъ Нѣмцахъ былъ такъ великъ, что Аммербахъ писалъ Рейхлину: Ты единственный Нѣмецъ, знающій погречески. Эразмъ впервые лишь ввелъ греческій языкъ въ общее употребленіе въ Германіи. Онъ всюду совѣтовалъ учиться греческому, вліялъ своими совѣтами при дворахъ на молодыхъ ученыхъ, на духовенство, пекся объ изданіи Новаго Завѣта, основалъ Бусследіанскую коллегію въ Лувенѣ и отправилъ Рихарда Крокуса и Петра Мозеллана въ Саксонію. Около 1520-го г. наконецъ не было болѣе германскаго университета, въ которомъ не читалось бы о греческихъ и римскихъ классикахъ, о Новомъ Завѣтѣ, о Цицеронѣ, о разныхъ поэтахъ, Демосѳенѣ, Исократѣ, Плутархѣ, Аристофанѣ, Эврипидѣ и пр., хотя экземпляры были еще до того рѣдки, что студентамъ часто приходилось списывать съ книги учителя.—Въ гимназіи греческій языкъ проникъ еще позднѣе, нежели въ университеты. Немногіе изъ учителей, учившихся въ Кельнѣ, Лувенѣ и пр., начали послѣ 1515-го г. преподавать нѣкоторымъ изъ своихъ учениковъ этотъ языкъ: такъ между прочимъ Зиммлеръ, учитель Меланхтона; точно также шло дѣло и въ Страсбургѣ, Нюрнбергѣ и пр. Но греческое все-таки относилось къ частнымъ урокамъ, и ученые, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ Лютеромъ, большею

частью изучили греческій языкъ, какъ и самъ Лютеръ, только уже въ университетахъ.—До реформаціи было немного любителей еврейскаго языка. Рейхлинъ своею грамматикой вновь возстановилъ это ученіе, а Капитонъ въ Страсбургѣ, Іоаннъ Бешенштейнъ (ум. 1543), Іоаннъ Форстеръ (ум. 1556), Севастіанъ Мюнстеръ (ум. 1552), Пелликанъ и Фагій послѣдовали за нимъ съ еврейскими грамматиками и словарями. І. Бешенштейнъ былъ первымъ профессоромъ еврейскаго языка въ Виттенбергѣ въ 1518-мъ и 1519-мъ гг., потомъ въ Гейдельбергѣ въ 1521-мъ г., точно также какъ Рейхлинъ въ Ингольштадтѣ.

Эти перемѣны въ предметахъ изученія не могли остаться безъ вліянія на школы, хотя оно обнаружилось гдѣ ранѣе, гдѣ позже, и притомъ лишь исподоволь. Вліяніе гуманизма прежде всего отразилось на учителяхъ, для чего начиная со второй половины XV-го столѣтія, когда университеты стали чаще посѣщаться, избирались люди, получившіе по малой мѣрѣ низшую академическую степень. Они въ нѣкоторыхъ школахъ читали уже Теренція, сочиненія Цицерона объ обязанностяхъ, о дружбѣ и пр., отрывки изъ Сенеки, Виргилія и Боэтія. А все-таки до реформаціи во многихъ мѣстахъ Германіи не проникло еще никакого слѣда гуманизма въ школы: сплошь и рядомъ изучались еще эклоги Ѳеодула и Іоанна Баптисты Мантуанскаго и т. п. Тротцендорфъ, возвратясь въ 1215-мъ г. изъ Лейпцигскаго университета въ Герлитцъ, обучалъ ректора и остальныхъ учителей греческому и латинскому, объясняя имъ книгу Плутарха о воспитаніи и Цицерона объ обязанностяхъ. Въ Бранденбургской мархіи ученики даже въ реформаціонную эпоху зубрили часто до 30-ти лѣтняго возраста грамматическія мелочи; учителя смотрѣли тамъ на человѣка, умѣвшаго читать погречески, какъ на чудо, а понимать этотъ языкъ было у нихъ дѣломъ неслыханнымъ.

Какъ науки, такъ точно и учительское званіе, ученики и школьная дисциплина подверглись вслѣдствіе гуманизма существеннымъ измѣненіямъ. Привыкнувъ къ свободомыслію и питая рѣшительное отвращеніе къ невѣжеству испорченнаго духовенства, гуманистическіе учителя стали отказываться отъ низшихъ духовныхъ степеней и уклоняться вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всякихъ дѣлъ, связывавшихъ доселѣ ректора съ духовнымъ званіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ—Іоаннъ Сапидъ вскорѣ послѣ 1500-го г., Гландорпъ, Эобанъ Гессъ — вступили даже въ бракъ. Школа, отдѣлясь такимъ образомъ отъ церкви, лишилась вмѣстѣ съ тѣмъ и доходовъ, получаемыхъ отъ послѣдней, и съ этихъ поръ учителямъ не оставалось иного доходнаго источника, какъ школьная плата, поступавшая въ нотаріатъ. Поэтому магистраты должны были подать руку помощи. Пер-

вый случай оклада въ Германіи, выдаваемаго магистратомъ ректору, встрѣчается въ Нёрдлингенѣ въ 1443-мъ г., гдѣ онъ получилъ 32 фл., но лишь въ видѣ простого подарка, составлявшаго въ слѣдующемъ затѣмъ году только половину; въ 1464-мъ г. образовался изъ этого постоянный окладъ въ 32 фл. Когда Незеній, другъ Меланхтона, во Франкфуртѣ на Майнѣ „требовалъ небольшаго подарка за то, чтобъ обучать въ теченіе четверти года мальчиковъ поэзіи," то магистратъ рѣшилъ „выдать ему теперь два гульдена, а если онъ честно исполнитъ дѣло, то совѣтъ поступитъ смотря по обстоятельствамъ." Въ 1519-мъ г., когда во францисканскомъ монастырѣ открылась латинская школа, онъ получилъ тамъ ректорство, 50 фл. годового дохода и готовое помѣщеніе. Однако окладъ былъ введенъ лишь въ немногихъ мѣстахъ. Въ школьныхъ уставахъ нигдѣ не упоминается о постоянномъ окладѣ; школьнымъ уставомъ въ Штутгартѣ 1501-мъ г., въ Дурлахѣ 1539 г. и пр. ректору все еще предоставляется одна только школьная плата и кое-какіе посторонніе доходы. Отсюда элегія Эобана Гесса по поводу горемычной школьной жизни: „Какая награда предстоитъ намъ за наши труды? постъ, изнуреніе, непріятности, болѣзни, нескончаемое горе. Всякій иной трудъ хорошо вознаграждается; учитель же находится подъ гнетомъ ужасной бѣдности, а заносчивая гордость постороннихъ окончательно подавляетъ его. Всякій простой писецъ, крючкотворъ, нищенствующій монахъ пользуется преимуществомъ и требуетъ его. Такъ то среди весны нашихъ дней настигаетъ насъ сѣдовласая старость! О, лучше бы смерть, чѣмъ такая судьба!" — Учебныя заведенія какъ внутри, такъ и снаружи все еще были устроены по монашескому образцу. „Почти вездѣ большія зданія съ маленькими кельями, гдѣ жили учителя и ученики, особенно чужеземные, совершенно сообразно съ господствовавшими тамъ строемъ и занятіями, все также паскудно и мрачно: — церковь и тѣхъ и другихъ лишала всякаго свѣта!" Во многихъ мѣстахъ этотъ унылый видъ омрачался еще одеждою учителей и учениковъ, которые еще долго вездѣ облекались въ черныя хламиды или по крайней мѣрѣ въ темныя мантіи съ клобуками, и казалось, совсѣмъ вымерли для свѣта. „Какое заглядѣніе для набожно благочестивыхъ жителей при видѣ дѣтей ихъ, столь рано посвятившихъ себя Господу! Но потомъ, какой соблазнъ для нихъ, когда давно уже господствовавшая въ городахъ роскошь въ одеждѣ, около половины XV-го столѣтія понемногу проникла также и въ эти общества и ввела одѣянія, вовсе не похожія на „школьныя." Ученики являлись, особенно въ южной Германіи, вполнѣ ужь свѣтскими людьми, танцовали въ публичныхъ домахъ, носили шпагу и „остроносые башмаки со скрипомъ, короткіе

рыцарскіе кафтаны, маленькія шапочки и крохотныя узенькія шляпки.“ Во многихъ мѣстахъ ректорамъ поручалось, правда, прекратить эти вредныя нововведенія и запретить какъ „новые цвѣта“ на платьяхъ учениковъ, такъ точно и ихъ „завитыя кудри“;—но вѣдь ректоры и учителя сами были не прочь посѣтить трактиръ, „пображничать,“ и занять даже роль „дружки на свадьбѣ.“—Какой контрастъ со всѣмъ этимъ являетъ школа и ея дисциплина во многихъ другихъ мѣстахъ! Лѣтомъ уже въ 5 часовъ, а зимой въ 6 звонили къ классамъ, начинавшимся и кончавшимся пѣніемъ. Потомъ передъ обѣдомъ обыкновенно два или три часа уроковъ, оттого что обѣдня и другія службы занимали большую часть утра; послѣ обѣда четыре часа ученія. Одинъ классъ читалъ—и это упражненіе часто продолжалось до второго класса—другой писалъ, третій заучивалъ Цизи-Януса, грамматическія парадигмы, правила и исключенія, скандовалъ и пр., а другой классъ толковалъ Теренція, Боэтія и пр. „которыхъ учитель большею частью такъ разбиралъ и разлагалъ по тончайшимъ правиламъ своей грамматики, риторики и діалектики, что авторы въ этомъ новомъ видѣ не узнали бы сами себя.“ Тотчасъ же послѣ обѣда былъ урокъ музыки. Въ первомъ классѣ каждую недѣлю или въ три недѣли разъ производились публичные диспуты. Все ученіе состояло въ упражненіи памяти, причемъ тѣлесныя наказанія служили грозою. Было дѣломъ почти неслыханнымъ, говоритъ Рукопфъ, чтобы учитель былъ учтивъ съ своими учениками и обладалъ искусствомъ пріобрѣсти ихъ уваженіе и любовь, оказывая имъ то же самое.—Въ это деспотическое царство душевное напряженіе и любопытство проникало лишь при открытіи новаго курса на Святой или въ Михайловъ день, когда совершалось перекрещиваніе. Вѣдь для утонченнаго греческаго слуха нѣмецкія имена черезчуръ изобиловали согласными, звуча слишкомъ жестко, грубо, слишкомъ варварски, такъ что звуки въ родѣ Шварцэрдъ, Гаусшейнъ, Рейхлинъ и т. п. казались невыносимыми: гораздо классичнѣе и изящнѣе звучали Меланхтонъ, Эколампадій, Капніонъ. Вотъ тогда-то, по прибытіи новыхъ учениковъ, учитель и входилъ въ сгоравшую отъ любопытства толпу, съ тѣмъ чтобы всѣхъ сподрядъ облатынить и огречить вполнѣ, не то вполовину,— и окласcизированный юноша съ этихъ поръ самъ уже причислялъ себя къ прославленнымъ Грекамъ и Римлянамъ.

Гуманизмъ вообще лишь поверхностно коснулся дореформаціонныхъ школъ. Умы томились еще въ школахъ подъ гнетомъ и неволей учебнаго скарба, безтолково и нецѣлесообразно сложившагося изъ римскихъ и искаженныхъ христіанскихъ представленій, и лишь весьма ограниченная часть народа

принимала участіе въ этомъ ученіи, ибо какъ для дворянства, такъ и для жившихъ внѣ образованныхъ городовъ ничего не дѣлалось, что развивало и цѣлесообразно образовало бы ихъ способности; большая часть изъ нихъ не умѣла обыкновенно ни читать, ни писать, а довольствовалась только тѣмъ, что изучала символъ вѣры, Отче Нашъ и кое-какія церемоніи. Уже лишь реформація воспользовалась для школъ завоеваніями гуманизма.

Взглядъ на исторію педагогики, отъ І. Христа до реформаціи.

29.

Христосъ —поворотная точка эпохъ исторіи. Онъ совершенный человѣкъ въ Богѣ. Христосъ то, чѣмъ долженъ быть человѣкъ,—единымъ съ Богомъ въ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ.—Этимъ и воспитанію также ставится безусловный идеалъ. Всякій христіанинъ долженъ по дарованнымъ ему отъ Бога способностямъ сдѣлаться въ своемъ родѣ подобнымъ Христу т. е., преодолѣвъ свою естественность и себялюбіе, вступить въ свободное, личное отношеніе къ Богу: христіанское воспитаніе должно указать естественный путь такому развитію, вести впередъ по этой направленной къ цѣли стезѣ, устранить препятствія, могущія задерживать или отклонять отъ нея человѣка.

Съ появленіемъ Христа упразднена всякая національная спѣсь и гордость; ибо Христосъ принадлежитъ не какому либо извѣстному народу, но человѣчеству, и въ немъ примиряются съ Богомъ не единичныя личности, не какой либо одинъ народъ, но всѣ въ него вѣрующіе; съ мыслью о богочеловѣчности рушились древнія понятія о Грекѣ и варварѣ, о гражданинѣ и рабѣ: потому съ этихъ поръ воспитаніе имѣетъ предметомъ своей дѣятельности человѣка какъ человѣка въ его безконечномъ значеніи и вѣчномъ достоинствѣ. Народы не разобщены болѣе другъ отъ друга; они дѣйствуютъ въ связи какъ члены одного организма и относятъ свои помышленія и дѣла въ церкви къ жизни Божіей, а въ государствѣ къ жизни человѣчества: такъ и христіанское воспитаніе должно стремиться къ тому, чтобы жизнь его питомца тяготѣла къ вѣчному средоточію міра и человѣчества т. е., къ Богу, чтобы отсюда помыслы единичной личности обрѣли въ Немъ свое направленіе. Христіанство знаетъ одинъ лишь педагогическій законъ: развитіе богоподобія въ единичной личности и вытекающаго отсюда сознанія о существенномъ единствѣ между истинно человѣческимъ и божескимъ; онъ требуетъ отъ дѣтей повиновенія,

а отъ родителей строгаго надзора въ связи съ любвеобильною кротостью. На это указуютъ изреченія Іисуса о воспитаніи; это также и основы новозавѣтной педагогики.

Изложенныя въ Новомъ Завѣтѣ основныя начала воспитанія у первыхъ христіанъ были непосредственно христіанскимъ обычаемъ и бытовымъ строемъ жизни: практикою первыхъ христіанскихъ вѣковъ. Родители вели свое дитя ко Христу. Всякая человѣческая мудрость казалась скудною передъ вѣчною мудростью, бывшею соблазномъ для Іудеевъ и безуміемъ для Грековъ,—все человѣческое искусство въ дѣлѣ воспитанія казалось ничтожнымъ передъ единымъ Господомъ, съ Его же помощью дитя должно стать тѣмъ, чѣмъ оно можетъ и должно быть.—Эта практика воспитанія естественно должна была скоро подчиниться размышленію, ибо проповѣдь какъ изложеніе христіанскаго міросозерцанія необходимо должна была напомнить о веденіи дѣтей ко Христу и объяснить, въ чемъ состоитъ это веденіе и какъ осуществить его. Такъ отцы церкви въ проповѣдяхъ своихъ занимались предметомъ воспитанія, не создавъ впрочемъ настоящей педагогики. Излагаемые ими помыслы не складывались въ одну систему; они состояли изъ единичныхъ заявленій и поясненій касательно предметовъ воспитанія, какіе могли и должны быть исполняемы каждымъ христіаниномъ въ его кругу; они относились именно къ воспитанію въ христіанской религіи, оттого что послѣдняя занимала весь умъ своихъ вдохновенныхъ приверженцевъ, и потому всѣ мірскія науки и искусства казались ничтожными съ ея точки зрѣнія. Впрочемъ многіе перешедшіе изъ язычества и пропитанные языческимъ образованіемъ и на христіанской почвѣ также ощущали еще потребность сочетать христіанство съ языческою наукою, тогда какъ другіе рѣзко противоставляли христіанство язычеству и осуждали сплошь все языческое.

Практика обученія шла параллельно съ этимъ теоретическимъ воззрѣніемъ. Сначала система воспитанія и обученія, въ томъ видѣ какъ сложилась она въ Римскомъ государствѣ подъ вліяніемъ языческихъ нравовъ и учености, продолжала существовать обокъ съ учрежденіями, какія введены были для христіанъ въ христіанской церкви по устройству ихъ обученія и воспитанія, а именно высшее научное образованіе и у нихъ также достигалось во внѣцерковныхъ заведеніяхъ. Однако чѣмъ болѣе христіанство развивалось внутри и пріобрѣтало правъ въ мірѣ, тѣмъ также болѣе пробуждалась и восполнялась потребность учреждать христіанскія школы; возникли христіанскія народныя училища. А съ идеей духовнаго сословія и церкви развилось вмѣстѣ и требованье, чтобы пред-

ставители церкви, духовныя лица, усвоили себѣ образованіе эпохи: возникли катехетическія школы, учебныя заведенія для духовенства; также богословскія семинаріи, гдѣ епископы собирали около себя кружокъ юношей и зрѣлыхъ мужей, избравшихъ своимъ призваніемъ церковную службу и подготовляемыхъ тамъ къ этой должности болѣе обиходомъ и примѣромъ, нежели правильнымъ и систематически уряженнымъ преподаваніемъ. Впрочемъ, катехетическія школы дѣйствовали лишь въ тѣсныхъ кружкахъ, ихъ было не много и существовали онѣ не долго; а подготовка въ семинаріяхъ была предоставлена личному произволу людей, стоявшихъ во главѣ клира въ общинѣ: потому они споспѣшествовали, смотря по личности послѣднихъ, иногда много, иногда мало, а часто и того менѣе. Итакъ, все еще небыло никакой общей научной подготовки даже къ духовному званію, не говоря уже о высшей культурѣ міряиъ; а желавшій пріобрѣсть научное образованіе и добиться этимъ путемъ правъ на высшія государственныя должности вынужденъ былъ, подобно многимъ посвящавшимъ себя церковной службѣ лицамъ, посѣщать учебныя заведенія, перешедшія изъ языческой эпохи въ христіанскую и замѣщаемыя даже еще при первыхъ христіанскихъ императорахъ языческими учителями.

Съ распространявшимся все далѣе торжествомъ христіанства языческія школы и учебныя заведенія должны были все болѣе уступать христіанской культурѣ. Тутъ настало великое переселеніе народовъ, и подъ бѣдствіями этой эпохи окончательно погибли школы грамматистовъ, грамматиковъ и риторовъ; даже основанныя императорами заведенія едва влачили жалкое существованіе. Одинъ лишь клиръ въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ былъ еще носителемъ образованія. Вслѣдствіе этого и школы также приняли теологическій характеръ: обученіе односторонне ограничивалось почти исключительно богословскими знаніями; остальныя науки были подновлены и уряжены по такъ называемой церковной вѣрѣ — наука была рабою теологіи и лишилась вмѣстѣ съ тѣмъ своей свободы и своего достоинства.

Въ Византійской имперіи и въ Восточной церкви образованіе и воспитаніе остановились на этой богословской точкѣ зрѣнія. Забота о воспитаніи и обученіи народныхъ массъ совсѣмъ отошла на задній планъ передъ научными стремленіями людей, покровительствуемыхъ императорами, а послѣдніе не побуждались творческимъ научнымъ духомъ, но руководились большею частью одностороннимъ и страстнымъ береженіемъ церковныхъ догматовъ. Но Восточная церковь съ ея монастырями, библіотеками и школами все-таки была хранительницею древнихъ научныхъ

сокровищъ, съ тѣмъ чтобы передать ихъ окоченѣлому въ себѣ Западу для самостоятельной разработки. Одновременно съ образованіемъ Восточной церкви научныя стремленія Арабовъ также содѣйствовали образованію Запада. Отъ аравійскихъ академій въ Испаніи, посѣщаемыхъ въ XI-мъ столѣтіи западными христіанами, послѣдніе получили толчокъ къ болѣе глубокому изученію философіи, математики и медицины, — вообще толчокъ къ обновленной жизни.

Западъ—настоящій носитель духовнаго преуспѣянія въ дореформаціонную эпоху. Представитель его германскій духъ, переживщій въ переселеніи народовъ первобытную ступень своего быта, потомъ, въ сознаніи своей силы отвоевавшій себѣ мѣсто въ исторіи и создавшій себѣ политическія и соціальныя формы, съ тѣмъ чтобы послѣ того перейти къ идеальнымъ силамъ бытія, а именно отдаться прежде всего религіи и ея вліяніямъ, затѣмъ обратить всю свою энергію на искусство, тогда какъ въ наукѣ онъ только уже съ возстановленіемъ классической древности приступилъ къ своимъ первымъ самостоятельнымъ попыткамъ. Но тотъ всемірно-историческій ходъ развитія, чисто и свѣтло проявленный греческимъ народомъ въ разныя эпохи его жизни, германскій духъ не могъ пережить снова въ правильномъ чередованіи, потомучто не былъ вполнѣ самороднымъ, а напротивъ, на него съ самаго начала напирала церковь вмѣстѣ съ признанными предположеніями античной культуры, т. е. съ религіей, искусствомъ и наукою. Онъ въ извѣстное время могъ дѣйствовать лишь болѣе на религію, а въ другое болѣе на искусство и науку, но не могъ заняться исключительно однимъ изъ этихъ предметовъ: вотъ причина, почему дореформаціонный духъ не могъ прійти къ безусловнымъ выводамъ ни въ религіи, ни въ искусствѣ, хотя и то и другое были воистину его жизненными стихіями; дѣятельность его въ одно и тоже время обратилась какъ на религію, такъ и на искусство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ,—на науку. Задачею германскаго духа въ дореформаціонную міровую эпоху было связать свою первобытную силу съ римско-христіанскимъ образованіемъ. Вслѣдствіе этого христіанская церковь и императорская власть утвердились какъ два средоточія. Оба они, какъ церковно-религіозное, такъ и политико-національное средоточіе, добивались единства: церковь идеальнаго, а государство реальнаго. Но оба достигли лишь одинаковости, а не единства: оттого и возникла реакція единичныхъ личностей, поглощаемыхъ отвлеченною всеобщностью,—единичныхъ государей и единичнаго религіознаго духа вообще. А такъ какъ и оба средоточія не достигли взаимнаго органическаго единства: то возникли поползновенія папства отрѣшить имперскихъ

князей отъ императора, и стремленія императора защитить епископовъ отъ папы. Духовно-схоластическій періодъ воспитанія отличается преобладаніемъ папства и церкви. Наука тогда была церковная и принадлежала церкви. Церковь пользовалась безусловнымъ господствомъ надъ духовною жизнью. На первомъ планѣ стояли школы духовенства, гдѣ науки сократились въ artes liberales *), такъ какъ перешедшія изъ древности шесть disciplinae liberales, грамматика, риторика, ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія, и три disciplinae philosophicae **), а именно логика, физика и этика были сведены къ семи наукамъ, ибо физика черезъ-чуръ напоминала объ язычествѣ, такъ что считалась нестоющею вниманія, этику какъ казалось вполнѣ замѣняли sacra pagina***), десятословіе и догматы христіанства, а логика въ видѣ діалектики составляла тутъ часть цѣлаго. Эти artes изучались единственно ради теологіи и считались лишь чѣмъ то въ родѣ слугъ ея, ancillae. Большая часть школъ ограничивалась даже сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ знаній, чтенія, пѣнія, счета и грамматики; лишь въ болѣе значительныхъ проходился курсъ (тривій и квадривій) въ несокращенномъ и полномъ видѣ (studium ad plenum), причемъ читалось и объяснялось Священное Писаніе (sacra pagina), и смотря по образованію эпохи и личности учителя съ грамматикою соединялось изученіе латинскихъ, даже греческихъ классиковъ. Такъ между прочимъ во многихъ монастырскихъ школахъ святаго Бенедикта, особенно въ Ирландіи, Шотландіи и Англіи. Хродегангъ устроилъ Франкскія школы по образцу введенныхъ Бенедиктомъ учрежденій: онъ сдѣлался такимъ образомъ основателемъ каѳедральныхъ и фундушевыхъ школъ, гдѣ подъ главнымъ надзоромъ схоластика ученики обучались у ректора и кантора, обыкновенно до обѣда отъ 7 до 10, а послѣ обѣда отъ 12 до 4 часовъ, тривію и квадривію, и вмѣстѣ съ тѣмъ богословію (въ Падерборнѣ при Имадѣ въ 1051-мъ—1076-мъ гг. преподавали Горація и Виргилія, Саллустія и Стація, математику, физику, астрономію и пр.). Однако весьма немногія лишь монастырскія и каѳедральныя школы достигали такой высоты,—той высоты, на какую хотѣлъ поднять ихъ Карлъ Великій. Онъ хотѣлъ могущество своей державы основать на нравственномъ и умственномъ развитіи своихъ гражданъ и для этого призвалъ ко двору знатнѣйшихъ мужей своего времени, Петра изъ Пизы, Павла Діакона, Алкуина и др. Съ ихъ помощью во всемъ государствѣ учреждались школы для желающихъ

*) Свободныя искусства.
**) Философскія ученія.
***) Священное Писаніе.

постоянно вращаться въ подчиненныхъ кругахъ жизни, т. е. мѣщанскія и народныя училища, — потомъ высшія учебныя заведенія, между которыми старшимъ во Франкскомъ государствѣ была дворцовая школа,—наконецъ семинаріи для пѣнія и церковной музыки, прежде всего въ Метцѣ и Соассонѣ. Карлъ Великій былъ творцомъ истинно христіански-національнаго образованія, того образованія, что должно было опираться на чистомъ словѣ Божіемъ, питаться классиками древности и въ родномъ языкѣ обрѣтать постоянно обновляемый животворный духъ. — Однако рвеніе, съ какимъ духовенство исполняло планы Карла, весьма скоро охладѣло при слабыхъ его преемникахъ. Та же участь постигла и попытки Лотара въ Италіи. Франціи тоже не помогло живое участіе Карла Лысаго во всѣхъ научныхъ стремленіяхъ, и лишь благодаря Герберту наука получила новый размахъ. Сѣмена Карла Великаго всего плодотворнѣе оказались въ Германіи, и въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ ни одна страна не представляла столько научно образованныхъ аббатовъ и епископовъ. Одна только Англія при Альфредѣ Великомъ могла сравниться съ нею: заботы Альфреда распространялись на образованіе всѣхъ слоевъ общества; онъ велѣлъ перевести съ латинскаго на англійское пригодныя для всеобщаго образованія мірянъ книги; онъ заложилъ школы не только для преподаванія на латинскомъ языкѣ, но и такія, гдѣ всѣ учились бы читать и писать по англійски и обучались по англійскимъ книгамъ; при Альфредѣ цвѣли равно какъ народныя, такъ и монастырскія школы.—Вскорѣ однако монастырскія, каѳедральныя и фундушевыя училища пришли въ упадокъ. Монастырскія школы разбогатѣли, монахи облѣнились и предались роскоши, научный духъ исчезъ. Каноники проживали свои пребенды гдѣ имъ было пріятнѣе, назначали на мѣсто схоластика только ректора, на мѣсто кантора—сукцентора, наконецъ стали торговать мѣстами въ школахъ. Этому упадку способствовали притомъ школы францисканцевъ и доминиканцевъ, основавшихъ въ своихъ монастыряхъ не только учебныя заведенія для воспитанниковъ своего ордена, но имѣвшихъ еще scholas canonicas, посѣщеніе которыхъ было совершенно свободно,—хотя и эти школы нищенствующихъ монаховъ никогда не отвѣчали болѣе глубокимъ требованьямъ образованія. Но монастырскія и каѳедральныя школы, разбившись на низшія, гдѣ обучались тривію, и высшія, въ которыхъ преподавали квадривій и духовную науку (schola ad plenum), были первыми начатками ученыхъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а такъ какъ приходскія школы были первыми едва замѣтными, конечно, основами народныхъ училищъ: то уже въ духовно-

схоластическій періодъ обозначались главныя черты подраздѣленія школъ, сохранившагося до нашего времени.

Новому научному развитію положенъ былъ починъ, когда германство добилось перевѣса надъ папствомъ,—съ Крестовыми походами. Съ этихъ поръ едва лишь прозябали учебныя заведенія средневѣковаго духовенства; поступательное движеніе исторіи зависѣло теперь отъ учебныхъ заведеній, исходившихъ отъ міряяъ. Правда, задачи науки и методъ ея изложенія остались частью тѣ же, что и въ духовно-схоластическій періодъ; однако новая сила, принципъ индивидуальнаго мышленія, заявила здѣсь права свои, создавъ среди прежде возведенныхъ духовныхъ преградъ своеобразные и странные переходы, которые и были признаны существовавшими властями, вовсе не чаявшими въ нихъ отпаденія отъ господствовавшихъ доселѣ принциповъ. Рыцарь почерпалъ свое духовное образованіе также еще въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ: но при семи искусствахъ, artes, или кромѣ ихъ, у него были еще свои семь probitates (отсюда probus homo, preud homme), и онъ до высшаго, художественнаго совершенства довелъ гимнастико-воинственныя упражненія дворянъ, развившіяся у германскихъ племенъ еще до знакомства съ христіанскими народами, уряженныя затѣмъ въ дружинахъ подъ вліяніемъ христіанства и усовершенствованныя при дворахъ князей и королей. Но рыцарское образованіе пало съ самимъ рыцарствомъ, оттого что лишено было самосознательной и научной основы.

Обокъ съ нимъ, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія вмѣстѣ съ расцвѣтомъ городовъ возникли подъ покровительствомъ магистратовъ городскія училища, которыя впрочемъ хотя въ постоянной борьбѣ съ духовенствомъ, чуявшимъ въ нихъ свѣжій утренній воздухъ, немногимъ однакоже опередили служившія имъ образцомъ монастырскія, каѳедральныя и фундушевыя школы, относительно не только метода, но также и предметовъ преподаванія (—для бреславскихъ школъ, основанныхъ въ 1267-мъ и 1293-мъ гг. Magdalenanum и Elisabethanum, папскій легатъ Гвидонъ установилъ вмѣстѣ съ епископомъ Іоанномъ Бреславскимъ слѣдующій учебный курсъ: 1) Donatus, 2) Doctrinale, 3) Symbolum apostolicum, 4) Septem Psalm. poenitent., 5) упражненіе въ церковн. пѣснопѣніяхъ. Все это заучивать наизусть. Потомъ 6) Catonis disticha, 7) Ecloge Theoduli, 8) Regulae pueriles—); а въ наружномъ устройствѣ своемъ они были подавлены перенесенною на нихъ цеховою системою городовъ. Однако они, особенно такъ называемыя писарскія училища, все-таки были первыми попытками къ освобожденію школъ отъ власти духовенства и его предметовъ преподаванія; точно такъ же какъ и университе-

ты, которые какъ съ одной стороны ни подчинялись господству городской цеховой системы, а съ другой — истощали лучшія силы свои на рыцарскія похожденія, т. е. на состязанія безъ цѣли и безъ толку, все-таки были однакожъ первыми свободными убѣжищами науки, гдѣ помимо scientiis, которыхъ представители составляли теологическій, юридическій и медицинскій факультеты, преподавались еще грамматика, риторика, діалектика, математика, физика, метафизика и нравоученіе.

Городскія училища были все еще связаны съ духовенствомъ и отличались схоластическимъ методомъ. Университеты представляли собою рыцарство и цеховое мѣщанство вмѣстѣ, и подобно тому и другому они все еще одною ногою вязли въ средневѣковье и его крайній формализмъ. При упадкѣ церкви и „растлѣніи человѣческаго духа" они были вопіющимъ гласомъ и знаменіемъ порыва, исшедшаго изъ старины: но не могли еще отрѣшиться духомъ отъ „излюбленнаго и ненавистнаго вмѣстѣ" прошлаго. Тогда-то отверженное и презрѣнное средневѣковымъ христіанствомъ язычество возстало изъ гроба для обновленія человѣчества. Классическая древность впервые снова пріучила человѣчество къ человѣчнымъ чувствамъ и отстояла красоту и права жизни передъ отвлеченностями схоластицизма и церкви. Переселившись въ античный міръ, духъ сбросилъ съ себя наложенныя на него доселѣ узы церкви и схоластики, съ тѣмъ чтобы стать на подготовленный и початый уже новый принципъ, на завѣтное нутрó духа. Духовный деспотизмъ средневѣковья былъ сокрушенъ ею прежде всего въ Италіи. Здѣсь, въ XIV-мъ уже столѣтіи, въ Петраркѣ и Боккачіо началась борьба прекраснаго античнаго міра съ схоластикою средневѣковья (тогда какъ въ Данте еще соединены были средневѣковое и классическое образованіе). Князья и правители свободныхъ городовъ, домъ Медичей, Коллучіо Салютати, канцлеръ Флоренціи, Галеаццо Висконти, герцогъ Миланскій и пр. были поклонниками и покровителями классической науки, и спасшіеся при паденіи Константинополя Греки застали въ Италіи воспріимчивую уже почву. Тогда-то порваны были узы, наложенныя на науку церковью и схоластическою философіей. При вѣрномъ пониманіи древнихъ взоры открылись для истиннаго созерцанія божескихъ и человѣческихъ дѣлъ. Вкусъ очистился благодаря распространенію античныхъ образцовъ. Однако въ энтузіазмѣ къ древней новизнѣ и къ новой древности часто были не справедливы къ старшимъ поколѣньямъ: Итальянцы не поняли глубины, любви къ истинѣ и настоящаго значенія схоластиковъ и, опутанные чарами древности, предались язычеству вполнѣ.—

Иное дѣло въ Германіи и Нидерландахъ, гдѣ Іеронимисты ратовали уже противъ схоластицизма и старались ознакомить народъ съ библіей. Въ Германіи гуманисты не возстали противъ религіи, а наоборотъ, поступили къ ней на службу: они употребили въ пользу церкви все, что пріобрѣли изученіемъ Грековъ и Римлянъ. Рейхлинъ своею еврейскою грамматикою пробилъ путь древнезавѣтной, а Эразмъ своимъ изданіемъ Новаго Завѣта—новозавѣтной экзегетикѣ (т. е. толкованію Священнаго Писанія). Этимъ изученіемъ источниковъ потрясены были основы схоластической теологіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызваны на смертный бой заступники старины, теологи, слывшіе также артистами, противъ нововводителей, прозванныхъ поэтами, а также юристами. Въ школы съ этихъ поръ проникла новая, классическая система преподаванія; стали пріискивать способныхъ учителей и толковыя руководства. Но такіе учителя были еще рѣдки; лучшіе изъ нихъ сами должны были еще учиться и были новичками; однимъ изъ нихъ, какъ Гегіусу у Агриколы, приходилось изучать значеніе греческихъ и латинскихъ словъ и синтаксисъ; другіе же презирали все, что излагалось не цицероновскою латынью и односторонне охваченные своими идеалами, перекрещивали даже имена свои—Капніонъ, Сапидъ, Брассиканъ, Эколампадій и т. п.— въ латинскія и греческія. Да и самое время новаго расцвѣта классическихъ ученій было лишь переходнымъ періодомъ: оно вращалось въ крайностяхъ и взирало однимъ окомъ на прошедшее, называя его уже не „схоластикой", но „древностью", а другимъ глядѣло впередъ на грядущее. Оно служило подготовкою великому дѣлу реформаціи, ибо классическими ученіями образованная часть націи была привлечена къ наукѣ и свободѣ духа. Но этимъ и ограничивалась заслуга его. Оно стремилось лишь къ достиженію и распространенію ученаго образованія; и не выполнивъ даже этого, такъ что уже только Меланхтонъ въ состояніи былъ дать ученымъ школамъ твердую организацію, оно тѣмъ еще менѣе могло содѣйствовать всеобщему воспитанію народа. Начатки народнаго обученія были попытками единичныхъ развѣ лицъ, въ родѣ Гергарда Цютфенскаго и т. п.; самими гуманистами ничего не было сдѣлано для народнаго воспитанія, родной языкъ также не былъ еще введенъ ими въ свои права, а это вѣдь необходимое условіе, когда дѣло касается народнаго образованія. Притомъ же, помимо національнаго элемента не доставало еще другого условія истинно всеобщаго, народнаго образованія. Христіанство совсѣмъ исчезло изъ школъ. Аристотель заступилъ мѣсто І. Христа. Вѣдь заявлялъ же въ учебные годы Меланхтона одинъ изъ лиценціатовъ въ Тюбингенѣ, что изъ этики Аристотеля можно вполнѣ возстановить подлинное содержаніе книгъ Ветхаго

и Новаго Завѣта, если бъ даже эти книги совсѣмъ затерялись. А епископъ Іоаннъ VI Заальгаузенскій въ 1504-мъ г. настоятельно приказывалъ ректорамъ и ихъ помощникамъ, чтобы они въ школахъ своихъ не поясняли книгъ Св. Писанія, а занялись бы изученіемъ свободныхъ искусствъ. Ни городскія школы, ни университеты, ни гуманисты не были въ состояніи содѣйствовать возрожденію школьной системы вообще. Школа пала вмѣстѣ съ церковью, а церковь съ школою. И та и другая могли возродиться вновь лишь въ связи другъ съ другомъ, и это возрожденіе могло совершиться только въ народномъ элементѣ. Лютеръ началъ его своею реформаціей и своимъ переводомъ библіи, сдѣлавшимся въ связи съ Лютеровымъ катехизисомъ руководствомъ и учебникомъ народной школы,—основанной на библіи и на апостольскомъ сознаніи, что задача христіанской педагогики для обоихъ половъ, для всѣхъ сословій и временъ одна и та же.—Такому развитію помимо классической древности, пріучившей духъ постигать замкнутый міръ объективно и въ то же время внутренно, содѣйствовала мистика, стремившаяся къ единенію субъекта съ Богомъ во всеобъемлющей любви. Тому же содѣйствовало примѣненіе огнестрѣльнаго пороха къ войнѣ, устранившее воинственную грубость. Тому содѣйствовало книгопечатанье, поднявшее ученое мірское сословіе, включивъ между учеными и неучами классъ образованныхъ и возбудивъ сознаніе, что единичная личность не имѣетъ болѣе значенія въ замкнутости какого нибудь прирожденнаго или принятаго ею сословія, но что оно должно проявиться и осуществиться само собою. Тому главнѣйше содѣйствовало первое знаменіе побѣды новаго, опирающагося самого на себя духа, открытіе Новаго Свѣта. Тогда тотъ же духъ самоувѣренности и самодѣятельности могъ въ Лютерѣ и черезъ него сокрушить религіозное невѣжество и вмѣстѣ съ тѣмъ предуказать также воспитанію его настоящую и истинную цѣль.—

Итакъ, дореформаціонное воспитаніе не достигло еще самой цѣли, поставленной ей христіанскою исторіею. Какъ исторія отъ Христа и до реформаціи въ общемъ и обширномъ смыслѣ имѣла и занималась задачею, при посредствѣ строгой церковной дисциплины пріучить выступившіе на ея поприщѣ романскіе и германскіе народы къ нравственности христіанскаго міра и укрѣпить ихъ умъ многообразными духовными упражненіями, а сверхъ того подрѣзать дикіе, заглушающіе духовную жизнь побѣги, дабы тѣ народы свободно и разумно могли исполнить подвиги зрѣлаго возраста въ исторіи человѣчества: такъ точно и историческое значеніе воспитанія дореформаціонной эпохи заключается въ опытахъ, какіе производятся имъ и которыми

оно съ одной стороны указываетъ грядущему, какъ не слѣдуетъ поступать, а съ другой въ то же время — намѣчаетъ пути, по какимъ идти къ цѣли воспитанія. Дитя своей эпохи и ослѣпленное, подобно ей призрачнымъ блескомъ духовенства, оно не было въ состояніи обрѣсть ни дѣйствительнаго человѣка, ни міръ дѣйствительности. Оно признало человѣка гражданиномъ сверхчувственнаго, а не реальнаго міра явленій. Оно еще не вѣдаетъ природы въ человѣкѣ, ни человѣка въ природѣ: оно лишено поэтому вникновенія въ природу человѣческаго бытія и развитія, всего плотскаго и живого человѣка, такъ же какъ и цѣлой половины образовательныхъ средствъ для человѣческаго духа,—природы и ея науки, естествознанія. Но оно все-таки установило многія истинныя начала и основы, служащія для воспитанія всѣхъ будущихъ временъ. Въ теченіе своего развитія оно создало всѣ тѣ учрежденія, въ которыхъ люди подвигаются къ цѣли образованія: приходскія и латинскія школы, университеты. Оно включило въ воспитаніе существенные предметы преподаванія и извѣдало значеніе ихъ на опытѣ: религію, древне-классическіе и частью также (въ рыцарскомъ сословіи) новѣйшіе языки. Хотя оно сначала имѣло въ виду одно лишь духовенство, а потомъ рыцарство, такъ что было воспитаніемъ къ частной цѣли, но въ концѣ концовъ оно все-таки пришло въ единственному истинному субъекту воспитанія, къ человѣку. Дореформаціонное воспитаніе, какъ и вся та эпоха вообще, исполнило свою задачу, проведя Романовъ и Германцевъ чрезъ ученическіе и странническіе годы и сдѣлавъ ихъ способными съ самосознательною свободою устремиться къ цѣли гуманности.